СТИВЕН

СИЯНИЕ

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

СИЯНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE SHINING

Перевод с английского И.Л. Моничева

Компьютерный дизайн В.И. Лебедевой

Печатается с разрешения издательства Doubleday,
an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Сияние : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. И.Л. Моничева.] — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 543, [1] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-080493-1

...Проходят годы, десятилетия, но потрясающая история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

Культовый роман Стивена Кинга — в новом переводе!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1977
© Перевод. И.Л. Моничев, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Джо Хиллу Кингу, чье сияние неугасимо

Редактором этой моей книги, как и двух предыдущих, был мистер Уильям Дж. Томпсон — человек остроумный и здравомыслящий. В создание этого романа он внес немалый вклад, за что я ему признателен.

С.К.

Некоторые из лучших курортных отелей мира расположены в горах штата Колорадо, но гостиница, описанная на этих страницах, не имеет с ними ничего общего. Отель «Оверлук», как и связанные с ним персонажи, существует исключительно в воображении автора.

В этой же зале стояли... огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а... часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупою тревогою, и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут... раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием.

При всем том праздник казался веселым и великолепным...

*Э.А. По. Маска красной смерти**

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Солнце насильно сиять не заставишь.

Народная мудрость

---

* Перевод М.А. Энгельгардта.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как мне представляется, в творчестве любого писателя — обычно на достаточно раннем этапе — возникает «роман-перепутье», когда автору предоставляется выбор: либо продолжать делать то, что он уже с успехом делал прежде, либо попытаться поставить перед собой чуть более высокую цель. Но только оглянувшись назад через многие годы, начинаешь понимать, насколько важно было для тебя принять тогда верное решение. Ведь порой подобный момент случается в твоей карьере всего лишь однажды. Для меня такой книгой стал роман «Сияние», в котором я решил поднять свою планку на новую высоту. Я даже помню конкретное место в тексте, поставившее меня перед нелегкой альтернативой: это случилось, когда я описывал, как Джек Торранс, исполненный противоречий главный отрицательный персонаж «Сияния», вспоминает о своем отце — грубом пьянице, который вершил над сыном духовное, физическое и эмоциональное насилие... Иными словами, уродовал его личность всеми возможными способами.

С одной стороны, я мог описать жестокость отца Джека и этим ограничиться. Само собой, думал я, читатель легко увидит связь между отношениями Джека со своим отцом в прошлом и собственным отношением к своему сыну Дэнни, мальчику-экстрасенсу, который, разумеется, является центральной фигурой романа.

Но в то же время что-то подталкивало меня пойти глубже — признать, что Джек все-таки любил отца, вопреки (а может быть, как раз *благодаря*) его непредсказуемой и жестокой натуре. И я прислушался к своему внутреннему голосу, что прин-

ципиально изменило в романе очень многое. Вместо героя, постепенно превращавшегося из сравнительно приличного человека в несколько плоскую фигуру злодея, которого сверхъестественные силы толкают на убийство жены и сына, Джек Торранс приобрел более реальные (а значит, и существенно более страшные) черты. Как мне показалось, убийца с чисто мистическими мотивами для преступлений перестает быть пугающим, стоит только читателю преодолеть поверхностный страх, в который его может повергнуть любая мало-мальски стоящая история о привидениях. А вот убийца, движимый пережитым в детстве насилием над собой *наряду* с призрачными силами... О, вот это может по-настоящему задеть за живое. Более того, такой поворот сюжета позволял мне окончательно размыть грань между областями сверхъестественного и экстрасенсорного, заставить читателя сопереживать и желать: «Я надеюсь, это только сон», — то есть превратить просто страшное в поистине ужасающее. Во время моей единственной встречи с ныне покойным Стенли Кубриком, примерно за шесть месяцев до того, как он начал работать над своей киноверсией «Сияния», я понял, что именно эта грань рассказанной мной истории главным образом привлекла его внимание. Что именно заставляет Джека Торранса совершать преступления в номерах и коридорах отеля «Оверлук», отрезанных от всего мира снежными заносами? Призраки не умерших окончательно людей — или же не умирающие в нем до конца воспоминания? Мистер Кубрик и я пришли к разным выводам по этому поводу (я *всегда* считал, что это злые привидения «Оверлука» подводят Джека к краю пропасти), хотя вполне возможно, что наши выводы в чем-то были близки. Разве воспоминания — не единственно реальные призраки в наших жизнях? Разве не заставляют они нас порой произносить слова и совершать поступки, о которых потом приходится сожалеть?

Принятое мной решение постараться изобразить отца Джека человеком из плоти и крови, которого неприкаянный сын не только ненавидел, но и любил, впоследствии помогло мне пройти долгий путь к моим нынешним взглядам на жанр, так легко и пренебрежительно именуемый «ужастиком». Я убежден в необходимости подобных историй, потому что мы подчас

нуждаемся в создании вымышленных чудовищ и монстров в качестве суррогатов-заменителей всего, чего мы так боимся в наших реальных жизнях: отца, который не целует свое дитя, а бьет; автокатастрофы, способной унести жизнь близкого человека; рака, незаметно поселяющегося в наших телах. И если бы все эти ужасные вещи были следствием воздействия неких сил тьмы, то, как мне кажется, нам было бы даже легче смириться с ними. Но они не остаются во мраке, а обладают собственным своеобразным жутким блеском, и ничто не блещет ярче, чем акты насилия и жестокости, которые мы порой совершаем в собственных семьях. Всмотреться в этот варварский блеск — подчас значит ослепнуть, и потому мы создаем для себя защитные фильтры. Фильмы и романы ужасов, как и страшные сказки, — это именно такие фильтры. Мужчины и женщины, которые настаивают, что привидений не существует, всего-навсего не умеют прислушиваться к смутным шепотам в своей душе, и как же они жестоки! Ведь даже самый злонамеренный призрак — существо очень одинокое, брошенное во тьме, отчаянно желающее быть услышанным.

Но разумеется, ничего подобного не приходило мне в голову в осознанной или хотя бы полуосознанной форме, когда я писал «Сияние», сидя в своем маленьком кабинете с видом на Флатироны; мне нужно было создать роман и выполнять ежедневную норму в 3000 слов (сейчас, на шестом десятке, я радуюсь, если удается выдать 1800). Тогда я увидел лишь появившийся у меня выбор: сделать из отца маленького Дэнни в чистом виде плохого парня (что мне удалось бы с закрытыми глазами) или же попытаться создать характер более сложный и неоднозначный — такие еще называют более реалистичными.

И, признаться, не будь я к тому времени до некоторой степени финансово обеспечен, одно только это могло склонить меня к более легкому варианту. Однако мои первые две книги — «Кэрри» и «Жребий Салема» — имели успех, и мы, семейство Кингов, чувствовали себя в этом смысле уверенно. Вот почему мне не захотелось пойти по пути наименьшего сопротивления, когда я чувствовал, что могу поднять роман на значительно более высокий уровень эмоционального накала,

сделав из Джека Торранса живого человека, а не двухмерного «злодея из "Оверлука"».

Результат получился далеким от идеала, и местами в тексте «Сияния» сквозит нахальная авторская самонадеянность, которую я начал замечать лишь многие годы спустя. Но все же я очень люблю эту книгу и ценю ее за то, что именно она поставила меня перед столь важным выбором: остаться на уровне не слишком правдоподобных ужасов «комнаты страха», что есть в любом развлекательном парке, или ступить на гораздо более скользкую тропу, где между строк фантазии порой проглядывает опасная истина. По крайней мере так происходит в наиболее удачных произведениях жанра. И истина эта заключается в том, что монстры и призраки действительно существуют. Они обитают внутри нас, и порой именно они одерживают верх.

А тот факт, что иной раз — точнее, очень часто! — вопреки всем препятствиям в нас побеждают не они, а наши добрые ангелы, можно считать еще одной жизненной истиной в романе «Сияние». И слава Богу, что так происходит на самом деле.

Стивен Кинг
Нью-Йорк, 8 февраля 2001 г.

Часть первая
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1
СОБЕСЕДОВАНИЕ

Вот ведь надутый недомерок! — подумал Джек Торранс.

В Уллмане было пять футов пять дюймов роста, и двигался он с порывистой стремительностью, которая почти всегда свойственна низкорослым и пухлым мужчинам. Волосы на его голове разделял безукоризненный пробор, а темный костюм выглядел строгим, но удобным. *Я помогу вам решить любые проблемы*, заверял костюм состоятельных постояльцев. С подчиненными из обслуживающего персонала он говорил иначе: *Эй, ты! Работай на совесть, а не то...* Красная гвоздика в петлице, вероятно, торчала там для того, чтобы никто не спутал Стюарта Уллмана с владельцем местного похоронного бюро.

Слушая Уллмана, Джек вынужден был признаться себе, что в данных обстоятельствах ему бы не понравился ни один человек, кого ни посади по другую сторону стола.

Между тем Уллман задал ему вопрос, смысл которого он не успел уловить. Это плохо. Уллман явно был из тех, кто отмечает подобные промахи и заносит в свою мысленную картотеку, чтобы позже припомнить.

— Простите, о чем вы спросили?

— Я спросил, вполне ли ваша жена осознает, что вас здесь ожидает? И еще ваш сын. — Он бросил взгляд на лежавшую перед ним анкету. — Дэниел. Вашу супругу нисколько не смущает подобная перспектива?

— Уэнди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек расплылся в своей самой широкой улыбке, которую всегда пускал в ход, если хотел обаять собеседника.

— Да, нам бы хотелось так думать. Для пятилетнего мальчика он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана он не дождался. Тот лишь сунул заявление и анкету Джека обратно в папку. А папка перекочевала внутрь стола, поверхность которого теперь почти опустела, если не считать тетради для записей, телефона, лампы на шарнирной стойке и двух лотков, помеченных словами «Входящие» и «Исходящие». Причем оба тоже были пусты.

Уллман встал и подошел к стоявшему в углу шкафу для документов.

— Не могли бы вы обойти стол с моей стороны, мистер Торранс? Мы вместе посмотрим планировку этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и расстелил их на полированной ореховой столешнице. Джек встал с ним плечом к плечу и уловил резкий запах одеколона, исходивший от Уллмана:

Все мужчины моего склада пользуются либо «Инглиш лэзер», либо вообще ничем, почему-то подумал он, и ему пришлось чуть прикусить язык, чтобы сдержать невольный смешок. Сквозь стену доносился слабый шум кухни отеля «Оверлук», где шли приготовления к обеду.

— Верхний этаж, — пустился в энергичные объяснения Уллман. — Это чердак. Там нет абсолютно ничего, кроме старого хлама. Со времен Второй мировой войны «Оверлук» сменил нескольких владельцев, и такое впечатление, что каждый из управляющих сваливал туда всю ненужную ему рухлядь. Я хочу, чтобы там расставили крысоловки и разбросали отраву. Некоторые горничные с четвертого этажа жаловались на шуршание сверху. Я ни на секунду не допускаю такой мысли, но следует исключить малейшую вероятность, что в отеле «Оверлук» могла завестись хотя бы одна крыса.

Джеку, который подозревал, что в любой гостинице мира непременно обитает хотя бы пара-другая крыс, пришлось снова придержать язык.

— И разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны позволять своему сыну забираться на чердак.

— Само собой. — Джек сверкнул парадной улыбкой. Унизительная ситуация. Неужели этот напыщенный маленький хмырь считает, что он мог бы разрешить своему сыну дурачиться на чердаке среди ловушек для крыс, обломков старой мебели и бог знает чего еще?

Уллман убрал план чердачного этажа и сунул его в самый низ кипы листов.

— «Оверлук» располагает ста десятью помещениями для постояльцев, — продолжил он тоном лектора. — Тридцать из них, и все это — апартаменты, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять в западном крыле (включая президентский люкс), десять по центру здания и еще десять в левом крыле. Отовсюду открываются великолепные виды.

Неужели нельзя обойтись без рекламы?

Но Джек промолчал. Ему очень нужна была эта работа.

Уллман переложил план четвертого этажа вниз, и они изучили схему третьего.

— Сорок номеров, — сказал Уллман. — Тридцать двухместных и десять одноместных. На втором этаже у нас по двадцать номеров каждой из этих категорий. В придачу к этому на всех этажах имеются по три стенных шкафа для постельного белья, а две большие кладовки расположены в самом дальнем конце восточного крыла второго этажа и в западной оконечности первого. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Уллман мгновенно убрал планы третьего и второго этажей.

— Так. Теперь первый этаж. Начнем с вестибюля. Вот здесь, в центре, — стойка регистрации. Позади нее расположены служебные кабинеты. Холл простирается от стойки на восемьдесят футов в каждом направлении. Здесь, в западном крыле, находятся ресторан «Оверлук» и «Колорадо-холл». Банкетный и бальный зал — в противоположном, восточном крыле. Вопросы есть?

— Только относительно подвала, — сказал Джек. — Ведь для зимнего смотрителя это самый важный этаж. Его основное рабочее место, если можно так выразиться.

— Там вам все покажет Уотсон. План подвала висит на стене в котельной. — Уллман снова приосанился, сдвинул брови, вероятно, желая всем своим видом показать, что как управляющий не нисходит до таких прозаических деталей жизни отеля, как отопление, водопровод или канализация. — Кстати, неплохо было бы поставить несколько ловушек для крыс и внизу. Одну минуточку...

Он нацарапал несколько слов в блокнотике, который достал из внутреннего кармана пиджака (поверх каждой странички жирным шрифтом значилось: *От Стюарта Уллмана, главного управляющего*), вырвал записку и положил в лоток «Исходящие». Она легла на дно в тоскливом одиночестве. А блокнот снова исчез в кармане, словно знаменуя финал фокуса. Видишь, малыш Джеки, вот он был, а вот его нет. Ну и тип!

Затем они вернулись на исходные позиции. Уллман уселся за свой стол, а Джек пристроился напротив. Тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Кандидат в работники и несговорчивый начальник. Уллман сложил свои опрятные ручки поверх тетради и посмотрел на Джека в упор — миниатюрный лысеющий мужчина в костюме банкира, с неброским серым галстуком. Цветок в петлице уравновешивала приколотая к лацкану прямоугольная табличка. «СОТРУДНИК ОТЕЛЯ», — сообщали четкие золотые буковки.

— Буду с вами предельно откровенен, мистер Торранс. Альберт Шокли — влиятельный человек и один из совладельцев отеля «Оверлук», принесшего в этом сезоне прибыль впервые за всю свою историю. Мистер Шокли также заседает в нашем совете директоров, но ничего не смыслит в гостиничном бизнесе и сам готов первым признать это. Однако в том, что касается найма зимнего смотрителя, он высказал свое пожелание совершенно недвусмысленно. Он хочет, чтобы эту работу получили вы. И я выполню его пожелание. Но если бы в данном вопросе мне предоставили свободу выбора, я бы вас не взял.

Джек держал руки крепко сцепленными на коленях, потирая взмокшие от пота ладони. *Напыщенный маленький хмырь, напыщенный маленький хмырь, напыщенный...*

— Как мне показалось, мистер Торранс, я вам не слишком симпатичен. Но мне это безразлично. И уж конечно, те чувства,

которые я у вас вызываю, нисколько не влияют на мою уверенность, что вы не годитесь для этой работы. В разгар сезона, который продолжается с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» трудятся сто десять человек, то есть, можно сказать, по одному работнику на каждый номер отеля. И я не думаю, что нравлюсь многим из них, а кое-кто, как я подозреваю, считает меня в некотором роде сволочью. Это вполне справедливо. Мне действительно приходится быть до известной степени мерзавцем, чтобы управлять этим отелем так, как он того заслуживает.

Он посмотрел на Джека, ожидая ответной реплики, но Джек лишь вновь просиял своей фирменной улыбкой. Широкой и почти оскорбительно белозубой.

Уллман продолжал:

— «Оверлук» был построен в тысяча девятьсот седьмом — тысяча девятьсот девятом годах. Ближайший город, Сайдуайндер, расположен в сорока милях к востоку, и дороги к нему закрыты примерно с конца октября до начала апреля. Возвел отель человек по имени Роберт Таунли Уотсон — дед нашего нынешнего главного механика. Здесь останавливались Вандербильты, Рокфеллеры, Асторы и Дюпоны. Президентский люкс в свое время занимали четыре президента США. Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

— Ну, Гардингом и Никсоном я бы хвалиться не стал, — пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но продолжил:

— Для мистера Уотсона «Оверлук» оказался непосильным бременем, и в тысяча девятьсот пятнадцатом году он его продал. Отель снова сменил владельцев в тысяча девятьсот двадцать втором, двадцать девятом и тридцать шестом годах. Затем до окончания Второй мировой войны он стоял без дела, пока его не купил Хорас Дервент — миллионер, изобретатель, летчик, кинопродюсер и предприниматель. Он также провел полную реконструкцию.

— Имя мне знакомо, — заметил Джек.

— Еще бы! Все, к чему прикасался этот человек, казалось, тут же превращалось в золото... Но только не «Оверлук». Дервент превратил устаревшую развалюху в образцовое заведение,

вложив в отель миллион долларов еще до того, как порог переступил первый послевоенный постоялец. Именно Дервент распорядился устроить корт для роке, который, как я заметил, произвел на вас некоторое впечатление.

— Роке?

— Британская игра, предшественница крокета, мистер Торранс. Крокет — это всего лишь уродливая версия роке. Как гласит легенда, Дервента научил играть его секретарь по вопросам светского протокола, и Дервент очень полюбил роке. Вполне вероятно, что наш корт стал самым первым в Америке.

— Не сомневаюсь, — с угрюмым видом сказал Джек. Роке-корт, фигурно подстриженные живые изгороди в виде животных вдоль фасада. Что ему еще покажут? Как постояльцы играют в дядюшку Уигтли* за сараем для инвентаря? Мистер Стюарт Уллман уже успел до крайности надоесть ему, но он видел, что тот еще не закончил. Уллману предствился шанс поговорить, и он собирался высказать все до последнего слова.

— Когда убытки превысили три миллиона, Дервент продал «Оверлук» группе инвесторов из Калифорнии. Но и они потерпели здесь полный провал. Те люди тоже ничего не понимали в гостиничном деле. В тысяча девятьсот семидесятом году мистер Шокли совместно со своими деловыми партнерами приобрел отель и назначил меня управляющим. Признаюсь, на протяжении ряда лет наш баланс тоже оставался отрицательным, но, как я с большим удовлетворением могу подчеркнуть, это ничуть не поколебало полного доверия ко мне со стороны нынешних владельцев. И вот по итогам прошлого финансового года мы вышли на безубыточный уровень. А в нынешнем году бухгалтерия «Оверлука» зафиксировала прибыль, что произошло впервые почти за семь десятилетий.

Джек подумал, что этот болтливый коротышка имеет полное право гордиться собой, но потом на него вновь накатила первоначальная антипатия.

И он сказал:

---

* Герой американских рассказов для детей, написанных Говардом Р. Гэрисом (1873–1962). — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Простите, мистер Уллман, но я не вижу связи между, бесспорно, весьма колоритной историей отеля и вашим мнением, что я не гожусь для этой работы.

— Одна из причин убыточности «Оверлука» состоит в значительной амортизации основных фондов, которая происходит каждую зиму. Вы не поверите, мистер Торранс, насколько сильно это снижает шансы сделать окончательный баланс положительным. Зимы здесь фантастически суровые. Чтобы справиться с проблемой, я ввел в штатное расписание полноценную должность зимнего смотрителя, который управлял бы котельной и ежедневно прогревал различные помещения отеля на основе планомерной ротации. Он должен немедленно устранять повреждения, как только они возникнут, и проводить профилактические ремонтные работы, чтобы не позволить стихии нанести нам урон. Быть постоянно готовым к любым случайностям и непредвиденным обстоятельствам. И вот в первую же зиму я нанял целую семью, вместо того чтобы поручить это дело одинокому мужчине. И произошла трагедия. Ужасающая трагедия.

При этом Уллман вновь посмотрел на Джека холодным, оценивающим взглядом.

— Я совершил ошибку. И честно признаю это. Отец семейства оказался горьким пьяницей.

Джек почувствовал, как его губы медленно начинают кривиться в злой усмешке, являвшей собой полную противоположность белозубой улыбке на публику.

— Так вот оно что! Странно, что Эл ничего вам не сказал. Я больше не употребляю спиртное.

— Нет, мистер Шокли сообщил мне, что вы теперь не пьете. Но он также рассказал мне о вашей предыдущей работе... Скажем так, о последней ответственной должности, которую вы занимали. Вы преподавали английский язык и литературу в одной из школ Вермонта. И однажды полностью потеряли контроль над собой. Не думаю, что мне следует сейчас вдаваться в детали. Но при этом я считаю, что случай с Грейди послужил для нас слишком жестоким уроком, и именно по этой причине я позволил себе затронуть в нашем разговоре... э-э... эпизод из вашего прошлого. Зимой тысяча девятьсот семиде-

сятого — семьдесят первого годов, после того как завершилась реконструкция отеля, но до начала нашего первого сезона, я нанял этого несчастного... Этого злополучного человека по имени Делберт Грейди. Он поселился в помещении, куда предстоит въехать вам с супругой и сыном. У него тоже была семья — жена и две дочурки. Я испытывал определенные опасения, связанные в основном с суровостью здешних зим и тем фактом, что семье Грейди предстояло оказаться отрезанной от внешнего мира на пять или даже шесть месяцев.

— Но ведь на самом деле все не так уж страшно, не правда ли? Здесь есть телефоны и, вероятно, рация. К тому же национальный парк «Скалистые горы» находится в пределах досягаемости вертолета, а у них наверняка найдется хотя бы пара «вертушек».

— Об этом мне ничего не известно, — сказал Уллман. — Но в отеле действительно есть радиостанция для двусторонней связи. Мистер Уотсон покажет вам, как ею пользоваться, и даст список необходимых частот для вызова помощи, если она вам понадобится. Телефонная линия до Сайдуайндера по старинке проложена над землей, и почти каждую зиму происходит обрыв, на устранение которого обычно требуется от трех недель до полутора месяцев. Добавлю, что в сарае для инструментов стоит снегоход.

— Видите, значит, это место нельзя считать полностью отрезанным от цивилизации.

Лицо Уллмана исказила болезненная гримаса.

— Предположим, ваш сын или жена упадут с лестницы и проломят себе череп. Для вас и тогда это место покажется не полностью отрезанным от цивилизации, а, мистер Торранс?

Джек понял, что он имел в виду. Снегоход, если гнать его во весь опор, достигнет Сайдуайндера часа за полтора... В лучшем случае. Вертолет спасательной службы национального парка окажется здесь часа через три. Но это при оптимальных погодных условиях. В пургу вертолет не оторвется от земли, а снегоход не разгонится, даже если вы осмелитесь перевозить тяжелораненого человека при температуре минус двадцать пять градусов — или, учитывая ветер, все минус сорок пять*.

* Минус 31,7 и минус 42,8 °С соответственно.

— В случае с Грейди, — продолжил Уллман, — я рассуждал примерно так же, как мистер Шокли по вашему поводу. Одиночество тяжело переносить само по себе. Гораздо лучше, чтобы рядом с мужчиной находились члены его семьи. Если возникнет проблема, прикидывал я, то скорее всего не столь серьезная, как проломленный череп, несчастный случай при использовании электрического инструмента или приступ падучей. Даже при тяжелом гриппе, пневмонии, при переломе руки или аппендиците времени, чтобы вызвать подмогу, будет достаточно.

Как я подозреваю, подлинными причинами трагедии стал перебор с дешевым виски, огромный запас которого втайне от меня завез сюда Грейди, и редкое заболевание, называющееся «синдромом отшельника», а в просторечии именуемое «лихоманкой лесной хижины». Вам знакомы эти термины?

Уллман уже заготовил снисходительную усмешку, готовый дать разъяснения, как только Джек признает свое невежество в подобных вопросах, а потому тот был счастлив предоставить быстрый и точный ответ:

— Да, так именуется одно из проявлений клаустрофобии, когда человек или небольшая группа людей оказывается отрезанной от внешнего мира в течение длительного периода времени. Первым внешним признаком заболевания обычно становится развитие антипатии к людям, вместе с которыми больной находится в изоляции. В острой форме появляются галлюцинации и склонность к насилию. Известны случаи, когда происходили убийства по таким ничтожным поводам, как пережаренное мясо или спор о том, чья очередь мыть посуду.

При виде удивления и смущения на лице Уллмана Джек почувствовал себя намного лучше. Он решил надавить на больное место, но тут же дал мысленное обещание Уэнди не перегибать палку.

— Вы и в самом деле допустили грубейший промах. Он что же, начал избивать своих домочадцев?

— Он их убил, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих маленьких дочек он зарубил кухонным топором, жену застрелил из ружья и сам застрелился из него же. При этом у

него оказалась сломана нога. Несомненно, он допился до того, что упал с лестницы.

Уллман развел руки в стороны и посмотрел на Джека с самодовольным видом.

— У него было хотя бы среднее образование?

— Нет, не было, если уж на то пошло, — ответил Уллман с некоторой настороженностью. — Но я рассудил, что человек, не наделенный, скажем так, слишком богатым воображением, будет менее подвержен отчаянию и подавленности, вызванным одиночеством...

— Вот тут и коренилась ваша ошибка, — сказал Джек. — Наоборот, умственно ограниченная личность более подвержена «синдрому отшельника», точно так же, как более склонна открывать стрельбу за карточной игрой или совершать вооруженные ограбления под воздействием необдуманного, импульсивного решения. Таким людям быстро становится скучно. В снежном плену нечем себя занять, кроме как пялиться в телевизор или раскладывать пасьянсы, жульничая, чтобы они сходились. Остается только собачиться с женой, шпынять детей и выпивать. Трудно спать без привычного городского шума. И приходится напиваться до бессознательного состояния, чтобы наутро проснуться с тяжелым похмельем. Человек становится раздражительным. А потом, вероятно, обрывается телефонная связь, ломается телевизионная антенна, и он остается наедине с тяжелыми мыслями, подтасованными пасьянсами и все нарастающей злобой в душе. Она все растет и растет. И наконец — бах, бах, бах!

— А чем же отличается более образованный мужчина? Вы сами, например?

— Мы с женой оба любим читать. А я еще и работаю над пьесой, о чем, возможно, упомянул Эл Шокли. У Дэнни есть головоломки, книжки-раскраски и детекторный радиоприемник. Я планирую научить его читать и показать, как ходить на снегоступах. Уэнди это тоже понравится. Не сомневайтесь, мы найдем чем развлечься и не вцепимся друг другу в волосы, даже если останемся без телепередач. — Джек немного помолчал. — И Эл не покривил душой, когда сказал, что я больше не пью. Когда-то я этим действительно увлекался и чуть не перегнул

палку. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и кружки пива. Я не собираюсь привозить сюда алкоголь, а когда выпадет снег, у меня не будет такой возможности.

— В этом вы совершенно правы, — кивнул Уллман. — Но поскольку вас здесь будет трое, вероятность потенциальных проблем пропорционально возрастает. Я говорил об этом мистеру Шокли, но он заверил, что берет всю ответственность на себя. А после разговора с вами я вижу, что вы тоже готовы отвечать за себя и...

— Полностью готов.

— Хорошо. Мне придется с этим смириться, поскольку выбора нет. Но я все равно предпочел бы видеть на вашем месте не обремененного семьей студента колледжа в академическом отпуске. Хотя, возможно, вы и справитесь. Теперь же я передам вас в руки мистера Уотсона, который покажет вам планировку подвала и устроит небольшую экскурсию. Если только у вас не осталось ко мне никаких вопросов.

— Вопросов больше нет.

Уллман поднялся.

— Надеюсь, вы не затаили в душе обиду, мистер Торранс. Поверьте, в моих словах нет ничего личного. Для меня превыше всего интересы «Оверлука». Это великолепный отель. И я лишь хочу, чтобы он таким и оставался.

— Что вы! Никаких обид. — Джек снова включил парадную улыбку, но обрадовался, когда Уллман не протянул ему руку для прощального пожатия. На самом деле обида осталась. И даже больше, чем просто обида.

Глава 2
БОУЛДЕР

Она выглянула в окно кухни и увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не играя ни с грузовичками, ни с тележкой, ни даже с моделью планера из бальзового дерева, которой так радовался, когда на прошлой неделе Джек принес ее домой. Он сидел, прижав локти к бедрам и подперев руками подборо-

док, и высматривал, не появится ли их заезженный в хвост и в гриву «фольксваген». Пятилетний мальчик, ждущий своего папочку.

Уэнди внезапно почувствовала себя плохо, просто ужасно.

Она повесила кухонное полотенце на перекладину рядом с раковиной и спустилась вниз, на ходу застегивая две верхние пуговицы своего домашнего платьица. Ох уж этот Джек и его гордость! *Нет, Эл, не нужен мне никакой аванс. Я пока могу обойтись.* Стены коридора были сплошь исписаны фломастерами, восковыми карандашами и краской из баллончиков. Ступеньки лестницы — крутые и выщербленные. Все здание от ветхости провоняло какой-то кислятиной. Разве это подходящее место для Дэнни после их небольшого, но такого уютного кирпичного дома в Стовингтоне? Люди, жившие этажом выше, не состояли в браке, но если это ее мало беспокоило, то их бесконечные и бурные ссоры крепко действовали на нервы. И пугали. Парня звали Том. В конце рабочей недели, когда закрывались все бары, они являлись домой, и тут начинались настоящие побоища. В сравнении с этим ссоры в другие дни казались всего лишь легкой прелюдией. «Петушиные бои по пятницам» — так выражался Джек, но смеяться над шуткой вовсе не хотелось. Под конец женщина по имени Элейн неизменно разражалась рыданиями и все повторяла: «Том, не надо. Пожалуйста, не надо, Том. Ну пожалуйста...» А он продолжал орать на нее. Однажды они даже умудрились разбудить Дэнни, а ведь Дэнни всегда спал как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил из подъезда, и долго с ним о чем-то разговаривал. Том начал бушевать, и тогда Джек сказал ему что-то еще, очень тихо, чтобы Уэнди не расслышала, а Том угрюмо кивнул и ушел. Было это неделю назад, и несколько дней прошли спокойно, но с пятницы события вновь вернулись в привычную, естественную... то есть, конечно же, неестественную колею. А для маленького мальчика это очень плохо.

На нее снова накатила тоска, но она уже вышла на тротуар и потому поспешила избавиться от этого чувства. Подобрав подол платья, Уэнди уселась рядом с сыном и спросила:

— Как тут дела, док?

Он улыбнулся в ответ, но довольно натянуто.

— Привет, мам.

Модель планера он держал между обутыми в кроссовки ногами, и она заметила, что в одном из крыльев наметилась трещина.

— Хочешь, я посмотрю, смогу ли починить его, милый?

Но взгляд Дэнни уже опять был устремлен в дальний конец улицы.

— Нет, папа его починит.

— Но папа может не вернуться до самого ужина, док. До гор путь неблизкий.

— Ты думаешь, «жук» сломается?

— Нет, я так не думаю, — ответила она, хотя на самом деле сын только что дал ей еще один повод для беспокойства. *Спасибо, Дэнни. Только этого мне и не хватало.*

— Папа говорил, что он может, — продолжал Дэнни без тени волнения, почти скучающим тоном. — Бензонасос, сказал он, превратился в полное дерьмо.

— Не произноси таких слов, Дэнни!

— Каких слов? Бензонасос? — спросил мальчик с искренним удивлением.

— Нет. Превратился в дерьмо. Не надо так говорить.

— Почему?

— Потому что это вульгарно.

— А что такое вульгарно, мам?

— Вульгарно ковырять в носу за столом и пи́сать, не закрыв за собой дверь туалета. А еще говорить «дерьмо». Это вульгарное слово. Хорошие люди его не употребляют.

— Но папа же употребил. Когда осматривал мотор «жука», сказал: «Господи! Этот бензонасос так износился, что превратился в полное дерьмо». Разве папа — нехороший человек?

Ну и как ему объяснять такое, Уиннифред? Репетировать речь заранее?

— Конечно, хороший, но ведь он взрослый. И потому умеет быть осторожным и не говорит таких слов людям, которые могут неправильно его понять.

— Вроде дяди Эла?

— Да, вроде него.

— А я смогу так говорить, когда вырасту?
— Наверное, сможешь, нравится мне это или нет.
— Во сколько лет?
— Как насчет двадцати, док?
— Больно долго ждать.
— Да, долго, но ведь ты постараешься?
— Ладно.

И он вернулся к наблюдению за улицей. Чуть напрягся, словно собрался вставать, но проехавший мимо «жук» оказался гораздо новее и более яркого красного цвета. Он снова расслабился. А она задумалась, тяжело ли Дэнни дался переезд в Колорадо. Сам он ничего об этом не говорил, но она беспокоилась, замечая, как много времени он проводит теперь в одиночестве. В Вермонте у троих коллег Джека были дети примерно одного с Дэнни возраста (не говоря уже о детском саде), но в этом квартале играть ему было совершенно не с кем. Большинство квартир занимали студенты Университета штата Колорадо, а из семейных пар, обитавших на Арапахо-стрит, лишь немногие имели детей. До сих пор она заметила дюжину старшеклассников или школьников помладше, троих младенцев — и все.

— Мамочка, а почему папа потерял работу?

Ее словно толчком вывели из задумчивости и заставили мысленно барахтаться в поисках ответа. Они с Джеком обсуждали, как им быть, если Дэнни однажды задаст именно этот вопрос, и вероятные объяснения варьировали от уклончивых до совершенно правдивых, без прикрас. Но Дэнни ни о чем не спрашивал. До нынешнего момента, когда она испытывала упадок сил и оказалась менее всего готовой к вопросу. А он смотрел на нее, видел, вероятно, растерянность на ее лице и приходил к каким-то своим собственным выводам по этому поводу. Она подумала, что детям мотивы и поступки взрослых должны казаться такими же огромными и угрожающими, как опасные дикие звери, которые мерещатся им в тени лесной чащи. Детей дергали в разные стороны, как марионеток на веревочках, а они понятия не имели, зачем с ними так поступают. От этой мысли она опять чуть не заплакала и, борясь со слезами, склонилась вперед, взяла подраненный планер и принялась вертеть его в руках.

— Твой папа готовил школьную команду к соревнованиям по искусству полемики. Помнишь?

— Конечно, — ответил он. — К спорам смеха ради, так это у него называлось.

— Верно. — Она покрутила планер в руках, прочла название («Спидоглайд»), рассмотрела переводные картинки в виде синих звезд на крыльях и вдруг поняла, что рассказывает сыну чистую правду. — И был один мальчик по имени Джордж Хэтфилд, которого папе пришлось убрать из команды. Просто он оказался не так хорош, как другие. Но Джордж заявил, что папа отчислил его потому, что невзлюбил, а не потому, что посчитал недостаточно подготовленным. А потом Джордж совершил очень плохой поступок. Думаю, ты слышал об этом.

— Это он наделал дырок в шинах нашего «жука»?

— Да, он. Все произошло после уроков, и твой папа застал его за этим занятием.

Ею вдруг овладели сомнения, но пути назад были отрезаны. Оставалось либо сказать всю правду, либо солгать.

— Твой папа... Понимаешь, иногда он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть. Иногда его разум работает не так, как следовало. Такое случается не очень часто, но все же бывает.

— Он сделал Джорджу Хэтфилду так же больно, как мне, когда я раскидал все его бумаги?

Иногда...

(Дэнни и его рука в гипсе)

...он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть.

Уэнди резко сморгнула, чтобы загнать подступившие слезы подальше внутрь.

— Да, примерно так же, милый. Твой папа ударил Джорджа, чтобы тот прекратил резать колеса, а Джордж стукнулся при этом головой. А потом люди, которые управляют школой, решили, что Джордж не сможет ее больше посещать, а твой папа не должен больше там преподавать.

Она замолчала, не находя нужных слов и в страхе ожидая череду других вопросов.

— Вот как... — сказал Дэнни и снова уставился на улицу. Очевидно, тема была исчерпана. Жаль, она не могла быть с такой же легкостью исчерпана для самой Уэнди...

Она поднялась на ноги.

— Пойду наверх и выпью чашку чая, док. Не хочешь печенья со стаканом молока?

— Нет. Я лучше дождусь здесь папу.

— Не думаю, что он вернется домой до пяти.

— А вдруг он приедет пораньше?

— Возможно, — согласилась она. — Быть может, и приедет.

Она уже почти дошла до входной двери, когда он окликнул:

— Мамочка!

— Что такое, Дэнни?

— Ты действительно хочешь поехать жить в том отеле на всю зиму?

Вот те раз! И какой из пяти тысяч возможных ответов ей следует сейчас дать? Тот, что пришел на ум вчера вечером, или этой ночью, или уже утром? Все они были разные, и их смысловые оттенки менялись от ярко-розового до беспросветно-черного.

Она сказала:

— Если этого хочет твой отец, то хочу и я.

Потом помедлила.

— А ты сам?

— Наверное, хочу, — ответил он после паузы. — Здесь и поиграть-то особенно не с кем.

— Скучаешь по приятелям, да?

— Иногда скучаю по Скотту и Энди. Вот и все.

Она вернулась, поцеловала его и потрепала по голове, по светлым волосам, только начавшим терять младенческую нежную пушистость. Ее сын был настолько серьезным для своих лет мальчиком, что ей иногда становилось страшно, каково ему будет жить с такими родителями, как она сама и Джек. Большие ожидания, с которых они начинали, свелись к этому неопрятному многоквартирному дому в совершенно незнакомом месте. Перед ней снова возник образ Дэнни в гипсе. Кто-то в Небесной службе распределения совершил ошибку, кото-

рую, как она иногда опасалась, уже никогда не удастся исправить, а расплачиваться придется самому невинному участнику этой истории.

— Только не выходи на проезжую часть, — сказала она и еще раз обняла его.

— Конечно, мам.

Она поднялась наверх и прошла в кухню. Поставила чайник и положила на тарелку два круглых печенья, на случай если Дэнни надумает прийти домой, а она уже ляжет. Устроившись за столом со своей большой керамической кружкой, она снова посмотрела в окно: он сидел на том же месте, в джинсах и слишком большом для него темно-зеленом форменном свитере Стовингтонской подготовительной школы. Планер лежал рядом на тротуаре. Слезы, угрожавшие пролиться с самого утра, теперь хлынули ручьем, и она плакала, низко склонившись над ароматным паром, клубившимся из кружки. Она рыдала, оплакивая горести и утраты прошлого, в страхе перед будущим.

Глава 3
УОТСОН

«Вы потеряли контроль над собой», — сказал Уллман.

— Так. Вот топка. — Уотсон включил свет в мрачном и затхлом помещении. Это был упитанный мужчина с пышной шевелюрой цвета поп-корна, в белой рубашке и легких темно-зеленых брюках. Он распахнул небольшую квадратную заслонку в корпусе топки, и они с Джеком вместе заглянули туда.

— Это контрольная горелка.

Сине-белая шипящая струйка пламени устремлялась вверх с ровной разрушительной силой, и, подумалось Джеку, ключевое слово здесь *разрушительная*, а не *ровная*: сунь туда ладонь — и тут же запахнет паленым мясом.

Потерял контроль над собой.

(Дэнни, с тобой все хорошо?)

Топка занимала почти всю комнату и была, несомненно, самой большой и старой из всех, что Джек когда-либо видел.

— Горелка оборудована предохранителем, — сообщил Уотсон. — Там установлен маленький приборчик, который измеряет температуру. Если она упадет ниже нужного уровня, в твоей квартире заорет зуммер. Бойлер расположен по ту сторону стены. Я тебе его сейчас покажу.

Он захлопнул заслонку и повел Джека вокруг громады топки к другой двери. Металл дышал одуряющим жаром, и почему-то Джеку это зрелище напомнило огромную спящую кошку.

Потерял контроль...

(Когда он вернулся в свой кабинет и увидел там улыбающегося Дэнни в одних спортивных трусах, багровое облако ярости медленно затуманило Джеку рассудок. Впрочем, медленным это показалось только ему самому, а на самом деле все произошло менее чем за минуту. Это была иллюзия замедленности, как нам представляются замедленными некоторые наши сны. Дурные сны. За время его отсутствия каждая полка и каждый ящик в кабинете подверглись разорению. Шкафы, бюро, книжные стеллажи. Все выдвижные ящики письменного стола были выдернуты наружу. Листы его рукописи — пьесы в трех действиях, над которой он кропотливо трудился, переделывая новеллу, написанную семь лет назад, еще студентом — были беспорядочно разметаны по полу. Он как раз пил пиво, внося поправки во второй акт, когда Уэнди позвала его к телефону, и Дэнни успел разлить пиво из банки по страницам пьесы. Вероятно, чтобы посмотреть, будет ли оно пениться. *Будет ли пениться, будет ли пениться* — эти слова звучали у него в голове снова и снова, подобно однообразному тошнотворному аккорду на расстроенном пианино, замыкая гневную цепь в мозгу. Он решительно шагнул к своему трехлетнему тогда сыну, смотревшему на него снизу вверх с широкой улыбкой, явно получившему удовольствие от успешно проделанной в отцовском кабинете «работы». Дэнни пытался что-то ему сказать, но именно в тот момент он схватил его за руку и выгнул ее, чтобы заставить выронить «Штрих» для пишущей машинки и автоматический карандаш, которые сын все еще сжимал в кулачке. Дэнни чуть слышно вскрикнул... *Нет... Нет... Говори правду.* Он громко закричал. Джек плохо помнил подробности — облако злости, мерзкий звук, напомнивший ему пародии

Спайка Джонса... Откуда-то доносился голос Уэнди, спрашивавшей, что случилось. Ее заглушал внутренний туман. Да и при чем здесь она? Дело касалось только их двоих. Он резко развернул Дэнни, чтобы отшлепать, и сильные мужские пальцы сдавили тощее предплечье малыша. Треск сломавшейся кости был не громким, вовсе не громким, а *очень* громким — ОГЛУШАЮЩИМ, но не громким. Этого звука оказалось вполне достаточно, чтобы стрелой пронзить всепоглощающий красный туман. Но вместо того чтобы принести с собой свет, звук впустил в сознание новые черные облака стыда и сожаления, страха и мук совести конвульсивно агонизирующей души. Это был чистейший звук, оставивший прошлое по одну сторону, а будущее — по другую. Такой же звук издает сломавшийся грифель карандаша или хворост, который для растопки переламываешь через колено. И полная тишина по другую сторону, похожая на дань уважения к наступившей новой жизни, которая продлится теперь до конца дней. Он видит, как от лица Дэнни отливает кровь, делая его похожим на сыр, видит глаза сына: всегда такие большие, они становятся еще крупнее, но взгляд их стекленеет. И Джеку уже представляется, как Дэнни падает без чувств на ворох пропитанных пивом листов бумаги; он слышит собственный голос — слабый, пьяный, нечленораздельный, абсурдная попытка повернуть все вспять, чтобы никакого звука, никакого громкого треска сломанной кости не было и в помине (должен же в доме быть порядок, в конце-то концов?). «Дэнни, с тобой все хорошо?» И вопль боли в ответ, а потом испуганные причитания Уэнди, когда она вошла и сразу увидела, под каким неестественным углом выгнуто предплечье сына; рука никак не могла так изломанно свисать в том мире, где живут нормальные семьи. Ее собственный крик, когда она обняла Дэнни, бормоча бессмыслицу: «О Боже о Боже милостивый о Господи твоя ручка твоя бедненькая ручка»; и Джек, стоявший рядом, растерянный и поглупевший, бессильный постичь, как что-то подобное могло произойти. Он стоял, а потом его глаза встретились с глазами жены, и он понял, что Уэнди ненавидела его. Тогда до него не дошло, что эта ненависть могла означать в обыкновенном, житейском смысле. Только позже он осознал: в тот вечер она вполне была спо-

собна уйти от него, снять номер в мотеле, а утром обратиться к адвокату по разводам или даже вызвать полицию. Но сначала он увидел лишь ненависть жены — и был глубоко потрясен, испытав полнейшее одиночество. Ощущение оказалось ужасным. Подобным смерти. Потом Уэнди бросилась к телефону, чтобы набрать номер больницы, держа кричащего мальчика на согнутой в локте руке, но Джек не пошел за ней, а остался стоять посреди хаоса своего кабинета, дыша пивными парами и думая...)

Вы потеряли контроль над собой.

Он резко провел ладонью по губам и последовал за Уотсоном в бойлерную. Там оказалось очень влажно, но лоб, живот и ноги Джека покрылись отвратительно липким потом не от сырости. Так подействовало воспоминание, настолько живое и острое, будто события ночи двухлетней давности произошли каких-то два часа назад. Словно не было никакой временно́й дистанции. Вернулись стыд, отвращение к себе, осознание собственной никчемности. В свою очередь, эти чувства всегда вызывали у Джека жгучее желание выпить, а тяга к алкоголю только глубже погружала его в черную бездну безысходного отчаяния: да будет ли в жизни хотя бы час (заметьте, не неделя и не целый день, а всего лишь час), когда его перестанет заставать врасплох стремление приложиться к бутылке?

— Бойлер, — провозгласил Уотсон. Затем вытащил из заднего кармана брюк красно-синюю бандану, беззастенчиво и смачно высморкался в нее и убрал с глаз долой, предварительно бегло взглянув, не вылезло ли на свет божий чего интересного.

Котел — длинная стальная цистерна, покрытая слоем меди и во многих местах уже залатанная, — покоился на четырех бетонных блоках. Поверх него находилось мудреное переплетение сочлененных между собой труб и патрубков, которые зигзагами уходили в высокий, сплошь покрытый густой паутиной потолок подвала. Справа от Джека из стены выходили две крупные отопительные трубы от топки.

— Вот манометр. — Уотсон постучал по прибору. — Давление измеряется в фунтах на квадратный дюйм. Но уж такие штуки ты сам должен знать. Я сейчас снизил его до сотни, и по

ночам в номерах холодновато. Плевать. Почти никто не жалуется. И какого лешего? Надо быть вообще полным мудаком, чтобы притащиться сюда в сентябре. К тому же этот старичок уже давно отжил свое. На нем больше заплаток, чем на портках, которые бесплатно раздают безработным.

Бандана снова появилась на свет божий. Громкий хрюкающий звук. Быстрый взгляд. И платок исчез в кармане.

— Я и сам подцепил сучью простуду, — сообщил Уотсон. — Каждый сентябрь одна и та же песня. Я тут парюсь с этой старой хреновиной, а потом вылезаю наружу постричь траву или разровнять корт. С жары на холод — и простуда обеспечена, как говаривала моя мамаша, упокой, Господи, ее душу. Шесть лет как померла. Рак доконал. Рак — он такой. Если завелся, все, тебе кранты. Пиши завещание.

Ты вообще можешь не поднимать давление выше пятидесяти или шестидесяти. Мистер Уллман велел прогревать сегодня западное крыло, завтра — центр, а послезавтра — левое крыло. Он больной на всю голову, ты заметил? Ненавижу этого маленького недоноска! Ля-ля-ля... И так целый день. Он смахивает на комнатную собачонку, что цапнет тебя за лодыжку, а потом отбежит в сторонку и твой же ковер обоссыт. Если бы мозги делали из пороха, ему бы не удалось взорвать даже собственный шнобель. Иногда такое творит, что хочется схватиться за пистолет. Вот только жаль, его у меня нет.

Теперь глянь сюда. Подачу тепла в трубы будешь регулировать вот этими вентилями. Я их все для тебя пометил. Те, что с синими висюльками, идут в номера восточного крыла. С красными — в центр. Желтые, стало быть, обогревают западную часть. Когда станешь прогревать западное крыло, помни, что та часть отеля больше всего страдает от стужи. Когда завернет мороз, в номерах там холоднее, чем у фригидной телки в причинном месте. А потому в дни прогрева западной стороны поднимай давление до восьмидесяти. Я бы так и делал на твоем месте.

— Наверху я заметил термостаты и подумал... — начал было Джек.

Но Уотсон принялся так выразительно мотать головой, что шапка волос на его голове заходила ходуном.

— Регуляторы в номерах никуда не подключены. Их воткнули для видимости. Понимаешь, есть субчики, особенно из какой-нибудь там Калифорнии, которым никогда не бывает достаточно тепло, если в их сраных спальнях нельзя пальмы выращивать. Нет, температурой можно управлять только отсюда. Но не забывай присматривать за давлением. Видишь, как ползет вверх?

Он снова постучал пальцем по стеклу основного манометра, стрелка которого, пока Уотсон разглагольствовал, действительно успела подняться со ста фунтов на квадратный дюйм до ста двух. Внезапно у Джека по спине побежали мурашки, и он мысленно пропел: *Гусь только что прошел по моей могиле*. Уотсон крутанул вентиль, раздалось громкое шипение, и стрелка опустилась до отметки «девяносто один». Затем Уотсон перекрыл клапан, и шипящий звук постепенно затих.

— Да, так и норовит подняться само собой, — объяснил он. — Но доложи об этом нашему толстяку Уллману, и он притащит стопку своих бухгалтерских талмудов, чтобы потом три часа втолковывать тебе, почему не может позволить установить новый котел аж до тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Скажу тебе прямо: в один прекрасный день здесь все взлетит на воздух, и я лишь надеюсь, что наш занудливый пухлый сучонок окажется в тот момент на месте, чтобы поучаствовать в полете. Бог свидетель, хотел бы я быть таким же добреньким, как моя мамаша. Та в каждом видела только хорошее. Но я... Я злобный, что твоя гремучая змея после линьки. И тут уж ни хрена не поделаешь. Натура берет свое.

Помни, что сюда нужно спускаться два раза в день и еще вечером, прежде чем отправиться на боковую. Всегда проверяй давление. Если забудешь, оно начнет ползти и ползти вверх, и как-нибудь ты вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне. Но если понемногу спускать пар, все будет тип-топ.

— Каков максимальный уровень?

— Конечно, по документам котел должен выдерживать все двести пятьдесят. Но теперь он точно взорвется гораздо раньше. Ты меня силком не заставишь спуститься сюда и встать рядом с этой бочкой, если стрелка встанет даже на ста восьмидесяти.

— А разве здесь не предусмотрен аварийный клапан?

— Не-а. Котел поставили еще до того, как такие причиндалы сделали обязательными. Это теперь правительство стало во все совать свой нос, верно? ФБР письма вскрывает, ЦРУ прослушивает каждый чертов телефон... А вспомни, что сталось с Никсоном. Вот уж было жалкое зрелище.

— Как насчет водопровода и канализации?

— Да, кстати. Я как раз собирался перейти к этому. Проходи через вон ту арку.

Они попали в прямоугольное помещение длиной, казалось, не меньше мили. Уотсон дернул за веревку, и единственная лампочка на семьдесят пять ватт озарила их лучами тоскливо мерцающего света. Прямо перед ними располагалось дно шахты лифта, с покрытыми густой смазкой тросами, обвивавшимися вокруг двадцатифутовых шкивов, и забитым смазкой электромотором. Повсюду лежали старые газеты: в кипах, в связках, в коробках. Также имелись ящики, помеченные надписями типа «Учетные книги», «Счета», «Квитанции», сопровождавшимися призывом «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!». Пахло старой бумагой и плесенью. Некоторые картонки начали разваливаться, и из них по полу разлетелись пожелтевшие ломкие листки, которым на вид было не менее двух десятков лет. Джек с интересом осматривался по сторонам. Вся история «Оверлука» могла находиться прямо здесь, погребенная в этой постепенно гниющей картонной таре.

— С этим лифтом сам черт не управится, — заметил Уотсон, указывая пальцем в сторону шахты. — Мне *доподлинно известно*, что Уллман за наш счет кормит шикарными ужинами старшего инспектора штата по лифтовому оборудованию, лишь бы не допустить ремонтников к этой развалюхе. А вот тебе и наша центральная сантехническая зона.

Прямо перед ними пять широченных труб, каждая в плотной изоляционной обмотке, прихваченной крепкими стальными обручами, уходили куда-то в тень под потолок, где и терялись из виду.

Уотсон кивнул на затянутую паутиной полку рядом со шкафом для инструментов. Помимо грязных тряпок, на ней лежала папка-скоросшиватель с множеством хаотично засунутых туда листков бумаги.

— Здесь все чертежи по сантехнике, что у нас есть, — сказал он. — Не думаю, что у тебя будут проблемы с протечками. Такого еще ни разу не приключалось. Но некоторые трубы иногда замерзают. Есть один верный способ избежать этой напасти — открывать ненадолго краны по вечерам, но только в этом Богом проклятом отеле их больше четырех сотен. Представляешь, как разорется наш пузырь-начальник, когда увидит счета за воду? Его в Денвере слышно будет, скажешь, нет?

— Напротив, мне это представляется на редкость точным аналитическим умозаключением.

Уотсон вскинул на Джека восхищенный взгляд.

— Вот, сразу видно, что ты из образованных. Говоришь, как пишешь. Я таких ребят сильно уважаю, если только они не голубые. А в колледжах пидоров пруд пруди. Знаешь, кто подбил студентов бунтовать несколько лет назад? Они самые. Гоммосексулы. Верно тебе говорю. Их вконец достали, вот они и взбесились. Пожелали, видите ли, выйти из тени — так это у них называлось. И куда только катится этот мир, скажи на милость? Ну да ладно. Так вот, если труба замерзнет, то скорее всего прямо здесь, у основания. Подвал же не отапливается, сечешь? Случись такое, пользуйся этим. — Он дотянулся до сломанного оранжевого ящика и достал паяльную лампу. — Снимаешь изоляцию, нащупываешь ледяную пробку и прогреваешь. Понятно?

— Да. Но что, если труба все-таки замерзнет где-то выше?

— Ничего подобного не случится, если ты будешь справляться с работой и вовремя протапливать помещения. А до других труб тебе все равно не добраться. Даже не заморачивайся. Как я сказал, проблем быть не должно. Но вообще-то подвал я не люблю. Жутковатое место. Рай для пауков. Мне здесь одному порой становится не по себе.

— Уллман рассказывал, что в первую же зиму смотритель убил свою семью, а потом и себя.

— Да, этот тип Грейди. Он был непутевый. Я это понял, как только впервые увидел его. Вечно скалился, как пес, отлизавший себе яйца. Тогда здесь все только начиналось, и этот толстый пердун Уллман готов был нанять даже Бостонского Ду-

шителя*, если бы тот согласился пахать за гроши. Их потом нашел рейнджер из национального парка. Телефон не работал. Все трупы лежали на четвертом этаже в западном крыле, насквозь промерзшие. Девочек жаль было до слез. Восемь и шесть лет всего-то. Хорошенькие, как две куколки. Устроил здесь Грейди кровавую баню! Уллман как раз на то время перебрался во Флориду заправлять другим модным отелем. Он тогда побыстрому долетел до Денвера, а в Сайдуайндере ему пришлось найти санную упряжку. Дороги-то замело. Уллман *в санях*, представляешь картину? Он потом из кожи вон вылез, чтобы история не попала в большие газеты. И врать не буду, с этим он справился на все сто. Несколько строк напечатала «Денвер пост», да еще вшивый листок, что выходит в Эстес-Парке, тиснул этот... как его? Некронолог, что ли. Вот и все. Отлично, если учесть дурную славу отеля. А я так и ждал, что какой-нибудь репортеришка начнет копать и свалит дело Грейди в кучу с другими скандалами.

— Какими скандалами?

Уотсон передернул плечами.

— Ни в одном крупном отеле не обходится без скандалов, — сказал он. — Как и без привидений. Спросишь почему? Да потому, черт возьми, что через них проходят такие толпы людей. Кто-то непременно отдаст Богу душу прямо в номере. От сердца там или от удара — от чего угодно. Отели битком набиты суевериями. Где-то не бывает тринадцатого этажа, почти нигде нет тринадцатого номера, зеркал не вешают с обратной стороны входной двери. И все в таком роде. Да что за примерами далеко ходить? У нас самих в прошлом июле одна дамочка копыта отбросила. Уллману это тоже пришлось замять, и можешь не сомневаться, он справился. Вот за что ему платят двадцать две штуки баксов в сезон, и, хотя я недолюбливаю этого хлыща, он свои деньги отрабатывает по полной. Это как если бы люди специально приезжали сюда, чтобы проблеваться, а потом нанимали парня вроде Уллмана прибрать за собой. И вот появляется эдакая мадам. Ей на вид не меньше шестидесяти, ей-богу! Моего возраста. А волосы выкрашены в крас-

* Так пресса окрестила Альберта де Сальво, который в 1965 г. признался в убийстве 13 человек путем удушения.

ный цвет, как фонарь при борделе. Сиськи отвисают до пупа, потому что она, видите ли, не желает носить лифчик, а все ноги в варикозненных венах и похожи на две дорожные карты, хотя золотом и разными камушками она была увешана, как твоя рождественская елка. С собой она привезла парнишку лет, должно быть, семнадцати. Космы вот по сих, до самой задницы, а между ног он словно напихал мятых комиксов. Они провели здесь неделю или даже дней десять, не помню точно, но каждый вечер повторялось одно и то же. С пяти до семи они торчали в «Колорадо-холле». Причем она глотала «сингапурские слинги» с такой скоростью, словно их к завтрему грозились запретить, а он выпивал всего-то бутылочку пивка, растягивая удовольствие. Она сыпала шутками, говорила что-то там смешное, и парень лыбился, как шимпанзе, растягивал рот, будто она за привязанные тесемки дергала. Но только уже через несколько дней стало заметно, что ему все труднее и труднее заставлять себя смеяться, а уж как ему удавалось поднимать свою штуковину в постели с ней, так и вовсе одному Богу известно. После бара они, значит, отправлялись в ресторан ужинать. Она к тому времени так набиралась, что еле ноги волочила. А мальчишка, стоило ей морду отвернуть, щипал за задницы официанток и кокетничал с ними напропалую. Черт, мы даже стали заключать пари, как долго он продержится!

Уотсон пожал плечами.

— Однажды вечером, ближе к десяти, он спустился вниз и заявил, что у его «жены» случилось «легкое недомогание» (а это означало, что она попросту отрубилась, как бывало почти всегда) и ему необходимо срочно купить ей особое снадобье для желудка. Затем он сел в тот самый двухместный спортивный «порш», на котором они к нам приехали, и исчез в неизвестном направлении. На следующее утро внизу появляется она и пытается разыгрывать спектакль, но только лицо ее с каждым часом все сильнее бледнеет. Тогда мистер Уллман дипломатично так спрашивает: мол, не желает ли она, чтобы поставили в известность копов? На всякий случай. Ежели он вдруг попал в аварию или еще что стряслось. Так она набросилась на него, как разъяренная кошка. Нет-нет! Не надо. Никакой полиции. Он — прекрасный водитель. Она совершенно спокойна и ждет

его к ужину. Однако в тот день она засела в баре «Колорадо-холла» уже с трех часов, а ужинать не стала вовсе. В половине одиннадцатого поднялась к себе в номер, и больше живой ее уже никто не видел.

— Как это вышло?

— Окружной судебный медик установил, что она приняла почти тридцать таблеток снотворного в придачу к огромной дозе бухла. На следующий день приехал ее муж, какой-то супер-пупер-законник из Нью-Йорка. И устроил нашему приятелю Уллману нервотрепку по высшему разряду. «Я вас засужу за то, я подам на вас в суд за это, а когда я закончу, вы так обделаетесь, что во всем Колорадо не найдете пары чистых подштанников». Но только Уллман, мать его, тоже не так-то прост. Быстро сумел привести его в чувство и успокоить. Думаю, он спросил у этого прохвоста: «Как вам понравится, если грязное белье вашей женушки начнут полоскать во всех нью-йоркских газетах?» Заголовки типа «Супруга известного Как-Вас-Там-Величать покончила с собой, наглотавшись таблеток». И рассказ о том, как она играла в популярную игру «Найди мою колбаску» с юнцом, который ей во внуки годился.

Полиция штата скоро нашла брошенный «порш» на задворках круглосуточной закусочной в Лайонсе, а Уллман надавил на нужные кнопки, чтобы машину вернули тому юристу. Потом они уже вместе взяли в оборот старину Арчера Хоутона — окружного судебного медика — и заставили изменить свои выводы на естественную смерть. Сердечный приступ, только и всего. Теперь Арчер рассекает на новеньком «крайслере». И я его не виню. Нужно ковать железо, пока горячо, особенно когда пенсия уже на носу.

Бандана снова появилась из кармана. Хрюкающий звук. Взгляд. И пестрый платок пропал.

— Но что же происходит потом, спросишь ты? Вообрази, всего неделю спустя эта тупая лоханка, горничная по имени Делорес Викери, убирая номер, в котором жили те двое, сначала подняла истошный крик, а потом завалилась в обморок как подкошенная. Придя в себя, она заявила, что видела в ванне голую мертвую женщину. «У нее лицо все посинело и распухло, а она смотрела на меня с усмешкой» — вот ее собствен-

ные слова. Понятно, что Уллман заплатил ей двухнедельное пособие и велел выметаться отсюда на все четыре стороны. А всего, по моим прикидкам, с тех пор как мой дед открыл этот отель в десятом году, здесь умерли человек этак сорок пять.

Он бросил на Джека лукавый взгляд.

— Хочешь знать, как большинство из них покинули этот мир? От инфарктов и инсультов, когда кувыркались в постели с дамочками, вот как. На курортах вроде этого такое случается сплошь и рядом. Сюда часто приезжают старички, чтобы устроить типа последнюю гастроль. Видать, в горах легче вообразить, что тебе снова двадцать лет. Для кого-то все заканчивается печально. А далеко не все управляющие умели так лихо отваживать газетных писак, как это делает Уллман. Вот у «Оверлука» и появилась известная репутация. Что было, то было. Хотя уверен, о «Билтморе» идет такая же слава, если расспросить нужных людей.

— Но привидений здесь все-таки нет?

— Джек, я проработал в этом отеле всю жизнь. А прежде сам играл здесь, когда мне было столько же лет, сколько твоему сынку на том фото из бумажника, что ты мне показывал. И ни разу не видел никаких призраков. Пойдем дальше. Мне еще нужно показать тебе сарай, где хранятся инструменты.

— Хорошо.

Когда Уотсон протянул руку, чтобы выключить свет, Джек заметил:

— Чего здесь в избытке, так это старых бумаг.

— Вот это точно. Тут все хранится, должно быть, уже лет тысячу. Газеты, квитанции разные, товарные накладные и еще черт знает что. Мой папаша в свое время разделывался с ними в два счета, пока мы пользовались обычной дровяной печью, но теперь здесь полный бардак. Однажды я найму какого-нибудь парнишку, чтобы отвез весь хлам в Сайдуайндер и сжег. Если Уллман раскошелится. А я думаю, он даст на это денег, если я как следует припугну его крысами.

— Стало быть, крысы здесь все-таки водятся?

— Да. Должно быть, есть немного. Я запас ловушки и отраву, которую мистер Уллман просил тебя разбросать на чердаке и в подвале. Но потом тебе лучше присматривать за своим

мальцом. Не приведи Господь, чтобы с ним что-то приключилось. Ты же не хочешь этого, верно?

— Не хочу, — ответил Джек. В устах Уотсона совет звучал нисколько не обидно.

Они подошли к лестнице и задержались на секунду, чтобы Уотсон смог снова прочистить нос.

— В сарае ты найдешь все нужные тебе инструменты, да и ненужные тоже. И там есть гонт. Уллман сказал тебе об этом?

— Да, он хочет, чтобы я заменил часть кровли западного крыла.

— Этот толстый маленький хмырь бесплатно выжмет из тебя все соки, а весной еще будет ныть, что ты все сделал не так, вот увидишь. Я однажды ему это сказал прямо в лицо. Мне, говорю...

Уотсон стал подниматься первым, и продолжение его рассказа слилось в успокаивающий монотонный гул. Джек Торранс напоследок обернулся и посмотрел в непроницаемую, провонявшую тленом черноту, подумав, что если где-то могут водиться привидения, то здесь им самое место. И ему представился Грейди, запертый в мягком, но непреодолимом снежном плену, тихо сходящий с ума и совершающий свои жуткие убийства. Кричали ли они? Бедняга Грейди! Он наверняка ощущал, как с каждым днем снег давит все сильнее, пока наконец не понял, что для него весна не наступит уже никогда. Ему не нужно было приезжать сюда. И не следовало терять контроль над собой.

Но когда Джек двинулся вслед за Уотсоном, эти слова настигли его эхом погребального звона, а потом раздался сухой треск — словно сломался грифель карандаша. Боже милостивый, как же ему хотелось пропустить сейчас хоть один стаканчик чего-нибудь покрепче! А еще лучше — сразу тысячу.

Глава 4
НА ТЕНЕВОЙ СТОРОНЕ

В четверть пятого Дэнни сдался и отправился наверх за печеньем и молоком. Он быстро расправился с едой, неотрывно глядя в окно, а потом подошел поцеловать маму, которая

прилегла отдохнуть. Она предложила ему остаться дома и посмотреть «Улицу Сезам» — так время пролетит незаметнее, — но он решительно помотал головой и вернулся к своему посту на краю тротуара.

Начало шестого. Хотя у Дэнни не было часов, да он и не слишком умел определять по ним время, мальчик видел, как удлиняются тени, а лучи клонящегося все ниже солнца приобретают золотистый оттенок.

Он крутил в руках планер и мурлыкал себе под нос:

— Иди ко мне, Лу, прыг-скок... хотя мне все равно... иди ко мне, Лу... хотя мне все равно... я остался один, так иди ко мне, Лу... прыг-скок...

Эту песенку они распевали хором в детском саду «Джек и Джилл», который он посещал в Стовингтоне. В Боулдере он уже не ходил ни в какой детский сад, потому что папа не мог за него платить. Он знал, что папа с мамой переживали, тревожились, что ему совсем одиноко (а пуще всего, хотя они никогда не говорили об этом вслух, — что Дэнни винит их), хотя на самом деле ему не хотелось ходить даже в «Джек и Джилл». Там все было для малышей. Сам он еще не стал большим мальчиком, но и малышом себя не считал. Большие мальчики ходили в большую школу и ели горячее на обед. Первый класс. На будущий год. А нынешний получается ни то ни сё. Промежуточный между малышом и настоящим школьником. Но он ни о чем не жалел. Конечно, иногда он скучал по Скотту и Энди — особенно по Скотту, — но все было в порядке. Одному даже лучше дождаться и посмотреть, что будет дальше.

Он очень многое понимал в поведении своих родителей, знал, что часто им не нравилась его излишняя проницательность, а еще чаще они попросту отказывались верить в его способности. Но однажды им придется поверить. Он готов подождать.

Хотя все же жаль, что они пока не верят ему по-настоящему, особенно в такие моменты, как сейчас, например. Вот мама лежит на своей кровати и чуть не плачет, до того волнуется за папу. Некоторые проблемы, тревожившие ее, были слишком серьезными, чтобы Дэнни мог в них разобраться, — что-то смутное по поводу безопасности и папиного *самомнения*, чувс-

тво вины и злость, а еще страх, что будет с ними всеми. Но две основные мысли, глодавшие ее сейчас, заключались в опасении, что у папы в горах сломалась машина (*тогда почему он до сих пор не позвонил домой?*) и что папа мог снова сорваться и приняться за Скверное Дело. Дэнни отлично знал, что это за Скверное Дело, с тех пор как ему все объяснил Скотти Аронсон, который был на шесть месяцев старше. Сам Скотти знал много, потому что его папа тоже занимался Скверным Делом. Однажды, как рассказывал Скотти, его папа ударил его маму прямо в глаз и сшиб с ног. В результате между папой и мамой Скотти из-за Скверного Дела случился РАЗВОД, и когда Дэнни с ним познакомился, Скотти жил с одной мамой, а с папой виделся только по выходным. С тех пор самым страшным в жизни Дэнни стал РАЗВОД — слово, которое мысленно рисовалось ему написанным крупными красными буквами, каждую из которых обвивали шипящие ядовитые змеи. При РАЗВОДЕ твои родители больше не живут вместе. Они обращаются по поводу тебя к судье (Дэнни слышал только о спортивных судьях, но поскольку его папа с мамой в Стовингтоне играли и в теннис, и в бадминтон, и всякий раз на вышке непременно сидел судья, он точно не знал, о котором из них речь). Почему-то только этот судья мог решить, с кем ты останешься жить, и тогда своего другого родителя ты почти совсем не видел. А потом, если ему вдруг приспичит, тот родитель, с которым ты жил, мог привести в дом нового мужа или жену, совершенно незнакомого человека. Но страшнее всего в РАЗВОДЕ было для Дэнни то, что он явственно ощущал, как это слово — или понятие — крутится в головах его родителей. Иногда расплывчато и неопределенно, а иногда пугающе четко и даже ослепительно, как проблеск молнии. Именно так обстояло дело после того, как папа наказал его за беспорядок в своем кабинете, и доктору даже пришлось наложить ему на руку гипс. Воспоминание об обиде и боли давно померкло, но память о слове РАЗВОД оставалась устрашающе отчетливой. Тогда оно читалось в основном в голове у мамы, и Дэнни какое-то время жил в постоянном ужасе ожидания, что она выловит это слово из своего мозга, вытащит через рот и сделает чем-то совершенно реальным. РАЗВОД. Это слово постоянно присутствовало в

мыслях обоих родителей и было одним из немногих, что Дэнни улавливал без малейшего труда, как ритм немудреной мелодии. Но как и всякий ритм, центральная мысль становилась лишь основой для более сложных вариаций, в которых он путался, ничего не понимая вообще. В этих хитросплетениях ему удавалось улавливать по большей части только цветовые гаммы и различия в настроениях. У мамы РАЗВОД обрастал размышлениями о том, что папа сделал с его рукой, и о случае в Стовингтоне, когда папа потерял работу. О том парнишке. О Джордже Хэтфилде, который разобиделся на папу и наделал дырок в колесах их «жука». Мысли отца о РАЗВОДЕ читались намного хуже. Они были окрашены в темно-фиолетовый цвет с пугающими вкраплениями совершенно черного. Порой у него мелькала мысль, что жене и сыну станет только легче, если он уйдет. И тогда перестанет быть так больно ему самому. А папе было больно почти все время, и его влекло к себе Скверное Дело. Это Дэнни тоже улавливал без труда: папино чуть ли не постоянное желание отправиться в одно темное место, чтобы смотреть цветной телевизор, есть жареный арахис из миски и предаваться Скверному Делу до тех пор, пока у него совершенно не онемеют мозги и черные мысли не перестанут терзать его.

Но сегодня у мамы не было причин волноваться, и оставалось только пожалеть, что нельзя пойти и успокоить ее. «Жук» не сломался. Папа не свернул с дороги, чтобы заняться Скверным Делом. Он уже почти добрался до дома, и «жук» пыхтит сейчас по шоссе между Лайонсом и Боулдером. В этот момент папа даже не думает о Скверном Деле. Он думает о... Думает о...

Дэнни украдкой бросил взгляд себе за спину на окно кухни. Иногда, если он сосредотачивал чересчур много внимания на какой-то мысли, с ним происходило нечто необъяснимое. Окружавшие его вещи — реальные вещи — исчезали, и он видел то, чего на самом деле не было. Однажды, вскоре после того, как ему на руку наложили гипс, это случилось прямо за столом во время ужина. Родители тогда не слишком охотно разговаривали друг с другом. Зато они много думали. О да! Мысли о РАЗВОДЕ повисли над кухонным столом подобно темной грозовой туче, готовой в любой момент обрушиться дождем на их

головы. Дэнни чувствовал себя от этого так плохо, что не мог есть. Его даже подташнивало, когда он пытался заставить себя взяться за еду под гнетом черного слова РАЗВОД. А поскольку это показалось ему очень важным, он полностью сфокусировался, и с ним снова случилось странное. Очнулся он, лежа на полу, с размазанными по брюкам бобами и картофельным пюре. Мама обнимала его и плакала, а отец говорил по телефону. И хотя Дэнни сам испугался, он все же попытался объяснить им, что ничего страшного не произошло, что так с ним бывало и раньше, когда он силился понять вещи, не доступные пока его уму. Попытался рассказать им о Тони, которого они прозвали его «невидимым дружком».

Папа говорил в трубку: «У него была Га-Лу-Цы-Нация. По-моему, он пришел в себя, но я все равно хочу, чтобы его осмотрел врач».

Когда доктор уехал, мама заставила Дэнни пообещать, что больше он этого делать не будет, *никогда* не станет их так пугать, и ему пришлось согласиться. Он и сам перепугался до жути. Потому что стоило ему внутренне сконцентрироваться, как он проник в мысли отца и всего лишь на мгновение — пока не появился Тони (как всегда, окликнувший приятеля откуда-то издалека), пока странные видения не затуманили обстановку кухни и стоявшее на столе синее блюдо с жареным мясом, — на мгновение окунулся в темноту отцовского сознания и увидел непонятное слово, гораздо более страшное, чем РАЗВОД. И это было слово СУИЦИД. Позже Дэнни никогда больше не ощущал присутствия этого слова в мыслях папы и, уж конечно, не делал попыток намеренно разыскать его там. Он даже не хотел выяснять, что оно значит.

А вот концентрировать внимание ему по-прежнему нравилось, потому что тогда к нему мог прийти Тони. Хотя необязательно. Бывало, что окружающий мир лишь на минутку начинал выглядеть размытым, расплывался перед глазами, но потом все прояснялось. Так, кстати, получалось чаще всего. Но иной раз где-то на границе видения вдруг возникал Тони, окликая и маня за собой...

С тех пор как они переехали в Боулдер, это случилось дважды, и ему запомнилось, как приятно он был удивлен, поняв,

что Тони проделал с ними весь долгий путь из Вермонта. Значит, он потерял не всех друзей, как думал прежде.

В первый раз он был на заднем дворе дома, и ничего особенного не произошло. Просто явился Тони, помахал рукой, а потом все окутала темнота, и через несколько минут Дэнни вернулся к реальности, запомнив лишь смутные фрагменты, как бывает с отрывочными снами. Зато во второй раз, пару недель назад, все получилось куда занимательнее. Тони снова манил его за собой, стоя совсем близко: *Дэнни... Иди посмотри...* Ему сначала показалось, что он поднимается, а потом он словно провалился в глубокую дыру, как Алиса в страну чудес. И вдруг очутился в подвале их многоквартирного дома, а Тони был рядом, указывал на стоявший в глубокой тени чемодан, в котором отец держал все свои самые важные бумаги и в первую очередь, конечно же, ПЬЕСУ.

— Видишь? — спросил Тони своим вечно далеким, но мелодичным голосом. — Он стоит под лестницей. Прямо под ступеньками. Грузчики поставили его... прямо... под лестницу.

Дэнни сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть чудо-чемодан, но почувствовал, что снова падает. И действительно свалился с дворовых качелей, на которых все это время сидел. Причем со всей силы ударился о землю.

Спустя дня три или четыре папа вне себя от злости расхаживал по квартире, жалуясь маме, что перевернул вверх дном весь подвал, но своего чемодана так и не нашел. В ярости он грозился подать в суд на фирму, будь она трижды проклята, перевозившую их пожитки, которая наверняка потеряла чемодан где-то между Вермонтом и Колорадо. Как, скажите на милость, сможет он когда-нибудь закончить работу над ПЬЕСОЙ, если рукописи след простыл?

И тут вмешался Дэнни:

— Нет, папочка, все не так плохо. Твой чемодан стоит под лестницей. Грузчики поставили его прямо под ступеньки.

Джек окинул его странным взглядом и отправился вниз проверить. Чемодан действительно оказался в том месте, которое указал Тони. Тогда папа отвел сына в сторонку, посадил к себе на колени и строго спросил, кто впустил его в подвал. Уж не Том ли, который живет этажом выше? В подвале очень

опасно, объяснил он. Поэтому домовладелец всегда держит его на замке. Если кто-то оставил замок открытым, папе необходимо знать. Он, конечно, был рад найти свои записи и ПЬЕСУ, но даже это не стоило риска для Дэнни упасть с лестницы и сломать себе... сломать себе ногу. Дэнни ответил совершенно серьезно, что никогда не входил в подвал. Дверь туда действительно всегда заперта. Мама подтвердила. Дэнни ни разу не спускался вниз к черному ходу, сказала она, потому что там темно, сыро и полно пауков. И он никогда не врал.

— Тогда как же ты узнал, док? — поинтересовался папа.

— Тони мне показал.

Мать с отцом обменялись взглядами поверх его головы. Время от времени такое случалось и раньше. И поскольку это их пугало, они стремились как можно скорее забыть обо всем. Но он знал, что Тони их беспокоил, особенно маму, и старался проявлять осторожность, не концентрируя мысли таким образом, чтобы Тони мог появиться там, где она могла увидеть его. Однако сейчас она отдыхала. По крайней мере в кухне ее не было, и потому он позволил себе усиленно сосредоточиться и попытаться понять, о чем сейчас думает папа.

Дэнни сдвинул брови, а не слишком чистые руки стиснул в кулачки на коленях. Глаз он не закрывал — в этом не было необходимости, — но прищурил их до узких щелок и постарался вообразить себе голос папы, голос Джека. Голос Джона Дэниела Торранса, низкий и ровный, иногда взлетавший выше от удивления или становившийся басовитым, когда он сердился. Но ровный, если он думал. Думал... Думал о чем? Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, и все его тело обмякло на бордюрном камне, словно каждый мускул вдруг отказался ему служить. При этом он находился в полном сознании; он видел улицу, парня и девушку, которые шли по тротуару на противоположной стороне, взявшись за руки, потому что были

(?влюблены?)

рады солнечному дню и самим себе в нем. Он видел, как ветер несет вдоль водосточного желоба осенние листья, похожие на желтые шляпки неправильной формы. Видел дом, мимо которого проходила парочка, и заметил, что крыша его покрыта

(*дранкой. с ней не должно возникнуть проблем, если гидроизоляция цела. да, тогда все будет о'кей. этот уотсон... Боже, вот это типаж. жаль, в ПЬЕСЕ нет места, чтобы вставить его. но с этим надо осторожнее, а то ты уже готов вывести в ней все чертово человечество. да, кстати, о дранке. а гвозди-то у них есть? дьявол, совершенно забыл спросить об этом. хотя их нетрудно добыть. в любом хозяйственном магазине сайдуайндера. и еще осы. в это время года они устраивают себе гнезда. наверное, лучше будет иметь при себе дымовую шашку от насекомых, если я напорюсь на них, снимая слой старого гонта. новая дранка. старая...*)

дранка. Вот, значит, о чем он думал. Он все-таки получил работу и размышлял сейчас о крыше отеля и ее покрытии. Дэнни, разумеется, не знал, кто такой Уотсон, но все остальное ему было совершенно ясно. Папа наверняка найдет осиное гнездо. Он в этом не сомневался, как не сомневался в том, что его зовут.

— *Дэнни... Дэнни-и-и...*

Он поднял взгляд и увидел Тони в дальнем конце улицы, рядом со знаком «Стоп». Тони махал рукой. Дэнни, как всегда, ощутил прилив теплой радости, но на этот раз он сопровождался неприятным уколом страха, словно Тони пришел и принес за спиной какую-то черноту. Банку с осами, которые, если их выпустить, глубоко запустят в тебя жала.

Однако он не мог не пойти.

Дэнни еще сильнее сгорбился на краю тротуара, его руки бессильно соскользнули с коленей и повисли между ног. Подбородок упал на грудь. А затем он почувствовал смутный и безболезненный толчок, когда какая-то часть его поднялась и бегом устремилась вслед за Тони в туннель темноты.

— *Дэнни-и-и...*

И мрак пронзила волна ослепительной вихрящейся белизны. Раздался кашляющий, ухающий звук, и искривленные, дико изломанные тени постепенно стали елями, которые раскачивал завывавший в ночи буран. Кружился в танце густой снег. Снег был повсюду.

— Слишком глубокий, — сказал Тони откуда-то из темноты, и в его голосе звучала такая тоска, что Дэнни стало по-настоящему страшно. — Слишком глубокий, чтобы выбраться.

Еще очертания. Чего-то огромного и прямоугольного. Покатая крыша. Белые пятна во мраке снежной бури. Множество окон. Длинное здание, покрытое дранкой. Некоторые участки зеленеют ярче, потому что они новее. Его папа постелил их. Прибил гвоздями из хозяйственного магазина в Сайдуайндере. Но теперь на новую дранку ложился снег. Он ложился на все.

Зеленый колдовской фонарь ожил и засветился перед входом, помигал и превратился в огромный оскаленный череп над двумя скрещенными костями.

— Отрава, — пояснил Тони из колышущейся темноты. — Яд.

Перед глазами замелькали другие вывески, выведенные в воздухе зелеными буквами или написанные на досках на шестах, торчавших под разными углами из сугробов. **КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОПАСНО! ОГОЛЕННЫЕ ПРОВОДА. ЭТОТ УЧАСТОК ПОДЛЕЖИТ КОНФИСКАЦИИ. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ВНИМАНИЕ — КОНТАКТНЫЙ РЕЛЬС! НЕ ВЛЕЗАЙ — УБЬЕТ! НЕ ВХОДИТЬ. ПРОХОД ЗАКРЫТ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.** Дэнни не мог их прочесть, но чувствовал их смысл, и страх стал медленно заполнять темные пустоты его тела, подобно болезнетворным коричневым спорам, которые способен погубить только солнечный свет.

Потом все померкло. Теперь он оказался в темной комнате, уставленной странной мебелью. Ветер швырял снег в оконное стекло, как пригоршни песка. У него пересохло во рту, глаза казались раскаленными камнями, сердце бешено колотилось в груди. Снаружи донесся громкий и гулкий звук, словно распахнули настежь какую-то ужасную громадную дверь. Шаги. На противоположной стене висело зеркало, и в его серебристой глубине появилось единственное полыхавшее зеленым пламенем слово: РОМ.

Комната вдруг пропала. Вместо нее появилась другая. Он узнал

(должен был узнать)

эту комнату. Опрокинутое кресло. Разбитое окно, сквозь которое внутрь набивался снег, уже намерзший на край ковра. Отдернутые шторы под кривым углом свисали со сломанного карниза. Приземистый шкафчик опрокинулся дверцами на пол.

Снова раздались громкие, гулкие, повторяющиеся, ритмичные, леденящие душу звуки. Разбилось стекло. Разрушающая сила приближалась. И хриплый голос, голос безумца, еще более страшный оттого, что казался таким знакомым:

Выходи! Выходи, ты, маленький говнюк! Я тебя проучу!

Хрясь! Хрясь! Хрясь! Раскалывается, разлетаясь в щепки, дерево. Яростный и довольный рев. РОМ. Все ближе.

Вихрь пронесся по комнате. Картины сорваны со стен. Проигрыватель,

(мамин проигрыватель?)

перевернутый, валяется на полу. Ее пластинки — Григ, Гендель, «Битлз», Арт Гарфанкел, Бах, Лист — разбросаны повсюду. Они разбиты, и зазубренные треугольные осколки напоминают куски пирога. Столб света проникает из соседнего помещения. Это ванная. Жесткий белый свет и слово, то вспыхивающее, то гаснущее в зеркальной дверце туалетного шкафчика, как красный глаз, — РОМ, РОМ, РОМ...

— Нет, — шепчет он. — Нет! Тони, пожалуйста...

А с белого фарфорового края ванны свисает рука. Свисает безжизненно. Тонкая струйка крови (РОМ) стекает со среднего пальца по безукоризненному ногтю и капает на кафельный пол...

Нет о нет о нет...

(умоляю тебя, Тони, ты пугаешь меня)

РОМ, РОМ, РОМ

(останови это, Тони, прекрати)

Мир темнеет.

В воцарившейся черноте гремящие звуки делаются громче, а потом еще громче, проникая повсюду, эхом отражаясь везде.

Теперь он распластался на полу в сумрачном коридоре, прижавшись к синей ковровой дорожке с беспорядочным переплетением черных силуэтов, вслушиваясь в приближающийся громыхающий шум, потому что Фигура уже свернула за угол и начала движение к нему, пошатывающаяся, источающая запахи крови и неизбежной смерти. В руке она держала деревянный молоток и размахивала им (РОМ) из стороны в сторону,

описывая в воздухе зловещие полукруги и обрушивая его на шелковое покрытие стен, вышибая призрачные облачка штукатурки.

Иди сюда и получи по заслугам! Веди себя как мужчина!

Фигура приближалась — гигантская, вся пропахшая чем-то кисло-сладким; головка молотка с угрожающим шипящим шепотом рассекала воздух, а затем раздавался гулкий грохот, когда она врезалась в стену и выпускала из нее белую пыльцу, запах которой тоже явственно ощущался в воздухе. Маленькие красные глазки светились в полутьме. Чудовище уже нависло над ним, нашло его, вжавшегося спиной в голую стену. А люк в потолке был заперт.

Темнота. Перемещение.

— Тони, прошу, верни меня обратно. Тони, пожалуйста, пожалуйста...

И он *действительно* вернулся на край тротуара Арапахо-стрит. Его мокрая рубашка противно прилипла к спине, и все тело покрывал холодный пот. В ушах по-прежнему стоял оглушительный контрапункт гремящих и гулких звуков, а в нос теперь ударял запах мочи, потому что Дэнни невольно опорожнил мочевой пузырь. Ему все еще виделась рука, беспомощно свисавшая с края ванны, и кровь, медленно струившаяся по одному из пальцев — среднему, — и еще это необъяснимое слово, куда более страшное, чем остальные: РОМ.

Теперь сияло солнце. И все вокруг было реальным. За исключением Тони, стоявшего на углу в шести кварталах от Дэнни и казавшегося крохотной точкой, чей голос звучал тонко, высоко и ласково:

Будь осторожен, док...

В следующее мгновение он пропал, а из-за угла показался папин потрепанный красный «жук» и затарахтел по улице, покашливая голубоватым дымком выхлопных газов. Дэнни мгновенно вскочил с бордюра, принялся размахивать руками, пританцовывать и кричать:

— Папочка! Эй, папа! Привет! Привет!

Папа прижал «фольксваген» к тротуару, заглушил двигатель и открыл дверь. Дэнни бросился к нему, но потом застыл на

месте, похолодев и широко распахнув глаза. Его сердце будто подскочило вверх и камнем застряло в горле. Рядом с отцом на пассажирском сиденье лежал деревянный молоток с короткой рукояткой, покрытый кровью с прилипшими прядями волос.

Но почти сразу он превратился в пакет из продуктового магазина.

— Дэнни! Что с тобой, док? Все хорошо?

— Да, со мной все в порядке.

Он подошел к отцу и зарылся лицом в подбитую овчиной джинсовую куртку, обнимая его крепко-крепко. Джек обнял сына в ответ, несколько удивленный.

— Эй, парень, да ты явно пересидел на жаре. Смотри, с тебя пот льет градом.

— Должно быть, меня сморило в сон. Я люблю тебя, папочка. Я так ждал тебя.

— Я тоже тебя люблю, Дэн. Вот, купил кое-что для дома. Как думаешь, ты уже достаточно большой, чтобы затащить это наверх?

— Конечно! Запросто!

— Док Торранс — самый сильный человек в мире, — объявил Джек и потрепал сына по голове, — у которого, правда, есть странная привычка засыпать прямо на улице.

Потом они вместе направились к двери, а мама спустилась, чтобы встретить их. Дэнни стоял на второй ступеньке и смотрел, как родители целуются. Они были рады видеть друг друга. От них исходила такая же любовь, как от тех юноши и девушки, что прошли по улице, держась за руки. Дэнни тихо радовался.

Бумажный пакет с продуктами — всего-навсего пакет с продуктами — хрустел у него в руках. Все складывалось прекрасно. Папа приехал домой. Мама любила его. Ничего плохого случиться не могло. И не все, что показывал ему Тони, непременно сбывалось.

И тем не менее страх угнездился в его сердце глубоко и неистребимо. Дэнни пугало то загадочное слово, что отразилось в зеркале его души.

Глава 5
ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Джек припарковал «фольксваген» напротив аптеки в торговом центре «Тейбл меса» и выключил зажигание. Снова задумался, не пора ли раскошелиться и заменить бензонасос, но в который раз убедил себя, что не может пойти на такой расход. Если маленькая машинка дотянет до ноября, ее так или иначе придется со всеми почестями отправить на покой. К ноябрю снег в горах ляжет выше крыши «жука»... Быть может, даже выше трех «жуков», поставленных друг на друга.

— Я хочу, чтобы ты подождал меня в машине, док. Куплю тебе шоколадный батончик.

— А почему мне нельзя с тобой?

— Я должен позвонить по телефону. Дело очень личное.

— Вот почему ты не стал звонить из дома?

— В самую точку.

Уэнди настояла на домашнем телефоне, хотя с деньгами было туговато. Она напирала на то, что, имея маленького ребенка, особенно такого, как Дэнни, подверженного периодическим обморокам, им никак не обойтись без связи. И мало того, что Джеку пришлось наскрести более тридцати долларов на установку, он еще и внес девяносто баксов залога, а это действительно стало ударом по семейному бюджету. И ведь до сих пор телефон не понадобился им ни разу. Лишь дважды кто-то ошибся номером.

— Тогда купи мне «Бейби Рут», ладно?

— Хорошо. Только сиди смирно и не играй с рычагом коробки передач, договорились?

— Да. Я буду рассматривать карты.

Когда Джек вышел из машины, Дэнни открыл бардачок и достал пять помятых карт из тех, что бесплатно раздавали на автозаправочных станциях: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг, Нью-Мексико. Ему нравились дорожные карты. Он любил водить пальцем вдоль обозначенных на них трасс. Лично для него пять новых карт стали самым приятным приобретением после их переезда на запад.

Джек зашел в аптеку, взял батончик для Дэнни, газету и октябрьский номер журнала «Райтерз дайджест». Протянул девушке за кассой пятерку и попросил дать сдачу двадцатипятицентовиками. Сжимая мелочь в кулаке, направился к будке телефона-автомата, стоявшей рядом с аппаратом для изготовления ключей, и зашел внутрь. Из будки, сквозь три стекла, он мог видеть сидевшего в «жуке» Дэнни. Голова мальчика склонилась к картам. Джека охватила волна почти безысходного чувства любви, от которой на его лице появилось каменно-мрачное выражение.

Вероятно, вполне можно было сделать этот обязательный благодарственный звонок Элу из дома; он уж точно не собирался говорить ничего такого, что покоробило бы Уэнди. Но вмешалась его гордость. В этот период жизни он был склонен всегда прислушиваться к голосу собственной гордости, потому что, кроме жены и сына, шестисот долларов на чековой книжке и помятого «фольксвагена» шестьдесят восьмого года выпуска, гордость принадлежала к числу того немногого, чего он еще не лишился. Если разобраться, только она принадлежала ему одному, и никому больше. Даже банковский счет он делил с женой. Всего лишь год назад он преподавал в одной из лучших школ во всей Новой Англии. У него были друзья — хотя их состав заметно поменялся с тех пор, как он «завязал», — остроумные люди, в основном такие же преподаватели, которых восхищали его нестандартная манера общения с классом и стремление стать настоящим писателем. Еще шесть месяцев назад дела шли очень хорошо. Внезапно у них появилось достаточно денег, чтобы начать понемногу откладывать впрок и завести сберегательный счет. Когда он выпивал, денег вечно не хватало, пусть в барах за него частенько расплачивался Эл Шокли. А теперь они с Уэнди даже начали робко обсуждать возможность подыскать себе жилье попросторнее и внести примерно через год первый взнос. Пусть это будет старый фермерский дом, на ремонт которого потребуется шесть или семь лет. Разве это проблема? Они еще так молоды, черт возьми! У них полно времени.

А потом он потерял контроль над собой.

С Джорджем Хэтфилдом.

И запах надежды сменился запахом старой кожи в кабинете Кроммерта, где все напоминало сцену из его собственной пьесы: старые портреты прежних директоров Стовингтонской школы на стенах, гравюры, изображавшие школьное здание, каким оно было в 1879 году сразу после открытия и в 1895-м, когда дотация от Вандербильта позволила построить спортивный зал, до сих пор стоявший на западной стороне футбольного поля, приземистый, огромный и весь увитый плющом. Такой же сухой апрельский плющ потрескивал за узким окном Кроммерта, а в батареях отопления слышалось журчание горячей воды, навевавшее сон. Но это была не декорация и не спектакль. Это происходило в действительности. В его жизни. И как он только ухитрился так непростительно ее испохабить?

— Ситуация крайне серьезная, Джек. Ужасающе серьезная. Совет поручил мне довести до вас свое решение.

Совет попечителей хотел, чтобы Джек подал заявление по собственному желанию, и Джеку оставалось только согласиться. А ведь дотяни он до июня, с ним подписали бы бессрочный контракт.

То, что последовало за беседой с Кроммертом, стало самой черной, самой жуткой ночью в его жизни. Никогда прежде им не владело такое невероятное желание, такая *насущная необходимость* напиться. У него тряслись руки. Он опрокидывал все вокруг себя. Ему хотелось выместить гнев на Уэнди и Дэнни. Его охватило бешенство, как сорвавшегося с поводка злобного пса. И он поспешил сбежать из дома в страхе, что поднимет на них руку. Кончилось тем, что он долго околачивался перед входом в бар, и единственным, что помешало ему перешагнуть порог питейного заведения, стало отчетливое понимание, что в таком случае Уэнди решится уйти и заберет Дэнни. А их уход будет для него смертным приговором.

Вот почему он не вошел в бар, за витриной которого темные тени наслаждались сладким вкусом забвения, а направился домой к Элу Шокли. Решение совета было принято шестью голосами против одного. И этим одним был Эл.

Сейчас он набрал номер телефонного оператора, и молодой женский голос сообщил, что за один доллар восемьдесят пять центов ему будет предоставлена возможность поговорить ров-

но три минуты с Элом, находившимся в двух тысячах миль от Джека. Время — штука относительная, детка, подумал он, скармливая в прорезь автомата один за другим восемь четвертаков. В трубке слышались смутные электронные хрипы и писки, пока сигнал прокладывал себе путь на восток.

Отцом Эла был Артур Лонглей Шокли, сталелитейный магнат. В наследство своему единственному сыну Альберту он оставил немалое состояние, крупный портфель инвестиций, а также руководящие должности и кресла в разного рода советах директоров. В том числе в совете попечителей Стовингтонской средней школы, которой старик особенно любил делать благотворительные пожертвования. И Артур, и Альберт Шокли были ее выпускниками, а Эл к тому же жил в Барре, то есть достаточно близко, чтобы ему не составляло труда принимать в делах школы живейшее участие. Несколько лет Эл даже на общественных началах тренировал теннисную команду Стовингтона.

Джек и Эл подружились совершенно естественно и далеко не случайно: на многочисленных школьных и преподавательских праздниках они всегда оказывались самыми пьяными. Шокли уже разъехался с женой, да и семейная жизнь Джека медленно катилась под откос, хотя он все еще любил Уэнди и вполне искренне (причем неоднократно) клялся, что изменится ради нее и малыша Дэнни.

Но вдвоем с Элом они по-прежнему частенько продолжали веселье после окончания вечеринок, перебираясь из бара в бар, пока не закрывался последний, а потом заезжали еще в какой-нибудь круглосуточный магазин, где брали ящик пива, которое выпивали прямо в машине, завернув в первый попавшийся темный проулок. Когда Джек нетвердой походкой входил в их арендованный дом, небо уже начинало заливаться предрассветной синевой. Уэнди и сын спали внизу на диване, причем Дэнни всегда лежал у спинки, подсунув маленький кулачок под подбородок матери. Он смотрел на них, и волна презрения к самому себе наполняла его горечью, какой он не испытывал от самой дикой смеси курева, пива и многочисленных мартини (или «марсиан», как любил говорить Эл). Именно в такие минуты он всерьез начинал подумывать о пистолете, веревке или опасной бритве.

Если загул случался среди недели, он успевал часа три поспать, а потом поднимался, одевался, принимал несколько таблеток экседрина и, все еще не вполне трезвый, отправлялся к девяти в школу, чтобы провести урок об американских поэтах. Доброе утро, детишки! Сегодня Красноглазое Чудо расскажет вам, как Лонгфелло потерял жену в огне большого пожара.

При этом он никогда не считал себя алкоголиком. В трубке начались длинные гудки. Плевать, что он часто пропускал занятия вообще или являлся на уроки небритым, покачиваясь от ночной пирушки с «марсианами». «Я — алкоголик? Да я могу остановиться в любой момент!» Ночи, которые они с Уэнди проводили в разных постелях? Ничего, как-нибудь образуется. Помятые бамперы? Ерунда, я вполне могу сесть за руль! Вот только он все чаще слышал, как жена тихо плачет в ванной. Стал ловить настороженные взгляды коллег на любом мероприятии, где присутствовал алкоголь, пусть даже легкое вино. Постепенно осознал, что о нем пошла известного рода молва. Что, сидя за пишущей машинкой дома, он больше не мог выдать ничего, кроме почти девственно чистых листов бумаги, которые летели в мусорную корзину. А ведь когда-то он был для Стовингтона подлинной находкой. Подающий надежды автор и, уж конечно, достаточно квалифицированный преподаватель, чтобы приобщать детей к таинствам литературного творчества. Он успел опубликовать две дюжины рассказов, работал над пьесой и уже чувствовал, как где-то в глубинах сознания начинает вызревать нечто похожее на большой роман. Но потом творческие идеи иссякли, а преподавание уже не казалось ненадежным способом заработать.

Все внезапно окончилось однажды ночью, менее чем через месяц после того, как Джек сломал руку своему сыну. Тот случай, как ему казалось, поставил жирный крест на его браке. Уэнди требовалось лишь собрать волю в кулак... Он догадывался, что если бы матушка Уэнди не была такой первостатейной стервой, жена села бы в автобус до Нью-Гэмпшира, как только Дэнни бы поправился. И все бы закончилось.

И вот вскоре после полуночи Джек и Эл ехали по федеральному шоссе номер 31 в сторону Барре. Эл сидел за рулем свое-

го шикарного «ягуара», причем отчаянно лихачил, на поворотах бросал машину в занос, постоянно пересекая двойную разделительную полосу. Оба были в стельку пьяны: тем вечером «марсиане» высадились на Землю в больших количествах. В последний поворот перед мостом они вписались на скорости семьдесят миль в час, и на дороге вдруг возник подростковый велосипед, а потом раздался резкий протестующий визг и скрежет, когда при торможении резину начало буквально срывать с колес, но Джеку почему-то более всего запомнилось лицо Эла, сиявшее над рулем подобно полной бледной луне. Затем раздались звон и треск: успев сбросить скорость лишь до сорока, они врезались в велосипед, который взлетел, как изломанная раненая птица, ударив одним концом руля в лобовое стекло и перевернувшись в воздухе. Безопасное стекло перед выпученными глазами Джека покрылось сеткой трещин. Мгновением позже до них донесся последний громкий звук — это велосипед упал на асфальт позади машины. «Ягуар» чуть подбросило, когда он колесом переехал что-то лежавшее на дороге. Потом машину развернуло на сто восемьдесят градусов, потому что Эл все еще пытался выкручивать руль, а до Джека, словно издалека, донесся собственный загробный голос:

— Господи Иисусе, Эл! Мы сбили его. Я почувствовал это.

У него в ухе продолжали звучать долгие гудки. *Ну же, Эл. Пожалуйста, не отключайся. Дай мне сразу покончить с этим.*

Элу удалось полностью остановить автомобиль, колеса которого дымились, в каких-то трех футах от опоры моста. Две шины спустили полностью. Зигзагообразный тормозной след на асфальте тянулся футов на сто тридцать. Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом бросились назад, в холодную темноту.

Велосипед был изуродован до неузнаваемости. Одно колесо отсутствовало, и, оглянувшись через плечо, Эл заметил его валяющимся посреди шоссе, причем несколько спиц торчали вверх, как оборванные струны рояля.

— Думаю, через это колесо мы и переехали, старина Джеки, — не слишком уверенно сказал он.

— Тогда где же парень?

— А ты *видел* парня?

Джек нахмурился. Все произошло так быстро. Выезд из-за поворота. Велосипед, мелькнувший вдруг в свете фар. Громкий нечленораздельный крик Эла. А потом столкновение и долгое скольжение в заносе.

Они оттащили обломки велосипеда на обочину. Эл вернулся к «ягуару» и включил мигающий сигнал аварийной остановки. А затем они провели не менее двух часов, прочесывая местность по обе стороны шоссе с помощью яркого фонарика, работавшего от четырех батареек. Ничего. Несмотря на поздний час, несколько машин проехали мимо стоявшего поперек дороги «ягуара» и двух мужчин, рыскавших в темноте с дрожащим лучом фонаря. Но никто не остановился. Позже Джеку пришло в голову, что, должно быть, само Провидение снизошло до того, чтобы дать им последний в жизни шанс, и не позволило приехать полиции, удержав случайных свидетелей от попыток вызывать копов.

Только в четверть третьего они вернулись к «ягуару», совершенно протрезвевшие, но все еще трясущиеся от пережитого страха.

— Если на нем никто не ехал, то что он делал посреди дороги? — недоумевал Эл. — Он же не стоял на обочине, а торчал точно на треклятой разделительной линии!

В ответ Джек мог только недоуменно покачать головой.

— Вызываемый абонент не отвечает, — сообщил голос оператора. — Желаете продолжить вызов?

— Попытайтесь еще немного, если не трудно.

— Хорошо, сэр, — покорно отозвалась девушка.

Давай же, Эл!

Эл поднялся на мост и там поймал попутку до ближайшего телефона-автомата, откуда позвонил приятелю-холостяку и пообещал пятьдесят долларов, если тот достанет из гаража зимние колеса «ягуара» и привезет к мосту на шоссе 31 в районе Барре. Приятель прикатил через двадцать минут в джинсах и пижамной куртке. Огляделся.

— Задавили кого-нибудь? — деловито спросил он.

Эл уже поставил домкрат и поднимал заднюю часть своей машины, а Джек откручивал гайки.

— Хвала Всевышнему, обошлось, — ответил Эл.

— Все равно мне лучше побыстрее убраться отсюда. Расплатишься со мной утром.

— Годится, — отозвался Эл, даже не обернувшись.

Вдвоем они без особых затруднений поменяли колеса и добрались до дома Эла Шокли. Загнав автомобиль в гараж, хозяин заглушил двигатель.

В наступившей тишине он сказал:

— Ты как знаешь, а я бросаю пить, Джеки. Пора ставить точку. Я прикончил сегодня своего последнего «марсианина».

И сейчас, потея в душной телефонной будке, Джек вдруг понял, что с самого начала нисколько не сомневался в способности Эла сдержать слово. В ту ночь он поехал к себе домой, включив радиоприемник в «фольксвагене» на всю катушку, и какая-то дискогруппа повторяла один и тот же навязчивый припев, который, вероятно, при других обстоятельствах мог бы приободрить человека: *Делай то, что хочешь, и на все плевать... Просто сделай это, и на все плевать... Если очень хочешь...* Но как бы громко ни орала музыка, Джек слышал лишь визг шин и грохот удара. А стоило на секунду прикрыть глаза, и перед ними вставало раздавленное велосипедное колесо с торчавшими к небу спицами.

Когда он вошел, Уэнди спала на диване в гостиной. Заглянул в комнату Дэнни и увидел в кроватке сына, крепко спавшего на спине, с рукой, все еще закованной в гипс. В мягком сиянии уличного фонаря, проникавшем через окно, Джек мог разглядеть темные штрихи на белом гипсе, где все доктора и медсестры детского отделения больницы оставили свои автографы.

Это был несчастный случай. Он упал с лестницы.

(ах ты мерзкий лжец)

Это получилось случайно. Я потерял контроль над собой.

(ты никчемный отвратительный пьяница бог однажды выковырял из носа козявку и так получился ты)

Да брось стенать, эй! Умоляю тебя, это был просто несчастный...

Но и последняя попытка оправдаться рухнула перед воспоминанием о дрожащем луче фонарика, когда они рыскали среди облетевших ноябрьских зарослей в поисках распластанного на земле тела, которое по всем признакам должно было

лежать там в ожидании полиции. И не важно, что машину вел Эл. Часто по ночам пьяным за руль садился он сам.

Джек хорошенько укрыл Дэнни одеялом, прошел в их с женой спальню и достал с верхней полки стенного шкафа испанский пистолет «льяма» тридцать восьмого калибра. Он хранил его в коробке из-под ботинок. Потом просидел на постели почти час, разглядывая оружие, загипнотизированный смертоносным блеском стали.

Уже совсем рассвело, когда он положил его обратно в коробку и убрал на полку.

В то утро он позвонил Брюкнеру, главе школьного отдела филологии, и попросил по возможности отменить свои уроки. У него разыгралась простуда. Брюкнер согласился, но куда более недовольным тоном, чем обычно. В последний год Джека Торранса просто одолели простудные заболевания.

Уэнди приготовила яичницу-болтунью и кофе. Они молча поели. Звуки доносились только с заднего двора, где Дэнни увлеченно гонял игрушечные грузовички по куче песка, управляясь одной здоровой рукой.

Она взялась за мытье посуды. Стоя спиной к нему, сказала:

— Джек, я в последнее время много думала.

— Неужели?

Он прикурил сигарету дрожащей рукой. Странно, но в это утро похмелья не было. Его только трясло. Он на секунду прикрыл глаза. В наступившей темноте велосипед снова ударился о лобовое стекло, покрыв его трещинами. Завизжали покрышки. Забегал луч фонарика.

— Я хочу поговорить с тобой о том... О том, что будет лучше для меня и для Дэнни. И для тебя, наверное, тоже. Этого я не знаю. Но, как я теперь понимаю, нам с тобой давно следовало это обсудить.

— Не могла бы ты кое-что для меня сделать? — спросил он, разглядывая трясущийся кончик сигареты. — Оказать мне услугу?

— Какую? — Ее голос звучал ровно и бесстрастно. Он смотрел ей в спину.

— Давай поговорим обо всем ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Если тебе все еще захочется поговорить.

Она резко повернулась к нему, ее руки покрывали кружева мыльной пены, хорошенькое личико выглядело побледневшим и огорченным.

— Я больше не верю твоим обещаниям, Джек. Ты обещаешь, а потом тут же снова...

Она осеклась, встретившись с ним глазами, неожиданно озадаченная и растерявшаяся.

— Через неделю, — повторил он. Его голос тоже лишился свойственной ему уверенной силы и перешел в шепот. — Пожалуйста. Я ничего не стану обещать. И если тебе по-прежнему захочется поговорить со мной, мы поговорим. О чем тебе будет угодно.

Они долго смотрели друг на друга через залитую солнцем кухню, но стоило ей молча вернуться к мытью посуды, как его начало трясти по-настоящему. Боже, как же ему хотелось выпить! Немного. В качестве лекарства, чтобы видеть ситуацию более отчетливо...

— Дэнни приснилось, что ты попал в аварию на машине, — неожиданно сказала она. — Ему иногда снятся странные сны. Он рассказал мне сегодня утром, когда я помогала ему одеваться. Это правда, Джек? Была авария?

— Нет.

К полудню желание выпить довело его до лихорадочного состояния. Он отправился к Элу.

— Ты трезв? — спросил Эл, прежде чем впустить его в дом. Сам он выглядел отвратительно.

— Как стеклышко. А ты похож на Лона Чейни в «Призраке оперы».

— Заходи.

Они до конца дня играли в вист. Но не пили.

Миновала неделя. Они с Уэнди почти не общались. Хотя он знал, что она наблюдает за ним и все еще не верит. Он стал пить кофе без молока и в огромных количествах поглощал кока-колу. Как-то вечером выпил целиком упаковку из шести банок, а потом метнулся в туалет, где его вырвало. Уровень жидкости в бутылках в домашнем баре оставался неизменным. После уроков он неизменно шел к Элу Шокли — а Уэнди ненавидела Эла Шокли, как никого другого, — и когда возвращался, она готова была поклясться, что улавливает запашок виски или джина.

Однако до ужина он говорил вполне внятно, выпивал чашку кофе, после еды играл с Дэнни, делясь с ним бутылкой колы, читал ему перед сном, а потом усаживался проверять сочинения учеников, продолжая пить черный кофе, чашка за чашкой, и ей приходилось признавать свою неправоту.

Так прошло еще несколько недель, и не высказанное однажды слово уже не спешило срываться с ее губ. Джек чувствовал, что оно затаилось в ее сознании, и знал: это слово никогда уже не исчезнет из него насовсем. Жить стало немного легче. А потом — Джордж Хэтфилд. Он снова потерял контроль над собой, хотя на этот раз был абсолютно трезв.

— Сэр, ваш абонент все еще...

— Алло! — послышался голос запыхавшегося Эла.

— Говорите, — недовольным тоном произнес оператор.

— Эл, привет. Это Джек Торранс.

— Джеки, старина! — В голосе слышалась неподдельная радость. — Как поживаешь?

— Все хорошо. Я звоню, чтобы поблагодарить. Мне дали работу. Как раз то, что нужно. Если я не смогу закончить свою чертову пьесу, сидя всю зиму в заваленных снегом четырех стенах, то не закончу ее уже никогда.

— Закончишь непременно.

— Сам-то ты как? — нерешительно спросил Джек.

— Трезв, — ответил Эл. — А ты?

— Как стеклышко.

— Тоскуешь по бутылке?

— Каждый божий день.

Эл рассмеялся:

— Знакомое чувство. Ума не приложу, как ты не сорвался после той истории с Хэтфилдом, Джек. Вот это действительно чудеса выдержки.

— Да уж. Обгадился по полной, — ровным голосом произнес Джек.

— Верно, но будь я проклят, если к весне не заставлю членов совета изменить решение! Эффингер, между прочим, уже сейчас считает, что они погорячились с тобой. А если у тебя получится с пьесой...

— Да, это верно. Слушай, Эл. У меня мальчишка остался один в машине, и, боюсь, ему это скоро наскучит...

— Конечно. Я все понимаю. Хорошей тебе зимы в тех краях, Джек. Был рад посодействовать.

— Еще раз спасибо, Эл.

Он повесил трубку. Прикрыл глаза в духоте будки и снова увидел изуродованный велосипед, мечущийся луч фонарика. На следующий день в местной газете появилась крохотная заметка. Похоже, им попросту не о чем было писать. Имя владельца велосипеда не указывалось. Откуда он взялся в том месте глубокой ночью, навсегда осталось загадкой, и, вероятно, так тому и следовало быть.

Он вернулся к машине и вручил Дэнни слегка размякший шоколадный батончик.

— Папа!

— Что такое, док?

Дэнни замялся, глядя на задумчивое лицо отца.

— Когда я ждал твоего возвращения из того отеля, мне приснился плохой сон. Помнишь? Когда я заснул на улице?

— Угу.

Нет, никакого смысла продолжать не было. Мысли отца витали где-то в другом месте. Он его не слышал. Он снова думал о Скверном Деле.

(Мне приснилось, что ты сделал мне больно, папа.)

— О чем же был сон, док?

— Так. Ни о чем, — сказал Дэнни, когда они уже выезжали со стоянки, и сунул карты назад в бардачок.

— Ты уверен?

— Да.

Джек окинул сына немного встревоженным взглядом, но потом полностью погрузился в раздумья о своей пьесе.

Глава 6
НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Они закончили заниматься любовью, и теперь ее мужчина спал рядом с ней.

Ее мужчина.

Она слабо улыбнулась в ночной темноте, все еще ощущая, как его семя теплой струйкой стекает по чуть раздвинутым бедрам, и улыбка вышла грустной и довольной одновременно, потому что в словосочетании «мой мужчина» смешались сотни различных оттенков чувств. Причем каждое чувство, взятое отдельно, оставалось необъяснимым и смутным, однако все вместе во мраке перед погружением в сон они звучали как тихий блюз, который она когда-то слышала в почти пустом ночном клубе, меланхоличный, но приятный.

Любить тебя — все равно что ходить
По веревочке тонкой,
Но без любви не желаю я быть
Лишь твоей собачонкой.

Пела ли это знаменитая Билли Холидэй? Или кто-то попроще, вроде Пегги Ли? Впрочем, не важно. Песня была печальная, даже тоскливая, но в умиротворенном сознании Уэнди она звучала плавно и приглушенно, словно лилась из старомодного музыкального автомата, должно быть, «Вурлицера», за полчаса до закрытия.

Ее мысли начали слегка путаться, и она задалась вопросом, сколько разных постелей уже успела разделить с этим спящим рядом мужчиной. Они познакомились в колледже, а первый секс у них был у него в квартире... И это произошло менее чем через три месяца после того, как мать выставила ее из дома и запретила возвращаться. Если уж ей некуда податься, пусть отправляется к своему папаше, потому что именно из-за нее они развелись. Шел семидесятый год. Неужели так много воды утекло? В следующем семестре они съехались, нашли летнюю работу и потому сумели сохранить квартиру за собой, когда перешли на последний курс. Ту кровать она запомнила особенно отчетливо — огромная, двуспальная, но продавленная посередине. Когда они занимались любовью, ржавые пружины матраца словно считали колебания их тел. Той осенью она наконец-то полностью порвала со своей матерью. В этом ей помог Джек. «Ей только и нужно, что продолжать измываться над тобой, — говорил он. — Чем чаще ты ей звонишь, чем чаще

приползаешь на брюхе с мольбой о прощении, тем с большим наслаждением она тычет тебе в лицо напоминаниями об отце. Ей это только в радость, Уэнди, потому что она может продолжать во всем винить тебя. А тебе делается все хуже». Сколько раз они обсуждали это в тот год на той самой кровати!

(Джек сидел, обернув вокруг пояса покрывало, сжимая между пальцами сигарету, смотрел ей в глаза — у него была манера делать это наполовину шутливо, наполовину сердито — и говорил: *Она ведь велела тебе никогда больше не возвращаться, так? Чтобы даже твоя тень никогда не падала на ее порог, так? Тогда почему же она не вешает трубку, когда слышит твой голос? Почему не разрешает тебе войти, как только видит, что с тобой пришел я? Да потому, что понимает — я способен сломать ей весь кайф. Она хочет продолжать безнаказанно терзать тебя, детка. И ты дурочка, если позволяешь ей это. Она велела тебе больше не возвращаться, так почему бы не поймать ее на слове? Хотя бы попытайся.* И под конец она стала разделять его точку зрения.)

Это Джеку пришла в голову идея расстаться на время, чтобы, как он это сформулировал, оценить их отношения со стороны. Она опасалась, что он попросту начал встречаться с другой. Позже выяснилось, что ничего подобного не произошло. Весной они уже снова жили вместе, и он как-то спросил ее, не ездила ли она повидаться с отцом. Уэнди подскочила как ошпаренная.

Откуда ты знаешь?

Великая Тень знает все.

Так ты шпионил за мной?

В ответ он только рассмеялся, а ей снова стало неловко, как будто она всего лишь несмышленая девчонка и он насквозь видит мотивы ее поступков.

Тебе нужно было время, Уэнди.

Для чего?

Думаю... чтобы понять, за кого из нас ты хочешь замуж.

Джек, что ты несешь?

Несу? А мне показалось, что я сделал тебе предложение.

Свадьба. Отец приехал, матери не было. И она обнаружила, что ей легко смириться с этим, лишь бы Джек был рядом. А потом появился Дэнни, ее славный сыночек.

Это был их лучший год вместе и лучшая постель. После того как родился Дэнни, Джек нашел ей работу машинистки у преподавателей с кафедры английской литературы. Она печатала для них тексты контрольных, экзаменационные билеты, расписания занятий на семестр, лекции и примечания к ним, списки литературы для самостоятельного изучения. В конце концов даже перепечатала целый роман, который так и не был опубликован... к глубоко скрытой, но величайшей радости Джека. Работа приносила сорок долларов в неделю, а в те два месяца, что она потратила на злополучный роман, доходы подскочили до шестидесяти. И тогда они смогли купить свою первую машину — пятилетний «бьюик» с детским креслицем. Они стали воплощением молодой, интеллигентной, целеустремленной супружеской пары. А появление на свет Дэнни привело к вынужденному примирению с матерью. Их отношения продолжали оставаться напряженными и безрадостными, но они хотя бы возобновились. Она всегда возила Дэнни в гости к матери одна, без Джека, и старалась не жаловаться мужу, что старуха по-своему перепеленывает малыша, недовольна молочной смесью, которой его кормят, и бесконечно упрекает Уэнди, когда замечает подозрительную сыпь у него на попке или в промежности. Причем мать ничего не говорила прямо, но ясно давала понять: за примирение Уэнди придется вечно расплачиваться ценой унижений и неизбывного чувства своей полной женской несостоятельности. То есть орудия пыток пребывали в постоянной готовности.

Днем Уэнди хозяйничала на залитой солнцем кухне их с Джеком четырехкомнатной квартиры, кормила Дэнни молоком из бутылочек и крутила пластинки на своем стареньком портативном стереопроигрывателе, который ей подарили еще во время учебы в школе. Джек возвращался из колледжа к трем (а иногда и к двум, если чувствовал, что может спокойно прогулять последнюю лекцию) и, пока Дэнни спал, уводил жену в спальню, где все ее сомнения в собственной состоятельности мгновенно улетучивались.

По вечерам, когда она печатала, он писал или выполнял учебные задания. Порой она выходила из спальни, где стояла пишущая машинка, и обнаруживала, что муж с сыном спят на

диване в гостиной, причем на Джеке не было ничего, кроме трусов, а Дэнни обычно удобно устраивался на груди отца, засунув в рот большой палец. Она укладывала Дэнни в кроватку, а потом прочитывала то, что Джек успел написать в тот вечер, прежде чем слегка растормошить его и помочь добраться до постели.

Лучшей постели в их лучший год.

Однажды будет праздник на улице моей...

В то время выпивка еще не превратилась для Джека в реальную проблему. По субботним вечерам к ним, бывало, заваливалась группа приятелей-студентов, и под ящик пива разгорались дискуссии, в которых Уэнди редко принимала участие, поскольку ее специальностью была социология, а не английская словесность. Они спорили, относить ли дневники Пипса к области литературы или истории, обсуждали поэзию Чарльза Олсона, порой читали вслух то, над чем работали сами. Разговаривали на сотни других тем. Нет, на тысячи. И она не жалела, что не может вставить ни словечка. Ей было вполне достаточно сидеть в кресле-качалке рядом с Джеком, который располагался на полу, скрестив под собой ноги и держа в одной руке бутылку пива, а другой ласково поглаживая ее коленку или пожимая пальцами лодыжку.

В колледжах Университета Нью-Гэмпшира приходилось выдерживать напряженную конкуренцию, а ведь на Джека ложилась еще и дополнительная нагрузка — его собственное творчество. Ради этого он каждую ночь жертвовал по меньшей мере часом сна. Так проходила вся неделя. И субботние сходки становились необходимой терапией. Они помогали ему избавляться от негативных эмоций, которые в противном случае могли копиться и копиться, пока дело не дошло бы до взрыва.

Завершив дипломную работу, он получил место в Стовингтоне, в основном благодаря своим литературным успехам — к тому времени уже четыре его рассказа были опубликованы, причем один из них в «Эсквайре». Тот день Уэнди запомнила очень хорошо. Сначала она чуть не выбросила пришедший по

почте конверт, приняв его за очередную рекламу подписки на издание. А когда вскрыла, неожиданно обнаружила внутри письмо, в котором сообщалось, что «Эсквайр» хотел бы опубликовать рассказ Джека «О черных дырах» в начале следующего года. Они предлагали гонорар в девятьсот долларов, к тому же не по факту публикации, а сразу по принятии рукописи в печать. Пишущей машинкой Уэнди зарабатывала примерно столько же за полгода, и она тут же кинулась к телефону, бросив Дэнни, комично таращившегося ей вслед с высокого стульчика для кормления, с личиком, перемазанным пюре из протертых бобов и вареной говядины.

Джек примчался из университета уже через сорок пять минут, причем «бьюик» низко просел под тяжестью семерых его приятелей и бочонка с пивом. После торжественного тоста (даже Уэнди выпила стакан, хотя не любила пиво) Джек подписал согласие на публикацию, вложил его в прилагавшийся конверт с обратным адресом и прошел квартал до почтового ящика. Вернувшись, он с важным видом замер на пороге и провозгласил: «Veni, vidi, vici»*, — что было встречено радостными возгласами и аплодисментами. Когда к одиннадцати часам вечера бочонок опустел, Джек и еще двое, то есть все сохранившие способность кое-как держаться на ногах, решили отправиться в вояж по барам.

Уэнди тогда отвела мужа в угол коридора на первом этаже. Двое других уже ждали в автомобиле, распевая нетрезвыми голосами воинственный гимн Нью-Гэмпшира. Джек опустился на колено и вслепую возился со шнурками на своих мокасинах.

— Джек, не делай этого, — попросила она. — Ты даже шнурков завязать не в состоянии, не говоря уже о том, чтобы вести машину.

Он поднялся и успокаивающе положил ладони ей на плечи.

— Сегодня я мог бы слетать на луну, будь у меня такое желание.

— Нет, — возражала она. — Никакие публикации в «Эсквайре» того не стоят.

— Я скоро вернусь домой.

---

* Пришел, увидел, победил (*лат.*).

Однако домой он явился только в четыре утра и с трудом поднялся по лестнице, спотыкаясь и что-то бормоча под нос. Он, конечно же, разбудил Дэнни, а когда попытался убаюкать малыша, уронил его на пол. Уэнди тут же бросилась к ним, при этом ее больше всего беспокоило, что скажет мать, если заметит синяк, — Господи, не приведи, Боже, спаси и сохрани нас, — обняла Дэнни и уселась с ним в качалку, чтобы успокоить и убаюкать. Она вообще по большей части думала о своей матери все те пять часов, пока Джека не было дома, и о матушкином пророчестве, что из ее мужа никогда не выйдет ничего путного. «Большие планы на будущее! — вещала мать. — Очереди на биржах труда забиты образованными дураками с большими амбициями». Опровергала ли публикация в «Эсквайре» мнение матери или подтверждала его? «Ты неправильно держишь ребенка, Уиннифред. Отдай его мне». А правильно ли она вела себя с мужем? Почему ему было настолько необходимо выплеснуть свою радость за пределами дома? Уэнди овладел страх от собственного бессилия, но ей даже в голову не пришло, что он мог уехать из дома по причинам, не имеющим лично к ней никакого отношения.

— Поздравляю, — сказала она, укачивая Дэнни, который снова задремал. — Вероятно, у него сотрясение мозга.

— Пустяки. Всего лишь царапина, — надувшись, ответил Джек тоном капризного мальчишки. На секунду она готова была возненавидеть его.

— Может, царапина, — сказала она мрачно, — а может, все куда серьезнее.

И сразу уловила в собственном голосе знакомую интонацию: так ее мать разговаривала с покойным отцом. От этого ей сделалось тошно и еще страшнее.

— Яблоко от яблони... — проворчал Джек.

— Отправляйся в постель! — прикрикнула на него она, причем от страха голос ее стал окончательно злобным. — Пойди и проспись. Ты пьян!

— Не надо мне приказывать, что делать.

— Джек, пожалуйста... Мы не должны... Нам нельзя... — Ей не хватило слов.

— Не надо мной командовать, — повторил он угрюмо, но потом все же ушел в спальню. А она осталась одна в своем

кресле с заснувшим на руках Дэнни. Через пять минут до гостиной докатился раскатистый храп. То была первая ночь, которую она провела одна на диване.

А сейчас она беспокойно ворочалась на кровати, хотя сон уже смаривал ее. Освобожденное подкрадывавшимся забытьем от необходимости мыслить в рамках хронологии и логики, ее сознание миновало первый год жизни в Стовингтоне и продолжительную стадию постепенного ухудшения отношений, апогеем которой стала сломанная рука сына, и остановилось сразу на том их разговоре после завтрака.

Дэнни играл с машинками в куче песка во дворе. С его руки еще не сняли гипс. Джек сидел за столом с посеревшим лицом и сигаретой, дрожавшей между пальцами. Она решилась попросить его дать ей развод. Но прежде она рассмотрела этот вопрос с сотен различных точек зрения. Она начала задумываться над ним по меньшей мере за полгода до эпизода со сломанной рукой Дэнни. Она не уставала повторять себе, что давно пошла бы на это, если бы не сын, но даже здесь заключалась лишь доля правды. Долгими ночами, когда Джека не было дома, она спала и видела в повторявшихся снах лицо своей матери и собственную свадьбу.

(*Кто отдает эту женщину в жены?* Рядом стоит отец в своем лучшем костюме, который все равно выглядит плоховато — папа трудился коммивояжером в компании, торговавшей консервами и уже тогда балансировавшей на грани банкротства, — и лицо у него такое усталое, такое постаревшее и бледное. *Я!* — отвечает он.)

Но даже после несчастного случая — если его можно так называть — она все еще не могла заставить себя поднять эту тему, признав наконец, что ее кособокий брак пришел к своему бесславному концу. Она продолжала ждать и жить глупой надеждой на чудо, что Джек сам вдруг поймет, что творится не только с ним, но и с ней тоже. Однако лучше не становилось. Стаканчик перед отъездом на работу в школу. Две или три кружки пива за обедом в «Стовингтон-хаусе». Три или четыре мартини до ужина. А потом еще пять-шесть за проверкой домашних заданий учеников. По выходным все обстояло удручающе плохо. Но в настоящий кошмар превратились его ночные загулы с

Элом Шокли. Она и представить себе не могла, что в жизни может быть столько боли, даже если физически ты в полном порядке. А она испытывала боль почти непрерывно. Какова ее доля вины во всем этом? Этот вопрос неотвязно преследовал Уэнди. Она пробовала смотреть на ситуацию глазами своей матери. Своего отца. А порой задумывалась, как это воспринимает Дэнни, и тогда ее ужасала мысль, что в один прекрасный день он станет достаточно взрослым, чтобы понять, кто виноват. Уйти? Но куда? Мать, несомненно, пустит их с Дэнни к себе, но Уэнди не сомневалась, что уже через несколько месяцев необходимости ежедневно наблюдать, как твоего сына перепеленывают, как его еду либо меняют, либо просто выбрасывают за негодностью, как ему покупают другую одежду, по-иному стригут волосы и прячут в глухом углу на чердаке книжки, которые мать считает вредными для малыша... Уже через несколько месяцев с ней точно случится нервный срыв. И вот тогда мать покровительственно похлопает ее по руке и скажет: *Хотя ты считаешь, что ни в чем не виновата, это только твоя вина. Ты никогда не была приличной девушкой. А свою истинную натуру показала, когда встала между мной и своим отцом.*

Мой отец, отец Дэнни. Мой, его...

(*Кто отдает эту женщину? Я!* Он скончался от инфаркта полгода спустя.)

В ночь накануне того утра она пролежала без сна почти до самого возвращения Джека домой, думая, принимая окончательное решение.

Развод необходим, сказала она себе. А ее мать и отец не имеют к этому никакого отношения. Как и чувство вины из-за их разрыва или ощущение неполноценности собственного брака. Он необходим ради блага ее сына, ради нее самой, если она хотела спасти хотя бы оставшуюся часть уходящей молодости. Это грубо, но зато правда. Ее муж — пропойца. И у него скверный характер, который он все хуже контролирует по мере увеличения количества выпивки и снижения количества и качества написанного. Случайно или нет, но он сломал Дэнни руку. И работу он потеряет. Если не в этом году, то в будущем. Она уже не раз ловила на себе сочувственные взгляды жен других преподавателей. Слишком долго она терпела все тяготы

своей супружеской жизни, но терпение иссякло. Настала пора покончить с этим. Джеку, разумеется, будут предоставлены все права посещения ребенка, а ей потребуется его материальная поддержка, пока она сама не сумеет встать на ноги. И это необходимо будет сделать как можно быстрее, потому что она осознавала, что Джек, вероятно, недолго сможет выплачивать ей алименты. Она постарается по возможности смягчить удар для всех. Но конец неизбежен.

С такими мыслями она провалилась в тревожный и чуткий сон, преследуемая видениями лиц отца и матери. *Ты создана лишь для того, чтобы разрушать семьи*, говорила во сне мать. *Кто отдает эту женщину в жены?* — спрашивал священник. *Я!* — отвечал отец. Но и при ярком свете утреннего солнца ее чувства не изменились. Стоя спиной к мужу и погрузив руки в мыльную воду для мытья посуды, она приступила к неизбежному.

— Я хочу поговорить с тобой о том, что будет лучше для меня и для Дэнни. И для тебя, наверное, тоже. Нам давно следовало это обсудить.

И тогда он сказал странную вещь. Она-то ожидала вспышки гнева, злости, потока горьких упреков. Предполагала, что он сразу же кинется к буфету, где хранилось спиртное. Но не предвидела этого тихого, спокойного ответа, так непохожего на его обычную манеру общаться. Словно тот Джек, с которым она прожила шесть лет, прошлой ночью так и не вернулся домой, словно его подменили на какого-то фантастического доппельгангера, и она уже никогда не узнает правду и не сможет проверить, он ли это.

— Не могла бы ты кое-что для меня сделать? Оказать мне услугу?

— Какую? — Ей пришлось приложить огромное усилие, чтобы голос не дрогнул.

— Давай поговорим обо всем ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Если тебе все еще захочется поговорить.

И она согласилась. Причем не высказала никаких требований. В ту неделю он встречался с Элом Шокли даже чаще обычного, но домой возвращался вовремя, и от него не разило алкоголем. Ей лишь поначалу мерещился этот запах, но она знала, что ошибается. Так прошла первая неделя. Затем другая.

Вопрос о разводе словно вернули на повторное рассмотрение, отложив голосование.

Что же произошло? Она терялась в догадках, не имея об этом ни малейшего представления. А в разговорах между ними эта тема стала табу. Но он определенно вел себя как человек, который случайно заглянул за угол и узрел монстра, вожделенно поджидавшего его на обглоданных костях предыдущих жертв. Бутылки оставались в буфете, но он к ним не притрагивался. Не раз и не два она хотела выбросить их, но всякий раз отметала эту идею, словно опасаясь, что подобный акт может разрушить некие магические чары.

Но еще больше ее мысли занимал Дэнни.

Если она чувствовала, что не узнает своего мужа, то к ребенку стала относиться с подлинным благоговением — причем в полном смысле этого слова: она смотрела на него с неописуемым суеверным трепетом.

В легком полусне перед ней вновь предстало мгновение его появления на свет. Она снова лежала на родильном столе, вся в поту, со спутанными волосами и ногами, широко раздвинутыми и закрепленными в скобах

(немного пьяная от газа, который ей время от времени давали вдохнуть, в какой-то момент она даже пробормотала, что чувствует себя жертвой группового изнасилования, и акушерка, прожженная старая ворона, которая приняла, должно быть, такое количество новорожденных, что их хватило бы на целую школу, от души расхохоталась)

врач расположился где-то у нее между ног, акушерка чуть в стороне возилась с инструментами и все посмеивалась. Острая, пронзительная боль постоянно возвращалась через все более короткие интервалы, и она несколько раз не сдержала крик, хотя очень стыдилась.

Затем доктор весьма строго велел ей ТУЖИТЬСЯ, и она подчинилась, а потом вдруг почувствовала, как из нее что-то вынули. Это было ясное и отчетливое, незабываемое ощущение: из нее забрали нечто. Доктор поднял ее сына за ножки — она сразу увидела крохотный пенис и сразу узнала, что у нее мальчик. Но когда доктор потянулся к своей маске, Уэнди

увидела кое-что еще настолько ужасное, что ей хватило сил снова закричать.

У него нет лица!

Но лицо, конечно же, было — милое, сладкое личико Дэнни, — а оболочку плода, скрывавшую его в момент рождения, она потом втайне от всех сохранила в небольшом сосуде. Уэнди не верила ни в какие старые приметы, однако оболочку тем не менее забрала с собой. Она не прислушивалась к хвастовству других матерей, но ее мальчик был особенным с самого начала. Она не допускала существования ясновидящих или «третьего глаза», но...

Папа попал в аварию? Мне приснилось, что папа разбился на машине.

Что-то все-таки заставило его измениться. Не могло ведь ее решение попросить развод само по себе привести к такому результату. Что-то случилось накануне того утра. Случилось, пока она урывками спала одна. Эл Шокли твердил, что не произошло ровным счетом ничего, но отводил глаза всякий раз, когда она спрашивала об этом, а если верить сплетням из учительской, Эл и сам неожиданно стал трезвенником.

Папа попал в аварию?

Быть может, и попал, но тогда это было лишь столкновение с Судьбой, и ничего больше. Она просмотрела газеты за те два дня более внимательно, чем обычно, но не обнаружила в новостях ничего, что хоть как-то могло быть связано с изменившимся поведением Джека. Боже всемогущий! А ведь она так опасалась узнать о наезде на человека автомобиля, водитель которого скрылся с места происшествия! Или о потасовке в баре, закончившейся для кого-то больничной койкой. Или... Кто знает, о чем еще? Кто хочет знать? Вопреки ее ожиданиям на пороге не появился полисмен, чтобы начать задавать вопросы или предъявить ордер, позволявший взять образцы краски с бампера их «фольксвагена». Ничего подобного не случилось. Абсолютно ничего, если не считать радикальной перемены в ее муже и вопроса, заданного спросонок ее сыном:

Папа попал в аварию? Мне приснилось...

А ведь она не рассталась с Джеком во многом ради Дэнни, хотя наяву и не любила об этом думать. Но сейчас, уже засыпая,

Уэнди расслабилась и могла позволить себе чистосердечное признание: Дэнни стал папиным сынком почти с самого начала. Точно так же, как она сама в свое время сразу стала папиной дочкой. Она не помнила, чтобы крошка Дэнни хотя бы раз срыгнул молочную смесь на отцовскую рубашку. Джек мог заставить ребенка есть после того, как она, выбившись из сил, бросала свои попытки. Так происходило даже в период, когда у мальчика резались зубки и ему было больно жевать. Если у Дэнни болел животик, ей требовался час укачиваний, чтобы унять плач, а Джеку достаточно было взять его на руки, дважды пройтись с ним по комнате из конца в конец, и сын засыпал, положив голову ему на плечо, а большой палец глубоко погрузив себе в рот.

Джек никогда не отказывался сменить ребенку испачканные пеленки, не брезгуя даже тем, что сам в шутку называл «особо крупной поставкой». Он мог просиживать с Дэнни часами, подбрасывая его на коленях, забавляясь с ним играми на пальцах, строя жуткие гримасы, когда Дэнни принимался дергать его за нос, отчего мальчик буквально покатывался со смеху. Джек умел готовить молочные смеси и скармливал их безупречно, не вызывая у малыша ни малейшей отрыжки. Он сажал его с собой в машину, когда отправлялся купить газету, или бутылку молока, или гвозди в хозяйственном магазине, хотя Дэнни был еще совсем крошечным. В шестимесячном возрасте он взял его на футбольный матч между командами Стовингтона и Кина. Дэнни зачарованно просидел у отца на коленях всю игру, завернутый в одеяло, сжимая в пухлом кулачке маленький талисман с эмблемой стовингтонцев.

Он любил маму, но был папенькиным сынком.

И разве не ощущала она время от времени каким-то шестым чувством безмолвного противостояния сына самой идее развода родителей? Бывало, она размышляла об этом, крутила эту мысль в голове, как крутила в руке картофелину, которую чистила к ужину. А потом, внезапно обернувшись, видела, как Дэнни сидит по-турецки на кухонном стуле и смотрит на нее с испугом и обвинением в глазах. Когда они гуляли в парке, он иногда вдруг брал ее за обе руки и спрашивал, почти требовал ответа:

— Ты меня любишь? А папу тоже любишь?

И в смущении она неизменно кивала и говорила:

— Конечно, люблю, милый.

И тогда он мог резко отпустить ее и побежать к пруду с громким криком, размахивая руками, вспугивая стаю уток, которые в страхе улетали при виде такой маленькой, но яростной угрозы, а она застывала на месте и лишь с удивлением смотрела ему вслед.

Порой наступали моменты, когда она полностью утрачивала всякое желание даже обсуждать с Джеком тему развода, но не из-за собственной слабости, а поддаваясь неожиданно сильной воле сына.

Никогда не поверю, что такое возможно.

Но во сне Уэнди верила и, засыпая с еще теплым семенем мужа на бедрах, ощущала, что они втроем накрепко и навечно прикованы друг к другу. И что если их триединство и может быть разрушено, то не одним из них, а только какой-то внешней силой.

Потому что, так или иначе, все, во что она действительно верила, опиралось на ее любовь к Джеку. Ведь она никогда не переставала любить его, за исключением, быть может, тех нескольких черных дней, что последовали сразу за «несчастным случаем» с Дэнни. Сына она любила тоже. Но больше всего ей нравилось видеть их вместе: идущими, едущими в машине или просто сидящими рядом. Крупная голова Джека и маленькая головка Дэнни, деловито склонившиеся над раскладом в «старой деве» или над страницами комиксов. При этом они часто выпивали на двоих одну бутылку колы. Она обожала смотреть на них в такие моменты и сейчас от всей души надеялась, что работа в отеле, которую нашел для Джека его приятель Эл, станет для их семьи началом новых добрых времен.

И ветерок-проказник развеет печаль, поверь...

Тихая, плавная, чуть глуховатая мелодия снова вернулась, и вместе с ней Уэнди погрузилась в более глубокий сон, где уже не было места мыслям, а являвшиеся в видениях лица не запоминались.

Глава 7
В ДРУГОЙ СПАЛЬНЕ

Дэнни проснулся с отдававшимся в ушах гулким грохотом и диким, хриплым голосом:

А ну иди сюда, и я тебя проучу как следует! Я найду тебя! Я все равно тебя найду!

Но глухой стук оказался всего лишь учащенным биением его собственного сердца, а единственным криком в ночи было далекое завывание полицейской сирены.

Он лежал не шевелясь, глядя, как на потолке играют тени от листьев деревьев. Они прихотливо изгибались, сливались вместе, образовывая подобие лиан и других вьющихся растений, напоминая узор, вытканный на толстом ковре. Дэнни был в теплой пижаме, но между ней и его кожей образовался липкий слой холодного пота.

— Тони! — прошептал он. — Ты здесь?

Никто не отозвался.

Он выскользнул из-под одеяла, неслышно подошел к окну и посмотрел на Арапахо-стрит, сейчас пустую и тихую. Два часа ночи. Там никого не было, лишь тротуары, усыпанные опавшими листьями, припаркованные машины и уличный фонарь на углу через дорогу от автозаправочной станции «Клифф Брайс». Изогнутая верхушка и неподвижность придавали фонарю сходство с монстром из фильмов о космических пришельцах.

Дэнни оглядел всю улицу, напрягая зрение, чтобы не упустить смутную маячащую фигуру Тони, но так никого и не увидел.

Ветер постанывал в верхушках деревьев, шуршал сухими листьями, гоняя их по тротуару и вокруг колес автомобилей. Это был едва слышный, но грустный звук, и мальчик подумал, что, вероятно, единственный во всем Боулдере не спит и может слышать его. По крайней мере единственный человек. Но откуда ему знать, что еще может таиться в ночи, хищно рыская в глубоких тенях, наблюдая и нюхая воздушные потоки?

Я найду тебя! Я все равно тебя найду!

— Тони! — прошептал он снова, но уже без особой надежды.

Ветер ответил ему сильным порывом, разметав листья по скату крыши под окном. Некоторые из них попали в водосточный желоб и замерли там, словно уставшие танцоры.

Дэнни... Дэнни-и-и...

Он вздрогнул, услышав знакомый голос, и высунулся из окна, опершись руками о подоконник. И стоило прозвучать голосу Тони, как вся ночь, казалось, пришла в безмолвное и таинственное движение, зашептала, хотя ветер полностью утих, листья застыли и даже тени перестали колебаться. Дэнни почудилось, что он видит что-то темное у автобусной остановки в квартале от дома, но он не был уверен, реальность ли это или его воображение.

Не уезжай туда, Дэнни...

Потом снова поднялся ветер, заставив его моргнуть, и тень у остановки пропала... если вообще там была. Он постоял у окна

(минуту? час?)

еще какое-то время, но ничего больше не произошло. В конце концов он снова забрался в постель, натянул на себя одеяло и продолжил смотреть, как тени, отбрасываемые светом фонаря-пришельца, трансформируются в джунгли, населенные плотоядными растениями, стремившимися обвиться вокруг него, задушить насмерть и утащить его тело вниз, в черноту, где пульсировало красными вспышками одно слово:

РОМ.

Часть вторая
ОКОНЧАНИЕ СЕЗОНА

Глава 8
ВИД НА «ОВЕРЛУК»

Мама беспокоилась.

Она боялась, что «жук» не выдержит поездки вверх и вниз по горам и они застрянут прямо на дороге, где кто-нибудь будет мчаться на большой скорости и врежется в них. Дэнни был настроен более оптимистично: если папа сказал, что «жук» осилит последнее путешествие, то скорее всего так и будет.

— Мы почти приехали, — сказал Джек.

Уэнди убрала выбившиеся пряди волос за уши.

— Слава тебе Господи!

Она сидела на продавленном правом сиденье с романом Виктории Холт, раскрытым, но перевернутым мягкой обложкой вверх у нее на коленях. Она надела синее платье, которое Дэнни считал самым красивым. Матросский воротник делал ее похожей на школьницу. Папа то и дело норовил положить руку ей на бедро, а она каждый раз смеялась и смахивала ее со словами:

— Отстань, муха назойливая!

Горы произвели на Дэнни внушительное впечатление. Отец уже однажды возил его к скалистым холмам рядом с Боулдером, которые назывались Флатиронами, но эти оказались намного больше, а на самых высоких вершинах виднелись шапки изумительно белого снега, который, как сказал папа, не сходил круглый год.

И они действительно очутились в настоящих горах. Отвесные каменные стены окружали их со всех сторон, такие высокие, что края нельзя было увидеть, даже высунув голову в окно машины. Когда они покидали Боулдер, температура там зашкаливала за семьдесят градусов*. А здесь, хотя уже перевалило за полдень, воздух был колюче-холодным, как в ноябре в Вермонте, и папа даже включил печку, пусть она и работала не слишком хорошо. Они проехали мимо нескольких знаков, предупреждавших «ОСТОРОЖНО, КАМНЕПАД!» (мама прочла их вслух), но как ни предвкушал Дэнни с опасливым волнением, что увидит падающий на дорогу обломок скалы, ничего подобного не случилось. По крайней мере пока.

Полчаса назад они миновали другой указатель, который, по словам папы, был для них особенно важен. «ВЪЕЗД НА ПЕРЕВАЛ САЙДУАЙНДЕР», — гласил он, и папа объяснил, что только до этого места зимой дорогу расчищали снегоуборочные тракторы. Дальше шоссе становилось слишком крутым, и на зиму оно закрывалось от небольшого городка Сайдуайндер, через который они проехали незадолго до появления указателя, до самого Бакленда в штате Юта.

А сейчас они проезжали еще один дорожный знак.

— Что он означает, мама?

— Он предписывает медленно движущимся транспортным средствам держаться правой полосы. Это как раз про нас.

— «Жук» не подведет, — сказал Дэнни.

— Твои слова да Богу в уши... — отозвалась мама и скрестила пальцы рук. Дэнни посмотрел вниз на ее туфли с открытыми носами и увидел, что пальцы ног она скрестила тоже. Он хихикнул. Мама улыбнулась ему, но он знал, что она все равно не перестает тревожиться.

Дорога пошла вверх, перейдя в серию крутых поворотов серпантина, и Джеку пришлось переключиться с четвертой передачи на третью, а вскоре и на вторую. «Жук» протестующе скрежетал, а Уэнди не сводила глаз со стрелки спидометра, которая опустилась с сорока до тридцати, потом до двадцати — и осталась подрагивать возле этого числа.

— Бензонасос... — робко начала она.

* 21,1 °C.

— Бензонасос как-нибудь протянет еще три мили, — оборвал ее Джек.

Скалы справа от них неожиданно расступились, и открылся вид на глубокую долину, которая, казалось, протянулась в бесконечность, поросшая темно-зелеными соснами и елями. Над деревьями серые скалы обрывались на несколько сотен футов вниз, прежде чем выровняться. Уэнди увидела, что с вершины одной из таких скал низвергается водопад и лучи послеполуденного солнца отражаются в воде, как золотые рыбки, бьющиеся в голубой сети. Это были красивые, но суровые горы. Едва ли они прощают людям ошибки. Дурные предчувствия комом подкатили ей к горлу. Ведь не так далеко к западу отсюда протянулась Сьерра-Невада, где попала в снежный плен группа Доннера, членам которой пришлось прибегнуть к каннибализму, чтобы выжить. Воистину горы ошибок не прощали.

Выжав сцепление, Джек рывком перевел рычаг на первую передачу, и они продолжили медленный подъем под отчаянные завывания мотора «жука».

— А ты знаешь, — сказала она, — по-моему, мы и пяти машин не встретили от самого Сайдуайндера. Причем одной из них был гостиничный лимузин.

Джек кивнул.

— Они доставляют постояльцев прямо в денверский аэропорт Стейплтон. Как сказал Уотсон, на дороге выше отеля уже местами встречается лед, а по прогнозу завтра в горах будет первый снегопад. Вот почему большинство водителей стараются на всякий случай проезжать через горы по основным магистралям. Лучше бы этому треклятому Уллману оказаться в отеле. Но мы скорее всего его застанем.

— Ты уверен, что нам оставят необходимый запас продуктов? — спросила она, по-прежнему думая о группе Доннера.

— По крайней мере он обещал. Холлоран должен сам все тебе показать. Так зовут их повара.

— Вот как... — чуть слышно сказала она, не сводя глаз со спидометра. Скорость упала с пятнадцати до десяти миль в час.

— Верхняя точка перевала, — сообщил Джек, указывая на место в трехстах ярдах впереди. — Там есть отличная смотровая

площадка, откуда вы сможете увидеть «Оверлук». Я как раз собирался съехать с дороги и дать «жуку» небольшую передышку.

Он обернулся и посмотрел на Дэнни, который сидел на кипе одеял.

— Как тебе такая идея, док? Вдруг мы встретим оленя или карибу?

— Это было бы здорово, пап!

«Фольксваген» лез и лез в гору. Скорость снизилась почти до критической отметки пять миль в час, и машина уже начала подергиваться, когда Джек свернул с дороги

(«Что здесь написано, мама?» — «ЖИВОПИСНЫЙ ВИД»,— прочитала она.)

и, держась за ручной тормоз, дал «жуку» немного прокатиться на нейтрале.

— Пойдемте, — сказал он и выбрался из машины.

Все вместе они подошли к металлическому ограждению.

— Вы только посмотрите!

Уэнди и не подозревала, сколько правды может заключаться в затертом клише: у нее действительно захватило дух. Несколько секунд она просто не могла дышать, настолько ее потрясло открывшееся перед ними зрелище. Они стояли почти на вершине одного из горных пиков. А напротив них — бог знает в какой дали! — уходила прямо в небеса значительно более высокая гора, и ее зазубренная вершина вырисовывалась темным силуэтом на фоне начавшего клониться к закату солнца. Под ними распростерлась огромная долина, причем склон, по которому петляла дорога, чудом преодоленная их «жуком», уходил вниз так круто, что Уэнди поняла: если смотреть туда слишком долго, ее начнет подташнивать, а потом, чего доброго, и вырвет. В этом чистейшем разреженном воздухе разыгрывалось воображение. Разум отказывал, и тебе невольно рисовалась картина, как ты в свободном полете падаешь все ниже и ниже, как тело вращается, а земля и небо меняются местами, как взметается вверх подол платья, встречный вихрь спутывает волосы, а изо рта рвется отчаянный крик...

Лишь усилием воли ей удалось перевести взгляд и посмотреть в ту сторону, куда указывал Джек. Дорога шла дальше, прижимаясь к слону горы, напоминавшей шпиль собора, иног-

да делала вираж в, казалось бы, противоположном направлении, но неизменно снова устремлялась на северо-запад и поднималась все выше, пусть уже не так круто. А на самом верху толщу мрачного хвойного леса разрывал широкий квадрат зеленой лужайки, в центре которого воцарилось здание отеля. «Оверлук». При взгляде на него Уэнди снова обрела и дыхание, и голос.

— О, Джек, это просто непередаваемо!

— Ага, — согласился он. — Уллман утверждает, что это самое красивое место во всей Америке. О самом Уллмане я не слишком высокого мнения, но в данном случае он, кажется, совершенно... Дэнни! Дэнни, ты в порядке?

Уэнди оглянулась на сына, и внезапный страх за него затмил всю окружающую красоту. Она бросилась к сыну. Он стоял, вцепившись в прут ограждения, и смотрел на отель — лицо его стало серым, глаза остекленели, словно он вот-вот мог потерять сознание.

Она опустилась рядом с ним на колени и крепко ухватила его за плечи.

— Дэнни, что с тобой?..

Джек уже был рядом.

— Ты в норме, док?

Он легко, но резко встряхнул мальчика, и взгляд у того прояснился.

— Все хорошо, папочка. Я в порядке.

— Но что это было, Дэнни? — спросила Уэнди. — У тебя головка закружилась, да, милый?

— Нет, я просто... задумался. Простите меня. Не хотел вас напугать.

Он вдруг заметил, что родители стоят перед ним на коленях, и немного удивленно улыбнулся:

— Наверное, это из-за солнца. Солнце попало мне прямо в глаза.

— Когда доберемся до гостиницы, дадим тебе попить водички, — сказал папа.

— Хорошо.

Потом, сидя в «жуке», который гораздо увереннее преодолевал более пологий подъем, Дэнни пристроился так, чтобы

смотреть прямо на дорогу. С нее теперь то и дело открывался вид на «Оверлук», где выходившие на запад большие окна отражали солнечный свет. Это было то место, что он видел в разгар снежной бури, темное и громыхающее место, в котором до жути знакомая Фигура разыскивала его в коридорах, устланных коврами с джунглями. Место, куда Тони просил его не ездить. Это было здесь. Точно здесь. И здесь же был РОМ, что бы это слово ни значило.

Глава 9
БОЛЬШОЙ ОТЪЕЗД

Уллман встретил их по другую сторону широких старомодных дверей. Он пожал руку Джеку и холодным кивком поприветствовал Уэнди, вероятно, отметив, как сразу несколько голов повернулись в ее сторону, стоило этой женщине с золотистыми локонами до плеч, в простеньком синем платье войти в вестибюль. Край подола скромно заканчивался на два дюйма выше колен, но этого было вполне достаточно, чтобы понять, насколько хороши ее ноги.

С подлинной теплотой Уллман отнесся только к Дэнни, но Уэнди было к этому не привыкать. Ее сын неизменно привлекал к себе даже тех мужчин, которые обычно проявляли к детям полнейшее равнодушие. Чуть наклонившись, Уллман протянул Дэнни руку. Тот серьезно пожал ее.

— Мой сын Дэнни, — представил Джек. — И моя жена Уиннифред.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Уллман. — Сколько тебе лет, Дэнни?

— Пять, сэр.

— Вот даже как! Сэр! — Уллман улыбнулся и посмотрел на Джека. — А он хорошо воспитан.

— Разумеется, — ответил Джек.

— Миссис Торранс. — Он снова чуть склонил голову, и в мимолетном замешательстве Уэнди решила, что сейчас ей поцелуют руку. Она даже вытянула правую ладонь вперед, но

Уллман лишь ненадолго сжал ее в своих ладонях. Они были маленькие, сухие и гладкие. Вероятно, он их чем-то припудривает, мелькнула у нее мысль.

В вестибюле между тем кипела работа. Почти все старомодные кресла с высокими спинками были заняты. Коридорные с чемоданами сновали туда-сюда, а у стойки, над которой возвышалась огромная латунная касса, даже образовалась очередь. Красовавшиеся на кассе наклейки «Бэнк-Американкард» и «Мастер-чардж»* выглядели явным анахронизмом.

Справа, ближе к еще одним двустворчатым дверям, которые были закрыты и отгорожены шнуром, находился старый камин, и в нем ярко пылали березовые поленья. На диване, придвинутом практически вплотную к камину, сидели три монахини. Они о чем-то беседовали и улыбались. Их багаж громоздился по обе стороны дивана, и они попросту коротали время, дожидаясь, чтобы очередь на выписку немного поредела. Когда Уэнди посмотрела на них, они разразились звонким девичьим смехом. Она и сама почувствовала, как улыбка коснулась ее губ; все монахини были не моложе шестидесяти.

Среди общего гомона и гула голосов в вестибюле то и дело слышался чуть приглушенный звук *динь*, издаваемый посеребренным колокольчиком, вмонтированным в стойку, когда один из двух клерков нажимал на него, несколько нетерпеливо приглашая: «Следующий, пожалуйста!» У Уэнди это сразу же вызвало живые и теплые воспоминания о медовом месяце, который они с Джеком провели в Нью-Йорке, в отеле «Бикман-тауэр». И впервые она всерьез позволила себе поверить, что, быть может, они получили то, в чем так нуждались: несколько месяцев вместе и вдали от остального мира, что-то вроде медового месяца на троих. Она снова улыбнулась, ласково посмотрев на Дэнни, который с жадным любопытством оглядывался по сторонам. Очередной длинный лимузин, серый, как костюм банкира, остановился перед входной дверью.

— Последний день сезона, — объяснил Уллман. — День закрытия отеля. Всегда суматошный. Я, между прочим, ожидал, что вы приедете не позже трех, мистер Торранс.

* Устаревшие еще к началу 1970-х гг. платежные системы.

— Пришлось дать старому «фольксу» время на случай, если с ним случится нервный припадок, — ответил Джек. — По счастью, обошлось.

— Вам повезло, — сказал Уллман. — Чуть позже я проведу для вас троих обзорную экскурсию по зданию, и, конечно же, Дик Холлоран желал бы ознакомить миссис Торранс с устройством кухни «Оверлука». Однако боюсь, что...

Один из служащих отеля подошел к ним с выражением полнейшего отчаяния на лице.

— Прошу прощения, мистер Уллман...

— Да? Что стряслось?

— Проблема с миссис Брент, — с явным беспокойством ответил клерк. — Она отказывается оплачивать счет чем-либо, помимо карточки «Американ экспресс». Как я ни втолковывал ей, что мы перестали принимать такие карты к оплате в конце прошлого сезона, она и слышать ничего не хочет.

Он быстро обежал глазами семейство Торрансов, затем вновь перевел взгляд на Уллмана. Тот лишь пожал плечами:

— Я разберусь с этим.

— Благодарю вас, мистер Уллман. — И клерк поспешил вернуться за стойку, рядом с которой возвышалась крупная дама в длинной меховой шубе и чем-то наподобие боа из черных перьев. Дама оглушительно возмущалась.

— Я приезжаю на отдых в «Оверлук» с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, — проинформировала она клерка, который в ответ лишь улыбался и беспомощно разводил руками. — Я не перестала приезжать сюда даже после того, как мой второй муж умер от инсульта на этом глупом роке-корте — а ведь я предупреждала его, что слишком жарко! И я всегда, слышите, всегда расплачивалась кредитной карточкой «Американ экспресс»! Можете хоть полицию вызывать, если вам угодно! Пусть меня силой увезут отсюда! Но я все равно отказываюсь платить чем-либо, помимо моей «Американ экспресс». Повторяю...

— Тысяча извинений, — сказал Уллман.

Он пересек вестибюль, деликатно взял миссис Брент под локоть, а потом лишь кивал и тоже разводил руками, когда она обрушила на него свои гневные тирады. Но в его глазах чита-

лось сочувствие, он соглашался, поддакивал, что-то отвечал. В конце концов миссис Брент с торжествующей улыбкой повернулась к несчастному клерку за стойкой и громогласно провозгласила:

— Слава Богу, в этом отеле нашелся хотя бы один человек, способный проявить широту взглядов!

Затем она позволила Уллману, чья макушка едва доставала до пышного плеча ее шубы, взять себя под руку и куда-то увести — по всей вероятности, в личный кабинет.

— Ничего себе! — с улыбкой заметила Уэнди. — А этот пижон отрабатывает свою зарплату.

— Но ему не понравилась та тетенька, — тут же возразил Дэнни. — Он только сделал вид, что она ему нравится.

Джек усмехнулся:

— Уверен, ты прав, док. Однако лесть всегда была лучшей смазкой для колес, на которых вращается наш мир.

— А что такое лесть?

— Лесть, — ответила Уэнди, — это когда твой папа заверяет, что мне идут новые желтые брюки, хотя на самом деле так не думает, или отговаривает меня худеть, хотя во мне целых пять фунтов лишнего веса.

— А! Значит, это ложь для смеха?

— Очень близкое к истине определение.

Дэнни долго и пристально смотрел на нее, а потом сказал:

— Ты красивая, мамочка.

И сконфуженно насупился, когда родители переглянулись и разразились хохотом.

— На меня Уллман особо лесть не растрачивал, — сказал Джек. — Давайте отойдем к окну, ребята. Я чувствую себя неуютно, стоя посреди этого великолепия в жалкой джинсовой куртке. Честное слово, даже не предполагал увидеть здесь такую толпу в последний день.

— Ты выглядишь весьма привлекательно, — возразила Уэнди, и они снова рассмеялись. Дэнни не до конца понимал причину их веселья, но ему было все равно. Главное, что они любили друг друга. А еще ему показалось, что этот отель напомнил маме о каком-то другом месте,

(о доме какого-то человека с большим носом)

где она была счастлива*. Он бы хотел, чтобы ему здесь тоже понравилось, а потому постоянно напоминал себе, что далеко не все из того, что показывал Тони, сбывалось. Он просто будет очень осторожен. И постарается найти нечто под названием РОМ. Но ничего им не скажет, пока не почувствует, что без этого уже нельзя. Потому что сейчас они радовались, и смеялись, и не думали ни о чем дурном.

— Вы только гляньте на этот пейзаж! — сказал Джек.

— О, он просто бесподобен! Посмотри, Дэнни!

Но Дэнни вид не казался настолько уж потрясающим. Он вообще не любил высоту, от которой могла закружиться голова. За широкой внешней террасой, проходившей по всему периметру здания, безукоризненно ухоженная лужайка (где даже разместилось небольшое поле для гольфа) полого спускалась к длинному прямоугольному бассейну. На краю бассейна стояла невысокая тренога с табличкой «ЗАКРЫТО» — это слово Дэнни мог прочитать сам. А еще он знал слова «стоп», «выход», «пицца» и несколько других.

Позади бассейна начиналась покрытая гравием дорожка, вившаяся среди молодых сосенок, елей и осин. Там тоже стоял указатель, но его Дэнни не понял: «РОКЕ». Под буквами была нарисована стрелка.

— Что такое Р-О-К-Е, пап?

— Это такая игра, — ответил отец. — Немного похоже на крокет, но не на траве, а на гравийном корте со стенками, наподобие большого бильярдного стола. Это очень старая игра, Дэнни. И представь, иногда здесь даже проводились настоящие соревнования.

— В нее играют крокетными молотками?

— Похожими, — кивнул Джек. — Только ручка немного короче, а головка двусторонняя. Одна сторона деревянная, другая — из твердой резины.

(*Выходи, ты, маленький говнюк!*)

— Название произносится как *роке*, — продолжал отец. — Я научу тебя играть, если захочешь.

---

* Название отеля «Бикман-тауэр» созвучно со словом beak-man — человек с клювом (*англ.*).

— Не знаю, — отозвался Дэнни странно тихим и невыразительным голосом, что заставило родителей недоуменно переглянуться поверх его головы. — Мне кажется, она мне не понравится.

— Что ж, никто тебя неволить не станет, док. Верно?

— Верно.

— А звери тебе нравятся? — спросила Уэнди. — Это фигурная стрижка растений.

Позади тропинки, которая вела к роке-корту, росла живая изгородь, подстриженная в виде различных животных. Дэнни, обладавший острым зрением, сразу различил среди них кролика, собаку, лошадь, корову и трех крупных кошек, похожих на шаловливых львов.

— А ведь как раз эти зверьки навели дядю Эла на мысль предложить мне работу здесь, — сообщил Джек. — Он вспомнил, что студентом колледжа я подрабатывал в компании, занимавшейся ландшафтным дизайном. Мы приводили в порядок лужайки, деревья и живые изгороди. А еще я кое-что подстригал у одной леди.

Уэнди прыснула и приложила ко рту ладонь. Джек, не сводя с нее глаз, повторил:

— Да уж. Помню, стриг ей кое-что каждую неделю.

— Отстань, муха назойливая, — строго сказала Уэнди, но потом хихикнула.

— У нее что, были очень густые кусты, пап? — спросил Дэнни, вызвав у обоих родителей приступ гомерического хохота. У Уэнди на глазах выступили слезы, и ей пришлось достать из сумки бумажный носовой платок.

— Только это были не зверушки, Дэнни, — сказал Джек, немного придя в себя. — Это были карточные масти. Ну, знаешь, пики, червы, трефы, бубны. Но видишь ли, кусты непрерывно растут...

(*Ползут вверх*, как говорил Уотсон... Но только не растения. Вверх ползет давление в котле. *Всегда проверяй давление. Если забудешь, то как-нибудь вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне.*)

Он перестал улыбаться. Уэнди и Дэнни смотрели на него в изумлении.

— Папа! — окликнул Дэнни.

Джек вздрогнул и огляделся, словно вернулся откуда-то издалека.

— Так вот, они растут, Дэнни, и теряют форму. А потому приходится их подстригать раз или два в неделю, пока не наступят холода и они не перестанут расти.

— А еще здесь есть детская игровая площадка, мой маленький счастливчик, — сказала Уэнди.

И действительно, детская площадка располагалась сразу за фигурной изгородью. Две горки, огромные качели с множеством сидений на разной высоте, канаты с узлами, туннель из железобетонных колец, песочница и целый домик для игр, построенный в виде точной копии отеля «Оверлук».

— Хотя бы это тебе нравится, Дэнни? — спросила мама.

— Само собой, — ответил он, надеясь, что в голосе звучит энтузиазм. — Это круто!

Позади игровой площадки возвышался неприметный забор из проволочной сетки, за которым пролегала гравийная подъездная дорога, а дальше уже раскинулась бескрайняя долина, в это время дня утопавшая в голубоватой послеполуденной дымке. Дэнни не знал слова «изоляция», но если бы кто-нибудь объяснил ему его смысл, он бы лучше понял свои ощущения. Далеко внизу, как змея, решившая вздремнуть на солнышке, вилось шоссе, которое вело обратно через перевал Сайдуайндер до самого Боулдера. Путь, закрывавшийся на всю зиму. От этой мысли Дэнни стало трудно дышать, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда отец положил руку ему на плечо.

— Принесу тебе воды, док, как только смогу. Сейчас все очень заняты.

— Конечно, папа.

Откуда-то из глубин офисных помещений с видом победительницы выплыла миссис Брент. Она походкой триумфатора вышла на улицу, и через несколько секунд за ней последовали двое коридорных, с трудом тащившие сразу восемь чемоданов. Сквозь широкое окно Дэнни видел, как мужчина в сером мундире и фуражке, похожей на армейскую, подогнал длинный серебристый автомобиль к входной двери и вышел навстречу даме. Отсалютовав ей, он поспешил открыть багажник.

И, как это изредка с ним случалось, внезапно Дэнни сумел прочитать целиком одну из ее мыслей, вырвавшуюся из привычной мешанины гулких эмоций и цветовых пятен, обычно окружавшей его в толпе.

(*а я бы не прочь залезть к нему в брюки*)

Дэнни сдвинул брови, наблюдая, как коридорные загружают чемоданы в багажник. Женщина же не сводила глаз с мужчины в форме, руководившего погрузкой. Зачем ей понадобились мужские брюки? Неужели ей холодно даже в такой шубе? Но если она замерзла, то почему бы самой не надеть брюки? Его мама, например, ходила в брюках почти всю зиму.

Между тем мужчина в сером мундире захлопнул крышку багажника и вернулся, чтобы помочь миссис Брент сесть в автомобиль. Дэнни напряг слух и зрение — не скажет ли она что-нибудь про его брюки, — но дама лишь улыбнулась и сунула мужчине долларовую бумажку. Несколько секунд спустя она уже выезжала на своем лимузине с территории отеля.

Он подумал было спросить у мамы, зачем миссис Брент могли понадобиться штаны служащего отеля, но все же не решился. Иногда излишнее любопытство не приносило ничего, кроме неприятностей. С ним такое уже случалось.

А потому Дэнни втиснулся между сидевшими на небольшом диванчике родителями и стал глазеть на людей, оплачивавших счета у стойки. Он тихо радовался, что мама с папой были счастливы и любили друг друга. Но не мог избавиться от чувства тревоги. Не мог, как ни старался.

Глава 10
ХОЛЛОРАН

Повар совершенно не вписывался в нарисованный воображением Уэнди портрет хозяина кухни крупного курортного отеля. Начать с того, что подобных знаменитостей должны были величать на французский манер *chef*. Поварами были люди вроде самой Уэнди, частенько сваливавшей остатки вчерашних трапез в форму для запекания и добавлявшей к ним

лапшу. Кроме того, кулинарный маг такого заведения, как «Оверлук», чья реклама появлялась на страницах влиятельной нью-йоркской «Санди таймс», должен был быть низкорослым, пухлым и бледнолицым (как на картинке с упаковки муки «Пиллсбери»); ему бы пошли тонкие усики в стиле сороковых годов, темные глаза, парижский акцент и мерзкий характер.

У Холлорана были темные глаза, но и только. Повар оказался очень высоким чернокожим мужчиной с густой шевелюрой, в которой уже пробивалась первая седина. Говорил он с заметным южным акцентом и часто смеялся, обнажая зубы, слишком белые и слишком ровные, чтобы быть настоящими. У ее отца были такие же искусственные зубы, которыми он иногда шутливо щелкал за ужином... но только в том случае, если мама выходила на кухню или отвечала на телефонный звонок.

Дэнни во все глаза уставился на гиганта в синем саржевом костюме, но широко улыбнулся, когда Холлоран поднял его как пушинку, посадил на сгиб локтя и спросил:

— Ты ведь не собираешься проторчать здесь всю зиму?

— Как раз собираюсь, — немного застенчиво ответил Дэнни.

— Нет, ты отправишься со мной в Сент-Пит, научишься готовить прямо на пляже, а каждый вечер будешь охотиться на крабов. Верно?

Дэнни весело засмеялся и помотал головой. Холлоран опустил его на пол.

— Если передумаешь, — сказал он очень серьезным тоном, наклонившись к Дэнни, — то лучше поторопись. Ровно через тридцать минут я буду уже в машине. Еще через два с половиной часа пройду на посадку через тридцать второй выход терминала Б в международном аэропорту Стейплтон в Денвере. Это столица штата Колорадо — город высотой в милю. Еще три часа — и я возьму напрокат автомобиль в аэропорту Майами, чтобы добраться до солнечного Сент-Пита, быстренько натянуть плавки, а потом сидеть и посмеиваться над чудаками, оставшимися здесь по уши в снегу. Сечешь, о чем я, милый мальчик?

— Да, сэр, — с улыбкой ответил Дэнни.

Холлоран повернулся к Джеку и Уэнди:

— Славный у вас паренек.

— Нам он тоже нравится, — согласился Джек и протянул руку. — Я Джек Торранс. Моя жена Уиннифред. А с Дэнни вы уже познакомились.

— Рад знакомству, мэм. Как к вам лучше обращаться? Уинни или Фредди?

— Вообще-то все зовут меня Уэнди, — ответила она улыбаясь.

— Хорошо. Мне это имя больше по душе. Пойдемте со мной. Мистер Уллман просил устроить для вас экскурсию, и мы ее сейчас начнем. — Он покачал головой и чуть слышно пробормотал себе под нос: — Видит Бог, как я рад, что расстаюсь *с ним*.

И Холлоран продемонстрировал самую большую кухню, какую Уэнди когда-либо видела. Здесь все сверкало чистотой. Каждая поверхность была тщательно отдраена. Огромные размеры помещения не просто удивляли, но и немного пугали. Уэнди шла рядом с Холлораном, а Джек, чувствуя себя не в своей стихии, взял Дэнни за руку, и они держались чуть позади. На одной из стен рядом с мойкой на четыре раковины висел длинный ряд режущих инструментов: от обычных разделочных ножей до двуручного топора для целых мясных туш. Хлебная доска размерами не уступала их кухонному столу в Боулдере. Другую стену от пола до потолка занимал впечатляющий набор кастрюль и сковородок из нержавеющей стали.

— Боюсь, всякий раз, когда я буду сюда входить, мне придется оставлять за собой след из хлебных крошек, чтобы не потеряться, — сказала Уэнди.

— Не надо ничего бояться, — отозвался Холлоран. — Она действительно огромная, но это всего лишь кухня. Большая часть этой утвари вам вообще ни разу не пригодится. Поддерживайте чистоту — это все, о чем я вас попрошу. Вот плита. На вашем месте я бы пользовался именно ею. Всего их у нас три, но эта самая маленькая.

Самая маленькая? — удивленно повторила Уэнди про себя, разглядывая плиту. Она была снабжена двенадцатью горелками, двумя обычными духовками, большой чугунной кастрюлей для

тушения, емкостью для соусов или гарниров, грилем, отсеком для подогрева и, казалось, миллионом циферблатов и ручек, управлявших этим воистину мудреным агрегатом.

— Все работает на газу, — объяснил Холлоран. — Вам приходилось готовить на газовых плитах, Уэнди?

— Да, но...

— Лично мне газ нравится, — сказал он и включил горелку. Вспыхнуло высокое пламя, но Холлоран легким движением уменьшил его до едва заметного голубого ореола. — Люблю иметь возможность наблюдать за огнем, на котором готовлю. Вам понятно расположение регуляторов всех этих горелок?

— Да.

— Хорошо. А все температурные датчики помечены номерами. Сам я предпочитаю центральную горелку, потому что, как мне кажется, она дает самый равномерный нагрев, но вы можете пользоваться любой. И даже всеми тремя плитами, если захотите.

— Да, в самый раз на три замороженные порции. По одной на каждую плиту, — с невеселым смехом отозвалась Уэнди.

— Да ради Бога! — расхохотался Холлоран. — Рядом с мойкой я оставил список всех съестных припасов, имеющихся в наличии.

— Вот он, мамочка! — Дэнни принес два листа бумаги, густо исписанных с обеих сторон.

— Молодец, — похвалил Холлоран, взял список и слегка потрепал Дэнни по голове. — Уверен, что не хочешь поехать со мной во Флориду? Я научу тебя готовить креветки по-креольски, какие можно попробовать разве что в раю.

Дэнни приложил ладошку к губам, хихикнул и поспешил вернуться к отцу.

— Вам троим все это за год не осилить, — сказал Холлоран. — Продукты хранятся в погребе, в огромном морозильнике, во всевозможных контейнерах и в двух холодильниках. Пойдемте, я вам покажу.

Следующие десять минут Холлоран только и делал, что открывал различные крышки и дверцы, показывая съестное в таких количествах, каких Уэнди и представить себе не могла. Запасы провизии поразили ее, но не придали ожидаемой уве-

ренности. Мысли о группе Доннера продолжали преследовать Уэнди, хотя, конечно, о каннибализме она уже и не вспоминала (потребовалось бы чудовищно долгое время, чтобы уничтожить все это изобилие и перейти на поедание друг друга). Просто она намного отчетливее осознала серьезность ситуации: поездка отсюда в Сайдуайндер из легкой часовой прогулки превратится в тяжелейшую экспедицию. Словно в страшной сказке, им предстоит сидеть в этом огромном пустом отеле, питаться оставленными для них продуктами и слушать злобные завывания ветра сквозь снежные завалы.

В Вермонте, когда Дэнни сломал руку,

(когда *Джек* сломал Дэнни руку)

она вызвала «скорую помощь», набрав номер, указанный на специальной карточке, прикрепленной прямо к телефонной трубке. Медики прибыли к ним через десять минут. На той же маленькой карточке значились и другие номера. Вызови полицию, и они явятся через пять минут, а пожарные — еще быстрее, потому что дежурная часть располагалась всего в нескольких кварталах от их дома. Были номера электрика и телевизионного мастера. Но что она будет делать тут, если у Дэнни случится один из его обмороков и он, к примеру, подавится собственным языком?

(*о Господи, что за мысль!*)

А вдруг начнется пожар? Вдруг Джек свалится в шахту лифта и раскроит себе череп? Что, если?..

(*что, если вы просто чудесно проведете здесь время? хватит уже думать о всяких ужасах, Уиннифред!*)

Первым делом Холлоран завел их в необъятный морозильник высотой в человеческий рост, там у них изо рта вырывались облачка пара, как у персонажей комиксов. Здесь словно наступила настоящая зима.

Гамбургеры в больших полиэтиленовых мешках, по десять фунтов в каждом. Всего — дюжина мешков. Сорок кур на крючках, вбитых в деревянные планки, покрывавшие стены морозильника. Банки с ветчиной, сложенные столбиком, как покерные фишки, — и тоже дюжина. Под курами висели десять кусков говядины, десять кусков свинины и огромная баранья нога.

— Любишь баранину, док? — с усмешкой спросил Холлоран.

— Обожаю, — ответил тот не раздумывая. Он ни разу в жизни ее не пробовал.

— Так и знал. Нет ничего лучше пары ломтиков жареной баранины с мятным желе холодным зимним вечером. Кстати, желе тоже припасено. Говорят, баранине желудок радуется. Самое полезное мясо.

Стоявший позади них Джек вдруг с любопытством спросил:

— Откуда вы знаете, что мы зовем его док?

Холлоран повернулся:

— Прошу прощения?

— Я о Дэнни. Мы иногда называем его доком. Как в мультфильме про Багза Банни.

— Ну, он вылитый док, разве нет? — Холлоран наморщил нос, причмокнул губами и мультяшным голосом произнес: — Эй! Что стряслось, док?

Дэнни засмеялся, а потом Холлоран сказал ему что-то (*Уверен, что не хочешь со мной во Флориду, док?*) совершенно отчетливо. Он расслышал каждое слово. И посмотрел на Холлорана изумленно, но немного испуганно. Холлоран с совершенно серьезным лицом подмигнул ему, а потом снова переключил свое внимание на продукты.

Уэнди в недоумении посмотрела на широкую спину повара в саржевом пиджаке, затем на собственного сына. У нее возникло очень странное ощущение, что между ними на мгновение возникла некая незримая связь, смысла которой она не поняла.

— Здесь двенадцать упаковок сосисок и двенадцать упаковок бекона, — продолжил Холлоран. — Со свининой все. А в этом ящике — двадцать фунтов масла.

— *Настоящего* сливочного масла? — спросил Джек.

— Наивысшего сорта.

— Уж и не припомню, когда в последний раз пробовал настоящее масло. Должно быть, еще ребенком, когда мы жили в Берлине, штат Нью-Гэмпшир.

— Что ж, здесь вы так его наедитесь, что снова заскучаете по маргарину, — со смехом ответил Холлоран. — В этом ларе

лежит хлеб. Тридцать буханок белого, двадцать черного. Мы в «Оверлуке» всегда стараемся соблюдать расовый баланс, да будет вам известно. Я, конечно, понимаю, что пятидесяти буханок на весь срок не хватит, но у вас будет все необходимое, чтобы испечь свежий. А насколько свежий лучше замороженного, никому объяснять не надо... Здесь у нас хранится рыба. Лучшая пища для мозгов, верно, док?

— Это правда, мам?

— Наверное, милый, если мистер Холлоран так считает, — улыбнулась она.

Дэнни скривился.

— Мне не нравится рыба.

— А вот тут ты глубоко заблуждаешься, — сказал Холлоран. — Ты просто никогда не ел рыбу, которой нравился бы *сам*. Здешняя рыба тебя просто полюбит, вот увидишь. Пять фунтов радужной форели, шесть фунтов камбалы, пятнадцать банок консервированного тунца...

— Вот тунец мне по вкусу.

— ...и пять фунтов нежнейшего палтуса, какой когда-либо обитал в морях. Так что, мальчик мой, когда наступит весна, ты еще скажешь спасибо старому... — Он вдруг прищелкнул пальцами, словно что-то забыл. — Эй, как меня зовут-то? Совершенно вылетело из головы.

— Мистер Холлоран, — ответил ему Дэнни с довольной улыбкой. — А для друзей — просто Дик.

— Точно! И раз уж мы подружились, ты тоже можешь звать меня Диком.

Он двинулся в самый дальний угол, а Джек и Уэнди переглянулись, не припоминая, чтобы Холлоран упоминал прежде свое имя.

— А тут я припрятал кое-что особенное, — сообщил повар. — Надеюсь, вы, ребята, получите настоящее удовольствие.

— О, право, это слишком! Вам не стоило так хлопотать из-за нас, — сказала Уэнди растроганно, глядя на двадцатифунтовую индейку, обернутую алой ленточкой с бантиком.

— Ко Дню благодарения всем полагается индейка, Уэнди, — очень серьезно возразил Холлоран. — И где-то здесь еще

припрятан каплун к Рождеству. Не сомневаюсь, вы его сами найдете. Но давайте-ка выбираться отсюда, пока мы все не подхватили эту... Как ее? Пьювмонию. Правильно, док?

— Правильно!

Новые чудеса ожидали их в погребе. Сотня коробок сухого молока (хотя Холлоран настойчиво советовал Уэнди покупать для мальчика свежее в Сайдуайндере, пока будет возможность), пять двенадцатифунтовых мешков сахарного песка, галлон патоки, овсяные хлопья, банки с рисом, макаронами и спагетти, банки с фруктами и фруктовым салатом, целый бушель свежих яблок, от которых вся комната пропахла ароматом осени, изюм, чернослив и сушеные абрикосы («Разнообразное питание — залог счастья», — сообщил Холлоран, и раскаты его смеха отразились от потолка кладовки, с которого свисал на металлической цепочке единственный старомодный светильник в виде матового шара), огромная корзина с картофелем, корзинки поменьше с помидорами, луком, репой, тыквами и капустой.

— Надо вам сказать... — начала Уэнди, когда они вышли наружу, но впечатление от всего этого изобилия после жизни на тридцать долларов в неделю оказалось столь сильным, что она так и не подобрала слов, чтобы закончить фразу.

— Я уже немного опаздываю, — Холлоран взглянул на часы, — а потому предоставлю вам самим изучить, что в холодильниках и других шкафах, когда устроитесь на новом месте. Есть еще сыры, молоко в банках, в том числе сгущенное, дрожжи, пищевая сода, целый мешок пирогов к чаю, несколько гроздей бананов, которым надо дать время дозреть...

— Остановитесь, пожалуйста, — умоляюще попросила Уэнди, со смехом поднимая руки. — Мне в жизни всего не запомнить. Это просто великолепно. Даю вам слово поддерживать здесь образцовый порядок и чистоту.

— Большего я и не прошу. — Повар повернулся к Джеку. — Мистер Уллман поделился с вами мыслями насчет крыс на своем чердаке?

Джек осклабился:

— Да, он действительно волнуется по поводу чердака, а мистер Уотсон подозревает, что в подвале они тоже водятся. Я же

видел там только тонны старой бумаги, но ни одного порванного листка, как бывает, когда крысы утепляют себе гнезда.

— Ох уж этот Уотсон! — сказал Холлоран, с притворным сожалением качая головой. — Вот у кого, должно быть, самый грязный язык в мире.

— Колоритный персонаж, — согласился Джек, хотя считал, что грязнее языка, чем у его собственного папаши, не было ни у кого.

— В чем-то ему можно посочувствовать, — продолжал Холлоран, подводя их к широким двустворчатым дверям, которые вели из кухни в зал ресторана. — Когда-то у его семьи водились деньги. Это ведь дед или прадед Уотсона — не упомню, кто именно — построил это заведение.

— Да, я слышал об этом, — сказал Джек.

— Что же произошло? — спросила Уэнди.

— Они попросту не потянули такое дело, — ответил Холлоран. — Уотсон готов взахлеб рассказывать эту историю по три раза на дню, дай ему только волю. Похоже, для старика этот отель превратился в настоящую манию, и его засосало по самые уши. У него было два сына. Один погиб, катаясь верхом в здешних краях, когда здание только возводилось. Случилось это в тысяча девятьсот восьмом или девятом. Жену старика сгубил грипп, и остался только он сам да младший сын. В итоге обоим пришлось наняться простыми служащими в отель, который они сами и построили.

— Да уж, действительно посочувствуешь, — сказала Уэнди.

— И что же с ним сталось? Я имею в виду старика, — спросил Джек.

— Сунул по ошибке пальцы в электрическую розетку и скончался, — ответил Холлоран. — Это случилось уже в начале тридцатых, незадолго до того, как из-за Великой депрессии гостиницу пришлось на десять лет закрыть. Кстати, Джек, я хотел бы попросить, чтобы вы и ваша жена следили, не появятся ли крысы на кухне. Если заметите хотя бы одну... Используйте ловушки, но не яд.

Джек удивленно посмотрел на него.

— Само собой. Кому может прийти в голову разбрасывать в кухне крысиную отраву?

Холлоран презрительно рассмеялся.

— А хотя бы мистеру Уллману, вот кому. Именно его светлую головушку осенила эта блестящая идея прошлой осенью. Пришлось мне с ним потолковать по душам. Я ему говорю: «Представьте себе, что будет, когда мы вернемся сюда в будущем мае и устроим традиционный праздничный ужин в честь открытия сезона (к которому, кстати, всегда подаем лосося под роскошным соусом) и всем станет дурно. Приедет врач и спросит: «Что вы тут натворили, Уллман, если у вас отравились крысиным ядом восемьдесят главных толстосумов со всей Америки?»

Джек откинул голову и расхохотался.

— И что Уллман сказал на это?

Сунув язык за щеку, словно у него во рту застрял кусок пищи, повар ответил голосом Уллмана:

— Купите крысоловки, Холлоран.

Теперь рассмеялись все, включая Дэнни, который, правда, не совсем понял шутку, но сообразил, что смеются над мистером Уллманом, который все-таки сел в лужу.

Вчетвером они прошли через ресторан с его знаменитым видом на расположенные к западу заснеженные вершины гор. Сейчас здесь было пусто и тихо. Поверх каждой белой скатерти на столах лежал слой прозрачного, но плотного защитного полиэтилена. Ковер был свернут в массивный рулон, высившийся в углу, подобно часовому на посту.

В противоположном конце просторного зала виднелся проем с коротенькими дверцами, как в традиционных салунах, а поверх арки было выведено архаичными золочеными буквами: «Колорадо-холл».

Проследив за взглядом Джека, *Холлоран сказал:*

— Если вам захочется выпить, то, надеюсь, вы догадались захватить с собой запас спиртного. Наш бар вымели дочиста. Вчера вечером устроили прощальную вечеринку для персонала, знаете ли. Так что сегодня все — от горничных до последнего коридорного — страдают похмельем, не исключая и меня самого.

— Я не пью, — отозвался Джек сдержанно.

И они вернулись в вестибюль.

За те полчаса, что они отсутствовали, он заметно опустел. Длинный главный холл начал приобретать безмолвный и пустынный вид, который, как предполагал Джек, уже скоро станет для них привычным зрелищем. В креслах с высокими спинками больше никто не сидел. Монахини, гревшиеся у камина, уехали, да и в самом камине яркий огонь превратился в уютную россыпь тлеющих углей. Уэнди бросила взгляд в сторону стоянки и увидела, что на ней осталось не более дюжины автомобилей.

И ей мучительно захотелось сесть в «фольксваген» и вернуться в Боулдер... или просто отправиться куда глаза глядят.

Джек озирался в поисках Уллмана, но того поблизости не было.

К ним подошла молодая горничная с пепельно-русыми волосами, собранными в пучок.

— Ваш багаж уже вынесли на террасу, Дик, — сказала она.

— Спасибо, Салли. — И он чмокнул девушку в лоб. — Хорошей тебе зимы. Слышал, ты выходишь замуж.

Когда горничная удалилась, привычно покачивая бедрами, Холлоран повернулся к Торрансам:

— Мне уже нужно поспешить, если я не хочу опоздать на самолет. Желаю вам, чтобы все сложилось удачно. Впрочем, уверен, так и будет.

— Спасибо, — отозвался Джек. — Вы были к нам очень добры.

— Я хорошенько позабочусь о вашей кухне, — еще раз пообещала Уэнди. — Наслаждайтесь Флоридой.

— За этим дело не станет, — заверил ее Холлоран. Потом он уперся руками в колени и склонился к Дэнни. — У тебя еще есть шанс, парень. Хочешь со мной во Флориду?

— Нет, спасибо, — ответил Дэнни с улыбкой.

— Ладно. Тогда поможешь донести мои сумки до машины?

— Конечно, если мама разрешит.

— Разумеется, — сказала Уэнди, — но только нужно застегнуть пуговицы на курточке.

Она шагнула к сыну, однако Холлоран оказался быстрее: его большие темные пальцы справлялись с пуговицами ловко и проворно.

— Я скоро верну его вам, — сказал он.

— Хорошо, — ответила Уэнди и проводила их до дверей.

Джек все еще высматривал Уллмана. У стойки регистрации улаживал свои дела последний постоялец отеля «Оверлук».

Глава 11
СИЯНИЕ

Четыре чемодана стояли прямо за дверями. Точнее, только три из них действительно были чемоданами, огромными, потертыми, сделанными из искусственной кожи «под аллигатора». Четвертой оказалась крупная дорожная сумка из выцветшей шотландки.

— Как думаешь, справишься с ней? — спросил Холлоран. Сам он ухватил два чемодана одной рукой, а третий зажал под мышкой.

— А то! — ответил Дэнни и, взявшись за ручку обеими руками, начал спускаться вслед за поваром по ступеням террасы, мужественно стараясь не кряхтеть и вообще ничем не показать, что ему тяжеловато.

С тех пор как они приехали, на улице успел подняться порывистый, колючий ветер; он завывал на стоянке, заставляя Дэнни щуриться, пока он тащил сумку, которая била его по коленкам при каждом шаге. Несколько облетевших осиновых листьев с шуршанием перекатывались по пустому асфальту парковки, и Дэнни на мгновение вспомнил ту ночь на прошлой неделе, когда он очнулся от кошмарного сна и услышал — или по крайней мере подумал, что слышит, — как Тони просит его не ездить сюда.

Холлоран поставил чемоданы рядом с багажником бежевого «плимута-фьюри».

— Автомобиль так себе, — доверительно сообщил он Дэнни. — Взял его напрокат. Зато дома меня ждет моя Бесси. Вот это автомобиль! «Кадиллак» пятидесятого года выпуска. Какой у нее плавный ход! Ты себе даже не представляешь. Я ею очень

дорожу. Потому и держу ее во Флориде — она уже старовата для всех этих горных подъемов. Тебе помочь с сумкой?

— Не надо, сэр, — ответил Дэнни. Он сумел проделать последние шаги, не издав ни стона, но вздохнул с большим облегчением, когда наконец опустил сумку.

— Вот молодец! — снова похвалил его Холлоран.

Затем он достал из кармана своего синего саржевого пиджака ключи на большом кольце и отпер багажник. Укладывая туда чемоданы, повар сказал:

— Ты сильно сияешь, малыш. Мощнее, чем кто-либо, кого я встречал в жизни. А ведь мне в январе стукнет шестьдесят.

— Что?

— Ты наделен особым даром, — объяснил Холлоран, поворачиваясь к нему. — Лично я всегда называл это сиянием. Еще моя бабушка пользовалась этим словом. Потому что тоже обладала такой способностью. Когда я был мальчишкой не старше, чем ты сейчас, мы частенько сиживали с ней на кухне и вели долгие беседы, вообще не раскрывая ртов.

— В самом деле?

Холлоран даже улыбнулся, увидев отразившееся на лице Дэнни жадное любопытство, и предложил:

— Полезай ко мне в машину и посиди со мной немного. Хочу с тобой потолковать.

Он захлопнул крышку багажника.

Из вестибюля отеля «Оверлук» Уэнди Торранс видела, как ее сын сел на пассажирское сиденье машины Холлорана, а сам огромный чернокожий повар скользнул за руль. Охваченная внезапным страхом, она уже открыла рот, чтобы сообщить Джеку, что Холлоран всерьез собрался забрать Дэнни с собой во Флориду — ведь похищение происходило прямо у нее на глазах. Но потом поняла, что они просто сидят рядом. Ей с трудом удавалось разглядеть голову сына, который повернулся к Холлорану. Но даже издали выражение его лица показалось ей знакомым. С таким лицом Дэнни смотрел на экран телевизора, когда показывали что-то необычайно занимательное, а еще играл с отцом в старую деву или подкидного дурака. Джек, которому важнее всего было увидеться с Уллманом, ничего не

замечал. И Уэнди промолчала, с тревогой наблюдая за машиной Холлорана и гадая, о чем таком интересном они могли разговаривать.

Между тем Холлоран спросил:

— Должно быть, чувствуешь себя чуток одиноко, думая, что ты такой один?

Дэнни, который порой испытывал не только одиночество, но и страх, кивнул.

— Но я ведь не единственный, кого вы встречали? — спросил он.

Холлоран со смехом ответил:

— Конечно же, нет, дитя мое. Далеко не единственный. Но сияешь ты ярче всех.

— Значит, таких много?

— Вовсе нет, — сказал Холлоран, — но время от времени попадаются. В большинстве случаев в людях присутствует лишь едва уловимое сияние. Они сами не подозревают о нем. Такие люди, как правило, приходят домой с цветами, когда на их жен нападает ежемесячная тоска, в школе легко справляются с контрольными работами, к которым и не думали готовиться, и хорошо улавливают настроение собравшихся, стоит им войти в комнату. Таких мне попалось пятьдесят или шестьдесят. Но не больше дюжины человек, включая мою бабулю, *знали*, что сияют.

— Ух ты! — сказал Дэнни и на какое-то время задумался. Потом спросил: — Вы знаете миссис Брент?

— Ее-то? — В голосе Холлорана промелькнула презрительная нотка. — Знаю. Но она не сияет. Только и может, что возвращать каждый ужин на кухню по три раза.

— Я и не думал, что она сияет, — серьезно ответил Дэнни. — А еще... вы знакомы с мужчиной в серой форме, который подает к подъезду машины?

— С Майком? Конечно, я хорошо знаю Майка. А что с ним такое?

— Ничего. Просто скажите, мистер Холлоран, зачем миссис Брент могли понадобиться его брюки?

— О чем это ты, приятель?

— Понимаете, когда она смотрела на него, то думала, что не против залезть к нему в брюки. И мне стало интересно, почему...

Но закончить ему не удалось. Холлоран откинул голову и разразился смехом, который вырывался из глубин его широкой груди и напоминал раскаты грома. Сиденье заходило под ним ходуном. Дэнни смущенно и недоуменно улыбался, дожидаясь, пока эта буря веселья затихнет. Отсмеявшись, Холлоран достал из нагрудного кармана белый шелковый носовой платок, словно флаг для капитуляции, и промокнул выступившие на глазах слезы.

— Милый мальчик, — сказал он, все еще посмеиваясь, — такими темпами ты уже к десяти годам постигнешь все тайны человеческой натуры. Но даже не знаю, завидовать тебе или нет.

— Но миссис Брент...

— Забудь о ней, — перебил его повар. — И к маме не лезь с расспросами. Ты ее только расстроишь. Понимаешь, что я имею в виду?

— Да, сэр.

Он понимал это очень хорошо. Ему уже не раз случалось расстраивать маму подобным образом.

— Миссис Брент — просто мерзкая старуха с грязными мыслями и зудом в одном месте, вот и все, — сказал Холлоран, а потом пристально посмотрел на Дэнни. — Как сильно ты можешь ударить, док?

— Что?

— Врежь мне как следует. Направь мысленное усилие в мою сторону. Хочу убедиться, что не ошибся в своих предположениях.

— О чем мне думать?

— О чем угодно. Только думай *по-настоящему* сильно.

— Ладно, — сказал Дэнни.

Он на мгновение задумался, а потом сконцентрировал все свое внимание на Холлоране. Ему никогда не приходилось делать ничего подобного, и потому в самый последний момент какой-то внутренний инстинкт отчасти блокировал мощь его мысли — ведь он не хотел причинить мистеру Холлорану вред.

Тем не менее Дэнни все равно ощутил, как мысль стрелой вылетела из его сознания с силой, показавшейся ему самому невероятной. Словно подача Нолана Райана, только еще сильнее.

(Эй, надеюсь, я не ранил его)

А мысль была:

(!!!ПРИВЕТ, ДИК!!!)

Холлоран скорчился от боли и дернулся назад. Его зубы громко клацнули, прикусив нижнюю губу, из которой потекла тонкая струйка крови. Руки взлетели от бедер к груди и упали вниз. Веки затрепетали. Дэнни стало страшно.

— Мистер Холлоран? Дик? С вами все хорошо?

— Я не знаю, — ответил тот со слабым смешком. — В том-то и дело, что я не знаю. Бог ты мой, мальчик! Да ты как из пистолета пальнул!

— Простите меня! — Дэнни встревожился еще больше. — Мне позвать папу? Я сбегаю и быстро приведу его.

— Не надо. Я уже почти в норме. Все в порядке, Дэнни. Просто посиди еще немного со мной. Мне чуть-чуть не по себе, но это скоро пройдет.

— Я мог и сильнее, но не решился, — признался Дэнни. — Перепугался в последний момент.

— Вероятно, к счастью для меня. А то у меня мозги бы из ушей полезли. — Холлоран заметил, что его слова снова напугали Дэнни, и поспешил добавить: — Но ты не причинил мне никакого вреда. Расскажи лучше, что ощутил ты сам? Какое испытал чувство?

— Словно я — Нолан Райан и выполняю силовую подачу, — моментально ответил Дэнни.

— Ты любишь бейсбол, как я погляжу? — Холлоран энергично растирал себе виски.

— Мы с папой болеем за «Эйнджелз», — сказал Дэнни. — За «Ред сокс» в Восточной лиге и за «Эйнджелз» в Западной. Даже ходили на матч, когда «Ред сокс» играли против «Цинциннати» во Всемирной серии. Я был тогда гораздо младше. А папа... Папа...

Лицо Дэнни омрачилось и стало тревожным.

— Что было с папой, Дэн?

— Забыл, — ответил Дэнни. Потянул было большой палец ко рту, чтобы начать сосать его, но так вели себя только совсем маленькие дети. И он положил руку на колено.

— Ты разбираешь, о чем думают твои мама с папой, Дэнни? — Холлоран пристально смотрел на него.

— Почти всегда, если мне хочется. Но обычно я даже не пытаюсь.

— Почему же?

— Потому что... — Он помолчал, явно испытывая неловкость. — Потому что это все равно что подглядывать за ними в спальне, когда они занимаются тем делом, от которого появляются дети. Вы же знаете, о чем я?

— Да, я имею об этом некоторое представление, — сказал Холлоран без тени иронии.

— Им бы это не понравилось. И им бы не понравилось, если бы я все время рылся в их мыслях. Это было бы некрасиво.

— Ясно.

— Но я понимаю, что они чувствуют, — продолжал Дэнни. — Здесь уж ничего не поделаешь. И я знаю, что сейчас чувствуете вы. Я причинил вам боль. Простите.

— Это обычная головная боль. У меня бывали похмелья и похлеще. А тебе легко читать мысли других людей?

— Я пока вообще не умею читать, — ответил Дэнни. — Знаю только несколько слов. Но папа меня научит этой зимой. Ведь папа раньше обучал детей читать и писать в одной большой школе. В основном писать. Но и читать он тоже может научить.

— Я скорее имел в виду то, как ты улавливаешь чужие мысли.

Дэнни задумался.

— У меня получается, если это *громко*, — наконец сказал он. — Как с миссис Брент и брюками. Или как случилось, когда мы с мамой однажды поехали в магазин купить мне ботинки. Там был большой мальчик, который рассматривал радиоприемники и хотел взять один так, чтобы не покупать его. Потом он подумал: а вдруг меня поймают? А потом подумал: но я же очень хочу такое радио. Но потом снова стал думать, что будет, если его поймают. Он довел себя до тошноты этими

мыслями, и мне тоже стало тошно. Мама как раз разговаривала с продавцом обуви, а я подошел и сказал: «Послушай, парень, не трогай радио. Лучше просто уходи». Он сильно испугался. Убежал оттуда как ошпаренный.

— Не сомневаюсь, — отозвался Холлоран с широкой улыбкой. — А что еще ты можешь, Дэнни? Только разбирать мысли и чувства? Или что-то еще?

— А вы? — осторожно поинтересовался Дэнни.

— Иногда, — ответил Холлоран, — не очень часто, но иногда... Я вижу сны. Тебе снятся сны, Дэнни?

— Да, бывает, я вижу сны, даже если не сплю, — сказал Дэнни. — Когда приходит Тони.

Большой палец снова так и просился в рот. О Тони он прежде не рассказывал никому, кроме мамы с папой. Дэнни опять пришлось приструнить свою руку.

— Кто такой Тони?

И тут Дэнни посетило одно из тех внезапных озарений, что всегда пугали его до полусмерти. Будто он видел огромную и непонятную машину, которая могла быть безвредной, а могла таить в себе ужасную опасность. Он был слишком мал, чтобы разобраться. Слишком мал, чтобы понять.

— Что-то не так? — воскликнул он. — Вы ведь расспрашиваете меня потому, что беспокоитесь, верно? Почему вы тревожитесь за меня? Почему тревожитесь *за нас всех*?

Холлоран положил свою большую темную ладонь на худенькое плечо мальчика.

— Перестань, — сказал он. — Вероятно, здесь ничего нет. Но если и есть... Что ж, на то и нужен твой дар, Дэнни. Это очень редкий дар. Я знаю, тебе еще расти и расти, прежде чем ты полностью им овладеешь. И нужно быть очень храбрым, чтобы справиться с ним.

— Но я *не понимаю* многих вещей! — взорвался Дэнни. — Я вроде бы все *понимаю*, но *не понимаю* ничего! Люди... Они испытывают чувства, и я воспринимаю их. Но не знаю, что при этом чувствую сам! — Он с глубоко несчастным видом понурился. — Жаль, я не умею читать. Иногда Тони показывает мне знаки, но я с трудом разбираю лишь немногие.

— Кто такой Тони? — снова спросил Холлоран.

— Мама и папа называют его моим «невидимым дружком», — ответил Дэнни, старательно повторяя слова родителей. — Но он настоящий. По крайней мере для меня. Иногда, если я действительно очень стараюсь что-то понять, он ко мне приходит. И говорит: «Я хочу тебе что-то показать, Дэнни». Тогда я вроде как отключаюсь. Получается... это все сны, как вы и сказали.

Он посмотрел на Холлорана и тяжело сглотнул.

— Только прежде это были хорошие сны. Но теперь... Я забыл, как называются сны, от которых пугаешься и потом плачешь.

— Кошмары, — подсказал Холлоран.

— Да, правильно. Кошмары.

— Об этом месте? Об «Оверлуке»?

Дэнни снова посмотрел на палец, который любил сосать.

— Да, — прошептал он. А потом заговорил взволнованно, глядя Холлорану прямо в глаза: — Но я не могу рассказать об этом папе, и вы тоже не рассказывайте! Ему нужна эта работа, потому что только ее дядя Эл смог для него найти. Он должен закончить свою пьесу или снова начнет заниматься Скверным Делом. А я знаю, что это такое. Это когда *напиваешься пьяным*, вот что! Раньше он был *пьяным* почти всегда, а значит — занимался Скверным Делом!

Дэнни замолк, с трудом сдерживая слезы.

— Ну-ну... — Холлоран прижал лицо мальчика к грубоватой ткани своего пиджака, от которого слабо пахло нафталином. — Все будет хорошо, сынок. И если тому пальцу так нравится у тебя во рту, пусти его наконец туда.

Однако он казался встревоженным.

— То, что я называю сиянием, — сказал повар, — в Библии называют видениями, а некоторые ученые окрестили это прекогницией. Я много читал об этом, сынок. Можно сказать, изучил вопрос. Дело так или иначе сводится к предвидению будущего. Это тебе понятно?

Дэнни кивнул, не отрываясь от пиджака Холлорана.

— Помню самое сильное сияние, которое случилось со мной... Мне не забыть его никогда. Дело было в пятьдесят пятом. Я тогда еще служил в армии, и меня послали за океан в

Западную Германию. За час до ужина стою я рядом с баком и устраиваю страшный нагоняй одному рядовому за то, что он вместе с очистками снимает чуть не половину картофелины. Говорю: «Дай я тебе покажу, как это делается». Он протягивает мне картошку и нож, и вдруг кухня куда-то исчезает. Бах, и нет ее. Ты говоришь, что видишь этого Тони перед тем... Перед тем как начинается сон?

Дэнни снова кивнул.

Холлоран обнял его за плечо.

— А я всегда чую запах апельсинов. В тот день ими пахло повсюду, но я не придал этому значения, потому что они у нас были в меню на ужин. Нам доставили тридцать ящиков из Валенсии. Вся кухня провоняла проклятыми апельсинами.

С минуту у меня было чувство, что я потерял сознание. А потом услышал оглушительный взрыв и увидел пламя. Люди громко кричали. Завывали сирены. И еще был шипящий звук, какой издает только пар. Затем, как мне показалось, я приблизился и увидел пассажирский вагон, сошедший с рельсов и лежавший на боку. А на нем надпись: «Железнодорожная компания Джорджии и Южной Каролины». Тут как вспышка молнии у меня в голове: мой брат Карл ехал тем поездом, он потерпел крушение, и брат погиб. Вот так — в одно мгновение. А потом все вернулось, и я увидел перед собой прежнего недоноска с ножом и картофелиной в руках. Он спрашивает: «С вами все в порядке, сержант?» А я говорю: «Нет. Мой брат только что погиб в Джорджии». Позже я дозвонился до мамы, и она рассказала, как оно случилось. Но ты же понимаешь, малыш, что я уже сам знал, как все произошло.

Он медленно помотал черной кудрявой головой, словно хотел избавиться от воспоминания, и посмотрел на Дэнни сверху вниз.

— Есть кое-что, о чем тебе следует помнить, мальчик мой. Это очень и очень важно. *Такие видения не всегда становятся явью.* Помню, четыре года назад мне предложили поработать поваром в летнем лагере для мальчиков-скаутов на Длинном озере в штате Мэн. Так вот, сижу я в бостонском аэропорту Логан, жду посадки в самолет, как вдруг чувствую запах апельсинов. Ни с того ни с сего. В первый раз, должно быть, лет за

пять. И я сказал себе: «Боже правый! Что же за катавасия меня ожидает?» — а потом отправился в туалет и заперся в кабинке, чтобы наедине все обдумать. Сознания я не терял, но во мне нарастало и нарастало предчувствие, что мой самолет непременно грохнется. А потом предчувствие так же внезапно растаяло, запах апельсинов рассеялся, и я понял, что все кончилось. Но я все же направился к стойке компании «Дельта» и поменял билет на рейс, вылетавший на три часа позже. И знаешь, что произошло?

— Что? — напряженным шепотом спросил Дэнни.

— *Ничегошеньки!* — ответил Холлоран со смехом. И к своему облегчению, заметил, что мальчик тоже улыбнулся. — Ничего не случилось. Тот первый самолет приземлился точно по расписанию и без всяких приключений. Так что, сам видишь, порой эти предзнаменования оказываются ложной тревогой.

— Вот как, — протянул Дэнни.

— Или возьми, к примеру, бега. Я часто там бываю и нередко выигрываю. Встаю у ограды, когда наездники выводят лошадей к старту, и порой сияние подсказывает мне кое-что об одной из лошадок. Это мне и помогает. Все собираюсь однажды поставить крупную сумму в трайфекте*, а потом досрочно уйти на покой. Но пока побаиваюсь, потому что частенько возвращаюсь с ипподрома домой не на такси, а на своих двоих и в бумажнике у меня пусто. Никому не под силу сиять каждый раз. Разве только Господу Богу на небесах.

— Это точно, сэр, — согласился Дэнни. Ему самому вспомнилось, как почти год назад Тони показал ему новорожденного младенца в колыбельке у них дома в Стовингтоне. Дэнни это страшно взволновало, и он ждал с нетерпением, зная, что на это требуется время, но ни братика, ни сестрички у него так и не появилось.

— А теперь слушай меня внимательно. — Холлоран взял обе руки Дэнни в свои. — Мне снились здесь очень плохие сны, и порой меня одолевали дурные предчувствия. Я проработал в отеле два полных сезона и за это время, наверное, с дюжину раз видел... кошмары. А еще мне иногда казалось, что я вижу

* Ставка на трех предполагаемых победителей одного забега с указанием последовательности, в которой они придут к финишу.

страшные вещи. И не проси, все равно не скажу, что именно. Это не для такого малыша, как ты. Действительно отвратительные штуки. Однажды видение было связано с теми чертовыми кустами, подстриженными под зверей. И еще тот случай с горничной по имени Делорес Викери. Она немного сияла, но едва ли догадывалась об этом. Ей кое-что привиделось, и мистер Уллман уволил ее... Ты знаешь, что такое увольнение, док?

— Да, сэр, — простодушно признался Дэнни. — Моего папу уволили из учителей, и потому, наверное, нам пришлось переехать всей семьей в Колорадо.

— Так вот, Уллман выгнал ее с работы, когда горничная сообщила, что видела кое-что в одном из номеров, где... Короче, там, где прежде случилось нечто очень плохое. Это номер двести семнадцать, и я хочу, чтобы ты мне пообещал, Дэнни, что не будешь в него заходить. Ни разу за всю зиму. Держись от него подальше. Обещаешь?

— Обещаю, сэр, — сказал Дэнни. — А та женщина... Та... горничная. Она не попросила вас сходить и посмотреть?

— Попросила. И там действительно было страшно. Но при этом... Я не думаю, что та жуткая штука могла причинить кому-либо *вред*, Дэнни. Мне хочется втолковать тебе это. Понимаешь, люди, наделенные даром сияния, иногда могут видеть то, что должно произойти, и, как я думаю, они также порой видят *уже произошедшее*. Но все это как картинки в книжке. Ты когда-нибудь видел в книжке картинку, которая бы тебя напугала, Дэнни?

— Видел, конечно, — ответил он, вспомнив Синюю Бороду и картинку, на которой его новая жена открывает дверь и видит все те головы.

— Но ты ведь понимал, что она никак не может навредить тебе самому, верно же?

— Д-да... — с сомнением сказал Дэнни.

— Ну вот. То же самое и с этим отелем. Понятия не имею почему, но от всего плохого, что здесь случилось, остались мелкие следы, как бывает, когда какой-нибудь невоспитанный тип стрижет ногти и ковыряет в носу, а потом заметает обрезки и козявки под кресло, на котором сидел. Скажу снова: не знаю, почему такое происходит именно здесь. Что-то плохое случа-

ется, как мне кажется, почти в любой гостинице мира, и я работал в нескольких, но нигде никаких проблем не возникало. Только в «Оверлуке». Но, Дэнни, я не думаю, что от этого кто-то может пострадать. — Каждое слово последней фразы он сопроводил мягким пожатием плеча мальчика. — А потому, если ты что-то такое заметишь, например, в коридоре, или в комнате, или снаружи у тех кустов... Просто отвернись, а когда посмотришь снова, ничего уже не будет. Понимаешь, что я тебе говорю?

— Да, — ответил Дэнни. Он почувствовал себя намного лучше, спокойнее. Встав на колени, он поцеловал Холлорана в щеку и крепко обнял его. Холлоран в ответ ласково прижал мальчика к себе.

Затем отпустил его и спросил:

— Твои родители... Они ведь не сияют, верно?

— Нет, я так не думаю.

— Я попытался их испытать, как и тебя, — сказал Холлоран. — Твоя мама чуть вздрогнула, но самую малость. Впрочем, должно быть, каждая мать немного сияет, пока ее дети не станут достаточно взрослыми, чтобы за них не надо было постоянно волноваться. А вот твой папа...

Холлоран ненадолго замолк. Он подверг отца Дэнни тесту и теперь не знал, что и думать. Это оказалось не то же самое, что встретить человека, который излучал сияние или же, напротив, был полностью его лишен. Пытаясь разобраться в сущности отца Дэнни, он испытывал... странное ощущение, словно в Джеке Торрансе присутствовало что-то... *нечто*, что он скрывал. Или же держал глубоко внутри своего естества, куда невозможно проникнуть.

— Мне показалось, что твой папа не обладает даром сияния вообще, — закончил Холлоран. — Так что по их поводу можешь не беспокоиться. Позаботься только о себе самом. *Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя.* А потому ничего не бойся, хорошо?

— Хорошо.

— *Дэнни! Эй, док!*

Дэнни обернулся на голос.

— Это мама меня зовет. Мне надо идти.

— Конечно, иди, — сказал Холлоран. — Желаю тебе хорошо провести здесь время. По крайней мере постарайся.

— Непременно. И спасибо вам, мистер Холлоран. Мне теперь намного легче.

Улыбчивая мысль всплыла у него в голове:

(Для друзей — просто Дик)

(Да, Дик, спасибо)

Их взгляды встретились, и Дик Холлоран подмигнул.

Дэнни перебрался на другую сторону сиденья и открыл дверцу машины. Когда он вылезал из салона, Холлоран снова окликнул его:

— Дэнни!

— Что?

— Если *возникнут* непредвиденные проблемы... позови меня. Ударь так же громко и мощно, как ты это сделал несколько минут назад. И я скорее всего услышу тебя даже во Флориде. А как только услышу, примчусь без промедления.

— О'кей, — кивнул Дэнни с улыбкой.

— Береги себя, силач!

— До свидания.

Дэнни захлопнул дверь и побежал через стоянку к террасе, где его ждала Уэнди, обхватив себя от холода руками. Холлоран смотрел ему вслед, и его улыбка постепенно тускнела.

Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя.

Не *думаю*...

Но что, если он ошибся? Он ведь знал, что это будет его последний сезон в «Оверлуке», с того момента, когда увидел ту жуть в ванне номера 217. Это было гораздо хуже самой страшной картинки в самой страшной книге. А мальчик, бежавший сейчас к своей маме, казался *таким крохотным*...

Не *думаю*...

Потом его взгляд уперся в животных-кусты.

Он поспешно завел мотор, включил передачу и поехал прочь, изо всех сил стараясь больше не оглядываться. Но разумеется, оглянулся и увидел лишь опустевшую террасу. Они уже вошли в здание. «Оверлук» словно поглотил их.

Глава 12
БОЛЬШАЯ ЭКСКУРСИЯ

— О чем вы разговаривали, милый? — спросила Уэнди, когда они вернулись в вестибюль.

— Да так, ни о чем особенном.

— Вы говорили ни о чем особенном весьма долго.

Дэнни лишь пожал плечами, и Уэнди увидела, насколько он похож на отца. Самому Джеку этот небрежный жест не удался бы лучше. Больше она от Дэнни ничего не добьется. На Уэнди нахлынуло раздражение, смешанное с любовью: любовь была беспомощной, а источником раздражения служило чувство, будто ее намеренно исключают из круга посвященных. Когда отец и сын были вместе, она порой становилась для них как будто чужой, как статист из массовки, случайно забредший на сцену в разгар диалога двух главных героев. Что ж, этой зимой им будет трудновато держаться от нее в стороне — двум чересчур самостоятельным и самонадеянным мужчинам. У них попросту окажется слишком мало пространства для этого. Уэнди вдруг поймала себя на том, что ревнует сына к мужу из-за их близости, и устыдилась. Это чувство напомнило ей о собственной матери... Отчетливо напомнило.

В вестибюле почти никого не осталось, кроме Уллмана, старшего клерка (они стояли рядом с кассой, подсчитывая выручку), пары горничных, переодевшихся в теплые брюки и свитера и расположившихся со своим багажом у входа, да Уотсона — главного механика отеля. Перехватив взгляд Уэнди, он подмигнул ей, причем весьма развязно. Она поспешно отвела глаза. Джек стоял у окна неподалеку от двери ресторана и осматривал окрестности. Вид у него был сосредоточенный и задумчивый.

Баланс, по всей видимости, сошелся, потому что Уллман по-хозяйски властным жестом задвинул ящик кассового аппарата. Подписал чековую ленту и убрал ее в небольшую папку на молнии. Уэнди мысленно поаплодировала клерку, который откровенно испытывал невыразимое облегчение. Уллман выглядел человеком, способным за малейшую недостачу содрать

с сотрудника три шкуры, не пролив при этом ни капли крови. У Уэнди не вызывал симпатии ни сам Уллман, ни его претенциозные, нарочито деловитые манеры. Он воплощал в себе типичного начальника. Такой босс приторно сладок с клиентами, а за кулисами изводит подчиненных мелочными тиранскими придирками. Но сейчас «учебный год» закончился, и кассир искренне радовался. Наступила пора расслабиться для всех, кроме нее самой, Джека и Дэнни.

— Мистер Торранс, — бесцеремонно окликнул Уллман Джека. — Прошу вас, подойдите сюда, будьте любезны.

Джек направился к нему, кивком позвав Уэнди и Дэнни.

Старший клерк, ненадолго скрывшийся в глубинах офиса, появился снова, уже в пальто.

— Хорошей вам зимы, мистер Уллман.

— Сомневаюсь, что она будет хорошей, — отозвался Уллман равнодушно. — Двенадцатого мая, Брэддок. Ни днем раньше, ни днем позже.

— Понял вас, сэр.

Брэддок обогнул стойку с приличествовавшим его должности серьезным и величавым выражением на лице, но стоило ему оказаться спиной к Уллману, расплылся в шкодливой улыбке, как школьник. Потом он коротко переговорил с двумя девушками, все еще ожидавшими у дверей, и вышел из отеля, провожаемый приглушенными смешками.

Только сейчас Уэнди обратила внимание на воцарившуюся в отеле тишину. Она накрыла его, подобно плотному покрывалу, заглушавшему все звуки, кроме доносившихся снаружи порывов ветра. С того места, где стояла Уэнди, ей были видны два кабинета позади стойки, начисто вылизанные, с пустыми рабочими столами и запертыми шкафами для бумаг. А дальше можно было разглядеть безупречный порядок кухни Холлорана, поскольку ведущие в нее двери оставили открытыми, подперев резиновыми клиньями.

— Я подумал, что могу потратить несколько лишних минут, чтобы провести вас по Отелю, — сказал Уллман, и Уэнди отметила, что в его устах это слово звучало так, словно он произносил его с заглавной буквы. Причем делал это намеренно. — Уверен, миссис Торранс, что ваш супруг скоро будет знать все

углы, входы и выходы «Оверлука» как свои пять пальцев, но вы сами и ваш сын, я полагаю, ограничите перемещения в основном первым этажом и квартирой, отведенной для вас на втором.

— Несомненно, — покорно ответила Уэнди, и Джек исподтишка бросил на нее выразительный взгляд.

— У нас очень красиво, — продолжил Уллман, заметно оживившись, — и я неизменно получаю удовольствие, имея возможность продемонстрировать это.

Что правда, то правда, подумала Уэнди.

— Давайте поднимемся на четвертый этаж, а потом станем постепенно спускаться, — предложил Уллман, теперь уже переполненный энтузиазмом.

— Хорошо, если только мы вас не отвлекаем... — начал Джек.

— Ни в коем случае, — прервал его Уллман. — Заведение полностью закрыто. *Tout fini*, по крайней мере на этот сезон. И сегодня вечером я планировал остановиться в Боулдере. Само собой, в «Боулдерадо» — единственном приличном отеле по эту сторону Денвера... Не считая, разумеется, «Оверлука». Прошу следовать за мной.

Все вместе они вошли в лифт. Изнутри он был изящно отделан медью и бронзой, но заметно просел под весом четырех человек. Управляющий закрыл внешние створки дверей. Дэнни чуть беспокойно поежился, и Уллман одарил его ободряющей улыбкой. Мальчик попытался улыбнуться в ответ, но у него не получилось.

— Не волнуйся, малыш, — сказал Уллман. — Этот лифт — сама надежность. Безопаснее не бывает.

— То же самое говорили о «Титанике», — заметил Джек, разглядывая полусферу из граненого стекла в потолке лифта. Уэнди пришлось прикусить щеку, чтобы не рассмеяться.

Но Уллман ничуть не смутился. Он со стуком свел внутренние створки.

— Спешу напомнить, мистер Торранс, что «Титаник» совершил только один рейс. А этот лифт с тех пор, как его смонтировали в тысяча девятьсот двадцать шестом году, поднялся и опустился десятки тысяч раз.

— Это вселяет оптимизм, — сказал Джек и, взъерошив Дэнни волосы, добавил: — Крушения не предвидится, док.

Уллман передвинул рычаг управления, но какое-то время ничего не происходило — только мелко задрожал под ногами пол, а снизу донеслось надрывное завывание мотора. Уэнди на мгновение представила, как они вчетвером застрянут между этажами, подобно мухам в бутылке, а весной найдут их тела... у которых будет не хватать отдельных частей... Как в группе Доннера...

(Прекрати немедленно!)

Лифт начал подъем, поначалу вибрируя и постукивая, однако затем движение стало более плавным. На четвертом этаже Уллман остановил лифт с резким толчком, распахнул внутренние створки и открыл дверь. Кабина располагалась на несколько дюймов ниже уровня пола. Дэнни смотрел на образовавшуюся ступеньку между коридором четвертого этажа и полом лифта с таким видом, словно во Вселенной царил далеко не тот порядок, который был ему обещан. Уллман откашлялся, снова привел лифт в движение и немного поднял кабину (хотя все равно не дотянул пары дюймов), и они поспешили выйти наружу. Освободившись от веса, лифт практически полностью выровнялся, но Уэнди это нисколько не успокоило. Воплощенная безопасность? Говорите что угодно, но она сразу же решила пользоваться только лестницей. И ни при каких условиях не допустит, чтобы они втроем снова вошли внутрь этой ветхой конструкции одновременно.

— На что ты так пристально смотришь, док? — насмешливо спросил Джек. — Неужели заметил пятна?

— Разумеется, нет, — вмешался уязвленный Уллман. — Здесь все тщательно отмыли с шампунем всего два дня назад.

Уэнди тоже пригляделась к устилавшей коридор ковровой дорожке. Миленькая, но определенно не такая, какую она выбрала бы для собственного дома, если он у нее вообще когда-нибудь будет. Темно-синий ворс, замысловатый черный узор, напоминавший джунгли, с лианами и раскидистыми тропическими деревьями, ветви которых усыпали экзотические птицы. Определить, что это за птицы, не представлялось возможным, поскольку различимы были лишь силуэты.

— Тебе нравится ковер? — спросила она Дэнни.

— Да, мамочка, — ответил он невыразительным голосом.

И они двинулись по широкому коридору. Его стены были обклеены шелковыми обоями в тон ковру, но гораздо более светлого оттенка. Через каждые десять футов, на высоте примерно семи футов от пола, висели электрические бра, стилизованные под старые лондонские газовые фонари: лампочки прикрыты кремово-матовыми плафонами, скрепленными перекрещивающимися металлическими струнами.

— Вот это сделано с большим вкусом, — заметила Уэнди.

Уллман кивнул, явно довольный.

— Сам мистер Дервент распорядился установить такие светильники по всему Отелю после войны... После второй, разумеется. И вообще почти весь замысел отделки помещений четвертого этажа принадлежал лично ему. А вот и номер триста — президентский люкс.

Он повернул ключ в замке двустворчатых дверей из красного дерева и настежь распахнул их. Вид из выходившего на запад окна гостиной заставил Торрансов ахнуть от восторга, на что, видимо, и рассчитывал Уллман, который спросил с широкой улыбкой:

— Впечатляет, правда?

— Еще как! — отозвался Джек.

Окно протянулось почти во всю длину комнаты, и сейчас в него можно было видеть солнце, сиявшее точно посредине между двумя зазубренными пиками и бросавшее золотистый свет на склоны гор и на сахарно-снежные шапки, венчавшие вершины. Края облаков по краям и в глубине этого похожего на почтовую открытку пейзажа тоже отливали солнечной позолотой, а один из лучей бил прямо вниз, в темноту густых зарослей елей.

Джек и Уэнди были настолько поглощены открывшимся зрелищем, что не обращали внимания на Дэнни, который во все глаза смотрел не на красоты за окном, а левее — на шелковые обои в красно-белую полоску в том месте, где находилась дверь в спальню. И возглас, который он издал вместе со всеми, был вызван отнюдь не восхищением.

Обои покрывали крупные пятна запекшейся крови с вкраплениями каких-то серовато-белых комочков. Дэнни почувствовал приступ тошноты. Это было похоже на безумную картину, написанную кровью, сюрреалистическое изображение человеческой головы, откинутой назад, со ртом, распахнутым в крике боли и ужаса, причем половина черепа отсутствовала...

(*А потому, если ты что-то такое заметишь... Просто отвернись, а когда посмотришь еще раз, ничего уже не будет. Понимаешь, что я тебе говорю?*)

Он намеренно перевел взгляд в сторону окна, стараясь, чтобы на его лице ничего не отразилось, и когда мама взяла его за руку, ему хватило сообразительности не вцепиться в ее ладонь, не сжать, словом, не подать ей никакого сигнала тревоги.

Между тем управляющий говорил папе о том, что такое огромное окно непременно следует прикрыть ставнями на зиму, чтобы сильный ветер не повредил его. Джек только кивал в ответ. Тогда Дэнни украдкой снова посмотрел на стену. Кровавые пятна пропали, а вместе с ними исчезли и серо-белые ошметки.

Потом Уллман сказал, что пора идти дальше. Мама спросила Дэнни, понравились ли ему горы, такие красивые в лучах солнца, и он ответил: да, очень понравились, — хотя ему не было до этих гор никакого дела, с солнцем или без него. Когда Уллман чуть наклонился, чтобы запереть двери люкса, Дэнни изловчился заглянуть ему через плечо. Красное пятно вернулось, но только теперь это была свежая кровь, стекавшая по стене. Его поразило, что Уллман, смотревший, казалось бы, прямо туда, разразился монологом о знаменитостях, которые останавливались здесь. Дэнни обнаружил, что до крови прикусил себе губу и даже не заметил этого. Когда они двинулись дальше по коридору, он немного отстал от остальных, незаметно утер кровь пальцами и начал размышлять о

(крови)

(Что увидел мистер Холлоран? Кровь или что-то похуже?)

(*Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь опасное для тебя.*)

Из него рвался наружу громкий крик, но он бы ни за что не позволил себе закричать. Его мама и папа не видели подобных вещей, не умели их видеть. А потому следовало вести себя тихо. Мама с папой любили друг друга — это было реально. Все остальное — как картинки в книжке. Некоторые картинки казались действительно страшными, но не могли причинить никому зла. *Они... не опасны... для тебя.*

Мистер Уллман показал им некоторые другие номера четвертого этажа, ведя по коридорам, которые делали повороты и пересекались, словно лабиринт. При этом Уллман все твердил о каких-то люках, но Дэнни так и не увидел ни одного. Им продемонстрировали комнаты, в которых однажды останавливалась леди по имени Мэрилин Монро, когда была замужем за мужчиной по имени Артур Миллер (насколько понял Дэнни, Мэрилин и Артур подали на РАЗВОД вскоре после того, как переночевали в отеле «Оверлук»).

— Мамочка!

— Что такое, дорогой?

— Если они были женаты, то почему у них разные фамилии? Ведь у вас с папой фамилии одинаковые.

— Да, но мы не настолько знамениты, Дэнни, — объяснил отец. — Известные женщины сохраняют свои прежние фамилии даже после замужества, потому что фамилии — это их хлеб с маслом.

— Хлеб с маслом? — повторил Дэнни, совершенно сбитый с толку.

— Папа имеет в виду, что люди любили ходить в кино, чтобы посмотреть на Мэрилин Монро, и привыкли к этой фамилии, — вмешалась Уэнди. — Но им могло стать неинтересно ходить на какую-то там Мэрилин Миллер.

— Но почему? Она ведь осталась бы все той же леди. И все знали бы об этом.

— Верно, и все же... — Она беспомощно посмотрела на Джека.

— А в этих апартаментах как-то останавливался Трумэн Капоте, — нетерпеливо перебил их Уллман, открывая следующую дверь. — Я тогда уже здесь работал. Очень приятный человек. Европейские манеры.

В остальных комнатах не было ничего примечательного для Дэнни (за исключением отсутствия люков, про которые продолжал твердить Уллман), ничего, что могло бы испугать. На всем четвертом этаже ему попалась лишь еще одна вещь, которая вселила в него тревогу, хотя он сам не понимал почему. Этой вещью оказался огнетушитель, висевший на стене перед поворотом коридора обратно к лифту, стоявшему с открытыми дверями, словно разинутый рот со вставными золотыми зубами.

Огнетушитель был старой системы: свернутый плоский шланг одним концом крепился к красному клапану, а на другом конце красовался медный наконечник. К стене шланг крепила красная металлическая планка на петле. В случае пожара нужно было одной рукой поднять планку вверх, а другой дернуть, и шланг высвобождался. Дэнни быстро понял, что к чему. Он всегда хорошо соображал, как приводятся в действие различные механические устройства. В два с половиной года уже без труда умел открывать специальные защитные воротца, которые папа установил наверху лестницы их дома в Стовингтоне. Просто понял, как действует запор на них. Папа сказал тогда, что у него есть особый ТАЛАН. Некоторые люди обладали ТАЛАНОМ, другие — нет.

Этот огнетушитель выглядел более старым, чем те, что встречались ему раньше — например, в детском саду, — но в нем не было ничего необычного. И тем не менее при виде его Дэнни стало немного не по себе: шланг, свернувшийся на фоне светло-синих обоев, напомнил ему спящую до поры змею. И он испытал облегчение, когда свернул за угол.

— Разумеется, все окна следует закрыть на зиму ставнями, — сказал мистер Уллман после того, как они снова вошли в лифт, и его пол опять со стоном просел под их тяжестью. — Но особенно меня беспокоит окно в гостиной президентского люкса. В свое время оно обошлось в четыреста двадцать долларов, а это было добрых тридцать лет назад. Сейчас замена будет стоить раз в восемь больше.

— Я позабочусь об этом, — заверил его Джек.

Они перебрались на третий этаж, где было гораздо больше комнат, а система коридоров выглядела еще сложнее. Солнце

уже почти полностью скрылось за горами, и свет померк. Здесь мистер Уллман обратил их внимание всего на пару номеров. Причем он и бровью не повел, миновав номер 217, о котором Дэнни предупреждал Холлоран. Дэнни же посмотрел на простую табличку с цифрами на двери не без трепетного любопытства.

Потом они спустились на второй этаж. Здесь мистер Уллман не открыл ни одной двери, пока не довел их почти до самой покрытой плотным ковром лестничной площадки, откуда можно было спуститься в вестибюль.

— А вот и ваше жилье, — сказал он. — Надеюсь, оно вас устроит.

Они вошли. Дэнни внутренне весь сжался в предчувствии того, что может увидеть. Но не увидел ничего особенного.

Уэнди Торранс, в свою очередь, вздохнула с огромным облегчением. В холодном элегантном президентском люксе ей было неуютно, и она чувствовала себя там не в своей тарелке. Ведь одно дело — осматривать отреставрированные хоромы, где в спальнях висят мемориальные таблички, гласящие, что в этих кроватях спали Авраам Линкольн или Франклин Д. Рузвельт. И совсем другое — воображать, как ты с мужем лежишь под целыми акрами льняных простыней или занимаешься любовью там, где прежде возлежали самые сильные мужчины в мире (самые *могущественные* мужчины, тут же поправила она себя). Но эта квартирка выглядела скромнее, привлекательнее и больше походила на обычное семейное гнездо. Уэнди сразу подумала, что сможет прожить здесь одну зиму без малейших проблем.

— Мне все очень нравится, — сказала она Уллману и услышала нотку благодарности в своем голосе.

Уллман кивнул:

— Просто, но удобно. В разгар сезона мы обычно селим здесь повара с женой или повара и его помощника.

— Так мистер Холлоран жил здесь? — вмешался в разговор Дэнни.

Уллман снизошел до ответа, склонив в сторону мальчика голову:

— Да. Он и мистер Неверс.

Потом Уллман снова повернулся к Уэнди и Джеку:

— Это ваша гостиная.

В комнате стояли несколько кресел, выглядевших удобными, хотя и недорогими. Журнальный столик, наоборот, когда-то, видимо, был очень дорогим, но теперь его портил длинный скол с одного края. Два книжных шкафа, как не без удивления отметила Уэнди, были плотно забиты томами сокращенных изданий классики, которые выпускал «Ридерз дайджест», и детективами чуть ли не сороковых годов издания. Имелся и привычный для гостиниц безымянный телевизор, куда менее элегантный, чем огромные консоли полированного дерева, украшавшие номера.

— Отдельной кухни, конечно же, не предусмотрено, — сказал Уллман. — Зато в вашем распоряжении кухонный лифт. Ведь квартира расположена как раз над кухней отеля.

Он сдвинул в сторону деревянную панель в стене, за которой оказался широкий квадратный поднос. Уллман слегка подтолкнул поднос, и он поехал вниз, разматывая веревку.

— Это потайной ход! — взволнованно сообщил Дэнни матери, при виде такого чуда моментально позабыв обо всех своих страхах. — В точности как в фильме «Эббот и Костелло против монстров»!

Уллман нахмурился, а Уэнди лишь улыбнулась, когда Дэнни свесился, чтобы заглянуть в шахту и посмотреть, куда пропал поднос.

— Давайте пройдем сюда, — пригласил Уллман и открыл дверь в дальней стене гостиной. За ней располагалась спальня: просторная и с высоким потолком. Но в ней стояли две односпальные кровати. Уэнди со смущенной улыбкой вопросительно посмотрела на мужа.

— Не проблема, — сказал Джек. — Мы можем их сдвинуть.

— Простите, не понял? — Уллман бросил на него взгляд через плечо, похоже, искренне не догадываясь, о чем идет речь.

— Кровати, — любезно пояснил Джек. — Мы легко сможем сдвинуть их.

— А, конечно, — рассеянно отозвался Уллман. Потом его лицо прояснилось, и он залился краской до самого воротничка сорочки. — Как вам будет угодно.

Он вывел их обратно в гостиную и показал вторую спальню, где стояла двухъярусная кровать. В углу булькал радиатор, а ковер на полу украшал уродливый узор в виде шалфея и кактуса — Дэнни мгновенно в него влюбился. Стены были отделаны панелями из настоящей сосны.

— Как думаешь, сумеешь здесь прижиться, док? — спросил отец.

— Конечно! Только, чур, я буду спать наверху, ладно?

— Спи, где захочешь.

— И ковер мне тоже нравится. Мистер Уллман, почему вы не постелили такие же во всех номерах отеля?

Лицо мистера Уллмана на секунду приняло такое выражение, словно ему пришлось откусить кусок лимона без сахара. Но потом он улыбнулся и потрепал Дэнни по голове.

— Это все твое, за исключением ванной. Туда можно попасть только из большой спальни, — сказал он. — Как видите, квартира невелика, но ведь в вашем распоряжении будет почти весь отель. Есть где разгуляться. Камин в вестибюле в отличном состоянии. По крайней мере так мне доложил Уотсон. Если захотите, обедать можете прямо в зале ресторана, — добавил он тоном человека, сделавшего им огромное одолжение.

— Годится, — сказал Джек.

— Тогда не спуститься ли нам вниз? — предложил Уллман.

— Да, пожалуй, — согласилась Уэнди.

Они снова воспользовались лифтом. В вестибюле остался лишь Уотсон в толстой кожаной куртке; прислонившись к входным дверям, он жевал кончик зубочистки.

— А я-то думал, что вы уже в сотне миль отсюда, — сказал Уллман не слишком довольным тоном.

— Да вот, решил задержаться немного и еще раз напомнить мистеру Торрансу о котле, — сказал Уотсон, выпрямляясь. — Следи за ним в оба, приятель, и все будет как надо. Сбрасывай давление пару раз на дню. Помни, оно ползет.

Оно ползет, мысленно повторил Дэнни, и эти слова эхом отдались в длинном и безмолвном коридоре его сознания — коридоре, увешанном зеркалами, в которые люди редко заглядывали.

— Непременно, — отозвался его отец.

— Вы справитесь, — сказал Уотсон и протянул Джеку руку, которую тот пожал. Затем повернулся к Уэнди и склонил перед ней голову. — Мое почтение, мэм.

— Приятно было познакомиться, — произнесла Уэнди и тут же подумала, что ее слова прозвучали нелепо. Но ошиблась. Все получилось естественно. Она приехала сюда из Новой Англии, где всегда жила до сих пор, и теперь ей казалось, что буквально в двух кратких фразах этот странноватый человек с копной непослушных волос сумел объяснить им сущность Запада. И плевать на его двусмысленное подмигивание!

— Юный мастер Торранс, — серьезно обратился Уотсон к Дэнни и тоже протянул ему руку. Дэнни, который уже почти год как постиг науку рукопожатий, осторожно вытянул навстречу свою ладонь и почувствовал, что ее словно проглотили. — Приглядывай за родителями хорошенько, Дэн.

— Да, сэр.

Уотсон отпустил его руку и выпрямился. Потом посмотрел на Уллмана.

— Что ж, до встречи в следующем году, как я понимаю, — сказал он и протянул руку.

Уллман лишь слегка прикоснулся к ней, а его золотое кольцо с розоватым отливом отразило свет люстры и как будто подмигнуло, довольно-таки зловеще.

— Двенадцатого мая, Уотсон, — сказал он. — Ни днем раньше, ни днем позже.

— Слушаю, сэр, — кивнул Уотсон, а Джеку показалось, будто он прочел его мысли: *ты, маленький гнусный пидор*.

— Хорошо вам провести зиму, мистер Уллман.

— О, сомневаюсь, что удастся, — ответил Уллман рассеянно.

Уотсон открыл одну из створок больших дверей. Завывания ветра стали громче, и он поднял вверх воротник куртки.

— Удачи вам, ребята.

Ему ответил Дэнни:

— Спасибо, сэр.

Затем Уотсон, чей не слишком отдаленный предок владел когда-то этим отелем, чуть сгорбившись, проскользнул в про-

ем двери. Она захлопнулась за ним, приглушив звуки ветра. Все вместе они понаблюдали, как он сбежал по ступеням террасы в своих стоптанных черных ковбойских сапогах. Сухие и хрупкие листья осины метались у него под каблуками, пока он шагал через пустую стоянку к своему пикапу «интернэшнл-харвестер». Голубоватый дым повалил из ржавой выхлопной трубы, стоило ему завести двигатель. Они молчали, глядя, как он сдал назад, а потом выехал с парковки. Пикап сначала скрылся за гребнем холма, затем снова мелькнул, совсем маленький, когда Уотсон выехал на шоссе и свернул на запад.

В этот момент Дэнни вдруг показалось, что никогда в жизни он еще не чувствовал себя так одиноко.

Глава 13
НА ТЕРРАСЕ

Торрансы стояли на длинной парадной террасе отеля «Оверлук», словно позировали для семейной фотографии. Дэнни в наглухо застегнутой куртке, купленной прошлой осенью и теперь немного тесной, а к тому же начавшей протираться на локтях, расположился по центру. Уэнди пристроилась у него за спиной, положив руку на плечо сына. Джек разместился чуть левее и бережно опустил ладонь поверх головы Дэнни.

Мистер Уллман стоял ступенькой ниже в теплом и очень дорогом с виду пальто из чистой шерсти. Солнце уже полностью скрылось за горами, подсветив их кромки золотым огнем и заставив все вокруг отбрасывать длинные пурпурные тени. На стоянке было только три автомобиля: пикап, принадлежавший гостинице, «линкольн-континентал» Уллмана и дряхлый «фольксваген» Торрансов.

— Надеюсь, вам отдали все необходимые ключи, — сказал Уллман, обращаясь к Джеку, — и вы получили полные инструкции относительно топки и бойлера.

Джек кивнул, немного посочувствовав Уллману. Сезон был окончательно завершен, клубок дел плотно смотан до двенадцатого мая будущего года — ни днем раньше, ни днем позже, —

а Уллман, отвечавший за все и неизменно говоривший об отеле с отчетливо слышимой одержимостью, поневоле искал, не упустил ли чего.

— Думаю, все в полном порядке, — сказал Джек.

— Хорошо. Я постараюсь держать с вами связь.

Но он продолжал топтаться на месте, словно дожидался, что ветер подхватит его и донесет до машины. Потом вздохнул:

— На этом все. Хорошо вам перезимовать, мистер Торранс, миссис Торранс. И тебе тоже, Дэнни.

— Спасибо, сэр, — откликнулся Дэнни. — И вам хорошо провести время.

— Это едва ли, — повторил Уллман, и его слова прозвучали на этот раз особенно грустно. — Отель во Флориде — сырая дыра, если уж говорить начистоту. Много бестолковой суеты. Только «Оверлук» для меня — настоящая работа. Вы уж постарайтесь сохранить его, мистер Торранс.

— Думаю, когда весной вы вернетесь сюда, он будет на прежнем месте, — сказал Джек, и у Дэнни вдруг промелькнула мысль

(а мы сами?)

и тут же пропала.

— Конечно, конечно. Не сомневаюсь.

Уллман посмотрел в сторону игровой площадки, где животные-кусты колыхались под порывами ветра. Потом деловито кивнул:

— Тогда желаю здравствовать.

Он быстро просеменил через стоянку к своему автомобилю, казавшемуся до смешного огромным для такого миниатюрного мужчины, и проворно залез в кабину. Двигатель «линкольна» мягко заурчал, вспыхнули задние фонари, и машина выехала с парковки. Джек заметил небольшую табличку: «Зарезервировано за мистером Уллманом, управляющим».

— Предсказуемо, — негромко бросил он.

Они следили за автомобилем Уллмана, пока тот окончательно не скрылся из виду на восточном склоне. Затем переглянулись, молча и немного испуганно. Они остались одни. Листья осин кружились и бесцельно сбивались в кучи на лужайке, все так же безукоризненно постриженной и ухоженной,

хотя теперь никто не мог полюбоваться ею. Некому было наблюдать за хаотичным танцем желтых листьев по зелени травы, кроме них троих. У Джека возникло странное чувство, словно он сделался ниже ростом, в то время как отель и прилегавшая к нему территория неожиданно увеличились в размерах и стали выглядеть более зловещими, превращая людей в карликов с угрюмой и бездушной силой.

Потом Уэнди сказала:

— Ты только посмотри на себя, док. У тебя из носа льет, как из прохудившейся трубы. Давайте-ка вернемся в здание.

И они вошли в отель, плотно закрыв за собой двери, чтобы приглушить неумолчное завывание ветра.

Часть третья
ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Глава 14
НА КРЫШЕ

— Ах ты, сучье отродье, мать твою!

Джек Торранс выкрикнул эти слова от удивления и боли, когда шлепнул правой рукой по синей спецовке, раздавив крупную, но медлительную осу, только что ужалившую его. Затем он поспешил забраться как можно выше по скату крыши, оглядываясь через плечо, не появятся ли из потревоженного им гнезда осиные братья и сестры. Если это случится, ситуация станет скверной, потому что гнездо располагалось как раз между ним и лестницей, а люк, который вел на чердак, был заперт на замок изнутри. Прыгать придется с семидесяти футов на асфальтовый дворик между отелем и лужайкой.

Но пока воздух над гнездом оставался неподвижным.

Джек тихо присвистнул сквозь стиснутые зубы, оседлал конек крыши и осмотрел указательный палец правой руки. Палец уже начал распухать, и он понял, что необходимо прокрасться мимо гнезда к лестнице, чтобы спуститься вниз и приложить к ранке лед.

Это произошло двадцатого октября. Уэнди и Дэнни отправились в Сайдуайндер на пикапе, принадлежавшем отелю (старый дребезжащий «додж» все же был намного надежнее «фольксвагена», который теперь отчаянно хрипел и, похоже, доживал последние деньки), чтобы купить три галлона молока и присмотреть кое-что к Рождеству. Конечно, для рождественского похода по магазинам было рановато, но никто не мог

предсказать, когда ляжет снег. Первые мелкие снегопады уже начались, а на дороге, которая вела от «Оверлука» в долину, местами встречалась наледь.

Впрочем, до сей поры осень стояла неправдоподобно красивая. Те три недели, что они привели здесь, солнце сияло почти без передышки. Тридцатиградусная прохлада по утрам к середине дня сменялась температурами даже чуть выше шестидесяти* — отличные условия, чтобы полазить по пологому западному скату крыши «Оверлука» и заняться кровлей. Джек честно признался Уэнди, что мог бы закончить работу еще четыре дня назад, однако намеренно не торопился с этим. Вид с крыши затмевал пейзаж за окном президентского люкса. Но самое главное — работа успокаивала. На крыше у него появлялось ощущение, что нанесенные ему за последние три года раны понемногу затягиваются. На крыше в душе воцарялся мир. И те три года представлялись не более чем кошмарным сном.

Дранка в отдельных местах сильно прогнила, некоторые куски вообще вырвало и унесло прочь штормовыми ветрами прошлой зимы. Те же, что еще кое-как держались, Джек отрывал сам и сбрасывал вниз с криком: «Осторожно, бомба!» — чтобы случайно не угодить в бродившего порой по двору Дэнни. Джек вытаскивал старую гидроизоляцию, когда его укусила оса.

Ирония судьбы заключалась в том, что каждый раз, поднимаясь на крышу, он напоминал себе об опасности напороться на осиное гнездо и на всякий случай брал с собой специальную дымовую шашку от насекомых. Но в то утро обманчивое спокойствие усыпило его бдительность. Мысленно он целиком погрузился в ту жизнь, которую медленно создавал на страницах своей пьесы, обдумывая очередной эпизод, чтобы основательно поработать над ним вечером. Пьеса продвигалась очень хорошо, и хотя Уэнди ничего не говорила прямо, он чувствовал, насколько она довольна. Прежде он зашел в тупик, добравшись до ключевой сцены с участием Денкера, директора школы с садистскими наклонностями, и Гари Бенсона — молодого главного персонажа его произведения. Но это случилось в те злосчастные шесть месяцев в Стовингтоне, когда его желание

* Минус 1,1 и 15,6 °С соответственно.

напиться переходило всякие разумные пределы и он не в состоянии был сосредоточиться даже на теме урока в классе, не говоря уже о самостоятельном литературном творчестве.

И вот за последние двенадцать вечеров, которые он провел наконец за конторской моделью «Ундервуда», одолженной из кабинета внизу, все препятствия магическим образом устранились под его бегавшими по кнопкам пальцами, растаяли, как сахарная вата во рту. Ему без особых усилий удалось вскрыть внутренние пружины характера Денкера, и он соответственно переписал заново большую часть второго действия, центром которого и была та сцена. И развитие сюжета третьего акта, который он как раз прокручивал в голове, когда оса прервала его размышления, вырисовывалось все более четко. Он уже прикидывал, что ему осталась всего пара недель, чтобы завершить черновой вариант, а к новому году на руках у него уже будет чистовик всей этой треклятой пьесы.

В Нью-Йорке у Джека был собственный литературный агент — мужеподобная рыжеволосая дама по имени Филлис Сэндлер, которая курила сигареты «Герберт Тайрейтон», лакала бурбон «Джим Бим» из бумажных стаканчиков и придерживалась твердого убеждения, что лучшим писателем в мире был Шон О'Кейси. Это она сумела продать три рассказа Джека, включая тот, что появился в журнале «Эсквайр». Он написал ей о пьесе под рабочим названием «Маленькая школа», пересказав основной конфликт между Денкером, когда-то подававшим надежды учителем, который потерпел жизненный крах и превратился в грубого, а порой откровенно жестокого директора одной из школ Новой Англии начала XX века, и Гари Бенсоном — студентом, во многом казавшимся Джеку более молодой версией себя самого. В ответном письме Филлис проявила заинтересованность, но настоятельно рекомендовала перечитать О'Кейси, прежде чем браться за перо. В начале этого года от нее пришло еще одно письмо, в котором она спрашивала, где, черт возьми, обещанная пьеса. Он сухо ответил, что «Маленькая школа» на неопределенное время (если не навсегда) застряла «в той интеллектуальной пустыне, которая зовется творческим кризисом». Но вот теперь все шло к тому, что пьесу Филлис все же получит. Другое дело, выйдет

она хорошей или плохой, доберется ли когда-нибудь до театральных подмостков. Как раз это его не слишком беспокоило. Для него важнее всего было ощущение выхода из грандиозного тупика, колоссальным символом которого и стала сама по себе эта пьеса. Символом ужасных последних лет в стовингтонской школе, символом семейной жизни, которую он почти разбил, как пьяный подросток по недомыслию разбивает старый автомобиль, символом чудовищной травмы, нанесенной сыну, символом инцидента с Джорджем Хэтфилдом на школьной стоянке, который он не мог больше рассматривать как всего лишь еще одну случайную вспышку своего необузданного темперамента. Теперь он преисполнился уверенности, что его прежние проблемы с алкоголем были отчасти вызваны подсознательным желанием вырваться из Стовингтона, где чувство устроенности и комфорта парализовало присутствовавшее в нем творческое начало. Да, он бросил пить, но стремление к свободе оставалось по-прежнему сильным. Отсюда и происшествие с Джорджем Хэтфилдом. Теперь единственным, что напоминало ему о прошлом, была рукопись пьесы на столе в их с Уэнди спальне. И только избавившись от нее, отослав Филлис в ее нью-йоркскую нору, которая именовалась литературным агентством, он сможет двигаться дальше. Причем не обязательно возьмется за роман — он не был готов увязнуть в трясине еще одного трехлетнего проекта. Но он непременно напишет новую серию рассказов. И быть может, издаст сборник.

Крайне осторожно спускаясь на четвереньках по скату крыши, Джек миновал четкую границу между новыми яркозелеными кусками свежеуложенного гонта и тем участком, который он совсем недавно очистил от прогнившей дранки. Подобрался слева к тому месту, где наткнулся на осиное гнездо, и осмелился приблизиться к нему вплотную, готовый в любой момент отпрянуть и кинуться к лестнице, если дело примет дурной оборот.

Перегнувшись через край, он заглянул в отверстие.

Да, гнездо находилось там — в пустоте между дранкой и обшивкой. Чертовски огромное. В самой широкой части диаметр серого бумажного шара составлял никак не меньше двух футов. Разумеется, гнездо имело форму, далекую от правильной

сферы, поскольку пространство между дранкой и обшивкой было слишком узким, но все равно, подумал Джек, эти мелкие злобные твари проделали тщательную и заслуживающую уважения работу. По поверхности гнезда медленно ползали насекомые. Неприятная разновидность. Не одинеры, обычно не представляющие особой угрозы, а бумажные осы. Сейчас, с наступлением холодов, они стали инертными и малоподвижными, но Джек, много знавший об осах с детства, все равно решил, что ему посчастливилось быть укушенным лишь один раз. И подумал: а что, если бы Уллману взбрело в голову поручить кому-нибудь эту работу в разгар лета? Хороший подарочек поджидал бы тогда работягу, который вскрыл бы эту часть прохудившейся крыши! Вот уж сюрприз так сюрприз! Когда дюжина ос садится на тебя одновременно и начинает жалить в лицо, в руки, в шею, в ноги, очень легко забыть, что находишься на высоте семидесяти футов. Можно запросто сигануть с крыши, лишь бы избавиться от них. И все из-за малюсеньких тварей, самая крупная из которых величиной не превышает ластик на конце карандаша.

Он где-то вычитал — то ли в воскресной газете, то ли в популярном журнале, — что причины почти семи процентов автомобильных аварий со смертельным исходом остаются невыясненными. Они происходят не из-за неисправностей машин, не из-за превышения скорости, не из-за алкоголя, не из-за плохих погодных условий. Порой единственная машина на всей дороге врезается во что-нибудь, и только водитель мог бы объяснить, как это случилось, но он, увы, мертв. В статье приводились слова одного дорожного полицейского, который выдвинул теорию, что многие из так называемых беспричинных автокатастроф происходят по вине проникших в кабину насекомых. Из-за осы, пчелы, паука или обыкновенной мухи. Водитель начинает паниковать, размахивает руками, пытается открыть окно, чтобы выпустить эту дрянь наружу. Возможно, насекомое жалит его. Но вполне вероятно, что шофер сам полностью теряет контроль над автомобилем. Как бы то ни было, результат один — ба-бах! И все кончено. А невредимое насекомое вылетает из дымящегося остова машины и преспокойно отправляется на поиски злачных пажитей. Джеку запомнилось,

что тот офицер даже предлагал, чтобы в таких случаях патологоанатомы при вскрытии пытались найти в телах жертв следы яда насекомых.

А теперь, глядя на это гнездо, он подумал, что оно может одновременно служить символом того, через что ему пришлось пройти (и заодно провести за собой заложников — членов своей семьи), и предзнаменованием более светлого будущего. Как еще он мог объяснить то, что с ним случилось? Он ведь до сих пор не сомневался, что во всех стовингтонских несчастьях роль Джека Торранса должна рассматриваться в страдательном залоге, исключительно в пассивной форме. Не он делал дурные вещи, дурно обходились с ним самим. Он, например, знал немало коллег по школе (причем двое из них преподавали ту же английскую словесность), которые были законченными пьянчугами. Зак Танни имел привычку покупать по субботам целый бочонок пива, ставить его на всю ночь в снежный сугроб на своем заднем дворе, а по воскресеньям одному выпивать эту чертову прорву за просмотром футбольных матчей и старых кинофильмов. Зато всю рабочую неделю Зак ходил трезвее, чем мировой судья, лишь изредка позволяя себе слабенький коктейль за обедом.

Конечно, Джек и Эл Шокли были алкашами. И они нашли друг друга, как два потерпевших кораблекрушение моряка, которые все-таки были в достаточной степени общительными людьми, чтобы предпочесть тонуть вместе, а не в одиночку, как тот же Зак. Только вода в поглощавшем их море была не соленой, а произведенной из отборного ячменя и солода. Но сейчас, глядя на ос, продолжавших медленно выполнять действия, которые им диктовали инстинкты, пока стужа еще не убила их всех, кроме впавшей в спячку королевы-матки, Джек готов был пойти дальше и сказать себе всю правду. Он *был* алкоголиком — и таковым и останется. Вероятно, стал им на школьной вечеринке старшеклассников, когда впервые распробовал прелести спиртного. И не надо искать причину в отсутствии воли, аморальности, силе или слабости его натуры. Просто внутри его либо сгорел какой-то предохранитель, либо отсутствовал тумблер, размыкавший цепь, и потому он волей-неволей был обречен катиться по наклонной плоскости, сначала медленно,

а потом со все возрастающим ускорением, когда жизнь в Стовингтоне стала требовать от него все большего напряжения. Это была длинная, грязная и скользкая наклонная плоскость, на дне которой поджидали раздавленный велосипед без хозяина и сломанная рука сына. Джек Торранс играл здесь самую пассивную роль. То же относилось к его темпераменту. Всю свою жизнь он безуспешно старался держать его под контролем. Джеку вспомнилось, как в семь лет ему влепила затрещину соседка за то, что он играл со спичками. Он разозлился и швырнул камень в проезжавшую мимо машину. Это увидел из окна отец и, изрыгая громовые проклятия, спустился вниз, чтобы наказать маленького Джеки. Сначала он основательно выпорол его, а потом еще и... поставил фингал под глазом. Но стоило отцу, все еще ругаясь в голос, скрыться в доме, чтобы не пропустить телевизионную передачу, как Джек тут же выместил обиду на бродячей собаке, ударив ее ногой в живот. В драки он начал ввязываться еще в начальной школе, а к старшим классам дрался постоянно, что вылилось в два случая отстранения от занятий. Его бессчетное число раз оставляли в классе после уроков, хотя отметки он получал вполне приличные. Футбол стал отчасти возможностью выпустить пар, хотя он прекрасно помнил, каким взвинченным выходил на любую игру, воспринимая каждую блокировку со стороны соперника, каждый отобранный у него мяч как персональное оскорбление. Причем игрок из него вышел неплохой, и он даже пробился на какое-то время в школьную сборную округа, хотя знал, что должен благодарить за это — либо винить — только свой вздорный и взрывной темперамент. На самом деле футбол он не любил. Каждый матч превращался в сведение личных счетов.

И тем не менее он никогда не *ощущал* себя мерзавцем, не считал свой характер злобным. Он всегда рассматривал Джека Торранса как отличного парня, которому и надо-то всего лишь научиться обуздывать себя, пока не влип в крупные неприятности. Точно так же он собирался научиться контролировать свое пьянство. Однако проблема заключалась в том, что он был алкоголиком в эмоциональном смысле в той же степени, что и в физическом, — и эти две стороны его характера, несомненно, тесно переплетались где-то в глубине его естества, в каких-

то темных безднах, куда мы все предпочитаем не заглядывать. Впрочем, для него самого не имело значения, были корневые причины взаимосвязаны или нет, были ли они социологическими, психологическими или чисто физиологическими. Ему-то приходилось расхлебывать последствия — затрещины соседок, рукоприкладство отца, отстранения от учебы, попытки объяснить, почему на нем порвана одежда после очередной схватки на заднем дворе школы, а позднее — тяжкие случаи похмелья, расползавшуюся по швам семейную жизнь, одинокое велосипедное колесо с торчащими к небу спицами, сломанную руку Дэнни. И случай с Джорджем Хэтфилдом, конечно же.

И теперь он вдруг осознал, что, сам того не желая, сунул руку в Большое Осиное Гнездо Жизни. Образ ему понравился. Для описания окружавшей его реальности он подходил как нельзя лучше. Джек как будто прорвал пальцами прогнившую изоляцию крыши в самый разгар летней жары, и всю руку охватил священный мстительный огонь, нарушавший логику здравого мышления. Боль отменяла концепцию цивилизованного поведения как таковую. Разве можно ожидать, что ты будешь вести себя как нормальный, здравомыслящий человек, если твою руку словно проткнули десятками раскаленных докрасна игл? Разве можно ожидать, что ты будешь жить в любви со своими близкими, если из самой разорванной сути вещей (материала, который ты прежде считал таким прочным и безопасным) поднялось коричневое облако воплощенной ярости и устремилось прямо на тебя? Разве можно ожидать, что ты будешь нести полную ответственность за свои поступки, если ты в безумии мечешься по склону крыши на высоте семидесяти футов, даже не осознавая в панике, что вот-вот перекатишься через водосточный желоб и рухнешь на асфальт, где тебя поджидает неминуемая смерть? На все эти вопросы Джек давал однозначно негативный ответ. Когда ты помимо воли попадал рукой в осиное гнездо, это не значило, что ты добровольно заключил сделку с дьяволом, продав ему свою цивилизованную сущность со всеми приманками в виде любви членов семьи, почета и уважения окружающих. Это просто случалось с тобой, и только. Совершенно пассивно, без права выбора ты превра-

щался из разумного существа в комок обнаженных нервов. Из образованного выпускника колледжа в бессмысленно воющего примата всего за пять быстротечных секунд!

И он снова подумал о Джордже Хэтфилде.

Высокий длинноволосый блондин, Джордж был почти до неприличия хорош собой. В узких джинсах и стовингтонском свитере, рукава которого были небрежно закатаны, обнажая крепкие загорелые предплечья, он напоминал молодого Роберта Редфорда, и Джек не сомневался, что Джордж так же легко набирал в жизни очки, как это делал десятью годами ранее юный Джек Торранс, неудержимый на футбольном поле и за его пределами. При этом он мог совершенно искренне заявить, что ничуть не завидовал внешности Джорджа и не испытывал ревности к его успехам. Напротив, он почти бессознательно начал видеть в Джордже реальное воплощение главного героя своей пьесы, Гари Бенсона — столь превосходного антагониста для темной личности стареющего и опускающегося Денкера, который всей душой ненавидел Гари. Но он сам — нет, он никогда не питал неприязни к Джорджу. Если бы что-то такое присутствовало в их отношениях, он бы знал об этом. Знал бы наверняка.

В Стовингтоне Джордж легко перепархивал из класса в класс. Звезда футбола и бейсбола, он пользовался привилегией облегченной учебной программы для спортсменов и к тому же вполне довольствовался тройками по большинству предметов, лишь иногда получая четверки по истории или ботанике. Он обладал превосходными бойцовскими качествами для спортивных игр, но в классе становился апатичным и рассеянным. Подобный тип ученика был знаком Джеку скорее по прежним годам, когда он сам учился в школе и в колледже, нежели по преподавательской деятельности, где опыта у него накопилось пока не так много. Джордж Хэтфилд был создан для спорта. В классе он почти всегда оставался незаметной фигурой, но лишь до тех пор, пока ему не бросали вызов или не стимулировали иным способом. (*Ему нужно приставить электроды к вискам, чтобы он ожил, как чудовище Франкенштейна*, иногда думал Джек.) Вот тогда он превращался в танк, готовый смести все на своем пути.

В январе вместе с еще двумя десятками учеников Джордж выразил желание пройти проверку и стать членом дискуссионной команды школы, которой предстояли окружные соревнования в искусстве дебатов и красноречия. При этом с Джеком он был совершенно откровенен. Отец — влиятельный корпоративный юрист — желал, чтобы сын пошел по его стопам. Джордж, не питавший особых склонностей к другим занятиям, ничего не имел против. Конечно, его успеваемость оставляла желать лучшего, но ведь он учился пока всего лишь в средней школе, и у него впереди было еще много времени, чтобы наверстать упущенное. Если возникнет нужда, отец всегда сможет нажать на нужные кнопки. Да и собственные спортивные достижения Джорджа помогли бы открыть перед ним многие двери. И Брайан Хэтфилд считал, что его сынку непременно следует попасть в дискуссионную команду. Во-первых, это хорошая практика, а во-вторых, члены приемных комиссий юридических факультетов не упускали из виду подобных фактов в анкетах поступающих. Так Джордж стал поначалу полноправным членом команды, из которой в конце марта Джеку все же пришлось его исключить.

А ведь еще зимой, когда они проводили тренировочные дебаты между участниками своей команды, Джордж сумел в полной мере проявить бойцовский характер. Он превратился в мрачно одержимого спорщика, который с яростным напором умел защищать свои аргументы. И не важно, что именно становилось предметом обсуждения — легализация марихуаны, возвращение смертной казни как высшей меры наказания или истощение нефтяных недр страны. Вдобавок к неожиданному красноречию выяснилось, что Джордж не только оголтелый шовинист, но и совершеннейший оппортунист, которому в конечном счете все равно, на чьей он стороне, — а насколько знал Джек, это редкое качество ценилось даже среди самых искушенных мастеров дискуссий на высшем уровне. Таланты хорошего полемиста и искусного политического авантюриста шли рука об руку. Главное — вовремя выложить на стол свои козыри и использовать шанс. А с этим у Джорджа все было в порядке.

Но вот беда: Джордж Хэтфилд заикался.

Прежде этот его недостаток никогда не проявлялся ни в классе, где Джордж неизменно оставался спокойным и даже равнодушным ко всему (независимо от того, выполнил он домашнее задание или нет), ни на стадионе Стовингтона, где судьба матчей решалась не разговорами, а иной раз тебя могли даже удалить с поля за излишнюю болтливость.

Заикание начинало давать о себе знать, только когда Джордж погружался в атмосферу ожесточенного спора. И чем больше он распалялся, тем хуже шло дело. А уж если он чувствовал, что оппонент угодил в ловушку и нужен лишь последний меткий выстрел, чтобы добить его, знакомое некоторым охотникам нервное возбуждение словно воздвигало интеллектуальную стену между мозговыми центрами, отвечавшими за речь, и языком. Он часто просто бессловесно замирал, теряя отведенное ему время. На это невозможно было смотреть без сострадания.

— И-итак, по м-моем-му мне... мнению, м-можно утверждать, что ф... ф... факты в д-деле, на которое с-сылается мистер Д-д-д-дорски, яв... являются... устаревшими в... с-с-силу реш... реш-ше-ния, принятого не... не-е-давно...

В этот момент звучал сигнал, и Джордж поворачивался вместе с креслом, чтобы бросить яростный взгляд на Джека, сидевшего рядом с часами. Лицо Джорджа в такие моменты покрывалось багровыми пятнами, а сделанные им предварительные заметки он судорожно сминал в бумажный комок.

И все же Джек держал его в команде. Первоначально он избавился от тех, кто явно был в ней лишним, надеясь, что Джордж сумеет перебороть заикание. Ему запомнилось, как однажды вечером примерно за неделю до того, как им было принято окончательное решение, Джордж дождался, пока остальные разойдутся, и вступил с Джеком в прямую конфронтацию.

— Вы н-нарочно перевели таймер вперед.

Джек, укладывавший в тот момент бумаги в свой портфель, вскинул на него удивленный взгляд.

— Что ты такое говоришь, Джордж?

— В-вы не дали мне п-п-полных пяти минут. Вы перевели стрелку. Я за... за... метил это по своим ч-часам.

— Конечно, твои часы и наш таймер могут идти чуть поразному, Джордж. Но я и не притрагивался к этой чертовой штуке. Слово скаута!

— Н-нет, *прит-трагивались*!

Воинственная поза человека, готового до конца отстаивать свои права, которую принял в этот момент Джордж, высекла искру, легко воспламенившую темперамент самого Джека. Он не притрагивался к спиртному уже два месяца. Долгих два месяца. Слишком долгих два месяца. Его нервы были на пределе. Хотя он попытался сдержаться.

— Уверяю тебя, Джордж, что я здесь ни при чем. Всему виной твое заикание. Ты пытался разобраться, чем оно вызвано? Ведь на занятиях в классе у тебя совершенно нормальная речь.

— *Я не... не... за-а... за-и... заикаюсь!*

— *Говори тише, пожалуйста!*

— *Вы х-хотите от... от... м-меня избавиться! Вы... выкинуть м-меня из с-с-своей дур... дурацкой к-команды!*

— Перестань так кричать, прошу тебя. Давай обсудим все спокойно.

— Д-да п... по-о-шли вы з-знаете куда!

— Пойми, Джордж, я бы с радостью оставил тебя, если бы ты смог избавиться от заикания. Ты отлично проявил себя на всех репетициях и всегда дотошно изучаешь предысторию вопроса. А это значит, что тебя трудно застать врасплох. Но все это не имеет значения, если ты не можешь контролировать...

— Я... я... никогда п-прежде не... не заикался! — почти плача воскликнул он. — Эт-то все в-вы! Если бы к-кто... кто-то другой руко... руководил к-командой, я бы...

Запас терпения у Джека почти иссяк.

— Джордж, из тебя никогда не получится юриста — ни корпоративного, ни любого другого, — если ты не справишься с дефектом речи. И это не футбол. Два часа тренировок в день твоих результатов не улучшат. Как ты себе это представляешь? Встаешь ты на собрании совета директоров и затягиваешь свою песню: «А-а т-теперь, джен... джентльмены, п... перейдем к рас... смотрению в... во... вопроса о...»

Внезапно он покраснел, но уже не от злости, а устыдившись собственной жестокости. Ведь перед ним стоял даже не взрос-

лый мужчина, а семнадцатилетний молокосос, который столкнулся с первой в своей жизни крупной проблемой и, вполне возможно, попросту не знал, как еще обратиться к Джеку за помощью и советом.

Но Джордж уже окинул его последним разъяренным взглядом, кривя губы и глотая слова, которые никак не вырывались наружу.

— Вы... вы пе-перевели таймер в... в... вперед. Вы... вы... нена-ненавидите меня, по-о... потому что з-знаете... з-знаете...

И с нечленораздельным криком он выбежал из аудитории, хлопнув дверью так, что задребезжало вставленное в нее армированное проволокой стекло. Джек остался стоять, скорее чувствуя, чем слыша топот кроссовок Джорджа в пустом коридоре. И все же, несмотря на стремление унять гнев и стыд из-за попытки передразнить заикание Джорджа, его первым чувством стала своего рода экзальтация: а ведь, наверное, впервые в жизни Джордж Хэтфилд не мог получить желаемого. Впервые с ним случилась беда, которую не поправишь даже за все деньги его папаши. Никакими взятками невозможно заставить органы речи нормально работать. Нельзя было посулить языку еженедельную прибавку в пятьдесят долларов плюс премию к Рождеству, чтобы он перестал запинаться, как игла проигрывателя на заезженной пластинке. Но потом это чувство довольства сразу же поглотило ощущение вины, и оно сильно напоминало раскаяние, овладевшее им, когда он сломал руку Дэнни.

Боже милостивый, ведь я же не такая сволочь? Скажи, что нет, молю тебя.

Эта омерзительная радость из-за несчастья с Джорджем была более характерна для отрицательного героя пьесы Денкера, нежели для драматурга Джека Торранса.

Вы ненавидите меня, потому что знаете...

Знает что?

Что он мог знать о Джордже Хэтфилде, чтобы это вызвало в нем ненависть? Что перед ним открывалось большое будущее? Что он немного походил на Роберта Редфорда и все девичьи разговоры разом смолкали, когда он выполнял прыжок в два оборота с трамплина в бассейне? Что он играл в футбол и в

бейсбол с естественной грацией, которая не приобретается никакими тренировками?

Нелепо. Полный абсурд. Он совершенно не завидовал Джорджу Хэтфилду. Да, если угодно, он гораздо сильнее переживал из-за его заикания, чем, возможно, сам Джордж, потому что из парня мог получиться действительно великолепный полемист. И если бы Джек действительно перевел стрелку таймера вперед — чего он, конечно же, не делал, — то только потому, что и ему, и остальным членам команды было мучительно неловко слышать, как борется со словами Джордж. Такую же неловкость и агонию испытываешь, когда на выпускном вечере выбранный учениками оратор забывает текст речи. И если бы он переставил таймер вперед, то только лишь... Только лишь для того, чтобы страдания Джорджа быстрее закончились.

Но он не притрагивался к таймеру. Совершенно точно — пальцем к нему не прикасался.

Ровно через неделю он убрал его из команды и на этот раз не терял контроля над собой. Все вопли и угрозы исходили исключительно от самого Джорджа. А еще неделю спустя он случайно вышел на стоянку, прервав ненадолго репетицию дебатов, чтобы забрать из багажника «фольксвагена» оставленные там справочные материалы, и увидел, как Джордж стоит, опершись на колено, с охотничьим ножом в руке, а длинные светлые патлы падают ему прямо на лицо. Он как раз вгрызался лезвием в правое переднее колесо «фольксвагена». Обе задние покрышки были уже спущены, и бедный старый «жук» припал к земле, как маленькая усталая собачка.

Для Джека мир моментально окрасился в багровый цвет, и он запомнил немногое из того, что последовало дальше. В памяти остался злобный рык, который вырвался из его горла, и слова:

— Ах вот, значит, как, Джордж! Если уж ты сам нарвался, то иди сюда, и я проучу тебя как следует! Иди и получи по заслугам!

Еще он запомнил, как Джордж поднял на него взгляд, растерянный и испуганный. Он промямлил:

— Мистер Торранс... — Словно собирался объяснить, что все это — большая ошибка, что колеса уже были спущены, а

он лишь выковыривал грязь из протектора передней шины с помощью ножичка, который случайно оказался при нем, и...

Джек бросился на него, держа перед собой сжатые кулаки и, кажется, даже ухмыляясь. Впрочем, этого в памяти не сохранилось.

Последнее воспоминание — Джордж выставляет вперед нож и говорит:

— Не подходите ко мне!

Сознание вернулось к нему, только когда мисс Стронг, учительница французского языка, вцепилась в него сзади с плачем и криком:

— Остановись, Джек! Прекрати! Ты же можешь убить его!

Он тупо огляделся по сторонам. Охотничий нож, который уже никому не мог причинить вреда, поблескивал на асфальте в четырех ярдах от них. И еще был «фольксваген», его бедный старый «жук», ветеран бесчисленных пьяных разъездов по городу, у которого осталось всего одно целое колесо. А в правом крыле виднелась новая вмятина, в центре которой он разглядел что-то похожее то ли на свежую краску, то ли на кровь. На мгновение у него в голове все смешалось, когда он вспомнил

(господи эл мы все-таки сбили его)

события той ночи. Но потом он перевел взгляд на Джорджа, распластавшегося рядом с машиной и дрожавшего всем телом. Дискуссионная команда в полном составе высыпала наружу и сбилась в кучку у дверей, не сводя глаз с Джорджа. Кровь у него на лице оказалась из ссадины, которая не выглядела серьезной, но вот кровотечение из уха было скорее всего симптомом сотрясения мозга. А потому, как только Джордж сделал попытку подняться, Джек стряхнул с себя мисс Стронг и устремился к нему. Джордж испуганно отпрянул.

Джек двумя руками уперся парню в грудь, не давая встать.

— Лежи тихо, — сказал он. — Постарайся не делать лишних движений.

Потом он повернулся к мисс Стронг, которая с ужасом смотрела на них обоих.

— Пожалуйста, позовите сюда немедленно школьного врача, — попросил он. Она повернулась и кинулась в сторону школьных кабинетов.

Джек оглядел свою дискуссионную группу и не побоялся встретиться взглядом с каждым, потому что он снова был их руководителем, полностью овладевшим собой, а когда он адекватен, во всем Вермонте не сыскать более приятного человека. Наверняка они об этом знали.

— Можете на сегодня расходиться по домам, — тихо сказал он им. — Встретимся завтра утром.

К концу недели шестеро членов команды добровольно покинули ее, и среди них двое лучших, но это уже не имело значения, потому что к тому времени его самого информировали, что ему придется уйти.

Но он не сорвался и не запил, и это было уже кое-что.

И он никогда не опускался до ненависти к Джорджу Хэтфилду. В этом он был совершенно уверен. То есть опять-таки не он сам совершил поступок, а было произведено действие, направленное против него.

Вы меня ненавидите, потому что знаете...

Но он не знал ничего. *Ничего.* В этом он готов был поклясться самому Господу Богу, как чистосердечно мог покаяться, что перевел таймер вперед всего на минуту. Но не из-за ненависти, а из чувства сострадания.

Две осы медленно ползали по крыше рядом с дырой в кровле.

Он наблюдал за ними до тех пор, пока они вдруг не расправили свои с виду лишенные аэродинамических достоинств, но тем не менее на редкость эффективные крылья и не улетели куда-то в сторону октябрьского солнца, ища, кого бы еще ужалить. Если уж Бог снабдил этих созданий жалами, рассудил Джек, они обречены использовать их по назначению.

Долго ли он просидел, глядя в дыру, где его поджидал неприятный сюрприз, и вороша тлеющие угольки воспоминаний? Он посмотрел на часы. Почти полчаса.

Потом он добрался до края крыши, свесил ногу и нащупал верхнюю перекладину лестницы, упертой под кромку ската. Нужно спуститься к сараю, где он хранил шашку против насекомых на одной из самых высоких полок, чтобы до нее не добрался Дэнни. С этой бомбой он вернется, и теперь большой сюрприз будет ожидать ос. Они могли ужалить его, но и он мог нанести ответный удар. В этом он не сомневался. Через *какие-*

то два часа от гнезда останется только остов из жеваной бумаги, и Дэнни сможет хранить его у себя в комнате, если пожелает, — когда Джек сам был ребенком, у него лежало в спальне пустое осиное гнездо, которое навсегда пропахло древесным дымком и бензином. Его можно будет положить прямо на тумбочку у изголовья постели. Это абсолютно безопасно.

— Мне стало намного лучше.

Звук собственного голоса, столь громко прозвучавшего в тишине, хотя он вовсе не собирался произносить эти слова вслух, придал ему дополнительную уверенность в себе. Ему *действительно* становилось лучше. Появлялась возможность выйти из пассивного состояния и перейти к активным действиям, воспринимать вещи, которые в свое время чуть не свели тебя с ума, как нечто несущественное, имеющее к тебе лишь косвенное отношение. И если существовало место, где это можно было сделать, то находилось оно именно здесь.

Он спустился по лестнице за дымовой шашкой. Он их проучит. Они сполна расплатятся за то, что посмели ужалить его.

Глава 15
ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ОТЕЛЕМ

Две недели назад в глухом углу сарая для инструментов Джек обнаружил огромное плетеное кресло, покрашенное белой краской, и вытащил его на террасу вопреки возражениям Уэнди, утверждавшей, что ничего уродливее она в жизни не видела. Он как раз расположился в нем, погрузившись в чтение романа Э.Л. Доктороу «Добро пожаловать в тяжелые времена», когда услышал тарахтение гостиничного пикапа, возвестившего о возвращении жены и сына.

Уэнди лихо припарковалась прямо на полукруглой площадке перед парадным входом, как заядлый гонщик, пару раз газанула, заставив мотор взреветь, а потом заглушила его. Единственный задний габаритный фонарь машины погас. Двигатель еще несколько раз дернулся и лишь потом оконча-

тельно затих. Джек поднялся из кресла и не спеша направился встречать их.

— Привет, пап! — крикнул Дэнни, взбегая наверх. В руках он держал коробку. — Ты только посмотри, что мне купила мама!

Джек схватил сына на руки, дважды крутанулся с ним на месте, а потом чмокнул мальчика прямо в губы.

— О, да это же сам великий Джек Торранс. Юджин О'Нил своего поколения. Американский Шекспир! — шутливо приветствовала мужа Уэнди. — Кто бы мог ожидать встретить вас здесь, среди заоблачных горных вершин?

— Просто толчея больших городов стала для меня невыносимой, дорогая леди, — в тон ей отозвался он и обнял ее за талию. Они поцеловались. — Как прошла поездка?

— Очень неплохо. Правда, Дэнни жаловался, что машина часто дергалась, но, честное слово, двигатель не заглох ни разу и... О, Джек, ты закончил работу!

Она разглядывала крышу, и Дэнни тоже поднял глаза. Его лицо едва заметно омрачилось, когда он увидел широкую полосу свежих пластин дранки поверх западного крыла «Оверлука», отливавших более ярко зеленой краской, чем остальная крыша. Но потом он снова перевел взгляд на коробку у себя в руках и просиял. По ночам сцены, показанные Тони, возвращались к нему и преследовали в своей изначальной ужасной четкости, а вот при свете дня об этом легко можно было забыть.

— Посмотри, папа! Ты только посмотри на это!

Джек взял у сына коробку. В ней лежала сборная модель одной из почти карикатурных машин дизайнера Биг Дэдди Рота, которые так восхищали Дэнни. Он выбрал себе копию «фолькса-убийцы», и на коробке был нарисован огромный пурпурный «жук» с вытянутыми задними фонарями в духе «кадиллака» 1959 года, оставляющими кровавый отблеск на проселочной дороге. В крыше машины имелся лючок, из которого высовывался устрашающего вида бородавчатый монстр с налитыми кровью глазами и маниакально-злобной усмешкой; он положил когтистые лапы на руль, а на голове у него красовалась огромная английская гоночная кепка, повернутая козырьком назад.

Уэнди не смогла сдержать улыбку, а Джек подмигнул ей.

— За что я особенно люблю тебя, док, — сказал он, возвращая коробку, — так это за отменный вкус. Тебе нравятся такие же простые и располагающие к размышлению вещи, как и мне самому. Да, ты определенно плоть от плоти моей.

— Мама пообещала, что ты поможешь мне собрать ее, как только я смогу прочесть первый рассказ о Дике и Джейн.

— Лучше отложить это до конца недели, — заметил Джек. — Что еще вы привезли в своем столь привлекательном с виду грузовичке, мэм?

— Нет уж! — Она схватила мужа за руку и потащила в сторону от машины. — Не подглядывать! Там есть кое-что исключительно для тебя, но в дом это отнесем мы с Дэнни. А ты можешь потом забрать молоко. Оно стоит на полу в кабине.

— Так вот кто я такой для вас! — воскликнул Джек, в притворном отчаянии приложив руку ко лбу. — Обыкновенная тягловая лошадка. Разнорабочий. Принеси-подай.

— Просто принесите, пожалуйста, молоко, мистер, и подайте его на кухню.

— Нет, я этого не вынесу! — воскликнул Джек и повалился на траву рядом с хохочущим Дэнни.

— Вставай! Развалился тут, хотя здоровый как бык, — сказала Уэнди, легонько пнув его носком кроссовка.

— Слышал? — обратился Джек к Дэнни. — Она обозвала меня быком. Будешь свидетелем.

— Буду свидетелем, буду свидетелем! — весело подхватил Дэнни, перепрыгивая через отца.

Джек сел.

— Кстати, о подарках, ребята. У меня для вас тоже есть кое-что. Посмотрите на террасе возле пепельницы.

— Что там такое?

— Забыл. Пойдите и взгляните сами.

Джек поднялся, встал рядом с женой, и они вместе смотрели, как Дэнни в нетерпении бежит вверх по склону лужайки, а потом прыгает по ступеням террасы. Джек снова обнял Уэнди за талию.

— Ты всем довольна, детка?

Она ответила ему с очень серьезным видом:

— Мне не было так хорошо со времени нашей свадьбы.

— Это правда?

— Чистейшая, как на духу.

Он крепко прижал ее к себе.

— Я очень люблю тебя.

Она ответила на его объятия, глубоко тронутая. Эти слова в устах Джека Торранса стоили дорого. Те случаи, когда он их произносил, она могла бы пересчитать по пальцам.

— Я тоже люблю тебя.

— Мамочка! Мамуля! — Дэнни уже стоял на террасе и подпрыгивал в радостном возбуждении. — Пойди посмотри! Ух ты! Ничего себе штуковина!

— Что же это такое? — спросила Уэнди, когда они медленно направились к отелю, держась за руки.

— Забыл, — повторил он.

— Смотри, а то я забуду о твоем подарке, — сказала она, слегка пихнув его локтем в бок. — Рискуешь не получить его.

— Я надеялся получить лучший из подарков сегодня ночью, — возразил он, и Уэнди рассмеялась.

Немного погодя он спросил:

— Как думаешь, Дэнни здесь тоже хорошо?

— Тебе лучше знать. Это ведь ты подолгу о чем-то разговариваешь с ним каждый вечер на сон грядущий.

— Мы с ним чаще всего обсуждаем, кем он хочет стать, когда вырастет, или спорим, существует ли Санта-Клаус на самом деле. Для него это почему-то очень важно. Мне кажется, его старый приятель Скотт наговорил ему об этом всякой чепухи. Но об «Оверлуке» он мне почти ничего не говорит.

— Мне тоже. — Они уже поднимались по ступенькам. — Но он ведет себя здесь до странности тихо большую часть времени. И он, кажется, похудел, Джек. Правда, заметно похудел.

— Просто он растет.

Дэнни стоял к ним спиной. Он внимательно изучал что-то лежавшее на столе рядом с креслом Джека, но Уэнди пока не могла разглядеть, что это.

— Однако он действительно стал плохо есть. А ведь раньше у него был волчий аппетит. Вспомни хотя бы прошлый год.

— У детей такое периодически происходит, — немного рассеянно ответил он. — Я вычитал это у Спока. Когда ему исполнится семь, он снова начнет лопать так, что за ушами трещать будет.

Они остановились на верхней ступени террасы.

— К тому же он слишком налегает на учебники, — сказала она. — Хотя я понимаю, что ему хочется быстрее научиться читать, чтобы порадовать нас... Порадовать тебя, — добавила она после странной паузы.

— Главным образом он это делает для себя самого, — возразил Джек. — Я в этом смысле на него нисколько не давлю. Наоборот, мне кажется, что ему стоило бы немного сбавить обороты.

— И все-таки ты не сочтешь меня дурочкой, если я запишу его на медицинский осмотр? В Сайдуайндере есть врач. Он еще достаточно молод, но кассирша в супермаркете сказала...

— Тебя немного беспокоит, что скоро выпадет снег, верно?

Она пожала плечами:

— И это тоже. Но если ты думаешь, что это глупости...

— Я вовсе так не думаю. Наоборот, запиши на прием нас троих. Пусть доктор скажет, что мы все совершенно здоровы. Будем спокойнее спать зимними ночами.

— Тогда я созвонюсь с ним сегодня после обеда, — сказала она.

— Мам! Посмотри на это, мама!

Он подбежал к ней с чем-то большим и серым на ладонях, и на секунду Уэнди оказалась почти в трагикомической ситуации. «Неужели это человеческий мозг?» — подумала она. Но потом ей стало ясно, что это на самом деле, и все равно она инстинктивно отшатнулась.

Джек обнял ее.

— Все в порядке. Оно пустое. Жильцов, которые не пожелали покинуть свой дом добровольно, я лично вытряхнул наружу. Применил дымовую шашку.

Она смотрела на крупное осиное гнездо в руках сына, но сама прикасаться к нему не осмеливалась.

— Ты уверен, что никакой опасности нет?

— Абсолютно. Мальчишкой я хранил такое же пустое гнездо в своей комнате. Отец отдал мне его. Хочешь отнести гнездо в свою спальню, Дэнни?

— Конечно! Прямо сейчас!

Он развернулся и бегом бросился внутрь через двустворчатые двери. Затем до них донесся его приглушенный топот по главной лестнице.

— Значит, там все-таки *завелись* осы, — сказала она. — Тебя, случайно, не ужалили?

— Ужалили, и мне полагается медаль за отвагу. — Он показал ей свой палец. Припухлость уже почти спала, но Уэнди все равно охнула, осторожно подула на палец и нежно поцеловала его.

— Ты удалил жало?

— Осы их не оставляют. Не путай с пчелами. Это у пчел зазубренное жало. А у ос оно гладкое. Это и делает их более опасными. Они могут жалить снова и снова.

— Джек, ты уверен, что не опасно держать гнездо в комнате?

— Я внимательно прочитал инструкцию на шашке и следовал ей. Дым убивает всех ос до единой в течение двух часов, а потом химикат рассеивается без остатка.

— Ненавижу их, — сказала она.

— Кого?.. Обыкновенных ос?

— Всех, у кого есть жало, — ответила она, а потом обхватила себя руками.

— Я тоже, — сказал он и обнял ее.

Глава 16
ДЭННИ

Уэнди слышала через разделявшую их гостиную, как пишущая машинка, которую Джек отнес наверх, выдала тридцатисекундный треск, потом сделала паузу на пару минут и снова застрекотала. Это было похоже на пулеметные очереди из какого-то отдаленного блиндажа. Но для нее эти звуки были истинной музыкой. Так регулярно Джек не работал, наверное,

со второго года их совместной жизни, когда написал тот рассказ, что появился потом в «Эсквайре». Он сказал, что, как ему кажется, завершит пьесу к концу года, а потом возьмется за что-то еще. По его словам, ему было наплевать, какой прием получит «Маленькая школа», когда Филлис начнет заниматься ею всерьез и покажет нужным людям. Пусть она хоть канет в Лету без следа — до лампочки. И Уэнди ему верила. Ей внушал оптимизм уже тот факт, что Джека снова увлекло творчество, а вовсе не ожидание успеха пьесы. Работая, ее муж, казалось, медленно закрывал за собой огромную дверь в комнату, населенную чудовищами прошлого. Он уже давно пытался давить на эту дверь плечом, но теперь она наконец готова была захлопнуться навсегда.

Каждый удар по клавише пишущей машинки чуть приближал этот момент.

— Смотри, Дик, смотри!

Дэнни сидел, склонившись над первой из пяти потрепанных книжек для изучения основ чтения, которые Джек разыскал, тщательно прочесав полки всех букинистических лавчонок в Боулдере. Они намеревались самостоятельно освоить с Дэнни программу чтения вплоть до второго класса, хотя Уэнди высказывала сомнения, не слишком ли многого они хотят от сына. Конечно, он очень умный мальчик, но не станет ли ошибкой дать ему слишком много материала за чересчур короткое время? Джек с ней соглашался. Никакой спешки нет. Но надо быть готовыми и к тому, что дело у сына пойдет быстро, и теперь она понимала, насколько дальновидным оказался Джек.

Дэнни, подготовленный четырьмя годами просмотра «Улицы Сезам» и еще тремя — «Электрической компании», продвигался вперед с порой пугающей быстротой. Это несколько тревожило Уэнди. Она постоянно видела сына сгорбившимся над одной из тоненьких книжек, забывшим про радио и бальзовый планер, учившимся читать так упорно, словно от этого зависела его жизнь. Маленькое личико казалось слишком напряженным и бледным при свете яркой и удобной настольной лампы на гибкой стойке, которую они нашли для его комнаты. Дэнни относился ко всему очень серьезно, как к книжкам для

чтения, так и к страничкам с заданиями, которые отец заранее заготавливал для него каждый день. Например, изображения яблока и персика. Внизу крупными печатными буквами Джек выводил слово «яблоко». Задача — обвести кружком фрукт, название которого соответствовало слову. И вот их сын начинал переводить взгляд со слова на картинку, шевелил губами, пытаясь читать, пыхтел и потел, чтобы правильно выбрать фрукт. А красным карандашом, слишком большим для его пухленького правого кулачка, он уже сам мог вывести не менее трех дюжин слов.

Пальчик Дэнни медленно скользил по строкам в книжке. Вверху страницы была картинка. Эти рисунки Уэнди помнила со времен начальной школы, хотя с тех пор прошло девятнадцать лет. Смеющийся мальчуган с темно-русыми курчавыми волосами. Кудрявая светловолосая девочка в коротеньком платьице, со скакалкой в руке. Собачка, вприпрыжку бегущая за большим красным резиновым мячом. Троица для первоклассников. Дик, Джейн и Джип.

— «Видишь, Джип бежит, — медленно читал Дэнни. — Беги, Джип, беги. Беги, беги, беги».

Ему пришлось делать паузу, чтобы опустить палец строкой ниже.

— «Видишь... — Он склонялся ниже, почти утыкаясь носом в страницу. — Видишь...»

— Не так близко, док, — тихо сказала Уэнди. — Ты испортишь себе зрение. Там написано...

— Не подсказывай! — воскликнул он, резко распрямившись, и в его голосе звучало беспокойство. — Не говори ничего, мама. Я сам все разберу!

— Хорошо, милый, — согласилась она. — Но только не надо волноваться. Оно того не стоит.

Не слушая ее советов, Дэнни снова низко склонился над книжкой. При этом его лицо сделалось похожим на лица выпускников, сдававших письменный экзамен на аттестат зрелости. Уэнди это нравилось все меньше и меньше.

— «Видишь ми... мэ... а... я... ч. Видишь мэяч? Нет. *Мяч!* — В его голосе звучал триумф. И ожесточенность. Уэнди стало не по себе. — *Видишь мяч!*»

— Правильно, — подбодрила она, — но только, по-моему, на сегодня достаточно, дорогой.

— Еще пару страниц, мамочка! Ну пожалуйста!

— Нет, док. — Она закрыла книжечку в красном переплете. — Пора спать.

— Пожалуйста!

— Не надо меня упрашивать, Дэнни. Даже мама уже устала.

— Ладно, — согласился он, не сводя глаз с учебника.

— Пойди поцелуй на ночь папу и отправляйся умываться. Зубы не забудь почистить.

— Не забуду.

Он вышел из комнаты — маленький человечек в пижамных штанишках и просторной фланелевой курточке с футбольным мячом спереди и надписью «НЬЮ-ИНГЛАНД ПЭТРИОТС» на спине.

Пишущая машинка Джека умолкла, раздался звук смачного поцелуя, которым наградил отца Дэнни.

— Спокойной ночи, папочка!

— Спокойной ночи, док. Как продвигаются дела?

— Мне кажется, хорошо. Но мама велела на сегодня закончить.

— Мамочка права. Уже половина девятого. Зайдешь сначала в ванную?

— Само собой.

— Вот это правильно. А то у тебя в ушах уже растет картошка. А еще огурцы, морковка, зеленый лук и...

Смех Дэнни затих, отрезанный дверью ванной комнаты. Он всегда закрывался, когда делал свои дела, в то время как Уэнди и Джек относились к этому как бог на душу положит. Еще один признак — и их становилось все больше, — что в доме живет полноценная личность с индивидуальными особенностями, а не копия родителей. Уэнди это немного печалило. Наступит день, когда ее дитя станет для нее совершенно чужим, а она будет чужой для него... Да, но не настолько чужой, как ее собственная мать для нее? Боже, не допусти, чтобы с ними случилось такое! Пусть он вырастет, но продолжает любить свою маму.

Пишущая машинка Джека снова начала стрелять короткими очередями.

Продолжая сидеть на стуле рядом со столом Дэнни, она неспешно осмотрела комнату сына. Крыло планера было аккуратно починено. На столе кипой громоздились учебники, книжки-раскраски и комиксы о Человеке-пауке с наполовину оторванными обложками. Повсюду были разбросаны цветные карандаши и отдельные предметы из набора «Линкольн логз». Зато коробка с моделью смешного «фольксвагена» аккуратно стояла посреди этого хаоса, все еще не вскрытая. Они с отцом возьмутся за сборку завтра вечером или в крайнем случае — послезавтра. Если занятия Дэнни будут продвигаться так же успешно, ждать выходных ему точно не придется. Стены украшали собственноручно нарисованные Дэнни портреты Винни-Пуха, Иа-Иа и Кристофера Робина, но Уэнди догадывалась, что совсем скоро им на смену придут плакаты с фотографиями обкурившихся рок-звезд. Невинность уходит и сменяется опытом. Ничего не поделаешь, детка. Такова человеческая природа. И нечего слезы лить. Уэнди это понимала, но все равно ее сердце сжимала тоска. На будущий год он пойдет в школу, и ей придется делить его с новыми друзьями. А ведь они с Джеком уже почти решили завести второго ребенка в тот краткий период, когда дела в Стовингтоне пошли на лад. Вот только сейчас она снова принимала таблетки. Слишком шаткой стала их жизнь, слишком непредсказуемым — будущее. Одному Богу известно, куда их занесет через девять месяцев.

Потом ее взгляд упал на осиное гнездо.

В комнате Дэнни оно занимало самое почетное место, на большой пластмассовой тарелке на прикроватной тумбочке. Уэнди это не понравилось, пусть гнездо и было пустым. У нее мелькнула мысль спросить Джека, не могло ли там остаться зародышей, но она сразу поняла, что он только над ней посмеется. Зато завтра она непременно поинтересуется об этом у доктора, если ей удастся улучить момент, когда Джека не будет рядом. Ей претила сама идея, что эта серая штука, слепленная с помощью слюны тысяч препротивных тварей, лежала по ночам в каком-то футе от головы ее спящего сына.

В ванной продолжала литься вода, и она встала, чтобы пойти в большую спальню и проверить, все ли там в порядке. Джек даже не поднял взгляда, полностью погрузившись в мир, который создавал сам, уставившись в пишущую машинку и зажав в зубах сигарету.

Она тихо постучала в дверь ванной.

— Как ты там, док? Не заснул?

Ответа не последовало.

— Дэнни!

Молчание. Она подергала дверь, которая оказалась заперта.

— Дэнни! — Теперь она встревожилась не на шутку. Изнутри не доносилось никаких звуков, не считая бегущей воды. — Дэнни? Открой дверь, дорогой.

Никакого ответа.

— Дэнни!

— Боже милосердный, Уэнди, как я могу сосредоточиться, если ты постоянно барабанишь в эту дверь?

— Но Дэнни заперся в ванной и не отзывается.

Джек с бесконечно усталым видом обошел свой рабочий стол. Стукнул в дверь кулаком, один раз, но очень громко.

— Открывай, Дэнни! Уже не до игр.

Но и его призыв остался без ответа.

Джек постучал еще сильнее.

— Перестань валять дурака, док! Пора спать — значит, пора спать. Отшлепаю, если сейчас же не откроешь.

Он начинает терять контроль над собой, подумала Уэнди, и ей стало совсем страшно. Он ведь Дэнни и пальцем не тронул с того самого вечера два года назад, но сейчас Джек выглядел достаточно обозленным, чтобы выполнить свою угрозу.

— Дэнни, милый... — начала она.

Ни звука. Только шум воды.

— Дэнни, если из-за тебя мне придется сломать дверь, могу гарантировать, что этой ночью спать ты сможешь только на животе, — пригрозил Джек.

Никакой реакции.

— Выломай ее, — сказала она, задохнувшись от страха. — Скорее!

Он поднял ногу и нанес мощный удар справа от дверной ручки. Хлипкий замок мгновенно поддался, дверь распахнулась, с грохотом стукнулась о стену ванной и снова наполовину закрылась, отброшенная назад.

— *Дэнни!* — закричала она.

Вода лилась в раковину под большим напором. Рядом лежал тюбик зубной пасты с отвинченной крышкой. Дэнни сидел на краю ванны напротив двери в комнату, едва удерживая в вялой левой руке зубную щетку, тонкий слой пасты размазался вокруг его рта. При этом он, словно в трансе, не сводил глаз с зеркальной дверцы шкафчика над раковиной, где хранились туалетные принадлежности и лекарства. На его лице запечатлелось выражение немого ужаса, и Уэнди сразу подумала, что у него эпилептический припадок и он подавился собственным языком.

— *Дэнни!*

Но он не отвечал. Только клокочущие звуки вырывались из его гортани. А затем ее оттолкнули в сторону с такой силой, что она ударилась о вешалку с полотенцами, и Джек опустился перед мальчиком на колени.

— Дэнни! Дэнни! — повторял он, щелкая пальцами перед пустыми глазами сына.

— Ах, ну конечно, — вдруг заговорил Дэнни. — Продолжаем турнир. Ваш удар. Нур-р-р...

— Дэнни...

— Роке! — произнес Дэнни неожиданно низким, почти мужским голосом. — Роке. Удар. Головка молотка для роке... Двусторонняя. Га-а-а-а-а...

— О Боже, Джек! *Что с ним такое?*

Джек схватил мальчика за плечи и с силой встряхнул его. Голова Дэнни безвольно откинулась назад, а потом качнулась вперед, как привязанный к палке воздушный шарик.

— Роке. Удар. Ром.

Джек встряхнул его еще раз, и взгляд Дэнни вдруг прояснился. Зубная щетка с едва слышным стуком упала на кафельный пол.

— Что? — спросил он, озираясь по сторонам. Увидел отца, стоявшего перед ним на коленях. И Уэнди, прижавшуюся спи-

ной к стене. — В чем дело? — повторил Дэнни с возросшей тревогой. — Ч-ч-что с-с-случи?..

— Прекрати заикаться! — истерично завопил Джек прямо ему в лицо.

Дэнни испуганно вскрикнул и весь сжался как пружина, пытаясь отпрянуть от отца, а потом он разразился слезами. Овладевший собой Джек сразу же обнял сына.

— О, мой милый, прости меня. Прости меня, док. Пожалуйста. Только не плачь. Мне так жаль. Все хорошо.

Вода продолжала падать в раковину, и Уэнди вдруг почувствовала, что ей снова снится мучительный кошмарный сон, в котором время обратилось вспять и вернулось к тому моменту, когда ее пьяный муж сломал сыну руку и, склонившись над ним, бормотал точь-в-точь те же слова.

(*О, милый. Прости меня. Прости меня, док. Пожалуйста. Мне так жаль.*)

Она подскочила к ним обоим, кое-как выхватила Дэнни из рук Джека (от нее не укрылся полный злобного упрека взгляд мужа, но она отбросила все мысли об этом) и подняла его. Затем отнесла ребенка, обхватившего ее за шею, в маленькую спальню. Джек поплелся за ними.

Уэнди села на край постели Дэнни и принялась укачивать его на руках, успокаивая бессвязными фразами, которые повторяла снова и снова. Еще раз посмотрела на Джека, но теперь не увидела в его глазах ничего, кроме тревоги за сына. Он вопросительно вскинул брови. В ответ она смогла только чуть заметно покачать головой.

— Дэнни, — твердила она. — Дэнни, Дэнни, Дэнни. Все в порядке, док. Все хорошо.

Через какое-то время Дэнни почти полностью затих, слегка подрагивая у нее на руках. Но когда он заговорил, то сначала обратился к Джеку, который тоже сел рядом на кровать, и Уэнди почувствовала давно знакомый укол

(Он всегда для него первый, всегда и во всем)

ревности. Джек только и делал, что кричал на него, а она успокаивала, однако именно отцу Дэнни сказал:

— Прости меня, если я плохо себя вел.

— Тебе не за что просить прощения, док. — Джек потрепал его по голове. — Но что, черт возьми, там произошло?

Дэнни покачал головой, как в полусне.

— Я... Я не знаю. Почему ты просил меня не заикаться, папа? Я же не заикаюсь.

— Конечно, нет, — с горячностью подтвердил Джек, но Уэнди почувствовала, словно кто-то холодным пальцем прикоснулся к ее сердцу. У Джека был ошеломленный вид, будто этим вечером ему явился никому больше не видимый призрак.

— Там было про какой-то таймер... — пробормотал Дэнни.

— *Что?!* — Джек резко склонился к нему, и Дэнни крепче прижался к матери.

— Джек, ты пугаешь его! — В ее голосе звенело обвинение. Внезапно она поняла, что им всем страшно. Но чего же они боялись?

— Я не знаю, я не знаю, — отвечал Дэнни отцу. — А что... Что я такого тебе сказал, папа?

— Ничего, — едва слышно выдавил из себя Джек.

Он достал из заднего кармана брюк носовой платок и вытер им рот. А у Уэнди снова появилось тошнотворное чувство времени, текущего вспять. Этот жест она хорошо помнила по его запоям.

— Зачем ты запер дверь на замок, Дэнни? — мягко спросила она. — Почему тебе это понадобилось?

— Тони, — сказал он. — Тони велел мне сделать это.

Родители обменялись взглядами поверх его головы.

— А Тони объяснил, для чего это было нужно, сынок? — осторожно спросил Джек.

— Я как раз чистил зубы и думал о чтении, — ответил Дэнни. — Думал очень, очень сильно. И тогда... Я увидел Тони далеко в глубине зеркала. Он сказал, что должен мне что-то показать.

— То есть он стоял у тебя за спиной? — спросила Уэнди.

— Нет, он был прямо *в* самом зеркале, — подчеркнул Дэнни. — Очень далеко внутри его. А потом и я вошел в зеркало. Дальше помню только, как папа меня начал трясти, и я подумал, что снова был плохим.

Лицо Джека исказилось, как от удара.

— Нет, ты не был плохим, док, — с нежностью сказал он.

— Значит, Тони велел тебе запереть замок? — повторила Уэнди, пальцами приглаживая ему волосы.

— Да.

— И что же он хотел тебе показать?

Дэнни весь напрягся у нее на руках, будто мышцы его маленького тельца натянулись, словно струны.

— Я не помню, — ответил он растерянно. — Не спрашивай меня. Я... *Я ничего не помню!*

— Ш-ш-ш... — постаралась успокоить его встревоженная Уэнди. — Не помнишь так не помнишь. Это ничего, милый. Это не так уж важно, правда.

Постепенно Дэнни снова начал расслабляться.

— Хочешь, я немного побуду с тобой? Почитать тебе сказку?

— Не надо. Только ночник включи. — Затем он робко посмотрел на отца. — А ты можешь остаться, папа? Всего на минутку.

— Конечно, док.

Уэнди вздохнула:

— Я буду в гостиной, Джек.

— Хорошо.

Она встала и посмотрела, как Дэнни забрался под одеяло. Сейчас он казался совсем маленьким.

— Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, Дэнни?

— Да, мама. Только включи Снупи, пожалуйста.

— Непременно.

Она вставила в розетку вилку ночной лампы, на абажуре которой был нарисован Снупи, крепко спящий на крыше своей будки. Дэнни всегда обходился без ночника, но когда они перебрались в «Оверлук», настойчиво попросил купить его. Уэнди выключила верхний свет и посмотрела на них: маленький бледный кружок лица Дэнни, над которым склонился Джек. Она несколько секунд постояла в нерешительности

(*а потом и я вошел в зеркало*)

и тихо вышла, оставив их вдвоем.

— Тебе хочется спать? — спросил Джек, убирая прядь волос со лба Дэнни.

— Да.

— Принести стакан воды?

— Не надо...

На пять минут воцарилась полная тишина. Рука Джека по-прежнему обнимала сына. Посчитав, что мальчик уже крепко спит, Джек собрался встать и тихо уйти, когда Дэнни сквозь сон вдруг сказал:

— Роке.

Джек посмотрел на него, весь похолодев.

— Дэнни?..

— Ты ведь никогда не сделаешь маме больно, верно?

— Никогда.

— Или мне?

— Никогда.

Снова воцарилось напряженное молчание.

— Папа!

— Что такое?

— Тони пришел и рассказал мне про роке.

— Неужели, док? Что же он тебе рассказал?

— Я почти ничего не запомнил. Но он объяснил, что игра делится на иннинги. Как бейсбол. Смешно, правда?

— Да. — Сердце Джека учащенно и глухо застучало в груди. Откуда мальчик мог узнать такие подробности? Матч в роке действительно разделялся на иннинги, но не как в бейсболе, а как в крикете.

— Папа?.. — Теперь голос Дэнни действительно звучал сонно.

— Слушаю тебя?

— Что такое ром?

— Ром? Это такой напиток, который в старину моряки брали с собой в плавание, чтобы согреваться в холода.

Молчание.

— Эй, док, ты слышал меня?

Но Дэнни действительно спал, его дыхание стало глубоким и размеренным. Джек еще немного посидел, глядя на сына, ощущая, как чувство любви захлестывает его, подобно волне

высокого прилива. Почему он так наорал на мальчика? Для такого малыша немного заикаться было совершенно нормально. Он ведь как раз выходил из дремы или, возможно, даже транса, и чуть заикаться в таком состоянии мог, наверное, каждый. Это точно. И он вовсе не произносил слова «таймер». Он промямлил что-то другое. Какую-то неразборчивую чепуху.

А откуда он узнал про иннинги в роке? Кто ему мог рассказать об этом? Уллман? Холлоран?

Его взгляд упал на собственные руки. От напряжения пальцы бессознательно сжались в тугие кулаки,

(*господи, как же мне нужно выпить*)

а ногти впились в ладони, оставляя на них отметины. Он заставил себя медленно распрямить пальцы.

— Я люблю тебя, Дэнни, — прошептал он. — Видит Бог, очень люблю.

Джек вышел из комнаты. Он снова потерял контроль над собой, пусть не до конца и ненадолго, но этого оказалось достаточно, чтобы ощутить дурноту и страх. Стаканчик спиртного мгновенно притупил бы эти чувства. О да! Притупил бы и это,

(Что-то связанное с таймером)

и все остальное. Нет, он не ошибся. Нисколько не ошибся. Он был совершенно прав. Джек вышел в коридор и чуть задержался, чтобы оглянуться назад, а потом чисто машинально провел по губам носовым платком.

При свете ночника их очертания выглядели темными силуэтами. Уэнди в одних трусиках подошла к кровати и тщательно укрыла сына; он успел ногами спихнуть с себя одеяло. Джек стоял в дверях и наблюдал, как она прикладывает запястье внутренней стороной ко лбу ребенка.

— У него температура?

— Нет. — Она поцеловала сына в щеку.

— Как хорошо, что ты записалась на прием к врачу, — сказал он, когда она тоже подошла к двери. — Думаешь, тот парень знает свое дело?

— Кассирша сказала, что он очень хороший медик. Это все, что мне о нем известно.

— Если что-то окажется не в порядке, мне придется отправить тебя вместе с Дэнни к твоей матери, Уэнди.

— Только не это.

— Не сомневайся, — ответил он, обнимая ее за талию, — мне понятны твои чувства.

— Ты едва ли вообще представляешь мое отношение к ней.

— Но, Уэнди, другого места, куда вы сможете отправиться, у нас нет. И ты это знаешь.

— Вот если бы ты поехал с нами...

— Без этой работы нам никак не выкрутиться, — прямо сказал он. — Ты должна это понимать.

Ее силуэт ответил медленным кивком головы. Она все понимала.

— Когда у меня было собеседование с Уллманом, я грешным делом подумал, что он меня попусту запугивает. Но теперь я уже не настолько в этом уверен. Быть может, мне действительно не следовало тащить вас сюда. За сорок миль от ближайшей дыры.

— Я люблю тебя, — сказала она. — А Дэнни любит тебя еще сильнее, если это вообще возможно. Ты бы разбил ему сердце, Джек. Он будет очень несчастлив, если ты отошлешь нас отсюда.

— Не надо так ставить вопрос.

— Если врач найдет какую-то серьезную проблему, я попробую подыскать себе работу в Сайдуайндере, — сказала она. — А если не получится, мы с Дэнни вернемся в Боулдер. Я не могу поселиться у матери, Джек. Только не в подобной ситуации. И не спрашивай меня... Я просто не могу, и все.

— Мне бы следовало догадаться об этом. Но не печалься заранее. Может быть, все обойдется.

— Может быть.

— Прием назначен на два?

— Да.

— Давай оставим дверь его спальни открытой, Уэнди.

— Я думала об этом, однако мне кажется, что теперь он спокойно проспит до утра.

Но она ошибалась.

Бум... бум... бум бумБУМБУМ...

Он убегал от этих громоподобных, сокрушительных, отдающихся повсюду звуков по бесконечному петляющему лабиринту коридоров, а его босые ступни шелестели по высокому ворсу сине-черных джунглей. Каждый раз, когда он слышал, как молоток для игры в роке с грохотом врезается в стену где-то позади, ему хотелось кричать в голос. Но он не должен. Ни в коем случае не должен. Криком он выдаст себя, и тогда

(тогда *РОМ*)

(*Выходи и получи, что заслужил, ты, хренов плакса!*)

О, он отчетливо слышал, как обладатель этого голоса идет, идет за ним по пятам, ведет охоту в этом коридоре, как тигр в сине-черных джунглях. Пожиратель людей.

(*Выходи, ты, маленький сучонок!*)

Если бы только ему удалось добраться до лестницы, ведущей вниз, он бы спустился с четвертого этажа, и все могло закончиться благополучно. Даже лифт бы сейчас пригодился. Ему бы только вспомнить то, что он позабыл. Но в темноте, охваченный ужасом, он окончательно потерялся. Свернул в один коридор, потом в другой, сердце чуть не выпрыгивало изо рта, похожее на горячий кусок льда, и с каждым поворотом страх, что он вот-вот столкнется лицом к лицу с этим тигром в человеческом обличье, все возрастал.

Бухающие звуки теперь раздавались совсем близко, как и жуткие, хриплые крики.

Головка молотка со свистом разрезала воздух,

(*роке... удар... роке... удар... РОМ*)

прежде чем обрушиться на стену. Чуть слышный шелест ног по ковру-джунглям. Паника, заполнявшая рот горькой на вкус жидкостью.

(*Ты вспомнишь все, что позабыл...* Но сможет ли он? Что именно он должен вспомнить?)

Он повернул за угол и, пораженный неимоверным ужасом, увидел, что оказался в тупике. С трех сторон на него мрачно смотрели наглухо запертые двери. Западное крыло. Он попал в западное крыло и мог слышать, как снаружи стонала и завывала буря, порой задыхаясь и захлебываясь, когда ее собственную черную глотку плотно забивал снег.

Он прижался к стене, хныча от страха, а его сердце колотилось, как у кролика, угодившего в силок. Когда же он оперся спиной о светло-синий шелк обоев с объемным узором в виде волнистых линий, у него подкосились ноги и он упал на ковер, вытянув руки над вышитыми пальмами и лианами, и при каждом вдохе и выдохе из его гортани вырывался свист.

Громче. Громче.

Тигр шел по коридору, и ему оставалось пройти лишь до следующего поворота. При этом он продолжал кричать то визгливым, то хриплым капризным голосом, исполненным злобы, размахивая молотком, потому что этот тигр передвигался на двух ногах, и это был...

Он проснулся, буквально подавившись воздухом, и резким движением сел на кровати, широко открытыми глазами всматриваясь в темноту, держа ладони скрещенными на уровне лица.

На одной из рук что-то было. И оно ползало.

Оса! Нет, сразу три осы.

Они ужалили его одновременно, и в этот момент все воображаемые образы распались на части, обрушившись на него черным потоком, а он истошно кричал в темноте, пока осы жалили его снова и снова.

Вспыхнула люстра, и папа оказался рядом. У него за спиной стояла мама, заспанная и перепуганная.

— *Уберите их с меня!* — визжал Дэнни.

— О Боже! — воскликнул отец. Он увидел.

— Джек, что с ним опять такое? *Что случилось?*

Джек не ответил, а подскочил к постели, схватил подушку Дэнни и стал с силой бить по трясущейся левой руке мальчика. Снова и снова. И Уэнди теперь тоже увидела неуклюжих насекомых, которые с жужжанием взвились в воздух.

— Возьми любой журнал! — кричал ей Джек через плечо. — Убивай этих тварей!

— Это осы? — спросила она и на секунду застыла, полностью парализованная очевидной абсурдностью увиденного, наблюдая за всем словно со стороны. Затем ощущения соединились с пониманием.

— Осы? Господи, Джек, но ты же сказал...

— *Заткни свою пасть и убивай их!* — взревел он. — *Да делай же то, о чем тебя просят!*

Одно из насекомых опустилось на письменный стол Дэнни. Схватив книжку для раскрашивания, Уэнди с силой обрушила ее сверху. От раздавленной осы осталось только отвратительное грязно-коричневое пятно.

— Там еще одна. На шторе, — сообщил Джек, проскакивая мимо нее с Дэнни на руках.

Он отнес сына в их спальню и уложил на ту часть импровизированной двуспальной кровати, где обычно спала Уэнди.

— Тихо лежи здесь, Дэнни. И не вставай, пока я не разрешу. Понял?

С лицом, опухшим от слез, Дэнни кивнул.

— Вот и славно, мой храбрый мальчик.

Затем Джек добежал по коридору до лестницы. Позади доносились сначала шлепки книжки, а потом крик боли, который вырвался у его жены. Но он не остановился, а стремительно спустился, перепрыгивая через несколько ступеней, в темный вестибюль. Пробежал через кабинет Уллмана в кухню, сильно ударившись бедром об угол уллмановского дубового стола, но едва ли это заметив. Взмахом руки включил в кухне свет и метнулся к раковине. Вымытая после ужина посуда громоздилась на сушке, куда ее поставила Уэнди. Джек схватил с самого верха большую салатницу, уронив при этом на пол тарелку, которая разлетелась вдребезги. Не обратив на нее ни малейшего внимания, он развернулся и бегом проделал обратный путь.

Тяжело дыша, Уэнди стояла рядом с дверью комнаты Дэнни. Ее лицо было бледнее самой белой скатерти. Глаза горели сумасшедшим огнем, потные пряди волос прилипли к шее.

— Я перебила всех, — сообщила она, — но одна успела меня укусить. Джек, ты же говорил, что они все погибли.

И Уэнди заплакала.

Не говоря ни слова, он проскользнул мимо нее и поднес салатницу к гнезду, по-прежнему стоявшему рядом с кроватью Дэнни. Никакой жизни там больше не наблюдалось. По крайней мере на поверхности. Но он все равно молниеносным движением накрыл гнездо салатницей.

— Вот так, — сказал он. — А теперь пойдем.

Они вернулись в свою спальню.

— Куда тебя ужалили? — спросил он.

— В запястье.

— Дай взглянуть.

Она показала ему руку. Чуть выше «браслета» из морщинок между запястьем и ладонью был виден укус. Кожа вокруг него покраснела.

— У тебя есть аллергия на укусы насекомых? — спросил он. — Подумай хорошенько! Потому что если есть, то Дэнни мог ее унаследовать. А эти треклятые твари впились в него раз пять или шесть.

— Нет, — ответила она уже заметно спокойнее. — Просто я... Просто я их ненавижу, вот и все. *Ненавижу!*

Дэнни сидел в изножье кровати, держа на весу левую руку, и смотрел на них. В его глазах на побледневшем от испуга лице читался упрек.

— Папа! Ты же сказал, что убил их всех до одной. Моя рука... Очень больно.

— Давай посмотрим, док. Нет, трогать я не буду. Так станет только больнее. Просто протяни руку ближе ко мне.

Дэнни подчинился, а Уэнди запричитала:

— О, Дэнни... О, бедненькая твоя ручка!

Позже доктор насчитает у Дэнни одиннадцать укусов. Но сейчас они могли видеть только россыпь точек, словно ладонь и пальцы их сына посыпали молотым красным перцем. Рука сильно распухла и стала напоминать рисунки из комиксов про кролика Багза или утенка Даффи, когда эти смешные персонажи случайно попадали себе по пальцам молотком.

— Уэнди, принеси спрей из ванной.

Когда она вышла из комнаты, Джек сел рядом с Дэнни и обнял его за плечи.

— Как только мы подлечим твою руку, я сделаю несколько снимков «Полароидом», док. А спать ты сегодня будешь вместе с нами, идет?

— Конечно, — сказал Дэнни. — Только зачем тебе фотографии?

— Чтобы попробовать в суде вытряхнуть кое из кого всю душу.

Уэнди вернулась с баллончиком, по форме напоминавшим химический огнетушитель.

— Это не больно, милый, — сказала она, снимая крышку.

Дэнни снова вытянул руку, и мама опрыскала ее с обеих сторон, покрыв блестящим слоем лекарства.

— Жжет? — спросила она.

— Нет. Так стало лучше.

— А теперь прими это. Разжуй их, прежде чем проглотить. — И она протянула ему пять таблеток детского аспирина с апельсиновым вкусом. Дэнни одну за другой отправил их в рот.

— Не слишком много аспирина? — спросил Джек.

— Нет. Зато слишком много укусов, — огрызнулась Уэнди. — Ты сейчас пойдешь и избавишься от этого гнезда, Джек Торранс. Немедленно!

— Дай мне одну минуту.

Он подошел к гардеробу и достал из верхнего ящика фотоаппарат. Порывшись еще немного, нашел несколько одноразовых вспышек-кубиков.

— Джек, что ты делаешь? — спросила Уэнди с надрывом в голосе.

— Папа несколько раз сфотографирует мою руку, — с серьезным видом объяснил Дэнни. — А потом мы вытряхнем кое из кого всю душу. Верно, пап?

— Верно, — отозвался Джек с мрачной решимостью. Он отыскал крепление для вспышки и присоединил его к фотоаппарату. — Вытяни руку, сынок. Я предполагаю, что каждый укус обойдется им тысяч в пять долларов.

— Что за *чушь* ты несешь? — почти закричала Уэнди.

— Скажу просто, чтобы до тебя дошло, — ответил он. — Я в точности следовал инструкции на упаковке шашки. Теперь мы подадим на них в суд. Эта чертова штука имела какой-то дефект. Должна была иметь. Как иначе объяснить то, что произошло?

— Да уж, — сказала она совсем тихо.

Джек сделал четыре снимка, передавая каждый Уэнди, чтобы она записала точное время съемки по часикам в виде кулона, которые носила на шее. Дэнни настолько поразила мысль, что каждая ранка на его руке может стоить тысячи долларов, что он постепенно начал забывать о страхах и активно интересовался съемкой. Хотя рука у него пульсировала тупой болью и немного разболелась голова.

Когда Джек убрал камеру на место, а снимки разложил для просушки, Уэнди спросила:

— Разве нам не надо показать Дэнни врачу сегодня же?

— Только если разовьется сильная боль, — ответил Джек. — Если у человека аллергия на осиный яд, реакция наступает уже через тридцать секунд.

— Реакция? О чем ты...

— Он впадает в кому. Или же начинаются конвульсии.

— О Боже! — Она обхватила себя руками, бледная и изнуренная.

— Как ты себя чувствуешь, сынок? Как думаешь, сможешь заснуть?

Дэнни смотрел на них, часто моргая. Образы недавнего кошмара потускнели и расплылись в его памяти, но он все еще был напуган.

— Если только я могу лечь вместе с вами.

— Конечно же, можешь! — воскликнула Уэнди. — О, мое солнышко! Прости нас, пожалуйста!

— Все в порядке, мама.

Она снова ударилась в слезы, и Джеку пришлось положить ладони ей на плечи.

— Клянусь тебе, Уэнди, я абсолютно точно следовал инструкции.

— Но ты избавишься от гнезда прямо с утра, хорошо?

— Само собой, я это сделаю.

Втроем они улеглись в постель, и Джек уже собирался выключить свет, когда вдруг о чем-то задумался и снова откинул одеяло.

— Нужно сфотографировать и само гнездо.

— Но только сразу же возвращайся.

— Разумеется.

Он подошел к шкафу, взял фотоаппарат и последнюю вспышку, а потом послал Дэнни салют, соединив в кольцо кончики большого и указательного пальцев. Дэнни улыбнулся и показал ему такой же ответный жест.

Ну и парень у нас растет, думал Джек, переходя в маленькую спальню. *Даст любому сто очков вперед.*

В комнате все еще горел верхний свет. Джек подошел к изголовью кровати, посмотрел на тумбочку и моментально покрылся гусиной кожей. У него в буквальном смысле волосы встали дыбом.

Сквозь прозрачную салатницу он почти не видел гнезда. Всю внутреннюю поверхность стекла покрывали копошившиеся осы. Их невозможно было сосчитать. Штук пятьдесят, если не сто.

С сильно колотящимся сердцем Джек сделал снимки, а потом отложил камеру, чтобы дождаться проявки. Машинально вытер губы ладонью. В голове стучала одна и та же мысль, наводившая почти

(*Ты потерял контроль над собой. Ты потерял контроль над собой. Ты потерял контроль над собой.*)

суеверный ужас. Они вернулись. Он убил ос, но они вернулись.

И он опять услышал свой истошный крик, обращенный прямо в испуганное и залитое слезами лицо сына: *Прекрати заикаться!*

И еще раз вытер губы.

Затем, подойдя к столу Дэнни, он порылся в ящиках и нашел большую коробку с пазлом. Поднес ее вплотную к краю тумбочки и с величайшей осторожностью передвинул на картон накрытое салатницей гнездо. Осы злобно жужжали в своей тюрьме. Потом, крепко прижав салатницу рукой, чтобы она не съехала, Джек вышел в коридор.

— Ты идешь спать? — спросила Уэнди.

— Идешь спать, папочка?

— Мне нужно на минутку спуститься вниз, — нарочито небрежно ответил он.

Как такое могло случиться? Как, во имя всего святого?

Ведь дымовая шашка сработала по всем правилам. Он дернул за кольцо и увидел, как из нее повалил густой столб белого дыма. А когда вернулся через два часа, ему оставалось только высыпать мертвые тельца насекомых через отверстие в верхней части гнезда.

Так каким же образом? Путем спонтанной регенерации?

Нет, это безумие. Чепуха, в которую не верили уже в семнадцатом веке. Насекомые не способны регенерировать. И даже если учесть, что из отложенного осиного яйца через двенадцать часов выходило взрослое насекомое, матки не откладывали яиц с наступлением холодов. Для этого у них есть сезон, начинающийся в апреле или мае. Осенью для ос наступала пора смерти.

Однако живое опровержение исходило под стеклом яростным жужжанием.

Он спустился со своей ношей вниз и прошел через кухню. В самом ее дальнем углу располагался черный ход. Колючий холодный ветер сразу же атаковал его почти обнаженное тело, а ноги мгновенно онемели от промерзшего бетона площадки, на которую он встал. В разгар сезона здесь разгружали бутылки со свежим молоком. Джек аккуратно опустил картонку с салатницей на бетон, а потом распрямился и посмотрел на термометр, прибитый рядом с дверью. Кончик ртутного столбика застыл на двадцати пяти градусах*. К утру стужа убьет их всех. Джек вернулся в дом и плотно закрыл за собой дверь. На секунду задумался, а потом решил на всякий случай еще и запереть ее на засов.

Пройдя через кухню, он выключил в ней свет. Какое-то время стоял в полной темноте, размышляя и ощущая томительное желание выпить. И внезапно он услышал, что отель наполнен множеством едва уловимых звуков: скрипами и сто-

* Минус 3,9 °С.

нами, завыванием ветра под скатом крыши, где, словно отравленные плоды, могли висеть другие осиные гнезда.

С осами, которые могли ожить.

И внезапно Джек осознал, что ему уже не нравится «Оверлук», как нравился прежде, словно не осы ужалили его сына — осы, невероятным образом пережившие химическую атаку, — а сам отель.

Его последняя мысль перед возвращением наверх к жене и сыну

(*отныне ты не позволишь себе потерять контроль над собой. Что Бы Ни Случилось.*)

была решительной, обдуманной и выстраданной.

Но, идя по коридору, он тыльной стороной ладони вытер губы.

Глава 17
НА ПРИЕМЕ У ДОКТОРА

Раздетый до трусиков и лежавший на смотровом столе Дэнни Торранс казался очень маленьким. Он смотрел на доктора («Зови меня Билл») Эдмондса, который подкатил к нему большой и непонятный черный агрегат. Дэнни скосил глаза, чтобы лучше разглядеть его.

— Не надо пугаться, парень, — сказал Билл Эдмондс. — Это всего лишь электроэнцефалограф. Больно не будет.

— Электро...

— Сокращенно мы называем его ЭЭГ. Я подцеплю кучу разных проводов к твоей голове... Нет, нет, не воткну, а только прикреплю, а потом самописцы в этом приборе сделают запись активности твоего мозга.

— Как в «Человеке за шесть миллионов долларов»?

— Да, примерно так. Ты бы хотел стать похожим на Стива Остина, когда вырастешь?

— Ни за что! — ответил Дэнни, а медсестра между тем прикрепляла электроды к крошечным выбритым участкам кожи

на голове мальчика. — Папа говорит, что однажды у него в башке случится короткое замыкание... и он окажется в... Короче, в полной заднице.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — дружелюбно сказал доктор Эдмондс. — Там уже побывали многие, включая и твоего покорного слугу. Однако ЭЭГ крайне важна, потому что может поведать нам об очень многих вещах.

— О каких, например?

— Например, страдаешь ли ты эпилепсией. Это такое заболевание...

— Да, я знаю, что такое эпилепсия.

— Неужели?

— Конечно. У нас в детском саду в Вермонте — я ходил в детский сад, пока был совсем маленьким — был мальчик, который ею болел. Поэтому ему не разрешали пользоваться цветовой доской.

— Что это за доска такая, Дэнни? — Доктор включил аппарат. Тонкие изломанные линии поползли по миллиметровке.

— Обычная с виду доска, но с кучей лампочек. Разного цвета. Когда ты ее включал, некоторые лампочки загорались, но не все сразу. Если ты правильно угадывал, как называется цвет, и нажимал нужную кнопку, лампочки гасли. Так вот, Бренту нельзя было ею пользоваться.

— И правильно, поскольку яркие вспышки иногда могут спровоцировать приступ эпилепсии.

— Вы имеете в виду, что от цветовой доски у Брента мог случиться припадок?

Эдмондс и его помощница невольно улыбнулись и обменялись быстрыми взглядами.

— Неэлегантно, но по сути верно, Дэнни.

— Что?

— Ты все понял правильно, однако вместо грубоватого слова «припадок» лучше было бы сказать, что у него мог произойти приступ болезни. Так выражаться некрасиво... Но все! Теперь ты должен лежать тихо, как мышка.

— Ладно.

— Дэнни, скажи мне, когда у тебя бывают эти... Хорошо, подберем название позже. Перед тем как это с тобой случа-

ется, не припоминаешь, чтобы сначала видел яркую вспышку света?

— Нет.

— А какие-нибудь интересные звуки не слышатся? Колокола, например? Или что-то похожее на звонок в дверь?

— Не-а.

— Тогда как насчет запахов? Ничего странного? Может быть, вдруг начинает пахнуть апельсинами, древесными опилками или чем-нибудь неприятным? Скажем, гнилью?

— Нет, сэр.

— Перед тем как отключиться, не хочется ли тебе порой заплакать, хотя тебе вовсе не грустно?

— Никогда.

— Что ж, неплохо.

— Так у меня есть эпилепсия, доктор Билл?

— Вряд ли, Дэнни. Полежи тихо еще немного. Мы почти закончили.

Аппарат гудел и стрекотал еще минут пять, а потом доктор Эдмондс выключил его.

— Вот мы и закончили, приятель, — сказал он деловито. — Пусть Салли теперь снимет с тебя электроды, а потом проходи в соседний кабинет. Мне хочется немного побеседовать с тобой. О'кей?

— Конечно.

— А вас, Салли, попрошу сделать ему кожный тест, прежде чем отправить ко мне.

— Сделаю.

Эдмондс оторвал длинный завиток бумажной ленты, который успел за это время выползти из нутра черной машины, и, на ходу просматривая его, вышел.

— Мне придется сделать тебе небольшой укольчик в руку, — сказала медсестра, когда Дэнни натянул на себя джинсы. — Это нужно, чтобы проверить, нет ли у тебя туберкулеза.

— В прошлом году меня уже проверяли в детском саду, — сказал Дэнни, но без особой надежды.

— Видишь, как давно это было? А теперь ты уже совсем большой мальчик, верно?

— Должно быть, так, — вздохнул Дэнни и протянул руку на заклание.

Затем он надел рубашку, обулся в кроссовки и через раздвижную дверь вошел в кабинет доктора Эдмондса. Тот сидел на краю своего письменного стола и в задумчивости покачивал ногой.

— Привет тебе еще раз, Дэнни.

— Привет.

— Как твоя рука? — спросил он, кивая на левую руку Дэнни, обмотанную бинтом.

— Уже хорошо.

— Рад слышать. Я просмотрел результаты ЭЭГ, и там тоже все в порядке. Но я все равно собираюсь отправить их в Денвер моему другу, который зарабатывает на жизнь чтением подобных штуковин. Просто хочу подстраховаться.

— Конечно, сэр.

— Расскажи мне о Тони, Дэн.

Дэнни шаркнул ногой по полу.

— Это просто мой невидимый дружок, — сказал он. — Я его придумал. Чтобы не скучать одному.

Эдмондс рассмеялся и положил руки на плечи Дэнни.

— Это мне уже сказали твои мама с папой. Но давай-ка посекретничаем, приятель, а? Я ведь твой врач. Скажи мне правду, и я обещаю никому ничего не говорить без твоего разрешения.

Дэнни задумался над его предложением. Он посмотрел на Эдмондса, а потом сделал небольшое усилие, чтобы сосредоточиться и перехватить мысли доктора, в крайнем случае по цветовой гамме понять его настроение. И внезапно у него в голове нарисовалась до странности успокаивающая картина: шкафы для документов, чьи дверцы закрываются и запираются на замок одна за другой. А на дверцах прямо по центру висят небольшие таблички с надписями: «А — В, СЕКРЕТНО», «Г — Ж, СЕКРЕТНО», и так далее. На душе у него сразу полегчало.

И потому он осторожно начал:

— На самом деле я не знаю, кто такой Тони.

— Он твой ровесник?

— Нет. Ему, наверное, уже лет одиннадцать. Но иногда мне кажется, что он даже старше. Я никогда не видел его по-настоящему близко. Возможно, ему уже достаточно лет, чтобы водить машину.

— Значит, ты видишь его только издалека, так?

— Да, сэр.

— И он всегда появляется, прежде чем ты теряешь сознание?

— Но я не теряю сознание. Я как бы следую за ним. И он показывает мне разные вещи.

— Что, например?

— Ну... — Дэнни недолго колебался, а потом рассказал Эдмондсу о папином чемодане, в котором лежало все, что он написал, и о том, что грузчики все-таки не потеряли его где-то между Вермонтом и Колорадо. Он все время стоял под лестницей.

— И твой папа нашел его там, где сказал Тони?

— Да, сэр. Но только Тони не просто *сказал*. Он показал мне его.

— Понятно. А что Тони показал тебе вчера вечером? Когда ты заперся в ванной комнате?

— Я не помню, — поспешно ответил Дэнни.

— Ты уверен?

— Да, сэр.

— Я только что сказал, что *ты* заперся в ванной. Но ведь все было не так, верно? Это Тони запер дверь.

— Нет, сэр. Тони не мог сам запереть дверь, потому что он не настоящий. Он хотел, чтобы я это сделал. И я ее запер.

— Тони всегда показывает тебе, где лежат потерявшиеся вещи?

— Нет, сэр. Иногда он показывает мне то, что должно случиться.

— В самом деле?

— Да. Тони однажды показал мне парк развлечений и аттракционов в Грейт-Баррингтоне. Он сказал, что папа отвезет меня туда на мой день рождения. И так оно и вышло.

— Что еще он тебе показывает?

Дэнни нахмурился.

— Какие-то знаки и вывески. Он все время показывает мне старые надписи. А я не могу ничего прочитать. Или почти ничего.

— Зачем же, как ты думаешь, Тони делает это, Дэнни?

— Понятия не имею. — Тут его лицо прояснилось. — Но папа с мамой сейчас учат меня читать, и я очень стараюсь научиться побыстрее.

— Чтобы суметь прочитать вывески и знаки Тони?

— Не только. Я просто хочу уметь читать. Но и для этого тоже, да.

— Тебе нравится Тони?

Дэнни потупил взгляд в пол и ничего не ответил.

— Дэнни?

— Трудно сказать, — отозвался он наконец. — Когда-то нравился. Я даже надеялся, что он станет приходить каждый день, потому что он всегда показывал мне только хорошее. Особенно с тех пор, как мама с папой перестали думать о РАЗВОДЕ.

Взгляд доктора Эдмондса стал очень внимательным, но Дэнни этого не заметил. Он смотрел в пол, думая только о том, как ему лучше выразить свои мысли.

— Но теперь всякий раз, когда он приходит, Тони показывает мне плохие вещи. *Страшные* вещи. Как в ванной вчера. Это жалит меня так же больно, как те осы. Только картины, которые показывает Тони, делают мне больно здесь.

И он приставил указательный палец к виску, словно пистолет.

— Что же это за вещи, Дэнни?

— Я не могу вспомнить! — воскликнул Дэнни с мукой в голосе. — Я бы вам все рассказал, если бы мог! Но мне кажется, я не могу ничего вспомнить, потому что это настолько плохо, что я *сам не хочу* ничего запоминать. Когда я прихожу в себя, в памяти остается только РОМ.

— Ром? О чем ты говоришь, Дэнни?

— Я не знаю!

— Дэнни?

— Что, сэр?

— Ты можешь сделать так, чтобы Тони пришел прямо сейчас?

— Не знаю. Он не всегда приходит. А теперь я даже не уверен, хочу ли, чтобы он снова явился когда-нибудь.

— Попробуй, Дэнни. Я буду все время рядом с тобой.

Дэнни посмотрел на Эдмондса с сомнением. Тот ободряюще кивнул ему.

Дэнни глубоко, протяжно вздохнул и тоже кивнул:

— Ладно. Но не уверен, что получится. Я никогда прежде не делал этого, если кто-то наблюдал за мной. Да и Тони приходил не всякий раз.

— Не придет так не придет, — сказал Эдмондс. — Я просто хочу, чтобы ты попытался.

— Хорошо.

Дэнни опустил взгляд на медленно раскачивавшиеся мокасины на ногах врача и направил мысленное усилие за пределы комнаты. В сторону мамы и папы. Они были где-то поблизости... Да, прямо за этой стеной, на которой висела картина. В приемной, куда они все вошли в самом начале. Сидели рядом, но молчали. Листали журналы. Беспокоились. О нем.

Он сильнее сосредоточился, сдвинув брови в попытке понять общее направление мыслей своей мамы. Это всегда было сложнее, если она не находилась с ним в одной комнате. Но потом у него начало получаться. Мама думала о сестре. О своей сестре. Сестра была мертва. И мама считала, что именно это превратило ее собственную маму в такую

(*мразь?*)

в такую старую склочницу. Потому что другая ее дочь умерла. Совсем маленькой девочкой ее

(*сбила машина о боже я больше не переживу ничего подобного как случай с эйлин но что если он болен серьезно болен раком или менингитом лейкемией или у него найдут опухоль в мозгу как у сына джона гантера или мышечную дистрофию или о господи дети в его возрасте часто страдают от белокровия облучение и химиотерапия мы не сможем себе этого позволить но ведь не могут же они просто так выкинуть ребенка умирать на улице*

правда ведь и вообще с ним все в порядке в полном порядке ты не должна даже допускать подобных мыслей)

(*Дэнни...*)

(*об эйлин и*)

(*Дэнни-и-и...*)

(*о той машине*)

(*Дэнни-и-и...*)

Тони не появился. Он лишь услышал его голос. Но как только голос начал отдаляться, Дэнни последовал за ним в темноту, падая и спотыкаясь, устремился в магическим образом возникшую дыру между качавшимися мокасинами доктора Билла, миновав какое-то место, откуда доносился стук, миновав в темноте ванну, в которой колыхалось нечто ужасное, миновав звуки, напоминавшие благостный перезвон церковных колоколов, миновав часы под стеклянным колпаком.

Затем темноту немного рассеял тусклый свет одинокой лампочки, пробивавшийся сквозь паутину. Стал виден каменный пол, сырой и отталкивающе грязный. Откуда-то доносился монотонный механический грохот, но приглушенный, не страшный. Наоборот, навевавший дрему. *Я обязательно это забуду*, подумал Дэнни с вялым удивлением.

Когда его глаза привыкли к темноте, он смог разглядеть впереди Тони, точнее, его силуэт. Тони на что-то смотрел, и Дэнни тоже напряг зрение и постарался понять, что это.

(*Твой папа. Видишь своего папу?*)

Конечно же, он его видел. Как же он мог не заметить его, несмотря на плохое освещение? Папа стоял на коленях, разглядывая в луче карманного фонарика картонные коробки и деревянные ящики. Коробки были старые и заплесневелые. Некоторые развалились, и их содержимое рассыпалось по полу. Журналы, книги, какие-то бланки, похожие на счета. Папа изучал все это с пристальным интересом. А потом он поднял взгляд и направил луч фонарика в другую сторону. Свет упал на еще одну книгу, большую, скрепленную золотым шнуром. Обложка напоминала белую кожу. Не книга, а альбом. Дэнни ощутил внезапный порыв окликнуть отца, сказать ему, что не надо трогать альбом, что лучше оставить его в покое, что есть

такие вещи, которые не следует открывать. Но папа уже поднялся и направился в ту сторону.

Механический гул, в котором Дэнни теперь узнал шум котла «Оверлука» — папа ходил проверять его три или даже четыре раза в день, — перешел в зловещий ритмичный скрежет. Потом он стал скорее напоминать звук... Звук ударов молота. А запахи плесени, сырости, подгнившей бумаги сменились чем-то другим — острым, чуть можжевеловым запахом Скверной Жидкости. Он окутал папу, когда тот добрался до альбома и... ухватился за него.

Тони незримо присутствовал где-то в темноте,

(*Это бесчеловечное место превращает людей в монстров. Это бесчеловечное место*)

повторяя одну и ту же непонятную фразу снова и снова.

(*превращает людей в монстров.*)

Дэнни снова провалился в темноту, но теперь его сопровождал громкий грохот, который уже не был шумом бойлера, а перешел в отчетливый звук молотка, со свистом разрезавшего воздух, прежде чем вонзиться в шелк обоев и выбить из стены струйку алебастровой пыли. Он снова скрючился на сине-черных джунглях коврового покрытия.

(*Выходи*)

(*Это бесчеловечное место*)

(*и получи по заслугам!*)

(*превращает людей в монстров.*)

Со стоном, который эхом отдался в голове, Дэнни сумел вырваться из темноты. Его держали чьи-то руки, и он напрягся, решив, что темные силы из мира «Оверлука», показанного Тони, каким-то образом смогли проследовать за ним в действительность... Но потом он услышал, как доктор Эдмондс говорит:

— Все хорошо, Дэнни. Ты в полном порядке. Все хорошо.

Дэнни узнал сначала доктора, а потом и кабинет. Он начал дрожать всем телом. Эдмондс крепко держал его.

Когда дрожь стала утихать, врач спросил:

— Ты произнес слово «монстры», Дэнни. Что это было?

— Это бесчеловечное место, — сдавленно вырвалось у него. — Тони сказал мне... Это бесчеловечное место... Превращает... Превращает...

Он помотал головой:

— Больше ничего не помню.

— Постарайся как следует.

— Не могу!

— Но Тони появился?

— Да.

— Что он тебе показал?

— Темноту. Какие-то стуки. Не помню.

— Где ты был?

— *Оставьте меня в покое! Я ничего не помню! Оставьте меня в покое!* — Он начал всхлипывать от охватившего его чувства страха, беспомощности и разочарования. Все ушло, растворилось, слиплось в подобие мокрого комка бумаги, на которой остались воспоминания, нечитаемые и неразборчивые.

Эдмондс подошел к кулеру и принес мальчику бумажный стаканчик с водой. Дэнни жадно выпил воду, и Эдмондс принес ему еще.

— Так лучше?

— Да.

— Пойми, Дэнни, я не собираюсь давить на тебя. И нисколько не сомневаюсь в твоих словах. Но ты не мог бы припомнить хоть что-то *до* появления Тони?

— Помню маму, — медленно ответил Дэнни. — Она волновалась за меня.

— Мамы всегда волнуются за своих детей, друг мой.

— Нет... Не так. У нее была сестра Эйлин, которая погибла еще совсем маленькой. Она вспомнила, как Эйлин сбила машина, и только поэтому стала тревожиться за меня. Больше я ничего не могу вспомнить.

Эдмондс внимательно посмотрел на него.

— То есть она думала обо всем этом прямо здесь? Сидя в моей приемной?

— Да, сэр.

— Откуда же ты можешь это знать, Дэнни?

— Сам не понимаю, — печально ответил мальчик. — Должно быть, это сияние.

— Что-что?

Но Дэнни лишь вяло помотал головой.

— Я ужасно устал. Могу я пойти к маме с папой? Мне не хочется больше отвечать ни на какие вопросы. Я устал. И у меня тяжесть в животе.

— Тебя может вырвать?

— Нет, сэр. Мне просто нужно к маме с папой.

— Так и быть, Дэн. — Доктор Эдмондс поднялся. — Иди в приемную и побудь с родителями, но только минутку. А потом попроси их зайти. Мне нужно побеседовать и с ними тоже. Договорились?

— Да, сэр.

— Там есть книжки, которые ты сможешь пока полистать. Ты же любишь книжки?

— Да, сэр, — послушно ответил Дэнни.

— Ты хороший мальчик.

Дэнни лишь слабо улыбнулся.

— Я не обнаружил у него никаких признаков заболевания, — сообщил доктор Эдмондс чете Торрансов. — По крайней мере в физиологическом смысле. Что касается умственной сферы, то он очень развит, но наделен, пожалуй, избытком воображения. Такое случается. Некоторым детям нужно дорасти до своей фантазии, как до купленной на вырост обуви. Фантазии Дэнни сейчас еще слишком велики для его возраста. Вы когда-нибудь проверяли коэффициент интеллекта мальчика?

— Я не верю в эти цифры, — сказал Джек. — *Они заранее* формируют предвзятое отношение со стороны как родителей, так и учителей.

Доктор Эдмондс кивнул:

— Вероятно, так и есть. Но если вы однажды протестируете его, то, как мне представляется, обнаружите, что он опережает в умственном развитии свою возрастную группу. Его словарный запас и умение выражать свои мысли просто поразительны для ребенка, которому нет еще и шести.

— Просто мы всегда старались разговаривать с ним на равных, — сказал Джек не без гордости.

— Конечно. Потому что вам едва ли когда-либо нужно было снисходить до его возраста, чтобы он вас понял, — заметил Эдмондс, поигрывая своей авторучкой. — Когда он был у меня на приеме, то впал в транс. По моей просьбе. Все происходило в точном соответствии с вашим описанием вчерашнего происшествия в ванной. Все его мышцы расслабились, тело поникло, а глазные яблоки закатились. Классический случай самогипноза. Но он меня поразил. Я, признаться, все еще нахожусь под сильным впечатлением.

Торрансы дружно подались вперед.

— Как это было? — встревоженно спросила Уэнди, и Эдмондс, осторожно подбирая выражения, описал состояние, в которое впал Дэнни, его сбивчивые фразы, из которых доктор сумел выловить только слова «монстры», «темнота» и «грохот». И последовавшие затем слезы, почти истерику и нервную реакцию желудка.

— Опять этот Тони, — буркнул Джек.

— Но что означали его слова? — допытывалась Уэнди. — У вас есть какие-то соображения по этому поводу?

— Есть кое-что. Но вам это может не понравиться.

— Все равно нам нужно знать. Говорите, — сказал Джек.

— Из того, чем Дэнни поделился со мной, можно заключить, что его «невидимый дружок» действительно был ему другом до тех пор, пока вы не перебрались из Новой Англии сюда. Тони стал страшным только после вашего переезда. Приятные сновидения переросли в кошмары, которые тем более пугают вашего сына, поскольку он не запоминает в точности, что же такого страшного ему приснилось. У него возник мощный буфер между сознанием и подсознанием, которым руководит чертовски строгий пуританин. Нечто вроде внутреннего цензора, который пропускает в сознание лишь малые дозы информации из сферы подсознательного, да и они зачастую носят чисто символический характер. Это описание — очень примитивный пересказ теории Фрейда, но оно может дать вам представление о том, что нам известно о внутренних процессах, происходящих в человеческом мозгу.

— Вы считаете, что это переезд так плохо повлиял на душевное состояние Дэнни? — спросила Уэнди.

— Весьма вероятно. Особенно если переезд происходил при неблагоприятных, травматических для ребенка обстоятельствах, — ответил Эдмондс. — Они имели место?

Уэнди и Джек переглянулись.

— Я преподавал в школе, — медленно сказал Джек. — И лишился работы.

— Понятно, — кивнул Эдмондс и уложил в футляр авторучку, которую все это время вертел в руках. — Однако, боюсь, это еще не все. И продолжение может оказаться для вас болезненным. По всей видимости, ваш сын был убежден, что вы оба серьезно рассматривали возможность развода. Сейчас он рассказывает об этом легко, но только потому, что, как ему кажется, вы отказались от этой затеи.

У Джека отвисла челюсть, а Уэнди отпрянула, как от пощечины. Кровь мгновенно отлила от ее лица.

— Но мы никогда не обсуждали это между собой! — воскликнула она. — Ни в его присутствии, ни даже наедине друг с другом! Мы не...

— Думаю, будет лучше, если вы узнаете все подробности, доктор, — перебил Джек. — Вскоре после рождения Дэнни я превратился в законченного алкоголика. У меня были проблемы со спиртным, пока я учился в колледже, затем наступило небольшое улучшение после нашего знакомства с Уэнди, но дело стало совсем плохо с появлением на свет ребенка, когда писательское творчество, которое я считаю своим истинным призванием, зашло в тупик. Дэнни было три с половиной года, и он однажды разлил пиво на листы бумаги с моей работой... Листы, которые я сам прежде забраковал и собирался выбросить... И я... я... О дьявол! — Его голос дрогнул, но глаза остались сухими. — Это звучит так чудовищно, когда произносишь вслух... Короче, я слишком сильно сжал ему руку, когда повернул его, чтобы отшлепать, и сломал ее. Через три месяца я бросил пить. И с тех самых пор не прикасался к бутылке.

— Теперь кое-что прояснилось, — сказал Эдмондс совершенно невозмутимо. — Я, конечно, заметил, что был перелом, хотя кость срослась хорошо.

Он откинулся в кресле и положил ногу на ногу.

— Но сейчас, насколько я могу судить, ваш сын не подвергается никакому домашнему насилию. Кроме укусов ос, на его теле нет ни ссадин, ни синяков, если не считать характерных для любого здорового мальчика его возраста.

— Конечно же, нет! — горячо возмутилась Уэнди. — Джек и тогда вовсе не хотел...

— Не надо меня защищать, Уэнди, — вмешался Джек. — По правде говоря, я как раз хотел тогда причинить ему боль. Или даже сделать кое-что похуже.

Он посмотрел Эдмондсу прямо в глаза.

— А знаете, что действительно странно, доктор? Только что здесь впервые в жизни одним из нас было произнесено вслух слово «развод». И «алкоголизм». И «насилие». Три вещи произошли впервые одновременно. То есть в течение каких-то пяти минут.

— В этом-то и может корениться суть проблемы, — подхватил Эдмондс. — Но, к сожалению, психиатрия — не моя специальность. Если вы хотите показать Дэнни детскому психиатру, то я мог бы порекомендовать вам настоящего эксперта в этой области, который работает в медицинском центре «Мишэн ридж» в Боулдере. Хотя я считаю мой диагноз верным. Дэнни — очень умный, восприимчивый мальчик с живым воображением. Мне не верится, что он мог быть до такой степени расстроен вашими матримониальными проблемами. Совсем маленькие дети готовы принять все. Они не ведают стыда, как и необходимости что-то скрывать.

Джек внимательно изучал свои руки. Уэнди взяла одну из них и сжала.

— Однако Дэнни чувствителен ко всему, что ему кажется неправильным. И главным здесь стала не его сломанная рука, а надлом — или трещина — в ваших отношениях. В разговоре со мной он упомянул о разводе, но не о сломанной руке. Когда моя медсестра обратила внимание на перелом, он просто пожал плечами. Он не придает тому случаю значения. «Это было очень давно...» — так, по-моему, он выразился.

— Нет, но каков мальчишка... — пробормотал Джек, стиснув зубы. — Мы его недостойны.

— Тем не менее он ваш сын, — сухо заметил Эдмондс. — И порой он убегает от проблем в мир своих фантазий. В этом

нет ничего необычного, так делают многие дети. Помнится, когда я сам был в возрасте Дэнни, то тоже завел себе «невидимого друга» — говорящего петушка по кличке Чаг-Чаг. Естественно, никто не мог видеть Чаг-Чага, кроме меня самого. Старшие братья часто бросали меня одного, и тогда Чаг-Чаг приходился как нельзя кстати. И конечно же, вы оба должны понимать, почему друг Дэнни носит имя Тони, а не Майк, Хэл или, например, Датч.

— Мы понимаем, — заверила его Уэнди.

— Вы пытались объяснить ему это?

— Нет, — ответил Джек. — А надо?

— Едва ли. Пусть он сам дойдет до этого логическим путем, когда настанет время. Видите ли, судя по всему, фантазии Дэнни значительно глубже и разнообразней, чем те, которыми обычно сопровождается синдром «невидимого друга». Но это лишь дает нам представление, насколько Тони ему необходим. Вернее, был необходим. Тони являлся и показывал ему приятные вещи. Иногда поразительные. Но неизменно хорошие. Однажды Тони показал ему, где стоит потерянный папин чемодан — под ступеньками лестницы. В другой раз Тони предсказал, что папа с мамой повезут его на день рождения в парк аттракционов...

— В Грейт-Баррингтон! — воскликнула Уэнди. — Но как он мог *узнать* обо всем этом? Порой он немного пугает меня своими предвидениями. Я иной раз начинаю думать, что у него...

— «Третий глаз»? — с улыбкой спросил Эдмондс.

— Да. Ведь он же родился в сорочке, — сказала Уэнди уже не так уверенно.

Улыбка Эдмондса переросла в добрый раскатистый смех. Джек и Уэнди переглянулись, а потом тоже заулыбались, сами пораженные тем, как легко им говорить об этом. А ведь «странные догадки», которыми иногда удивлял их Дэнни, были еще одной темой, которую они старались обходить стороной.

— Только не говорите мне, что ему подвластна, допустим, левитация, — улыбаясь, продолжил Эдмондс. — Нет, нет и нет. Боюсь, что экстрасенсорным даром здесь и не пахнет. Это обычная, свойственная многим людям восприимчивость к деталям, которых другие не замечают, а у Дэнни она развита

до чрезвычайной степени. Поискать чемодан под лестницей он подсказал вам, мистер Торранс, когда понял, что вы уже осмотрели все остальные места. Он действовал в данном случае элементарным методом исключения, вам не кажется? Эту задачку без труда бы решил даже герой слабенького детектива. Рано или поздно вы бы сами сообразили заглянуть туда. Теперь что касается парка в Грейт-Баррингтоне. Скажите мне, чья идея это была изначально? Ваша или его собственная?

— Его, разумеется, — ответила Уэнди. — Он часто видел рекламу в утренних детских телепередачах. И горел желанием побывать там. Но проблема заключалась в том, что мы не могли позволить себе такую поездку. И пришлось сказать ему об этом.

— А потом вдруг журнал, в котором я еще в семьдесят первом году опубликовал один свой рассказ, мне прислали чек на пятьдесят долларов, — добавил Джек. — По-моему, за повторное использование произведения в своем ежегодном альманахе или что-то в этом роде. И мы решили потратить деньги на Дэнни.

Эдмондс пожал плечами:

— Исполнение желания вкупе с удачным стечением обстоятельств.

— А ведь, черт возьми, с этим не поспоришь! — согласился Джек.

Эдмондс улыбнулся:

— К тому же Дэнни сам признался мне, что Тони часто показывал ему события, которые так и не происходили. В таких случаях это были его собственные ошибки восприятия, только и всего. Дэнни бессознательно и бескорыстно занимается тем же, на чем все эти так называемые целители и предсказатели вполне сознательно и цинично делают деньги. Его можно только уважать за это. И если жизнь не заставит его коренным образом измениться, из него вырастет выдающаяся личность.

Уэнди кивнула. Она никогда не сомневалась, что Дэнни ждет незаурядное будущее, однако предложенные доктором объяснения показались ей слишком поверхностными и легковесными. У них был вкус маргарина, а не настоящего масла. Эдмондс ведь не жил в их семье. И не мог видеть, как легко Дэнни находил потерянные пуговицы, догадывался, что журнал

с телепрограммой завалился за спинку дивана, упрямо надевал в детский сад калоши, хотя на дворе сияло солнце... А вечером они возвращались домой под проливным дождем, шлепая по лужам. Эдмондс не сталкивался с многочисленными случаями, когда Дэнни предугадывал желания обоих родителей. Она могла совершенно внезапно захотеть чая, а когда приходила на кухню, обнаруживала на столе приготовленную чашку с пакетиком заварки. Могла вспомнить, что пора вернуть в библиотеку книги, и находила их сложенными аккуратной стопкой в прихожей, причем сверху лежал ее читательский билет. Джеку только-только приходило в голову натереть «фольксваген» воском, а Дэнни уже сидел рядом с машиной, дожидаясь этого действа и слушая жестяные звуки поп-музыки, доносившиеся из радиоприемника.

Но она лишь спросила:

— Тогда почему сейчас начались кошмары? Зачем Тони велел ему запереться в ванной?

— Полагаю, это происходит из-за того, что Тони изжил свою способность приносить пользу, — ответил Эдмондс. — Он родился (я, конечно же, имею в виду Тони, а не Дэнни), когда вы с мужем отчаянно пытались спасти ваш брак. Ваш муж сильно пил. Произошел инцидент со сломанной рукой. Между вами установились внешне спокойные, но полные внутреннего напряжения отношения, казавшиеся недобрым предзнаменованием.

Внешне спокойные, но полные напряжения... Что ж, по крайней мере эти слова врача отражали реальное положение дел. Совместные трапезы, за которыми всем было не по себе, а застольная беседа сводилась к просьбам передать соль, настойчивым уговорам, чтобы Дэнни непременно доел всю морковку, и извинениям, что нужно срочно уйти. Долгие вечера, когда Джека не было дома и она лежала на диване, не проронив ни слезинки, а Дэнни пристраивался рядом, чтобы смотреть телевизор. Наступавшие затем утренние часы, когда они с Джеком шипели друг на друга, как две обозленные кошки, а между ними метался растерянный, дрожащий от страха мышонок. Все это было правдой,

(Боже, неужели старые раны никогда не перестанут ныть?)

неприглядной и неприятной, но правдой.

Эдмондс между тем продолжал:

— Но постепенно положение изменилось. Вы можете этого не знать, но шизоидные симптомы в поведении детей встречаются сплошь и рядом. Мы, взрослые, стараемся мириться с этим, потому что пришли к негласному соглашению, что все малыши немного не в себе. Им дозволено заводить себе «невидимых дружков». Когда им грустно, они могут прятаться в стенном шкафу, чтобы сбежать от всего мира. Они заводят исполненные величайшего смысла талисманы — кто какое-то особенное одеяло, кто плюшевого мишку, кто игрушечного тигренка. Они сосут пальцы. Когда взрослый человек начинает видеть то, чего нет на самом деле, мы сразу же записываем его в кандидаты на больничную палату с мягкими стенами. Но если ребенок заявляет, что в его комнате завелся тролль или на него в окно смотрел вампир, мы лишь снисходительно улыбаемся. У нас всегда есть универсальная фраза, которая годится, чтобы объяснить все подобные детские феномены. Мы просто говорим...

— Что он это перерастет, — закончил за него Джек.

Эдмондс моргнул.

— Да. В точности мои слова. Если говорить прямо, у Дэнни были все основания, чтобы страдать от вполне серьезного психоза. Несчастливая домашняя жизнь, гипертрофированное воображение и невидимый друг, настолько реальный для него, что он чуть не сделался таким же реальным даже для вас. И вместо того чтобы перерасти свою детскую шизофрению, он вполне мог врасти в нее.

— И стать аутистом? — спросила Уэнди. Она читала об аутизме. Ее пугал этот термин: он наводил на мысли о состоянии постоянного страха и окружавшем тебя белом безмолвии.

— Вероятно, но не обязательно. Однако он мог попросту однажды уйти в мир Тони и больше не вернуться к тому, что сам называет «реальными вещами».

— Боже милосердный! — воскликнул Джек.

— Но сейчас ваша жизненная ситуация претерпела радикальные изменения. Мистер Торранс больше не пьет. Вы оказались в новом месте, где сами условия поневоле сделали из

вас более сплоченную семью, чем когда-либо прежде, — и, уж конечно, более сплоченную, чем моя собственная, когда жена и дети видят меня в лучшем случае два-три часа в день. С моей точки зрения, он сейчас находится в идеальных условиях для выздоровления. И большое значение имеет сохранившаяся у него способность четко проводить границу между миром Тони и реальностью — это свидетельствует о том, что в основе своей его психика осталась здоровой. Он утверждает, что вы перестали рассматривать возможность развода. И, насколько я понимаю, он прав, не так ли?

— Да, это так, — ответила Уэнди, и Джек стиснул ее правую руку почти до боли. Она ответила ему таким же сильным пожатием.

Эдмондс понимающе кивнул:

— Вот почему Тони больше не нужен. Дэнни старается вытеснить его из своего сознания. Тони уже не приносит приятных видений, а, наоборот, стал источником кошмаров, настолько пугающих, что Дэнни не запоминает ничего, кроме отдельных фрагментов. Он впустил Тони в период трудной — почти отчаянной — жизненной ситуации. И Тони не желает уходить без борьбы. Но он *уже* постепенно уходит. Ваш сын сейчас несколько напоминает наркомана, пытающегося избавиться от пагубного пристрастия.

Он поднялся из-за стола, и Торрансы последовали его примеру.

— Но, как уже было сказано, я не психиатр. Если кошмары не прекратятся до весны, когда закончится срок вашей работы в «Оверлуке», я бы настоятельно советовал вам, мистер Торранс, отвезти Дэнни на прием к тому специалисту в Боулдере.

— Я это сделаю.

— Хорошо, тогда пойдемте к нему и скажем, что он может возвращаться домой, — предложил Эдмондс.

— Очень вам признателен, — с чувством сказал ему Джек. — Я уже давно не ощущал такого облегчения, какое испытываю после визита к вам.

— И я тоже, — добавила Уэнди.

Уже у самых дверей Эдмондс вдруг остановился и посмотрел на нее:

— У вас есть или, быть может, была сестра, миссис Торранс? По имени Эйлин?

Уэнди удивленно подняла глаза.

— Да, у меня была сестра. Она погибла прямо перед нашим домом в Сомерсуорте в Нью-Гэмпшире, когда ей было шесть, а мне десять. Побежала за выкатившимся на улицу мячиком, и ее сбил грузовик.

— Дэнни известно об этом?

— Не знаю. Думаю, нет.

— Он сказал мне, что вы вспоминали о ней, сидя в приемной.

— Действительно, вспоминала, — медленно произнесла Уэнди. — Впервые за... О, впервые за бог знает сколько лет.

— Слово «ром» имеет для вас какой-то особый смысл?

Уэнди покачала головой, но Джек сказал:

— Он упоминал что-то похожее прошлой ночью. Правда, я подумал, что ослышался.

— Не ослышались, это точно ром. Как напиток. Алкогольный напиток.

— Вот оно что, — вздохнул Джек. — Все сходится, верно? — Он достал из заднего кармана платок и вытер губы.

— А как насчет слова «сияние»?

На этот раз головой покачали оба.

— Впрочем, как я полагаю, все это не имеет особого значения, — заключил Эдмондс и открыл дверь в приемную. — Есть среди присутствующих некто Дэнни Торранс, которому уже очень хочется домой?

— Привет, папа! Привет, мамочка! — Дэнни вскочил из-за низкого столика, за которым листал журнал, пытаясь негромко проговаривать знакомые слова.

Потом он кинулся к Джеку и прижался к нему. Уэнди потрепала сына по голове.

Эдмондс бросил на него лукавый взгляд и сказал:

— Если ты не очень любишь папу с мамой, так и быть, можешь оставаться жить у старого доброго Билла.

— Ни за что, сэр! — Дэнни обхватил одной рукой шею Джека, другой — Уэнди и просто сиял от счастья.

— Жаль, но ладно уж, — улыбнулся Эдмондс. И добавил, обращаясь к Уэнди: — Позвоните, если возникнут проблемы.

— Конечно.

— Хотя не думаю, что до этого дойдет. — И доктор Эдмондс еще раз улыбнулся им.

Глава 18
АЛЬБОМ С ВЫРЕЗКАМИ

Джек нашел альбом первого ноября, когда его жена и сын отправились на прогулку по старой проселочной дороге, которая начиналась от роке-корта и поднималась на две мили к заброшенной лесопилке. Стоял на редкость погожий день, и все трое щеголяли нежданным осенним загаром.

В тот день он, как обычно, спустился в подвал, чтобы сбросить давление в паровом котле, а потом чисто импульсивно взял фонарик с той полки, где хранились чертежи системы водопровода, и решил просмотреть некоторые старые документы. Кроме того, ему нужно было подыскать подходящие места для крысиных ловушек, хотя он планировал начать расставлять их только через месяц. «Хочу, чтобы все крысы вернулись домой после каникул», — объяснил он Уэнди.

Направив вперед луч фонарика, он миновал дно шахты лифта (которым, по настоянию Уэнди, они ни разу не пользовались с того дня, когда обосновались в отеле) и прошел через невысокую каменную арку. Ощутив запах гниющей бумаги, наморщил нос. Позади котел вдруг разразился громоподобным свистом, заставив Джека вздрогнуть.

Он поводил фонариком из стороны в сторону, фальшиво насвистывая сквозь зубы. Перед ним высилась уменьшенная модель горной гряды, напоминавшей Анды, сложенной из десятков коробок и ящиков, большинство из которых от старости и сырости давно утратили первоначальный цвет и даже форму. Некоторые расползлись по швам, и из них высыпались на каменный пол кипы пожелтевших бумаг. Отдельно лежали пачки газет, перевязанные бечевкой. В одних коробках покоились толстые финансовые гроссбухи, в других были уложены

счета и накладные, стянутые резинками. Джек вытащил один счет, посветил на него.

РОКИ-МАУНТИН ЭКСПРЕСС, ИНК.
Получатель: ОТЕЛЬ «ОВЕРЛУК»
Отправитель: «САЙДИЗ УЭЙРХАУС», 1210, 16-я улица, Денвер, штат Колорадо
Перевозчик: «КЭНЕЙДИЕН ПАСИФИК РР»
Описание груза: 400 СТАНДАРТНЫХ ЯЩИКОВ ТУЛЕТНОЙ БУМАГИ «ДЕЛСИ», 1 ГРОСС/ЯЩИК
Подпись: *Д Э Ф*
Дата: *24 августа 1954 г.*

Усмехнувшись, Джек разжал пальцы, и бумажка упала в коробку. Затем он посветил вверх, и луч выхватил из темноты висевшую под потолком лампочку, почти полностью обмотанную паутиной. Выключателя не наблюдалось.

Привстав на мысочки, Джек вкрутил лампочку в патрон. Она тускло загорелась. Он подобрал накладную на туалетную бумагу и с ее помощью смахнул часть паутины. Стало светлее, но ненамного.

По-прежнему полагаясь на луч фонарика, он стал слоняться между коробками и кипами бумаг, высматривая крысиные следы. Грызуны здесь, конечно, побывали, но очень давно... Похоже, с тех пор прошло немало лет. Он обнаружил лишь остатки помета, почти превратившегося в пыль, и несколько гнезд, аккуратно выстланных обрывками бумаги, но тоже очень старых и заброшенных.

Джек выдернул газету из одной связки и посмотрел на заголовок на первой полосе.

ДЖОНСОН ОБЕЩАЕТ ПОЛНУЮ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ
Работа, начатая Джей Эф Кей, будет продолжена в новом году, говорит он

Газета называлась «Роки маунтин ньюс» и была датирована 19 декабря 1963 года. Джек кинул ее поверх пачки.

Он подозревал, что его заворожило чувство сопричастности к истории, которое испытывает каждый, просматривая «свежие новости» десяти- или двадцатилетней давности. Среди хранившихся здесь газет и прочих документов имелись временные пробелы: ничего с 1937 по 1945 год, с 1957-го по 1960-й, с 1962-го по начало 1963 года. Как он догадался, как раз в эти периоды отель был закрыт. Отдыхал, дожидаясь следующего неудачника.

Версия Уллмана, пытавшегося объяснить ему до нелепости неудачную судьбу отеля, с самого начала показалась Джеку не слишком правдоподобной. Он посчитал, что само по себе изумительное расположение «Оверлука» могло бы служить гарантией постоянного финансового успеха предприятия. В Америке всегда существовала группа богатых искателей развлечений, и Джеку казалось, что «Оверлук» просто обязан был стать одной из их постоянных баз. Он прекрасно вписывался в расписание. «Уолдорф» в мае, «Бар Харбор-хаус» в июне — июле; «Оверлук» в августе — начале сентября, а потом Бермуды, Гавана, Рио...

Он обнаружил стопку старых регистрационных книг, и у него глаза разбежались от обилия знаменитостей. Нельсон Рокфеллер в 1950 году. Генри Форд с семейством в 1927-м. Джин Харлоу в 1930-м. Кларк Гейбл и Кэрол Ломбард. В 1956 году весь верхний этаж был на неделю снят «Дэррилом Ф. Зануком и его гостями». Деньги должны были сыпаться в кассу, как из современного рога изобилия. Вероятно, причина неудач заключалась в том, что отелем управляли из рук вон плохо.

А ведь здесь действительно витал дух истории, причем не только в газетных заголовках. Он таился между строк регистрационных книг, бухгалтерских отчетов и даже загадочных бланков заказов на обслуживание в номерах. В 1922 году Уоррен Г. Гардинг в десять часов вечера заказал к себе в люкс целого лосося и ящик пива. Но с кем он ужинал? Быть может, коротал вечер за игрой в покер? Или устроил стратегическое совещание? Что это было?

Джек бросил взгляд на часы и с удивлением обнаружил, что провел здесь уже сорок пять минут. Руки были по локоть в грязи и пыли, и от него самого, должно быть, невыносимо воняло. Он решил подняться наверх, чтобы успеть принять душ до возвращения Уэнди и Дэнни.

Джек медленно брел между бумажными горами, с восхитительной скоростью прокручивая в голове возможности и варианты. Ничего подобного он не испытывал уже многие годы. Его вдруг захватила мысль, что большая книга, которой он полушутя обещал когда-нибудь разразиться, могла стать явью. Она, вполне вероятно, уже лежала прямо здесь, погребенная среди этих неопрятных кип бумаги. Это мог быть роман, исторический труд или комбинация беллетристики и фактов — огромная книга, сюжетные линии которой из центра повествования способны протянуться в сотнях направлений.

Джек встал под покрытой паутиной лампой, вытащил из кармана носовой платок и совершенно автоматическим жестом вытер губы. Как раз в этот момент он увидел альбом.

Слева от него стояли пять коробок, криво нагроможденных друг на друга, подобно уродливой Пизанской башне. Верхняя коробка была заполнена гроссбухами и старыми счетами, но венчал это сооружение, как бы поддерживая равновесие и не давая «башне» рухнуть, толстый альбом в белом кожаном переплете, скрепленный двумя золотыми шнурами, завязанными замысловатыми узлами-бантиками.

Исполненный любопытства, он подошел и взял альбом. На верхней обложке скопился толстый слой пыли. Подняв альбом, Джек сдул целое пыльное облако, а потом открыл обложку. И стоило ему сделать это, как из альбома вылетело нечто вроде карточки или почтовой открытки — он успел подхватить ее в полете, не дав упасть на замызганный пол. Это оказался дорогой, отпечатанный на кремовой бумаге пригласительный билет с рельефным изображением «Оверлука», каждое окно которого ярко светилось. Лужайка и игровая площадка были украшены сияющими японскими фонариками. Казалось, при желании ты мог просто шагнуть туда, прямо в отель «Оверлук», каким он представал перед гостями тридцать лет назад.

Хорас М. Дервент
просит оказать ему честь
и принять приглашение на
бал-маскарад в ознаменование
торжественной церемонии открытия
ОТЕЛЯ «ОВЕРЛУК»

Ужин будет подан к 20.00
Снятие масок и начало танцев в полночь
29 августа 1945 г.
(Просьба ответить)

Ужин в восемь! Снятие масок в полночь!

Он почти мог видеть их в зале ресторана — самых богатых людей Америки и их спутниц. Смокинги и накрахмаленные до хруста сорочки; вечерние платья дам; звуки оркестра; блеск туфелек на высоких каблуках. Звон бокалов, пробки шампанского в потолок. Война закончилась или почти закончилась. Впереди простиралось будущее — ясное и светлое. Америка стала Всемирным колоссом, но теперь она знала об этом и охотно принимала на себя такую роль.

А позже, когда пробило полночь, Дервент лично бросил клич: «Маски долой! Маски долой!» Все сняли маски и...

(*Красная смерть властвовала повсюду!*)

Он нахмурился. Из какого темного угла памяти вылезла вдруг эта строчка? Это же цитата из По — Великого Американского Литературного Подсвинка. А ведь «Оверлук», тот сияющий, блестящий «Оверлук», который был изображен на приглашении, попавшем в руки Джека, так бесконечно далек от мрачного мира, созданного воображением Э.А. По.

Он вложил карточку на место и перевернул лист. Вырезка из какой-то денверской газеты с приписанной внизу от руки датой: 15 мая 1947 г.

ОЧЕРЕДНОЕ ОТКРЫТИЕ РОСКОШНОГО ОТЕЛЯ В ГОРАХ ПРИВЛЕЧЕТ СОЗВЕЗДИЕ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Дервент заявляет, что «Оверлук» станет новым чудом света

Дэвид Фелтон, редактор отдела публицистики

За тридцать восемь лет своей истории отель «Оверлук» неоднократно открывался, закрывался и снова открывался, но редко был таким стильным и современным, каким обещает представить его публике Хорас Дервент, загадочный миллионер из Калифорнии, ставший нынешним владельцем заведения.

Дервент, который не скрывает, что вложил в реконструкцию нового детища более миллиона долларов — хотя, по данным из других источников, инвестиции составили почти три миллиона, — говорит, что «обновленный «Оверлук» станет одним из чудес света, и всего одна ночь, проведенная в нем, запомнится вам на всю оставшуюся жизнь».

Когда Дервента, который, по слухам, имеет значительную долю в некоторых компаниях Лас-Вегаса, спросили, станет ли приобретение и модернизация «Оверлука» первым залпом в грядущей войне за легализацию игорного бизнеса в Колорадо, магнат авиастроения, производства боеприпасов, судоходства и киноиндустрии отрицал это... с улыбкой. «Наличие казино только понизит тот высокий статус, который будет иметь «Оверлук», — сказал он, — и, поверьте, я не стану наносить удар по интересам Лас-Вегаса! Меня для этого самого слишком многое с ним связывает. Поступить так значило бы плюнуть против ветра».

Когда «Оверлук» откроется официально (хотя некоторое время назад уже состоялся масштабный и крайне успешный прием в связи с завершением всех строительных работ), его заново отделанные и украшенные номера займут многочисленные знаменитые постояльцы от популярного модельера Корбата Стани до...

С понимающей улыбкой Джек снова перевернул страницу альбома. Теперь на него смотрела реклама отеля в нью-йоркской «Санди таймс», под которую не поскупились выделить целую полосу в разделе путешествий и туризма. На следующем листе альбома была вклеена статья о самом Дервенте — лысеющем мужчине с проницательным взглядом, который, казалось, пронзал тебя насквозь, даже с фотографии тридцатилетней давности. Дервент носил очки без оправы и узкие усики в стиле сороковых годов, которые тем не менее нисколько не делали его похожим на Эррола Флинна. Внешне он напоминал самого простого бухгалтера. И только глаза придавали ему вид действительно влиятельного человека.

Джек наискосок проглядел публикацию. Он уже многое знал из очерка о Дервенте, опубликованном в журнале «Нью-

суик» годом раньше. Родившийся в семье бедняков из Сент-Пола, он так и не получил даже среднего образования, записавшись служить в военно-морской флот. Быстро рос в званиях, но потом уволился после ожесточенной тяжбы из-за патента на принципиально новую конструкцию гребного винта, которую он разработал. В соревновании по судебному перетягиванию каната между флотским начальством и никому не известным молодым человеком по имени Хорас Дервент предсказуемым победителем стал Дядя Сэм. Но зато в будущем Дяде Сэму не удалось вырвать у него ни одного патента, а их было немало.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Дервента увлекла авиация. Он скупал обанкротившиеся компании, занимавшиеся обработкой полей с воздуха, превращал самолеты в перевозчиков почты и быстро разбогател. Успешно продвигалась и его изобретательская деятельность: он запатентовал более эффективное крыло для монопланов, бомбовый люк, который затем установили на все «летающие крепости», атаковавшие с воздуха Гамбург, Дрезден и Берлин, пулемет со спиртовой системой охлаждения и прототип катапультируемого пилотского кресла, впоследствии установленного в каждом боевом реактивном самолете ВВС США.

Одновременно бухгалтер, который мирно уживался в Дервенте с новатором-изобретателем, продолжал делать одну инвестицию за другой. Он купил несколько дышавших на ладан заводов по производству боеприпасов в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Пять текстильных фабрик в Новой Англии. Химические предприятия на обнищавшем и пораженном массовой безработицей юге страны. И все же к концу Великой депрессии его состояние сводилось к нескольким контрольным пакетам акций, приобретенных по смехотворно низким ценам, а к тому времени вообще неликвидных. Позже Дервент хвастался, что мог тогда полностью ликвидировать свою корпорацию и вырученных денег ему хватило бы разве что на трехлетний «шевроле».

Джек припомнил слухи, что некоторые из методов, к которым прибегал в трудный период Дервент, чтобы удержаться на плаву, были далеко не безупречны с точки зрения закона. Поговаривали, что он занимался бутлегерством. Контролиро-

вал проституцию на Среднем Западе. Активно вкладывался в контрабандные операции на южном побережье, где владел заводами химических удобрений. И конечно же, не мог пройти мимо зарождавшегося на западе игорного бизнеса.

Но вероятно, самым громким приобретением Дервента стала шедшая ко дну киностудия «Топ марк», которая не сняла ни одного фильма с тех пор, как в 1934 году их главная звезда — девочка-подросток, известная как Крошка Марджери Моррис, — умерла от передозировки героина в возрасте четырнадцати лет. Славу ей принесли роли сладеньких семилетних ангелочков, которые помогали сохранить рушившиеся семьи или спасали от рук живодеров собачек, несправедливо обвиненных в убийстве цыплят. «Топ марк» устроила ей самые пышные похороны в истории Голливуда. По официальной версии, Крошка Марджери якобы заразилась неизлечимой болезнью, навестив сиротский приют в Нью-Йорке, но нашлись циники, шутившие, что студия не поскупилась на венки, поскольку уже знала, что это ее собственные похороны.

Руководство киностудией Дервент целиком доверил сексуальному маньяку по имени Генри Финкель, и за два года до Перл-Харбора «Топ марк» выпустила шестьдесят кинокартин, пятьдесят пять из которых стали прямым вызовом комитету Хейеса, откровенным плевком в души всех блюстителей нравственности в кино. Еще пять лент были учебными фильмами, снятыми по заказам правительства. Зато у публики продукция «Топ марк» стала пользоваться оглушительным успехом. В одном из фильмов оставшийся безвестным художник по костюмам предложил героине для сцены бала вечернее платье с бюстгальтером без бретелек и с таким вырезом сзади, что было открыто все, кроме разве что родинки на ягодице. Идею этого новшества тоже приписали Дервенту, и его известность, пусть несколько скандальная, еще более возросла.

По-настоящему богатым его сделала война, и он оставался богачом по сей день. Жить он предпочитал в Чикаго, редко появлялся на людях, за исключением заседаний совета директоров «Дервент энтерпрайзис» (где правил железной рукой), и, по слухам, являлся владельцем авиакомпании «Юнайтед эйрлайнз», Лас-Вегаса (в котором, помимо четырех отелей-

казино, числившихся за ним официально, он контролировал по меньшей мере еще шесть), Лос-Анджелеса да и чуть ли не всех Соединенных Штатов Америки. Близко знакомый с членами королевских семей, президентами и крупнейшими воротилами преступного мира, он, по мнению многих, был самым богатым человеком на планете.

Но даже Дервент не сумел заставить работать на себя «Оверлук», подумал Джек. Он ненадолго отложил альбом, достав небольшую записную книжку и механический карандаш, которые всегда носил в нагрудном кармане. Быстро сделав пометку: «См. материалы на Х. Дервента в биб-ке Сайдуайнд», он убрал записную книжку и снова взялся за альбом. На его лице застыло сосредоточенное выражение, глаза остекленели. Переворачивая листы, он то и дело вытирал губы.

Последующие материалы он лишь пролистал, пообещав себе изучить их подробнее позже. В основном это были короткие информационные сообщения, распространявшиеся самим отелем. Такая-то знаменитость ожидалась в «Оверлуке» на следующей неделе, другая устраивала вечеринку в холле (во времена Дервента его неофициально прозвали «Красноглазым холлом»). Для развлечения постояльцев приглашали известных артистов из Вегаса, а среди гостей встречались имена руководителей и звезд студии «Топ марк».

Затем Джеку попалась вырезка, датированная 1 февраля 1952 года:

ИЗВЕСТНЫЙ МИЛЛИОНЕР РАСПРОДАЕТ СОБСТВЕННОСТЬ В КОЛОРАДО

По словам Дервента, сделка, заключенная с группой инвесторов из Калифорнии, включает «Оверлук» и другие предприятия

Родни Конклин, редактор финансового отдела

В кратком коммюнике, выпущенном вчера из непроницаемых для посторонних стен чикагской штаб-квартиры «Дервент энтерпрайзис», сообщалось, что миллионер (а

возможно, и миллиардер) Хорас Дервент избавился от всей своей собственности в Колорадо в ходе потрясающей по масштабам финансовой операции, которая будет окончательно завершена к 1 октября 1954 года. В Колорадо капиталы Дервента были вложены в разработку месторождений природного газа и угля, в производство электроэнергии, а также в компанию «Колорадо саншайн, Инк.», которая полностью владеет или имеет опционы на более чем 500 тысяч акров земельных угодий.

Наиболее известное предприятие Дервента в Колорадо — отель «Оверлук» — уже продано, как сообщил он сам в одном из редких заявлений для прессы. Покупателем стала группа инвесторов из Калифорнии во главе с Чарльзом Грондином, бывшим директором корпорации «Калифорния лэнд девелопмент». В то время как сам Дервент отказался назвать продажную цену отеля, из информированных источников нам стало известно...

Таким образом, он продал здесь все до нитки. А не только «Оверлук». И все же... Все же...

Джек вытер губы и пожалел, что не может выпить. Под добрый стаканчик разобраться во всем этом было бы куда легче. Он перевернул еще несколько листов.

Калифорнийская группа продержалась в отеле два сезона, а потом продала его компании из Колорадо под названием «Маунтинвью ризортс». Та, в свою очередь, обанкротилась в 1957 году, что сопровождалось шумным скандалом и обвинениями в коррупции, злоупотреблениях служебным положением и обмане рядовых держателей акций. Президент компании застрелился через два дня после получения повестки с вызовом для дачи показаний перед Большим жюри присяжных.

До конца десятилетия отель простоял закрытым. К тому периоду относилась только одна газетная вырезка из воскресного приложения под заголовком «БЫВШИЙ МОДНЫЙ ОТЕЛЬ ПРИХОДИТ В УПАДОК». Фото, сопровождавшие статью, болью отозвались в сердце Джека: облупившаяся краска на парадной террасе, облысевшая грязная лужайка, окна с выбитыми стеклами. Если он напишет когда-нибудь книгу, то

эта история непременно станет ее частью — феникс, обратившийся в пепел, чтобы потом восстать из него. И он дал себе слово как можно тщательнее ухаживать за отелем, по-настоящему заботиться о нем. Он понял, что до этого дня не понимал в полной мере, какой груз ответственности взял на себя, согласившись стать смотрителем «Оверлука». Это была почти историческая миссия.

В 1961 году четыре писателя, причем двое из них — лауреаты Пулитцеровской премии, взяли «Оверлук» в аренду, чтобы открыть его как школу для будущих литераторов. Продлилось это всего год. Какой-то студент напился в одной из комнат четвертого этажа и выпрыгнул наружу, высадив окно вместе с рамой. Он упал на бетонную площадку перед террасой и разбился насмерть. Репортеры намекали на самоубийство.

Ни в одном крупном отеле не обходится без скандалов, сказал Уотсон. *Как и без привидений. Спросишь почему? Да потому, черт возьми, что через них проходят такие толпы людей...*

И внезапно у Джека возникло чувство, словно он почти физически ощущает, как «Оверлук» давит на него всей своей массой, всеми ста десятью номерами, кладовками, кухней, стенными шкафами, морозильником, баром, бальным залом, рестораном...

(*А в комнату все женщины заходят и выходят*)

(*... и Красная смерть властвовала повсюду.*)

Джек вытер губы и перевернул очередной лист альбома. Он уже добрался до последней его трети, но только сейчас впервые задумался, кому мог этот альбом принадлежать. Кто оставил его поверх самой высокой стопки коробок со старыми бумагами, хранившимися в подвале?

Еще один заголовок, датированный 10 апреля 1963 года:

ГРУППА ИЗ ЛАС-ВЕГАСА ПОКУПАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЛЬ В КОЛОРАДО

Живописный «Оверлук» станет закрытым клубом

Роберт Т. Леффинг, представитель группы инвесторов, объединившихся в компанию «Хай кантри инвестментс», объявил сегодня в Лас-Вегасе, что он с партнерами ведет

переговоры о приобретении знаменитого отеля «Оверлук» — курорта, расположенного высоко в Скалистых горах. Лефинг отказался назвать имена других инвесторов, но сообщил о плане превратить гостиницу в эксклюзивный клуб, действующий по принципу «своего ключа». По его словам, группа, которую он представляет, надеется, что членство в клубе оплатят представители бизнес-элиты самого высокого ранга, как из американских, так и из зарубежных фирм.

«Хай кантри» уже владеет отелями в штатах Монтана, Вайоминг и Юта.

«Оверлук» приобрел всемирную известность в 1946—1952 годах, когда принадлежал загадочному мультимиллионеру Хорасу Дервенту, который...

Вклейка на следующей странице оказалась лишь краткой информационной заметкой, опубликованной четыре месяца спустя. «Оверлук» открылся под руководством новой администрации. Очевидно, репортерам газеты не удалось узнать, кто реально стоял за этой сделкой, или их не особо это интересовало, потому что не упоминалось никаких имен. Только «Хай кантри инвестментс» — самая анонимная из всех компаний, названия которых когда-либо встречались Джеку, если не считать сети, торговавшей в Новой Англии велосипедами и запчастями к ним. Та называлась просто «Бизнес Инк.».

Он перевернул страницу и изумленно уставился на следующую статью.

МИЛЛИОНЕР ДЕРВЕНТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В КОЛОРАДО ЧЕРЕЗ ЧЕРНЫЙ ХОД?

«Хай кантри» возглавляет Чарльз Грондин

Родни Конклин, редактор финансового отдела

Отель «Оверлук» — живописный курорт в горах Колорадо, который уже был в свое время личной игрушкой миллионера Хораса Дервента, оказался в центре клубка финансовых манипуляций, только что ставших достоянием гласности.

10 апреля прошлого года отель был приобретен фирмой из Лас-Вегаса «Хай кантри инвестментс», которая планировала превратить его в закрытый клуб для представителей деловой элиты — как доморощенной, так и зарубежной. Но, по сведениям из хорошо информированных источников, «Хай кантри» возглавляет небезызвестный 53-летний Чарльз Грондин, который руководил корпорацией «Калифорния лэнд девелопмент» до 1959 года, когда сложил свои полномочия, чтобы стать исполнительным вице-президентом базирующейся в Чикаго группы «Дервент энтерпрайзис».

Многих это привело к логичному выводу, что «Хай кантри инвестментс» может находиться под контролем Дервента, который, таким образом, приобрел «Оверлук» вторично, причем на этот раз при весьма странных обстоятельствах.

Нам не удалось связаться с Грондином, который, напомним, в 1960 году оказался под судом за уклонение от уплаты налогов, но был оправдан. Когда же мы дозвонились до Хораса Дервента, ревностно оберегающий себя от контактов с прессой магнат отказался дать какие-либо комментарии по данному вопросу. Дик Боуз — член палаты представителей от округа Голден — призвал провести тщательное разбирательство...

Эта статья была датирована 27 июля 1964 года. Рядом Джек обнаружил колонку из воскресного выпуска газеты за сентябрь того же года. Ее вел Джош Браннигар — автор острых журналистских расследований. Джек смутно припоминал, что Браннигар уже умер, то ли в 1968-м, то ли в 1969 году.

ЗАПОВЕДНИК МАФИИ В КОЛОРАДО?

Джош Браннигар

Отныне представляется весьма вероятным, что новым местом отдохновения для главарей Организации в США стала гостиница, расположенная в укромном уголке Скалистых гор. Отель «Оверлук» — весьма обременительная собственность, из которой с момента ее основания в 1910

году безуспешно пытались извлекать прибыль не менее десятка различных фирм и частных лиц, — превратился в закрытый клуб, организованный по принципу «своего ключа» для якобы не знающих, куда им еще деть деньги, бизнесменов. Но главный вопрос заключается в том, *каким именно* бизнесом занимаются обладатели эксклюзивных ключей от апартаментов в «Оверлуке».

Имена членов клуба, гостивших там в течение недели, с 16 по 23 августа, могут дать некоторое представление об этом. Нижеследующий список был добыт для нас бывшим сотрудником «Хай кантри инвестментс», которая, как некоторое время полагали, являлась подставной компанией Хораса Дервента. Теперь кажется более правдоподобным, что доля Дервента в «Хай кантри» (если он вообще обладает таковой) значительно уступает доле нескольких баронов игорного бизнеса из Лас-Вегаса. Они же, в свою очередь, известны прочными связями с предполагаемыми и установленными крестными отцами мафии.

В течение всего лишь одной солнечной недели августа в «Оверлуке» успели побывать:

Чарльз Грондин, президент «Хай кантри инвестментс». Когда в июле в печать просочились сведения, что именно он стоит у штурвала «Хай кантри», Грондин поспешил (но почему-то со значительным опозданием) информировать общественность, что больше не занимает ответственных постов в «Дервент энтерпрайзис». Седовласый и импозантный мужчина, Грондин, который отказался побеседовать со мной перед написанием этой колонки, едва избежал тюрьмы за уклонение от уплаты налогов, но был по суду оправдан (в 1960 году).

Чарльз (Детка Чарли) Батталья, 60-летний воротила из Вегаса, владеет контрольными пакетами «Гринбэка» и «Лаки боунз» на Стрипе. Батталья — очень близкий друг Грондина. Его криминальное прошлое тянется с 1932 года, когда его судили за убийство в гангстерском стиле Джека Голландца Моргана, но он был оправдан. Подозревается федеральными властями в торговле наркотиками, организации притонов для проституток и ряде заказных убийств. Одна-

ко за решетку Детка Чарли попал только один раз, отбыв в 1955—1956 годах срок за уклонение от уплаты налогов.

Ричард Скейм, главный держатель акций «Фан тайм аутомэтик машинз» — фирмы, производящей «однооруких бандитов» для всех казино Невады, установки для игры в пинбол и музыкальные автоматы («Мелоди-койн»), которые продаются по всей стране. Отбывал тюремные сроки за вооруженное нападение (1940 г.), незаконное ношение оружия (1948 г.) и заговор с целью налогового мошенничества (1961 г.).

Питер Цейсс, торговец импортными товарами, базирующийся в Майами, которому уже под семьдесят. В течение последних пяти лет вынужден вести юридическую борьбу против решения о своей депортации как нежелательного иностранного лица на территории США. Сидел в тюрьме по обвинению в скупке и сокрытии краденого (1958 г.) и в заговоре с целью налогового мошенничества (1954 г.). Обаятелен, обладает представительной внешностью и светскими манерами. Близкие знакомые называют его Папаша. Был судим за убийство и соучастие в убийстве. Крупный держатель акций «Фан тайм» Ричарда Скейма и совладелец четырех казино в Лас-Вегасе.

Витторио Джиенелли, известный также как Вито-Мясник. Дважды попадал под суд за гангстерские убийства, одно из которых было совершено с помощью топора, когда мафия разделалась с отошедшим от дел бостонским крестным отцом Фрэнком Скоффи. Джиенелли подвергался аресту двадцать три раза, судим четырнадцать раз, но обвинительный приговор ему был вынесен лишь однажды — за магазинную кражу в 1940 году. По словам осведомленных людей, в последние годы Джиенелли приобрел большое влияние в западном отделении Организации, центром которого является Лас-Вегас.

Карл Джимми-Рикс Прашкин, инвестор из Сан-Франциско, считающийся будущим наследником империи, которой ныне заправляет Джиенелли. Прашкину принадлежат крупные пакеты акций «Дервент энтерпрайзис», «Хай кантри инвестментс», «Фан тайм аутомэтик машинз» и три казино в Лас-Вегасе. Он чист перед американским законом,

но подвергался судебному преследованию в Мексике по обвинению в мошенничестве, которое по неясным причинам было с него снято всего через три недели после выдвижения. Прашкин подозревается в том, что именно он возглавляет нелегальные операции по отмыванию денег, полученных казино Лас-Вегаса, с целью последующего вложения крупных сумм в легитимные предприятия, принадлежащие Организации на западе страны. К числу подобных заведений теперь, по всей видимости, следует отнести и отель «Оверлук» в Колорадо.

Среди прочих постояльцев отеля в нынешнем сезоне заслуживают внимания...

Список продолжался, но Джек лишь бегло просмотрел его, то и дело вытирая губы рукой. Банкир с обширными связями в Лас-Вегасе. Люди из нью-йоркского «Швейного района»*, которые занимались там явно не изготовлением предметов гардероба. Лица, причастные к наркотикам, проституции, ограблениям, убийствам.

Бог ты мой, вот это сюжет! И все они жили здесь. Прямо здесь, в расположенных у него над головой и сейчас пустующих номерах. Вероятно, чаще всего занимая апартаменты четвертого этажа вместе со своими дорогими шлюхами. Распивая шампанское ящиками. Заключая многомиллионные незаконные сделки как раз в том самом люксе, где останавливались президенты США. Это была готовая книга. И притом дьявольски интересная. Немного нервным движением Джек опять достал записную книжку и сделал в ней пометку для себя: непременно узнать подробности обо всех этих темных личностях в Денвере, когда срок его работы здесь подойдет к концу. В каждом отеле есть свое привидение? Если так, то в «Оверлуке» их должно быть сонмище. Сначала самоубийство, затем мафия, а что же дальше?

Следующая публикация оказалась гневным опровержением Чарльзом Грондином заметки Браннигара. Джек только посмеялся над ним.

---

* Ряд кварталов Манхэттена, известных ателье и магазинами одежды.

Вырезка на другом листе получилась такой объемистой, что ее пришлось сложить. Джек развернул газетную полосу и хрипло охнул. Фото произвело на него шокирующее действие. С июня 1966 года обои, конечно, поменяли, но окно и вид из него узнавались безошибочно. Это была западная сторона президентского люкса. «Что дальше?» — только что спросил он сам себя. Убийство, вот что было дальше. Стену гостиной рядом с дверью в спальню покрывало огромное пятно крови с белыми вкраплениями, которые могли быть только кусочками ткани человеческого мозга. Полисмен с невозмутимым лицом стоял над накрытым одеялом трупом. Джек всматривался в снимок, жадно впитывая каждую деталь, а потом ему в глаза бросился заголовок.

ГАНГСТЕРСКОЕ УБИЙСТВО В ИЗВЕСТНОМ ОТЕЛЕ
Предполагаемый король преступного мира застрелен
в эксклюзивном клубе
Убиты еще два человека

Сайдуайндер, Колорадо (Ю-пи-ай)

Всего в сорока милях от этого сонного городка в Колорадо, в самом сердце Скалистых гор, была совершена казнь по всем канонам гангстерских разборок. Отель «Оверлук», купленный три года назад фирмой из Лас-Вегаса и превращенный в закрытый эксклюзивный клуб, стал местом тройного убийства с применением огнестрельного оружия. Двое погибших были либо компаньонами, либо телохранителями Витторио Джиенелли, известного также под кличкой Мясник из-за его предполагаемого участия в кровавом преступлении в Бостоне двадцать лет назад.

Полицию вызвал управляющий отелем Роберт Норман, который сообщил, что слышал выстрелы. По словам некоторых постояльцев, они видели, как двое вооруженных дробовиками мужчин в чулочных масках на головах поспешно спустились по пожарной лестнице и уехали в кабриолете последней модели светло-коричневого цвета.

Патрульный Бенджамин Мурер первым обнаружил трупы двоих мужчин, позже идентифицированных как Виктор

Т. Бурман и Роджер Макасси (оба жители Лас-Вегаса), у дверей так называемого президентского люкса, где действительно в свое время останавливались два президента США. Внутри Мурер увидел на полу тело Джиенелли. Последний, вероятно, пытался спастись бегством в тот момент, когда его настигли пули. Мурер сказал также, что Джиенелли был застрелен из дробовика крупного калибра с близкого расстояния.

С Чарльзом Грондином — представителем компании, которая в настоящее время владеет «Оверлуком», — связаться не удалось...

Под вырезкой кто-то шариковой ручкой вывел крупными буквами: *Они забрали с собой его яйца*. Джек долго вчитывался в эту фразу, чувствуя легкий озноб. Кому же, черт возьми, принадлежал этот альбом?

Потом он сглотнул комок в горле и перевернул страницу. Еще одна колонка Джоша Браннигара, но только датированная началом 1967 года. Он не стал читать ничего, кроме заголовка: «ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЛЬ ПРОДАН ПОСЛЕ УБИЙСТВА КРИМИНАЛЬНОГО АВТОРИТЕТА».

Остальные листы альбома оказались пусты.

(*Они забрали с собой его яйца.*)

Джек еще раз вернулся к началу, пытаясь обнаружить хоть какое-то имя или адрес. Быть может, даже номер комнаты в отеле. Потому что был твердо уверен, что человек, собиравший эти материалы, непременно жил в «Оверлуке». Но не нашел ничего.

Он приготовился вновь пройтись по всем вырезкам, и на этот раз более внимательно, когда откуда-то сверху его окликнули:

— Джек? Где ты, дорогой?

Джек вздрогнул, ощутив нечто вроде чувства вины, словно выпивал здесь втихаря и теперь запах непременно выдаст его. Вот нелепость. Он вытер губы рукой и отозвался:

— Я здесь, детка. Выслеживаю крыс.

Она спускалась вниз. Он слышал ее шаги по лестнице, а затем по полу бойлерной. Быстрым движением, даже не заду-

мываясь, почему делает это, Джек спрятал альбом между кипами счетов и накладных. Распрямившись, вышел навстречу Уэнди через арку.

— Чем можно было заниматься здесь так долго? Уже почти три часа!

Он улыбнулся:

— Неужели так поздно? А я, понимаешь, ковырялся здесь, пытаясь найти, где они прятали трупы.

Но шутка зловещим звоном отозвалась в его собственной голове.

Она подошла ближе, и он инстинктивно сделал шаг назад, не в силах удержаться. Он знал, чего она добивалась. Ей хотелось по запаху понять, не пил ли он. Вероятно, она сама этого не осознавала, но он-то понимал, что происходит, и от этого чувствовал злость и неуместное сейчас раскаяние.

— У тебя кровоточат губы, — сказала она на удивление равнодушно.

— Что?

Он приложил руку ко рту и слегка поморщился. На пальце осталось пятнышко крови. Чувство вины усилилось.

— Ты снова трешь себе губы, — заметила она.

Он потупил взгляд и пожал плечами:

— Да, похоже на то.

— Для тебя это адская мука, верно?

— Нет, все не так уж страшно.

— Стало немного легче?

Он поднял на нее взгляд и с трудом переступил с ноги на ногу. И сразу все встало на свои места. Он подошел к жене, обнял ее за талию. Откинул в сторону прядь светлых волос и поцеловал Уэнди в шею.

— Да, легче, — сказал он. — А где Дэнни?

— Где-то бегает в отеле. На улице стало пасмурно. Ты голоден?

Он с притворной похотью положил ладони на ее обтянутые джинсами ягодицы.

— Я есть голодный как фольк, мадам.

— Поосторожней на поворотах, приятель. Не начинай того, чего не сможешь довести до конца.

— Что мадам иметь в виду? — Он продолжал поглаживать ее. — Изволить смотреть скабрезный фото? Хотеть извращенных поз?

Когда они двинулись в обратный путь, Джек успел бросить быстрый взгляд назад на коробку, куда сунул

(*чей же?*)

альбом с вырезками. Увидел лишь тени. Он испытывал облегчение, что ему удалось избежать расспросов Уэнди. Его физическое влечение к ней усилилось и перестало быть напускным.

— Быть может, займемся этим после обеда? — спросила Уэнди, поднимаясь по лестнице. — *Ой*, да щекотно же!

Она хихикнула и отпрянула от него.

— Тщекотно? Джек Торранс собираться показать вам, что есть настоящий тщекотно, мадам.

— Остынь немного, Джек. Как насчет сандвича с сыром и ветчиной... для начала?

Они вместе вышли из подвала, и Джек больше не оборачивался. Но у него из головы не шли слова Уотсона:

Ни в одном крупном отеле не обходится без привидений. Спросишь почему? Да потому, черт возьми, что через них проходят такие толпы людей...

А потом Уэнди захлопнула дверь, погрузив подвал в кромешную темноту.

Глава 19
ПЕРЕД НОМЕРОМ 217

А Дэнни в этот момент вспоминал слова другого сотрудника «Оверлука»:

Она сообщила, что видела кое-что в одном из номеров, где... Короче, там, где прежде случилось нечто очень плохое. Это номер двести семнадцать, и я хочу, чтобы ты мне пообещал, Дэнни, что не будешь в него заходить... Держись от него подальше...

Это была совершенно обыкновенная дверь, которая ничем не отличалась от других дверей на двух нижних этажах отеля.

Темно-серого цвета, она располагалась примерно в середине коридора, который шел от главной лестничной площадки третьего этажа. Цифры на двери были очень похожи на те, что обозначали номера квартир дома в Боулдере, где они жили в последнее время. Двойка, единица и семерка. И только-то. Эка невидаль! Прямо под цифрами виднелся небольшой стеклянный кружок глазка. Дэнни уже опробовал некоторые из них. Изнутри открывался широкий обзор коридора. А вот снаружи ты мог хоть трижды вывернуть глаза наизнанку, но все равно ничего не видел. Чистое надувательство.

(*Зачем ты здесь?*)

После прогулки по задворкам «Оверлука» они с мамой вернулись, и она приготовила ему любимые блюда на обед: консервированный суп с фасолью и сандвич с сыром и итальянской салями. Они ели на кухне Дика и разговаривали. Работало радио, из которого сквозь треск помех доносились тихие звуки музыки с радиостанции в Эстес-Парке. Кухня была любимым местом Дэнни во всем отеле, и, как он догадывался, маме с папой здесь тоже нравилось, потому что, пообедав первые три дня в зале ресторана, они дружно решили отныне есть в кухне, поставив стулья вокруг разделочного стола Дика Холлорана, который размерами ничуть не уступал их обеденному столу в Стовингтоне. Что до ресторана, то обстановка в нем действовала угнетающе, пусть там ярко горели люстры и можно было слушать музыку, включив кассетный магнитофон в офисе. Все равно они сидели там втроем, за одним из столов, окруженным десятками других, пустых и накрытых прозрачными полиэтиленовыми чехлами. Мама сказала, что это все равно как обедать в романе Хораса Уолпола, и папа со смехом с ней согласился. Дэнни ничего не знал о Хорасе Уолполе, но он не мог не заметить, что мамина стряпня стала будто вкуснее с тех пор, как они перебрались на кухню. Там он постоянно натыкался на незначительные следы личности Дика Холлорана, и это согревало его, подобно прикосновению теплых рук.

Мама съела половину своего сандвича, а к супу не прикоснулась. Она предположила, что папа, вероятно, тоже решил отправиться на прогулку пешком, потому что и «фольксваген», и гостиничный пикап стояли на парковке. Потом она сказала,

что устала и могла бы, пожалуй, часик отдохнуть, если он уверен, что сможет сам себя развлечь и ничего не натворить при этом. С набитым колбасой и сыром ртом Дэнни заверил ее, что справится.

— Почему бы тебе не пойти на игровую площадку? — спросила она. — Мне казалось, что она должна тебе понравиться. Можно погонять машинки в песочнице, и там еще много всего.

Дэнни сглотнул, и еда сухим, жестким комком провалилась в желудок.

— Может, и пойду, — сказал он и отвернулся к радиоприемнику, принявшись крутить колесико настройки.

— И посмотри на всех этих замечательных зверушек в живой изгороди, — добавила она, забирая его пустую тарелку. — Уже скоро твоему папе придется найти время, чтобы немного подровнять их.

— Да, — согласился он.

(*Действительно, отвратительные штуки... Однажды видение было связано с теми чертовыми кустами, подстриженными под зверей...*)

— Если увидишь папу первым, скажи ему, что я отдыхаю.

— Конечно, мамочка.

Она сложила грязную посуду в раковину и подошла к сыну.

— Тебе здесь нравится, Дэнни?

— Угу, — промычал он. На его верхней губе осталась полоска молока.

— Больше никаких дурных снов?

— Никаких.

Тони явился к нему лишь однажды, когда он лежал в постели, и стал звать откуда-то издали. Но Дэнни плотно зажмурил глаза и дождался, чтобы Тони пропал.

— Это правда?

— Да, мама.

Ответ, казалось, удовлетворил ее.

— Как твоя рука?

Он покрутил ею.

— Уже намного лучше.

Она кивнула. Джек подобрал накрытое салатницей гнездо с замерзшими осами и отнес его в мусоросжигательную печь, стоявшую в сарае для инструментов. Больше осы ни разу не попадались им на глаза. Джек написал адвокату в Боулдер, приложив снимки руки Дэнни, и юрист вскоре позвонил по телефону, испортив Джеку настроение на весь день. Адвокат сомневался, что можно выиграть дело в суде против производителя дымовых шашек, поскольку никто, помимо самого Джека, не мог подтвердить, что он в точности следовал инструкции на упаковке. Тогда Джек предложил купить еще несколько образцов шашек и проверить их на исправность. Конечно, это можно сделать, согласился адвокат, но результаты таких тестов все равно подвергнут сомнению, даже если все шашки окажутся дефектными. Он привел Джеку в качестве примера неудачный исход дела, когда один из его клиентов подал в суд на фирму, изготовлявшую раздвижные лестницы, после того как упал с одной из них и повредил себе позвоночник. Уэнди громко поддерживала жалобы мужа, но втайне просто радовалась, что Дэнни так легко отделался. Судебные тяжбы, по ее мнению, следовало предоставить людям, которые на этом собаку съели, а семья Торранс явно не относилась к их числу. И кроме того, осы действительно их больше не беспокоили.

— Пойди и поиграй, док. Развлекайся.

Но развлекаться Дэнни не стал. Он лишь бесцельно бродил по отелю, заглядывая в стенные шкафы горничных и кладовки уборщиков, выискивая хоть что-нибудь интересное, но ничего не находя, — маленький мальчик, топавший по темно-синей ковровой дорожке с замысловатыми черными узорами. Время от времени он дергал за дверные ручки номеров, но все они были, разумеется, заперты. Универсальный ключ, подходивший ко всем замкам, висел в кабинете, и Дэнни знал, где именно, но папа строго-настрого запретил прикасаться к нему. Да он и не хотел этого делать. Или все же хотел?

(*Зачем ты здесь?*)

Но если разобраться, ничего бесцельного в этом не было. Номер 217 манил его к себе, возбуждая нездоровое любопытство. Он вспомнил сказку, которую папа однажды прочитал ему

в состоянии сильного подпития. Было это давно, но история сохранилась в памяти так живо, словно папа прочитал ее только вчера. Мама потом отругала отца, спрашивая, как можно читать трехлетнему малышу такие страсти. Сказка называлась «Синяя Борода». Это ему тоже хорошо запомнилось, потому что в папином нетвердом произношении название сначала послышалось Дэнни как «Синяя ворона», хотя ни о какой вороне там не упоминалось — ни о синей, ни о белой. И вообще главной героиней была жена Синей Бороды — красивая леди со светлыми волосами, как у мамы. После того как Синяя Борода женился на ней, они поселились в большом мрачном замке, чем-то похожем на «Оверлук». Каждый день, отправляясь на работу, Борода предупреждал свою красавицу жену, чтобы она ни в коем случае не заглядывала в одну из комнат, хотя ключ от нее висел на самом видном месте, в точности как универсальный ключ от дверей отеля висел на стене в офисе. И вот жену Бороды стало переполнять любопытство, что же такое может быть в той запертой комнате. И она пыталась подсматривать в замочную скважину, как Дэнни заглядывал в глазок номера 217, но тоже без успеха. В книжке даже был рисунок, на котором женщина, стоя на коленях, пробовала смотреть *в щель под дверью*, но та оказалась слишком узкой. А потом дверь неожиданно сама распахнулась и...

В старом издании книги сказок увиденное женщиной смаковалось во всех леденящих душу подробностях. Эта сцена навсегда запечатлелась в сознании Дэнни. В комнате хранились отрубленные головы семи предыдущих жен Синей Бороды, каждая — на отдельном постаменте, с помертвевшими глазами и ртами, распахнутыми в ужасном безмолвном крике. Непостижимым образом эти головы стояли на шеях, отрубленные ударом обоюдоострого меча, и кровь продолжала струиться по постаментам.

Вне себя от страха, женщина повернулась, чтобы выбежать и из комнаты, и из самого замка, но увидела, что в дверях уже стоит Синяя Борода и смотрит на нее испепеляющим взором. «Я же запретил тебе входить в эту комнату, — сказал Борода, доставая из ножен меч. — Но, увы, в своем любопытстве ты ничем не отличаешься от тех семи, а потому, хотя я и любил

тебя сильнее их всех, конец тебе уготован такой же. Приготовься к смерти, порочная женщина!»

У Дэнни осталось смутное впечатление, что у сказки все-таки был благополучный конец, но он не имел ровным счетом никакого значения в сравнении с двумя доминирующими образами: манящая, сводящая с ума запертая дверь, за которой таилась некая великая тайна, и сама по себе эта жестокая тайна, причем не одна, а сразу семь! Дверь на замке и головы, хранившиеся за ней. Отрубленные головы.

Рука Дэнни потянулась и дотронулась до ручки двери номера. Как будто ненароком. Он совершенно потерял счет времени и не смог бы сказать, как долго уже простоял, зачарованный обыкновенной серой деревянной дверью, которая была заперта.

(*Мне иногда казалось, что я вижу страшные вещи... действительно отвратительные вещи...*)

Но ведь мистер Холлоран — Дик — говорил и о том, что, как он считает, эти вещи не могут причинить ему зла. Это как страшные картинки в книжке, не более того. И возможно, он вообще ничего такого не увидит. Но с другой стороны...

Дэнни запустил руку в карман и вынул ее уже вместе с универсальным ключом. Ключ, разумеется, все это время был там.

Дэнни держал его за квадратную металлическую пластину, на которой кто-то вывел фломастером слово «ОФИС». Затем принялся крутить ключ на цепочке, наблюдая, как он описывает круги в воздухе. Через пару минут он поймал ключ и вставил его в замочную скважину. Ключ скользнул в нее мгновенно, не потребовав ни малейшего усилия, словно ему самому не терпелось оказаться там.

(*Мне иногда казалось, что я вижу страшные вещи... действительно отвратительные вещи... я хочу, чтобы ты мне пообещал, что не будешь туда заходить.*)

(*Обещаю, сэр.*)

Обещание, конечно же, следовало выполнить. Обязательно. Но любопытство мучило его, как безумная чесотка в том месте, которое тебе ни в коем случае нельзя расчесывать. Это было любопытство, смешанное со страхом, которое заставляет порой закрывать глаза ладонью в жутком месте фильма, но

все же подглядывать на экран сквозь растопыренные пальцы. А за этой дверью находилось нечто, совсем непохожее на кино.

(*Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя... все это как страшные картинки в книжке...*)

Внезапно левая рука Дэнни дернулась, и он сам не знал, как поступит, пока не вынул ключ из замка и не сунул обратно в карман. Он еще несколько секунд постоял, глядя на дверь широко распахнутыми серо-голубыми глазами, а потом резко развернулся и пошел в сторону лестничной площадки, расположенной под прямым углом к коридору.

Но что-то вдруг заставило его остановиться, и сначала он не понял, что именно. А затем вспомнил: сразу за углом, куда ему предстояло повернуть, прежде чем перед ним покажется лестничный холл, находился один из старых огнетушителей со свернувшимся на стене шлангом. Похожим на спящую змею.

Папа объяснил, что это отнюдь не современный химический огнетушитель, какие можно было увидеть, например, на кухне. Эта система являлась давней предшественницей нынешних автоматических распылителей. Длинный брезентовый шланг напрямую подсоединялся к водопроводу «Оверлука», и стоило лишь открыть вентиль, как ты один становился целым противопожарным расчетом. А еще папа сказал, что химические огнетушители, выпускавшие из себя пену или углекислый газ, работали куда лучше. Химикаты подавляли огонь, закрывая к нему доступ кислорода, который необходим для горения, в то время как струей под давлением можно было только распространить пламя еще дальше. По мнению папы, мистеру Уллману следовало давно заменить устаревшие пожарные «кишки» вместе с таким же антикварным бойлером, но мистер Уллман скорее всего пальцем не пошевелит, потому что он — ЖАДНАЯ МЕЛОЧНАЯ СВОЛОЧЬ. Дэнни знал, что в устах отца это было едва ли не худшим, что он мог сказать о человеке. Это определение часто применялось им по отношению к разного рода докторам, стоматологам и ремонтным рабочим, а также к главе отдела английской филологии в Стовингтоне, который постоянно отказывался выписать нужные папе книги, ссылаясь на ограниченность бюджета.

— Бюджетных средств ему не хватает, видите ли! — кипятился он в разговоре с Уэнди. Дэнни все слышал из своей комнаты, хотя ему полагалось давно спать. — Он просто хочет положить последние пятьсот долларов себе в карман. ЖАДНАЯ МЕЛОЧНАЯ СВОЛОЧЬ!

Дэнни выглянул за угол.

Да, огнетушитель висел на своем месте — плоский шланг свернут, красный бак прикреплен к стене. Поверх всего этого покоился топорик в стеклянном ящике, похожем на музейную витрину. «ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ РАЗБЕЙТЕ СТЕКЛО», — гласили белые буквы на красном фоне. Дэнни мог прочесть слова «чрезвычайная ситуация», потому что так называлась одна из его любимых телепередач. Насчет остального уверенности не было. Но и употребление термина «чрезвычайная ситуация» в отношении этого длинного шланга его тревожило. Чрезвычайные ситуации ассоциировались у него со взрывами газа, с автокатастрофами, с больницами и нередко — со смертью людей. И еще ему с самого начала не понравился этот шланг, как будто затаившийся на стене. Когда он был один, Дэнни всегда старался проскочить мимо огнетушителя как можно быстрее. Без особых причин. Просто так он чувствовал себя комфортнее. И безопаснее.

Вот и теперь он вышел из-за угла с заметно участившимся сердцебиением и посмотрел мимо огнетушителя в сторону лестничной площадки. Там, внизу, была мама, которая прилегла отдохнуть. И если папа вернулся с прогулки, он, вероятно, сидел в кухне, ел сандвич и читал книгу. Ему нужно только пройти мимо старого огнетушителя и спуститься по ступенькам.

Он двинулся вперед, держась как можно ближе к противоположной стене и даже касаясь правой рукой дорогих шелковых обоев. Осталось сделать двадцать шагов, пятнадцать...

Когда он оказался всего в десяти шагах от огнетушителя, медный наконечник шланга внезапно скатился с плоской поверхности, на которой лежал,

(*спал?*)

и с глухим стуком упал на ковровую дорожку, устремив темное отверстие прямо на Дэнни. Тот сразу замер, подавшись

плечами вперед, сам пораженный своим нешуточным испугом. Кровь громко стучала у него в ушах и в висках. Во рту появилось ощущение сухости и кислятины, ладони сами собой сжались в кулаки. Но наконечник шланга всего лишь лежал на полу, тускло поблескивая желтоватым металлом, — полоса плоского шланга по-прежнему соединяла его с красным щитом на стене.

Ну и что, если он упал? Это ничего не значит. Всего лишь огнетушитель, и только-то. Глупо было видеть в нем сходство с головой ядовитой змеи из телешоу «В мире животных», которая заслышала его приближение и проснулась. Даже если простроченный брезент шланга немного напоминал чешуйчатую кожу. Он сейчас легко перешагнет через него и продолжит путь к лестнице, но только пойдет, наверное, чуть быстрее, чтобы не дать этой штуке успеть броситься ему вслед и обвиться вокруг ноги...

Он вытер губы левой рукой, бессознательно имитируя жест отца, и сделал шаг вперед. Шланг не шевелился. Еще шаг. Ничего. Ну вот, видишь, до чего ты глуп? Слишком переволновался, думая о той дурацкой комнате и о глупой истории про Синюю Бороду, а этот кусок меди мог, вероятно, упасть в любой момент. Все очень просто.

Но Дэнни продолжал смотреть на шланг и вспомнил об осах.

Валявшийся в восьми шагах от него наконечник шланга спокойно поблескивал на ковре, словно хотел сказать: *Не беспокойся. Я — всего лишь шланг, вот и все. Но даже если это еще не все, я не смогу сделать тебе ничего больнее укуса пчелы. Или осы. Какой вред я могу причинить такому хорошему маленькому мальчику, как ты? Разве что жалить... и жалить... и жалить!*

Дэнни шагнул вперед. И еще раз. Пересохшее горло сделало его дыхание хрипловатым. Им начала овладевать настоящая паника. Ему уже даже хотелось, *чтобы шланг дернулся*. Тогда он по крайней мере будет знать наверняка, будет готов. Еще шаг, и он оказался на расстоянии, удобном для нападения. Но ведь шланг не может сам на тебя напасть, уже почти в истерике подумал он. Как может *атаковать* тебя и *ужалить* обыкновенный шланг?

Разве что в нем полно ос.

Внутри у Дэнни все заледенело. Он не сводил взгляда с темного отверстия в наконечнике, словно тот гипнотизировал его. Может быть, шланг *действительно* полон ос, стал для них тайным гнездом, и их коричневые тельца до такой степени переполнены осенним ядом, что он уже не держится внутри и стекает по жалам янтарными каплями?

Внезапно он осознал, что ему надо преодолеть паралич, вызванный ужасом. Что если он сейчас же не заставит свои ноги двигаться, они прирастут к ковру, и он останется стоять здесь, не сводя глаз с центра медного наконечника, как птичка под взглядом змеи, пока его не найдет папа. И что произойдет тогда?

С громким стоном Дэнни все же бросился бежать. Когда он поравнялся со шлангом, какой-то случайный отблеск создал у него полное впечатление, что наконечник сдвинулся с места, повернулся, чтобы напасть, и тогда он высоко подпрыгнул. В состоянии панического ужаса ему показалось, что ноги подбросили его вверх к самому потолку, что он даже скользнул своими жесткими темными волосами по потолочной штукатурке, хотя позже Дэнни понял, что это было совершенно невозможно.

Приземлившись по другую сторону шланга, он побежал, но почти сразу услышал звук устремившегося в погоню врага — сухой шелест медной змеиной головки, скользившей по ворсу ковра, как гремучая змея в сухой траве. Его настигали, а лестница была где-то бесконечно далеко и словно удалялась с каждым шагом.

Папа! — попытался выкрикнуть он, но горло сдавило так, что он не издал ни писка. Он был совсем один. А звук за спиной становился все громче, все тот же сухой шелест извивающегося змеиного тела, быстро скользившего по сухому ворсу ковровой дорожки. Вот змея уже настигла его и взметнулась выше, чтобы укусить за пятку, источая из своей медной пасти чистейший яд.

Дэнни добежал до лестницы и, чтобы не упасть, совершил сумасшедший пируэт, ухватившись за перила. На мгновение ему показалось, что сейчас он неизбежно потеряет равновесие и кувырком покатится вниз по ступеням.

Но потом он успел бросить взгляд назад через плечо.

Шланг не сдвинулся с места. Он остался лежать, как лежал, — одно кольцо размоталось вслед за упавшим наконечником, который равнодушно смотрел в противоположную от Дэнни сторону. *Ну что, глупыш?* — отругал он себя. *Ты все это только вообразил себе, трусишка несчастный, жалкий трус.*

Он стоял, вцепившись в перила. Ноги подрагивали от пережитого страха.

(*За тобой никто не гнался*)

подсказал ему разум, и он ухватился за эту фразу, мысленно повторяя ее.

(*никто не гнался, никто не гнался, никто и никогда*)

Бояться было совершенно нечего. Да что там! Он мог бы прямо сейчас вернуться и положить наконечник шланга на место. Если бы захотел. То есть он мог, конечно, но решил не делать этого. Потому что... Вдруг шланг за ним все-таки гнался, а потом быстро вернулся, когда понял, что чуть-чуть не успевает... настигнуть его?

Шланг лежал на ковре и всем своим видом словно приглашал попробовать еще раз.

Задыхаясь, Дэнни бросился вниз по ступенькам.

Глава 20
РАЗГОВОР С МИСТЕРОМ УЛЛМАНОМ

Публичная библиотека Сайдуайндера располагалась в небольшом старом домишке в квартале от центра города. Стены более чем скромного здания были увиты дикой лозой, а вдоль широкой бетонной дорожки, которая вела к входной двери, рядами выстроились сухие стебли — печальные останки летних цветов. На лужайке высилась крупная бронзовая статуя какого-то генерала времен гражданской войны, о котором Джек никогда не слышал, хотя подростком всерьез увлекался этой темой.

Подшивки газет хранились в подвале. Среди них преобладали старые номера местной «Газетт», обанкротившейся в 1963

году, ежедневного листка, выходившего в Эстес-Парке, и боулдерской «Камеры». Денверские издания отсутствовали.

Грустно вздохнув, Джек взялся за просмотр «Камеры».

Когда он дошел до 1965 года, вместо нормальных газетных полос ему предложили кассеты с микрофильмами. («Все благодаря федеральной дотации, — радостно сообщила ему библиотекарша. — Мы надеемся перевести на пленку все с тысяча девятьсот пятьдесят восьмого по шестьдесят четвертый год, когда получим следующий чек, но они пока не торопятся, вы же понимаете? Будьте очень осторожны, хорошо? Впрочем, вижу, что вы умеете обращаться с этим. Позовите меня, если что-то понадобится».)

Линзу единственного аппарата для чтения оказалось совершенно невозможно правильно сфокусировать, и когда сорок пять минут спустя Уэнди положила руку Джеку на плечо, голова у него раскалывалась от острой боли.

— Дэнни гуляет в парке, — сказала она, — но мне не хотелось бы оставлять его на улице слишком долго. Как думаешь, сколько тебе еще понадобится времени?

— Десять минут, — ответил Джек.

Вообще-то он уже проследил окончание увлекательной истории «Оверлука» за годы, прошедшие с убийства мафиозного главаря до воцарения Стюарта Уллмана с его командой. Но ему почему-то не хотелось признаваться Уэнди, что он закончил.

— Чем ты здесь занимался таким таинственным? — спросила она, потрепав его по волосам, но вопрос был шутливым лишь наполовину.

— Просто выяснял некоторые подробности истории «Оверлука», — сказал он.

— С какой-то определенной целью?

— Нет,

(*тебе-то что за дело до этого?*)

просто из любопытства.

— *Нашел что-нибудь интересное?*

— Ничего особенного. — Вот теперь ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не выдал раздражение. Она всегда и во все совала свой нос, донимала расспросами, не давала покоя еще в Стовингтоне, когда Дэнни был совсем мла-

денцем. *Куда ты уезжаешь, Джек? Когда вернешься? Сколько у тебя при себе денег? Ты возьмешь нашу машину? А Эл будет вместе с тобой? Сможет тогда хотя бы один из вас остаться трезвым?* И так без конца. Ведь это она, простите за выражение, довела его до ручки и вынудила прибегать к выпивке. Конечно, не только она, но и она тоже. Она зудела, зудела и зудела, пока у тебя не появлялось желание врезать ей как следует, чтобы заткнуть рот и остановить

(*Куда? Когда? Зачем?* А *как?* А *почему?*)

бесконечный поток вопросов. От него возникало мучительное ощущение

(*головной боли? похмелья?*)

головной боли. Этот дурацкий аппарат для чтения с искаженным текстом в линзе! Из-за него так раскалывается башка.

— У тебя все в порядке, Джек? Ты что-то побледнел...

Она попыталась дотронуться до его лба, но он резко уклонился.

— У *меня все отлично!*

Его злобный взгляд заставил ее отшатнуться. Она выдавила из себя подобие улыбки, но это далось ей с очевидным трудом.

— Что ж... Как скажешь... Я тогда пойду и подожду тебя в парке вместе с Дэнни.

Она повернулась, чтобы уйти. Улыбка растворилась и превратилась в гримасу удивления и обиды.

— Уэнди! — окликнул он ее.

Она оглянулась.

— Что, Джек?

Он встал и подошел к ней.

— Прости меня, детка. Наверное, мне действительно немного не по себе. Этот треклятый аппарат... У него линза неисправна. Очень болит голова. У тебя есть аспирин?

— Конечно. Есть анацин. — Она порылась в сумочке. — Оставь пока у себя.

Он взял металлическую пробирку.

— А экседрина нет?

Ее лицо сразу чуть заметно омрачилось, и он понял почему. Поначалу это было всего лишь грустной шуткой, но потом

проблема с алкоголем перестала быть поводом для смеха. Хотя он всерьез утверждал, что экседрин — единственное продающееся без рецепта средство, которое мгновенно исцеляет любой похмельный синдром. Исключительное по своему воздействию. Джек даже стал называть каждый свой утренний приступ похмелья «новым лабораторным испытанием экседрина на человеке».

— Экседрина нет, — ответила она. — Уж извини.

— Ничего, — сказал он, — анацин вполне подойдет.

Но анацин его не устраивал, и уж она-то могла бы разбираться в таких вещах. Однако иногда она вела себя как самая тупая корова...

— Хочешь, я принесу воды запить таблетку? — спросила она, уже немного успокоившись.

(*Нет, я хочу, чтобы ТЫ КАТИЛАСЬ ОТСЮДА К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ, И КАК МОЖНО СКОРЕЕ!*)

— Я воспользуюсь питьевым фонтанчиком, когда буду уходить. Спасибо.

— Хорошо. — Она начала подниматься по лестнице, ее красивые ноги грациозно двигались под короткой светло-коричневой шерстяной юбкой. — Мы будем в парке.

— Понял. — Он рассеянно сунул упаковку анацина в карман, вернулся к аппарату для чтения и выключил его. Убедившись, что жена ушла, поднялся наверх. Боже, такой головной боли у него не было очень давно! Если уж тебе голову сдавливают тисками, ты должен по меньшей мере иметь право насладиться парой стаканчиков, чтобы компенсировать страдания.

Но он тут же постарался избавиться от этой мысли, хотя настроение оставалось хуже некуда. Подошел к столу заведующей библиотекой, держа в руках упаковку спичек в виде книжечки, на которой был записан номер телефона.

— У вас здесь есть телефон-автомат, мэм?

— Нет, но вы можете воспользоваться моим телефоном, если звонок местный.

— Увы, междугородний.

— Что ж, в таком случае вам надо в аптеку. Там установлена кабинка.

— Благодарю вас.

Он вышел на улицу, миновал памятник неизвестному генералу и направился в сторону центра, засунув руки глубоко в карманы. В голове словно бухал свинцовый колокол. Небо тоже отливало свинцом. Наступило седьмое ноября, и погода изменилась. Уже несколько раз прошел небольшой снежок. Впрочем, первый снегопад случился еще в октябре, но тогда снег сразу растаял. Теперь же он местами задержался и в солнечную погоду даже радовал глаз хрустальным сверканием. Вот только сегодня солнце не пробилось сквозь облака, а когда Джек добрался до аптеки, вновь посыпались белые хлопья.

Будка с телефоном располагалась в дальнем углу заведения, и Джек как раз шел туда мимо полок с лекарствами, позвякивая в кармане мелочью, когда ему на глаза попались белые коробочки с зелеными надписями. Взяв одну из них, он вернулся к кассе, расплатился и снова направился в сторону телефона. Плотно закрыв дверь кабинки, высыпал на полку монеты, положил упаковку спичек с номером и набрал 0.

— Куда бы вы хотели позвонить, сэр?

— Пожалуйста, девушка, соедините меня с Форт-Лодердейлом во Флориде. — Джек назвал ей номер вызываемого телефона, а потом номер кабинки, откуда звонил. Она сообщила ему, что стоимость разговора составит доллар девяносто центов за первые три минуты, после чего он один за другим опустил в прорезь восемь четвертаков, морщась при каждом звонке, которым автомат возвещал, что принял монету к оплате.

Потом, когда ему оставалось только ждать соединения, слушая щелчки и писки на линии, он достал из белой коробочки пузырек с экседрином, открутил крышку, вынул лежавшую сверху ватку и бросил ее на пол кабинки. Зажав трубку между плечом и ухом, вытряхнул три таблетки и выложил их на полку рядом с остававшейся у него мелочью. Завинтил крышку и убрал пузырек в карман.

На другом конце провода трубку сняли после первого же гудка.

— «Серф-сэнд ризорт», чем могу вам помочь? — осведомился бойкий женский голос.

— Я бы хотел поговорить с управляющим.

— Вы имеете в виду мистера Трента или...

— Мне нужен мистер Уллман.

— Думаю, как раз сейчас мистер Уллман крайне занят, но если вы хотите, чтобы я проверила...

— Хочу. Передайте ему, что звонит Джек Торранс из Колорадо.

— Одну минутку, пожалуйста. — И она отошла от телефона.

Вся неприязнь Джека к напыщенному маленькому хлыщу Уллману нахлынула на него с новой силой. Он взял с полки таблетку экседрина, несколько секунд разглядывал ее, а потом отправил в рот и принялся жевать — медленно и со смаком. Вкус вернул давние воспоминания, в которых смешались наслаждение и печаль. Сухая горечь, но такая соблазнительная. Скорчив гримасу, он проглотил остатки лекарства вместе со слюной. Привычку разжевывать таблетки он приобрел в свои пьяные деньки и с тех пор не делал этого ни разу. Но при такой головной боли, как и при жестоком похмелье, казалось, что измельченная во рту таблетка действует быстрее. Он даже где-то вычитал, что привычка жевать обычный аспирин может перерасти в зависимость. Где ему это попалось? Он наморщил лоб, стараясь вспомнить, но в этот момент к телефону подошел Уллман.

— Торранс? У вас какие-то проблемы?

— Никаких проблем, — ответил он. — Котел все еще работает, а я пока еще даже не приступал к планированию убийства жены. Думаю заняться этим после праздников, когда станет совсем скучно.

— Очень смешно! Так зачем вы звоните? У меня слишком много дел здесь, чтобы...

— Да, вы занятой человек, понимаю. А звоню я по поводу некоторых славных и великих страниц из истории «Оверлука», о которых вы мне почему-то не сообщили. О том, например, как Хорас Дервент продал отель группе остроумнейших людей из Лас-Вегаса, а те, в свою очередь, перепродали его потом столько раз и стольким разным компаниям, что никакой налоговой службе оказалось не под силу выяснить, кто же его реальный владелец. И как они дождались подходящего момента, чтобы превратить его в игрушку для главарей мафии, после

чего в шестьдесят шестом году отель прикрыли, когда одного из них здесь немножечко пристрелили. Вместе с телохранителями, оберегавшими его покой у дверей президентского люкса. Потрясающее место, этот ваш президентский люкс! Вильсон, Гардинг, Рузвельт, Никсон и Вито-Мясник... Я ничего не перепутал?

Какое-то время на противоположном конце линии удивленно молчали, а потом Уллман очень тихо сказал:

— Не вижу, какое отношение все это может иметь к порученной вам работе, мистер Торранс. Тут нет...

— Но самое интересное началось уже после того, как здесь прикончили Джиенелли, вам так не кажется? Два простейших трюка. В какой руке монетка? А вот и не угадали! И «Оверлук» оказывается в собственности частного лица — женщины по имени Сильвия Хантер... Она, конечно же, по чистой случайности с сорок второго по сорок восьмой носила фамилию Дервент. Сильвия Хантер Дервент.

— Три минуты истекли, сэр, — вмешалась телефонистка. — Дайте знать, когда закончите разговор.

— Дражайший мистер Торранс. Все, о чем вы тут толкуете, — широко известные факты. Достояние давней истории.

— Мне эти факты известны не были, — возразил Джек. — И я сильно сомневаюсь, что публика широко осведомлена о них. По крайней мере далеко не обо всех. Вероятно, об убийстве Джиенелли действительно еще помнят многие, но едва ли кто-то имеет полное представление обо всех чудесах и странных манипуляциях с «Оверлуком» после сорок пятого года. И почему-то в выгоде всегда оставался сам Дервент или его помощники. Во что, например, превратила «Оверлук» Сильвия Хантер в шестьдесят седьмом — шестьдесят восьмом годах, а, мистер Уллман? В элитный бордель, не так ли?

— *Торранс!* — Шок в его голосе пронесся по двум тысячам миль телефонных кабелей, не претерпев ни малейших изменений.

Улыбаясь, Джек бросил в рот вторую таблетку экседрина и принялся жевать ее.

— Ей пришлось срочно продать отель после того, как в нем умер от сердечного приступа один очень известный сенатор.

По слухам, когда его тело обнаружили, на нем не было ничего, кроме черных нейлоновых чулок, пояса и пары туфель на шпильках. Изящных таких туфелек из лакированной кожи.

— Злонамеренная и ни на чем не основанная ложь! — выкрикнул Уллман.

— Неужели? — усмехнулся Джек. Он уже чувствовал себя намного лучше. Головная боль постепенно уходила. Он положил в рот последнюю таблетку экседрина и разжевал, наслаждаясь вкусом горьковатого порошка, тонким слоем покрывшего полость рта.

— Это был прискорбный несчастный случай, — сказал Уллман. — А теперь переходите к сути, Торранс. Что вам нужно? Если вы собираетесь накропать вонючую клеветническую статейку... Или в вашу дурную голову пришла идея шантажа...

— Ничего подобного, — перебил Джек. — Я позвонил потому, что вы не были со мной до конца откровенны. А еще...

— Не был *до конца откровенен*? — возопил Уллман. — Боже всемогущий, значит, я, по-вашему, должен был перетряхнуть все грязное белье отеля перед каким-то *смотрителем*? Да кем, черт побери, вы себя возомнили? И каким образом все эти давние случаи затрагивают лично вас? Или вы боитесь, что привидения будут разгуливать по коридорам западного крыла, накрывшись простынями и пугая вас криками по ночам?

— Нет, в привидения я не верю. Однако прежде чем дать мне работу, вы основательно покопались в моей личной жизни и в прошлом. Вы поставили меня в унизительное положение, подвергнув сомнению мою способность позаботиться о вашем отеле, и отчитали, как учитель школяра, справившего малую нужду в раздевалке. Вы вели себя со мной оскорбительно.

— Я просто ушам не верю! Никогда не сталкивался с такой дерзкой наглостью, — сказал Уллман, задыхаясь от возмущения. — Мне бы следовало немедленно вас уволить. И я, вероятно, так и поступлю.

— Боюсь, Эл Шокли будет возражать против такого решения.

— А я боюсь, мистер Торранс, что на этот раз вы перешли все разумные границы, когда даже терпение безусловно преданного вам мистера Шокли может наконец иссякнуть.

На мгновение головная боль вернулась к Джеку с первоначальной отупляющей силой, и он даже закрыл глаза, чтобы выдержать приступ. Словно со стороны он услышал собственный голос, задавший вопрос:

— Кому принадлежит «Оверлук» сейчас? Им по-прежнему владеет «Дервент энтерпрайзис»? Или вы сами слишком мелкая сошка, чтобы знать такие подробности?

— Все, с меня хватит, мистер Торранс. Вы — рядовой служащий отеля, который ничем не отличается от мальчишки-коридорного или кухонной посудомойки. И я не собираюсь отчитываться...

— Хорошо, тогда я напишу письмо Элу, — перебил его Джек. — Уж он-то все знает. Не зря заседает в совете директоров. И у меня будет возможность добавить к написанному небольшой постскриптум относительно того, как...

— Дервент не владеет отелем.

— Что вы сказали? Я не расслышал.

— Я сказал, что Дервент не является владельцем отеля. Все держатели акций — это люди с восточного побережья. Вашему приятелю, мистеру Шокли, лично принадлежит самый большой пакет, что составляет более тридцати пяти процентов. А имеет ли он связи с Дервентом или нет, вы должны знать лучше меня.

— Кто еще входит в число владельцев?

— Я не намерен называть вам имена других акционеров, мистер Торранс. Но я позабочусь о том, чтобы о происходящем стало известно...

— Тогда еще один вопрос.

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Большую часть информации по истории «Оверлука» — как выставленной напоказ, так и неприглядной — я почерпнул из хранившегося в подвале альбома. Большой такой альбом в белом кожаном переплете. Листы скреплены золотым шнуром. Вам известно, кому он мог принадлежать?

— Понятия не имею.

— А не мог его, часом, завести Грейди? Тот смотритель, что покончил с собой?

— Мистер Торранс! — сказал Уллман совершенно ледяным тоном. — Я даже не уверен, что мистер Грейди вообще умел читать, не говоря уже о том, чтобы рыться во всей той грязи, на которую понапрасну растрачиваете мое время вы сами.

— Я обдумываю возможность написать книгу об истории отеля «Оверлук». И мне кажется, что если замысел будет осуществлен, владелец альбома заслуживает достойного упоминания в самом начале.

— Сама по себе идея написания книги об «Оверлуке» мне представляется крайне неразумной, — сказал Уллман. — Особенно если это будет книга, выражающая... Скажем так, отражающая вашу точку зрения.

— Почему-то меня ваши слова ничуть не удивляют.

Головная боль прошла окончательно. Та краткая вспышка была последней. Сейчас его мозг работал остро и точно, способный выверить все до миллиметра. Обычно это ощущение посещало его, когда ему особенно легко писалось или после трех добрых доз спиртного. Еще один подзабытый им эффект экседрина; он не знал, как препарат действовал на других, но для него разгрызть три таблетки значило получить быстрое подобие легкого опьянения.

И он продолжил:

— Конечно, лично вы предпочли бы получить нечто вроде заказного путеводителя, который можно, например, бесплатно раздавать новым постояльцам при заселении. Этакую глянцевую брошюрку с множеством цветных фото горных восходов и закатов, с медоточивым текстом под стать картинкам. С обязательным разделом, посвященным знаменитостям, гостившим у вас, но только без упоминания таких действительно колоритных персонажей, как Джиненелли и его друзья.

— Если бы я только был уверен, что могу избавиться от вас и сам сохранить свою работу на все сто процентов вместо нынешних девяноста пяти, — ответил Уллман резким, но сдавленным голосом, — я бы уволил вас сию же секунду, прямо по телефону. Но поскольку присутствуют пять процентов неуверенности, я намерен позвонить мистеру Шокли, как только вы положите трубку... Что, как я надеюсь, произойдет очень скоро.

— В книге не будет ни строчки неправды, понимаете? — сказал Джек. — Даже нет нужды ничего выдумывать ради красного словца.

(*Зачем ты продолжаешь дразнить его? Тебе действительно хочется быть уволенным?*)

— Мне плевать. Даже если в какой-нибудь пятой главе вы напишете, что папа римский прелюбодействовал у нас с духом непорочной Девы Марии, — отозвался Уллман, снова повышая голос почти до крика. — Я лишь хочу, чтобы вы убрались из моего отеля!

— *Это не ваш отель!* — проорал в ответ Джек и с грохотом повесил трубку.

Он сидел на высоком стульчике в кабинке, тяжело дыша, чувствуя себя немного напуганным

(*немного? черта лысого! он перепугался всерьез*)

и не понимая, какого лешего он вообще решил позвонить Уллману.

(*Ты снова потерял контроль над собой, Джек.*)

Да. Да, потерял. Нет никакого смысла отрицать это. Но хуже всего было то, что он представления не имел, каким влиянием на Эла пользуется этот напыщенный маленький хмырь, и даже не отдавал себе ясного отчета в том, как много дерьма способен снести от него Эл во имя их «проверенной долгими годами дружбы». Если Уллман реально настолько хорош, насколько себя выпячивает, и предъявит Элу ультиматум: или я, или он, — не заставит ли это Эла встать на его сторону? Он закрыл глаза и представил свой разговор с Уэнди. «Ты будешь поражена, детка, но я снова потерял работу. На этот раз мне пришлось немало потрудиться, чтобы съездить человеку по морде через кабель телефонной компании «Белл» длиной две тысячи миль, но я справился с этим блестяще».

Он открыл глаза и вытер рот носовым платком. Ему хотелось выпить. Дьявол! Ему *просто необходимо* было выпить. Чуть ниже по улице находилось кафе, и у него было достаточно времени, чтобы пропустить бокальчик пивка. Всего один, чтобы привести мысли и чувства в порядок...

Но он лишь в бессилии крепче сцепил руки.

Вопрос так и остался без ответа: зачем ему вообще понадобилось звонить Уллману? Номер отеля «Серф-сэнд» в Лодердейле был записан в небольшом блокнотике, лежавшем в офисе рядом с телефонным аппаратом и рацией. Там имелись телефоны водопроводчиков, плотников, стекольщиков, электриков и тому подобное. Джек переписал номер на упаковку со спичками вскоре после того, как встал с постели тем утром, — желание позвонить Уллману уже тогда четко оформилось в его сознании. Да, но с какой целью? Однажды в период беспробудного пьянства Уэнди обвинила его в том, что, обладая явной склонностью к саморазрушению, он не имел смелости и присутствия духа довести стремление к смерти сразу и до конца. А потому находил множество способов, чтобы его медленно убивали другие, от чего страдал он сам и мучилась его семья. Неужели это правда? Неужели где-то в глубине души его испугала мысль, что именно в «Оверлуке» он получит возможность закончить пьесу и вообще собрать разбитую на куски жизнь в единое целое? Разве мог он до такой степени страшиться этого, чтобы самому все уничтожить? Нет, Боже милостивый, ведь так не должно быть! Не допусти этого. Молю!

Он снова смежил веки, и на темном экране его мысленного взора сразу же побежали образы: вот он сует руку в дыру крыши, чтобы вытащить наружу кусок гнилой изоляции, а потом чувствует острую боль, как от ожога, слышит собственный крик, разносящийся посреди окружающей тишины: *Ах ты ж, сучье отродье, мать твою...*

Потом память прокрутила другой эпизод, случившийся двумя годами ранее. Он увидел, как на нетвердых ногах вошел домой в три часа утра, пьяный в дым. Повалился сначала на стол, а потом распластался по полу, громкой руганью разбудив спавшую на диване Уэнди. Она включила свет и увидела его рваную и грязную одежду, пострадавшую в драке, в которую он по уже забытым причинам ввязался за несколько часов до того на парковке рядом с очередным заштатным баром у самой границы Нью-Гэмпшира. У него под носом запеклась кровь, и он сидел на полу с глупым лицом, моргая от яркого света, как только что выбравшийся из норы крот, а Уэнди с тоской в го-

лосе сказала: *Сукин ты сын! Ты разбудил Дэнни. Если тебе плевать на самого себя, то подумал бы хотя бы о нас с ним. Впрочем, что толку с тобой сейчас говорить?*

Звонок телефона заставил его подскочить от неожиданности. Он схватил трубку, вопреки всякой логике решив, что ему мог перезвонить Уллман или даже Эл Шокли.

— Слушаю!

— Вы превысили лимит, сэр. С вас еще причитается три доллара пятьдесят центов.

— Мне придется разменять деньги, — сказал он. — Подождите минутку.

Он опустил трубку на полку, скормил автомату последние остававшиеся у него шесть четвертаков, потом направился к кассе, чтобы получить еще мелочи. Он проделал все это на автопилоте, а в мозгу непрерывно крутилась, как белка в колесе, одна мысль.

Зачем он позвонил Уллману?

Потому что Уллман унизил его? Но ведь он испытывал унижения и раньше, причем от настоящих мастеров этого дела, где Великим Гроссмейстером был, конечно же, он сам. Для того чтобы клюнуть этого недомерка в лысеющий череп и разоблачить его лицемерие? Но Джек никогда не считал себя до такой степени мелочным. Причиной мог быть альбом с вырезками, и он попытался ухватиться за это объяснение, но и оно не выдерживало никакой критики. Шансы, что Уллман знал имя владельца альбома, были изначально близки к нулю. Ведь еще во время собеседования он говорил о подвале, словно о какой-то другой стране — причем стране нищей и слаборазвитой. Если уж Джеку действительно хотелось попытаться выяснить личность владельца альбома, то следовало позвонить в первую очередь Уотсону, чей контактный номер на зиму значился в том же списке. И пусть даже Уотсон едва ли мог дать ему необходимый ответ, он все равно был бы гораздо более естественным выбором для звонка, чем Уллман.

А делиться с ним идеей написать книгу — это же чистейшей воды глупость. Просто неописуемая глупость. Он не только поставил себя под угрозу увольнения, но, возможно, и перекрыл многие важные каналы информации, потому что

Уллман теперь наверняка пустит слух среди тех, кого это касается, о появлении писаки из Новой Англии, который захочет расспросить их об «Оверлуке». А ведь он мог под сурдинку провести дальнейшее расследование, разослав нужным людям вежливые письма и, вероятно, договорившись об интервью весной... А потом сидеть и посмеиваться над яростью Уллмана, когда его книга уже благополучно вышла бы из печати — Таинственный Автор В Маске Наносит Новый Удар! Но вместо этого его угораздило сделать тупейший звонок, потерять контроль над собой, превратить Уллмана в смертельного врага, одновременно пробудив в этом «карликовом Цезаре» все его наиболее отвратительные черты. Зачем? Если он не пытался добиться, чтобы его вышвырнули с очень хорошей работы, добытой для него Элом, то чего же он хотел добиться вообще?

Джек вставил в прорезь автомата недостающие монеты и повесил трубку. Он совершил безрассудный поступок, каковых в период пьянства за ним числилось немало. Но сейчас-то он был трезв. Совершенно, до омерзения трезв.

Выходя из аптеки, он сунул в рот еще одну таблетку экседрина, морщась и одновременно наслаждаясь горечью.

И почти сразу столкнулся на тротуаре с Уэнди и Дэнни.

— Эй! А мы как раз шли за тобой, — сказала она. — Начался снегопад.

— И то верно, — отозвался Джек. Снег действительно валил густо, уже припорошив главную улицу Сайдуайндера и скрыв разметку на асфальте. Дэнни стоял, задрав голову вверх к белесому небу и открыв рот, чтобы ловить им крупные пушистые снежинки, медленно опускавшиеся вниз.

— Думаешь, началось по-настоящему? — спросила Уэнди.

Джек пожал плечами:

— Трудно сказать. Я лично надеялся, что Господь благословит нас хорошей погодой еще хотя бы на неделю-другую. И мы все еще можем рассчитывать на это.

Благословение! Милость. Вот нужные слова.

(*Прости меня, Эл! Яви божескую милость, и да будешь благословен за это. К милости твоей взываю. Дай мне еще один шанс. Я всем сердцем сожалею...*)

Сколько же раз за долгие годы он — вполне взрослый человек — просил о снисхождении и новом шансе начать все заново? Джек вдруг стал до такой степени себе противен, что, как ему показалось, застонал вслух.

— Как твоя головная боль? — моментально встрепенулась Уэнди, внимательно всматриваясь в него.

Он обвил ее рукой и крепко прижал к себе.

— Уже намного лучше. Не пора ли нам, ребята, возвращаться домой, пока еще есть такая возможность?

И они направились к месту, где оставили пикап. Джек шел в центре, левой рукой обнимая за плечо Уэнди, а правой держа ладонь Дэнни. К добру или к худу, но он впервые назвал отель их домом.

Только когда он уже садился за руль, ему в голову пришла мысль, что «Оверлук» интриговал его, но не слишком нравился. Он все еще не был уверен, что это место сулило хоть что-то хорошее его жене, его сыну или ему самому. Быть может, потому он и позвонил Уллману.

Чтобы его уволили, пока не поздно.

Сдав назад, он вывел пикап на дорогу и направил к выезду из городка, в горы.

Глава 21
НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Было десять часов вечера. И в их квартире никто не спал, хотя каждый имитировал глубокий сон.

Джек лежал на боку лицом к стене с открытыми глазами, вслушиваясь в глубокое и размеренное дыхание Уэнди. Вкус таблеток все еще ощущался во рту — язык стал немного шершавым и чуть онемел. Без четверти шесть (без четверти восемь по восточному времени) ему позвонил Эл. Уэнди как раз сидела вместе с Дэнни у камина в большом вестибюле и читала.

— Личный вызов для мистера Джека Торранса, — объявила телефонистка.

— Я слушаю. — Он переложил трубку в правую руку, а левой достал из заднего кармана брюк носовой платок и провел им по истончившейся коже губ. Потом прикурил сигарету.

Неожиданно громко в ухе раздался голос Эла:

— Джеки, старина! Скажи мне, ради Бога, что у тебя на уме?

— Привет, Эл! — Он затушил сигарету и потянулся за пузырьком с экседрином.

— Что происходит, Джек? У меня сегодня состоялся *очень странный* телефонный разговор со Стюартом Уллманом. А надо знать, что Стью Уллман звонит по межгороду за свой счет, только если, извини за выражение, очень большой кусок дерьма попал в вентилятор.

— Уллману совершенно не о чем беспокоиться, Эл. Как и тебе самому.

— О чем же конкретно нам не стоит беспокоиться? Послушать Стью, так речь идет если не о прямом шантаже, то о большой статье по поводу «Оверлука» в журнале «Нэшнл инквайрер». Так что выкладывай, в чем дело, приятель.

— Я просто хотел подразнить его, — сказал Джек. — Когда я впервые приехал сюда на собеседование, он не поленился вытащить на свет божий все мое грязное белье. У вас были проблемы с выпивкой. Потеряли работу из-за драки с учеником. Сомневаюсь, что вы нам подходите. И все такое. Но меня больше всего задело за живое, что он цеплялся ко мне потому, что, видите ли, просто обожает свой чертов отель. «Оверлук» прекрасный, «Оверлук» бесподобный, «Оверлук» — треклятая священная корова. А потом я нашел в подвале некий альбомчик. Кто-то не поленился собрать под одной обложкой довольно дурно пахнущую информацию о кафедральном соборе Уллмана, где, как выяснилось, после обычной мессы частенько поклонялись дьяволу и прочей нечисти.

— Надеюсь, ты выражаешься не более чем метафорически, Джек? — Голос Эла вдруг стал пугающе холодным.

— Так и есть. Но я и в самом деле узнал много...

— Мне хорошо известна история отеля.

Джек пальцами пригладил волосы.

— Вот я и позвонил ему, чтобы сунуть носом во все это. Признаю, что поступил не слишком умно, и обещаю никогда не повторять таких фортелей впредь. Конец фильма.

— Но Стью сказал, что ты планируешь вывесить кое-что из грязного белья на всеобщее обозрение.

— Стью — дурак набитый! — рявкнул Джек в трубку. — Я действительно сказал ему, что у меня зародилась мысль написать об «Оверлуке». Это верно. Есть такая идея. В моем понимании это место — просто энциклопедия характеров, населявших Америку после Второй мировой войны. Наверное, это звучит слишком напыщенно... Я все понимаю... Но поверь, Эл, здесь есть все необходимое для *великой* книги. Кроме того, речь идет о планах на весьма отдаленное будущее, клянусь тебе. Сейчас у меня столько другой работы, что я с трудом справляюсь даже с ней, и поэтому...

— Это меня совершенно не устраивает.

И Джек вдруг осознал, что держит перед собой черную телефонную трубку в полной растерянности и не верит своим ушам.

— Что? Ты хочешь сказать, Эл...

— Я уже сказал все, что хотел сказать. Какой смысл ты вкладываешь в слова «весьма отдаленное будущее», Джек? Для тебя это, вероятно, два года. Максимум пять. А для меня это означает и тридцать лет, и сорок, потому что я связал свою судьбу с «Оверлуком» очень прочно и надолго. И от одной только мысли, что ты планируешь собрать всю грязь о моем отеле, а потом превратить ее в шедевр американской литературы, меня начинает тошнить.

Джек лишился дара речи.

— Я искренне старался помочь тебе, Джеки. Мы вместе прошли войну, и мне казалось, что я кое-чем тебе обязан. Помнишь войну?

— Да, помню, — пробормотал он, но угольки раздражения начали разгораться в его сердце. Сначала Уллман, потом Уэнди, теперь Эл. Да что же это такое? Или объявлена общенациональная неделя свободной охоты на голову Джека Торранса? Он поджал губы, вновь потянулся за сигаретами, но неуклюжим движением уронил пачку на пол. Неужели он когда-то на самом

деле любил этого дешевого хлюста, который разговаривал с ним сейчас, сидя в своем кабинете в Вермонте за столом из красного дерева? Неужели такое было?

— До того как ты избил этого сопляка Джорджа Хэтфилда, — продолжал Эл, — я сумел убедить школьный совет не только не увольнять тебя, но и предложить приличный долгосрочный контракт. Но ты сам себе все изгадил. Затем я пристроил тебя в отель — прекрасное, спокойное место, где ты мог бы отдышаться, закончить пьесу или просто пересидеть до тех пор, пока мы вместе с Гарри Эффингером не сумеем убедить остальных, что они поступили с тобой несправедливо и совершили ошибку. Но теперь мне начинает казаться, что ты готов откусить мою руку ради некой более крупной цели. Значит, так ты благодаришь друзей за помощь, Джек?

— Нет, — прошепта́л он.

Он не осмелился ничего добавить к этому, хотя в голове билось обжигающее, едкое, как кислота, слово, так и рвавшееся наружу. Но он в отчаянии заставил себя думать о Дэнни и Уэнди, целиком зависевших от него, о Дэнни и Уэнди, мирно сидевших внизу у камина, изучавших книжку для чтения для второклассников и думавших, что все ХО-РО-ШО. Если он лишится работы, какое будущее ждет их всех? Поездка в Калифорнию на полуразвалившемся от старости «фольксвагене», бензонасос которого вот-вот откажет? Словно они семейка сезонных рабочих, какие-нибудь перекати-поле? И он сказал себе, что упадет на колени, будет валяться в ногах у Эла, лишь бы не допустить этого, но слово упорно продолжало вертеться на языке, и раскаленные струны рвущегося изнутри гнева становилось все труднее сдерживать.

— Что? — резко спросил Эл.

— Нет, — сказал он. — Так я с друзьями не обращаюсь. И тебе это известно.

— Откуда мне это известно? В худшем случае ты вознамерился облить грязью мой отель и выкопать тела, которые достойно похоронили много лет назад. В лучшем — ты просто позвонил моему излишне возбудимому, но чрезвычайно компетентному управляющему и довел его до умопомрачения своими... Своими глупыми детскими играми.

— Это не было просто игрой, Эл. Тебе живется намного легче. Ты не зависишь от подачек своего богатого друга. Тебе, как говорится, не нужны друзья в зале суда, потому что ты *сам себе судья*. Тот общеизвестный факт, что ты чуть не спился, уже начисто забыт, не так ли?

— Да, вероятно, ты прав, — признал Эл. Он заметно сбавил тон, и теперь его голос казался смертельно усталым. — Но, Джек... Джек, пойми, такова жизнь. Я ничего не могу изменить в ней.

— Знаю, — безразлично отозвался Джек. — Я уволен? Если да, будет лучше уведомить меня об этом сразу.

— Ты не будешь уволен, если сделаешь для меня две вещи.

— Согласен.

— А не лучше ли сначала ознакомиться с моими условиями, прежде чем принимать их?

— Нет. Диктуй свои пожелания, и я все выполню. Я должен позаботиться об Уэнди и Дэнни. Поэтому даже если тебе нужны мои яйца, я отправлю их бандеролью с авиапочтой.

— Ты уверен, что жалость к себе — это роскошь, которую ты можешь себе позволить, Джек?

Он закрыл глаза и сунул таблетку экседрина между пересохшими губами.

— На данный момент это вообще единственная доступная для меня роскошь. Так что вываливай свое... Извини, не хотел сказать ничего обидного.

Эл ненадолго замолчал. Потом начал:

— Во-первых, больше никаких звонков Уллману. Даже если отель сгорит дотла. Случись нечто подобное, звони технику. Ну, тому типу, который сквернословит без конца... Ты должен знать, о ком я.

— Об Уотсоне?

— Да.

— Хорошо. Принято.

— Во-вторых, ты должен пообещать мне, Джек... Нет, ты должен поклясться своей честью, что не будет никакой книги об истории знаменитого отеля в горах Колорадо.

На мгновение ярость настолько овладела им, что он был не в силах вымолвить ни слова. Пульс громко стучал у него в

ушах. Это напоминало звонок от некоего современного герцога Медичи... На портретах членов моей семьи не должны быть видны их физические изъяны — или вас, маэстро, вышвырнут гнить на свалке. Я плачу не просто за картины, а только за красивые картины. Когда изображаешь дочь моего лучшего друга и делового партнера, уж будь любезен, убери с ее лица родимое пятно, или тебя ждет свалка. Конечно, с тобой мы тоже друзья... Цивилизованные люди, как же, как же! Мы делили с тобой койку, стол и последнюю бутылку. И мы навсегда останемся друзьями, а о собачьем ошейнике, который я на тебя нацепил, забудем по обоюдному согласию. Тогда я неизменно буду милостиво благосклонен к тебе. Взамен я прошу всего-навсего твою душу. Пустяк. Мы сможем так же легко забыть, что ты продал мне ее, как забыли об ошейнике. Только помни, мой талантливый друг, сколько таких микеланджело просят сейчас милостыню на папертях Рима...

— Джек! Ты меня слушаешь?

Он издал сдавленный звук, который должен был означать «да».

Голос Эла, напротив, звучал твердо и уверенно:

— Мне отнюдь не кажется, что я требую слишком многого, Джек. Будут ведь еще книги. Ты же не можешь ожидать, чтобы я субсидировал тебя, в то время как ты сам...

— Хорошо. Я согласен.

— И не надо думать, что я пытаюсь контролировать твое творчество, Джек. Ты знаешь меня — я бы никогда не пошел на это. Просто в данном случае...

— Эл!

— Да?

— Дервент по-прежнему связан с «Оверлуком»? Пусть косвенно?

— Не вижу, почему это должно так интересовать тебя, Джек.

— Верно, — сказал он равнодушно. — Не должно. Послушай, Эл, Уэнди зовет меня зачем-то. Я тебе позвоню еще как-нибудь.

— Непременно звони, старина Джеки. Мы чудесно поболтаем. Как у тебя дела? Трезв?

(ТЫ УЖЕ ПОЛУЧИЛ КУСОК МОЕГО СВЕЖЕГО МЯСА С КРОВЬЮ ПОЧЕМУ БЫ ТЕПЕРЬ НЕ ОСТАВИТЬ МЕНЯ В ПОКОЕ?)

— Как стеклышко.

— Я тоже. Представь, трезвый образ жизни даже начал доставлять мне удовольствие. Если только...

— Я тебе перезвоню, Эл. Уэнди...

— Конечно. Будь здоров.

Но стоило ему положить трубку, как все тело забилось в судорогах, молниями ударивших в него, заставив свернуться в клубок перед телефоном, прижав руки к животу. Голова болталась из стороны в сторону, как чудовищный пустой пузырь.

Оса не останавливается. Ужалив, она летит дальше...

К счастью, приступ почти прошел, когда Уэнди поднялась наверх и спросила, кто звонил.

— Эл, — ответил он. — Интересовался, как мы тут поживаем. Я сказал, что у нас все прекрасно.

— Ты жутко выглядишь, Джек. Не заболел?

— Снова голова раскалывается. Лягу сегодня спать пораньше. Нет смысла даже пытаться что-то написать.

— Принести тебе теплого молока?

— Это было бы славно. — Он с трудом улыбнулся.

И теперь он лежал рядом с ней, чувствуя прикосновение ее теплого бедра. От воспоминаний о разговоре с Элом, от того, как ему пришлось пресмыкаться, Джека по-прежнему бросало то в жар, то в холод. Но наступит день расплаты за все. Когда-нибудь его книга выйдет, и это будут не лирические размышления о прошлом. Он выпустит вещь, которая станет острой, как алмаз стеклореза, увенчает тщательное расследование, непременно с большим количеством фотографий и прочего, вскроет всю историю «Оверлука», всю ее неприглядную подноготную, начиная с кровосмесительных сделок купли-продажи отеля и заканчивая всем остальным. Автор выложит «Оверлук» перед читателем, как аккуратно разрезанного омара. И если Эл Шокли имеет прямую связь с империей Дервента, то пусть пеняет на себя, и да поможет Бог им обоим.

С нервами, подобными натянутым струнам рояля, он так и лежал, глядя в темноту и зная, что ему, вероятно, не удастся заснуть еще много часов.

Уэнди Торранс лежала на спине с закрытыми глазами, слушая звуки, издаваемые спящим мужем: долгий вдох, короткая пауза и чуть гортанный выдох. Интересно, думала она, куда он переносится, когда спит? В какой-нибудь парк развлечений, воображаемый Грейт-Баррингтон, где все аттракционы бесплатные, а рядом нет жены и матери, чтобы действовать на нервы им с Дэнни, то запрещая есть слишком много хот-догов, то начиная канючить, что им пора домой? Или же это был какой-нибудь потайной сумрачный подвальный бар, где выпивка лилась рекой, а двери никогда не закрывались? Где вся толпа старых собутыльников собиралась рядом с электронной игрой в хоккей, держа в руках стаканы, а среди них, как всегда, выделялся Эл Шокли с распущенным узлом галстука и расстегнутой верхней пуговицей сорочки? Место, куда не было доступа не только ей, но и Дэнни. Где бесконечно звучали мелодии буги-вуги.

Уэнди продолжала волноваться за мужа — ее изводила все та же знакомая бессильная тревога, которую она так надеялась навсегда оставить в Вермонте, словно беспокойство не могло пересекать границ между штатами. Ей откровенно не нравилось то воздействие, которое «Оверлук» оказывал на Джека и Дэнни.

И самым пугающим, хотя пока еще смутным и не подлежащим обсуждению (или хотя бы упоминанию вслух) было то, что все симптомы, сопровождавшие запойный период в жизни Джека, один за другим возвращались... Все, за исключением собственно выпивки. Он снова постоянно вытирал губы рукой или носовым платком, словно хотел смахнуть с них остатки хмельной жидкости. Пишущая машинка все чаще надолго замолкала, и пропорционально возрастало число скомканных листов бумаги, которые летели в корзину. Сегодня вечером, после того как позвонил Эл, она обнаружила на столике рядом

с телефоном пузырек экседрина, но рядом не стоял стакан с водой. Он снова стал жевать таблетки. Раздражался по мелочам. Если становилось слишком тихо, начинал бессознательно щелкать пальцами. Чаще прибегал к ругательствам. Его способность сохранять контроль над собой тоже вызывала у нее беспокойство. Ей, вероятно, стало бы даже легче, если бы он сорвался и немного спустил пар, как выпускал его из котла в подвале, заходя туда по утрам и каждый вечер на сон грядущий. Она бы почти с радостью увидела, как он изрыгает проклятие, швыряет через всю комнату стул или громко хлопает дверью. Но как раз эти приметы его темпераментной натуры, всегда свойственные ему, сейчас начисто отсутствовали. А между тем ее не оставляло ощущение, что Джек все чаще злится на нее или Дэнни, но не дает своим эмоциям выплеснуться. У бойлера был предохранительный клапан: старый, ржавый, замызганный, но все еще действовавший. У Джека такого клапана не было. Она никогда не умела хотя бы мало-мальски понимать его настроения. Дэнни умел, но молчал.

И этот звонок Эла... Как раз в тот момент, когда он раздался, Дэнни вдруг полностью потерял интерес к книжке, которую они пытались вместе читать. Он оставил Уэнди сидеть у огня, а сам перешел к стойке, поверх которой Джек построил дорогу для игрушечных машинок и грузовиков. Там главенствовал новый пурпурный «фольксваген», и Дэнни начал быстро возить его по столу туда-сюда. Сделав вид, что читает теперь свою книгу, но на самом деле подглядывая поверх нее за сыном, Уэнди заметила в нем странную смесь примет, которые выдавали волнение у нее и у Джека. Потирание губ. Нервное приглаживание волос пальцами обеих рук, что она часто делала, дожидаясь, когда Джек вернется домой после очередного похода по барам. Она не верила, что Эл позвонил, просто чтобы спросить, «как мы тут поживаем». От скуки позвонить Элу мог сам Джек, но Эл всегда звонил исключительно по делу.

Когда она позже спустилась вниз, то обнаружила Дэнни сидящим у камина и внимательно изучающим книжку для чтения, где рассказывалось о походе Джо и Рейчел в цирк вместе с папой. И когда она наблюдала за ним, ее вновь посетила уже знакомая, до странности жутковатая уверенность, что

Дэнни непостижимым образом понимал и знал гораздо больше, чем могли объяснить примитивные теории доктора («просто Билла») Эдмондса.

— Эй, пора спать, док, — сказала она.

— Хорошо. — Он вложил в книгу закладку и поднялся.

— Но сначала умойся и почисти зубы.

— О'кей.

— И не забудь про зубную нить.

— Не забуду.

Они немного постояли рядом, любуясь переливами тлеющих углей в камине. В вестибюле царил холод и гуляли сквозняки, но в магическом круге рядом с очагом было так тепло, что не хотелось уходить.

— Между прочим, звонил дядя Эл, — бросила она как бы невзначай.

— Да ну? — спросил Дэнни, нисколько не удивившись.

— И мне показалось, что дядя Эл за что-то сердился на папу, — сказала она все так же мимоходом.

— Да, так оно и было, — отозвался Дэнни, не сводя глаз с камина. — Он не хочет, чтобы папа писал книгу.

— Какую книгу, Дэнни?

— Об отеле.

У нее сразу же возник вопрос, который они с Джеком задавали Дэнни тысячу раз: *Откуда ты это знаешь?* — но она сдержалась. Ей не хотелось волновать его перед сном или давать понять, что они обсуждают тему, о которой он никак не мог быть осведомлен. А в том, что *он знал*, о чем говорил, она не сомневалась. Все слова доктора Эдмондса об индуктивных догадках и подсознательном логическом мышлении ничего не значили. Ее сестра... Как мог Дэнни узнать, что она думала об Эйлин, сидя в тот день в приемной? И...

(*Мне приснилось, что папа попал в аварию.*)

Она резко тряхнула головой, словно стараясь прояснить мысли.

— Отправляйся умываться, док.

— Хорошо. — И он взбежал вверх по лестнице. Нахмурившись, Уэнди отправилась в кухню, чтобы разогреть для Джека молоко.

И вот теперь, лежа без сна, вслушиваясь в дыхание мужа и в завывание ветра за окном (чудесным образом дело сегодня опять ограничилось лишь легким снежком), она позволила себе всерьез задуматься о своем милом, но внушавшем опасения сыне. О ребенке, родившемся в рубашке — то есть покрытом обыкновенным последом, как и, вероятно, каждый семисотый младенец на планете. Но если верить древним приметам, эта оболочка была предвестницей развития у новорожденного «второго зрения».

Она решила, что настало время поговорить с Дэнни об «Оверлуке»... И вообще попытаться вызвать на откровенность. Непременно. Утром им обоим предстояло поехать в Сайдуайндер, чтобы в библиотеке попытаться получить учебники для второго класса на более долгий, чем обычно, срок, то есть на всю зиму. И у нее будет возможность побеседовать с ним. По душам. При этой мысли она почувствовала некоторое облегчение и начала постепенно проваливаться в сон.

Дэнни тоже бодрствовал в своей спальне и лежал с открытыми глазами, левой рукой обнимая старенького Винни-Пуха (бедный медвежонок потерял один глаз-пуговку, а из расползавшихся швов местами вылезала вата) и вслушиваясь, как в другой комнате спят родители. Он чувствовал себя так, словно его против воли приставили к ним часовым. По ночам было хуже всего. Он ненавидел ночи с постоянным завыванием ветра у западного крыла отеля.

Подвешенный на нитке планер покачивался у Дэнни над головой. На тумбочке чуть заметно флюоресцировала пурпурным боком принесенная снизу модель «фольксвагена». Учебники стояли на полке, книжки-раскраски лежали на столе. *Всему свое место, и все на своих местах,* говорила мама. *Тогда ты легко найдешь любую вещь, когда она тебе понадобится.* Но сейчас вещи находились в беспорядке. Чего-то не хватало. И хуже всего было то, что их *прибавилось*, причем так, что сразу и не догадаешься. Это напоминало одну из загадочных картинок в детских журналах: «Найди индейцев». И если ты на-

прятал взгляд и включал воображение, то действительно мог заметить некоторых из них. То, что на первый взгляд казалось обычным кактусом, трансформировалось в кровожадного краснокожего с ножом в зубах. Другие прятались среди скал, и ты даже распознавал жестокое, безжалостное лицо, смотревшее на тебя сквозь спицы колеса фургона переселенцев. Но ты никогда не мог разглядеть всех сразу, и от этого делалось страшновато. Ведь именно тот, кого ты не успевал заметить, подкрадывался к тебе сзади с томагавком в одной руке и ножом для скальпов в другой...

Он тревожно заерзал в постели, вглядываясь в успокаивавший круг тусклого света ночника. Здесь определенно стало хуже. Это он знал наверняка. Поначалу было не так плохо, но потом постепенно... Его папа стал намного больше думать о том, как ему хочется выпить. Порой он начинал злиться на маму, сам не зная из-за чего. Он слонялся по отелю, постоянно вытирая губы носовым платком, а взгляд его делался невидящим и затуманенным. Мама переживала за папу и за него самого тоже. И не было нужды применять сияние, чтобы понять, о чем она думала. Дэнни обо всем сказали ее встревоженные расспросы в тот день, когда ему показалось, что пожарный шланг превратился в змею. Мистер Холлоран не зря считал, что все матери немного сияют. Вот почему его мама почувствовала неладное, хотя не знала, в чем дело.

Он хотел было сам ей все рассказать, но пара пришедших в голову мыслей удержала его. Он знал, что доктор в Сайдуайндере посчитал Тони, как и все, что тот показывал ему, совершенно

(ну почти)

нормальным. А потому мама могла ему просто не поверить, расскажи он ей о случае со шлангом. Хуже того, она могла поверить, но понять все неправильно и решить, что у него НЕ ВСЕ ДОМА. Дэнни немного знал о том, что такое НЕ ВСЕ ДОМА. Меньше, чем о РОЖДЕНИИ РЕБЕНОЧКА (мама подробно просветила его в прошлом году), но вполне достаточно.

Однажды в детском саду его приятель Скотт показал ему мальчика по имени Робин Стенгер, который сидел на качелях

с грустным вытянутым лицом. Отец Робина преподавал арифметику в той же школе, где работал папа, а отец Скотта был там учителем истории. Большинство детей в том детском саду были связаны либо с местной школой, либо с небольшой фабрикой фирмы «Ай-би-эм», располагавшейся на окраине Стовингтона. И «школьные» мальчишки держались своей группой, а «фабричные» — своей. Конечно, бывали случаи дружбы между мальчиками из разных групп, но в целом выглядело вполне естественным, что дети отцов, хорошо знавших друг друга по работе, больше стремились к общению с себе подобными. Когда у чьих-то родителей случались неприятности, это неизбежно становилось предметом несколько искаженных по смыслу обсуждений в одной группе, но редко интересовало другую.

Они со Скотти сидели вместе в макете космического корабля, когда приятель ткнул себе за спину большим пальцем и спросил:

— Знаешь того паренька?

— Да, — ответил Дэнни.

Скотт наклонился вперед.

— Вчера вечером оказалось, что у его папы НЕ ВСЕ ДОМА. И его увезли.

— Как? Только потому, что не все вернулись к ним домой?

Скотти окинул его презрительным взглядом.

— Ты не понял? Он попросту сошел с ума.

При этом Скотт скосил глаза, вывалил наружу язык и покрутил пальцем возле уха.

— Его забрали в ПСИХУШКУ.

— Ничего себе! — сказал Дэнни. — И когда же ему теперь позволят оттуда вернуться?

— Теперь уже, должно быть, никогда, — мрачно ответил Скотти.

Позже в тот же день и назавтра Дэнни услышал, что:

а) мистер Стенгер пытался убить всех членов своей семьи, включая Робина, из трофейного пистолета, привезенного им с войны в Европе;

б) мистер Стенгер разнес на части весь свой дом, когда напился в ДУПЕЛЬ;

в) мистера Стенгера однажды застали за поеданием из миски мертвых жуков и травы, словно это были кукурузные хлопья с молоком, а еще он при этом плакал;

г) мистер Стенгер пытался задушить свою жену чулком, когда «Ред сокс» проиграли важный матч.

Наконец, больше не в силах держать это в себе, Дэнни решился спросить о мистере Стенгере папу. Тот усадил сына на колени и объяснил, что мистер Стенгер находился под большим нервным напряжением отчасти из-за семейных дел, отчасти из-за работы, а были и другие причины, в которых никто не мог разобраться, кроме врачей. Вот почему он стал подвержен приступам беспричинного плача, а три дня назад начал плакать, да так и не смог остановиться, пока за ночь не разбил очень много вещей в своем доме. Это не значило, что у него НЕ ВСЕ ДОМА, сказал папа. Просто с ним случился НЕРВНЫЙ СРЫВ. И увезли его вовсе не в ПСИХУШКУ, а в СОННО-ТОРИЙ. Но как ни осторожничал папа в своих объяснениях, Дэнни все равно испугался. Он не видел большой разницы между нервным срывом и сумасшествием, и даже если назвать ПСИХУШКУ СОННО-ТОРИЕМ, там оставались решетки на окнах, и оттуда нельзя было выйти, когда тебе угодно. А папа к тому же нечаянно повторил сказанную Скотти фразу, которая наполняла Дэнни смутным и оттого только более сильным страхом. Мистер Стенгер поселился там, где обитали ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Они приезжали за тобой на грузовике без окон, причем грузовике цвета серого надгробного камня. Он останавливался у тротуара напротив твоего дома, ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ выходили из него, забирали тебя из семьи и увозили в комнату с мягкими стенами. А если ты хотел написать домой, то мог сделать это только восковыми мелками.

— Когда же теперь они отпустят его? — спросил Дэнни.

— Как только ему станет лучше, док.

— Да, но когда именно? — упорствовал он.

— Дэн, — серьезно ответил папа, — ЭТОГО НИКТО НЕ ЗНАЕТ.

Вот что было хуже всего. Эти слова означали: теперь уже никогда. Всего через месяц мама Робина забрала его из детского сада, и они уехали из Стовингтона без мистера Стенгера.

Это случилось более года тому назад, когда папа уже перестал употреблять Скверную Жидкость, но еще не потерял работу. Дэнни часто вспоминал о мистере Стенгере. Иногда, когда он падал, ударялся головой или у него сильно болел живот, он начинал плакать — и тут же в памяти всплывала страшная мысль: если он не сможет перестать плакать, а будет рыдать и хныкать без конца, то папа не выдержит, позвонит по телефону и скажет: «Алло? Это Джек Торранс из сто сорок девятого дома по Мейпллайн-уэй. Мой сын не прекращает плакать. Пожалуйста, пришлите ЛЮДЕЙ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ, чтобы забрали его в СОННО-ТОРИЙ. Да, совершенно верно, У НЕГО НЕ ВСЕ ДОМА. Заранее спасибо». И серый грузовик без окон подкатит к *их* двери, его, все еще бьющегося в истерике, затолкают в кузов и увезут. И когда он снова увидит маму и папу? ЭТОГО НИКТО НЕ ЗНАЕТ.

Из-за прежнего страха он молчал и сейчас. Став на год старше, он прекрасно понимал, что родители ни за что не позволят увезти его, пусть он и принял пожарный шланг за змею. *Рациональная* часть его сознания в этом не сомневалась. Но все равно, стоило ему лишь подумать о том, чтобы все им рассказать, давнее воспоминание давало о себе знать и не позволяло словам излиться. Это ведь не то же самое, что Тони; Тони он всегда воспринимал как нечто совершенно нормальное (если не считать дурных снов, конечно), да и его родители относились к Тони как к более или менее приемлемому феномену. Тони был проявлением его НЕЗАУРЯДНОГО УМА, наличие которого признавали они оба (поскольку считали УМНЫМИ людьми и себя самих), но пожарный шланг, превратившийся в змею, или вид крови и мозгов, размазанных по стене президентского люкса и никому другому не видимых, — это выходило за рамки нормальности. Они уже возили его на прием к обычному доктору. Так почему бы не вызвать теперь ЛЮДЕЙ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ?

И тем не менее он мог все им рассказать в надежде, что в таком случае они рано или поздно увезут его из отеля. А ему, если честно, очень хотелось вырваться из «Оверлука». Но он понимал, что для его папы это был последний шанс, что он находился в «Оверлуке» не только для того, чтобы присматри-

вать за зданием. Здесь он должен был писать. Преодолеть последствия потери работы. Любить маму/Уэнди. И до самого недавнего времени создавалось впечатление, что именно так все и складывается. Лишь совсем недавно у папы снова появились проблемы. С тех пор как он нашел тот альбом.

(*Это бесчеловечное место превращает людей в монстров.*)

В чем здесь смысл? Он обращался с молитвой об ответе к Богу, но Бог молчал. И что будет делать папа, если перестанет здесь работать? Он пытался заглянуть в папино сознание — и пришел к выводу, что папа сам этого не знает. Неопровержимое доказательство было получено нынешним вечером, когда дядя Эл позвонил папе по телефону, наговорил ему много неприятных слов, а папа не осмелился возразить, потому что дядя Эл мог уволить его, как это сделали в Стовингтонской школе директор мистер Кроммерт и попечительский совет. Папа ужас как боялся этого. Боялся за него, за маму и за самого себя.

И потому Дэнни не решался ни о чем рассказывать. Он мог только беспомощно наблюдать и надеяться, что никакие индейцы рядом не прячутся. А если и прячутся, то дождутся более богатой добычи и позволят их маленькому каравану из трех повозок мирно проследовать мимо.

Но как бы он ни старался заставить себя поверить в это, ничего не получалось.

Дела в «Оверлуке» ухудшились.

Скоро придет большой снег, и тогда у него не останется никакого выбора. И что же получится? Что произойдет, когда они окажутся отрезанными от всего мира, в полной власти того непостижимого, что скорее всего пока лишь играло с ними в невинные игры?

(*Выходи и получи по заслугам!*)

Что потом? РОМ.

Он снова поежился в постели и повернулся на другой бок. За это время он стал читать гораздо лучше. Быть может, завтра он попытается вызвать Тони и попросит его показать в точности, что такое РОМ и есть ли способ бороться с ним. И плевать на ночные кошмары. Ему *необходимо знать*.

Дэнни еще долго не смыкал глаз, даже когда притворный сон его родителей перешел в настоящий. Он крутился на кро-

вати, комкал простыню и одеяло, сражаясь с проблемами, слишком взрослыми для него, бодрствовал в ночи, как единственный часовой на заставе. Но после полуночи он тоже заснул, и тогда на страже остался только ветер, порывами налетавший на стены отеля и свистевший в его фронтонах в свете густо осыпавших небо звезд.

Глава 22
В ПИКАПЕ

Вижу восход зловещей луны.
Горе грядет, землю трясет,
Буря зреет где-то вдали.
Ночью сбудутся худшие сны.
Из дома уйдешь — жизнью рискнешь:
Дурная луна встает.*

Кто-то установил под приборную панель пикапа очень старый радиоприемник от «бьюика», и теперь сквозь треск помех из динамиков доносилась песня Джона Фогерти и его группы «Криденс клируотер ривайвал». Уэнди и Дэнни ехали в Сайдуайндер. День снова выдался погожим и солнечным. Дэнни с любопытством крутил в руках оранжевый читательский билет Джека и казался вполне довольным жизнью, но Уэнди мерещилось, что он выглядит опустошенным и усталым, словно плохо спал ночью и держался почти исключительно на эмоциональной энергии.

Песня закончилась, и раздался голос диск-жокея:

— Да, это были «Криденс». И кстати, о зловещей луне. Похоже, она готова взойти над зоной вещания нашей радиостанции, как ни трудно в это поверить, видя за окном превосходную, почти весеннюю погоду, которой мы наслаждаемся уже несколько дней подряд. Как предсказывают наши бесстрашные синоптики, область высокого давления уже к часу

* Из композиции «Bad Moon Rising» Д. Фогерти. © Jondora Music Berkeley. 1969.

дня сменится обширной полосой низкого, которая собирается задержаться на высокогорье, где мало народа, но еще меньше кислорода. Температура резко упадет, а с наступлением сумерек начнутся обильные осадки. В районах, расположенных ниже семи тысяч футов над уровнем моря, куда входит наша столица — Денвер, — ожидается снег с дождем и, вероятно, гололед на некоторых дорогах. Толщина снежного покрова здесь составит от одного до трех дюймов, но выше — в центральной части Колорадо и на горных склонах — может достигать от шести до десяти дюймов. В связи с этим автодорожное управление штата напоминает, что если вы собираетесь сегодня днем или вечером в горы, использование цепей на колесах является обязательным и будет контролироваться полицией. И вообще лучше бы вам сегодня посидеть дома. Помните, — шутливо добавил ведущий, — каким образом попала в беду пресловутая группа Доннера. Они напрасно понадеялись, что ближайший супермаркет находится ближе, чем вышло на самом деле.

Затем началась реклама. Уэнди нащупала кнопку и выключила магнитолу.

— Не возражаешь? — спросила она Дэнни.

— Ничуть. Так намного лучше. — Он посмотрел сквозь окно машины на небо, которое все еще отливало яркой синевой. — По-моему, папа выбрал самый подходящий день, чтобы подправить прически тем зверушкам в живой изгороди. Как считаешь?

— Да, я тоже так думаю, — сказала Уэнди.

— Как-то не верится, что скоро пойдет густой снег, — добавил Дэнни с надеждой.

— Побаиваешься? — спросила Уэнди. У нее из головы не шла дурацкая шутка диск-жокея по поводу участи группы Доннера.

— Нет. Не очень-то.

Что ж, подумала она, *момент настал. Если хочешь поговорить об этом, то сделай это сейчас или никогда.*

— Дэнни, — начала она, стараясь оставаться спокойной, — а для тебя не было бы лучше, если бы мы уехали из «Оверлука»? Если бы не остались там на всю зиму?

Дэнни опустил взгляд на руки.

— Наверное, было бы, — ответил он. — Но ведь у папы там работа.

— Иногда мне кажется, — осторожно продолжала она, — что и папа был бы только счастлив уехать.

Они миновали указатель «Сайдуайндер — 18 миль» и оказались на крутом повороте дороги, где Уэнди пришлось перейти на вторую передачу. Ее до чертиков пугали эти извилистые спуски, и она предпочитала не рисковать.

— Ты на самом деле так думаешь? — спросил Дэнни. Он с любопытством посмотрел на мать, а потом покачал головой: — Нет, лично мне так не кажется.

— Почему?

— Потому что он беспокоится о нас, — сказал Дэнни, тщательно подбирая слова.

Ему трудно было объяснить, потому что он сам мало в чем успел разобраться. Ему вспомнился давний эпизод, о котором он рассказал мистеру Холлорану, когда большой мальчик в магазине смотрел на радиоприемник и хотел украсть его. Это было неприятно, но по крайней мере тогда смысл происходящего отчетливо понимал даже Дэнни, пусть он и был совсем малышом. Однако мысли взрослых находились в каком-то вечно бурлящем беспорядке, любое возможное действие сопровождалось вычислением последствий, сомнениями в себе или же чрезмерным *самомнением*, чувствами любви и ответственности. Каждая из открывавшихся возможностей представлялась им в виде сочетания плюсов и минусов, и Дэнни порой не мог понять, в чем же эти минусы, собственно, заключались. Да, это было очень сложно.

— Он думает... — снова начал Дэнни, но осекся и бросил быстрый взгляд на маму. Она пристально следила за дорогой, а на него не смотрела вообще, и тогда он решил, что может продолжать. — Иногда он думает, что нам будет одиноко. А потом ему начинает здесь нравиться, и он считает это место вполне для нас подходящим. Он нас любит и совсем не хочет, чтобы мы чувствовали себя одиноко... Или чтобы нам стало грустно... Но затем ему приходит другая мысль. Пусть нам будет немного грустно, но это хорошо для нас всех в ПЕРСПЕКТИВЕ. Ты же знаешь, что такое ПЕРСПЕКТИВА?

Она кивнула:

— Да, милый, знаю.

— Он волнуется, что если мы уедем, ему не найти другой работы. А тогда нам придется побираться или что-то в этом роде.

— И это все?

— Нет, но остальное очень сложно. Потому что он стал сейчас другим.

— Что верно, то верно, — сказала Уэнди, сдержав глубокий вздох.

Дорога стала немного прямее, и она осторожно повела машину на третьей передаче.

— Я ничего не выдумываю, мама. Честное слово.

— Знаю, — улыбнулась она. — Тебе все это рассказал Тони?

— Нет, — ответил он. — Я сам все понял. А тот доктор не поверил, что Тони существует, так ведь?

— Забудь о том докторе, — сказала она. — Я, например, в Тони верю. Не знаю, кто он или что он такое, часть он тебя самого... какая-то особенная часть... или же является извне. Но я верю в него, Дэнни. И если ты... то есть он считает, что надо уезжать, мы уедем. Уедем вдвоем с тобой, а с папой снова увидимся весной.

Он посмотрел на нее со вспыхнувшей в глазах надеждой.

— А куда мы уедем? В мотель?

— Солнышко, мы не можем себе позволить номер в мотеле. Нам придется пожить у моей мамы.

Надежда Дэнни мгновенно померкла.

— Ты думаешь, я не знаю... — начал он, но потом умолк.

— Что?

— Ничего, — пробормотал он.

Впереди возникла очередная петля «серпантина», и Уэнди снова перешла на вторую передачу.

— Нет уж, док, пожалуйста, не надо со мной так разговаривать. Нам давно следовало поговорить с тобой откровенно. А потому продолжай. Что ты знаешь? Я не стану на тебя сердиться. Я не могу сейчас сердиться, потому что это для меня слишком важно. Говори мне все как есть.

— Я знаю, как ты к ней относишься, — сказал Дэнни и вздохнул.

— И как же?

— Скверно, — ответил Дэнни.

А потом напугал ее, неожиданно пропев:

— Злобно, мрачно и скверно — вот так примерно. Словно она тебе и не мама вовсе. Как будто она собирается тебя съесть.

Он посмотрел на нее, теперь уже сам испугавшись собственных слов, но продолжил:

— И мне совсем не нравится у нее. Она только и думает, что мне с ней было бы лучше. Прикидывает, как ей отнять меня у тебя, мамочка. Я не хочу ехать к ней. Лучше остаться в «Оверлуке», чем жить там.

Уэнди была потрясена. Неужели их с матерью отношения складывались до такой степени плохо? Боже, какой же это ад для ее мальчика, если все обстоит именно так, а он наделен способностью слышать их сокровенные мысли друг о друге! Она внезапно почувствовала себя совершенно голой. Даже хуже. Возникло ощущение, что ее застали за чем-то глубоко неприличным.

— Хватит об этом, Дэнни, — только и выдавила она. — С меня довольно.

— Ты на меня все-таки рассердилась, — прошептал он, едва сдерживая слезы.

— Нет, ничего подобного. Правда же, нет. Я просто расстроилась, вот и все.

Они проехали указатель «Сайдуайндер — 15 миль», и теперь Уэнди могла немного расслабиться за рулем. Отсюда дорога становилась значительно лучше.

— Я хочу задать тебе еще один вопрос, Дэнни. И мне важно, чтобы ты ответил на него предельно честно. Сможешь?

— Да, мамочка, — отозвался он все еще шепотом.

— Твой папа снова начал пить?

— Нет, — ответил он, но ему пришлось подавить еще два слова, которые были готовы сорваться с его губ: *Пока нет*.

А Уэнди сразу почувствовала себя намного спокойнее. Она положила руку на обтянутую джинсами коленку Дэнни и нежно сжала пальцы.

— Твой папа очень старается, — тихо сказала она. — Потому что он нас любит. А мы любим его, верно?

Дэнни в ответ очень серьезно кивнул.

Разговаривая словно сама с собой, она продолжала:

— Он далеко не идеален, но он старался... Дэнни, он действительно очень старался! Когда он... остановился, ему пришлось пройти через поистине адские муки. И он все еще испытывает их. Думаю, если бы не мы с тобой, он бы давно сорвался с тормозов. Вот почему я хочу все сделать правильно. Но я не знаю, что будет правильным. Должны ли мы уехать? Или остаться? Это как выбирать из двух зол меньшее.

— Я знаю.

— Не мог бы ты кое-что сделать для меня, док?

— Что?

— Постарайся вызвать Тони. Прямо сейчас. Спроси его, безопасен ли для нас «Оверлук».

— Я уже пытался, — медленно ответил Дэнни. — Этим утром.

— И что же произошло? — спросила Уэнди. — Что он сказал?

— Он не пришел. Он вообще не пришел. — И Дэнни внезапно разразился рыданиями.

— Дэнни! — Она не на шутку встревожилась. — Не надо так, милый. Пожалуйста...

Пикап вынесло через разделительную линию на полосу встречного движения, и Уэнди в панике крутанула руль, чтобы вновь взять машину под контроль.

— Не увози меня к бабушке, — попросил Дэнни сквозь слезы. — Пожалуйста, мамочка! Я не хочу туда. Я хочу быть с папой...

— Ладно, — сказала Уэнди. — Ладно. Значит, так мы и поступим.

Она достала бумажный носовой платок из кармана своей ковбойской рубашки и подала ему.

— Мы останемся. И у нас все будет хорошо. Просто отлично.

Глава 23
ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА

Джек вышел на террасу, застегнув молнию на куртке до самого подбородка и щурясь от яркого солнца. В левой руке он держал машинку для стрижки кустов, работавшую на аккумуляторной батарее. Правой достал из заднего кармана свежий носовой платок, вытер им губы и сунул его на прежнее место. По радио обещали снегопад. Но до сих пор в это плохо верилось, хотя Джек заметил, как далеко, у самого горизонта, начали собираться облака.

Он направился по дорожке в сторону кустов, перебросив инструмент в другую руку. Работы будет немного, подумал он; слегка подровнять, и все. Холодные ночи наверняка уже замедлили рост веток. Правда, у кролика уши излишне распушились, а на задних лапах у собаки образовалось нечто вроде шпор, зато львы и бык оставались в полном порядке. Хватит легкой стрижки. А потом пусть их завалит снегом погуще.

Бетонная дорожка оборвалась так же внезапно, как кончается трамплин для прыжков в воду. Джек сошел с нее и двинулся дальше, мимо осушенного бассейна, по усыпанной гравием тропе, которая вилась между животными-кустами и кончалась у детской игровой площадки. Он подошел к кролику и включил машинку для стрижки. Та негромко зажужжала.

— Привет, братец Кролик, — сказал Джек. — Как поживаешь? Тебе не помешает снять немного лишнего с головы и ушей? Прекрасно. Будет сделано. Слышал последний анекдот о коммивояжере и старушке, у которой был любимый пудель?

Звук собственного голоса показался Джеку неестественным и даже глупым. Он замолчал. И вдруг понял, что ему не слишком симпатичны эти зеленые звери. Он и раньше считал чем-то вроде извращения кромсать и уродовать кусты и живые изгороди, превращая их в нечто, чем им быть не полагалось. Джек вспомнил, что на пригорке возле одного из шоссе в Вермонте росла живая изгородь, подстриженная в форме рекламы

мороженого. Заставлять природу рекламировать товар казалось не просто неправильным. Это было варварство.

(*Тебя наняли не для того, чтобы ты здесь разводил свои философии, Торранс.*)

А вот это правда, с которой не поспоришь. Он начал ровнять кролику уши, и мелкие обрезки веточек с листьями посыпались в траву. Машинка для стрижки издавала не слишком приятное металлическое гудение, свойственное всем электроприборам. Солнце по-прежнему ярко сияло, но уже почти не грело, и теперь легче верилось, что вскоре может выпасть снег.

Джек резал сноровисто и быстро, зная, что остановиться и задуматься в такой работе порой значило совершить ошибку. Он взялся за мордочку кролика (вблизи она нисколько не напоминала морду, но с расстояния в двадцать шагов игра света и тени в сочетании с воображением наблюдателя создадут необходимое впечатление), а потом слегка прошелся по животу.

Закончив с этим, он отключил машинку, отошел к игровой площадке, а потом резко повернулся, чтобы оценить результаты своих трудов и увидеть кролика целиком. Да, тот выглядел гораздо лучше. Пора браться за собаку.

— Но будь это мой отель, — сообщил Джек, — я к чертовой матери срубил бы весь зоопарк под корень.

И он непременно сделал бы это. Расчистил бы больше места, засеял травой, как остальную лужайку, и поставил бы несколько металлических столиков под яркими зонтиками. Тогда летом постояльцы отеля могли бы пить свои коктейли на свежем воздухе. Все эти «слоу-джины», «маргариты», «розовые леди» и прочие сладкие смеси, которые так нравятся туристам. А может, просто ром с тоником. Джек достал из кармана платок и снова вытер им губы.

— Прекрати, — едва слышно сказал он себе. — Тоже мне, нашел, о чем думать!

Он хотел вернуться к работе, но потом, под влиянием какого-то смутного импульса, передумал и направился вместо этого на игровую площадку. *Забавно, до чего же непостижимые*

существа — дети, размышлял он. Они с Уэнди ожидали, что Дэнни влюбится в эту площадку, где, кажется, было все, что душе угодно. Но Джек знал, что его сын наведался сюда лишь раз пять-шесть или того меньше. Вероятно, будь у него приятель, с которым можно было бы поиграть вместе, дело обстояло бы иначе.

Когда он вошел, калитка слегка скрипнула и под ногами захрустел гравий. Сначала его заинтересовал игрушечный дом — точная копия отеля. Крыша доходила Джеку до середины бедра — то есть примерно до макушки Дэнни. Джек наклонился и заглянул в оконца четвертого этажа.

— Пришел великан, чтобы сожрать всех вас прямо в постельках, — произнес он зловещим глухим голосом. — Попрощайтесь со своими богатствами.

Но и это ему показалось совсем не смешным. Дом можно было полностью открыть, раздвинув удерживаемые защелкой стены. Однако изнутри он представлял собой сплошное разочарование. Покрашенный, но пустой. Хотя это и правильно, подумал Джек. Иначе дети не смогли бы играть здесь. К тому же если и была какая-то игрушечная мебель, то на зиму ее, естественно, убрали — вероятно, в сарай для инвентаря и инструментов. Джек закрыл дом, и его стены сомкнулись с чуть слышным щелчком.

Он подошел к горке, положил машинку для стрижки на землю, всмотрелся в подъездную дорожку, не возвращаются ли Уэнди и Дэнни, а потом забрался наверх и уселся. Он выбрал горку для детей постарше, но желоб все равно оказался узковат для задницы взрослого мужчины. Интересно, когда он в последний раз скатывался с горки? Лет двадцать назад? Казалось невозможным, чтобы это было так давно, он *не чувствовал*, что это было так давно, но именно столько времени и минуло, если не больше. Он помнил, как старик водил его в парк в Берлине, когда ему было столько же лет, сколько сейчас Дэнни, и он развлекался там по полной программе: горки, качели, карусели и все остальное. Потом они обедали хот-догами и покупали с передвижной тележки арахис. Сев на скамейку, ели орешки, а у их ног в великом множестве собирались смурные нахохлившиеся голуби.

— Дерьмовые помоечные птицы, — говорил, бывало, отец, — не надо кормить их, Джеки.

Но кончалось все тем, что оба начинали кидать им орешки и потешались, видя, как голуби бросались на них и жадно склевывали. Насколько он помнил, старик никогда не ходил гулять в парк с его братьями. Джек был любимцем, хотя и ему доставалась своя доля тумаков, когда папаша напивался, что случалось частенько. И все же Джек любил его, любил так долго, как был способен любить, любил даже тогда, когда все остальные члены семьи только ненавидели и боялись его.

Он оттолкнулся руками и съехал вниз, но никакого удовольствия не получил. Горкой давно никто не пользовался, и трение оказалось слишком велико, чтобы развить мало-мальски приличную скорость. Да и ширина бедер тоже сказалась. Его разлапистые взрослые ступни уткнулись в ямку под желобом, куда до них упирались, должно быть, тысячи маленьких ножек. Джек поднялся, отряхнул сзади брюки и посмотрел на машинку для стрижки. Но вместо того чтобы вернуться к работе, подошел к качелям, где его тоже ожидало разочарование. С окончания сезона цепи успели основательно заржаветь и скрипели, словно выли от боли. Джек пообещал себе, что непременно смажет их весной.

Не пора ли остановиться? — подумал он. *Ты уже не ребенок. И едва ли нуждаешься в напоминаниях об этом.*

Но он все же пошел к бетонным кольцам, убедился, что они узковаты для него, миновал их и встал у ограды, обозначавшей дальнюю границу площадки. Он вцепился пальцами в проволоку, и упавшие на лицо тени сделали его похожим на узника за решеткой. Джек почувствовал это и принялся трясти ограду, напустив на себя вид человека жалкого и отчаявшегося.

— Выпустите меня отсюда! Дайте мне волю!

Но и третья попытка пошутить не слишком удалась. Ему действительно настало время продолжить работу.

Именно в этот момент он услышал за спиной какой-то звук.

Джек стремительно повернулся, хмурясь и страшась, что стыда не оберется, если кто-то видел, как он валяет дурака на детской площадке. Он быстро обежал глазами горки, карусель и качели, которые слегка покачивал ветер. Дальше за низким

заборчиком, отделявшим площадку от лужайки и живой изгороди, львы собрались вместе, словно для охраны тропинки, кролик пощипывал травку, припала к земле собака, бык готовился к стремительному бегу. А позади всего этого можно было видеть площадку для гольфа, здание отеля, даже кромку корта для роке у западной оконечности территории, прилегавшей к «Оверлуку».

Вроде бы ничего не изменилось. Тогда почему же у него по лицу и рукам побежали мурашки, а волосы на загривке встали дыбом, словно кожа шеи внезапно натянулась?

Джек снова покосился на отель, но не получил ответа на свой вопрос. «Оверлук» просто стоял, темнели прямоугольники окон, вился дымок из трубы камина в вестибюле.

(Не будь кретином. Принимайся за дело сейчас же, или они вернутся и спросят, чем таким ты был занят все это время.)

Да, конечно, пора поторопиться. Потому что вечером мог выпасть снег, а ему еще предстояло повозиться с треклятыми кустами. Это была часть порученной ему работы. Кроме того, они же не посмеют...

(Кто не посмеет? Чего не посмеет? О чем ты?)

Джек пошел к машинке для стрижки, брошенной у подножия горки, и хруст гравия под ногами показался ему каким-то ненормально громким. Теперь мурашки добрались до его яиц, а ягодицы будто окаменели.

(*Господи Иисусе, да что же это?*)

Он остановился около машинки, но даже не попытался поднять ее с земли. Да, кое-что все-таки изменилось. В конфигурации живой изгороди. И изменения были столь очевидными, столь явными, что даже не сразу бросились ему в глаза. *Перестань! Тебе это мерещится*, передразнил он сам себя. *Ты же только что сам поработал над этим ублюдочным кроликом, так какого хрена...*

(да, вот в чем было дело!)

У него перехватило дыхание.

Кролик лежал на всех четырех лапах и грыз траву. Его живот практически слился с землей. Но всего десять минут назад он стоял на задних лапках — Джек собственноручно подровнял ему уши и... живот.

Его взгляд метнулся в сторону пса. Когда он проходил мимо него по тропинке, пес сидел, словно выпрашивая конфету. Теперь он тоже опустился на все лапы, чуть задрав голову, а его пасть как будто оскалилась. Что же до львов...

(о нет, только не это, нет-нет, не может быть)

львы оказались намного ближе. Двое справа немного сдвинулись ближе друг к другу. Зато хвост третьего, слева, практически перегородил тропу. Джек был уверен, что прежде видел этого льва справа вместе с остальными, а хвост его был обернут вокруг туловища.

Они больше не охраняли тропинку; они блокировали ее.

Джек резким движением прикрыл ладонью глаза, а потом отдернул ее. Ничего не изменилось. Глубокий выдох, слишком тихий для стона, исторгся из его груди. В дни пьянства он постоянно опасался, что рано или поздно с ним произойдет нечто подобное. У алкашей подобное явление именовалось *delirium tremens*, или белой горячкой, которую блестяще продемонстрировал актер Рэй Милланд в «Потерянном уик-энде», когда его герою с перепоя мерещились жуки на стенах дома.

Но как это называлось, если ты был совершенно трезв?

Вопрос, казалось бы, риторический, но мысленно он

(это чистой воды умопомешательство)

все равно ответил на него.

Всматриваясь в животных, Джек понял, что изменения *происходили* даже в то краткое мгновение, когда он закрывал глаза рукой. Собака приблизилась к нему. И она уже не стояла на месте, а, казалось, бросилась бежать — мышцы напряглись, одна из передних лап взметнулась вверх. Зеленая «пасть» разинулась еще шире, а короткие обрезки веток выглядели мерзкими и острыми клыками. И теперь Джеку представлялось, что небольшое углубление в листве — это глаз, смотревший прямо на него.

Зачем их понадобилось прихорашивать? — подумал он в панической истерике. *Они же и так само совершенство.*

Еще один едва уловимый звук. Он невольно сделал шаг назад, посмотрев на львов. Один из двоих справа слегка опережал другого и стлался по земле, лапой почти касаясь низкого заборчика игровой площадки. Господи, что же будет дальше?

(*он перемахнет через забор и сожрет тебя, как в сказках о непослушных мальчиках*)

Это напоминало игру, которой они забавлялись в детстве, «красный свет». Водивший отворачивался и начинал считать, и пока он считал до десяти, игроки могли двигаться вперед. Но если он оборачивался и заставал кого-нибудь в движении, тот выбывал из игры. Следовало совершенно неподвижно замереть и дождаться, пока водивший снова отвернется и начнет считать. Так они подбирались все ближе и ближе, пока в какой-то момент водивший не чувствовал руку на своей спине...

На тропинке зашуршал гравий.

Голова Джека дернулась в сторону собаки, которая уже преодолела половину тропы и, скаля пасть, лишь ненамного отставала от львов. Прежде это была часть живой изгороди, постриженная в виде некой абстрактной собаки, которая переставала походить на пса, если подойти вплотную. Но теперь Джек отчетливо распознал породу. Немецкая овчарка, а овчарки могут представлять серьезную опасность. Он где-то читал, что из них даже специально тренировали собак-убийц.

Тихий хруст ветки.

Лев, располагавшийся слева, уже добрался до забора, практически уткнувшись мордой в доски. Он словно ухмылялся. Джек сделал еще пару шагов назад. В голове у него беспорядочно стучало, и он чувствовал, как хриплое дыхание вырывается через пересохшее горло. Теперь пришел в движение бык. Он стал перемещаться по кругу вправо, огибая фигуру кролика. Бык низко пригнул голову, наставив свои зеленые ветки-рога прямо на Джека. Проблема заключалась в том, что не было никакой возможности уследить за ними. По крайней мере за всеми сразу.

Джек начал тихо подвывать, сам не осознавая, что издает какие-то звуки. Его взгляд метался от одного животного к другому, когда он пытался *застигнуть* их в момент движения. От порывов ветра ветки кустов стучали друг о друга, как клацают зубы голодного хищника. Какой же шум здесь поднимется, если они сцапают его? Это нетрудно было вообразить: рев, крики боли, треск переломанных костей. Все будет...

(нет нет НЕТ НЕТ Я НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ ПОВЕРЮ ЧТО ТАКОЕ ВОЗМОЖНО!)

Он снова закрыл глаза ладонями, а пальцами вцепился себе в волосы, сдавил лоб, пульсирующие виски. И простоял так достаточно долго. Но страх нарастал, и когда он достиг запредельной черты и переносить его стало невозможно, Джек с громким криком оторвал ладони от глаз.

Рядом с площадкой для гольфа сидела на задних лапах собака, с умоляющим видом выпрашивая подачку. Бык с безразличным видом смотрел на роке-корт, как и до прихода Джека. Кролик снова принял вертикальное положение, навострив ухоженные уши, будто ловя каждый звук, и выставив вперед брюшко. Львы приросли к прежним местам рядом с тропинкой.

Джек еще не скоро решился пошевелиться и стоял, как замороженный, пока хрип в горле не унялся, а дыхание не успокоилось. Потом достал пачку сигарет, но первые четыре уронил на землю. Наклонился, чтобы подобрать, но шарил руками вслепую, потому что ни на секунду не мог отвести глаз от фигурных кустов, опасаясь снова заметить их движение. Наконец ему удалось собрать упавшее курево. Три сигареты он сунул обратно в пачку, а четвертую прикурил. Но уже после двух глубоких затяжек бросил и затоптал. Затем вернулся к машинке и поднял ее с земли.

— Я предельно утомлен, — сказал он, и сейчас разговоры с самим собой вслух показались ему чем-то нормальным, а вовсе не признаком безумия. — Нахожусь в постоянном напряжении. Осы... Пьеса... Неприятный разговор с Элом. Но все образуется.

И он не спеша пошел обратно к отелю. Часть его сознания пыталась настаивать, чтобы он свернул, сделал круг, обошел зеленых животных стороной, однако он заставил себя двигаться по тропинке прямо сквозь их строй. Легкий бриз чуть колыхал ветки, но не более того. Ему все просто привиделось. Он пережил чудовищный страх, но теперь с этим покончено.

В кухне «Оверлука» он задержался, чтобы принять две таблетки экседрина, а потом спустился вниз и просматривал бумаги, пока не услышал шум двигателя пикапа, заезжавшего на

гостиничную стоянку. Тогда он вышел навстречу. Чувствовал он себя прекрасно и не видел необходимости даже упоминать о случившейся с ним галлюцинации. Он пережил чудовищный страх, но с этим было покончено.

Глава 24
СНЕГ

Сгущались сумерки.

Они стояли на террасе в меркнущем свете дня, Джек в центре, левой рукой обнимая за плечо Дэнни, а правой держа Уэнди за талию. И все вместе наблюдали, как лишались последней возможности самим решать свою судьбу.

К половине третьего небо окончательно затянули тучи, а часом позже повалил снег, и не нужен был синоптик, чтобы понять, насколько это серьезно. Землю устилали уже не те белые хлопья, которые быстро таяли сами либо их сдувал куда-то обычно усиливавшийся к вечеру ветер. Поначалу снег шел строго вертикально, застилая все вокруг равномерным покровом, но еще через час подул привычный ветер, наметая высокие сугробы у террасы и вдоль подъездной дорожки к «Оверлуку». А за пределами территории отеля дорога окончательно скрылась под плотным белым пологом. Звери тоже исчезли из виду, но, вернувшись домой, Уэнди еще успела их разглядеть и похвалить Джека за отменно проделанную работу.

— Тебе действительно понравилось? — спросил он, но этим и ограничился. А теперь живую изгородь словно накрыли бесформенными белыми одеждами.

Примечательно, но, каждый по-своему, они испытывали сейчас одно и то же чувство: облегчение. Мосты были сожжены.

— Наступит ли когда-нибудь весна? — пробормотала себе под нос Уэнди.

Джек сильнее прижал ее к себе.

— Гораздо скорее, чем ты ожидаешь. Давайте-ка зайдем внутрь и поужинаем. Здесь становится холодновато.

Она улыбнулась. Почти все время после их возвращения домой Джек казался чересчур задумчивым, чтобы не сказать... странным. И вот он снова стал похож на самого себя.

— Я совсем не против. Ты как, Дэнни?

— Конечно.

И они вместе вошли в отель, предоставив ветру без свидетелей набирать тот тонкий, визгливый, воющий тон, который будет продолжаться всю первую ночь, а потом станет до боли привычным для них звуком. Снежинки густо кружились и танцевали по всей террасе. «Оверлук» встречал непогоду невозмутимо, как делал это уже почти три четверти столетия. Его темные окна, обросшие теперь снежными бородами, бесстрастно взирали на то, как отель в очередной раз полностью отрезает от внешнего мира. Быть может, его даже радовала подобная перспектива. А внутри его три человека занялись своими обычными вечерними делами, похожие на микробов, угодивших в чрево огромного чудовища.

Глава 25
В НОМЕРЕ 217

Полторы недели спустя двухфутовый снег лег хрустящим ровным белым слоем на всей примыкавшей к «Оверлуку» территории. Зеленые звери оказались окончательно погребены, и кролик, так и замерзший, стоя на задних лапах, казался странной пирамидой, выраставшей из белой равнины. Некоторые сугробы достигали в высоту пяти футов, но ветер постоянно играл с ними, изменяя их формы, вылепливая замысловатые волнообразные подобия песчаных дюн. Неуклюжий в снегоступах Джек дважды добирался до сарая с инвентарем, чтобы взять лопату и очистить террасу, но в третий раз, пожав плечами, сдался и всего лишь проложил дорожку в высоком сугробе, выросшем перед входной дверью, позволив Дэнни скатываться на санках с образовавшихся склонов. По-настоящему огромные двадцатифутовые горы снега намело с западной стороны «Оверлука», зато за ними ветер оголил землю до прошло-

годней травы. Западные окна засыпало до второго этажа, и вид из ресторана, которым так восхищался Джек в день закрытия сезона, теперь радовал глаз не больше, чем пустой белый экран в кинотеатре. Телефон не работал уже восемь дней, и рация в кабинете Уллмана оставалась единственным средством связи с внешним миром.

Снег шел каждый день. Иногда это были легкие хлопья, чуть присыпавшие блестящий и крепкий снежный наст, а иногда начинался густой снегопад, и низкий вой ветра почти переходил в визгливый женский крик, от которого даже старый отель тревожно сотрясался и постанывал, пусть и был укутан мягким снежным одеялом. Ночью температура не поднималась выше десяти градусов, и хотя порой днем термометр у задней двери кухни мог показывать даже двадцать пять градусов*, пронзительные порывы ветра не позволяли чувствовать себя на улице комфортно без шерстяной лыжной маски, натянутой на лицо. Но стоило показаться солнцу, как все трое непременно выходили гулять, надев по два комплекта теплого белья и рукавицы поверх обычных перчаток. Прогулки сделались для них насущной необходимостью, и скоро отель был очерчен следами санных полозьев. Вариантов получалось множество: Дэнни сидит в санках — родители тянут; Дэнни сидит в санках и хохочет, пока Уэнди и Джек пытаются тянуть (санки легко бежали по слежавшемуся крепкому снегу, но их трудно было даже сдвинуть с места посреди глубокого мягкого и сухого сугроба); Дэнни в санях с мамой; мама в санях, а двое ее мужчин тянут, причем громко пыхтят при этом, притворно жалуясь, какая она тяжелая. На этих прогулках они много и весело смеялись, но их смех казался натянутым и несколько принужденным на фоне непрестанного громкого завывания не знавшего устали и жалости ветра.

Им встречались следы карибу, а однажды они увидели издали самих этих оленей — пять животных долго стояли неподвижно по другую сторону проволочного заграждения. Торрансы по очереди хватались за бинокль Джека, чтобы разглядеть их получше, но у Уэнди возникло при этом странное чувство нереальности происходившего: животные замерли, глубоко

* Минус 12,2 и минус 3,9 °С соответственно.

погрузив длинные ноги в покрывавший дорогу снег, и она как никогда отчетливо осознала, что до самой весны этот путь годился больше для карибу, чем для них самих. Человек перестал быть всесильным и всемогущим в этих краях, и ей показалось, что карибу понимают это. Отложив бинокль в сторону, она промямлила что-то по поводу скорого обеда и ушла в кухню, где немного поплакала, стараясь избавиться от тщательно сдерживаемой в другое время грусти, которая порой овладевала ею и сдавливала сердце, словно большая и сильная чужая рука. Она думала о карибу. Она вспомнила об осах, которых Джек оставил под салатницей за порогом черного хода, чтобы они замерзли насмерть.

В сарае на гвоздях висело много снегоступов, и Джек подобрал подходящую пару для каждого, хотя те, что достались Дэнни, были слишком велики. Сам Джек уже скоро с легкостью перемещался на них. Он не пользовался снегоступами с детства, проведенного в Нью-Гэмпшире, но научиться заново не составило для него проблемы. Для Уэнди удовольствие оказалось сомнительным — даже пятнадцати минут ходьбы на этих широких платформах было достаточно, чтобы у нее потом страшно болели мышцы ног и ломило лодыжки. Но Дэнни новое занятие увлекло, и он прикладывал все усилия, чтобы овладеть навыком. При этом он часто падал, однако Джек говорил, что у него получается все лучше и лучше. Уже к февралю, предсказывал он, Дэнни в два счет обставит собственного отца.

День снова выдался пасмурным, и к полудню пошел снег. По радио обещали еще от восьми до двенадцати дюймов и пели осанну Осадкам — величайшему из божеств, которому поклонялись все горнолыжники Колорадо. Уэнди, сидевшая в спальне и вязавшая шарф, подумала, что в точности знает, как горнолыжникам следует поступить со всем этим снегом. Точнее, в какое место себе его запихать.

Джек был в подвале. Он спустился туда, чтобы проверить работу топки и котла. Это стало для него обязательным ритуалом с тех пор, как выпал настоящий снег. Убедившись, что с

техникой все благополучно, он проходил сквозь арку, вворачивал лампочку в патрон и усаживался на грязный складной стульчик, найденный тут же. Он просматривал старые записи и документы, постоянно вытирая при этом губы платком. Долгие часы, которые он теперь проводил в полумраке, лишили его лицо даже намека на осенний загар, и когда он сидел, склонившись над пожелтевшими мятыми листками, с неопрятно растрепанными рыжеватыми волосами, падавшими на лоб, вид у него был несколько безумный. Между кипами счетов, накладных и платежных поручений он обнаружил весьма странные вещи. Прямо скажем, наводившие на тревожные мысли. Окровавленную полосу, оторванную от простыни. В буквальном смысле расчлененного плюшевого мишку, казалось, искромсанного ножом. Скомканный листок фиолетовой дамской писчей бумаги, от которого даже десятилетия спустя все еще слабо пахло духами. На листке уже сильно выцветшими синими чернилами было выведено послание, не имевшее конца: *Мой дражайший Томми! Я почему-то не в состоянии здесь все ясно обдумать, как можно было на то надеяться. Обдумать наши с тобой отношения, конечно же, что еще? Ха-ха! Все время что-то мешает. По ночам я вижу странные сны, где все вокруг меня опрокидывается и грохочет. Можешь себе представить такое...* Текст обрывался. Датирован он был 27 июня 1934 года. Еще Джек нашел куклу, которая надевалась на руку и изображала то ли ведьму, то ли колдуна... По крайней мере это был кукольный персонаж с длинными кривыми зубами и в островерхой шляпе. Самым невероятным образом его спрятали между счетами за газ и заказами на минеральную воду «Виши». И было еще что-то вроде стишков, нацарапанных черным карандашом на обороте ресторанного меню: *Медок! Ты слышишь, друг милый? / Я снова бродила во сне этой ночью постылой. / Растенья шевелятся тут под коврами.* На меню не оказалось даты, а стихи — если это вообще можно было назвать стихами — не были подписаны. Смысл оставался неясным, но завораживал. Джеку чудилось, что все эти вещи представляют собой фрагменты мозаики-головоломки, которые однажды могут сложиться в общую картину, стоит только найти правильный порядок для них. И он продолжал свои изыскания, вздрагивая и вытирая

губы всякий раз, когда у него за спиной оживала и начинала громко шуметь топка.

Дэнни снова стоял перед дверью номера 217.

Универсальный ключ лежал в кармане. Он смотрел на дверь с жадностью, с какой наркоман смотрит на дозу, а все его тело выше пояса подрагивало и тряслось даже под теплой фланелевой рубашкой. Он чуть слышно напевал про себя нечто не имевшее мелодии.

А ведь он вовсе не хотел приходить сюда, особенно после случая с пожарным шлангом. Он боялся приходить сюда. Его пугала мысль, что он опять взял ключ, нарушив запрет отца.

Но он *очень хотел* прийти сюда. Любопытство

(сгубило кошку; осведомленность воскресила ее)

рыболовным крючком прочно зацепило его мозг, и в нем непрерывно звучало нечто вроде голосов сирен, которые ничем не возможно заглушить. И разве не сказал ему мистер Холлоран: «Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя»?

(Ты обещал)

(*Обещания для того и дают, чтобы их нарушать.*)

Он ухватился за эту фразу. Ему словно кто-то подкинул ее извне — вкрадчиво, соблазнительно, успокаивающе.

(*Обещания дают чтобы нарушать мой дорогой ром чтобы ломать разбивать крушить размолачивать в щепки. ВПЕРЕД!*)

Его нервное мурлыканье перешло в тихое фальшивое пение:

— Лу, Лу, иди ко мне, Лу, прыг-скок ко мне, Лу, до-о-о-рогая...

Разве не прав был мистер Холлоран? Не по этой ли причине он все же предпочел промолчать и позволить снегу сомкнуться вокруг них?

Просто закрой глаза, а когда посмотришь еще раз, ничего уже не будет.

И правда, то, что он увидел в президентском люксе, исчезло. А змея обернулась обычным пожарным шлангом, чей наконечник упал на пол. Да, да. Даже кровь в президентском

люксе оказалась безвредной. Совсем старой. Она была оставлена там, когда он не родился, когда его еще даже в проекте не было. С ней давно покончено. Просто это как кино, которое способен посмотреть лишь ты один. А так не существовало ничего, ничего во всем отеле, что могло бы причинить ему вред. И если он хотел окончательно убедиться в этом, разве не следовало ему в первую очередь зайти в номер 217?

— Лу, Лу, иди ко мне, Лу...

(Любопытство сгубило кошку, мой дорогой ром, ром мой милый, осведомленность ее воскресила, вернула живой и невредимой, целехонькой от усов и до хвоста; угроза прошла мимо — она жива и невредима. Он знал, что все эти вещи)

(как страшные картинки в книжке, они не могут повредить тебе, но о боже)

(какие у тебя большие зубы, бабушка, или это волк в)

(костюме СИНЕЙ БОРОДЫ или СИНЯЯ БОРОДА в волчьей шкуре. ах, я так)

(рад, что вы спросили, потому что любопытство сгубило кошку, и только НАДЕЖДА все узнать привела его)

в этот коридор, где он осторожно ступал по ковровой дорожке с изломанными темно-синими джунглями. Остановился у огнетушителя, поднял наконечник шланга с пола и положил на отведенное ему место, а потом несколько раз пристукнул по нему пальцем, хотя сердечко все же билось учащенно, и прошептал:

— Ну давай, ударь меня. Ударь меня, дешевый хмырь. Ты ведь на это не способен, верно? Что? Не слышу? Не способен, потому что ты — всего лишь дешевый пожарный шланг. Только и можешь, что валяться здесь. Ну давай же, давай!

Он ощущал собственную браваду как легкое помешательство. Но ничего не произошло. В конце концов, это действительно был всего лишь шланг, кусок брезента с медной насадкой, который можно порвать на части и не услышать ни одного жалобного стона, не почувствовать никакого сопротивления, не увидеть, как он истекает на ковер какой-нибудь зеленой жижей вместо крови, хотя его и называли кишкой. Всего-навсего пожарной кишкой. А не мудрой башкой. Не бриллиантов

мешком. Не змеиным брюшком... И вообще он торопился, очень торопился, потому что

(«я опаздываю, я так опаздываю», — сказал Белый Кролик).

белый кролик. Да. Теперь кролик в живой изгороди перед игровой площадкой, который был прежде зеленым, стал совершенно белым, как будто его каждую ветреную снежную ночь кто-то пугал до смерти, заставив преждевременно состариться и поседеть...

Дэнни достал ключ из кармана и сунул его в замочную скважину.

— Лу, Лу...

(*белый кролик торопился на партию в крокет у Королевы Червей, где играли живыми фламинго вместо молотков и живыми ежиками вместо шаров*)

Он еще раз дотронулся до ключа, ощупав его пальцами. В голове воцарилась звонкая болезненная пустота. Он повернул ключ, и замок открылся плавно и бесшумно.

(*ОТРУБИТЕ ЕМУ ГОЛОВУ! ОТРУБИТЕ ЕМУ ГОЛОВУ! ОТРУБИТЕ ЕМУ ГОЛОВУ!*)

(*эта игра не крокет у молотков ручки более короткие и эта игра называется*)

(*ТРАХ-БУМ! Точно в воротца.*)

(*ОТРУБИТЕ ЕМУ Г-О-О-О-Л-О-О-О-ВУ...*)

Дэнни толкнул дверь. Она распахнулась без малейшего скрипа. Он стоял на пороге комнаты, представлявшей собой комбинацию гостиной и спальни. Хотя снег пока не добрался так высоко — самые высокие наносы оканчивались на фут ниже окон третьего этажа, — в номере было темно, потому что папа две недели назад закрыл ставни вдоль всей западной стены.

Шагнув внутрь, он пошарил рукой справа от себя и нащупал выключатель. В хрустальной люстре под потолком загорелись две лампочки. Дэнни прошел немного дальше и огляделся. Пол покрывал пушистый мягкий ковер неброского розового оттенка. Успокаивающий цвет. Двуспальная кровать под белым покрывалом. Письменный стол

(*Отгадай загадку: что общего у ворона и письменного стола?*)

у большого, закрытого сейчас ставнями окна. В разгар сезона Неутомимый Писатель Открыток

(*Не приехав, вы дали маху: не натерпелись такого же страху*)

наслаждался бы отсюда дивным видом на горы, чтобы отобразить его на бумаге для оставшихся дома родных и близких.

Дэнни прошел еще дальше. Здесь не было ничего, совсем ничего. Только пустая комната, очень холодная, потому что сегодня у папы на очереди был прогрев восточного крыла. Бюро. Стенной шкаф с открытой дверцей, в котором виднелось несколько типично гостиничных вешалок — таких, которые невозможно украсть. Протестантская Библия на прикроватной тумбочке. А слева располагалась дверь в ванную и большое зеркало на ней, в котором сейчас отражался только сам Дэнни с побледневшим лицом. Дверь была чуть приоткрыта и...

Он ясно увидел, как двойник в зеркале медленно кивнул.

Да, именно там оно и находилось, что бы это ни было. За этой дверью. В ванной. Двойник сделал шаг вперед, словно собирался выйти из зеркала. Он вытянул руку, и Дэнни приложил к ней свою ладонь. А потом двойник выпал вбок из поля зрения, когда дверь открылась. Дэнни заглянул внутрь.

Удлиненная старомодная комната. Пол выложен мелкой шестиугольной плиткой белого цвета. В дальнем конце — унитаз с поднятой крышкой. Справа — раковина, и над ней еще одно зеркало, из тех, за которыми обычно прячутся шкафчики для лекарств. Слева — огромная белая ванна на ножках в форме когтистых птичьих лап, шторка задернута. Дэнни вошел внутрь и двинулся в сторону ванны в полубессознательном состоянии, словно покинул собственное тело, как будто все это происходило в одном из навеянных Тони видений, ожидая, что, отдернув шторку, он увидит нечто приятное: что-то, что забыл он сам или потеряла мама, что-то такое, чему они оба будут рады...

И он отдернул шторку.

Женщина в ванне была мертва уже давно. Ее тело распухло и посинело, вздувшийся от газов живот поднимался над поверхностью холодной, схваченной по краям льдом воды ост-

ровком из бывшей человеческой плоти. Ее глаза были устремлены на Дэнни — огромные и отвердевшие, как из мрамора. Она ухмылялась, и ее пурпурные губы растянулись в гримасе. Груди отвисли. Лобковые волосы плавали в воде. Ее руки примерзли к ребристым фарфоровым краям ванны, как крабьи клешни.

Дэнни завизжал. Но с его губ не сорвалось ни звука; вращаясь внутри, крик упал куда-то в глубину его существа, словно камень в глубокий колодец. Он по инерции сделал еще шаг вперед, услышав, как каблук стукнул по шестиугольным плиткам, и в этот момент его мочевой пузырь не выдержал и опорожнился.

Женщина начала подниматься.

Все еще усмехаясь и не сводя с него своих окаменевших глаз, она стала садиться в ванне. Ее мертвые ладони извлекли из белого фаянса скрежещущие звуки. Ее груди болтались, как две старые, потрескавшиеся боксерские груши. С хрустом лопнул тонкий слой льда. Женщина не дышала. Это был труп. Ее жизнь оборвалась много лет назад.

Дэнни повернулся и побежал. Он бросился вон из ванной с выпученными глазами, от страха готовыми вывалиться из глазниц, и вставшими дыбом волосами, похожими, должно быть, на колючки жертвенного ежика, которым собирались сыграть

(в крокет? или в роке?)

вместо шара, с открытым в безмолвном вопле ртом. Он со всего маху врезался в дверь номера 217, которая почему-то оказалась закрытой. И принялся барабанить в нее, совершенно забыв, что она не заперта и, чтобы выбраться в коридор, достаточно лишь повернуть ручку. Он издавал оглушавшие его самого крики, которых, однако, не смог бы услышать ни один другой человек. Он продолжал отчаянно стучать в дверь, а сзади отчетливо звучали шаги мертвой женщины, шедшей за ним следом со вспученным животом, сухими волосами и вытянутыми вперед руками, — это было нечто, пролежавшее в той ванне очень долго, но магическим образом забальзамированное.

Дверь не открывалась, не открывалась, не открывалась.

И тут он внезапно услышал слова Дика Холлорана, настолько успокаивающие, что голосовые связки Дэнни моментально снова ожили, и он издал слабый стон — но не от страха и отчаяния, а от столь желанного сейчас облегчения.

(*Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя... это как картинки в книжке... просто закрой глаза, а когда посмотришь еще раз, ничего уже не будет.*)

Он смежил веки. Сжал пальцы в кулачки. Плечи его напряглись, когда он сделал попытку сосредоточиться.

(*Там ничего нет там ничего нет ничего вообще НИЧЕГО НЕТ ВООБЩЕ ТАМ НИЧЕГО НЕТ!*)

Прошло немного времени. Он стал дышать свободнее, постепенно избавляясь от паники, начиная понимать, что дверь не должна быть заперта и он может в любой момент выйти, когда отсыревшие до костей, распухшие, пахнущие гнилой рыбой руки вдруг мягко ухватили его за горло и заставили повернуться, чтобы вновь увидеть перед собой синюшное мертвое лицо.

Часть четвертая
В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

Глава 26
ТЕРРИТОРИЯ СНОВИДЕНИЙ

От вязания ее начало клонить в сон. Впрочем, сегодня даже Барток навевал бы на нее дрему, а она слушала Баха. Движения ее пальцев становились все более медленными, и когда ее сын сводил знакомство с давней постоялицей номера 217, Уэнди уже спала, уронив вязание на грудь. Пряжа и спицы плавно колыхались в такт ее размеренному дыханию. Она спала крепко, и ей ничего не снилось.

Джек Торранс тоже спал, но сон был поверхностным и тревожным, видения казались слишком реальными, — по крайней мере ему никогда прежде не снилось ничего подобного.

Его веки стали тяжелеть, когда он просматривал пачки счетов за молоко, уложенных сотнями, — всего, казалось, их было несколько десятков тысяч. Тем не менее он кидал беглый взгляд на каждый из этих листков, опасаясь, что если проявит небрежность, может упустить именно тот фрагмент «Оверлукианы», который придал бы всему мистическую взаимосвязь, которая, как не сомневался Джек, существовала и таилась где-то здесь. Он ощущал себя человеком, который бродит с электрическим проводом от лампы по совершенно темной и не-

знакомой комнате в поисках розетки. И если ему удастся найти ее, в награду он удостоится чести увидеть подлинные чудеса.

Он больше не кипятился из-за звонка Эла Шокли и полученного от него нагоняя; как ни странно, ему помогли страшные минуты, пережитые на игровой площадке. Это было чертовски близко к нервному срыву, и Джек не сомневался, что так отреагировало его сознание на личную просьбу Эла, будь он трижды неладен, забыть о книге. Ему поступило нечто вроде внутреннего сигнала: чувство собственного достоинства такого человека, как он, нельзя унижать бесконечно и безнаказанно. Он напишет книгу. И если это означает конец его отношений с Элом Шокли, то так тому и быть. Он напишет биографию отеля, все как было, в деталях и подробностях, а в предисловии расскажет о галлюцинации, посетившей его среди живой изгороди, которая неожиданно обрела способность двигаться. Название он пока придумал не слишком броское, но вполне подходящее: «Странная история отеля "Оверлук"». Все как было, да, именно так. Он будет рубить сплеча, но не в попытке кому-то отомстить, свести счеты с Элом, со Стюартом Уллманом, с Джорджем Хэтфилдом или с собственным папашей (каким бы жалким задиристым пьянчугой тот ни был). Да и ни с кем другим, если на то пошло. Он напишет эту книгу потому, что история отеля «Оверлук» захватила его воображение, — могло ли существовать более простое и честное объяснение его мотивов? Он напишет ее по тем же причинам, по которым создавались все великие литературные произведения, как художественные, так и документальные: правда должна стать общеизвестной. В конце концов, истина всегда становится явной. Он напишет эту книгу, потому что таков его долг.

500 галлонов цельного молока. 100 галлонов пастеризованного молока. Оплачено. Передано в бух. 300 пинт апельсинового сока. Оплачено.

Он сгорбился на складном стуле, все еще держа перед собой кипу счетов, но его глаза уже не различали написанного. Взгляд расфокусировался. Веки отяжелели и стали смыкаться. Его мысли исподволь переключились с «Оверлука» на собствен-

ного отца, работавшего санитаром в общественной больнице в Берлине, штат Нью-Гэмпшир. Настоящий здоровяк. А вернее — толстяк ростом шесть футов два дюйма, то есть даже выше Джека, который вымахал до шести футов ровно, — хотя старика к тому времени уже не было на свете. «Самый мелкий в моем выводке», — любил говаривать он, после чего отпускал Джеку ласковую затрещину и начинал смеяться. У него было двое старших сыновей, причем оба переросли отца, а сестренка Бекки, хотя в итоге и уступила Джеку два дюйма, все равно оставалась выше его почти все их совместное детство.

Его отношения с отцом можно было сравнить с развитием цветка, обещавшего превратиться в очень красивое растение, но, распустившись, открывшего червоточину. До семи лет Джек любил этого высоченного толстопузого мужлана, любил сильно и вопреки всему — тумакам, шишкам, а порой и синякам под глазами.

Он помнил теплые летние вечера, когда дома царил покой. Его старший брат Бретт гулял со своей подружкой, средний брат Майк сидел за учебниками, Бекки вместе с матерью смотрела что-то по старому телевизору. А он сам устраивался в прихожей, одетый только в ночную пижаму, и делал вид, что играет в машинки, хотя на самом деле дожидался момента, когда тишину взорвет оглушительный грохот входной двери и раздастся приветственный рев отца, увидевшего, что Джеки ждал его. Тогда и он сам взвизгнет радостно в ответ, а этот огромный мужчина войдет в прихожую, и под его очень короткими волосами в свете лампы проступит розовый скальп. В том освещении, в своем белом больничном одеянии, с вечно вылезавшей из-за пояса (часто забрызганной кровью) рубахой и брючинами, гармошкой морщившимися над парой черных ботинок, отец всегда немного походил на мягкое, слегка колышущееся необъятное привидение.

Отец сгребал Джека в охапку, и тот летел вверх, причем с такой скоростью, что ему казалось, словно он чувствует давление воздуха на голову, подобное тяжелой свинцовой шапке. Все выше и выше, и оба кричали при этом: «Лифт! Лифт!» Отец подбрасывал его снова и снова, и если бывал сильно пьян, случалось, не успевал вовремя подставить неуклюжие руки, и

Джек, как человек-снаряд, перелетал через его плоскую макушку, чтобы больно удариться об пол прихожей за папочкиной спиной. Но чаще все-таки его кидали и вращали, как смеющуюся тряпичную куклу, в облаке пропитанного пивными парами отцовского дыхания, а потом благополучно ставили на пол, где им овладевала безудержная икота от смеси страха и удовольствия.

Счета выскользнули из обмякших пальцев Джека и тихо спланировали на пол. Его сомкнутые веки, с внутренней стороны которых проступило лицо отца, чуть приоткрылись, но лишь для того, чтобы смежиться снова. Он слегка дернулся, а потом его сознание, подобно счетам или облетевшим осиновым листьям, медленно стало опадать куда-то вниз.

Такой стала первая фаза его отношений с отцом, и по мере того как она подходила к концу, он стал все яснее понимать, что Бекки и старшие братья ненавидели отца, а их мама — невзрачная женщина, чей голос редко поднимался выше чуть слышного бормотания — терпела его, поскольку это предписывалось строгим католическим воспитанием. Но в те дни ему еще не казалось странным, что отец всегда побеждал в спорах со своими детьми, попросту пуская в ход кулаки, и что его собственная сыновья любовь шла рука об руку со страхом. Он боялся игры в лифт, которая в любой момент могла закончиться болезненным падением на пол, с опаской относился к отцовскому медвежьему чувству юмора, к хорошему настроению по выходным, которое могло совершенно внезапно смениться вспышкой злости и ударом «доброй правой». А бывало, его пугала сама мысль, что во время игры на него вдруг упадет сзади широкая отцовская тень. Ближе к финалу этой фазы он стал замечать и другое: Бретт никогда не приводил к ним домой своих девушек, а Майк и Бекки — школьных приятелей и подружек.

Любовь окончательно дала трещину в девять лет, после того как отец с помощью своей трости отправил в больницу маму. Тростью он обзавелся годом ранее, когда попал в автомобильную аварию и стал прихрамывать. И уже не расставался с этой палкой — длинной, черной, толстой, с позолоченным набалдашником. Даже теперь, в полусне, Джек содрогнулся всем

телом, вспомнив жуткий звук, с которым трость рассекала воздух, этот убийственный шипящий свист, предшествовавший удару в стену или... по человеческой плоти. Мать он избил беспричинно, внезапно и даже без скандала, который послужил бы предвестником бури. Они ужинали за общим столом. Трость стояла рядом с отцовским стулом. Это был воскресный вечер, конец трехдневных выходных отца, которые он в своем неподражаемом стиле провел в беспросветном пьянстве. Жареная курица. Фасоль. Картофельное пюре. Папочка во главе стола дремлет над переполненной тарелкой. Мама передает тарелки по кругу остальным. И вдруг отец неожиданно очнулся, его глубоко спрятанные под складками жира глазки загорелись тупым и злобным раздражением. Они впивались по очереди то в одного члена семьи, то в другого, а вена в центре его лба заметно вздулась, что всегда служило недобрым знаком. Одна из огромных конопатых рук легла на сверкающий набалдашник трости, поглаживая его. Потом он сказал что-то по поводу кофе — Джек по сей день был уверен, что речь шла именно о кофе. Мама едва успела открыть рот, чтобы ответить, когда в воздух взметнулась трость и ударила ее по лицу. Кровь хлынула из носа. Закричала Бекки. Мамины очки упали прямо в подливку на ее тарелке. Трость отодвинулась назад и снова обрушилась вниз. На этот раз она угодила в голову, рассекла кожу. Мама повалилась на пол. Отец же вскочил со стула и обежал стол, направляясь к лежавшей на ковре женщине. Он тряс тростью над головой и двигался с поразительными для своей комплекции быстротой и легкостью; маленькие глазки поблескивали, челюсти подрагивали, как и всегда во время таких же беспричинных вспышек гнева: «Вот теперь! Теперь, Богом клянусь! Ты у меня получишь по заслугам! Получишь свое сполна, чертова кукла! Сучка! Приготовься к расплате за все!» Трость поднялась и обрушилась на маму еще семь раз, прежде чем Бретт и Майк сумели ухватить отца за руки, оттащить в сторону, вырвать у него трость. Джек

(маленький Джеки он снова стал маленьким Джеки забывшимся сном и что-то мямлившим себе под нос на грязном стульчике пока у него за спиной бушевало пламя в жившей своей жизнью топке)

в точности знал, сколько ударов было нанесено, потому что каждый глухой звук, который издавала трость, соприкасаясь с телом матери, врезался в его память, словно она превратилась в камень, по которому некий мистический скульптор наносил удары резцом. Семь раз прозвучал этот звук, семь ударов резцом. Ни больше ни меньше. Джек и Бекки плакали, не понимая, что происходит, глядя на мамины очки, лежавшие в кучке пюре с разбитым стеклом, испачканным соусом. Бретт орал в прихожей на отца, грозясь убить его, если он посмеет тронуться с места. И голос самого отца, монотонно повторявшего снова и снова: «Чертова кукла! И ты, жалкий щенок! Бесовское отродье! Отдай мне мою трость, пупс безмозглый! Отдай мне ее». И Бретт, истерически размахивавший тростью над головой и отвечавший: «Да, да, я сейчас ее тебе отдам, только попытайся встать — и получишь ею, сколько захочешь, а потом еще и добавки! Я тебе ее так отдам, что мало не покажется». А потом мама медленно поднялась, ее лицо раздулось и опухло, как перекачанная автомобильная камера, и кровоточило сразу в нескольких местах. И она произнесла совершенно ужасную вещь, единственные слова, что Джек запомнил целиком из всех слов своей матери: «У кого газета? Ваш папа хочет посмотреть комиксы. Дождь уже начался?» А потом она рухнула на колени, и волосы прикрыли часть ее изуродованного, покрытого кровью лица. Майк звонил врачу, бормотал что-то в телефонную трубку. Он может приехать побыстрее? Дело касается их матери. Нет, он не может рассказать, в чем проблема. Только не по телефону. Просто *пусть приезжает* как можно быстрее. Приехал доктор и забрал маму в ту самую больницу, где отец проработал почти всю жизнь. Немного протрезвевший (или просто хитривший, как всякое загнанное в угол животное) отец сообщил доктору, что его жена случайно упала с лестницы. Пятна крови на скатерти? Он пытался утереть ею милое его сердцу личико. «А очки, стало быть, перелетели не только через всю гостиную, но и кухню, чтобы угодить в тарелку с картошкой? — поинтересовался доктор с отчетливым сарказмом в голосе. — Ты хочешь сказать, что так оно и было, Марк? Знаешь, я слышал о парнях, которые могли принимать радиопередачи с помощью коронок на зубах, а однажды раз-

говаривал с человеком, получившим пулю между глаз, но оставшимся невредимым. Однако это что-то новенькое даже для меня». Отец в ответ удрученно покачал головой и признался, что сам недоумевает. Вероятно, очки свалились у нее с носа, когда он на руках отнес ее в кухню. Четверо детей лишь ошеломленно молчали, зачарованные столь очевидной глупой и наглой ложью. Через четыре дня Бретт ушел с работы на мельнице и записался в армию. И Джек всегда считал подлинной причиной такого решения не беспричинное и жестокое избиение отцом матери на глазах у всей семьи, а тот факт, что на больничной койке их матушка слово в слово повторила лживую версию мужа, держа при этом за руку навещавшего ее в тот момент приходского священника. Бретт с отвращением покинул их, предоставив каждого собственной судьбе. Он был убит в провинции Донг Хо в 1965 году, как раз когда Джек, еще старшекурсник колледжа, стал принимать активное участие в антивоенной агитации. Впоследствии Джек размахивал окровавленной рубашкой брата на митингах против продолжения войны во Вьетнаме, на которые собиралось все больше людей. Но перед его мысленным взором стояло не лицо Бретта — он видел распухшее лицо своей оглушенной матери, спрашивавшей: «У кого газета?»

Майк сбежал из семьи через три года, когда Джеку исполнилось двенадцать, собственным усердием заслужив стипендию для учебы в Университете Нью-Гэмпшира. Годом позже скоропостижно скончался отец: его поразил обширный инсульт, когда он готовил пациента к операции. Он упал в своих привычно расхристанных белых одеждах, умерев, вероятно, еще до того, как его громоздкое тело коснулось черно-белых кафельных плиток больничного пола, и три дня спустя человек, который был полновластным хозяином жизни Джека и представлялся ему почти мифической белой фигурой привидения-бога, уже покоился в земле.

Надпись на надгробии гласила: «Марк Энтони Торранс. Любящий отец». Маленькому Джеку хотелось добавить к этому еще одну строчку: «Он умел играть в лифт».

По отцовской страховке была выплачена очень крупная сумма. Есть люди, которые собирают страховые полисы с такой

же страстью, с какой иные коллекционируют монеты или почтовые марки. Папаша Торранс относился именно к этому типу. Одновременно отпала необходимость платить страховые взносы и тратиться на спиртное. Поэтому лет пять они чувствовали себя богатыми. Почти богатыми...

В тревожном, неглубоком сне перед Джеком, словно в зеркале, возникло собственное лицо. Да, это было его лицо, но не совсем. Широко открытые глаза и невинный изгиб губ мальчика, сидящего в коридоре с машинками, дожидаясь своего папочку, дожидаясь белого бога-призрака, дожидаясь головокружительного, сумасшедшего подъема «на лифте» сквозь облако запахов, в котором алкоголь смешался с солью и опилками, дожидаясь вполне вероятного сокрушительного падения на пол, когда под громогласный смех отца перед глазами кружились звезды. И лицо вдруг

(трансформировалось в лицо Дэнни, столь похожее на Джека в детстве, хотя глаза у него светло-синие, а у Дэнни — дымчато-серые, но излучина губ та же, как и нежный светлый цвет лица; Дэнни в его кабинете в одних трусиках, все бумаги намокли, и от них поднимается чудесный аромат пива... вернее, жуткий запах ферментированных дрожжей, вонь пивной... треск кости... его жалкий полупьяный голос: *Дэнни, с тобой все в порядке, док?.. О Боже о Боже милостивый о Господи твоя ручка твоя бедненькая сладкая ручка...* и лицо снова трансформируется в лицо)

(мамы, ошеломленное лицо, поднимающееся из-за края стола, избитое и кровоточащее, и мама сказала)

(*...от вашего отца. Повторяю, сейчас будет передано невероятной важности сообщение от вашего отца. Пожалуйста, оставайтесь на нашей частоте или немедленно настройтесь на волну передачи «Счастливчик Джек». Повторяю, немедленно настройте свои приемники на волну «Счастливый час. Пиво по сниженным ценам только у нас». Повторяю...*)

Звуки медленно затухают. Потом до него начинают доноситься какие-то бестелесные голоса, словно из дальнего, укрытого клубящимся туманом конца коридора.

(*Все время что-то мешает, дражайший мой Томми...*)

(*Медок! Ты слышишь, друг милый? Я снова бродила во сне этой ночью постылой. И от монстров кровь в жилах стыла...*)

(*Простите, мистер Уллман, но разве это не...*)

...кабинет со шкафами для документов, большой рабочий стол Уллмана, чистая книга регистрации постояльцев, заготовленная заранее на новый сезон — этот Уллман тот еще тип, ничего не упустит из виду, — и ключи, аккуратными рядами висящие на крючках,

(кроме одного, кроме какого? кроме какого ключа? кроме универсального, универсального ключа, кто же его взял? если мы поднимемся наверх, то узнаем)

и большой трансивер на полке.

Джек включает его. Приемник трещит и похрипывает. Джек начинает искать волну, и ему попадаются то музыка, то новости, то репортажи с проповедей, где аудитория дружно подвывает своему пастырю, то прогноз погоды. А потом раздается голос отца

«...убить его. Ты должен убить его, Джеки, и ее тоже. Потому что истинный художник должен познать страдание. Потому что каждый из нас убивает тех, кого любит. Потому что они вечно будут строить козни против тебя, сдерживать тебя, тащить тебя на дно. Прямо сейчас этот твой мальчишка находится там, где ему не положено быть. Вторгается в запретное место. Вот что он делает. Треклятый безмозглый щенок. Излупи его за это тростью, Джеки, вышиби из него палкой дух. Пойди выпей, Джеки, мой милый, и мы сыграем с тобой в лифт. А потом я пойду вместе с тобой, чтобы ты прописал ему по первое число. Я знаю, ты можешь. Ты способен на это. Ты должен убить его. Ты должен убить его, Джеки, и ее тоже. Потому что истинный художник должен познать страдание. Потому что каждый из нас...»

Голос отца становился все громче и выше, сводя с ума, срываясь на раздраженный злобный визг, способный лишить рассудка, голос Бога-Призрака, Бога-Свиньи, добравшегося до него по этому радио, и...

— *Нет!* — закричал Джек. — Ты давно *мертв*, ты лежишь в своей могиле. Ты никак не мог проникнуть в меня!

Он действительно так тщательно уничтожал в себе все отцовские черты, что было бы несправедливо, если бы тот вдруг вернулся и вполз внутрь его существа в этом отеле, расположенном в двух тысячах миль от городка в Новой Англии, где отец прожил всю жизнь и умер.

Джек схватил радиоприемник, поднял над головой и с силой обрушил вниз, разбив вдребезги. По полу разметались пружинки и трубочки. Игра в лифт закончилась сокрушительным падением. Он заставил голос отца замолчать, и теперь только его собственный голос, голос Джека твердил в тишине холодной реальности кабинета:

— *...ты мертв, ты давно мертв, ты мертв!*

А потом звук поспешных шагов Уэнди у него над головой, и ее удивленные испуганные возгласы:

— Джек? Джек, где ты?

Он стоял и смотрел на разбитое радио. Теперь единственным средством связи с внешним миром остался стоявший в сарае снегоход.

Он закрыл ладонями глаза и впился пальцами в виски.

У него начинала болеть голова.

Глава 27
КАТАТОНИЯ

Уэнди в одних чулках пробежала по коридору и спустилась по главной лестнице, перепрыгивая через две ступени. Она даже не посмотрела наверх, на покрытый ковровой дорожкой пролет, который вел на третий этаж, иначе увидела бы Дэнни, неподвижно стоявшего у края лестницы, смотревшего куда-то в пространство и сосавшего палец. Воротник и плечи его рубашки насквозь промокли. На шее проступали синяки.

Джек перестал кричать, но от этого ее страх нисколько не уменьшился. Вырванная из глубокого сна грубыми воплями, столь хорошо знакомыми ей по прежним дням, она еще некоторое время надеялась, что по-прежнему спит, но вскоре разум подсказал ей, что дело происходит наяву, и ее ужас только усу-

губился. Она мысленно готовила себя к тому, что ворвется сейчас в кабинет Уллмана и застанет пьяного, ничего не соображающего Джека над телом Дэнни.

Она толкнула дверь, и Джек действительно стоял там, растирая пальцами виски. Его лицо сделалось призрачно-белым. У ног валялась груда стекла и металла — остатки радиостанции.

— Уэнди? — спросил он неуверенно. — Это ты, Уэнди?..

Он явно находился в замешательстве, и на мгновение ей открылось его истинное лицо — лицо, которое он обычно умел так тщательно скрывать: совершенно несчастное, как мордочка животного, попавшего в силки и понимающего невозможность выбраться из них невредимым. Затем мышцы лица пришли в движение, оно сморщилось, как от боли, губы начали подрагивать, кадык заходил вверх-вниз.

И ее собственное недоумение и удивление сменились внезапным шоком: он собирался заплакать. Она и прежде видела его плачущим, но ни разу с того дня, как он бросил пить... Да и тогда он не лил слез, если только не напивался сверх меры и не начинал каяться. Он все-таки был сильным мужчиной, способным терпеть, и его неожиданная слабость повергла Уэнди в панику.

Он шагнул к ней со слезами, уже набрякшими на нижних веках. Его голова бесконтрольно тряслась, словно в бесплодных попытках унять царившую в ней бурю, грудь конвульсивно раздувалась, пока из нее не вырвалось громкое и мучительное рыдание. Его ноги запутались в обломках радиопередатчика, и, споткнувшись, он почти рухнул в объятия Уэнди, заставив ее отшатнуться. Он выдохнул ей прямо в лицо, но алкоголем от него не пахло. Да и как иначе? Во всем отеле не было ни капли спиртного.

— Что произошло? — Уэнди изо всех сил старалась удержать мужа. — Джек, что это было?

Но какое-то время он только сотрясался в рыданиях, обняв ее так крепко, что она почти не могла нормально дышать. При этом он то и дело поворачивал голову из стороны в сторону в попытках избавиться или защититься от каких-то мыслей. Он плакал с тяжелыми, выматывавшими душу всхлипами. И по-

прежнему содрогался — его мускулы непроизвольно сокращались и дергались под клетчатой рубашкой и джинсами.

— Джек! Что такое? Скажи же, что случилось?

Наконец из рыданий и всхлипов родились какие-то слова, поначалу совершенно неразборчивые, но постепенно, по мере иссякания слез, приобретшие некий смысл:

— Сон, я думаю, это был сон, но какой же реалистичный! Я... То есть моя мама вдруг сказала, что папа будет на радио... И я... То есть он... Он говорил мне... Нет, он *кричал* на меня... Поэтому я разбил передатчик... Только бы не слышать его! Он же мертв. И я не желаю видеть его даже во снах. Его нет в живых. Боже мой, Уэнди, Боже мой! У меня никогда прежде не бывало столь жутких кошмаров. И я не хочу, чтобы он повторился. Господи! До чего же это было ужасно!

— Ты просто сел и заснул в этом кабинете?

— Нет... Не здесь. Внизу. — Он немного распрямился и снял с рук Уэнди часть нагрузки, движения его головы сначала замедлились, потом совсем прекратились. — Я просматривал те старые бумаги. Сидел на стуле, который там нашел. Обычные счета за молоко. Скука, да и только. И наверное, поэтому я задремал. Тогда мне и приснился этот сон. Должно быть, я пришел сюда, как лунатик. — Он робко рассмеялся, все еще не снимая головы с ее плеча. — Этого я тоже прежде никогда не делал.

— Где Дэнни, Джек?

— Не знаю. Разве он не с тобой?

— А он... не приходил к тебе в подвал?

Он посмотрел на нее и мгновенно помрачнел, прочитав выражение ее лица.

— Ты ведь никогда не позволишь мне забыть обо всем, так ведь, Уэнди?

— Джек...

— Даже к моему смертному одру ты склонишься и скажешь: «Так тебе и надо! Помнишь тот день, когда ты сломал Дэнни руку?»

— Джек!

— Что — «Джек!»? — вспыльчиво передразнил он и отстранился от нее. — Будешь отрицать, что только об этом и дума-

ешь? О том, как я причинил ему боль. О том, что если я сделал это однажды, то могу поступить так снова. Верно?

— Мне всего лишь хотелось узнать, где он, и только!

— Давай ори на меня, не стесняйся. В твою пустую башку вряд ли придут идеи получше.

Она молча повернулась и вышла из кабинета.

Он посмотрел ей вслед, держа в руке регистрационную книгу, на обложку которой тоже попали осколки передатчика. Потом решительно швырнул книгу в корзину для мусора, бросился вслед за женой и нагнал ее у стойки в вестибюле. Положив ладони на плечи, развернул Уэнди к себе. Она холодно посмотрела на него.

— Уэнди, мне очень жаль. Это все тот кошмарный сон. Я ужасно расстроен. Прости меня, пожалуйста.

— Конечно, — ответила она, но выражение ее лица ничуть не изменилось.

Одеревеневшие плечи выскользнули из-под его ладоней. Уэнди вышла на середину вестибюля и позвала:

— *Эй, док! Ты где?*

Тишина. Она направилась к входным дверям, открыла одну из створок и встала на тропе, проложенной в снегу Джеком. Теперь тропа скорее походила на траншею — слежавшиеся снежные заносы по обе стороны доходили Уэнди до плеч. Она снова выкрикнула имя сына, и дыхание сорвалось с ее губ белым облачком пара. Вернулась она по-настоящему испуганной.

Сдерживая раздражение, он задал ей вполне резонный вопрос:

— Ты уверена, что он не спит у себя в комнате?

— Когда я вязала, то слышала, как он где-то играет. По-моему, он был внизу.

— Но потом ты сама заснула?

— Да. Хотя не вижу, какое это может иметь значение... *Дэнни!*

— А ты догадалась заглянуть в его спальню, прежде чем спуститься сюда?

— Я... — Она замолчала.

Он кивнул:

— Так я и думал.

Не дожидаясь ее, Джек начал подниматься по лестнице. Она устремилась за ним, стараясь догнать, но он перемахивал по три ступени зараз. И все же она почти врезалась ему в спину, когда он вдруг остановился как вкопанный на площадке второго этажа. Словно врос в пол, глядя вверх округлившимися глазами.

— Что?.. — начала она, но потом проследила его взгляд.

Там стоял Дэнни с совершенно пустыми глазами и сосал большой палец. Отметины на его горле четко виднелись в ярком свете электрических бра.

— *Дэнни!* — взвизгнула она.

Звук ее голоса вывел Джека из паралича, и они оба бросились вверх, туда, где стоял их сын. Уэнди упала перед ним на колени и обвила руками. Дэнни покорно дал себя обнять, но сам не обнял ее. Уэнди словно прижала к себе обитую тряпками палку, и приторный вкус ужаса вдруг наполнил ее рот. Мальчик продолжал сосать палец и смотреть куда-то в пространство за спинами родителей.

— Дэнни, что с тобой произошло? — спросил Джек. Он протянул руку, чтобы дотронуться до припухлости на шее мальчика. — Кто сделал это с...

— *Не смей даже пальцем прикасаться к нему!* — прошипела Уэнди.

Она подхватила Дэнни на руки и уже преодолела половину пролета, прежде чем растерянный Джек сумел подняться с колен.

— Что? Уэнди, о чем, черт побери, ты толку...

— Не смей прикасаться к нему! Я убью тебя, если ты еще раз хотя бы дотронешься до него!

— Уэнди, но...

— Ты — ублюдок!

Она снова повернулась и сбежала по ступенькам на второй этаж. Голова Дэнни безвольно тряслась в такт ее шагам. Большой палец был надежно погружен в рот. Глаза походили на два покрытых мыльной пеной окна. На лестничной площадке Уэнди повернула направо. Джек слышал, как она дошла до их квартиры. Потом громко захлопнулась дверь большой спальни.

Встала на место задвижка, повернулся замок. Короткая пауза. И едва слышные, приглушенные звуки ее утешений.

Он сам не знал, сколько простоял в полнейшем оцепенении от всего того, что успело произойти за столь краткий промежуток времени. Он еще не окончательно стряхнул себя кошмарный сон, и потому все вокруг воспринималось им в несколько искаженном виде. Он словно принял небольшую дозу мескалина. Быть может, он действительно причинил Дэнни боль, как восприняла это Уэнди? Пытался задушить собственного сына, выполняя наказ покойника-папочки? Нет. Он никогда не причинил бы Дэнни вред.

(*Он упал с лестницы, доктор.*)

То есть он никогда *больше* не причинил бы Дэнни вред.

(*Откуда я мог знать, что дымовая шашка окажется бракованной?*)

Он ни разу в жизни не совершал дурных поступков, если был трезв.

(*Вот только чуть не убил Джорджа Хэтфилда.*)

— Нет! — выкрикнул он в темноту. А потом стал лупить себя кулаками по бедрам, снова и снова, снова и снова.

Уэнди сидела в глубоком мягком кресле у окна, держа Дэнни на коленях, обнимая его и бормоча обычные в таких случаях бессмысленные слова, которые никогда не вспомнишь потом, вне зависимости от того, чем все закончится. Он свернулся в ее объятиях, не противясь им, но как будто и не особенно радуясь, похожий на вырезанную из бумаги фигурку, никак не отреагировавшую, когда откуда-то из коридора донесся громкий крик Джека: «Нет!»

Растерянность немного отступила, но на смену ей пришло другое чувство. Панический страх.

Это сделал Джек. Никаких сомнений она не испытывала. Его попытки отрицать содеянное ничего для нее не значили. Ей казалось вполне вероятным, что в своем кошмарном сне Джек мог попытаться задушить Дэнни с такой же легкостью,

с какой разнес на куски радиопередатчик. С ним снова случился срыв. Да, но что теперь делать ей? Не могла же она навсегда запереться от него в этой комнате? Им элементарно нужно будет что-то есть.

Впрочем, перед ней стоял всего один по-настоящему серьезный вопрос, и в ее сознании он был задан хладнокровно и прагматично, как звучит материнский голос, спокойный и бесстрастный, поскольку речь шла не о них с сыном, а о Джеке. Самосохранение полностью уходило на второй план на фоне стремления к безопасности сына, а вопрос звучал так:

(*Насколько реальную угрозу представляет Джек?*)

Он отрицал, что сделал это. Был, казалось, искренне потрясен при виде синяков и отрешенности Дэнни. И если синяки все-таки были делом его рук, то ответственность за них несла какая-то иная его ипостась. Тот факт, что он совершил все это в глубоком сне, казался ей сейчас в каком-то извращенном, вывернутом наизнанку смысле даже обнадеживающим. Оставалась ли возможность довериться ему и попросить срочно вывезти их отсюда? Доставить вниз, к людям. А потом...

Но она даже не стала загадывать, что будет дальше, если они живыми и невредимыми доберутся до приемной доктора Эдмондса в Сайдуайндере. В этом не было никакого смысла. Для размышлений ей вполне хватало той кризисной ситуации, в которой они оказались сейчас.

Она продолжала что-то мурлыкать на ухо Дэнни, укачивая его на груди. Ее пальцы, касаясь его плеч, почувствовали, что футболка на нем влажная, но они передали эту информацию мозгу как не имеющую особого значения. Если бы связь осязания с сознанием оказалась более полной, она бы непременно вспомнила, что руки Джека, когда он прижимался к ней в кабинете и плакал у нее на плече, были совершенно сухими. А это могло заставить ее задуматься. Но голова Уэнди по-прежнему была занята совершенно другим. Ей предстояло принять решение: обращаться к Джеку или нет.

Хотя тут и решать было особенно нечего. В одиночку она не могла сделать ничего. Ее лишили даже возможности спуститься с Дэнни в кабинет и вызвать помощь по рации. Мальчик

пережил невероятный шок. Его в экстренном порядке необходимо эвакуировать отсюда, чтобы избежать дальнейших повреждений, которые будут носить необратимый характер. Пока она даже мысли не допускала, что такие повреждения могли быть уже нанесены.

И все же она мучительно обдумывала ситуацию в поисках альтернативы. Уж очень ей не хотелось, чтобы Дэнни вновь оказался в пределах досягаемости Джека. Она уже корила себя за одно необдуманное решение, принятое вопреки собственному желанию (и желанию Дэнни), когда согласилась остаться на зиму в снежном плену... Ради Джека. А ведь была и еще одна ошибка, представлявшаяся теперь непростительной: ее отказ от идеи развода с мужем. Вот почему сейчас ее воля оказалась почти парализованной страхом, что она снова ошибется и на этот раз жалеть придется каждую минуту каждого дня, отведенного ей до конца жизни.

В отеле не было огнестрельного оружия, но в кухне висели ножи, вот только путь к ним преграждал Джек.

В отчаянных попытках найти выход из положения Уэнди попросту не могла оценить горькую иронию ситуации: еще час назад она мирно спала в полной уверенности, что все идет хорошо, а скоро станет еще лучше. Теперь она была готова всадить в своего мужа нож, если ему вздумается угрожать ей и ее сыну.

Наконец она поднялась из кресла с Дэнни на руках. Колени ее слегка подгибались. Но другого пути не существовало. Ей предстояло исходить из того, что Джек, когда бодрствовал, оставался существом разумным, готовым помочь ей доставить Дэнни в Сайдуайндер к доктору Эдмондсу. И если Джек попытается сделать нечто иное, *то да поможет Бог ему самому*!

Она подошла к двери и отперла засов. Прижав Дэнни к плечу, открыла дверь и выбралась в коридор.

— Джек? — позвала она, заметно нервничая. Ее зов остался без ответа.

С нарастающей опаской Уэнди вышла на лестничную площадку, но Джека там не было. И пока она стояла у края лестницы, размышляя, что предпринять дальше, снизу донеслось пение — громкое, злое, горькое:

Повали мена в клевера-а,
Поцелуй меня, как вчера-а.
И верни любовь навсегда...

Звук его голоса испугал ее гораздо сильнее, чем молчание. Но альтернативы не было. Она начала медленно спускаться по ступеням.

Глава 28
«ЭТО БЫЛА ОНА!»

Джек стоял рядом с лестницей, вслушиваясь в нежные слова утешения, приглушенно доносившиеся сквозь двери квартиры, и постепенно его растерянность стала уступать место озлобленности. Ничто в этом мире не менялось. По крайней мере в восприятии Уэнди. Он мог пробыть в завязке еще лет двадцать — и все равно, приходя домой по вечерам, видел бы (ощущал бы), как чуть заметно раздуваются ее ноздри, когда она пытается уловить в его дыхании неземные ароматы виски или джина. Она неизменно ожидала худшего и готова была свалить на него вину за все. Даже если бы они с Дэнни попали в аварию, столкнувшись с машиной, которой управлял вдрабадан пьяный слепой водитель, сраженный сердечным приступом, она все равно бросила бы на него, Джека, молчаливый укоризненный взгляд и отвернулась.

А какое у нее было лицо, когда она уносила Дэнни в спальню! Сейчас оно живо встало перед ним, и он ощутил жгучее желание кулаком стереть с него это выражение праведного гнева.

Будь оно все проклято! Какое право она имела так к нему относиться?

Да, быть может, имела, но в далеком прошлом, когда он действительно сильно пил и совершал ужасные поступки. Сломать руку Дэнни — что могло быть отвратительнее? Но если мужчина меняется в лучшую сторону, разве не заслуживает он, чтобы его усилия рано или поздно оценили по достоинству?

И ежели он не получает должной похвалы, то, быть может, ему лучше снова удариться во все тяжкие? Например, если тупоголовый папаша постоянно обвиняет свою дочь-девственницу в том, что она спит со всеми парнями в школе, не захочется ли ей (рано или поздно) сделать свою репутацию хотя бы отчасти заслуженной? И если жена по секрету — хотя какой уж тут секрет? — продолжает считать своего трезвенника-мужа горьким пьяницей...

Он спустился на площадку второго этажа и ненадолго там задержался. Достав из заднего кармана платок, вытер им губы, обдумывая возможность пойти в квартиру и начать стучаться в дверь спальни, требуя, чтобы его впустили к собственному сыну. Какое право имела Уэнди вести себя с ним так высокомерно? Никакого, мать ее...

Впрочем, настанет момент, когда ей придется вылезти наружу, если только она не решила посадить себя с сыном на радикально суровую диету. При этой мысли кривая усмешка исказила его губы. Она придет к нему сама. Дайте только срок.

Он спустился на первый этаж, немного постоял у стойки, а потом двинулся вправо. Войдя в зал ресторана, замер в шаге от дверей. На него, отсвечивая прозрачными полиэтиленовыми чехлами, смотрели покрытые белоснежными скатертями столы. Здесь сейчас было пусто, но

(*Ужин будет подан к 20.00*

Снятие масок и начало танцев — в полночь)

И Джек пошел между столами, забыв на время о сидевших наверху жене и сыне, о кошмарном сне, о разбитом передатчике, о синяках. Он то и дело проводил пальцем по скользкой поверхности пластика, стараясь вообразить себе, что творилось здесь той душной августовской ночью 1945 года, когда в войне была одержана победа, а будущее лежало впереди во всем многообразии и новизне, как страна, где сбываются любые мечты. Яркие разноцветные японские фонарики украшали полукругом подъезд к террасе, и желто-золотой свет лился из всех окон, которые теперь покрывал слой снега. Джентльмены и леди в карнавальных костюмах — здесь и сиятельная принцесса, и ее кавалер в ботфортах, — блеск драгоценностей и блеск остроу-

мия, танцы, льющееся рекой спиртное: сначала вино, потом коктейли, а затем, вероятно, убойная смесь виски с пивом. Гул разговоров делался все громче, пока от дирижерского пульта оркестра не раздался веселый возглас: «Маски прочь! Маски долой!»

(*И Красная смерть властвовала...*)

Он обнаружил, что стоит в дальнем конце ресторана, прямо перед дверцами «Колорадо-холла», где в ту ночь 1945 года вся выпивка была для гостей бесплатной.

(*В нашем баре пей вволю, дружище. Все напитки за счет заведения.*)

Раздвинув дверцы, Джек вошел в иссеченное глубокими ломаными тенями помещение бара. И произошло нечто очень странное. Он уже бывал в баре раньше, проверяя инвентарный список, оставленный Уллманом, и знал, что здесь искать нечего. Полки были совершенно пусты. Но сейчас при скудном свете, пробивавшемся из ресторана (который сам по себе не был слишком ярок из-за застившего окна снега), ему вдруг показалось, что он видит ряды бутылок, смутно поблескивавших позади стойки. Сифоны с содовой. А из трех отполированных кранов медленно капало пиво. Да, он даже как будто *чувствовал* пивной запах — влажное ферментированное дрожжевое амбре, так похожее на облако, окутывавшее лицо его отца, когда тот возвращался домой после работы.

С расширившимися от удивления глазами он нащупал на стене выключатель, и бар интимно подсветился кругами двадцативаттных лампочек, вставленных в старые колеса от конных повозок, которые приспособили под люстры.

Разумеется, полки оказались пустыми. На них даже не успела скопиться пыль. Отверстия кранов были совершенно сухи, как и хромированные сливные решетки под ними. Слева и справа протянулись отделанные бархатом кабинки, призванные создать максимальный уют для желавших уединиться парочек. Прямо перед Джеком на красном ковре стояли по периметру подковообразной барной стойки сорок высоких стульев. Каждый стул был обтянут натуральной кожей с выжженным тавром, какими клеймили крупный рогатый скот: «Стадо Х», «Бар Ди Бар» (очень к месту), «Бешеный В», «Ленивая Б».

Слегка тряхнув головой, Джек подошел ближе. Это было в какой-то степени похоже на тот случай на игровой площадке... Впрочем, вспоминать о нем сейчас не особенно хотелось, да и не имело смысла. Он мог поклясться, что действительно только что видел бутылки, хотя и смутно, как видишь очертания мебели в комнате с задернутыми шторами. Легкие отблески бутылочного стекла. Единственным, что не пропало, был запах пива, но Джек прекрасно знал, что с годами он попросту въедается в дерево барных стоек и никакими чистящими средствами его уже не вывести. Однако здесь запах казался особенно острым... почти свежим.

Джек уселся на стул и уперся локтями в кожаный край стойки. Слева от него стояла вазочка для жареного арахиса — само собой, пустая. Первый бар, в который он зашел за девятнадцать месяцев, и в этой треклятой дыре не могли налить ни капли. Вот уж повезло. И все равно его захлестнула мощная волна горькой ностальгии, и бессознательное, чисто физиологическое желание выпить стало ощущаться где-то в области желудка, постепенно поднимаясь к горлу, рту, носу, по мере продвижения щекоча и раздражая рецепторы, заставляя их буквально взывать о чем-то жидком, крепком и хорошо охлажденном.

С совершенно безумной, иррациональной вспышкой надежды Джек вновь посмотрел на полки, но они, как и прежде, были пусты. Он скривился в усмешке, полной тоски и разочарования. Его пальцы, медленно сжавшись в кулаки, оставили чуть заметные царапины на мягкой коже стойки.

— Привет, Ллойд, — сказал он. — Вижу, сегодня у тебя немноголюдно.

Ллойд охотно подтвердил это наблюдение. Ллойд спросил, что он будет пить.

— Ты не представляешь, как я рад, что ты задал этот вопрос, — оживился Джек. — Очень рад. Потому что у меня в кармане лежит двадцатка и две десятки, которые я хотел бы потратить, но уже думал, что придется дожидаться апреля. Здесь во всей округе нет ни одного супермаркета, поверишь ли? Ни одного. А я-то считал, что супермаркеты есть уже даже *на луне*, будь она трижды неладна!

Ллойд понимал его чувства.

— Так вот что я тебе скажу, — продолжал Джек. — Организуй-ка мне двадцать мартини. Ровно двадцать — и ни одним меньше. Плачу наличными. По одному за каждый месяц воздержания и еще один для затравки. Ты же можешь для меня это сделать? Не слишком занят?

Ллойд заверил, что не занят сейчас вообще ничем.

— Наш человек! И построй мне этих «марсиан» в шеренгу вдоль стойки, а я буду заглатывать их одного за другим. Таково уж бремя белого человека, друг мой Ллойд.

Бармен отвернулся, чтобы взяться за работу. Джек полез в карман за деньгами, но вместо них вытащил пузырек с экседрином. Его зажим для банкнот лежал в ящике стола в спальне, в которой заперлась прошмандовка-жена. Очень мило с твоей стороны, Уэнди, сучье ты вымя!

— Знаешь, я вдруг обнаружил, что у меня сейчас нет при себе налички, — сказал Джек. — Мне здесь доверят выпивку в кредит, как думаешь, Ллойд?

Ллойд считал, что с кредитом проблем не возникнет.

— Это просто прекрасно. Ты мне нравишься, Ллойд. Ты всегда был первым номером в своем деле. Лучший чертов бармен от Барре до Портленда в штате Мэн. Или даже до Портленда в Орегоне, если на то пошло.

Ллойд поблагодарил его за столь лестную оценку.

Джек отвинтил крышку с пузырька, вытряхнул две таблетки на ладонь и отправил их в рот. Знакомый манящий кисловатый вкус, который так ему нравился.

Но при этом у него вдруг появилось ощущение, что какие-то люди наблюдают за ним с любопытством и некоторым презрением. Кабинки у него за спиной теперь, казалось, были заняты. В них сидели, должно быть, седеющие представительные мужчины и красивые юные девицы в маскарадных костюмах и смотрели с холодным интересом на его театральное выступление.

Джек резко развернулся на стуле.

Пустые кабинки тянулись от дверей к барной стойке, слева их ряд уходил за край изгиба подковы. Мягкие кожаные диванчики. Матово поблескивающие столики из темной пласт-

массы. На каждом по пепельнице, а в каждой пепельнице — по книжечке спичек с золотыми словами «Колорадо-холл» над стилизованным изображением дверей бара.

Джек снова развернулся и, поморщившись, сглотнул остатки полурастворившихся таблеток.

— Ллойд, да ты просто чудо! — сказал он. — Уже готово. Твоя скорость сравнима лишь с душевной красотой твоих неаполитанских глаз. Салют!

Джек обвел взглядом двадцать воображаемых напитков, двадцать бокалов с мартини, покрытых мелкими капельками конденсата, и в каждом покоилась нанизанная на шпажку крупная оливка. Он почти ощущал разлившийся в воздухе аромат джина.

— Кстати, о тех, кто бросил пить, — сказал Джек. — Тебе встречались джентльмены, которые ушли в глухую завязку?

Ллойд признал, что время от времени ему попадались подобные господа.

— А доводилось ли тебе сводить знакомство с теми, кто вновь принимался за старое?

Ллойд честно ответил, что не припоминает подобных случаев.

— Значит, я стану первым, — ухмыльнулся Джек.

Он обвил пальцами воздух вокруг первого «бокала», поднес руку к жадно распахнутому рту и опрокинул пустоту внутрь. Сглотнув, швырнул воображаемый бокал через плечо. Разодетые люди вернулись в кабинки и продолжали наблюдать за ним, смеясь, прикрывая рты ладонями. Он спиной ощущал их присутствие. Если бы в заднюю стенку бара вставили зеркала, а не глухие полки, Джек мог бы их видеть. Впрочем, пусть пялятся. Пошли они... Пусть смотрят все желающие.

— Стало быть, таких ты больше не встречал, — продолжил он беседу с Ллойдом. — Оно и понятно. Немногие отваживаются вернуться в мир пьющих, но зато каждый, кто это делает, может рассказать свою страшную историю о пережитом. Когда ты уходишь в завязку, тебя словно возносят на роскошную, ослепительную, парадную платформу, которая кажется тебе самой потрясающей из всех, какие ты только видел прежде. И колеса у нее преогромные — футов, наверное, десять в вы-

соту, чтобы держаться как можно дальше от грязной канавы, в которой валяются все эти пьянчуги, неразлучные со своими коктейлями, бутылками виски, спрятанными в коричневые бумажные пакеты, и прочими бурбонами. Но сам ты больше не ловишь на себе презрительных взглядов всех этих чистоплюев, которые прежде открыто намекали, что тебе лучше исправиться или отправляться пить дальше в какой-нибудь другой город. Если смотреть со дна грязной канавы, платформа для трезвенников действительно выглядит чудом из чудес. Вот так-то, Ллойд, мой мальчик. Она вся украшена лентами, и оркестр гремит впереди, а по бокам маршируют девицы в коротких юбчонках, вращая золотистые тросточки и задирая ноги так, что только сверкают белые трусики. Да, ты оказываешься на этой платформе, где никому нет дела до жалких алкашей, которым необходим непрерывный опохмел, которые дышат собственным перегаром, и снова пьянеют от него, и роются в своей канаве в поисках курева — хоть какого-нибудь затоптанного бычка, не докуренного на полдюйма.

Он опустошил еще два воображаемых мартини и снова швырнул пустые бокалы за спину. Причем ему показалось, что он слышит, как они разлетаются вдребезги, ударившись в пол. И он, черт побери, действительно начал ловить кайф. Пусть всего лишь от экседрина.

— Стало быть, ты взбираешься наверх, — возобновил он рассказ. — И как же ты рад оказаться там! Бог ты мой, что за чувство! Твоя платформа — самая большая и красивая во всем парадном строю, а вдоль улицы толпами выстраиваются люди, которые аплодируют, выкрикивают приветствия, машут руками, и все это персонально для тебя. Не считая тех пьянчуг, которые валяются, отрубившись, в своей грязной яме. Это, конечно, твои бывшие друзья, но все уже осталось в прошлом.

Он поднес пустой кулак ко рту и проглотил еще одну «порцию» — с четырьмя покончено, шестнадцать в запасе. Пока все шло отлично. Он слегка покачнулся на стуле. Пусть их смотрят, если нравится. Можете даже сделать фото, ребята. Дольше будете меня помнить.

— Но потом ты начинаешь кое-что замечать, старина Ллойди. То, чего не видно со дна канавы. Например, что пол плат-

формы сколочен из простых сосновых досок, причем таких свежих, что из них еще сочится смола, а если снять носки, непременно засадишь себе в пятку занозу. Да и присесть там не на что. Только длинные жесткие скамейки без единой подушки, чтобы подложить под задницу. И вообще скамьи-то церковные, и через каждые пять футов разложены псалтыри. А почти все места на скамьях заняты плоскогрудыми нахохленными старыми птичками в платьях до пола, с маленькими личиками, торчащими поверх воротников, с волосами, стянутыми сзади в пучки так туго, что кажется, вот-вот заорут от боли. Лица все плоские, бледные, но восторженные, и они хором поют: «Соберемся у реки-и-и, у прекрасной у реки-и-и...» А выше всех сидит за органом блондинистая сучка, наяривает по клавишам и заставляет их петь все громче и громче. Кто-то сует тебе в руки такой же молитвенник и внушает: «Пой с нами, брат. Если хочешь удержаться на этой высокой платформе, ты должен петь утром, днем и вечером. Особенно вечером». Вот когда ты начинаешь понимать, Ллойд, что такое на самом деле эта платформа. Церковь с решетками на окнах, вот что. Храм для женщин, но тюрьма для тебя.

Он замолк. Ллойд ушел. Хуже того — никакого Ллойда здесь и не было. Не было никаких напитков. Только люди в кабинках, люди, пришедшие с карнавала, — он почти мог слышать их сдавленные смешки, когда они прикрывали рты ладонями и тыкали в него пальцами, а в их глазах блестели злобные отсветы лампочек.

Джек снова развернулся.

— Оставьте меня в...

(покое?)

Но все кабинки пустовали. Звуки смеха затихли, как шуршание осенних листьев. Джек долго осматривал пустой зал округлившимися глазами, и взгляд его был мрачен. В центре лба пульсировала набрякшая жилка. В самой глубине его сознания уже складывалась леденящая душу уверенность, и уверенность эта заключалась в том, что он сходит с ума. Он почувствовал желание схватить стоявший рядом стул и пройтись с ним по всему бару сокрушительным мстительным вихрем. Но вместо этого он снова повернулся к стойке и начал завывать:

Повали мена в клевера-а,
Поцелуй меня, как вчера-а.
И верни любовь навсегда...

Перед ним вдруг встало лицо Дэнни, но это было не его обычное личико, такое милое и вечно любопытное, с сияющими, распахнутыми миру глазами, а незнакомое лицо заторможенного зомби, с потухшими, словно подернутыми пленкой глазницами и губами, совсем по-детски плотно сомкнутыми вокруг большого пальца. Какого же дьявола он сидел здесь, разговаривая сам с собой, как обиженный на весь мир подросток, если в этот момент где-то наверху его сын вел себя так, словно по нему плакала палата с мягкими стенами, как вел себя, по словам Уолли Холлиса, Вик Стенгер, пока за ним не приехали люди в белых халатах?

(*Но ведь я его и пальцем не тронул, черт побери! Даже не прикасался к нему!*)

— Джек? — Робкий, нерешительный голос.

От неожиданности он так вздрогнул, что чуть не упал вместе со стулом, пытаясь развернуться. В дверях бара стояла Уэнди с Дэнни на руках. Мальчик напоминал восковую фигуру из передвижного шоу ужасов. А втроем они сейчас воплощали сцену, прекрасно знакомую Джеку, знатоку драматургии: это был конец второго акта старинной назидательной пьесы, но поставленной так плохо, что не нашлось подходящих декораций для вертепа.

— Я его и пальцем не тронул, — хрипло сказал Джек. — Ни разу не наказывал с тех пор, как сломал руку. Даже не отшлепал.

— Сейчас это уже не важно, Джек. Главное...

— *Нет, это важно!* — выкрикнул он и обрушил кулак на барную стойку с такой силой, что пустая вазочка для орешков подпрыгнула. — *Это важно! Это чертовски важно!*

— Джек, нам необходимо вывезти его отсюда. Он сейчас...

Дэнни вдруг начал беспокойно крутиться у нее на руках. Апатичное, отсутствующее выражение на его лице вдруг сломалось, как трескается слой льда, сковывавший прежде живую материю. Его губы брезгливо скривились, словно он попробо-

вал на вкус что-то очень неприятное. Зрачки расширились. Руки взлетели вверх, будто пытаясь закрыть глаза, потом вновь бессильно упали.

Внезапно он обмер на руках у Уэнди, а потом выгнул спину, заставив ее пошатнуться. И начал кричать: безумный визг вырывался из его горла. Эти звуки, казалось, заполнили собой все пространство, волнами возвращаясь назад, как плач баньши. Впечатление было такое, что визгом исходил не один Дэнни, а сотни ему подобных одновременно.

— *Джек!* — в ужасе воскликнула Уэнди. — *Боже мой, Джек! Что с ним происходит?*

Джек сорвался со стула, чувствуя онемение во всей нижней части тела, испуганный, как никогда прежде в своей жизни. В какую же черную дыру заглянул его сын? В какое зловещее гнездо? И кто его там так больно ужалил?

— Дэнни! — взревел он. — *Дэнни!*

И Дэнни увидел его. Он вырвался из материнских объятий с такой неожиданной и яростной силой, что Уэнди не смогла удержать его. Она качнулась назад и чуть не упала в одну из кабинок.

— *Папочка!* — закричал он, бросаясь к Джеку с глазами, полными ужаса. — *О, папа, папочка! Это была она! Она! Она! О, папочка-а-а!*

Он врезался в Джека, и тот тоже едва устоял на ногах. Мальчик сначала вцепился в отца, словно собираясь поколотить его, потом ухватился за брючный ремень и разрыдался ему в рубашку, сквозь ткань которой Джек кожей чувствовал разгоряченное лицо сына и его непрерывно шевелившиеся губы.

Папочка, это была она.

Джек медленно поднял взгляд на Уэнди. Его глаза блестели, как две мелкие серебряные монеты.

— Уэнди? — Его голос звучал негромко, даже вкрадчиво. — Что ты с ним сделала, Уэнди?

Ошеломленная жена уставилась на него, не веря своим ушам, ее лицо побледнело.

— Джек, неужели ты всерьез?..

За окном снова повалил густой снег.

Глава 29
РАЗГОВОР НА КУХНЕ

Джек отнес Дэнни, которого по-прежнему сотрясали рыдания и который отказывался оторвать лицо от рубашки отца, на кухню, где передал на руки Уэнди. Она казалась растерянной и обескураженной.

— Джек, я не знаю, о чем он говорит. Пожалуйста, поверь мне!

— Я верю, — отозвался он, хотя в глубине души не мог не признаться, что столь внезапный поворот сюжета доставил ему некоторое удовольствие. Но его вспышка подозрительности в отношении Уэнди была наигранной. Ведь он прекрасно знал, что она скорее обольет себя бензином и чиркнет спичкой, чем обидит Дэнни, не говоря уже о том, чтобы причинить ему боль.

На плите забулькал чайник. Джек бросил в большую керамическую кружку пакетик с заваркой и до половины залил кипятком.

— У тебя ведь есть кулинарный херес, верно? — спросил он Уэнди.

— Что?.. Ах да, конечно. Есть две или три бутылки.

— В каком шкафу?

Она показала, и Джек снял с полки початую бутылку. Отмерив полную чайную ложку хереса, он добавил его в чай, поставил бутылку на место, а потом дополнил кружку до краев молоком. Туда же он насыпал три столовых ложки сахарного песка и тщательно размешал. После чего протянул кружку Дэнни, чьи рыдания постепенно перешли в тихие всхлипы, хотя он продолжал дрожать всем телом, а в его глазах сквозил ужас.

— Хочу, чтобы ты это выпил, док, — сказал Джек. — На вкус оно покажется тебе редкостной гадостью, но зато ты сразу почувствуешь себя лучше. Можешь выпить за папу?

Дэнни с готовностью взял кружку. Отпил немного, скорчил рожицу и вопросительно посмотрел на отца. Джек кивнул, и мальчик сделал еще глоток. Где-то в глубине души Уэнди по-

чувствовала знакомый укол ревности, зная, что сын не стал бы так мучить себя ради нее.

И тут же последовала неприятная, даже тревожная мысль: неужели ей *хотелось*, чтобы во всем оказался виноват Джек? Неужели ее ревность была так сильна? Такое желание непременно возникло бы у ее матери. Ей вспомнилось одно воскресенье, когда отец повел ее гулять в парк, а она сорвалась с каната на игровой площадке и расцарапала себе обе коленки. И сцена, которую закатила ему мать по возвращении домой: *Ты только посмотри, что ты натворил! Почему ты не присматривал за ней как положено? Какой же ты после этого отец?*

(Своими бесконечными придирками она довела его до могилы; он развелся с ней, но сделал это слишком поздно.)

Вот и она тоже ни на секунду не позволила себе усомниться в виновности Джека. Ни на мгновение. От подобных мыслей лицо Уэнди слегка зарделось, но при этом она с какой-то безнадежностью поняла, что если бы все повторилось заново, она бы и думала, и поступала точно так же. Частица характера матери засела в ней навсегда, и здесь уж ничего не поделаешь.

— Джек... — начала она, сама не зная, собирается ли извиняться или оправдывать его. И то и другое, как она понимала, было бесполезно.

— Не сейчас! — отрезал он.

Дэнни потребовалось пятнадцать минут, чтобы справиться с половиной содержимого большой кружки, и за это время он заметно успокоился. Дрожь почти полностью унялась.

Джек с очень серьезным видом положил руки на плечи сыну.

— Дэнни, как считаешь, ты теперь можешь в точности рассказать нам, что с тобой произошло? Это крайне важно.

Дэнни перевел взгляд с Джека на Уэнди и обратно. В наступившей ненадолго тишине их положение ощущалось особенно отчетливо: завывание ветра за стенами, наносившего с северо-запада новый снег, поскрипывания и стоны старого отеля, готовившегося встретить еще одну бурю. Словно удар под сердце, Уэнди снова с неожиданной силой ощутила их полнейшую изоляцию.

— Я хочу... рассказать вам обо всем, — сказал Дэнни. — Мне надо было сделать это уже давно.

Он зажал кружку между ладонями, словно ее тепло придавало ему дополнительные силы.

— Почему же не рассказал, сынок? — Джек нежным движением убрал влажную от пота прядь волос, упавшую Дэнни на глаза.

— Потому что дядя Эл нашел для тебя эту работу. И я не мог понять, как тебе может быть здесь хорошо и плохо одновременно. Это стало... — Он поднял взгляд, ища у них помощи, не в состоянии сам подобрать нужное слово.

— Дилеммой? — мягко спросила Уэнди. — Оба варианта казались тебе не слишком подходящими?

— Да, точно, — кивнул он с облегчением.

Уэнди сказала:

— В тот день, когда ты стриг живую изгородь, мы с Дэнни серьезно поговорили в пикапе. Это был день первого большого снегопада. Помнишь?

Джек кивнул. Тот день, когда он подрезал живую изгородь, четко врезался ему в память.

Уэнди вздохнула.

— Но мы тогда не все сказали друг другу. Верно, док?

Дэнни горестно помотал головой.

— О чем же именно вы тогда разговаривали? — спросил Джек. — Не уверен, что мне по душе ситуация, когда мои жена и сын...

— ...говорят друг с другом о том, как они тебя любят?

— О чем бы ни шла речь, мне это странно. Я чувствую себя человеком, пришедшим в кино посреди сеанса.

— Мы обсуждали тебя, — спокойно объяснила Уэнди. — И хотя, быть может, не все выразили в словах, оба поняли главное. Ведь я твоя жена, а Дэнни... он вообще очень многое понимает.

Джек молчал.

— Дэнни все сказал правильно. Это место казалось очень подходящим для тебя. Тебе удалось вырваться из-под того давления, которое приносило тебе столько огорчений в Стовингтоне. Ты стал сам себе начальником, и работать тебе предсто-

яло в основном руками, чтобы приберечь мозги — всю свою умственную энергию — для вечернего творчества. А потом... Не могу сказать в точности, с какого момента... Это место стало для тебя неподходящим. Ты начал проводить слишком много времени в подвале, перебирая те старые бумаги, копаясь в забытой истории. И разговаривать во сне...

— Разговаривать во сне? — спросил Джек, причем его лицо приобрело не только удивленное, но и слегка обеспокоенное выражение. — Я разговариваю во сне?

— В основном это что-то неразборчивое. Но однажды ночью я встала в туалет и услышала, как ты сказал: «Пошли они все к черту. Привезите хотя бы игровые автоматы. Никто об этом не узнает. Никому не будет дела». А в другой раз ты просто разбудил меня, потому что практически кричал во весь голос: «Снимите маски, маски долой, маски долой!»

— Боже праведный! — сказал он, потирая лицо ладонью. Вид у него был больной.

— И все твои прежние привычки с тех времен, когда ты пил, тоже вернулись. Ты жуешь экседрин. Постоянно вытираешь губы. Бываешь раздражительным по утрам. И ты ведь так и не закончил работу над пьесой, или я ошибаюсь?

— Нет. Еще не закончил. Но это лишь вопрос времени. Я много думал о других вещах... О новом проекте...

— Книга об отеле. По поводу этого проекта тебе и звонил Эл Шокли. Он хочет, чтобы ты навсегда забыл об этой идее.

— Откуда тебе это известно? — буквально взревел Джек. — Ты подслушивала наш разговор? Ты...

— Нет, — сказала она. — Я не могла вас подслушать, даже если бы хотела, и ты бы сразу это понял, если бы рассуждал сейчас логически и здраво. Мы с Дэнни тем вечером сидели внизу. Коммутатор отключен. Аппарат в нашей квартире оставался единственным работающим телефоном во всем отеле, потому что подключен к внешней линии напрямую. Ты сам мне об этом говорил.

— Тогда откуда ты знаешь, о чем был разговор с Элом?

— Дэнни рассказал мне. Дэнни знал. Точно так же, как он порой знает, где искать потерянные вещи, или знает, что кое-кто думает о разводе.

— Доктор считает...

Она с раздражением покачала головой:

— Тот доктор ни черта не понимает, и мы оба это знаем. Нам это стало ясно с самого начала. Мы же давно заметили. Вспомни хотя бы случай, когда Дэнни сказал, что хочет увидеть пожарные машины. Это не было случайной догадкой. *Он же был тогда совсем еще маленьким.* Он *просто знает* некоторые вещи. И теперь мне страшно...

Она бросила взгляд на синяки на шее Дэнни.

— Ты действительно все знал о телефонном звонке дяди Эла? Это правда, Дэнни?

Дэнни кивнул.

— Он страшно рассердился на тебя, папа. Потому что ты позвонил мистеру Уллману, а мистер Уллман позвонил ему. Дядя Эл не хотел, чтобы ты что-то писал про отель.

— Боже милосердный! — повторил Джек. — А синяки, Дэнни? Кто пытался задушить тебя?

Дэнни помрачнел.

— *Она*, — ответил он. — Женщина из того номера. Из комнаты двести семнадцать. Мертвая женщина.

Его губы снова мелко задрожали. Он схватился за кружку и отпил из нее.

Джек и Уэнди обменялись испуганными взглядами.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Джек жену.

Она помотала головой.

— Дэнни? — Он пальцем приподнял испуганное лицо мальчика. — Постарайся объяснить, сынок. Мы же тут, рядом с тобой.

— Я знал, что здесь плохое место, — тихо сказал Дэнни. — Еще когда мы были в Боулдере. Потому что Тони показал мне о нем сны.

— Какие сны?

— Всего я не помню. Он показал мне «Оверлук» ночью с черепом и костями перед ним. И еще был этот стук. Что-то... я не помню, что именно... гналось за мной. Чудовище. Еще Тони показал мне РОМ.

— Ром, как в той песне? «Йо-хо-хо, и бутылка рома»?

Дэнни покачал головой:

— Не знаю. А потом, когда мы приехали сюда, мистер Холлоран разговаривал со мной в своей машине. Потому что он тоже сияет.

— Сияет?

— Это... — Дэнни сделал широкий жест рукой, словно хотел вместить в образовавшийся круг все сущее. — Это способность понимать вещи. Знать вещи. Иногда слышать то, чего не слышат другие. Как я, например, узнал о звонке дяди Эла. А мистер Холлоран знал, что вы зовете меня доком. А еще мистер Холлоран чистил картошку в армии и узнал, что его брат погиб в поезде, который сошел с рельсов. Позвонил домой, и все оказалось правдой.

— Боже праведный! — прошептал Джек. — Ты же ничего не выдумываешь? Скажи мне, Дэн?

Дэнни яростно замотал головой:

— Нет. Богом клянусь.

А потом не без гордости добавил:

— Еще мистер Холлоран сказал, что я сияю сильнее всех, кого он только встречал. Мы с ним могли разговаривать, вообще не открывая ртов.

Его родители ошеломленно посмотрели друг на друга.

— Мистер Холлоран беседовал со мной наедине, потому что волновался, — продолжал Дэнни. — Он считает, что здесь очень плохое место для тех, кто умеет сиять. Сказал, что видел здесь разное. И я сам кое-что заметил. Почти сразу после разговора с ним. Когда мистер Уллман водил нас по отелю.

— Что это было? — спросил Джек.

— В президентском люксе. На стене рядом с дверью в спальню. Очень много крови и еще что-то белое, какие-то кусочки. Я подумал, что... это, должно быть, мозги.

— О Господи! — воскликнул Джек.

Уэнди сильно побледнела, ее губы приобрели почти серый оттенок.

— Это место... — сказал Джек. — Очень плохие люди владели им одно время. Люди из Организации в Лас-Вегасе.

— Преступники? — спросил Дэнни.

— Да, преступники. — Джек посмотрел на Уэнди. — И в шестьдесят шестом году крупный мафиози Вито Джиенелли

был убит там вместе со своими охранниками. В газете даже опубликовали фото. Дэнни только что его описал.

— Мистер Холлоран говорил, что видел еще разные вещи, — сообщил Дэнни. — Однажды на игровой площадке. А в другой раз что-то очень плохое в том самом номере. В двести семнадцатом. Сначала это увидела горничная, и ее уволили, потому что она начала всем рассказывать. Тогда туда поднялся мистер Холлоран и тоже все увидел. Но он промолчал, потому что не хотел остаться без работы, как она. Только он мне велел никогда не заходить туда. А я зашел. Потому что поверил, когда он сказал, что ничто из увиденного там не сможет причинить мне вреда.

Последние слова Дэнни произнес уже почти хриплым шепотом и дотронулся до припухших округлых синяков у себя на шее.

— А что с игровой площадкой? — спросил Джек странным, небрежным тоном.

— Не знаю. Он только упомянул об игровой площадке. И о зверях в живой изгороди.

Джек едва заметно вздрогнул, и Уэнди удивленно посмотрела на него.

— Ты тоже там что-то видел, Джек?

— Нет, — ответил он. — Ничего.

Дэнни пристально смотрел на него.

— В самом деле ничего, — повторил Джек уже гораздо спокойнее. И он сам верил, что говорит чистую правду. Он стал всего лишь жертвой галлюцинации. *Вот и все.*

— Дэнни, нам надо узнать об этой женщине, — сказала Уэнди мягко.

И Дэнни начал говорить, но слова из него вырывались отрывистыми фразами, иногда становясь почти неразборчивыми, настолько сильным было его стремление поскорее высказать все и освободиться от кошмара. По мере того, как он говорил, его голова все плотнее прижималась к груди матери.

— Я зашел туда, — сказал он. — Стащил универсальный ключ и зашел. Это как будто было сильнее меня. Я ничего не мог с собой поделать. Мне хотелось узнать. А она... эта леди. Она лежала в ванне. Совершенно мертвая. Вся распухшая.

А еще обна... обнаджо... То есть на ней вообще не было никакой одежды. — Он бросил тоскливый взгляд на маму. — Она вдруг начала подниматься, и ей нужен был я. Мне это стало понятно, потому что я почувствовал... Хотя она даже не думала. То есть думала, но не так, как вы с папой... Это было что-то черное... Какая-то одна мысль: причинить боль. Похоже на то... На тех ос ночью в моей спальне! Одно желание: сделать больно. Как осы.

Он сглотнул, и воцарилось молчание: все думали об осах.

— Тогда я побежал, — продолжил Дэнни. — Я хотел сбежать, но дверь оказалась закрыта. Я оставил ее открытой, но она почему-то закрылась. Мне не пришло в голову просто снова ее открыть и бежать дальше. Я был испуган. И потому я... Я только прислонился к двери и подумал о мистере Холлоране. Он же сказал, что все это как страшные картинки в книжке, и если я... Если я начну мысленно повторять... *тебя здесь нет, уходи, тебя здесь нет*... она исчезнет. Но ничего не получилось.

Его голос начал срываться на визг:

— Она схватила меня... повернула к себе... Я мог видеть ее глаза... то есть даже не глаза, а... И тут она принялась меня душить... Я чувствовал ее запах... *Я по запаху понимал, что она давно мертвая*...

— Все, хватит, ш-ш-ш, — остановила его Уэнди, уже не на шутку встревоженная. — Не надо больше ничего рассказывать, Дэнни. Все хорошо. Все будет...

Она была готова завести извечную успокоительную песню Уэнди Торранс — лучшее средство от любых волнений. Нежную и убаюкивающую песню.

— Дай ему закончить, — резко оборвал ее Джек.

— А это все, — сказал Дэнни. — Я отключился. Не знаю только почему. Потому что она душила меня или просто от страха. А когда пришел в себя, то как будто спал, и мне снилось, что вы с мамой ссоритесь из-за меня, а ты, папа, хотел снова заняться Скверным Делом. Но потом я понял, что это вовсе не сон... Что все случилось наяву... И... И я обмочил штаны. Обмочился, как младенец какой-то.

Его голова снова упала на свитер Уэнди, и он горько и бессильно заплакал, уронив безвольные руки себе на колени.

Джек поднялся.

— Позаботься о нем.

— Куда ты собрался? — спросила она с перекошенным от ужаса лицом.

— Пойду и наведаюсь в тот номер. А что я, по-твоему, должен делать? Сидеть и пить кофе?

— Нет, Джек, пожалуйста, не надо!

— Пойми, Уэнди, если в отеле есть кто-то еще, мы должны убедиться в этом.

— *Не смей оставлять нас одних!* — завизжала она ему в лицо, брызгая слюной.

— Изумительная пародия на твою мамочку, Уэнди.

У нее из глаз хлынули слезы, которые она даже не могла утереть, потому что обеими руками прижимала к себе Дэнни.

— Извини, — сказал Джек, — но ты же понимаешь, что я должен это сделать. Я — смотритель отеля, черт бы его побрал! Мне за это деньги платят.

Она еще сильнее расплакалась, и он оставил ее, выйдя из кухни и вытерев губы платком, как только за ним захлопнулась дверь.

— Не волнуйся, мамочка, — сказал Дэнни. — С ним ничего не случится. Он не сияет. Ничто не сможет причинить ему вреда.

— Хотелось бы мне в это верить, — сквозь слезы ответила она.

Глава 30
СНОВА В НОМЕРЕ 217

Джек решил подняться на лифте, и это было необычно, потому что никто из их семьи ни разу не пользовался им с самого первого дня пребывания в отеле. Он дернул за латунную ручку, и кабина, вибрируя и дребезжа дверями, поползла вверх по шахте. Джек знал, что Уэнди испытывает перед этим механизмом безотчетный страх сродни клаустрофобии. Ей представлялось, как они втроем застревают в лифте между этажами,

когда за окнами свирепствует невиданной силы буран. Ей виделось, как они начинают голодать, худеют, а потом и умирают от голода. Или, возможно, начинают поедать друг друга, как те регбисты. Он усмехнулся, вспомнив наклейку, которую видел на бампере одной машины в Боулдере: «ИГРОКИ В РЕГБИ ПОЕДАЮТ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ». Подходящих вариантов было множество. «МЫ — ЭТО ТО, ЧТО МЫ ЕДИМ». Или можно вообразить себе меню. «Добро пожаловать в ресторан «Оверлук» — красу и гордость Скалистых гор! Отведайте на крыше мира наше фирменное блюдо — человеческий окорок, поджаренный на спичках». Презрительная улыбка заиграла на губах Джека. Когда на стене шахты показалась цифра 3, он вернул рычаг в исходное положение, и кабина со скрипом остановилась. Джек достал из кармана экседрин, вытряхнул на ладонь три таблетки и открыл двери. Ничто в «Оверлуке» не могло испугать его. Он уже сроднился с отелем.

Он прошел по коридору, отправляя таблетки в рот по одной и разгрызая их. Потом свернул за угол. Дверь номера 217 оказалась приоткрытой, из замочной скважины торчал универсальный ключ.

Джек нахмурился, ощутив даже не раздражение, а вспышку настоящей ярости. Что бы там Дэнни ни рассказывал, он полез куда не следовало. Ему было сказано, причем ясно и неоднократно, что он не должен разгуливать по всему отелю. Существовали запретные зоны: сарай для инвентаря, подвал, а также все номера и гостевые апартаменты. Придется снова потолковать с парнем, как только тот отойдет от шока. Причем разговор будет сдержанный, но жесткий. Джек был уверен, что нашлось бы немало отцов, которые не ограничились бы одними увещеваниями. Они бы устроили своим чадам хорошую взбучку, и Дэнни, вероятно, вполне ее заслужил. Впрочем, если он действительно до такой степени напугался, то, быть может, уже наказал себя сам сполна.

Джек подошел к двери, вынул ключ, положил его в карман и шагнул внутрь. Большая люстра в номере оказалась включена. Он бегло осмотрел постель, убедился, что она не смята, а потом направился прямо к ванной. У него зародилась любопытная мыслишка. Хотя Уотсон не называл ни имен, ни номер

комнаты, Джек почему-то был уверен, что именно здесь резвилась жена того крупного юриста со своим юным жеребцом, что именно в этой ванной ее нашли мертвой после того, как она накачалась барбитуратов в смеси с крепким пойлом из «Колорадо-холла».

Он толкнул зеркальную дверь и вошел. Здесь свет не горел. Джек включил лампу под потолком и осмотрел длинную комнату, обставленную в стиле начала века, как и все ванные в «Оверлуке», за исключением апартаментов четвертого этажа, где царила византийская пышность, которая была по вкусу особам королевских кровей, политикам, кинозвездам и мафиози.

Бледно-розовая занавеска закрывала по всему периметру удлиненную ванну с ножками в виде птичьих лап.

(но ведь они *действительно* двигались)

И впервые чувство уверенности в себе (и даже некоторой дерзости), которое он обрел, когда Дэнни бросился к нему с криком: *Это была она! Это была она!* — начало покидать Джека. Словно очень холодный палец мягко прижался сзади к основанию его позвоночника, и температура тела упала градусов на десять. А потом и другие ледяные пальчики устремились вверх к продолговатому мозгу, дергая позвоночник, как струну контрабаса.

Вся его злость на Дэнни мгновенно улетучилась, и когда он шагнул вперед, чтобы отдернуть шторку, во рту у него пересохло, а из ощущений остались только сочувствие к сыну и опасение за самого себя.

Но ванна оказалось пустой и совершенно сухой.

Облегчение в смеси с раздражением нашли выход во внезапном «Тьфу!», слетевшем с сжатых губ Джека. В конце сезона ванну вылизали дочиста, и она просто сверкала, если не считать двух чуть заметных ржавых потеков, оставшихся под каждым из кранов. Ощущался легкий, но отчетливый запах чистящего средства, из тех, что не выветриваются неделями, если не месяцами.

Джек склонился и провел пальцем по дну ванны. Сухо, как в пустыне. Ни намека на влагу. Мальчишке либо все привиделось, либо он просто-напросто зачем-то врал им. Он снова

почувствовал прилив злобы. Но в этот момент его внимание неожиданно привлек коврик на полу. Он с хмурым недоумением посмотрел на него. Откуда здесь взялся коврик? Ему самое место в кладовке в конце коридора, с простынями, полотенцами и наволочками. Туда полагалось убирать все. Ведь на кроватях в номерах не оставалось ни простыней, ни даже одеял — на матрацы стелили полотнища полиэтилена, а сверху набрасывали покрывала. Джек предположил, что Дэнни мог принести сюда коврик — универсальный ключ подходил и к замку кладовой, — но зачем ему это понадобилось? На всякий случай он провел пальцем по коврику, но тот оказался совершенно сухим.

Джек вернулся к двери ванной и встал в ее проеме. Все было в полнейшем порядке. Парню пригрезилось. Все вещи находились на своих местах. За исключением, конечно, коврика, но напрашивалось логичное объяснение: просто одна из горничных в суматошной спешке последнего дня сезона забыла убрать его. Однако помимо этого все было...

Его ноздри слегка раздулись. Он ощущал теперь не только запах моющего средства («Чистим чисто и еще чище!»), но и...

Мыла?

Конечно же, нет. Но как только ему удалось установить, чем пахло, аромат сделался слишком отчетливым, чтобы так просто откреститься от него. Пахло действительно мылом. И не одной из простеньких плиток, которыми снабжали постояльцев гостиниц и мотелей. В воздухе витал аромат дорогого парфюмированного мыла, каким пользовались настоящие леди. С запахом розы. «Камей» или «Лоуила». Уэнди покупала такое в Стовингтоне.

(*Это ничего не значит. Просто игра воображения.*)

(*да, да, как с живой изгородью, которая все-таки двигалась*)

(*Она не могла двигаться!*)

Джек бросился к двери, выходившей в коридор, чувствуя, как в висках начала пульсировать глухими ударами головная боль. Хватит событий на сегодня. Многовато для одного дня. Он не станет устраивать мальчишке взбучку и даже не отшлепает, а просто поговорит, но, видит Бог, ему совершенно не хочется добавлять номер 217 к кипе других накопившихся про-

блем. По крайней мере не из-за коврика в ванной и легкого запаха мыла. Ему...

Внезапно у него за спиной раздался скрежещущий металлический звук. Это произошло как раз в тот момент, когда он уже ухватился за ручку двери, и со стороны могло показаться, что через нее пропустили электрический заряд. Джек конвульсивно дернулся, его глаза округлились, а лицо сморщилось в болезненной гримасе.

Но он почти сразу сумел — пусть лишь отчасти — овладеть собой, отпустил ручку и медленно развернулся. Суставы отчетливо скрипнули. Он двинулся назад к ванне, делая один тяжелый шаг за другим.

Шторка на ванне, которую он отдернул, чтобы заглянуть внутрь, снова была закрыта. Металлический треск, напомнивший Джеку перекатывание костей в склепе, издали ее кольца, двигаясь вдоль перекладины. Он почувствовал, как помертвели мышцы лица, словно их покрыли толстым слоем воска, а внутри горячими потоками разлился страх. Такой же жгучий, как и тогда, на игровой площадке.

За бледно-розовой полиэтиленовой занавеской что-то было. Что-то находилось в ванне. Он мог видеть едва обрисованный за матовой поверхностью шторки аморфный силуэт. Это могло быть чем угодно. Даже обыкновенной прихотливой игрой света. Даже тенью, отбрасываемой стойкой душа. Или давно умершей женщиной, сжимавшей кусок мыла в одной из негнувшихся рук, поджидая в ванне любовника, которого может нежданно послать ей судьба.

Джек сказал себе, что должен сейчас же смело шагнуть вперед и снова открыть шторку. Чтобы увидеть, что же скрывается за ней. Но вместо этого он судорожно развернулся и походкой куклы-марионетки, с тяжело бьющимся в груди сердцем поспешил вернуться в спальню.

Дверь в коридор оказалась закрыта.

Джек в недоумении смотрел на нее в течение показавшейся ему вечностью секунды. Он узнал теперь, каков его страх на вкус. В горле словно застрял комок перебродивших вишен.

Он подошел к двери все той же дергающейся походкой и заставил свои пальцы обхватить ручку.

(*Она не откроется.*)

Но она открылась.

Джек вслепую щелкнул выключателем люстры, вышел в коридор и захлопнул дверь, ни разу не оглянувшись. Изнутри, как ему показалось, доносились странные шлепающие мокрые звуки, едва различимые и отдаленные, словно кто-то с опозданием сумел выбраться из наполненной ванны, чтобы поприветствовать гостя. Словно там вдруг поняли, что визитер хочет удалиться, не обменявшись даже общепринятыми светскими любезностями, и теперь торопились к двери, чтобы пригласить его войти и задержаться. Быть может, навсегда.

Шаги приближались к двери, или это только стук его сердца так громко отдавался в ушах?

Он нащупал универсальный ключ. Тот казался тяжелым и упорно не хотел проворачиваться в замке. Пришлось с ним побороться, надавив изо всех сил. Язычки замка выдвинулись, а Джек отступил назад и уперся спиной в противоположную стену коридора, помимо воли издав стон облегчения. Он закрыл глаза, и в его голове началось торжественное шествие знакомых фраз, которых, как выяснилось, существовало множество,

(он рехнулся, спятил, сбрендил, слетел с катушек, тронулся умом, повредился рассудком, шизанулся, у него не все дома, крыша поехала, его замкнуло, он с дуба рухнул)

и каждая означала лишь одно: *он сошел с ума.*

— Нет, — стал причитать он, едва ли сознавая, что стоит, зажмурившись от страха, словно ребенок. — Нет, о нет! Господи, пожалуйста, нет.

Но даже сквозь хаос мыслей, вопреки оглушительным ударам сердца, бившегося в утроенном ритме, до него доносились негромкие звуки вращавшейся дверной ручки, которую крутили изнутри в тщетных попытках открыть дверь, выйти в коридор. Некто пытался свести знакомство с ним и быть представленным его семье, в то время как за стенами отеля бушевала буря, а свет дня сменился беспросветным ночным мраком. Если бы он открыл глаза и увидел, как шевелится ручка, он бы точно свихнулся. А потому он не размыкал век, пока через неопределенно долгий промежуток времени не наступила вдруг полная тишина.

Тогда Джек усилием воли открыл глаза, почти уверенный, что увидит ее прямо перед собой. Но коридор был пуст.

Хотя при этом его не покидало ощущение, что за ним наблюдают.

Он посмотрел на глазок в центре двери и подумал о том, что случится, если он подойдет и попробует заглянуть в него. С кем он окажется тогда с глазу на глаз?

Его ноги пришли в движение

(*только не подведите меня*)

прежде, чем он сам осознал это. Он дал им приказ уходить от двери как можно дальше и направился к лестничной площадке, шурша ступнями по черно-синим джунглям на ковровой дорожке. Но, не добравшись до лестницы, остановился и посмотрел на огнетушитель. Ему показалось, что складки шланга лежали как-то иначе. И он не сомневался, что медный наконечник смотрел отверстием в сторону лифта, когда он входил в коридор. Сейчас наконечник был развернут в противоположном направлении.

— Я вообще ничего не видел, — произнес Джек Торранс громко и отчетливо. Губы пытались сложиться в улыбку на его бледном, изможденном лице.

Но на лифте он все-таки не поехал. Уж очень кабинка напоминала разверстую пасть. Даже слишком напоминала. Поэтому Джек спустился по лестнице.

Глава 31
ВЕРДИКТ

Он вошел в кухню и посмотрел на них, подбросил универсальный ключ на левой ладони и, дав цепочке звякнуть о светлый металл, поймал его. Дэнни выглядел вялым и предельно уставшим. Уэнди плакала; ее глаза покраснели, а вокруг них пролегли тени. И Джек неожиданно испытал удовлетворение. Уж если страдать, так не в одиночку.

Они молча смотрели на него.

— Ничего, — сказал он, сам пораженный легкостью, с которой ему далась ложь. — Ровным счетом ничего.

И он продолжал побрасывать на ладони ключ, глядя на них с ободряющей улыбкой, замечая, как чувство облегчения начинает постепенно отражаться на их лицах, и думал, что еще никогда в жизни ему так не хотелось выпить.

Глава 32
В СПАЛЬНЕ

Ближе к вечеру того же дня Джек нашел в кладовке второго этажа раскладушку и установил ее в углу их спальни. Уэнди опасалась, что мальчик не сможет заснуть, но Дэнни начал клевать носом во время просмотра любимого сериала, а через пятнадцать минут после того, как его уложили, уже крепко спал, не шевелясь и подсунув под щеку ладошку. Уэнди расположилась рядом и наблюдала за сыном, заложив пальцем страницу романа Сьюзан Ховач «Кашелмара» в мягкой обложке. Джек сидел за письменным столом, просматривая свою пьесу.

— Вот дерьмо! — сказал он вдруг.

Уэнди оторвалась от созерцания спящего сына.

— Что такое?

— Да так, ничего.

Он просматривал пьесу с нараставшим внутри раздражением. Как он мог думать, что у него получается нечто путное? Это была какая-то юношеская проба пера. Таких пьес уже написаны тысячи. Но хуже всего то, что он понятия не имел, как закончить ее. А ведь совсем недавно финал вырисовывался четко. Денкер в припадке необузданной ярости хватает каминную кочергу и забивает ею Гари до смерти. А потом, стоя над трупом с окровавленной кочергой в руках, выкрикивает в зрительный зал: «Оно где-то здесь! И *я непременно его найду*!» Затем, когда огни рампы меркнут, а занавес начинает медленно закрываться, публика видит окровавленное тело Гари, в то время как Денкер бросается к книжным полкам, начинает рыться в

фолиантах, разглядывает их и сбрасывает один за другим вниз, все больше отчаиваясь. Джеку казалось, что это нечто настолько хорошо забытое старое, что может сойти за новаторство, — вполне достаточно, чтобы помочь трагедии в пяти актах быть с успехом поставленной на Бродвее.

Но в последнее время, помимо его увлечения историей «Оверлука», надолго отвлекшего от работы, произошло кое-что еще. У него самого коренным образом изменилось отношение к действующим лицам. И это было действительно нечто новенькое. Прежде ему нравились все его персонажи, как положительные, так и отрицательные. И он считал, что это очень хорошо. Подобный подход позволял ему видеть каждый характер всесторонне и более ясно понимать мотивы поступков героев. Любимым из написанных им рассказов оставалась опубликованная в небольшом журнальчике «Литературная контрабанда», издававшемся на юге штата Мэн, новелла под названием «Обезьяна среди нас». В ней повествовалось о педофиле, который собирался покончить с собой в нищей меблированной квартирке. Педофила звали Пол Делонг, но среди друзей он был известен под кличкой Обезьяна. Джеку этот его герой был необыкновенно симпатичен. Он понимал его и сочувствовал порочным страстям, зная, что не один Пол нес ответственность за совершенные в прошлом три изнасилования и убийства. Началось все с никудышных родителей. Отец — тяжелый на руку пьяница, каким прежде был собственный папаша Джека. Мать — бессловесное и безвольное ничтожество, годившееся только для уборки дома и мытья посуды. Гомосексуальный опыт, полученный еще в начальной школе. Публичное унижение. Еще более тяжкие моральные страдания в старших классах и в колледже. Однажды его все-таки арестовали и отправили в лечебницу для душевнобольных за то, что он обнажился перед двумя маленькими девчушками, сошедшими со школьного автобуса. Но затем случилось и вовсе непоправимое: Делонга выписали из лечебницы и, можно сказать, выкинули на улицы большого города, потому что главный врач посчитал его полностью излечившимся. Фамилия врача была Гриммер. Причем Гриммер знал, что Пол все еще страдает общественно опасным синдромом, но все равно написал

положительное заключение, позволившее пациенту покинуть крепкие стены психиатрической клиники. Гриммер тоже нравился Джеку и как личность вызывал у него симпатию. Ведь ему приходилось прикладывать колоссальные усилия, чтобы поддерживать в рабочем состоянии нищую лечебницу, на которую местные политиканы, заинтересованные только в голосах избирателей, выделяли из местного бюджета жалкие гроши. Мест в больнице катастрофически не хватало, а Гриммер видел, что Обезьяна умеет нормально общаться с людьми, не гадит себе в штаны, не пытается пырнуть санитара ножницами. И он не считал себя Наполеоном. Поэтому отвечавший за Делонга врач решил, что у того есть шанс выжить на воле. К тому же опыт подсказывал, что чем дольше человек находится под замком в больнице, тем больше хочет провести за решеткой всю жизнь, страшась свободы, как наркоман страшится остаться без дозы. А койки в больнице требовались параноикам, шизофреникам и прочим буйно помешанным; людям, утверждавшим, что их похищали инопланетяне на летающих тарелках, матерям, поджигавшим гениталии собственным детям с помощью «биковских» зажигалок, безнадежным алкоголикам, пироманьякам, клептоманам, одержимым маниакально-депрессивным психозом и склонностью к самоубийству. Вот в каком жестоком и грубом мире мы живем, детка. И если твоя нервная система даст малейшую слабину, то уже к тридцати годам она начнет разваливаться на части под давлением окружающей реальности. Да, Джек понимал проблему, вставшую перед Гриммером. Хотя он, разумеется, сочувствовал и малолетним жертвам Делонга, и их родителям. И Обезьяне. Пусть читатель сам решает, кто здесь более всех виноват. В те дни Джек не хотел становиться дешевым моралистом. Судейская мантия плохо сидела на его плечах.

Примерно в таком же настроении он взялся за «Маленькую школу». Однако в последнее время неожиданно для себя стал склоняться на сторону только одного из своих главных персонажей, и это был отнюдь не Гари Бенсон. Напротив, Гари Бенсона он постепенно все больше и больше ненавидел. Поначалу тот был задуман как светлая личность, наделенная незаурядным умом. Молодой талант, который считает богатство своей

семьи скорее проклятием, нежели благом, и изо всех сил стремится преуспеть в учебе, чтобы быть принятым в хороший университет за собственные заслуги, а не благодаря деньгам и связям отца. Но затем Джек стал воспринимать его как лицемера и ханжу, разыгрывающего из себя пай-мальчика, как будущего карьериста, а не истинного служителя у алтаря знаний, напоказ проповедующего высокие моральные принципы, но внутри законченного циника, которому блестящий интеллект (положенный ему по изначальному замыслу) заменяет извращенная, почти звериная хитрость. На протяжении всей пьесы он уважительно обращается к Денкеру, называя его «сэр», как сам Джек всегда учил Дэнни обращаться к людям, старшим по возрасту или по статусу. И ему всегда казалось, что Дэнни слушается его вполне искренне, как от души должен был использовать, по раннему замыслу автора, респектабельное обращение к наставнику и Гари Бенсон. Но стоило Джеку взяться за пятый акт, как под его пером Гари начал вкладывать в свое «сэр» все больше иронии и сарказма, внутренне нисколько не преклоняясь перед Денкером, а, напротив, издеваясь над его простодушием. Подсмеиваясь над Денкером, которому ничто в жизни не давалось так легко, как самому Гари. Над Денкером, упорно трудившимся, чтобы добиться всего лишь поста директора небольшой провинциальной школы, и оказавшимся перед угрозой полного краха по вине этого невинного с виду богатенького мальчика, который смошенничал на выпускном экзамене, а потом ловко скрыл следы содеянного. И это при том, что первоначально Джек готов был сравнить Денкера чуть ли не с «маленькими цезарями» южноамериканских банановых республик, которые безжалостно ставили своих политических противников к стенке, используя для расстрелов первый попавшийся стадион, которые строили из себя религиозных фанатиков и превращали любую свою прихоть в крестовый поход. Таким образом Джек собирался вывести в своей пьесе нечто назидательное о вреде злоупотребления властью, пусть и на примере обычной американской школы. Но по мере работы Денкер из тирана превратился в своего рода мистера Чипса*,

* Герой сентиментального романа английского писателя Джеймса Хилтона, школьный учитель.

и трагедией стало не интеллектуальное и физическое уничтожение талантливого и юного Гари, а жизненная катастрофа, к которой пришел добрый пожилой преподаватель, не сумев разглядеть монстра в ловком притворщике Бенсоне.

Нет, в таком виде он никак не мог закончить пьесу!

И теперь он сидел над ней с мрачным видом, пытаясь понять, осталась ли у него хоть какая-то возможность исправить ситуацию. И ему ничего не приходило в голову. Он начинал писать одну пьесу, а она совершенно произвольно и неожиданно превратилась в нечто противоположное. Впрочем, какого дьявола! Так или иначе, все это безнадежно вторично, уже кем-то создано до него. Просто куча дерьма. И почему он вообще изводит себя по пустякам в такой вечер? У него выдался денек, после которого любому было бы трудно соображать.

— ...вывезти его отсюда?

— Что? — Он вскинул голову, стараясь очистить сознание.

— Я спросила, как мы собираемся вывезти его отсюда? Нам необходимо сделать это, Джек.

Еще несколько мгновений в его мыслях царил такой хаос, что Джек не понимал, о чем речь. Но потом, когда до него дошел смысл вопроса, он коротко хохотнул.

— Ты так говоришь, словно нет ничего легче.

— Я вовсе не считаю...

— Нет проблем, Уэнди. Дай мне только по-быстрому переодеться в телефонной будке в холле, и я перенесу его в Денвер прямо на закорках. Супермен Джек Торранс — так, помнится, звали меня в дни нежной юности.

Лицо Уэнди выдало, что она уязвлена и обижена.

— Я все понимаю, Джек. Радиопередатчик сломан. И снега навалило... Но и ты должен понять состояние Дэнни. Боже мой, неужели ты ничего не видишь? Он же впал в настоящий ступор, Джек! А если бы он из него так и не вышел?

— Но он из него вышел, — коротко отозвался Джек. Само собой, его тоже напугали слепые глаза Дэнни. Еще как напугали! Поначалу. Но чем больше он раздумывал над этим, тем сильнее становилось подозрение, что всю эту сцену Дэнни разыграл, чтобы избежать наказания. Он ведь нарушил запрет и разгуливал там, где не следовало.

— И все равно, — не унималась Уэнди. Она подошла к мужу и села на край кровати рядом с углом письменного стола. В ее глазах застыли страх и тревога. — Джек, подумай о синяках у него на шее! Кто-то же напал на него! И я не хочу, чтобы это повторилось!

— Нет необходимости кричать, — сказал он. — У меня и так башка трещит, Уэнди. Я обеспокоен этим не меньше, чем ты, а потому, пожалуйста... не надо... кричать.

— Хорошо, — ответила она, понизив голос. — Но я тебя не понимаю. Здесь кто-то есть. И этот кто-то не питает к нам добрых чувств. Нам нужно спуститься вниз, в Сайдуайндер. Нам всем, а не только Дэнни. И как можно скорее! А ты просто сидишь и спокойно читаешь *свою пьесу*!

— «Нам нужно спуститься, нам нужно спуститься»! Ты твердишь об этом так, словно действительно считаешь, что я супермен.

— Я считаю, что ты — мой муж, — чуть слышно произнесла она и уставилась на свои руки.

Джек разозлился. Он со всей силы грохнул рукописью о стол, помяв листы.

— Тебе самое время усвоить некоторые элементарные истины, Уэнди. Но ты никак не хочешь впустить их в область своего сознания, как выражаются социологи. Они носятся у тебя в голове беспорядочно, как бильярдные шары по столу. Пора кому-то взять кий и уложить их в лузы. Может быть, тогда ты наконец поймешь, что мы *полностью отрезаны снегом от внешнего мира*.

Дэнни внезапно зашевелился на раскладушке. Не просыпаясь, начал ворочаться и подергиваться. *Так он делал всегда, когда мы с Джеком ругались*, с грустью подумала Уэнди. *И вот мы ссоримся снова*.

— Постарайся не разбудить его, Джек. Пожалуйста.

Он посмотрел на Дэнни, и кровь немного отлила от его лица.

— Хорошо. Извини меня. Прости, что так разнервничался, Уэнди. На самом деле я злился не на тебя. Я разбил передатчик. И если кто-то виноват, то только я сам. Это была наша самая

надежная связь с внешним миром. Кто не спрятался, я не виноват! Мы здесь, мистер рейнджер! Нам пора домой!

— Не надо ерничать, — сказала она и положила ладонь ему на плечо. Он склонил на нее голову. Другой ладонью Уэнди принялась поглаживать ему волосы. — Хотя, наверное, ты имеешь право сердиться после того, как я зря тебя оговорила. Иногда я в самом деле похожа на свою мать. Могу быть настоящей стервой. Но и ты должен понять, что некоторые вещи... Что есть вещи, с которыми мне трудно смириться. Это просто сильнее меня.

— Ты опять имеешь в виду сломанную руку? — Его губы сжались.

— Да, — ответила она, но тут же поспешила продолжить: — Но дело не только в тебе. Я волнуюсь, когда он один уходит гулять. Я волнуюсь, потому что он уже просит на будущий год двухколесный велосипед, пусть и со страховочными колесиками. Меня волнуют его зубы, его зрение и то, что он называет этим своим сиянием. Я всегда волнуюсь. Потому что он все-таки пока маленький и кажется таким хрупким, а еще... В этом отеле есть нечто, что хочет завладеть им. И оно перешагнет через нас с тобой, если понадобится. Вот почему надо увезти его отсюда, Джек. Я это чувствую! *Мы обязаны увезти его!*

Она больно сжала пальцами его плечо, но он не отстранился. Нащупал левой рукой ее крепкую округлую грудь и стал поглаживать поверх рубашки.

— Уэнди, — начал он, но сразу же замолк. Она терпеливо ждала, чтобы он привел в порядок мысли. Ласка его сильной руки доставляла ей удовольствие, действовала успокаивающе. — Я, конечно, могу попытаться спуститься с ним в долину на снегоступах. Часть пути он, вероятно, сможет преодолеть даже сам, но в основном мне придется нести его. А это будет означать одну, две или даже три ночевки. Значит, придется соорудить какие-то сани-волокуши, чтобы положить в них необходимые припасы и спальные мешки. У нас остался транзисторный приемник, и мы можем слушать прогнозы погоды, чтобы дождаться благоприятного периода хотя бы на три дня.

Но если метеорологи ошибутся, — закончил он серьезным, размеренным тоном, — мы можем погибнуть.

Ее лицо стало таким бледным, что от него исходил прозрачный, почти призрачный свет. Джек продолжал ласкать ее грудь, мягко водя подушечкой большого пальца вокруг соска.

Она издала чуть слышный стон — из-за его слов или в ответ на ласку, этого Джек не понял. Он поднял руку чуть повыше и расстегнул верхнюю пуговицу ее рубашки. Уэнди слегка раздвинула ноги. Внезапно джинсы стали ей как будто малы, и это было приятное ощущение.

— А еще нам придется оставить тебя здесь одну, потому что ты на снегоступах едва ходишь. Для тебя это будет означать по меньшей мере три дня полной неизвестности. Ты готова к этому?

Его пальцы взялись за вторую пуговицу, быстро справились с ней и обнажили ложбинку между грудей.

— Нет, — признала она чуть нетвердым голосом. Потом бросила взгляд на Дэнни. Мальчик перестал ворочаться. Большой палец снова занял свое место во рту. Стало быть, все пришло в норму. Но она понимала, что Джек о чем-то умалчивает. В его сценарии чего-то недоставало... Чего же?

— Если же мы останемся здесь, — продолжал он, с нарочитой медлительностью расстегивая третью и четвертую пуговицы, — какой-нибудь рейнджер или егерь может заглянуть сюда, чтобы проведать и узнать, как у нас дела. Вот тогда мы скажем, что хотим выбраться отсюда. И он все сделает.

Джек осторожно освободил груди Уэнди, склонился ниже и приник губами к соску. Тот мгновенно затвердел. Джек стал медленно водить по нему кончиком языка, как она любила. Уэнди издала отчетливый стон и выгнула спину.

(*?О чем я могла забыть?*)

— Милый? — спросила она. Ее руки сами по себе сильнее прижали его голову к груди, поэтому ответ Джека прозвучал приглушенно. — А как рейнджер сможет вывезти нас отсюда?

Он оторвался от ее груди, чтобы ответить, но затем сразу же занялся другим соском.

— Если не вертолетом, о котором здесь, кажется, упоминали, то уж точно снегоходом.

(*!!!*)

— Но у нас же есть свой снегоход! Уллман сам сказал об этом!

Его губы на мгновение застыли, а потом он выпрямился и сел. Уэнди раскраснелась, ее глаза блестели от возбуждения. Джек, напротив, выглядел совершенно невозмутимым, словно не занимался только что любовной игрой с женой, а читал какую-то скучную книгу.

— Если есть снегоход, то все проблемы решены, — сказала она в радостном волнении. — Мы сможем уехать на нем отсюда все вместе.

— Но, Уэнди, я ни разу в жизни не водил снегоход.

— Это должно быть просто. В Вермонте десятилетние школьники катаются на них по полям... Хотя будь я на месте их родителей... И потом, ты же ездил на мотоцикле, когда мы познакомились, помнишь?

Да, у него действительно была тогда «хонда» на триста пятьдесят «кубиков». Он обменял ее на «сааб» вскоре после того, как они с Уэнди съехались.

— Что ж, вероятно, у меня может получиться, — медленно ответил он. — Но надо посмотреть, в каком он состоянии. Хорошо ли за ним ухаживали. Понимаешь, Уллман и Уотсон... Они здесь только с мая по октябрь. У них летние мозги. Уверен, в баке нет бензина. Также могут отсутствовать свечи или аккумулятор. Вот почему мне бы не хотелось, чтобы ты возлагала на снегоход чересчур большие надежды, Уэнди.

Но она уже склонилась над ним, свесив из рубашки груди, взвинченная до предела. У Джека на мгновение зародилось искушение схватить ее за грудь и начать выкручивать так, чтобы жена заорала от боли. Может быть, это поумерит ее восторженные ожидания.

— Бензин не проблема, — сказала она. — И в нашем «фольксвагене», и в пикапе баки почти полны. А еще внизу есть топливо для аварийного генератора. И наверняка в сарае хранятся канистры, чтобы можно было захватить с собой запас.

— Да, — подтвердил он, — так и есть.

На самом деле канистр было три: две на пять галлонов и одна на два.

— Готова поспорить, что свечи и аккумулятор хранятся там же. Кому взбредет в голову держать снегоход в одном месте, а свечи и аккумулятор к нему — в другом, верно я говорю?

— Да, это маловероятно, ты права. — Он встал и подошел к раскладушке, на которой спал Дэнни. Прядь волос упала ему на лоб, и Джек бережно убрал ее. Дэнни даже не шелохнулся.

— И если ты сумеешь его завести, то вывезешь нас отсюда, правда? — спросила Уэнди из-за спины Джека. — В первый же день, когда по радио пообещают хорошую погоду.

Какое-то время он не отвечал. Стоял и смотрел на сына, и все обуревавшие его сложные чувства оказались на мгновение сметены волной слепой любви. Как и сказала Уэнди, он действительно выглядел очень хрупким и уязвимым. А отметины на шее отчетливо бросались в глаза.

— Да, — сказал он. — Я приведу его в рабочее состояние, и мы выберемся отсюда как можно скорее.

— Слава Богу!

Он повернулся. Уэнди уже сняла с себя рубашку и откинулась на кровати, обнажив плоский живот, а ее напряженные груди смотрели в потолок. Она лениво поигрывала с ними, кончиками пальцев касаясь сосков.

— Не пора ли джентльмену поторопиться? — спросила она чуть слышно. — Самое время.

Потом она лежала в погруженной во мрак комнате, где горел только тусклый ночник, принесенный Дэнни из своей спальни, головой на сгибе руки Джека, наслаждаясь сладостным чувством умиротворения. Сейчас ей трудно было поверить, что рядом с ними в «Оверлуке» притаилось нечто смертельно опасное.

— Джек!

— Гм?

— Что же с ним такое случилось?

Он ответил уклончиво:

— В нем действительно заключен некий дар. Талант, которого нет ни у кого из нас. Или, если точнее, у большинства из

нас. И вполне вероятно, что отель тоже наделен какими-то схожими свойствами.

— Ты имеешь в виду призраков?

— Не знаю. По крайней мере не в стиле Алджернона Блэквуда, это точно. Это скорее некие остатки чувств, пережитых людьми, которые останавливались здесь. Хороших и плохих чувств. В этом смысле, как мне кажется, во всех крупных отелях водятся свои призраки. Особенно в старых отелях.

— Но увидеть мертвую женщину в ванне... Джек, он же не сходит с ума, как ты думаешь?

Он чуть крепче прижал ее к себе.

— Мы знаем, что иногда он погружается в... скажем так, в трансы, хотя мне это слово не совсем по душе. И тогда он порой видит... или думает, что видит... вещи, которые ему непонятны. Если прекогнитивные трансы действительно возможны, то они скорее всего являются плодами деятельности подсознания. А если верить Фрейду, подсознание никогда не общается с нами прямо. Только символами. К примеру, если тебе снится, что ты оказалась в булочной, где никто не говорит по-английски, то это может отражать твою неуверенность в способности содержать семью. Или же просто ощущение, что тебя в этой жизни никто не понимает. Я читал, что сны с падениями — это наиболее распространенное подсознательное выражение неуверенности в себе или в будущем. Игры. Это такие небольшие игры. Сознание на одной стороне разделенной сеткой площадки, подсознание — на другой. И они перебрасывают туда и обратно самые сумасбродные образы. То же самое относится к душевным расстройствам и предчувствиям. И скорее всего к прекогниции. Быть может, Дэнни действительно увидел кровь на стене президентского люкса. Для ребенка его возраста образ крови и концепция смерти легко подменяют друг друга. Для детей образ вообще воспринимается легче, чем концепция или понятие. Уильям Карлос Уильямс понимал это лучше всех, потому что был не только поэтом, но и врачом-педиатром. Когда мы подрастаем, концепции, наоборот, становятся нам ближе и понятнее, и мы оставляем образы поэтам... Прости, я, наверное, очень сбивчиво объясняю.

— Мне нравится слушать твои объяснения. Даже сбивчивые.

— Она это сказала! Призываю всех в свидетели. Она признала мою мудрость!

— Но следы на шее, Джек. Это же не из области подсознательного. Они реальны.

— Верно.

На какое-то время Джек замолчал. Уэнди уже решила, что он задремал, и сама начала постепенно погружаться в сон, когда он вдруг продолжил:

— Мне в голову приходят только два возможных объяснения. И ни одно из них не связано с присутствием в отеле кого-то еще.

— Каких же? — Она приподнялась на локте.

— Быть может, это стигматы, — сказал Джек.

— Стигматы? Это когда у некоторых людей выступает кровь в Страстную пятницу, или я путаю?

— Да. Иногда у людей, глубоко верующих в божественное происхождение Христа и его распятие, в Страстную седмицу появляются кровавые отметины на руках и на ногах. Хотя это явление было более характерным для Средневековья. И по-моему, католическая церковь не спешила объявлять каждый такой случай чудом из чудес. Стигматы лишь немногим отличаются от тех вещей, которые умеют делать с собой те же йоги. И сейчас природа таких явлений стала более понятна, вот и все. Люди, занимающиеся изучением взаимосвязей и взаимовлияний сознания и тела — хотя никто не претендует на полное понимание этого, — полагают, что мы в гораздо большей степени способны сознательно контролировать свои физиологические процессы, чем думаем. Ты, например, можешь уменьшить частоту своего сердцебиения, если сосредоточишь на этом мысли. Можешь ускорить собственный обмен веществ. Заставить себя обильно потеть. Или даже кровоточить.

— Ты считаешь, что Дэнни *придумал* себе синяки по всей шее? Прости, Джек, но я не могу в это поверить.

— А я все же считаю это возможным, хотя и маловероятным. Гораздо более правдоподобным выглядит объяснение, что он сделал это с собой сам.

— *Сам?!*

— Он впадал в трансы и наносил себе мелкие повреждения и раньше. Помнишь случай за ужином? Примерно два года назад? Мы тогда с тобой разругались вдрызг. За столом никто не разговаривал друг с другом. А потом у него вдруг закатились глаза, и он упал лицом в тарелку. После чего и вовсе повалился на пол. Вспоминаешь?

— Конечно, — ответила она. — Такое не забывается. Я тогда подумала, что у него конвульсии.

— А еще был случай в парке, — продолжал Джек. — Мы пошли туда вдвоем в субботу после обеда. Он сидел на качелях, раскачивался туда-сюда. Потом повалился на землю. Словно его подстрелили. Я подбежал, поднял его, и он почти сразу пришел в себя. Моргает и говорит: «Я животиком ударился. Скажи маме, чтобы закрыла окна в спальне, потому что будет дождь». И точно — той ночью лило как из ведра.

— Да, но...

— И он вечно ходит то в порезах, то с разбитыми локтями. А ноги у него — как пейзаж после битвы. Спрашиваешь, откуда у тебя эта ссадина или синяк, и слышишь только: «Это получилось случайно, я просто играл».

— Джек, но так бывает со всеми детьми. Маленькие мальчики ходят в синяках и шишках с того момента, как встают на ноги, и пока им не исполнится лет двенадцать-тринадцать.

— И я уверен, что это относится и к Дэнни, — согласился Джек. — Он очень подвижный ребенок. Но у меня не идут из головы те случаи за ужином и в парке. И мне кажется, что некоторые ссадины и синяки нашего парня имеют другое происхождение — являются следствием его сумеречных состояний, в которые он сам умеет себя вводить. Да что говорить, если, по словам Эдмондса, он проделал этот трюк прямо в его кабинете.

— Допустим. Но нынешние синяки оставлены *пальцами*. Это невозможно отрицать. Он не мог получить их в результате обычного падения.

— Представь, он вводит себя в состояние транса, — настаивал Джек. — И быть может, действительно видит нечто, произошедшее в том номере. Ссору. Или даже самоубийство.

Место бурлит негативными эмоциями. И это вовсе не то же самое, что смотреть страшное кино. В такие моменты он особенно легко поддается самовнушению. Он как бы становится участником событий, будь они прокляты! Его подсознание превращает прошлую действительность в символы... Создает образы мертвой женщины, которая оживает, зомбированная, призрачная — любой термин подойдет, выбирай сама.

— У меня от твоих слов мурашки по коже, — сказала она мрачно.

— Ты думаешь, мне не страшно? Я не психиатр, но, как мне кажется, здесь все сходится. Восставшая из мертвых женщина представляется символом смертельных эмоций, загубленной жизни, от которого не так просто избавиться, невозможно отогнать от себя.,. Но поскольку она рождена его подсознанием, то он отождествляет *себя с ней*. В состоянии транса сознание Дэнни не работает. Подсознание руководит всеми его действиями. И тогда Дэнни кладет пальцы себе на горло и...

— Прекрати! — оборвала его Уэнди. — Я поняла, что ты нарисовал в своем воображении. И мне это кажется даже более пугающим, чем некий злодей, крадущийся по коридорам отеля. От незнакомца можно сбежать. Но от себя самого не убежишь. То, что ты описываешь, называется шизофренией.

— Если и так, то в очень легкой форме, — сказал он, однако тоже заметно помрачнел. — И она приобретает весьма специфические проявления. Потому что Дэнни действительно доказал, что умеет читать чужие мысли и время от времени у него случаются вспышки предвидений. И я не могу считать это психическим заболеванием, хотя проще всего списать все на душевную болезнь. Как известно, в каждом из нас изначально заложена некоторая шизоидность, но с годами мы учимся контролировать ее. Думаю, с Дэнни произойдет то же самое.

— Что ж, если ты прав, то тем настоятельнее необходимость вывезти его отсюда. От чего бы он ни страдал, этот отель лишь усугубляет его состояние.

— Не будь столь категоричной, — возразил Джек. — Если бы он слушался родителей, то вообще никогда не стал бы заходить в тот номер. И ничего бы не случилось.

— Господь с тобой, Джек! Неужели ты думаешь, что быть полузадушенным — это адекватное наказание за непослушание?

— Нет. Конечно, нет. Но...

— Никаких «но», — оборвала она, яростно помотав головой. — Мы знаем только, что ничего не знаем. Все это одни безосновательные догадки. А между тем мы понятия не имеем, когда он в следующий раз повернет за угол и окажется в одном из этих... провалов сознания... или в бесконечном фильме ужасов. Нам *нужно* увезти его отсюда! — Она сдавленно усмехнулась. — Иначе у нас самих начнутся видения.

— Не городи чепухи, — сказал он, но во мраке спальни снова вспомнил львов из живой изгороди, которые больше не стояли вдоль тропы, а блокировали ее: злые от голода ноябрьские львы. Холодный пот выступил у него на лбу.

— Ты ведь действительно ничего не видел? Я имею в виду, когда сам был в том номере? Совсем ничего?

Львы исчезли. Теперь ему виделась розовая занавеска с притаившимся за ней темным силуэтом. Закрытая дверь. И слышались приглушенные звуки, так похожие на шлепанье мокрых ступней по полу. Вспомнился лихорадочный, сбивчивый ритм собственного сердцебиения, когда он сражался с непослушным ключом.

— Нет, ничего, — ответил он, и это было правдой. Он действительно так и не понял, что с ним тогда произошло. И, если честно, не успел даже задуматься над реальной причиной появления синяков на шее сына. Оказалось, что он сам легко внушаем, а галлюцинации — заразны.

— И ты не передумал? Я имею в виду, по поводу снегохода?

От внезапно охватившей Джека злости его пальцы сжались в плотные кулаки

(*Не надо давить на меня!*)

по обе стороны тела.

— Я же обещал, что все сделаю, так? И сдержу слово. А теперь давай спать. У нас был длинный, трудный день.

— Еще какой! — сказала Уэнди. Слегка зашуршали простыни, когда она повернулась и поцеловала его в плечо. — Я люблю тебя, Джек.

— Я тоже люблю тебя, — машинально ответил он. Его пальцы все еще сжимались в кулаки, казавшиеся тяжелыми камнями на концах рук. На лбу пульсировала жилка. Она ведь не обмолвилась ни словом о том, что произойдет с ними *после того*, как они спустятся с гор, когда все будет кончено. Ни словечком. Только сплошные «Дэнни то», «Дэнни это» и «Джек, мне так страшно». О да, она и в самом деле была смертельно напугана всякими скелетами в шкафах, темными тенями за углом и прочей чертовщиной. Но у них существовали куда более реальные причины для страха. Когда они окажутся в Сайдуайндере, вся их собственность будет состоять из шестидесяти долларов наличными и одежды, в которой они туда явятся. Даже машину придется бросить здесь. А если в Сайдуайндере и найдется ломбард, что представлялось сомнительным, заложить им все равно нечего, кроме обручального кольца Уэнди, купленного за девяносто баксов, да портативного радиоприемника «Сони». Старьевщик даст им долларов двадцать в лучшем случае. Но только *очень великодушный* старьевщик. Работы никакой. Ни сезонной, ни на полставки. Разве что подрядиться расчищать от снега дорожки к чужим домам по три доллара за один заход. Превосходная картинка: Джон Торранс тридцати лет от роду, который когда-то публиковался в «Эсквайре» и лелеял мечту — причем совсем небезосновательную мечту — стать одним из ведущих американских писателей следующего десятилетия, с лопатой на плече ходит и нажимает кнопки звонков в домах захолустного городка... И эту картину воображение нарисовало ему куда живее, чем львов из ограды. Он еще сильнее стиснул кулаки. Так, что ногти вырезали на ладонях кровавые полумесяцы. Джон Торранс стоит в очереди, чтобы обменять свои шестьдесят долларов на продуктовые талоны, или приходит к местной методистской церкви, где раздают одежду для бедных, и получает ее вместе с презрительными взглядами жителей Сайдуайндера. Джон Торранс, объясняющий Элу, почему им пришлось срочно уехать. Почему они погасили топку и оставили «Оверлук» на милость вандалов и грабителей на снегоходах. Понимаешь, Эл, attendez-vous*, Эл, там полно привидений,

* Здесь: чего ты ждешь (*фр.*).

и они устроили охоту на моего мальчика. Прощай, Эл, не поминай лихом. Переходим к главе четвертой: «Для Джона Торранса наступает весна». Что тогда? А черт его знает, что тогда! Вероятно, им удастся добраться на своем «фольксвагене» до западного побережья. Только смени бензонасос, и в путь! Отъехать отсюда на пятьдесят миль к западу, а потом дорога пойдет все время под горку, и можно на нейтралке докатить до самой Юты. Или до солнечной Калифорнии — штата апельсинов и безграничных возможностей. Человека с его безупречным прошлым алкоголика, хулигана-задиры и охотника за привидениями там ждут с распростертыми объятиями. Занимайся тем, к чему лежит душа! Хочешь в туристический бизнес — продавай билеты на междугородние автобусы. И в автомобильной индустрии дело найдется — мой машины, облачившись в прорезиненный костюмчик. Ах, вы предпочитаете что-нибудь связанное с кулинарным искусством? Так почти в любой закусочной требуются уборщики. Не боитесь материальной ответственности? Пожалуйте в автозаправщики. Там, кстати, пригодятся интеллектуальные способности: нужно уметь правильно дать сдачу и откатать копию кредитной карточки. «Двадцать пять рабочих часов в неделю по минимальной ставке, вот и все, что я могу предложить, друг мой». Приятно слышать такое во времена, когда цена буханки хлеба уже перевалила за шестьдесят центов.

Кровь начала медленно стекать с его ладоней. Те же стигматы, разве не похоже? Он сжал пальцы еще сильнее, доводя себя болью до исступления. Жена мирно спала рядом. А что ей? У нее никаких проблем. Он же согласился увезти ее с Дэнни от большого и страшного чудища, так о чем теперь заботиться? *А потому, видишь ли, Эл, я подумал, что лучше всего будет...*

(*убить ее.*)

Мысль возникла словно ниоткуда — простенькая и без прикрас. Желание вытащить ее из постели, голую, ничего не понимающую, еще толком не проснувшуюся; наброситься на нее, ухватиться за шею, как за ствол молоденькой осинки, начать душить, пережав большими пальцами трахею, а сзади упершись в основание позвоночника. Сначала вздернуть го-

лову вверх, а потом с силой обрушить на пол, и так раз за разом: молотить, крушить, разбивать. Можешь трепетать и молить о пощаде, детка. Крутиться, извиваться, таращиться. Я заставлю тебя заплатить за все. Испить чашу наказания до дна.

До него вдруг донеслись чуть слышные приглушенные звуки, исходившие откуда-то извне его пришедшего в лихорадочное возбуждение сознания. Он посмотрел в другой конец комнаты и заметил, что Дэнни снова забеспокоился во сне, ворочаясь и ногами спихивая с себя одеяло. Из груди мальчика вырывался стон — слабый и сдавленный. Какой кошмар на этот раз? Женщина с синюшным лицом, давно уже мертвая, преследует его по коридору отеля? Джек так не думал. Что-то иное мучило Дэнни во сне. Что-то гораздо более страшное.

Это заставило Джека очнуться. Он встал с кровати и подошел к сыну, чувствуя тошнотворный стыд. Ему следовало думать о Дэнни, а не об Уэнди и себе самом. Только о Дэнни. В глубине души он понимал, что какой бы скверный оборот ни приняли дела дальше, Дэнни необходимо было вывезти. Он поправил одеяло, а сверху положил плед. Мальчик уже успокоился. Джек дотронулся до его лба

(с какими монстрами он сражался за этой тонкой косточкой?)

и почувствовал тепло, но не лихорадочное. Дэнни снова безмятежно спал. Как ни странно.

Джек вернулся в постель и попытался заснуть. Но сон не шел.

Как же несправедливо, что жизнь складывалась подобным образом: неудачи преследовали его повсюду. Даже приезд в «Оверлук» не сбил их со следа. Когда завтра к вечеру они доберутся до Сайдуайндера, все его вновь вспыхнувшие надежды исчезнут, растают в голубой дали, как любил говаривать сосед Джека по университетскому общежитию. Поневоле он рассматривал возможные варианты дальнейших событий, если бы они никуда не уехали, сумели бы выдержать здесь свой срок до конца. Он бы закончил пьесу. Так или иначе, но сумел бы найти подходящий финал для нее. А его собственное двойственное отношение к главным героям могло бы даже добавить интри-

гующих мазков к завершающим сценам. Вероятно, он смог бы даже заработать какие-то деньги — это было вполне реально. К тому же Эл способен убедить совет школы в Стовингтоне вернуть ему работу. Скорее всего его примут на условиях испытательного срока — а он может длиться до трех лет. Но кто знает, если Джек не начнет пить и будет продолжать писать, ему едва ли понадобится торчать в Стовингтоне целых три года. Прежде он Стовингтон ни в грош не ставил. Задыхался там, словно погребенный заживо, однако следовало признать, что это был незрелый подход. И разумеется, как можно получать удовольствие от работы преподавателя, если ведешь уроки с глубочайшего похмелья два дня из трех? Ничего подобного не повторится. Он будет относиться к своим обязанностям гораздо более ответственно. В этом у него не было ни малейших сомнений.

Где-то на этом месте его сознание начало погружаться в сон. Но последняя мысль преследовала его гулким ударом колокола:

Он мог бы обрести мир и покой здесь. Такой долгожданный мир и покой. Если бы ему только дали шанс.

Проснувшись, он обнаружил, что стоит в ванной комнате номера 217.

(он снова бродил во сне — но зачем? здесь нет передатчика, который можно разбить)

Свет в ванной был включен, а сам номер у него за спиной погружен во тьму. Занавеска вокруг ванны на птичьих лапках оказалась задернута. Коврик рядом с ней — помят и влажен.

Джек вроде бы начал ощущать подобие страха, но сам по себе дремотный характер испуга подсказывал, что все это происходило во сне. И все же справиться с ним не удавалось. Слишком многое в «Оверлуке» поначалу представлялось лишь сном.

Он подошел к ванне, сам того не желая, но не в силах остановиться.

Отдернул занавеску.

Внутри невесомо плавал в воде совершенно голый Джордж Хэтфилд, из груди которого торчал нож. Вода вокруг него окрасилась в ярко-розовый цвет. Глаза Джорджа были закрыты. Его обмякший пенис колыхался на поверхности подобием странной водоросли.

— Джордж... — услышал Джек собственный голос.

Глаза Джорджа резко открылись. Они были словно отлиты из серебра и совершенно не походили на человеческие. Руки Джорджа, белые, как две рыбины, нащупали края ванны, и он сел. Нож торчал точно в середине груди, на равном расстоянии от сосков. Края раны даже не припухли.

— Вы перевели таймер вперед, — сказал сереброглазый Хэтфилд.

— Нет, Джордж, я этого не делал. Я...

— Я не заикаюсь.

Джордж уже поднялся во весь рост, не сводя с Джека белесого серебристого взгляда, его губы скривились в мертвой улыбке. Он перебросил ногу через фаянсовый край ванны, и белая сморщенная ступня опустилась на коврик.

— Сначала вы пытались сбить меня на велосипеде, потом переставили таймер, потом хотели зарезать меня ножом, *но я никогда не заикался*.

Джордж пошел к Джеку, вытянув вперед руки с чуть скрюченными пальцами. От него пахло тленом и сыростью, как от опавших листьев, которые долго поливали дожди.

— Я сделал это для твоего же блага, — сказал Джек, отшатываясь. — Я перевел часы вперед из сострадания к тебе. Но важнее другое: я знаю, как ты смошенничал на выпускном экзамене.

— Я не мошенничаю... и не заикаюсь.

Руки Джорджа коснулись шеи Джека.

Джек повернулся и побежал, но его бег был тягучим, невесомым и медленным, как часто бывает во сне.

— Ты это сделал! Ты смошенничал! — кричал он в злобе и страхе, пересекая темную гостиную-спальню. — У меня есть доказательства!

Руки Джорджа опять сомкнулись на его шее. От ужаса сердце Джека раздулось так, что, казалось, вот-вот взорвется. Но потом его пальцы нащупали наконец дверную ручку, та повернулась, и Джек вывалился в открытый проем. Он выбрался наружу, но оказался не в коридоре третьего этажа, а в подвальном помещении позади каменной арки. Горела опутанная паутиной лампочка. Его походный стул стоял прямо под ней. А кругом пародией на миниатюрные горные хребты высились коробки, ящики и перевязанные кипы записей, счетов и бог знает чего еще. Чувство облегчения накатило на Джека.

— Я найду это! — услышал он собственный крик. Схватил сырую, заплесневелую картонную коробку, но она развалилась у него в руках, и из нее водопадом низверглись на пол пожелтевшие листки. — Оно где-то здесь! *И я найду его!*

Он запустил руки в бесформенную кучу бумаги и достал оттуда сухое осиное гнездо и таймер. Таймер громко тикал. К его задней стенке был прикреплен электрический шнур, шедший к связке динамитных шашек.

— *Вот!* — заорал он. — *На, возьми!*

Облегчение сменилось ощущением полного триумфа. Он не просто убежал от Джорджа — он его победил. С этими магическими талисманами Джордж ни за что не посмеет вновь коснуться его. Джордж обратится в трусливое бегство.

Он хотел повернуться, чтобы посмотреть противнику в глаза, но в этот момент руки Джорджа снова крепко ухватили его за шею, сдавили, лишили возможности дышать, окончательно перекрыли доступ воздуха в легкие.

— Я *не заикаюсь*, — прошептал Джордж из-за его спины.

Джек уронил гнездо, и осы вылетели из него яростным желто-коричневым вихрем. Его легкие охватил огонь. Блуждающий взгляд вновь упал на таймер, и чувство триумфа вернулось вместе с мощной волной праведного гнева. Провод соединял таймер не с динамитом, а с позолоченным набалдашником толстой черной трости, похожей на ту, с которой не расставался отец после несчастного случая с грузовиком.

Он ухватился за трость, и провод отвалился. Тяжелая палка удобно легла в руку. Он махнул ею себе за спину, задев при

этом шнур, питавший лампочку под потолком, и ее свет начал раскачиваться, заставив уродливые черные тени, похожие на чудовищ в колпаках, метаться по стенам и по полу. Опустившись до конца, трость врезалась во что-то твердое. Джордж вскрикнул. Его хватка на горле Джека ослабла.

Джек вырвался и резко развернулся. Джордж упал на колени, обхватив поникшую голову обеими руками. Сквозь его пальцы обильно струилась кровь.

— Пожалуйста, — униженно взмолился он. — Дайте мне прийти в себя, мистер Торранс.

— Нет уж, теперь ты получишь по заслугам! — прорычал Джек. — Богом клянусь, получишь прямо сейчас. Жалкий щенок. Ничтожный наглец. Прямо сейчас! Расплатишься за все. Расплатишься сполна!

И при качавшемся свете, под беззвучный танец теней он начал орудовать тростью изо всех сил, поднимая ее и обрушивая вниз, поднимая и обрушивая, — его рука работала, как механизм. Джордж перестал закрывать голову, а Джек крушил тростью его шею, плечи, руки. Только теперь трость превратилась в деревянный молоток с пестрыми полосками на рукоятке. В молоток, у которого одна сторона бойка была мягкой, а другая жесткой. Причем жесткая уже покрылась кровью и клочьями волос. И чмокающие удары по человеческой плоти сменились барабанным грохотом, отдававшимся вокруг многократно повторенным эхом. А собственный голос Джека приобрел совершенно иную тональность, перейдя в невнятный рев и мычание. Но в то же время его крики стали слабее, злобные слова звучали почти неразборчиво, словно... он был пьян.

Фигура, стоявшая перед ним на коленях, медленно подняла голову в последней мольбе о пощаде. Сплошную кровавую маску, на которой ясно выделялись только глаза, даже нельзя было назвать лицом. Джек занес молоток для последнего удара и уже не мог остановиться, когда внезапно понял, что исполненное мольбы лицо перед ним принадлежит не Джорджу, а Дэнни. Это было лицо его сына.

— *Папочка...*

А затем молоток достиг цели, угодив Дэнни точно между глаз, навсегда заставив их закрыться. И что-то где-то начало смеяться...

(*!Нет!*)

Он очнулся голый у постели Дэнни. В руках у него ничего не было. Все тело покрывал холодный пот. Его последний крик прозвучал лишь у него в мыслях. Но он повторил снова, на этот раз едва слышным шепотом:

— Нет. Нет, Дэнни. Никогда.

Потом на ватных ногах он вернулся в свою постель. Уэнди продолжала крепко спать. Часы на прикроватном столике показывали без четверти пять. Он пролежал без сна до семи, когда Дэнни снова стал ворочаться, но уже перед пробуждением. Джек встал и начал одеваться. Настало время спуститься вниз и проверить бойлер.

Глава 33
СНЕГОХОД

В какой-то момент после полуночи, когда все они забылись тревожным сном, снег прекратился, успев добавить еще восемь дюймов поверх смерзшегося наста. Толстую завесу облаков прорвало, и налетевший ветер унес их прочь, а потому Джек стоял сейчас посреди пыльного золотистого прямоугольника солнечного света, проникавшего через грязное окно в восточной стене сарая для инструментов и инвентаря.

Помещение было длиной с большой товарный вагон и примерно такой же высоты. Оно пропахло смазкой, машинным маслом и бензином, но все равно здесь ощущался чуть заметный, вызывавший ностальгию сладковатый аромат скошенной травы. Четыре газонокосилки, как солдаты, выстроились в шеренгу вдоль южной стены, причем на двух из них

можно было ездить и они напоминали маленькие тракторы. Левее располагались буры для сверления отверстий под столбы, штыковые лопаты для серьезных хирургических операций на теле газона, цепная мотопила, электрический кусторез и длинный тонкий стальной шест для гольфа с красным флажком на конце. Эй, парнишка, успеешь принести назад мой шарик за десять секунд, получишь в награду четвертак. Будет сделано, *сэр*!

Напротив восточной стены, куда проникало особенно много лучей утреннего солнца, стояли, опираясь друг на друга, три стола для пинг-понга, как собранный нетвердой рукой карточный домик. Сетки для них лежали на полках сверху. В углу высилась стопка дисков для игры в шаффлборд, а рядом хранились наборы для роке — сцепленные друг с другом воротца, яркие шары, уложенные в подобие картонок для яиц (*странные у вас здесь куры, Уотсон... да, и вы еще не видели зверье, что резвится у нас на лужайке, ха-ха*), и два набора молотков, каждый на своей подставке.

Джек подошел к ним, переступив через старый автомобильный аккумулятор (который когда-то явно стоял под капотом принадлежавшего отелю пикапа), зарядное устройство и два расположившихся между ними кабеля с крепежными устройствами для «прикуривания». Взял один из молотков за короткую рукоять и поднял на уровень лица, как рыцарь поднимает меч, приветствуя короля перед началом турнира.

И в этот момент память возродила фрагменты сна (уже успевшего основательно подзабыться). Что-то о Джордже Хэтфилде и отцовской трости, мелочь, которой хватило, чтобы Джек вдруг испытал совершенно абсурдное чувство вины от того, что держит в руке молоток для игры в садовый вариант роке. Роке даже не был слишком распространенным развлечением, вытесненный своим современным кузеном крокетом, который, если разобраться, — лишь забава для детишек. А вот роке... Наверное, в свое время это была очень увлекательная игра. В подвале Джек нашел изрядно потрепанное руководство и правила, изданные в начале двадцатых годов, когда в «Оверлуке» проходил чемпионат США. Да, роке — это сила!

(*шизоидная*)

Он нахмурился, но потом рассмеялся. Верно, шизоидная игра. Что превосходно подчеркивала конструкция молотка. Мягкий бок и жесткий бок. Игра, требующая, с одной стороны, острого глаза и точности, а с другой — лишь грубой свирепой силы.

Джек взмахнул молотком... И чуть улыбнулся, потому что ему понравился мощный шипящий звук, с которым тот рассекал воздух. *Ш-ш-ш-у-х!* Он поставил молоток на место и посмотрел налево. Увиденное заставило его вновь хмуро наморщить лоб.

Снегоход занимал почти весь центр сарая и выглядел сравнительно новым, хотя Джека не интересовал его внешний вид. На боку капота была черными буквами выведена марка — «Бомбардье скиду»; буквам придали резкий наклон назад, вероятно, чтобы подчеркнуть скорость. Видневшиеся снизу лыжи тоже оказались черными. Справа и слева по капоту шли черные полосы, что усугубляло сходство с гоночным автомобилем. Но сам снегоход был ярко-желтым, и вот это и не понравилось Джеку. В лучах зимнего солнца этот желтый агрегат с черными полосками, черными лыжами и черными сиденьями напоминал гигантскую механическую осу. Вероятно, и жужжать на ходу он будет точь-в-точь как оса перед укусом. Но если подумать, вид у снегохода был самый что ни на есть подходящий. По крайней мере он не рядился во что-то более доброе, потому что стоит ему выполнить свою миссию, и им всем станет больно. Всей семье. К весне семейству Торрансов будет так плохо и больно, что укусы ос, впившихся в руку Дэнни, покажутся нежными материнскими поцелуями.

Джек достал из заднего кармана носовой платок, вытер им губы и подошел ближе к «Скиду». Оглядел его, помрачнел еще больше и запихнул платок обратно в карман. Внезапный порыв ветра заставил стены сарая охать и скрипеть. В окно было видно, как туча сверкающих снежных кристаллов взмывает по склону укутанной высоким сугробом задней стены отеля, а потом устремляется в холодное синее небо.

Ветер стих, и Джек вернулся к созерцанию машины. Ее вид вызывал у него неподдельное отвращение. Так и казалось, что

позади торчит длинное гибкое жало. Он же всегда ненавидел эти треклятые снегоходы. Своим треском они разбивали торжественную, почти священную зимнюю тишину на миллионы хрупких осколков. Их пугались животные и птицы в лесах. Они оставляли за собой сизые облака дыма и бензиновых паров, отравляя воздух. Кхе, кхе, просто дышать нечем! Эти извращенные игрушки, созданные в эпоху ископаемого топлива, дарили к Рождеству десятилетним детишкам.

Он вспомнил газетную публикацию, которая попалась ему на глаза в Стовингтоне, хотя история произошла где-то в штате Мэн. Такой вот ребенок мчался на снегоходе по незнакомой дороге, разогнавшись до тридцати миль в час. Поздний вечер. Темень. Но фары этот несмышленыш включить и не подумал. А между тем поперек дороги натянули цепь с табличкой «Посторонним въезд запрещен». Позже полицейские заявили, что парень скорее всего даже не успел заметить ее, потому что луна ненадолго скрылась за облаком. Той цепью ему начисто срезало голову. Джек помнил, что, читая репортаж, испытал чувство, близкое к злорадству. И сейчас, когда он смотрел на снегоход, ощущения вернулись.

(Если бы не Дэнни, с каким удовольствием он взял бы сейчас деревянный молоток, открыл капот и долбил по двигателю, пока...)

Джек испустил медленный вздох, который так долго сдерживал. Уэнди была права. Пусть им грозит адское пламя, всемирный потоп или очередь за пособием по безработице, но Уэнди была права. Вывести сейчас из строя эту машину было чистой воды безумием, какие бы сиюминутные удовольствия ни сулила эта сумасбродная идея ему самому. По сути это означало бы нанести смертельный удар по собственному сыну.

— Чертов луддит* нашелся, — обозвал он себя вслух.

Джек подошел к снегоходу сзади и отвинтил крышку бензобака. На одной из полок, висевших примерно на уровне груди, он нашел щуп и опустил его внутрь. Щуп вернулся на-

* Луддиты — группа английских рабочих, протестовавших в начале XIX века против изменений, которые повлекли промышленный переворот; часто протест выражался в разрушении машин.

мокшим лишь на восьмую часть дюйма. Немного, но хватит, чтобы проверить, как работает этот хренов агрегат. Позже он дольет топлива из «жука» или пикапа.

Завинтив крышку, Джек открыл моторный отсек. Ни свечей, ни аккумулятора. Вернулся к полке и принялся рыться на ней, откладывая в сторону отвертки, разводные ключи, однокамерный карбюратор, снятый, видимо, с одной из газонокосилок, коробочки с винтами, шурупами, гвоздями и гайками всех размеров. Толстое дерево за долгие годы потемнело и буквально пропиталось грязной смазкой в смеси с пылью. К полке не хотелось прикасаться.

И все же Джек нашел покрытую жирными пятнами коробку с лаконичной карандашной надписью «Скид». Потряс, и внутри что-то загремело. Свечи. Достав одну, он попытался оценить зазор на глаз. А потом подумал: *Ну и черт с ним!* — и бросил свечу обратно в коробку. Если зазор неправильный, значит, такова судьба.

Рядом с дверью он обнаружил стул. Уселся на него и ввернул все четыре свечи на место, подсоединив затем к каждой провод с резиновым колпачком. Покончив с этим, пальцами быстро пробежался по поверхности магнето. «Как же они смеялись, когда я садился за пианино!»

Потом вернулся к полкам и стеллажам. Но на этот раз нужное никак не отыскивалось — небольшой аккумулятор. Обнаружились накидные гаечные ключи, целый ящик сверл и насадок к дрели, несколько мешков химических удобрений для кустарников и клумб. Но аккумулятора для снегохода здесь не было. Джека это нисколько не обеспокоило. Скорее обрадовало. Он даже испытал облегчение. «Я сделал все, что было в моих силах, командир, но противник слишком силен. — Молодцом, сынок! Я представлю тебя к награждению медалью «Серебряная звезда» и пурпурным снегоходом. Такие, как ты, делают честь вашему полку. — Служу отечеству, сэр! Я старался как мог».

Проверяя последние полки, он даже начал насвистывать «Долину красной реки». Звуки вырывались изо рта мелкими облачками белого пара. Да, теперь он мог с чистой совестью утверждать, что полностью обыскал сарай, но самого необхо-

димого не обнаружил. Аккумулятора. Его запросто могли украсть. Его мог свистнуть тот же Уотсон. Джек даже рассмеялся в голос. Кто не сталкивался с такими вещами на работе? Унести домой коробку скрепок, пару пачек бумаги, и, само собой, никто не хватится одной из нескольких сотен скатертей... А этот аккумулятор для снегохода? Он вообще никому и никогда не понадобится. Надо просто незаметно сунуть его себе в рюкзачок. Невинное мелкое воровство. Несуны есть везде, детка. Каждый что-нибудь да присвоил в свое время. В детстве, таская мелочевку из магазинов, мы называли это скидкой на ловкость рук.

Проходя мимо снегохода, он от всей души пнул его в полированный бок. Что ж, вот и сказочке конец. Осталось только сообщить Уэнди: прости, милая, но...

Коробка стояла прямо рядом с дверью, и прежде ее скрывал стул. На крышке была такая же карандашная надпись: «Скид».

Он смотрел на нее, и довольная улыбка постепенно сходила с его губ. «Смотрите, сэр! Кажется, нам в помощь спешит кавалерия. Похоже, они увидели наконец дымовые сигналы, которые вы распорядились подать».

Как же это несправедливо!

Это так дьявольски несправедливо!

Что-то необъяснимое — удача, фортуна, провидение — делало сегодня все, чтобы спасти его. Какая-то магия, но на этот раз белая магия. И вот в самый последний момент извечное невезение Джека Торранса вновь вмешалось и спутало все карты, которые ложились так удачно.

Обида, чудовищная обида, захлестнула его, комком подкатив к горлу. Руки снова сжались в кулаки.

(*Несправедливость, какая-то фатальная несправедливость!*)

Почему его взгляд не мог упасть в другой угол сарая? В любое другое место! Почему ему внезапно не свело шею, не зачесался нос, не попала соринка в глаз? Любой мелочи было бы достаточно. И он бы его не заметил.

А быть может, он его и не заметил? Это же так просто. Снова галлюцинация, подобная той, что посетила его вчера в номере на третьем этаже, или странным видениям на игровой площадке. Перенапряжение все-таки сказывается. «Представ-

ляете, мне померещилось, что я увидел в углу аккумулятор. Но на самом деле там ничего не было. Да, накопилась усталость в боях! Это единственное возможное объяснение, сэр. Прошу меня извинить. — Ничего, сынок. Держи хвост пистолетом. Может случиться с каждым из нас».

Он распахнул дверь сарая с такой злобной силой, что ее чуть не сорвало с петель, и втащил внутрь свои снегоступы. Их решетчатые поверхности были плотно забиты снегом, и он принялся молотить ими об пол, очищая от лишнего груза. Потом прикрепил один к левой ноге... И замер.

У площадки для доставки молока он увидел Дэнни. Как ему показалось, мальчик пытался скатать снеговика, но у него ничего не получалось. В мороз снег был слишком сухим и не хотел слипаться. Однако Дэнни не оставлял попыток, прилежно занимаясь этим напрасным трудом при свете утреннего солнца. Маленький, плотно укутанный в зимние одежды мальчик на отливающем бриллиантовыми отблесками снегу, под ослепительно синим небом. Свою шапку он натянул козырьком назад, как делали многие знаменитые бейсболисты.

(*О чем, Господи, ты только думал?*)

Ответ пришел мгновенно.

(*О себе. Я думал только о себе самом.*)

Ему вдруг вспомнилось, как ночью его посетили страшные мысли об убийстве жены.

И в этот момент, стоя на коленях в сарае, он все понял с предельной ясностью. «Оверлук» пытался воздействовать не только на Дэнни. Он подвергал испытанию и его самого. И слабым звеном был не Дэнни. Слабым звеном сейчас стал именно он, Джек Торранс. Получалось, что из них троих он самый уязвимый, тот, кого можно крутить и сгибать, пока что-то в нем не надломится.

(как только я расслабляюсь и засыпаю... и когда я это делаю... если я это делаю...)

Он посмотрел на ряды окон отеля. В их многочисленных стеклах отражалось ослепительное солнце, но он все равно вглядывался в них. И впервые заметил, до какой степени они напоминали человеческие глаза. Они отражали лишь внешний

свет, но внутри хранили тайну своей собственной темноты. И устремлены они были не на Дэнни. Они всматривались в него.

В эти несколько секунд он успел понять очень многое. Он вспомнил черно-белую картинку, которую ребенком видел на уроке богословия. Монахиня, проводившая урок, поставила рисунок на мольберт и провозгласила Чудом Божьим. Дети сначала смотрели на лист в недоумении, видя перед собой лишь хаос из черных и белых линий — бессистемных и внешне бессмысленных. Затем один мальчик, сидевший в третьем ряду, громко охнул и воскликнул: «Да это же Иисус!» — после чего сразу же был отправлен домой, награжденный не только новеньким экземпляром Писания, но и церковным календарем, потому что увидел это первым. Остальные стали всматриваться пристальнее, и Джеки Торранс в том числе. Один за другим ученики начали издавать похожие звуки, а одна маленькая девочка изобразила нечто вроде религиозного экстаза, громко выкрикивая: «Я Его *вижу*! Я *вижу* Его!» Ей достался томик Нового Завета. Наконец настал момент, когда уже все разглядели божественный лик, кроме маленького Джеки. Он все сильнее напрягал зрение, уже немного напуганный, потому что циник в нем был уверен: одноклассники просто притворились, чтобы понравиться сестре Беатрисе, — но где-то в глубине души все же засел страх, что Бог не хочет явить ему свое лицо, потому что считает его самым большим грешником. «Неужели ты не видишь его, Джеки?» — спрашивала сестра Беатриса своим печально-медоточивым голоском. *Я вижу только твои сиськи*, думал он в злобном отчаянии. Джеки долго качал головой, но потом разыграл спектакль и с фальшивым восторгом сказал: «Да, теперь вижу! Ну ни фига себе, это же Христос!» Все засмеялись, начали ему аплодировать, отчего он почувствовал приятное волнение, стыд и страх одновременно. Позже, когда все поднялись из подвального помещения церкви на улицу, он один задержался и вновь вгляделся в черно-белую бессмысленную картинку, оставленную сестрой Беатрисой на мольберте. Он ненавидел ее и общее лицемерие. Они точно так же притворились, как и он сам. Даже сестра Беатриса была жалкой притворщицей. Это боль-

шой обман, только и всего. «Дерьмо он, этот ваш адский огонь, полная чушь», — чуть слышно прошептал он, стал поворачиваться, чтобы уйти, и в этот момент краем глаза увидел лик Иисуса, печальный и мудрый. Джеки застыл. Сердце от испуга ушло в пятки. Внезапно все линии обрели свои места, и он не мог оторвать глаз от бумаги, теперь уже в трепете перед чудом, сам не понимая, как мог не разглядеть этого раньше. Глаза, зигзагообразная тень, пролегшая над усталыми веками, тонкий правильный нос, линия полных сочувствия губ. И Он смотрел на Джеки Торранса. То, что еще минуту назад казалось бессмыслицей штрихов, внезапно трансформировалось в четкое изображение Иисуса-Господа-Нашего. И священный трепет перерос в панический ужас. Он ведь богохульствовал, стоя перед образом Бога. Быть ему проклятым навеки! Гореть ему в адском пламени с другими грешниками. Ведь лик Христов присутствовал на этом листе с самого начала. С самого начала!

И теперь, стоя на коленях в круге солнечного света и наблюдая, как сын играет в тени отеля, он начал прозревать правду. Отелю нужен был Дэнни. Быть может, и они тоже, но Дэнни в первую очередь. И звери в живой изгороди действительно двигались. А в номере 217 обитала мертвая женщина, которая, возможно, при обычных обстоятельствах оставалась бы безвредным призраком, но теперь стала реально опасной. Она была подобием некой зловещей заводной игрушки, чей механизм привел в движение странным образом устроенный внутренний мир Дэнни... и его собственный. Кто рассказал ему о том, как мужчина внезапно скончался от инсульта прямо на роке-корте, Уотсон? Или Уллман? Это не имело значения. На четвертом этаже было совершено убийство. А сколько еще произошло здесь буйных ссор, самоубийств, внезапных кончин? И сколько других убийств? Ведь Грейди мог притаиться со своим топором где-то в западном крыле, дожидаясь, пока Дэнни оживит его, чтобы он смог вырваться из своего деревянного плена.

Припухшие округлые синяки на шее Дэнни.

Звяканье почти невидимых бутылок в пустом баре.

Радиопередатчик.

Кошмарные сны.

Альбом с вырезками, который он нашел в подвале.

(*Медок! Ты слышишь, друг милый? Я снова бродила во сне этой ночью постылой...*)

Джек резко поднялся и выкинул снегоступы за порог. Его трясло. Закрыв дверь сарая, он взялся за коробку с аккумулятором. Но она выскользнула из его дрожавших пальцев

(*о боже что если я расколол его*)

и упала боком на пол. Он открыл крышку коробки и достал батарею, забыв о кислоте, которая могла сочиться из корпуса, если в нем образовалась трещина. Но трещины не было. Аккумулятор остался цел. Джек испустил тихий вздох облегчения.

Бережно прижимая к себе батарею, он донес ее до «Скиду» и установил на площадку в передней части моторного отсека. Затем нашел небольшой ключ, с помощью которого быстро подсоединил провода. Аккумулятор находился в рабочем состоянии и не требовал даже дополнительной подзарядки. Когда Джек надел провод на положительную клемму, проскочила электрическая искра и в воздухе слегка запахло озоном. Покончив с этим, он отступил в сторону и стал нервно вытирать руки о полы своей линялой джинсовой куртки. Вот так. Мотор будет работать. Не существовало ни малейшей причины для отказа техники. За исключением одной: «Оверлук» очень не хотел, чтобы они выбрались отсюда. Не хотел отпускать их. В конце концов, отелю было весело. В его распоряжении оказались маленький мальчик, чтобы запугивать, муж и жена, которых так интересно стравливать, и если «Оверлук» разыграет свою партию правильно, они скоро начнут гоняться друг за другом по коридорам отеля. Похожие на бестелесные тени из романа Ширли Джексон. Но только в ее доме на холме ты остался бы в одиночестве. «Оверлук». — совершенно другое дело. Здесь тебя всегда поджидала теплая компания. И все же теперь не было ни одной причины, чтобы двигатель снегохода не завелся, кроме, конечно...

(*Кроме, конечно, того, что ты на самом деле не хочешь никуда уезжать.*)

да, кроме этой.

Он стоял и смотрел на «Скиду», выдыхая небольшие облачка пара. Ему хотелось обратить все вспять. Ведь он пришел сюда, не испытывая никаких сомнений. Спускаться в долину — большая ошибка, был уверен он. Уэнди впала в панику, испугавшись мифического страшилища, которое нафантазировал маленький мальчик. Но теперь он неожиданно сумел увидеть все это ее глазами, понять ее точку зрения. Получалось как в пьесе. В его трижды проклятой пьесе. Он больше не знал, на чьей он стороне и каков будет финал. Стоило однажды узреть Божий лик на черно-белой картинке — и пиши пропало. Ты уже никогда не сможешь не видеть его. Другие будут смеяться, утверждать, что это ничего не значит, что они признают только точные изображения, выполненные настоящими мастерами, но на тебя из хаоса линий всегда будет смотреть Отец-Наш-Небесный. Ты сумел разглядеть его в одно шокирующее мгновение прозрения, когда сознание и подсознание слились воедино. А значит, будешь видеть его всегда. Ты попросту обречен на это.

(*Я снова бродила во сне этой ночью...*)

Вот и сейчас все было хорошо, пока он не увидел, как Дэнни играет в снегу. Это была вина Дэнни. Во всем, что происходило, виноват только он. Ведь он мог сиять, что бы это ни значило на самом деле. Хотя какое там сияние! Это было проклятие. Если бы они с Уэнди приехали сюда одни, то тихомирно прожили бы здесь всю зиму. Ни боли, ни неволи.

(*Я не хочу уезжать? Или не могу?*)

«Оверлук» не желал отпускать их, и Джек тоже не хотел, чтобы они уезжали. Даже Дэнни. Дэнни мог уже стать частью истории отеля. А его самого «Оверлук», подобно большому и щедрому Сэмюэлу Джонсону, избрал на роль своего Босуэлла*. Так вы говорите, что новый зимний смотритель пописывает? Очень хорошо, дайте ему работу. Настало время рассказать историю с нашей точки зрения. Но только давайте сначала избавимся от его жены и слишком любознательного сынишки. Нам не надо, чтобы его отвлекали. Мы не хотим...

---

* «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791) шотландского писателя Джеймса Босуэлла до сих пор считается величайшей англоязычной биографией.

Джек стоял перед снегоходом, чувствуя, как возвращается головная боль. К чему он пришел в итоге? Уехать или остаться? Очень простой вопрос. И давайте не будем ничего усложнять. Должны ли мы уехать — или нам следует остаться здесь?

Если мы уедем, сколько времени потребуется, чтобы отыскать берлогу в Сайдуайндере? — спросило некое подобие внутреннего голоса. Темную дыру со стареньким цветным телевизором, в который небритые безработные мужчины пялятся целыми днями, чтобы скоротать время? Где мужской туалет воняет застоявшейся мочой тысячелетней давности, а в унитазе непременно плавает окурок «Кэмела»? Где в баре пиво по тридцать центов за стакан, и его сдабривают солью под звуки музыкального автомата, в который заряжены семьдесят древних мелодий в стиле кантри?

Сколько времени на это нужно? Да Боже мой! Джек боялся, что совсем немного.

— Это безвыигрышная ситуация, — подвел он черту с тихой безнадежностью. Как раскладывать пасьянс, заранее зная, что в колоде не хватает одного из тузов.

Он резко склонился к двигателю «Скиду» и вырвал магнето вместе со всеми проводами. Это оказалось несложно. Посмотрел на него, затем подошел к задней двери сарая и открыл ее.

Отсюда открывался до приторности красивый вид на горы в сиянии утреннего солнца. Ровное, без единого следа снежное поле тянулось примерно милю до первых сосен. Джек зашвырнул магнето в глубокий снег так далеко, как только хватило сил. И оно улетело даже дальше, чем должно было. Только всплеск снежинок обозначил место его падения. Легкий бриз тут же принялся заносить образовавшуюся ямку. «Исчезни там, я приказываю. Все кончено. Исчезни без следа».

В его душе воцарился покой.

Он еще долго стоял на пороге сарая, вдыхая бодрящий горный воздух, а потом плотно закрыл заднюю дверь и вышел с другой стороны, чтобы сообщить Уэнди: они остаются здесь. По пути он задержался и поиграл с Дэнни в снежки.

Глава 34
ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

Наступило 29 ноября. Минул День благодарения. Последняя неделя выдалась для них удачной. Праздничный ужин стал лучшей семейной трапезой за все время. Уэнди отменно приготовила индейку, оставленную Диком Холлораном, и они наелись до отвала, но все равно не одолели огромную птицу. Джек начал в шутку ныть, что теперь им придется питаться этой индюшатиной до конца зимы — есть индейку под сливочным соусом, сандвичи с индейкой, индюшачий суп с лапшой и, быть может, придумать еще какие-то более экзотические блюда.

«Не волнуйся, — в тон ему отвечала Уэнди. — Мясо индейки тебе грозит только до Рождества. Потом придется так же долго сражаться с каплуном».

Джек и Дэнни хором застонали.

Синяки на шее Дэнни почти сошли, а вместе с ними поубавилось тревоги и у родителей. После обеда в День благодарения Уэнди катала Дэнни вокруг отеля на санках, а Джек работал над пьесой, которая теперь действительно была почти закончена.

— Тебе все еще страшно здесь, док? — спросила Уэнди, не зная, как еще задать этот вопрос.

— Да, — ответил он без притворства. — Но я теперь стараюсь держаться только безопасных мест.

— Твой папа говорит, что рано или поздно рейнджеры из национального парка забеспокоятся, почему мы не выходим на связь по радио. И приедут, чтобы проверить, все ли у нас в порядке. Тогда мы сможем уехать с ними. Ты и я. И предоставим папе одному доработать до конца зимы. Для него это очень важно. В какой-то степени, док... Знаю, тебе, наверное, трудно это понять... Но мы загнаны в угол.

— Я понимаю, — просто ответил он.

А сегодня вновь выдался солнечный день. Родители тихо уединились наверху, и Дэнни прекрасно знал, что они занима-

лись там любовью. А потом оба задремали. Для Дэнни важнее всего было знать, что им хорошо. Мама все еще испытывала некоторый страх, а вот отец порой вел себя странно. Создавалось ощущение, что он сделал что-то очень трудное — и сделал правильно. Но Дэнни никак не мог понять, что именно это было. Отец тщательно охранял секрет даже в своем сознании. И Дэнни невольно удивлялся. Разве можно совершить что-то правильное, радоваться этому, но одновременно настолько стыдиться, чтобы стараться даже не думать об этом? Этот вопрос бередил душу. Он не верил, что подобное возможно... если человек в своем уме. Но самые усиленные попытки проникнуть в мысли отца оканчивались непонятной картинкой какого-то странного, похожего на осьминога предмета, который летел на фоне ярко-синего неба. И оба раза, когда он предпринимал такие попытки, отец вдруг вскидывал на него пронзительный взгляд, словно понимал, чего хочет добиться Дэнни.

А теперь он стоял в вестибюле, готовясь выйти наружу. В последнее время он много гулял, катаясь на санках или вышагивая в снегоступах. Ему нравилось находиться вне стен отеля. А когда светило солнце, Дэнни казалось, будто огромная тяжесть сваливается с его плеч.

Он подтащил к гардеробу возле бального зала стул, встал на него и сдернул с крючков свою парку и теплые лыжные брюки, а потом уселся, чтобы одеться. Ботинки стояли на нижней полке. Дэнни натянул их на ноги и, высунув от усердия кончик языка, стал тщательно зашнуровывать и завязывать крепкими двойными узлами. Затем последовали рукавицы и лыжная шапочка.

Поначалу он направился к задней двери кухни, но потом в задумчивости остановился. Дэнни надоело все время играть на заднем дворе, который к тому же в это время уже погружался в тень. Ему вообще было неуютно находиться в тени отеля. И потому он решил, что на этот раз возьмет снегоступы и отправится вниз к игровой площадке. Конечно, Дик Холлоран предупреждал, что лучше держаться подальше от живой изгороди, но сейчас мысли о животных-кустах не слишком волновали Дэнни. Звери были полностью укрыты снежными сугробами, и на виду остались лишь львиные хвосты да бугорок

кроличьей головы. Торчащие из снега хвосты казались скорее смешными, чем пугающими.

Дэнни открыл заднюю дверь и взял с молочной платформы свои снегоступы. Пять минут спустя он уже привязывал их к башмакам на парадной террасе. Папа говорил, что ему (Дэнни) на удивление легко давалось пользование снегоступами — этот внешне неспешный скользящий шаг, после которого непременно следовало чуть встряхнуть лодыжкой, чтобы избавиться от комьев снега, норовивших забиться в шнуровку, — и для скорости ходьбы оставалось только укрепить определенные группы мышц ног. Дэнни обнаружил, что лодыжки уставали быстрее всего. На них ложилась почти такая же нагрузка, как при катании на коньках, потому что требовалось обязательное встряхивание после каждого шага. Поэтому примерно каждые пять минут он останавливался, широко расставив ноги, чтобы дать им отдых.

Но по пути к игровой площадке отдыхать не требовалось, потому что это был непрерывный спуск. И менее чем через десять минут после того, как он преодолел огромный, похожий на дюну сугроб, который намело вдоль террасы отеля, Дэнни уже стоял на игровой площадке, держась рукой за горку. Он даже не запыхался.

Под снежным покровом площадка выглядела даже привлекательнее, чем осенью. Это была словно выставка волшебных скульптур. Цепи качелей замерзли в странных положениях, а над поверхностью снега виднелись только высокие сиденья для самых старших. Предназначенные для лазанья «джунгли» заиндевели и покрылись сосульками. От игрушечного «Оверлука» на виду остались только трубы,

(вот бы и настоящий отель так завалило, но только чтобы нас уже там не было)

а верхние окружности бетонных колец торчали из снега в двух местах наподобие эскимосских иглу. Дэнни подошел к ним, присел на корточки и начал копать. Ему не понадобилось много времени, чтобы достаточно расширить вход в один из темных туннелей и соскользнуть внутрь. Он представлял себя Патриком Макгуэном в роли секретного агента — этот сериал дважды повторяли по берлингтонскому каналу, и папа не про-

пустил ни серии (он мог даже не поехать в гости и остаться дома, чтобы вместе с Дэнни посмотреть «Тайного агента» или «Мстителей»), — который спасается от шпионов КГБ в горах Швейцарии. В этом районе как раз только что сошла большая лавина, а зловещий агент КГБ Слоббо убил его подружку с помощью отравленной стрелы, но зато вожделенная русская антигравитационная машина находилась где-то рядом. Возможно, даже в конце вот этого туннеля. Достав свой автоматический пистолет, он двинулся вдоль бетонных стен, вглядываясь вперед пристально и настороженно, сдерживая дыхание, вырывавшееся наружу мелкими белыми облачками.

Противоположный выход из бетонного кольца оказался полностью забит снегом. Дэнни попытался копать и здесь, но с удивлением (и даже некоторой тревогой) обнаружил, каким плотным стал наст, заледеневший и спрессованный под весом сугроба.

Он мгновенно забыл про игру, ощутив себя узником в этом темном бетонном кольце. Он мог слышать собственное дыхание: частое, неглубокое и влажное. Сверху лежал слой снега, а через вырытое Дэнни отверстие почти не проникал свет. И внезапно ему больше всего захотелось снова выбраться под солнечные лучи, вдруг вспомнилось, что папа с мамой спали и не могли знать, куда он пошел. Если последний выход завалит, он окажется в ловушке. А «Оверлук» его невзлюбил.

Дэнни не без труда развернулся внутри бетонного кольца и пополз в обратную сторону. Его снегоступы клацали друг о друга. Под ладонями шуршали мертвые осиновые листья, занесенные сюда осенью. Он как раз добрался до конца трубы, где холодный свет еще кое-как пробивался снаружи, когда снег *и в самом деле* обвалился, незначительно, но достаточно, чтобы припорошить ему лицо и окончательно закрыть отверстие, оставив Дэнни в полнейшем мраке.

На мгновение паника парализовала его рассудок, лишив возможности думать. Потом откуда-то издалека он услышал, как папа строго запрещает ему даже близко подходить к стовингтонской свалке мусора, потому что некоторые недоумки выбрасывают старые холодильники, не сняв с них дверей. Если

ты случайно забережься в такой холодильник, а дверь захлопнется, выбраться наружу не будет никакой возможности. И ты погибнешь в полной темноте.

(Ты же не хочешь, чтобы такое приключилось с тобой, док?)

(Нет, папочка.)

Но именно *это* с ним и случилось, мелькнула у него страшная мысль. *Это* и произошло. Он оказался заперт в абсолютной тьме, и здесь было холодно, как в морозильной камере. И еще...

(*что-то есть прямо рядом со мной.*)

У Дэнни резко перехватило дыхание. Парализующий ужас сковал его. Да. Да. Что-то находилось в трубе, что-то ужасное, припасенное «Оверлуком» специально на такой случай. Быть может, это огромный паук, прятавшийся под прошлогодними листьями, или крыса... или даже труп маленького ребенка, погибшего когда-то на игровой площадке. Случалось ли такое в прошлом? Ему почему-то казалось, что да. Он представил женщину в ванной. Кровь и мозги, размазанные по стене президентского люкса. И маленького мальчика, раскроившего себе череп при падении с «джунглей» или с качелей, который теперь подкрадывался к нему сзади из темноты, улыбаясь и радуясь, что нашел нового товарища для игр на этой бесконечной площадке. И они теперь будут играть вечно. Еще секунда, и Дэнни наверняка услышит, как он приближается.

И верно, из дальнего конца бетонного туннеля донеслись чуть слышные шорохи листьев и потрескивание веток, словно кто-то полз к нему на четвереньках. В любой момент холодная рука сомкнется на его лодыжке...

Эта мысль сразу же вывела его из ступора. Он принялся обеими руками отбрасывать обвалившийся внутрь снег вперемешку с листьями, кидая все это назад между ног, как пес, роющий ямку для любимой косточки. Вверху проглянул синеватый свет, и Дэнни вытолкнул себя к нему, как ныряльщик, стремящийся скорее выбраться из глубины к поверхности воды. Он задел спиной край бетонного кольца. Один снегоступ зацепился за другой. Снег забился под шапочку и за воротник куртки. Но он продолжал копать, яростно разгребал

снег, который словно стремился удержать его, засосать обратно в бетонную дыру, где притаилось это невидимое шуршащее листвой *существо*. Чтобы он остался там. Остался навсегда.

Когда он все-таки выбрался наружу, в глаза ударило солнце, и он пополз по снегу, пополз как можно дальше от полупогребенного цементного кольца. Он хрипло дышал, а его лицо стало почти белым, как у клоуна, превратившись в запорошенную снегом живую маску страха. Оказавшись рядом с «джунглями», Дэнни уселся на снег, чтобы отдышаться и снова закрепить снегоступы на ногах. Затягивая ремешки, он ни на секунду не позволял себе отвести взгляд от темной дыры в бетонном кольце. Его все еще пугало, что оттуда что-нибудь вылезет. Но ничто не вылезло, и через несколько минут Дэнни уже дышал более спокойно и размеренно. Что бы это ни было, оно явно боялось солнечного света. Оно было заперто сейчас внутри, а наружу, вероятно, могло выбираться только в ночной темноте... или оживало лишь тогда, когда оба конца его цилиндрической тюрьмы были забиты снегом.

(*но я сам теперь в безопасности в полной безопасности мне только нужно вернуться назад потому что теперь я в полной*)

Позади него что-то упало с мягким хлопком.

Он повернулся и посмотрел в сторону отеля. Уже зная,

(*Сколько индейцев вы видите на этой картинке?*)

что увидит, потому что этот мягкий звук был ему знаком. Так падал крупный ком снега, когда соскальзывал с крыши отеля.

(*Вы видите?..*)

Да, он видел. Пласт снега упал с фигуры собаки. Когда Дэнни только шел сюда, куст выглядел обычной снежной грудой рядом с игровой площадкой, бесформенной и не бросающейся в глаза. А сейчас животное вдруг вспыхнуло совершенно неуместной зеленью посреди необъятного сверкающего белого пространства. Пес выполнял свою обычную стойку на задних лапах, как будто выпрашивая конфету или кусочек печенья.

Но уж на этот раз Дэнни не поддастся панике. Он будет сохранять полное спокойствие. Потому что он уже не заперт, как в ловушке, в темной и страшной дыре. Ярко светит солнце.

И это всего-навсего собака. Сегодня выдался более теплый день, чем обычно, объяснял Дэнни сам себе. Солнце постепенно подтопило снег, а потом он свалился с куста одной большой грудой. Вероятно, так оно и получилось.

(*Держись от этого места подальше... держись подальше.*)

Снегоступы снова были надежно закреплены на ногах. Дэнни поднялся, посмотрел в сторону бетонной трубы, почти полностью скрытой под снегом, — и сердце похолодело у него в груди. Проделанный им в снегу лаз казался черной тенью. Но теперь, даже ослепленный яркими бликами солнечного света, Дэнни вдруг заметил там нечто. Какое-то движение. Движение руки. Взмахи маленькой руки отчаявшегося и напуганного ребенка. Умоляющего, тонущего.

(*Спаси меня Пожалуйста спаси меня А если не можешь спасти хотя бы поиграй со мной... Играй со мной. Долго. Всегда. Вечно.*)

— Нет, — сипло прошептал Дэнни. Сухое и холодное слово вывалилось из его рта, в котором не осталось ни капли влаги. Он снова почти лишился способности соображать, чувствуя, как его сознание пытается отключиться, как тогда, в номере с той женщиной... Но нет, лучше не думать об этом.

Он ухватился за последние нити, связывавшие его с реальностью, и старался держаться за них как можно крепче. Ему нужно выбраться отсюда. Сконцентрироваться. Успокоиться. Быть как секретный агент. Стал бы Патрик Макгуэн на его месте плакать и мочиться в штаны?

Или его папа?

Дэнни немного пришел в себя.

У него за спиной снова раздался хлопок упавшего снежного кома. Он повернулся и увидел, что теперь из-под белого покрова вылезла рычащая голова одного из львов. А сам лев располагался гораздо ближе отведенного ему прежде места, стоя почти рядом с калиткой игровой площадки.

Опять подступила паника, но он подавил приступ. Он — секретный агент и *сумеет* уйти от опасности.

И Дэнни начал выбираться с площадки, избрав тот же обходной маршрут, которым прежде воспользовался его отец. Он постарался полностью сосредоточиться на работе снегоступами. Неторопливые скользящие шаги. Ни в коем случае не

поднимать ногу слишком высоко — можно потерять равновесие. Движение лодыжкой, чтобы стряхнуть снег. Только все получалось *так медленно*! Он достиг угла площадки. Туда намело особенно высокий сугроб, и Дэнни мог просто переступить через забор. И он почти сделал это, но чуть не растянулся плашмя, зацепившись ногой за один из столбов ограды. Чтобы выровняться, Дэнни перенес центр тяжести и замахал руками, по своему опыту зная, как трудно снова встать на снегоступы, если упадешь.

Справа вновь донеслись мягкие шлепки падающих куч снега. Он бросил взгляд в ту сторону и увидел, что два других льва тоже полностью скинули снежный покров и, держась рядом, устремились к нему, выбросив вперед передние лапы. Им оставалось не больше шестидесяти шагов. Зеленые углубления в кустах, заменявшие львам глаза, были устремлены на него. Собака между тем повернула голову.

(*Это происходит, только когда ты на них не смотришь.*)

— Эй, вы! Эй...

Но в этот момент он запутался в снегоступах и лицом вперед повалился в снег, не успев даже подставить руки. Снег набился ему в капюшон, за воротник и в ботинки. Сердце бешено колотилось. Он с трудом приподнялся, стараясь подтянуть снегоступы под себя,

(*Секретный агент помни ты Секретный агент*)

и опрокинулся назад. Несколько мгновений Дэнни лежал, глядя в небо и думая, не проще ли будет сдаться.

Но вспомнил о том, с чем столкнулся в бетонной трубе, и понял, что это не выход. Сумел подняться на ноги и посмотрел на живую изгородь. Львам осталось меньше сорока футов. Пес расположился слева, будто собирался отрезать Дэнни путь к отступлению. Снега на них не было, если не считать чуть припорошенных грив и морд. И все смотрели на него.

Дыхание Дэнни участилось, а страх крысой метался в мозгу, царапая и вгрызаясь в него. Ему приходилось бороться и с паникой, и со снегоступами.

(*Голос отца: Нет, не так. Не надо с ними бороться, док. Иди на них, словно они продолжение твоих ног. Пусть они ведут тебя за собой.*)

(*Хорошо, папа.*)

И он начал двигаться, пытаясь обрести ту легкость шага, которую они вырабатывали с отцом. Постепенно стало получаться, но тут на Дэнни навалилась усталость, причем большую часть сил отнял у него страх. Сухожилия бедер, икр, лодыжек раскалились и подрагивали. Прямо перед собой он видел «Оверлук», насмешливо далекий и, казалось, смотревший на него всеми своими бесчисленными окнами, словно зритель, наблюдавший за не слишком интересными соревнованиями.

Дэнни оглянулся через плечо и на мгновение задохнулся, после чего задышал еще чаще. Ближнего к нему льва отделяло от цели всего около двадцати футов. Он резал грудью снежный покров, как плывущая собака — воду в пруду. Двое других чуть отставали, заняв позиции слева и справа, но тоже двигались быстро. Все вместе они напоминали армейский патрульный взвод, причем пес-разведчик совершал обходной маневр слева. Лев-вожак низко склонил голову, над которой возвышались мощные плечи. Хвост торчал кверху и покачивался. У Дэнни промелькнула мысль, что он очень похож на гигантскую домашнюю кошку, которая хочет позабавиться с мышью, прежде чем убить ее.

(*...не упасть...*)

Да, падение означало смерть. Они не позволят ему снова подняться на ноги. Набросятся на него. А потому он в отчаянном порыве ринулся вперед, размахивая в такт движению руками, держа центр тяжести прямо на кончике носа. Поймал его и поспешил дальше, постоянно оглядываясь. Воздух со свистом входил в легкие и выходил из них, обжигая пересохшую гортань, как расплавленное стекло.

Весь мир свелся к сверканию снега на солнце, живой изгороди и шуршанию снегоступов. Но было кое-что еще. Мягкий приглушенный топот звериных лап. Дэнни попытался бежать быстрее, но не смог. Он уже пересекал полностью спрятанную под снегом подъездную дорожку к террасе — маленький мальчик с лицом, скрытым капюшоном парки. А день продолжался. Такой тихий и ясный день.

Когда он обернулся в следующий раз, львиная морда оказалась всего в пяти футах у него за спиной. Она скалилась,

открыв пасть в подобии улыбки, мышцы задних лап были напряжены для решающего прыжка. А позади всех фигур он только сейчас заметил кролика. Тот не двигался с места, но голова его тоже успела полностью очиститься от снега, и он повернул ее в сторону террасы, словно опасался упустить момент окончания погони.

Оказавшись на лужайке «Оверлука» между полукругом подъездной дорожки и террасой, Дэнни окончательно поддался панике и неуклюже побежал, больше не оглядываясь, а лишь толкая себя вперед, выставив руки, как слепец, боящийся натолкнуться на невидимое препятствие. Капюшон откинулся, открыв совершенно бледное лицо, на котором местами выступили красные пятна; глаза мальчика были выпучены от ужаса. До террасы оставалось всего несколько шагов.

За спиной у Дэнни раздался резкий скрип снега, когда нечто попыталось прыгнуть на него.

Он почувствовал ступени террасы и, содрогаясь в беззвучном крике, стал взбираться по ним, упираясь руками и ногами, волоча за собой снегоступы.

Воздух разрезал звук рвущейся ткани, и внезапно Дэнни ощутил в ноге острую боль. И были еще звуки, которые слышал только он, потому что их порождало его собственное воображение.

Злобный вой и рык.

И запах крови и хвои.

Он растянулся плашмя на террасе, хрипло дыша и всхлипывая, его рот наполнился насыщенным металлическим привкусом меди. Сердце бешено колотилось. Из носа показалась тонкая струйка крови.

Он не имел ни малейшего представления, как долго пролежал на том месте, прежде чем входные двери распахнулись и наружу выбежал Джек, на котором были только джинсы и домашние шлепанцы. Позади него возникла фигура Уэнди.

— *Дэнни!* — истошно закричала она.

— Док! Дэнни! Господи, что с тобой? Что случилось?

Папа помог ему подняться. Лыжные брюки под коленом оказались разорваны. А еще ниже виднелся распоротый шерстяной носок и расцарапанная нога... Словно он пытался про-

лезть сквозь густую живую изгородь и сам зацепился за острые концы веток.

Дэнни оглянулся. В дальнем конце лужайки, позади поля для гольфа, высились бесформенные сугробы. Живая изгородь. Между ними и игровой площадкой. Между ними и дорогой.

У него подкосились ноги, и Джек едва успел подхватить сына. После чего Дэнни безутешно разрыдался.

Глава 35
В ВЕСТИБЮЛЕ

Он рассказал им обо всем, что с ним произошло, за исключением момента, когда снег завалил оба конца бетонной трубы. Просто не смог заставить себя говорить об этом вслух. И ему все равно не хватило бы слов, чтобы выразить вползший в душу парализующий ужас, который охватил его, когда сухие осиновые листья вдруг начали шуршать и потрескивать там, в холодной тьме туннеля. Но он описал мягкие хлопки падавшего с кустов снега. Поведал о льве, сбросившем с себя сугроб, чтобы опустить голову, напрячь мышцы и броситься за ним в погоню. И о том, как кролик повернулся, чтобы не пропустить развязку.

Они расположились втроем в вестибюле отеля. Джек развел в камине жаркое бушующее пламя. Дэнни, закутанный в одеяло, сидел на небольшом диванчике, где когда-то — миллион лет тому назад — коротали время три монахини-хохотушки. Он пил суп с лапшой из большой керамической кружки. Рядом пристроилась Уэнди, нежно поглаживая его волосы. Джек сидел на полу, и его лицо словно каменело, становилось все мрачнее по мере того, как Дэнни вел свой рассказ. Дважды за это время он вынимал из заднего кармана носовой платок и тер им губы, которые уже потрескались и выглядели нездоровыми.

— А потом они погнались за мной, — закончил Дэнни.

Джек встал и подошел к окну, повернувшись к ним спиной. Дэнни посмотрел на маму.

— Они гнались за мной до самой террасы. — Он изо всех сил старался говорить спокойно, надеясь, что так они скорее поверят ему. Вот мистер Стенгер не смог сохранить спокойствие. Он начал плакать без остановки, и за ним приехали ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ, которые забрали его, потому что если ты плачешь без остановки, У ТЕБЯ НЕ ВСЕ ДОМА. И когда тебя выпустят? ЭТОГО НЕ ЗНАЛ НИКТО. Его куртка, лыжные штаны и покореженные снегоступы лежали на ковре рядом с входной дверью.

(*Я не стану плакать я не буду плакать.*)

И ему казалось, что с этим он справится, а вот унять дрожь никак не удавалось. Он смотрел на огонь и ждал, что скажет папа. Высокие желтые языки пламени лизали почерневшие камни очага. Потом с треском лопнул сук в сосновом полене, и сноп искр унесло вверх по дымоходу.

— Подойди сюда, Дэнни. — Джек обернулся. Его лицо оставалось таким же напряженным и мертвенно-бледным. Дэнни это не понравилось.

— Джек...

— Я просто хочу, чтобы мальчик на минутку подошел ко мне.

Дэнни соскользнул с дивана, подошел и встал рядом с отцом.

— Молодец. А теперь скажи мне, что ты видишь?

Дэнни знал, что увидит, еще до того, как подошел к окну. За прочерченной вокруг отеля тропы следов обуви и полозьев санок, по которой они обычно гуляли все вместе, лежало снежное поле, накрывшее лужайку «Оверлука» ровным слоем до самой живой изгороди и игровой площадки. И на этой ничем больше не потревоженной поверхности виднелись только два следа. Один вел по прямой от террасы к игровой площадке, а другой возвращался оттуда длинной и неровной петлей.

— Только мои следы, папа. Но...

— А что скажешь о живой изгороди?

У Дэнни задрожали губы. Видимо, он все же расплачется. А что, если не сможет остановиться?

(*я не буду плакать Я Не Буду Плакать Не Стану НЕ БУДУ*)

— Она вся покрыта снегом, — прошептал он, — но, папочка...

— Что ты сказал? Я не расслышал.

— Джек, не надо устраивать ему допрос с пристрастием! Неужели ты не видишь, в каком он состоянии? Ему сейчас...

— Помолчи! Ну, Дэнни, так что же?

— Они расцарапали мне ногу, папа.

— Ногу ты скорее всего поцарапал о ледяную кромку снежного наста.

Но тут между ними встала Уэнди с побледневшим и злым лицом.

— Чего ты от него добиваешься, Джек? — спросила она. — Признания в убийстве? *Да что с тобой такое?*

Его глаза перестали быть чужими.

— Я пытаюсь помочь ему научиться различать то, что происходит в действительности, от галлюцинаций, вот и все.

Он присел рядом с Дэнни на корточки, а потом крепко обнял его.

— На самом деле ничего подобного не случилось, Дэнни. Понимаешь? Это просто был один из трансов, в которые ты порой впадаешь, и не более того.

— Папа...

— Что, Дэнни?

— Я не мог поцарапать ногу о наст. Потому что нет никакого наста. Там только рыхлый снег. Из него даже снежка не слепишь нормального. Помнишь, мы пытались играть с тобой в снежки, и у нас ничего не вышло?

Он почувствовал, как отец снова напрягся.

— Значит, о ступеньку террасы.

Дэнни резко отстранился от него. Внезапно ему все стало ясно. Его сознание озарилось, как это порой с ним случалось, как было, например, с мыслями той женщины о мужских штанах. Округлившимися глазами он смотрел на отца.

— Ты ведь знаешь, что я говорю правду, — прошептал он в шоке.

— Дэнни... — Лицо Джека стало еще напряженнее.

— Знаешь, потому что сам видел...

Раздался звук пощечины, которую Джек влепил Дэнни открытой ладонью. Совсем негромкий звук, лишенный какого-либо драматического эффекта. Голова мальчика откинулась

назад, отметина от удара красным пятном выступила у него на щеке.

Уэнди издала стон.

На мгновение все трое замерли, а потом Джек попытался снова прижать сына к себе.

— Прости меня, Дэнни. Прости меня. Хорошо, док?

— Ты ударил его, мразь! — закричала Уэнди. — Ты! Грязный ублюдок!

Она схватила Дэнни за руку, и какое-то время они тянули его каждый в свою сторону.

— *Пожалуйста, перестаньте рвать меня на части!* — завопил он, и в его голосе слышалось столько боли, что оба разом отпустили мальчика. Потом слезы потекли у него по щекам, и он рухнул, рыдая, между диваном и окном, а его родители беспомощно смотрели на сына, как дети смотрят на игрушку, которую сломали, пока яростно боролись за обладание ею. В камине с оглушительным треском лопнул еще один сук, заставив их всех вздрогнуть.

Уэнди дала ему детский аспирин, а Джек уложил его, покорного, на раскладушку и укрыл одеялом. Дэнни мгновенно заснул, сунув в рот большой палец.

— Мне все это очень не нравится, — сказала Уэнди. — Ему явно становится хуже.

Джек промолчал.

Она посмотрела на него без злости, но и без улыбки.

— Хочешь, чтобы я извинилась за то, что назвала тебя ублюдком? Хорошо. Прости меня. Я виновата. Но и тебе не следовало распускать руки.

— Знаю, — пробормотал он. — Даже сам не пойму, что вдруг на меня нашло.

— Ты же обещал, что никогда больше пальцем его не тронешь.

Он вскинул на нее полыхающие яростью глаза, а потом ярость вдруг погасла. Внезапно, с ужасом и состраданием,

Уэнди увидела, как будет выглядеть Джек в старости. Никогда прежде он не представал перед ней таким.

(?каким же?)

Потерпевшим поражение, мысленно ответила она себе. *Сломленным и побежденным*.

— Я всегда считал, что умею держать слово, — сказал он.

Она подошла к нему и положила ладони ему на руку.

— Ладно. Теперь все позади. Но когда рейнджер приедет нас проведать, мы непременно скажем ему, что хотим все уехать отсюда. Договорились?

— Договорились, — ответил Джек, и в тот момент он действительно был с ней согласен. Но точно так же в прошлом он каждое похмельное утро смотрел в зеркало ванной на свое опухшее лицо. *Я покончу с этим. Я прекращу это навсегда.* Однако утро сменялось днем, а днем он уже чувствовал себя лучше. День сменялся вечером. А если верить одному из величайших мыслителей XX века, ночью все становится иным.

Он с удивлением обнаружил, что был бы только рад, если бы Уэнди начала задавать ему вопросы об изгороди, о том, что имел в виду Дэнни, говоря: «Ты знаешь, потому что сам видел...» Пристань она к нему с расспросами, он бы рассказал ей все. Все. О животных в ограде, о женщине в номере, даже о пожарном шланге, который сам по себе сменил положение. Да, но на чем-то ему все-таки пришлось бы оборвать исповедь. Не мог же он признаться ей, что намеренно выбросил магнето, иначе все трое были бы уже в Сайдуайндере?

Но она лишь спросила:

— Хочешь чая?

— Да. Чай сейчас будет в самый раз.

Она подошла к двери и задержалась, потирая предплечья сквозь свитер.

— Я виновата в этом не меньше тебя, — сказала она. — Чем мы с тобой занимались, пока он проходил через этот... сон, если его можно так назвать?

— Уэнди...

— Мы дрыхли, как два удовлетворенных недоросля.

— Прекрати. Сама сказала, что все позади.

— Нет, — возразила Уэнди, странно улыбнувшись. — Конец еще далеко.

И отправилась заваривать чай, оставив мужа присматривать за спящим сыном.

Глава 36
ЛИФТ

Джек очнулся от легкого тревожного сна, в котором огромные бесформенные существа преследовали его через бескрайние снежные поля, загнав его, как ему сперва показалось, в еще один сон: там царила тьма, полнившаяся механическими звуками — стуками, клацаньями, треском, гулом, завыванием и скрипом.

Потом Уэнди села рядом с ним на кровати, и он понял, что не спит.

— Что это такое? — Ее холодные, как камень, пальцы ухватились за его запястье. Ему пришлось сдержать порыв стряхнуть их с себя: откуда, черт возьми, мог он знать, что это было? Часы с подсветкой на прикроватном столике показывали без пяти двенадцать.

Снова донесся гул. Громкий и равномерный, немного менявшийся в тональности. Потом раздался скрежет, и гудение прекратилось. Треск и удар. Еще глухой удар. Гул возобновился.

Это был лифт.

Дэнни тоже сел на своей раскладушке.

— Папа? *Папочка?* — спросил он перепуганным сонным голосом.

— Я здесь, док, — отозвался Джек. — Иди сюда и запрыгивай к нам. Мама тоже не спит.

Зашуршали простыни, и Дэнни протиснулся в постель между ними.

— Это лифт, — прошептал он.

— Верно, — сказал Джек. — Всего лишь лифт.

— Что значит — «всего лишь»? — вскинулась на него Уэнди. В ее голосе прыгали истеричные нотки. — Сейчас ночь. Кто *может ездить* на нем?

У-у-у-у-у. Клинк. Бам. Теперь где-то у них над головами. Треск внутренней дверцы-гармошки, стук открывающейся и закрывающейся двери. Затем снова завывание мотора и шуршание кабелей.

Дэнни захныкал.

Джек решительно повернулся и свесил ноги с кровати.

— Вероятно, систему закоротило. Я проверю.

— Даже думать не смей!

— Не глупи, — сказал он, влезая в рукава халата. — Это моя работа.

Уэнди тут же выбралась из постели и вытащила с собой Дэнни.

— Тогда мы тоже пойдем.

— Но, Уэнди...

— Что случилось? — спросил Дэнни хмуро. — Что произошло, папа?

Ничего не ответив, он отвернулся с искаженным злостью лицом. У порога завязал пояс халата, открыл дверь и шагнул в темноту коридора. Уэнди все еще колебалась, и первым вслед за отцом двинулся Дэнни. Она поспешила догнать сына, и дальше они пошли вместе.

Джек не потрудился включить свет, и Уэнди сама щелкнула выключателем четырех ламп под потолком короткого прохода, который выводил в основной коридор. Чуть впереди Джек уже сворачивал за угол. В следующий раз выключатель нащупал Дэнни и поднял все три тумблера. Яркий свет залил коридор, ведущий к главной лестнице и к шахте лифта.

Джек стоял перед дверью лифта, рядом с которой располагались диванчики и урны. Он не шевелился. В застиранном клетчатом халате, в коричневых кожаных тапочках на босу ногу, с всклокоченными со сна волосами, он вдруг показался Уэнди неким абсурдным современным Гамлетом, столь же зачарованным неотвратимостью трагедии, сколь и бессильным ее предотвратить.

(*господи оставь эти безумные аналогии...*)

Пальцы Дэнни стиснули ее руку. Он пристально смотрел на мать снизу вверх, охваченный тревогой и смятением. Сын улавливал ее мысли, поняла Уэнди. Она не знала, что именно он подслушал, однако покраснела, словно ее застали врасплох во время мастурбации.

— Пойдем, — сказала она резко, и оба двинулись к Джеку.

Гул, стук и клацанье металла звучали здесь значительно громче, еще больше пугая и завораживая своей необъяснимостью. Джек уставился в закрытую дверь с какой-то лихорадочной сосредоточенностью. Через ромбовидное стекло в двери Уэнди видела гудящие тросы и кабели. Лифт со скрежетом остановился под ними на уровне вестибюля. Они услышали, как открылась дверь. И...

(*вечеринка*)

Почему у нее появилась мысль о вечеринке? Слово как будто само пришло на ум безо всяких на то причин. Если не считать странных шумов, издаваемых лифтом, в «Оверлуке» стояла полная, гнетущая тишина.

(вечеринка удалась на славу)

(*???КАКАЯ ЕЩЕ ВЕЧЕРИНКА???*)

На несколько кратких мгновений ее сознание наполнилось образами, причем настолько реальными, что это могли быть только настоящие воспоминания... и не простые воспоминания, а из числа тех, что ты бережно хранишь в памяти и к которым редко обращаешься, не говоря уже о том, чтобы распространяться о них вслух. Огни... Сотни, быть может, тысячи огней. Пестрая игра света и цвета, хлопки пробок шампанского, оркестр из сорока музыкантов наигрывает мелодию Глена Миллера «В настроении». Но Глен Миллер разбился на самолете еще до ее рождения. Откуда у нее воспоминания о нем?

Уэнди посмотрела на Дэнни и заметила, как странно он склонил голову набок, словно слышал нечто, чего она не слышала. Его лицо было очень бледным.

Бум: Трах.

Внизу закрылись двери. Завыл мотор, и лифт пополз вверх. Сначала сквозь стекло Уэнди увидела крепежные детали тросов на крыше, потом внутренности кабины, когда внешний стеклянный ромб совпал с ромбами во внутренних латунных дверях.

Кабину заливал теплый желтый свет. Она была пуста. Сейчас совершенно пуста, но

(в тот вечер они набивались в нее десятками, презрев все правила безопасности и ограничения веса, но, конечно, тогда он был еще совсем новым, а лица всех пассажиров скрывали маски)

(*????КАКИЕ МАСКИ????*)

Кабина остановилась на четвертом этаже. Уэнди посмотрела на Дэнни. Он уставился на лифт широко распахнутыми глазами. Губы от страха сжались в обескровленную узкую полоску. Наверху с треском отъехала в сторону внутренняя дверь. Потом открылась наружная. Открылась потому, что настало время, пришло время сказать

(*спокойной ночи... спокойной ночи... да, это было чудно... нет, я никак не смогу остаться до снятия масок, честное слово... кто рано встает, тому... о, неужели это была Шейла?.. одетая монахом?.. как остроумно — Шейла в монашеском одеянии, правда?.. да, спокойной ночи... спокойной*)

Бум.

Кто-то перевел рукоять управления. Мотор завыл. Кабина начала спускаться.

— Джек? — прошептала она. — Что это? Что происходит?

— Короткое замыкание, как я и сказал, — ответил он с одеревеневшим лицом. — Я же говорил, что систему просто где-то закоротило.

— Но у меня в голове постоянно звучат голоса! — закричала она. — Откуда они? Что все это значит? Я чувствую, что схожу с ума!

— Какие голоса? — Он посмотрел на нее с убийственным спокойствием.

Она повернулась к Дэнни.

— А ты слышишь?..

Дэнни медленно кивнул:

— Да, и еще музыку. Какую-то очень старую. Она словно звучит у меня в голове.

Кабина лифта снова замерла. Отель затих и обезлюдел, лишь слабо поскрипывали стены, да снаружи завывал под скатами крыши ночной ветер.

— Быть может, вы оба действительно сбрендили? — осведомился Джек. — Я лично не слышу ничего, кроме электрической икоты этого проклятого лифта, который явно неисправен. И если вам хочется истерить дальше, занимайтесь этим на пару. На меня можете не рассчитывать.

Кабина пошла вниз.

Джек шагнул вправо, туда, где примерно на уровне его груди была закреплена коробочка, закрытая стеклом. Голым кулаком разбил стекло. Осколки осыпались внутрь, а на костяшках двух пальцев Джека выступила кровь. Он вынул из коробки ключ с длинной гладкой втулкой на конце.

— Джек, нет. Не делай этого.

— Я просто выполняю свои обязанности, Уэнди. А теперь прошу оставить меня в покое.

Уэнди попыталась повиснуть у него на руке. Он оттолкнул ее назад. Ее ноги запутались в полах халата, она упала на ковер, и звук падения получился неожиданно громким. Дэнни взвизгнул и рухнул на колени рядом с матерью. Джек повернулся к лифту и вставил втулку ключа в гнездо.

Электрические кабели пропали из виду, и в окошке показалось дно кабины. Секундой позже Джек с силой провернул ключ. Со скрежетом и дребезжанием кабина остановилась. Расцепленный мотор в подвале взвыл, а потом в нем сработал предохранитель, и в «Оверлуке» установилась поистине могильная тишина. На ее фоне шум ветра за стенами стал казаться значительно более громким. Джек тупо смотрел на серую металлическую дверь лифта. Под скважиной для ключа тянулись три полоски крови из его порезов.

Затем он повернулся к Уэнди и Дэнни. Она сидела на полу, а Дэнни примостился рядом, обнимая ее. Оба смотрели на Джека пристально и настороженно, как будто перед ними стоял незнакомец, с которым они никогда прежде не встречались. Возможно, опасный незнакомец. Он открыл рот, не зная, что сейчас скажет.

— Это... Понимаешь, Уэнди, это моя работа.

— К дьяволу такую работу, — отчетливо произнесла она.

Он снова развернулся к лифту, просунул пальцы в щель, проходившую вдоль правой стороны двери, и слегка приоткрыл

ее. Потом навалился всем телом и распахнул дверь полностью.

Кабина остановилась между этажами. Ее пол находился примерно на уровне груди Джека. Лившийся сверху теплый свет резко контрастировал с густой и вязкой темнотой в нижней части шахты.

Он долго смотрел внутрь кабины.

— Здесь пусто, — сказал Джек через какое-то время. — Короткое замыкание, как я и говорил.

Он уже запустил пальцы в желобок двери, чтобы закрыть ее, как вдруг рука Уэнди легла ему на плечо и с удивительной силой отодвинула Джека в сторону.

— Уэнди! — воскликнул он, но она ухватилась за нижний край кабины и подтянулась достаточно высоко, чтобы заглянуть внутрь. Затем конвульсивным усилием мышц плеч и живота попыталась забраться внутрь. Секунду казалось, что попытка обречена на неудачу. Ее ноги болтались над черной дырой шахты, одна из розовых тапочек сорвалась со ступни и исчезла в кромешном мраке.

— *Мамочка!* — в испуге закричал Дэнни.

Но она добилась своего и оказалась в кабине — щеки Уэнди раскраснелись, а лоб, наоборот, горел бледным светом.

— Как насчет этого, Джек? Это и есть твое короткое замыкание?

Она швырнула что-то вниз, и внезапно коридор перед лифтом расцветился всплеском конфетти — красных и белых, синих и желтых.

— *И это тоже?*

Вниз полетела, раскручиваясь, лента праздничного серпантина, изначально ярко-зеленая, но от времени вылинявшая до пастельного оттенка.

— *И это?*

Она бросила еще один предмет, который плавно приземлился среди рисованных джунглей ковра, — черная шелковая кошачья полумаска с блестками у висков.

— *Похоже на короткое замыкание, Джек?* — кричала она.

Он невольно попятился от маски, покачивая головой. А кошачья мордочка с усыпанного конфетти ковра уставилась пустыми глазницами в потолок.

Глава 37
БАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Наступило первое декабря.

Дэнни находился в бальном зале восточного крыла и, взобравшись на мягкое кресло с высокой спинкой, рассматривал часы, накрытые стеклянным колпаком. Они стояли в середине огромной каминной полки, между двумя большими слонами из слоновой кости. Он был готов к тому, что слоны вдруг нападут на него и попытаются проткнуть своими острыми бивнями. Но статуэтки не трогались с места. Они были «безопасными». С той ночи, когда взбесился лифт, Дэнни начал делить все в «Оверлуке» на две категории. Лифт, подвал, игровая площадка, номер 217 и президентский люкс (который, как объяснил ему отец, не имел никакого отношения к люкам) — все эти места он считал «опасными». К «безопасным» зонам относились их квартира, вестибюль и терраса. По всей видимости, бальный зал тоже не представлял угрозы.

(По крайней мере слоны.)

Поскольку с остальными помещениями ясности не было, он старался по возможности избегать их.

Дэнни рассматривал часы внутри стеклянного купола. Их поместили под стекло, потому что каждое колесико, каждая пружинка, каждая шестеренка механизма были на виду. По внешнему периметру устройства шел то ли хромированный, то ли стальной рельс, а прямо под циферблатом располагался стержень с парой зубцов сцепления на каждом конце. Стрелки замерли на четверти часа после XI, и хотя Дэнни не знал римских цифр, по положению стрелок он мог догадаться, когда именно остановились часы. Вся конструкция была установлена на бархатную подложку. А прямо перед часами, слегка искаженный изгибом стекла, лежал изящный серебряный ключик.

Дэнни догадывался, что эти часы принадлежали к числу тех вещей в отеле, к которым он не должен был прикасаться, как, например, декоративный набор каминных инструментов, стоявших в отделанном латунью шкафчике рядом с очагом в

вестибюле, или высокий комод для фарфора в дальнем углу ресторанного зала.

И внезапно им овладело чувство протеста и сердитое желание восстать против такой несправедливости. И к тому же

(*не имеет значения, к чему тебе нельзя прикасаться, просто не имеет значения. он же ко мне прикасался? использовал меня как свою игрушку?*)

Все так и было. И не проявлял при этом особой осторожности, чтобы не сломать его.

Дэнни вытянул руки, обхватил стеклянный купол, поднял его и отставил в сторону. Потрогал некоторые детали механизма, подушечкой указательного пальца провел по зубцам шестеренок, по гладкой поверхности колесиков. Потом взял серебряный ключ. Для взрослого человека он был бы слишком мал, но для Дэнни оказался в самый раз. Он вставил его в прорезь в середине циферблата. Ключ вошел в скважину очень точно, издав легкий, едва уловимый щелчок. Заводить следовало, конечно же, слева направо: по часовой стрелке.

Дэнни вращал ключ до тех пор, пока это было возможно, а потом вынул его. И часы с тиканьем пошли. Шестеренки завертелись. Большой маятник закачался вперед-назад. Ожили стрелки. Если держать голову неподвижно, а глаза широко открытыми, можно было видеть, как минутная стрелка медленно перемещается, чтобы примерно через сорок пять минут сойтись с часовой. У цифры XII.

(*И Красная смерть властвовала повсюду.*)

Он нахмурился, а потом стряхнул с себя эту мысль. Она не имела для него никакого смысла.

Дэнни снова протянул указательный палец и подтолкнул минутную стрелку вперед к двенадцатому часу, заинтригованный тем, что может произойти. Ясно, что это не часы с кукушкой, но стальной рельс наверняка предназначался для какой-то цели.

Раздалась серия чуть слышных трескoв и щелчков, а потом часы начали вызванивать мелодию «Голубого Дуная» Штрауса. Перфорированный рулончик ткани шириной не более двух дюймов стал разворачиваться. Несколько медных молоточков поочередно поднимались и опускались. Из-за циферблата по

блестящему рельсу выплыли две фигурки балетных танцовщиков. Слева была девушка в пышной пачке и белых чулочках, справа — юноша в черном трико и балетных туфлях. Руки они держали изогнутыми над головами. Фигурки встретились посередине, как раз напротив цифры VI.

Дэнни обратил внимание на едва заметные желобки у них по бокам чуть ниже подмышек. Стержень вошел в эти желобки, а зубцы на нем начали вращаться. Продолжал звенеть «Голубой Дунай». Руки танцоров опустились и сомкнулись друг вокруг друга. Юноша перекинул девушку через голову, а потом сам развернулся на стержне. Теперь обе фигурки лежали, причем голова юноши ушла куда-то глубоко в складки балетной юбки девушки, а ее лицо уперлось ниже пояса в его трико, и они начали делать конвульсивные механические движения.

Дэнни наморщил нос. Они целовали друг другу писиськи. Его просто тошнило при виде этого.

Но уже через несколько секунд движение возобновилось в обратном порядке. Юноша крутанулся и перевел девушку в вертикальное положение. Дэнни показалось, будто они понимающе кивнули друг другу, прежде чем воздеть руки над головами. Затем фигурки скрылись там, откуда появились, а звуки «Голубого Дуная» смолкли. Часы начали отбивать первые удары.

(*Полночь! Пробило полночь!*)

(*Маскам — ура!*)

Дэнни резко развернулся вместе с креслом, чуть не свалившись с него. Бальный зал был пуст. Сквозь сдвоенное, как в соборах, окно он мог видеть, что снова пошел снег. Огромный ковер (который, конечно, сворачивали, когда начинались танцы), богато украшенный узорами из красных и золотых нитей, устилал пол. По его периметру были установлены маленькие столики на двоих, а стулья стояли перевернутыми, устремив в потолок свои тонкие паучьи ножки.

Зал был совершенно пуст.

Но не совсем. Потому что здесь, в «Оверлуке», события не кончались. В «Оверлуке» все времена слились в одно. Здесь словно царила вечная ночь августа 1945 года, с громким смехом, морем спиртного и избранными гостями, разъезжающими

вверх и вниз на лифте, попивая шампанское и обмениваясь светскими любезностями. Но в то же время здесь непрерывно стоял и тот предрассветный июньский час, когда более двух десятков лет спустя наемные убийцы всаживали пулю за пулей в истерзанные, окровавленные тела троих мужчин, переживавших нескончаемую предсмертную агонию. А в комнате на третьем этаже плавала в ванне мертвая женщина, которая тем не менее всегда готова была принять очередного гостя.

В «Оверлуке» каждый предмет словно жил своей, пусть и весьма своеобразной, жизнью. Словно все в отеле заводилось и приходило в движение от маленького серебряного ключика. Часы пошли. Часы снова пошли.

И ключом этим оказался он сам, с грустью подумал Дэнни. Тони предупреждал его, но он позволил всему этому свершиться.

(*Но мне же всего пять лет!*)

крикнул он кому-то, чье присутствие смутно ощущалось в зале.

(*Разве не имеет значения, что мне всего пять?*)

Ответа он не услышал.

С неохотой Дэнни снова повернулся к часам.

Он долго откладывал это в надежде на какое-то происшествие, которое поможет ему избежать нового контакта с Тони. В надежде, что появится рейнджер, прилетит вертолет или приедет целая группа спасателей. Спасатели всегда успевали вовремя во всех телевизионных передачах и фильмах. Рейнджеры, отряды полиции особого назначения и «скорая помощь» неизменно представали светлой дружеской силой, побеждавшей зло этого мира; когда люди попадали в беду, им обязательно кто-то помогал, кто-то спешил исправить положение. Этим людям никогда не приходилось спасаться, рассчитывая только на собственные силы.

(*Пожалуйста!*)

Ответа он не услышал.

Не было ответа. И если Тони все-таки придет, не принесет ли он с собой старый кошмар? Громогласный, хриплый, злобный голос, ковровую дорожку, словно покрытую змеями? Ром?

Однако что еще ему оставалось?

(*Пожалуйста о пожалуйста*)

Нет ответа.

Со всхлипывающим вздохом Дэнни посмотрел на циферблат часов. Шестеренки крутились и приводили в движение другие шестеренки. Маятник гипнотически колебался. И если держать голову прямо и совершенно неподвижно, можно было видеть, как минутная стрелка неумолимо ползет от XII к V. Если держать голову совершенно неподвижно, можно было видеть, что...

Циферблата больше не было. На его месте образовалась круглая черная дыра. Она вела куда-то в вечность. Она росла. Часы исчезли, а вместе с ними и бальный зал. Дэнни робко шагнул вперед и упал в темноту, которая скрывалась за часами все это время.

Маленький мальчик внезапно повалился на кресло, изогнувшись под неестественным углом, с головой, откинутой назад, с глазами, невидяще устремленными в высокий потолок бального зала.

Он падал вниз, вниз и еще дальше вниз в...

...коридор, на четвереньки в коридор, где он ошибся поворотом, стремясь попасть к лестнице, он ошибся поворотом и теперь И ТЕПЕРЬ...

...он понял, что оказался в коротком тупиковом коридоре, откуда можно было попасть только в президентский люкс, а грохочущий звук приближался, молоток для роке с чудовищным свистом разрезал воздух и вгрызался в шелковые обои, вышибая из стен облачко штукатурки.

(*Да будь ты проклят! Получи*)

Но теперь в коридоре появилась еще одна фигура. Она стояла, прислонившись к стене, позади него. Как призрак.

Нет, это не было привидение, хотя фигура была одета во все белое. В совершенно белые одежды.

(*Я доберусь до тебя, ты, ублюдочный КАРЛИК!*)

Дэнни кинулся прочь от звуков. Теперь он оказался в главном коридоре четвертого этажа. Но вскоре обладатель громоподобного голоса тоже свернет за этот угол.

(*Иди сюда! Иди сюда, маленький говнюк!*)

Одетая в белое фигура выпрямилась, вынула из угла рта сигарету и сняла табачную крошку, прилипшую к пухлой нижней губе. Дэнни увидел, что это был Холлоран. Облаченный в поварскую одежду, сменившую синий костюм, который был на нем в день закрытия сезона.

— Если возникнут непредвиденные проблемы... позови меня, — сказал Холлоран. — Ударь так же громко и мощно, как ты это сделал несколько минут назад. И я скорее всего услышу тебя даже во Флориде. А как только услышу, примчусь без промедления. Тут же прибегу. Прибегу...

(*Так приходи же! Приходи. Приходи прямо СЕЙЧАС! О, Дик, ты мне нужен, ты нужен нам всем*)

— ...бегу. Прости, бегу. Больше ждать не могу. Извини, Дэнни, мой малыш. Извини, док. Я сделал все, что мог. Но сейчас я бегу, задержаться никак не могу. Я спешу. И бегу.

(*Нет!*)

Но Холлоран у него на глазах развернулся, снова сунул в рот сигарету и совершенно спокойно прошел сквозь стену.

Оставив его в одиночестве.

И именно в этот момент из-за угла показалась огромная тень, казавшаяся еще больше во мраке коридора, в котором отчетливо виднелись лишь красные безумные глаза.

(*Вот ты где! Наконец-то я до тебя добрался, сучонок! Сейчас я преподам тебе урок!*)

Существо рванулось к нему, устрашающе прихрамывая, замахиваясь молотком для рокe, все выше, и выше, и выше. Дэнни с криком начал отползать назад — и вдруг тоже проник сквозь стену и стал падать, крутясь и вращаясь, падать в яму, в кроличью нору, в отверстие, которое вело в страну тошнотворных чудес.

Далеко внизу он видел Тони, который тоже падал.

(*Я не могу прийти, Дэнни... он не подпускает меня к тебе... никто из них не подпускает меня к тебе... зови Дика... зови Дика...*)

— Тони! — отчаянно закричал он.

Но Тони больше не было, а сам Дэнни оказался в темной комнате. Хотя мрак в ней не был полным. Откуда-то проникал приглушенный свет. Это была спальня его родителей. Он узнал

отцовский письменный стол. Вот только в комнате царил страшный разгром. Он уже видел ее точно такой же. Мамин проигрыватель опрокинулся на пол. Пластинки разметались по ковру. Матрац был наполовину сдернут с кровати. Картины сорваны со стен. Его собственная раскладушка валялась на боку, как мертвая собака, а от пурпурного игрушечного «фольксвагена» остались лишь обломки пластмассы.

Свет проникал из полуоткрытой двери ванной. Сразу за ней виднелась беспомощно болтавшаяся рука, и кровь стекала с кончиков ее пальцев. А в зеркальной дверце шкафчика для лекарств то вспыхивало, то гасло слово «РОМ».

И внезапно, как будто из ниоткуда, прямо перед ним материализовались часы под стеклянным колпаком. На циферблате не было ни цифр, ни стрелок. Только дата, написанная красным: 2 декабря. А потом округлившимися от ужаса глазами он увидел слово «РОМ» в чуть размытом отражении стеклянного колпака часов, и теперь, когда отражение стало двойным, Дэнни понял, что оно означает «МОР» — то есть «смерть».

Дэнни Торранс зашелся в отчаянном крике. Дата пропала с циферблата часов. Пропал и сам циферблат, который вновь сменила круглая черная дыра, все разраставшаяся и разраставшаяся, как зрачок перепуганного насмерть человека. Дыра поглощала и втягивала в себя все предметы, Дэнни качнуло вперед, он начал падать и...

...и упал с кресла.

Какое-то время он лежал, тяжело дыша, на полу бального зала.

РОМ
МОР
СМЕРТЬ
МОР
УБИЙСТВО

(*Красная смерть властвовала повсюду!*)
(*Снимайте маски! Маски долой!*)

И под каждой блестящей и внешне такой симпатичной маской могло скрываться не известное ему пока лицо того зверя, той бесформенной фигуры, что преследовала его по темным коридорам отеля с горящими, бессмысленными, жаждущими крови глазами.

О, как же он страшился увидеть это лицо, когда придет время разоблачить себя и снять маску.

(ДИК!)

мысленно закричал он изо всех сил. Его собственная голова словно завибрировала от мощи этого безмолвного призыва.

(!!!О ДИК О ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)

А у него над головой на каминной полке часы, которые он сам завел серебряным ключом, продолжали отсчет секунд, минут и часов.

Часть пятая
ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Глава 38
ФЛОРИДА

Дик, третий сын миссис Холлоран, одетый в белые поварские одежды, с сигаретой «Лаки страйк», свисавшей из угла рта, задним ходом вывел свой знаменитый «кадиллак» со стоянки позади оптового овощного рынка «Уан-Эй» и медленно двинулся вокруг здания. Мастертон, один из совладельцев рынка, со времен Второй мировой войны так и не избавившийся от привычки шаркать ногами, заталкивал под высокие своды склада огромный ящик салата-латука.

Холлоран нажал кнопку, опускавшую стекло со стороны пассажирского сиденья, и окликнул его:

— Продаешь авокадо втридорога, старый скряга!

Мастертон обернулся через плечо, распахнул рот в улыбке, продемонстрировав все три золотых зуба, и проорал в ответ:

— Если это дорого, то затолкай их себе сам знаешь куда, дружище!

— Подобных слов я никому не забываю, брат. Однажды придется держать за них ответ.

Мастертон показал ему средний палец. Холлоран ответил любезностью на любезность.

— Вижу, основательно пополнил свои запасы? — заметил Мастертон.

— Что есть, то есть.

— Приезжай завтра пораньше, и я продам тебе молодой картошечки, какой ты отродясь не пробовал.

— Пришлю помощника, — сказал Холлоран. — Ты приедешь вечером?

— А виски будет, брат?

— Заказ принят.

— Тогда жди в гости. И между прочим, не разгоняй свой драндулет слишком сильно по дороге домой, слышишь? Тебя уже и так знает каждый дорожный коп отсюда и до самого Сент-Пита.

— А ты, значит, у нас такой осведомленный? — спросил Холлоран с усмешкой.

— Да уж осведомленней тебя, дружище.

— Вы только послушайте этого зазнавшегося ниггера! Впрочем, кто тебя станет слушать.

— Ладно, вали отсюда, пока я не закидал тебя салатом.

— Валяй кидай. На халяву беру все.

Мастертон схватил кочан салата и замахнулся. Холлоран пригнул голову, поднял стекло и тронулся в обратный путь. Чувствовал он себя превосходно. Правда, последние полчаса его преследовал запах апельсинов, но чему удивляться? Ведь он только что побывал на рынке, где торговали овощами и фруктами.

Половина пятого вечера, 1 декабря, и почти по всей стране зима уже вступила в свои права, напустив зверского холода. Но только не здесь. Местные мужчины по-прежнему ходили в одних футболках, а женщины — в легких летних платьицах или шортах. На крыше здания «Первого банка Флориды» цифровой термометр, украшенный огромными грейпфрутами, показывал 79 градусов*. *Хвала Господу, что создал Флориду*, подумал Холлоран, *со всеми ее москитами и прочими мелкими гадостями*.

На заднем сиденье его лимузина лежали две дюжины авокадо, ящик огурцов, а еще коробки с апельсинами и грейпфрутами. Это не считая трех сеток бермудского лука — сладчайшего овоща, придуманного Создателем, — мешка доброй стручковой фасоли, которую он подаст сегодня на гарнир (и девяносто процентов клиентов вернут его недоеденным), и

* 26,1 °С.

одной огромной синей хаббардской тыквы, предназначавшейся исключительно для личного потребления.

На перекрестке с Вермонт-стрит Холлоран подождал, пока на светофоре загорится стрелка, и выехал на шоссе 219, удерживая скорость сорок миль в час до тех пор, пока городские кварталы не закончились, а вдоль дороги не потянулись автозаправочные станции да заведения вроде «Бургер кингз» и «Макдоналдс». Сегодня он купил не так уж много и вполне мог отправить на рынок Бэдекера, но, во-первых, Бэдекер давно ныл, что хочет хотя бы раз сам выбрать мясо, а во-вторых, Холлоран никогда не упускал лишней возможности позубоскалить с Фрэнком Мастертоном. Конечно, Мастертон вполне мог приехать сегодня вечером к нему домой, чтобы посмотреть с ним телевизор, попивая его «Бушмиллс». А мог и не приехать. Это уж как ему будет угодно. Между тем встречи с ним приобретали для Холлорана все большее значение. Значение теперь имела каждая встреча, потому что они оба не становились моложе. Именно в последние несколько дней он особенно часто задумывался об этом. Когда ты стареешь и стоишь на пороге шестидесятилетия (или, если честно, уже перевалил за него), поневоле начинаешь размышлять о смерти. Ты ведь теперь можешь уйти в любой момент. И эта мысль преследовала его всю неделю. Нет, не досаждала, не наводила тоску, а просто стала фактом, над которым следовало пораскинуть мозгами. Ведь смерть была всего лишь частью жизни. И если человек — натура цельная, он должен подготовить себя к этому. Факт собственной смерти трудно постичь, но его можно достойно принять как нечто неизбежное.

Он сам толком не понимал, почему сейчас стал уделять этому так много внимания, но зато сегодня у него появился лишний повод самому отправиться за небольшой партией овощей, поскольку по дороге он мог подняться в небольшую контору, расположенную над баром и грилем «Фрэнкс». Теперь там сидел юрист (зубной врач, занимавший помещение еще год назад, по всей видимости, обанкротился) — молодой чернокожий по фамилии Макайвер. Вот Холлоран к нему и зашел. Сказал, что хочет составить завещание. Может мистер Макай-

вер ему помочь? «Да», — ответил Макайвер, но спросил, когда ему нужен такой документ. «Вчера». И Холлоран расхохотался. «Насколько сложными будут условия завещания?» — поинтересовался Макайвер. Да какие там сложности! У него имелся «кадиллак», счет в банке — примерно девять тысяч долларов, — какая-то мелочь на чековой книжке и шкаф с одеждой. Он хотел, чтобы все это досталось его сестре. «А если сестра скончается раньше вас?» — поинтересовался Макайвер. «Не имеет значения, — ответил Холлоран. — Если такое, не дай Бог, случится, я приду к вам и перепишу завещание, только и всего». В итоге нужная бумага была составлена, подписана и заверена меньше чем за три часа — просто рекорд для крючкотвора, — а теперь лежала в нагрудном кармане Холлорана в плотном синем конверте, на котором готическим шрифтом было выведено слово «ЗАВЕЩАНИЕ».

Он сам не мог внятно объяснить, почему выбрал именно этот теплый солнечный день, чтобы заняться делом, которое откладывал уже не первый год, но какой-то импульс подтолкнул его, и он подчинился. Он привык доверять своим инстинктам.

Город остался далеко позади, и Холлоран разогнал свою машину до шестидесяти, что было превышением скоростного лимита. Держась в крайнем левом ряду, он обгонял почти весь транспортный поток, двигавшийся в сторону Питерсберга. По опыту он прекрасно знал, что его лимузин будет отлично держать дорогу и на девяноста, и на ста двадцати и даже не скрипнет. Но дни увлечения гонкой остались позади. Теперь мысль о том, чтобы выжать сто двадцать на самом прямом участке шоссе, только пугала его. Да, он действительно постарел.

(*Господи, как же сильно несет апельсинами! Быть может, он недоглядел и купил перезрелые?*)

Насекомые бились в лобовое стекло. Он включил радио, настроенное на станцию в Майами, передававшую джазовую музыку, и салон наполнил голос Эла Грина:

Каким же славным было время нашей встречи.
Жаль расставаться в этот поздний вечер...

Он открыл окно, выбросил окурок, а потом опустил стекло совсем низко, чтобы избавиться от запаха апельсинов. Постукивая пальцами по рулю, чуть слышно принялся подпевать. С зеркала заднего вида свисал, покачиваясь, медальон Святого Христофора.

Но запах апельсинов внезапно усилился, и Холлоран понял, что сейчас произойдет нечто непредвиденное. Что-то неотвратимое надвигалось на него. В зеркале он мог видеть собственные глаза — округлившиеся и удивленные. А затем это пришло. Удар огромной силы, от которого исчезло все вокруг: и музыка, и дорога, и его собственное ощущение себя самого как отдельного и уникального человеческого существа. Чувство было такое, словно кто-то приставил к его голове невидимый пистолет и выпустил в висок вопль 45-го калибра.

(!!!О ДИК О ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)

Как раз в этот момент его лимузин поравнялся с универсалом «пинто», которым управлял белый мужчина в спецовке рабочего. Тот заметил, как «кадиллак» начало понемногу сносить в его ряд, и нажал клаксон. Но лимузин продолжало тянуть вправо, и рабочий успел бросить взгляд на водителя и увидеть крупного негра, сидевшего за рулем совершенно прямо, с глазами, устремленными куда-то вверх. Позже он рассказывал жене, что на голове ниггера была обычная прическа в стиле афро, как у них принято, но впечатление было такое, словно у этого черномазого каждый волосок встал дыбом. Рабочий подумал сначала, что у старикана случился сердечный приступ.

Он резко ударил по тормозам и пропустил «кадиллак» вперед. По счастью, прямо за ним в тот момент никого не было. Лимузин подрезал его, и рабочий, оторопев от ужаса, мог только наблюдать, как выполненные в форме ракет задние сигнальные фонари старого «кадиллака» на какой-то дюйм разошлись с его капотом.

Тогда работяга сам перестроился влево, продолжая сигналить и орать на водителя лимузина, который бесконтрольно петлял теперь по правому ряду. От злости он предложил шоферу «кадиллака» сначала вступить в половой контакт с самим собой, а потом заняться оральным сексом с различными пред-

ставителями животного мира. Затем поделился собственными политическими взглядами и заявил, что всем черномазым давно пора убираться на тот континент, с которого они явились. Следом он добрался до религии и высказал предположение, где именно окажется душа водителя лимузина в загробной жизни. Закончил он утверждением, что встречал маму владельца «кадиллака» в одном из борделей Нового Орлеана.

Когда же он умчался вперед и оказался вне опасности, то понял, что наделал себе в штаны от страха.

В голове Холлорана продолжало пульсировать

(ПРИЕЗЖАЙ ДИК УМОЛЯЮ ДИК ПРИЕЗЖАЙ)

но потом звуки стали постепенно утихать, как пропадает сигнал радиостанции, когда выезжаешь из зоны действия ее передатчика. Внезапно Холлоран понял, что его машина мчится по обочине шоссе на скорости более пятидесяти миль в час. Он резко крутанул руль влево и почувствовал, как хвост машины занесло, прежде чем все четыре ее колеса вновь оказались на асфальте.

Впереди показалась закусочная «Эй/Дабл-Ю рутбир». Холлоран включил поворотник и съехал к ней. Его сердце болезненно колотилось в груди. Лицо посерело. Он припарковался, вытащил носовой платок и промокнул им пот со лба.

(*Боже милостивый!*)

— Чем я могу вам помочь?

Голос заставил его вздрогнуть всем телом, хотя принадлежал он, конечно же, не Богу, а симпатичной молодой официантке, которая подошла к открытому окну машины с блокнотиком для заказов.

— Детка, мне рутбир с мороженым. Две ложки ванили, хорошо?

— Конечно, сэр. — И она отошла, изящно покачивая бедрами под красной нейлоновой форменной юбочкой.

Холлоран откинулся на кожаный подголовник сиденья и закрыл глаза. Он больше ничего не слышал. Последние отзвуки замолкли у него в голове, пока он ставил машину на стоянку и делал заказ. Осталась только мучительная головная боль, словно его мозг прокрутили в стиральной машине, а потом повесили сушиться на ветру. Такая же боль преследовала его

после того, как он позволил мальчику по имени Дэнни испытать на нем мощь сияния перед отелем Уллмана.

Но сегодня все оказалось намного сильнее. Тогда мальчишка лишь играл с ним. Сейчас это был панический ужас, каждое слово визжало в голове.

Холлоран посмотрел на свои руки. Несмотря на то что на них падали лучи жаркого солнца, они покрылись гусиной кожей. Он сам сказал мальчугану позвать его, если понадобится помощь, — это ему хорошо запомнилось. И вот до него донесся зов.

Внезапно он понял, что изначально совершил огромную ошибку, оставив там мальчика, обладавшего такой способностью сиять. Проблемы были неизбежны — и, вероятно, очень велики.

Он повернул ключ в замке зажигания, включил заднюю передачу и так резко вывел машину обратно на шоссе, что запахло паленой резиной. Официантка, появившаяся в дверях закусочной с подносом в руках, увидела лишь удалявшийся автомобиль.

— Да что там у вас, пожар, что ли? — выкрикнула она вслед, но Холлоран ее уже не слышал.

Управляющего звали Куимз, и когда появился Холлоран, он как раз говорил по телефону со своим букмекером. Он хотел сделать ставку на первую призовую четверку в Рокэвэй. Нет, никаких экспрессов, никаких киньел, никаких перфект, никаких футур. Старая добрая четверка первых — по шесть сотен на нос. И еще на «Джетс» в воскресенье. Что значит, «Джетс» играют против «Биллз»? Он прекрасно знает, с кем они играют. Пятьсот баксов на победу с разницей в семь очков. Когда Куимз с совершенно изможденным видом положил трубку, Холлоран понял наконец, как мог человек, который зарабатывал пятьдесят штук в год, управляя крупным курортным отелем, ходить в лоснящихся от старости костюмах. Куимз посмотрел на Холлорана покрасневшими от злоупотребления виски глазами.

— Какие-то проблемы, Дик?

— Да, сэр, мистер Куимз, похоже на то. Мне необходимы три выходных.

В нагрудном кармане желтой рубашки Куимза лежала пачка «Кента». Он достал из нее сигарету, зажал зубами патентованный микронитовый фильтр и прикурил от настольной зажигалки «Крикет».

— Мне бы они тоже не помешали, — сказал он. — Что у тебя стряслось?

— Мне нужны всего три дня, — повторил Холлоран. — Это связано с моим сыном.

Куимз бросил взгляд на левую руку Холлорана.

— Я в разводе с шестьдесят четвертого года, — терпеливо пояснил Холлоран.

— Но ты же прекрасно знаешь, в каком мы положении, Дик. У нас весь отель забит постояльцами. Под самую завязку. Даже самые паршивые номера. Представь, мне удалось найти желающих провести воскресную ночь в апартаментах «Флорида»! А потому можешь забрать мои часы, мой бумажник, мой пенсионный фонд, можешь даже, черт возьми, взять себе мою жену, если не боишься порезаться, но, ради Бога, даже не заикайся о выходных. Что там с твоим мальчишкой? Заболел?

— Вроде того, сэр, — ответил Холлоран, всем видом показывая, будто нервно мнет в руках дешевую шляпу и закатывает глаза. — Его подстрелили.

— Подстрелили! — воскликнул Куимз, кладя сигарету на край пепельницы с эмблемой Университета штата Миссисипи, где он прослушал курс управления и администрирования в бизнесе.

— Да, сэр, — мрачно кивнул Холлоран.

— Несчастный случай на охоте?

— Нет, сэр, — ответил Холлоран и заговорил приглушенным, доверительным тоном: — Понимаете, Джейна в последнее время жила с этим шофером-дальнобойщиком. С белым парнем. Так вот он и стрелял в моего сыночка. Тот сейчас в денверской больнице в критическом состоянии.

— Как же, черт побери, ты узнал об этом? Я думал, ты ездил за овощами.

— Так и было, сэр.

По дороге в отель он заехал в «Вестерн юнион», чтобы через них заказать себе машину в аэропорту Стейплтон, а уходя, прихватил с собой чистый бланк. Теперь он достал сложенную пополам и смятую бумажку, чтобы помахать ею перед носом начальника. Потом снова убрал листок в карман и продолжал, понизив голос совсем до шепота:

— Джейна прислала вот это. Лежало в моем почтовом ящике, когда я вернулся.

— Господи, воля твоя! — воскликнул Куимз. На его лице появилось забавное выражение озабоченности, хорошо знакомое Холлорану. Это был максимум сочувствия, на которое способен белый мужчина, считающий себя «на короткой ноге с цветными», когда речь заходит о проблемах чернокожего подчиненного или его мифического чернокожего сына. — Ладно, так уж и быть, отправляйся туда, — сказал Куимз. — Надеюсь, Бэдекер сумеет тебя подменить на три дня. Посудомойщик ему поможет.

Холлоран кивнул, заставив свое лицо вытянуться еще сильнее. Но мысль о том, как этот самый посудомойщик будет помогать Бэдекеру, позабавила его. Он и в хороший день едва ли мог попасть струей в писсуар с первого раза.

— Мне бы хотелось получить вперед зарплату за эту неделю, — сказал Холлоран. — Всю сразу. Хотя я понимаю, что это непросто, мистер Куимз, сэр.

На лице Куимза сразу отразилась напряженная задумчивость, и выглядел он при этом так, словно подавился рыбьей костью.

— Об этом поговорим позже. Иди и собирай вещи. Я предупрежу Бэдекера. Забронировать тебе билет на самолет?

— Нет, сэр. Я сам справлюсь.

— Хорошо. — Куимз поднялся, подался вперед, и в нос ему попала струйка дыма, поднимавшаяся от лежавшей в пепельнице сигареты. Он закашлялся, да так сильно, что его физиономия приобрела багровый оттенок. Глядя на все это, Холлоран с трудом сдерживал смех. — Надеюсь, все кончится благополучно, Дик. Дай знать, когда появятся новости.

— Непременно.

Они через стол пожали друг другу руки.

Холлоран поспешно спустился на первый этаж, пересек двор перед домиками персонала отеля и только потом выпустил на свободу раскаты оглушительного хохота. Он все еще улыбался, смахивая платком выступившие слезы, когда вновь ощутил резкий, почти удушающий запах апельсинов, а затем почти немедленно последовал новый удар в голову, который отбросил его, как пьяного, к покрытой розовой штукатуркой стене.

(!!!ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЕ!!!)

Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и подняться по ступеням наружной лестницы к своей квартире. Ключ он хранил под тростниковой циновкой, и когда наклонился, чтобы достать его, из нагрудного кармана что-то вывалилось и с легким стуком упало на доски пола. Его мысли все еще были настолько поглощены новым зовом, который набатом продолжал отдаваться в голове, что несколько секунд он смотрел на синий конверт, не понимая, что это.

Потом перевернул его и увидел слово «ЗАВЕЩАНИЕ», выведенное замысловатыми черными буквами с паутиной завитушек.

(*О мой Бог, неужели все так сошлось?*)

Знать наверняка он не мог. Но такая вероятность существовала. Ведь всю предыдущую неделю его душу бередили размышления о собственной кончине. И что это могло быть, если не

(*Ну давай же, заканчивай фразу*)

если не предвидение.

Смерть? В одно мгновение вся жизнь, казалось, промелькнула перед его мысленным взором, но это была не история Дика — третьего сына миссис Холлоран — со всеми ее взлетами и падениями, а та жизнь, которую он вел сейчас. Незадолго до того, как пуля убийцы оборвала жизнь Мартина Лютера Кинга, навсегда превратив его в героя, Кинг сказал, что побывал на вершине горы. Дик не мог похвастаться тем же. До вершины он еще не добрался, но после долгих лет упорного труда ему удалось достичь залитого солнцем высокогорного плато. У него были хорошие друзья. Он располагал целой кипой положительных рекомендаций, чтобы получить работу в любом

месте, где ему вздумается. Если ему хотелось секса, что ж, у него не было недостатка в подружках, которые давали ему желаемое без лишних вопросов и сложностей. Он давно смирился с тем, что он чернокожий, и даже более того, ничего не имел против. Дожив до шестидесяти лет, он мог благодарить Господа за выпавшую ему судьбу.

Неужели он рискнет всем этим — и *самим собой* — ради троих белых, с которыми он и знаком-то толком не был?

Но ведь это ложь, не так ли?

По крайней мере с мальчиком он был знаком очень близко. Их связывало друг с другом нечто большее, чем иных людей после сорока лет дружбы. Он знал мальчика, а мальчик знал его, потому что у них обоих в голове находился своего рода прожектор. Что-то, о чем они не просили, но получили в дар свыше.

(*Нет, у тебя в голове лишь легкий карманный фонарик. А вот у него — настоящий прожектор.*)

И порой этот внутренний свет, это сияние представлялось вещью исключительно приятной и полезной. С его помощью можно было поставить деньги на победителя скачек или, как рассказывал мальчик, помочь папе найти потерявшийся чемодан. Но это был всего лишь соус, салатная заправка, а под ней скрывался гораздо более горький плод. И тебе предстояло в полной мере вкусить боли, смерти и слез. Сейчас мальчик оказался в ловушке, и он должен ехать. Ради мальчика. И к черту расовые предрассудки. Их цвет кожи различался, лишь когда они беседовали обычным способом. И он поедет к нему и сделает все, что от него зависит, потому что в противном случае мальчик умрет — и умрет прямо у него в голове.

Но поскольку ничто человеческое не было чуждо Холлорану, он не мог хотя бы немного не сожалеть, что именно ему суждено испить из этой чаши до дна.

(*Она выбралась наружу и напала на него.*)

Он поспешно бросал одежду в дорожную сумку, когда его посетила эта мысль и, как всегда, поразила яркостью и силой

воспоминания. Вот почему он старался думать о таких вещах как можно реже.

С той горничной по имени Делорес Викери случилась истерика. Она рассказала все другим горничным и, хуже того, распустила язык с постояльцами отеля. И как только слух об этом дошел до Уллмана — а тупая корова не могла не понимать, что это неизбежно, — он тут же уволил ее. И она пришла к Холлорану вся в слезах, но не потому, что лишилась работы, а из-за увиденного. Она сказала, что пошла в номер 217 сменить полотенца, а там в ванне лежала мертвая миссис Масси. Но это, конечно же, было совершенно невозможно, поскольку двумя днями ранее труп миссис Масси тайком вывезли из отеля и даже успели отправить самолетом в Нью-Йорк, правда, в багажном отделении, а не в первом классе, к которому она привыкла.

Холлоран не испытывал к Делорес особой симпатии, но тем же вечером поднялся наверх, чтобы посмотреть самому. Горничная была двадцатитрехлетней смуглой девушкой и ближе к концу сезона, когда постояльцев становилось меньше, обслуживала столики в ресторане. Как решил Холлоран, она обладала слабым сиянием, которое проявлялось редкими проблесками. К примеру, стоило в ресторане появиться невзрачному мужчине в неприметном пальто в сопровождении спутницы, как Делорес тут же менялась столиками с другой официанткой. Невзрачный клиент оставлял после ухода под тарелкой бумажку с портретом Александра Гамильтона*, что само по себе могло быть обидно девушке, согласившейся на обмен. Но хуже того, Делорес при этом открыто торжествовала. Будучи от природы ленивой, она всячески отлынивала от работы, причем делала это в заведении, которым управлял человек, на дух не выносивший лентяев. Тем не менее она позволяла себе подолгу сидеть в бельевом чулане, читать глянцевый журнал о знаменитостях и покуривать. А стоило Уллману отправиться в очередной внезапный рейд по отелю (и горе тому, кого он заставал без дела!), как оказывалось, что Делорес трудится в поте лица, спрятав журнал среди кип простыней, а пепельницу — в карман фартука. Да, думал Холлоран, она была

* Купюра достоинством 10 долларов.

откровенной лентякой, жадиной, грязнулей, и все остальные девушки недолюбливали ее, но зато у нее был дар, пусть крошечный, который всегда помогал ей выходить сухой из воды. Вот только увиденное в номере 217 настолько потрясло Делорес, что она обрадовалась увольнению.

Почему же она прибежала именно ко мне? Должно быть, рыбак рыбака... Холлоран усмехнулся.

В тот же вечер он проник в номер, куда уже на следующий день собирались вселить новых постояльцев. Для этого он воспользовался универсальным ключом из офиса, и поймай его на этом Уллман, стоять ему в очереди на бирже труда вместе с Делорес Викери.

Занавеска вокруг ванны была задернута, но он заранее предвидел, что скрывается за ней. Опухшее, посиневшее, набрякшее от воды тело миссис Масси лежало в наполовину заполненной ванне. С колотящимся сердцем он стоял и смотрел на труп. В «Оверлуке» с ним случалось всякое. Например, повторявшийся время от времени кошмарный сон — какой-то бал-маскарад, он обслуживает гостей в бальном зале «Оверлука», раздается крик снять маски, и все гости оказываются полусгнившими насекомыми. Были еще звери в живой изгороди. Два или три раза он видел (или ему только мерещилось), что они едва заметно двигались. Собака, стоявшая на задних лапах, чуть сильнее прижималась к земле, а львы перемещались вперед, словно угрожая малышам, резвившимся на игровой площадке. В мае прошлого года мистер Уллман отправил его на чердак, чтобы найти декоративный каминный набор, который сейчас стоял рядом с большим очагом в вестибюле. Пока он был наверху, три лампочки, висевшие под потолком, перегорели одна за другой, и он никак не мог вернуться к люку. Он тогда долго метался по чердаку с нараставшей внутри паникой, натыкаясь на разные предметы, царапая икры об углы каких-то ящиков, порой явственно ощущая, как нечто толкает его в темноте то в одну, то в другую сторону. Какое-то огромное и страшное существо, выбравшееся на свободу, как только погас свет. Когда в конце концов Холлоран совершенно случайно наткнулся на люк, он буквально скатился вниз, оставив дверцу люка распахнутой, весь грязный, растрепанный и в полной

уверенности, что чудом избежал смерти. А чуть позже Уллман лично явился на кухню, чтобы сделать ему выговор за оставленный открытым чердачный люк и не выключенный наверху свет. Быть может, Холлорану взбрело в голову, что гостям отеля захочется залезть на чердак, чтобы поиграть в остров сокровищ? Или он решил, что за электричество больше не надо платить?

Кроме того, он подозревал — нет, он был уверен, — что некоторые из постояльцев тоже видели или слышали в отеле нечто странное. За те три сезона, что Холлоран отработал в «Оверлуке», президентский люкс заказывали девятнадцать раз. Шестеро из занимавших его гостей выехали из отеля досрочно, причем выглядели при этом откровенно больными. Постояльцы из других номеров тоже иногда съезжали в необъяснимой спешке. Одним августовским вечером 1974 года мужчина, гордо носивший Бронзовую и Серебряную звезды за отвагу, проявленную в войне в Корее (сейчас он заседал в советах директоров трех крупных корпораций и, как рассказывали, лично сумел навсегда убрать из эфира одного очень популярного телевизионного ведущего), вдруг совершенно беспричинно забился в истерике прямо на площадке для гольфа. И за время работы Холлорана в «Оверлуке» несколько десятков детей наотрез отказывались даже близко подходить к игровой площадке. А с одной девочкой случился конвульсивный припадок, когда она играла в туннеле из бетонных колец, хотя Холлоран не мог в точности знать, стала ли она жертвой песен смертоносных сирен отеля. Говорили, что девочка — единственная дочь привлекательного киноактера — страдала эпилепсией и находилась под наблюдением врачей, а в тот день забыла принять положенную дозу лекарств.

Вот почему, глядя на труп миссис Масси, он был испуган, но не смертельно. Чего-то подобного ему и следовало ожидать. Настоящий страх овладел им, когда она открыла глаза, продемонстрировав серебристые зрачки, и попыталась улыбнуться ему.

Страшно стало, когда

(*она начала выбираться из ванны, чтобы пойти за ним.*)

Он бежал с колотящимся сердцем и не почувствовал себя в безопасности даже после того, как захлопнул и запер дверь.

Если уж на то пошло, признался себе Холлоран, застегивая молнию на дорожной сумке, с тех пор он никогда не чувствовал себя в безопасности в «Оверлуке».

А теперь еще и этот мальчик с его криком, с его зовом о помощи.

Он посмотрел на часы. Половина шестого. Направился было к входной двери, но только тут сообразил, какая суровая зима в Колорадо, особенно в горах, и вернулся к стенному шкафу. Достал длинное пальто с подкладкой из овчины, снял пакет, в котором сдавал его в химчистку, и перебросил пальто через руку. Это была единственная по-настоящему зимняя вещь в его гардеробе. Выключив свет, в последний раз оглядел по сторонам. Не забыл ли чего? Да. Конечно. Холлоран вынул из нагрудного кармана конверт с завещанием и сунул *его под раму зеркала в трюмо. Если* повезет, потом он сам заберет его отсюда.

Но только если очень повезет.

Он вышел из квартиры, запер дверь, сунул ключ под циновку и сбежал по ступенькам вниз к своему «кадиллаку».

На полпути к международному аэропорту Майами, вдали от коммутатора отеля, телефоны которого с удовольствием прослушивали Куимз и его подручные, Холлоран остановился у торгового центра и из автомата рядом с прачечной самообслуживания позвонил в компанию «Юнайтед эйрлайнз». Есть ли рейсы на Денвер?

Рейс был, но вылетал в 18.30. Джентльмен успеет на него?

Холлоран вновь бросил взгляд на часы. 18.02. Да, сказал он, джентльмен должен успеть. Но остались ли свободные места?

Секундочку. Я проверю.

Раздался щелчок, и зазвучала сахарная мелодия Монтавани, которая, как почему-то считалось, делала ожидание у телефона более приятным. Холлоран в нетерпении переминался с ноги на ногу, посматривая то на часы, то на молоденькую девушку, у которой за спиной в специальном рюкзачке спал

младенец. Девушка доставала из автоматической стиральной машины свои вещи. Она волновалась, что приедет домой позже, чем намечала, жаркое к ужину пригорит, и ее муж — Марк? Майк? Мэтт? — устроит ей безумный скандал.

Прошла минута. Другая. Он почти решил бросить трубку и отправиться прямо в аэропорт наудачу, когда, словно из консервной банки, вновь раздался голос оператора. Да, осталось одно место. Отказ. Но только в первом классе. Это имеет значение?

Нет, ему нужно это место.

Наличные или кредитная карточка?

Наличные, детка, наличные. Все, что угодно, лишь бы улететь!

Ваша фамилия, сэр?

Холлоран, с двумя «л». Скоро увидимся.

Он повесил трубку и поспешил к выходу. Простые мысли той девушки, беспокоившейся о своем жарком, продолжали крутиться у него в голове, буквально сводя с ума. С ним порой это случалось. Без всякой причины он улавливал чью-то мысль, совершенно ему чуждую, простую и ясную... но обычно совершенно для него бесполезную.

Он почти успел.

Разогнал лимузин до восьмидесяти, и вдали уже показалось здание терминала аэропорта, когда его тормознул один из доблестных служителей правопорядка Флориды.

Холлоран привел в действие электрический привод стекла и уже открыл рот, чтобы обратиться к копу, листавшему странички книжки с квитанциями штрафов, но тот его опередил.

— Я *все знаю*, — сказал он. — Похороны в Кливленде. Вашего отца. Свадьба в Сиэтле. Вашей сестры. Пожар в Сан-Хосе уничтожил кондитерскую лавку вашей бабушки. Или бутылочка восхитительного камбоджийского красного вина ждет вас в камере хранения в Нью-Йорке? Вот за что я так люблю этот участок дороги перед аэропортом. С детства обожал интересные сказки.

— Послушайте, офицер, с моим сыном...

— И единственная часть истории, которая всегда остается для меня загадкой до самого конца повествования, — невозмутимо продолжал полисмен, — это номер водительского удостоверения рассказчика (он же нарушитель), а также информация о регистрации транспортного средства. Так что будьте любезны. Дайте мне с ними ознакомиться.

Холлоран посмотрел в холодные голубые глаза копа, подумал, не стоит ли все-таки прогнать ему байку на тему «мой-сын-находится-в-критическом-состоянии», но решил, что это только усугубит его положение. Этот служака не купится на выдумку, как Куимз. И он достал свой бумажник.

— Превосходно, — сказал полицейский. — А теперь, пожалуйста, предъявите документы в развернутом виде. Мне не *терпится узнать окончание истории*.

Холлоран молча вынул свои права и технический паспорт автомобиля и протянул копу.

— Это очень хорошо. Это так мило с вашей стороны, что вы даже заслужили подарок.

— Какой? — с надеждой спросил Холлоран.

— Когда я закончу оформлять протокол, то позволю вам надуть для меня красивый воздушный шарик.

— О Го-о-о-споди! — застонал Холлоран. — У меня же рейс...

— Ш-щ-ш, — шикнул коп. — Не будьте занудой.

Холлоран от беспомощности закрыл глаза.

К стойке регистрации «Юнайтед эйрлайнз» он подбежал в 18.49, вопреки всему надеясь, что каким-то чудом вылет задержали. Но ему даже не пришлось никого ни о чем спрашивать. Вся история легко читалась на мониторе, висевшем прямо над стойкой. Рейс номер 901 в Денвер с отправлением по расписанию в 18.36 покинул Майами в 18.40. То есть всего девять минут назад.

— Вот дерьмо! — не сдержался Холлоран.

Но внезапно его ноздри наполнил аромат апельсинов, густой до удушливости. Он едва успел добежать до мужского туалета, когда его накрыл ужасный оглушительный вопль:

(!!!ПРИЕЗЖАЙ ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ!!!)

Глава 39
НА ЛЕСТНИЦЕ

Среди вещей, которые им пришлось продать перед переездом из Вермонта в Колорадо, чтобы пополнить запас наличности, была и коллекция из двухсот пластинок рок-н-ролла и ритм-н-блюза, принадлежавшая Джеку. На гаражной распродаже они ушли по доллару за штуку. И среди них была любимая музыка Дэнни — двойной альбом Эдди Кокрана с вложенными внутрь четырьмя страничками текстов песен Ленни Кайе. Уэнди всегда поражало пристрастие сына к творчеству именно этого полумальчика-полумужчины, который слишком торопился жить, жег, как говорится, свечку с обоих концов и умер совсем молодым... Умер, когда ей самой еще не исполнилось десяти лет. Вот и сейчас, в четверть восьмого (по местному времени), когда Дик Холлоран вешал Куимзу на уши лапшу по поводу белого дружка своей бывшей жены, она увидела Дэнни — он сидел на лестнице, ведущей из холла на второй этаж, перебрасывал из руки в руку маленький красный мячик и напевал одну из песен с того альбома, тихо и немелодично:

— И вот я взбираюсь по лестнице вверх. Все дальше и дальше: я уже выше всех. Но там, наверху, мне вдруг так одиноко, что уже не до песен, совсем не до рока...

Она подошла ближе, тоже уселась на ступеньку и только тогда заметила, что у него сильно распухла нижняя губа, а на подбородке запеклась кровь. Сердце сразу же испуганно подпрыгнуло в груди, но она сумела сохранить спокойный тон.

— Что случилось, док? — спросила она, хотя была уверена, что уже все знает. Джек снова ударил его. Конечно, так оно и

было. Как же иначе? Время — колесо; рано или поздно все возвращается к тому, с чего началось.

— Я вызвал Тони, — ответил ее сын. — В бальном зале. А потом, наверное, упал с кресла. Уже ничего не болит. Только странное ощущение... Словно у меня одна губа слишком большая.

— Все так и было? — спросила Уэнди встревоженно.

— Папа этого не делал, — сказал он. — Не сегодня.

Она смотрела на него с удивлением и страхом. Мячик перелетал из руки в руку. А он читал ее мысли. Ее сын мог читать ее мысли.

— Что?.. Что же сказал тебе Тони на этот раз?

— Это не имеет значения. — Его лицо не дрогнуло, а от равнодушного голоса мороз продирал по коже.

— *Дэнни...* — Она схватила его за плечи гораздо крепче, чем хотела, но он не поморщился от боли и не попытался стряхнуть *ее руки.*

(*Мы медленно убиваем этого мальчика. Не только Джек, но и я тоже, а возможно, и не мы одни. Отец Джека, моя мать. Уж не здесь ли они? Почему, собственно, нет? Это место просто кишит призраками. Так почему бы не появиться еще двум привидениям? Боже милосердный, наш сын сейчас как тот чемодан из телевизионной рекламы. По нему проезжают машины, его сбрасывают с самолета, давят заводским прессом. Или часы фирмы «Таймекс». Их под трактор кладут, а они все идут. О, Дэнни, я так виновата перед тобой*)

— Это не имеет значения, — повторил он, продолжая перебрасывать мячик. — Потому что Тони не может больше приходить. Они не пускают его. Он потерпел поражение.

— Кто не пускает?

— Люди из отеля, — ответил он. Потом все же посмотрел на нее, и его глубоко запавшие, испуганные глаза вовсе не были равнодушными. — Люди... И *вещи* из отеля. Их очень много, самых разных. Этот отель *просто набит* ими.

— И ты можешь их видеть?

— Я не желаю их видеть, — ответил он глухо и снова стал сосредоточенно смотреть, как мячик по дуге перелетает из руки в руку. — Но я иногда их слышу. Посреди ночи. Они, как ветер, вздыхают все вместе. На чердаке. В подвале. В номерах. Пов-

сюду. И я сначала думал, что это моя вина, потому что я такой. Как ключ. Маленький серебряный ключ.

— Дэнни, не надо... Ты не должен так расстраиваться...

— Но это и из-за *него* тоже, — продолжил Дэнни. — Из-за папы. И из-за тебя. Ему нужны мы все. Он играет с папой, дурачит его, пытается заставить думать, что он ему нужнее всех. На самом деле ему нужнее я. Но он заберет всех нас.

— Ох, если бы только тот снегоход...

— Они не позволили ему, — тихо сказал Дэнни. — Заставили закинуть какую-то важную штуку в снег. Очень далеко. Я видел это во сне. И он знает, что в номере двести семнадцать действительно есть та женщина.

Он посмотрел на нее своими темными, полными страха глазами.

— И не важно, веришь ты мне или нет.

Она обняла его за плечи.

— Я верю тебе, Дэнни. Поэтому и прошу сказать мне правду. Джек... Он может причинить нам зло?

— Они будут пытаться заставить его, — ответил Дэнни. — Я зову мистера Холлорана. Он разрешил, если мне когда-нибудь будет нужно, просто позвать его. И я уже звал. Но это жутко трудно. Я очень устаю. А хуже всего то, что я даже не знаю, слышит он меня или нет. Мне кажется, сам он не может мне ответить, потому что для него мы слишком далеко. И я не знаю, быть может, он слишком далеко и для меня тоже. Завтра...

— Что будет завтра?

— Ничего, — помотал головой он.

— Где он сейчас? — спросила она. — Где твой папа?

— В подвале. И не думаю, что сегодня он поднимется оттуда.

Она резко встала.

— Тогда жди меня здесь. Я вернусь ровно через пять минут.

На залитой светом люминесцентных ламп кухне было холодно и неуютно. Она подошла к доске, на которой висели разделочные ножи. Сняла самый длинный и острый, завернула в кухонное полотенце и вышла, погасив за собой свет.

Дэнни так и сидел на лестнице, следя глазами за полетом красного резинового мячика. И напевал:

— У нее на самом верху квартира. В доме без лифта и без сортира. Вот и ползи с этажа на этаж. Первый, второй. А когда будет наш?

(*...Лу, Лу, иди ко мне, Лу...*)

Он оборвал свою песню и прислушался.

(*... Прыг-скок ко мне, Лу, дорога-а-а-я...*)

Голос звучал в его голове и был таким естественным, таким пугающе близким, что вполне мог быть обрывком его собственных мыслей. Если бы не вкрадчивые, лукавые нотки. Его передразнивали. Ему говорили

(*О да, тебе здесь понравится. Только попробуй, и тебе понравится. Попробуй, и тебе здесь понра-а-а-вится...*)

Теперь, прислушавшись, он снова ощутил присутствие всех собравшихся здесь духов или призраков, а может, он слышал звучание самого отеля — этого мрачного дома с увеселениями, аттракционами и комедиантами, где каждая интермедия заканчивалась смертью, где оживали даже нарисованные чудовища, где двигались живые изгороди, где маленький серебряный ключик служил лишь для того, чтобы показать грязную сценку. Это было похоже на стоны и вздохи зимнего ветра, играющего под скатами крыши, ветра, который пел навевающую вечный сон колыбельную. Туристы, приезжавшие сюда летом, никогда не слышали его. Он был подобен сонному жужжанию летних ос в земляном гнезде, смертоносных и уже начинавших просыпаться. Они могли взлетать на десять тысяч футов вверх.

(*Что общего у ворона и письменного стола? Чем выше, тем их меньше, само собой! Выпейте еще чашечку чая!*)

Это был звук чего-то живого, но не голос и не дыхание. Человек философского склада, вероятно, предположил бы, что такие звуки издают наши души. Бабушка Дика Холлорана, выросшая в южных краях на рубеже столетий, назвала бы это загробными звуками. А исследователь сверхъестественных явлений придумал бы более сложное название — экстрасенсорное эхо или психокинез. Но для Дэнни так звучал сам отель,

старый монстр, чьи скрипы становились все ближе, чьи коридоры протянулись не только в пространстве, но и во времени, уводя в далекое прошлое, где теснились голодные тени, неприкаянные призраки гостей, которых нелегко было заставить утихомириться.

В темном бальном зале часы пробили половину восьмого одним мелодичным ударом.

Тут послышался хриплый пьяный голос:

— *Маски долой, и давайте трахаться!*

Уэнди замерла в середине вестибюля.

Она посмотрела на Дэнни, который сидел на лестнице, перебрасывая мячик из руки в руку, и спросила:

— Ты ничего сейчас не слышал?

Но Дэнни лишь посмотрел на нее и продолжил кидать мячик.

Этой ночью они почти не спали, хотя улеглись вместе и надежно заперли дверь.

Лежа в темноте с открытыми глазами, Дэнни думал:

(*Он хочет стать одним из них и жить вечно. Вот чего он хочет.*)

Уэнди размышляла:

(*Если потребуется, уведу его выше в горы. Лучше уж погибнуть там.*)

Завернутый в полотенце мясницкий нож она положила под кровать, чтобы он все время был у нее под рукой. Они то забывались неглубоким сном, то вновь просыпались. Стены отеля поскрипывали. Снаружи с небес вновь обрушился на землю тяжелый снегопад.

Глава 40
В ПОДВАЛЕ

(*!!!Бойлер чертов бойлер!!!*)

Мысль внезапно высветилась в сознании Джека Торранса ослепительно красным предупреждением. А вслед за ней вновь зазвучал голос Уотсона:

(*Если забудешь, оно начнет ползти и ползти вверх, и как-нибудь ты вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне... По документам котел должен выдерживать все двести пятьдесят. Но теперь он точно взорвется гораздо раньше. Ты меня силком не заставишь спуститься сюда и встать рядом с этой бочкой, если стрелка встанет даже на ста восьмидесяти.*)

Он провел внизу всю ночь, роясь в коробках со старыми записями, охваченный лихорадочным чувством, что время уходит и ему нужно торопиться. Ведь он так и не нашел некое важное связующее звено, факт, который сделает картину полной и ясной. Его пальцы покрылись слоем желтой грязи от возни с замшелыми бумагами. И поиски так увлекли его, что он ни разу не проверил бойлер. В последний раз он спустил пар около шести часов вечера, когда пришел сюда. А сейчас уже было...

Он посмотрел на часы и вскочил, опрокинув пачку архивных счетов.

Боже милосердный! Без четверти пять утра.

У него за спиной продолжала горячо полыхать топка. А из помещения бойлерной доносились стоны и свисты котла.

Джек бросился туда. За последний месяц его лицо заметно осунулось и заросло щетиной, под глазами пролегли глубокие тени, что придавало ему сходство с изможденным узником концлагеря.

Стрелка манометра бойлера поднялась до 210. Джеку даже казалось, что он видит, как выгибаются под смертоносным давлением покрытые заплатами стенки котла.

(*Оно ползет вверх... Ты меня силком не заставишь спуститься сюда и встать рядом с этой бочкой, если стрелка встанет даже на ста восьмидесяти...*)

Но внезапно в нем заговорил совершенно спокойный и рассудительный внутренний голос.

(*Оставь все как есть. Пойди забери Уэнди и Дэнни, а потом выметайтесь отсюда подобру-поздорову. И пусть себе взлетит на воздух.*)

Он отчетливо представлял этот взрыв. Двойной раскат грома, который вырвет из этого места сначала сердце, а потом и душу. Первым разлетится на части бойлер в оранжево-фиолетовой вспышке, осыпав весь подвал дождем из раскаленной горя-

щей шрапнели. Воображение рисовало ему, как красные осколки металла мечутся от стены к стене и от пола до потолка странными бильярдными шарами, со смертоносным свистом разрезая воздух. Некоторые из них, конечно же, попадут в помещение за каменной аркой, и огонь легко охватит старые бумаги, которые запылают жарким адским пламенем. Будут уничтожены все секреты, сгорят все доказательства, и ни одна живая душа уже никогда не сможет проникнуть в тайну отеля. Следом взорвется газ, взметнувшись фонтаном огня и превратив всю центральную часть отеля в гигантскую решетку для барбекю. А потом пожар охватит лестницы, коридоры, потолки и номера, как в последних кадрах фильма о Франкенштейне, когда сгорает дотла замок. Пламя легко перекинется на западное и восточное крыло, пробежав по сине-черной ковровой дорожке последним припоздниившимся гостем. Обои почернеют и свернутся. Никакой системы пожаротушения в «Оверлуке» нет. Есть лишь старые огнетушители, которыми некому будет воспользоваться. И ни одна пожарная бригада в мире не сможет приехать сюда раньше конца марта. Гори, детка, гори! Через двенадцать часов здесь не останется ничего, кроме обугленных стен.

Стрелка на приборе поднялась до отметки 212. Котел кряхтел и постанывал, как глубокая старуха, пытающаяся выбраться из постели. Шипящие струйки пара начали пробиваться по краям давних заплаток; припой плавился и превращался в мелкие бусинки.

Но он ничего не видел и не слышал. Джек стоял, положив руку на клапан, который мог сбросить давление, предотвратив взрыв, и его глаза сияли сумасшедшим огнем, как два сапфира в глубоких оправах глазниц.

(*Это мой последний шанс.*)

Единственным, что еще оставалось у них, были полисы страхования жизни, которые они с Уэнди завели вместе летом между первым и вторым годами, проведенными в Стовингтоне. Сорок тысяч долларов в случае внезапной смерти, а при гибели в железнодорожной катастрофе, при крушении самолета или при пожаре выплата удваивалась. Сектор «Приз»! Умри, и семья получит приличные деньги.

(*Пожар... восемьдесят тысяч долларов...*)

И ведь у них будет время выбраться из отеля. Даже если сейчас они спят наверху, времени окажется достаточно. В это он твердо верил. И никакие живые изгороди не смогут их удержать, если «Оверлук» охватит пламя огромного пожара.

(*Пламя.*)

Стрелка под замызганным, мутным стеклом плясала рядом с числом 215.

Его посетило еще одно воспоминание. Детское воспоминание. Осы устроили себе гнездо среди нижних веток яблони, росшей позади их дома. И одного из братьев — он сейчас уже не мог припомнить, кого именно — укусила оса, когда он качался на качелях, которые отец соорудил, подвесив к тому же дереву старую автомобильную покрышку на веревке. Случилось это поздним летом, когда осы делаются особенно агрессивными.

Тогда их отец, только что вернувшийся с работы в белых больничных одеждах и с пивным облаком вокруг головы, собрал всех своих мальчиков — Бретта, Майка и маленького Джеки — и сказал, что сейчас разберется с осами.

— Смотрите внимательно, как это делается, — произнес он с улыбкой, слегка покачиваясь (трости у него еще не было, авария с грузовиком произойдет лишь несколько лет спустя). — Быть может, это вас хоть чему-то научит. Мне этот трюк тоже показал родной папаша.

Потом он сгреб в большую кучу влажные от дождя палые листья под веткой, с которой свисало гнездо — более смертоносный фрукт, чем те мелкие, но сладкие яблоки, которые появлялись на дереве в конце сентября. До их сбора оставалось еще полмесяца. Затем отец поджег листву. День стоял ясный и безветренный. Листья тлели, но не разгорались по-настоящему, и от них исходил запах — даже аромат, — который преследовал Джека потом каждую осень, когда по субботам соседские мужчины в легких ветровках собирали листья на своих лужайках и принимались палить их. Сладкий запах с легкой горчинкой, такой насыщенный и вызывающий столь много воспоминаний. Тлеющая куча листьев давала много дыма, который поднимался вверх и скоро совершенно окутал гнездо, скрыв его из виду.

Отец оставил листья тлеть до самого вечера, попивая пиво на террасе и швыряя пустые банки в ведро, которым жена

пользовалась для мытья полов. Старшие братья расположились рядом с ним, а Джеки сидел на ступенях, подбрасывал привязанный к доске шарик и монотонно напевал одну и ту же строку из песни: «Сердце изменницы бьется в твоей груди... Только ты счастья в жизни не жди...»

Без четверти шесть, как раз перед самым ужином, отец направился к яблоне. Сыновья с опаской держались у него за спиной. В руке он нес садовую тяпку. Сначала он раскидал тлеющую кипу листьев, оставив догорать мелкие угольки. Затем ручкой тяпки со второй или третьей попытки сбил гнездо с ветки на землю.

Мальчики испуганно метнулись под защиту террасы, но отец остался невозмутимо стоять над гнездом, лишь жмурясь от дыма и слегка покачиваясь. Джеки подкрался поближе, чтобы все рассмотреть. Несколько ос вяло ползали по бумажной поверхности своего бывшего жилища, но даже не пытались взлететь. А изнутри гнезда, из грозного черного отверстия, доносился незабываемый звук: низкий и злобный гул, напоминавший гудение высоковольтной линии электропередачи.

— Почему они не попытались ужалить тебя, папа? — спросил он.

— Потому что от дыма они пьянеют, Джеки. Принеси мне канистру с бензином.

Он бросился выполнять поручение, а отец полил гнездо янтарным топливом.

— Отойди в сторонку, Джеки, если не хочешь лишиться бровей.

Он отошел. Откуда-то из многочисленных карманов своей белой куртки отец достал длинную кухонную спичку. Зажег ее, чиркнув головкой по ногтю большого пальца, и кинул поверх гнезда. Возник бело-оранжевый всполох, яростный, но почти бесшумный. С громким хохотом отец тоже отступил в сторону. В считанные секунды от гнезда не осталось почти ничего.

— Огонь, — сказал отец, повернувшись к Джеки. — Огонь убивает все живое.

После ужина мальчики вышли в сумеречный задний двор и с серьезным видом встали в кружок вокруг почерневшего остова гнезда. Изнутри то и дело раздавались хлопки, когда осиные трупики взрывались, как жареная кукуруза.

Стрелка манометра поднялась до 220. Внутри котла нарастал металлический стон, струйки пара пробивались в сотнях мест, напоминая иглы дикобраза.

(*Огонь убивает все живое.*)

Джек внезапно вздрогнул, придя в себя. Он задремал... и чуть не отправил их всех на тот свет. И о чем, черт возьми, он только думал? Защитить отель от разрушения было его первейшей обязанностью. Он ведь его смотритель.

От страха его ладони мгновенно покрылись потом, и он даже не смог с первого раза как следует ухватиться за колесо клапана. Но потом, просунув пальцы в перегородки, начал вращать: один круг, другой, третий. Раздалось громкое шипение, подобное дыханию дракона. Облако теплого тропического тумана поднялось из-под котла и окутало Джека. Какое-то время он не мог видеть циферблат манометра и решил, что слишком промедлил: внутри бойлера продолжалось громкое клокотание, а грохочущие звуки даже усилились.

Но когда пар рассеялся, он увидел, что стрелка опустилась до 200 и продолжала снижаться. Пробивавшиеся из-под заплат струйки ослабевали. Треск и грохот затихали.

190... 180... 175...

(*Он мчался под гору как сумасшедший, и вдруг свисток завопил...*)

Но теперь он был уверен, что взрыва не будет. Давление уже упало до 160.

(*...его нашли среди обломков с рукой на заслонке, пар насмерть его обварил.*)

Джек отошел от бойлера, тяжело дыша и все еще дрожа от пережитого возбуждения. Посмотрев на руки, заметил, что на ладонях вздулись пузыри ожогов. Плевать. Он чуть не погиб с рукой на заслонке, как Кейси — машинист паровоза из «Гибели 97-го». Хуже того, он чуть не погубил «Оверлук». И это стало бы последней сокрушительной неудачей в его жизни. Он провалился в роли учителя, писателя, мужа и отца. Из него даже пьяницы настоящего не вышло. Но взорвать здание, которое тебе поручили сохранить, — это стало бы верхом карьеры неудачника. И какое здание!

Нет, ни за что!

Боже, как же ему необходимо было выпить.

Давление упало до 80. С особой осторожностью, морщась от боли в руках, он вновь перекрыл спусковой клапан. Но с этого момента он будет следить за бойлером с повышенным вниманием. Случившееся могло нанести котлу значительный ущерб. Вот почему до самого конца зимы он не даст давлению подниматься выше сотни фунтов на квадратный дюйм. И если в отеле будет немного холодновато, что ж, придется одеваться потеплее и терпеть.

Лопнувшие пузыри пульсировали, как больные зубы.

Стаканчик выпивки. Всего лишь один стаканчик, чтобы привести себя в норму. А во всем отеле не было ничего крепче кулинарного хереса. Сейчас спиртное требовалось ему в качестве лекарства, не более того. После сильных потрясений алкоголь в небольших дозах рекомендуют даже медики. Как анестезию. Он выполнил свой долг и заслужил порцию лекарства, чтобы снять стресс. Чего-то посильнее экседрина. Но ничего не было.

Ему вспомнились бутылки, вроде бы поблескивавшие в затемненном баре.

Он ведь спас отель! И отель захочет вознаградить его. Почему-то он был в этом уверен. Достав из заднего кармана носовой платок, он пошел к лестнице. Вытер губы. Один небольшой стаканчик. Всего один. Чтобы снять боль.

Он послужил «Оверлуку», и теперь «Оверлук» послужит ему. Уверенность не проходила. По лестнице из подвала он поднимался быстрыми, энергичными шагами человека, который вернулся домой с долгой, кровопролитной войны. Было 5 часов 20 минут утра по стандартному горному времени.

Глава 41
СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Дэнни очнулся от кошмарного сна с приглушенным стоном. Произошел взрыв. Пожар. «Оверлук» был объят пламенем. Они с мамой смотрели на него с передней лужайки.

Мама сказала:

— Посмотри, Дэнни, посмотри на живую изгородь.

Он посмотрел на вырезанных зверей и понял, что они все мертвы. Их листья побурели и свернулись. Густое переплетение веток просвечивало, как кости скелетов расчлененных трупов. А потом из двустворчатой входной двери «Оверлука» выскочил его папа, который горел, как факел. Его одежда была объята пламенем, кожа приобретала зловещий темный цвет, который с каждой секундой становился все чернее, волосы пылали.

В этот момент он проснулся, задохнувшись от страха, вцепившись пальцами в простыню и одеяло. Он кричал? Дэнни посмотрел на маму. Уэнди лежала на боку, натянув одеяло до подбородка, прядь соломенных волос упала ей на щеку. Она сейчас сама напоминала ребенка. Нет, он не кричал.

Он лежал в постели, смотрел в потолок, и кошмар начал постепенно рассеиваться. Хотя у него все равно осталось странное чувство, что какой-то страшной трагедии

(пожара? взрыва?)

удалось избежать лишь чудом. Он позволил своему сознанию уплыть на поиски и обнаружил, что папа, живой и невредимый, стоит где-то внизу. В вестибюле. Дэнни напрягся еще чуть-чуть и попытался проникнуть во внутренний мир отца. Но ничего хорошего из этого не вышло. Потому что папа думал о Скверном Деле. Думал сейчас

(*нальем один потом другой нам станет хорошо с тобой помнишь как это было славно, эл? джин и тоник бурбон и немного горького шотландского виски кола, содовая и ром стакан мне и стакан тебе а потом марсиане высадятся где-то в принстоне хьюстоне стоукли кармайкле или в любой чертовой дыре в конце-то концов сейчас их сезон и никто из нас*)

(*УБИРАЙСЯ ИЗ ЕГО ГОЛОВЫ, МАЛЕНЬКИЙ ГОВНЮК!*)

Дэнни сжался от страха, услышав внутри себя этот голос, его глаза расширились, а пальцы еще крепче вцепились в край стеганого покрывала. Этот голос не принадлежал его отцу, однако был очень похож. И он знал его: хриплый, грубый, но в то же время полный извращенного веселья.

Значит, они где-то совсем рядом?

Он откинул одеяло и свесил ноги на пол. Достал из-под раскладушки тапочки. Подошел к двери, открыл ее и поспешил

в главный коридор, шелестя подошвами по ворсу ковровой дорожки. Повернул за угол.

Между ним и главной лестницей на четвереньках стоял мужчина.

Дэнни замер.

Мужчина посмотрел на него. Сверкнули маленькие красные глазки. На нем был серебристый маскарадный костюм. Костюм собаки, как сообразил Дэнни. Сзади свисал длинный гибкий хвост с шариком на конце. Вдоль спины к шее тянулась застежка-молния. Слева от мужчины на полу валялась маска то ли собаки, то ли волка, с пустыми глазницами и бессмысленно оскаленной пастью; сквозь клыки из папье-маше просвечивала сине-черная ткань ковровой дорожки.

Рот, подбородок и щеки самого мужчины были перепачканы кровью.

Он начал рычать на Дэнни. При этом он ухмылялся, хотя рык звучал по-настоящему грозно. Звук исходил откуда-то из горла — устрашающий и по-звериному примитивный. Затем он принялся лаять. Его зубы тоже были в крови. Он начал ползти в сторону Дэнни, волоча за собой бесхребетный хвост. Маска осталась лежать на месте, уставившись пустыми глазницами куда-то за спину Дэнни.

— Пропустите меня, — сказал он.

— Я тебя съем, маленький мальчик, — ответил мужчина и вдруг разразился лаем. Лай не был настоящим, подлинной в нем была только злоба цепного пса. Темные волосы мужчины слиплись от пота. Ему было жарко в плотном костюме. От него пахло смесью виски и шампанского.

Дэнни попятился назад, но не сдавался.

— Пропустите меня.

— Ни за что на свете, как сказал поросенок Наф-Наф, — ответил ему человек-собака. Его крошечные красные глазки внимательно разглядывали лицо Дэнни. А потом он повторил, ухмыляясь: — Я съем тебя, мальчик. И думаю начать с твоего сладенького *членчика*.

Он двинулся вперед, подпрыгивая и порыкивая.

Нервы у Дэнни не выдержали. Постоянно оглядываясь через плечо, он бросился назад в короткий коридор, который

вел к их квартире. Сзади донеслась смесь собачьего лая, рыка и воя с вполне человеческими причитаниями и смешками.

Дэнни снова замер в коридоре, дрожа всем телом.

— Поднимай его! — крикнула из-за угла пьяная собака. В голосе смешались тоска и злоба. — Поднимай, ты, Харри, сучий потрох! Мне плевать, сколько у тебя казино, авиакомпаний и киностудий! Я все равно знаю, какое ты ничтожество, когда остаешься один у себя д-дома! Поднимай! Я буду пыхтеть и надувать его... пока Харри Дервент *не разлетится в мелкие клочья!*

Он закончил протяжным воем, который перешел в крик ярости и боли, а потом затих.

Дэнни с опаской вернулся к закрытой двери квартиры в конце коридора. Заглянул внутрь. Мама продолжала спать, даже не сменив позы. Никто ничего не слышал, кроме его самого.

Он снова тихо закрыл дверь и вернулся к пересечению коридоров, надеясь, что человек-собака исчез, как пропали следы крови со стены президентского люкса. Дэнни осторожно выглянул за угол.

Но мужчина в собачьем костюме все еще был там. Он надел на себя маску и резвился на четвереньках на лестничной площадке, гоняясь за собственным хвостом, время от времени рыча и гавкая:

— Гав! Гав! Гр-р-р-р! *У-у-у-у!*

Эти звуки лились сквозь отверстие маски, порой мешаясь с чем-то напоминавшим то ли рыдания, то ли смех.

Дэнни вернулся в спальню, сел на раскладушку и закрыл лицо руками. Отель стал полновластным хозяином ситуации. Происходящее поначалу еще можно было считать случайностями или стечением обстоятельств. Все начиналось с того, что действительно казалось просто страшными картинками в книжке, которые не могли причинить никакого реального вреда. Но сейчас отель контролировал все, и любая мелочь *могла причинить вред.* «Оверлук» не желал, чтобы Дэнни встречался с отцом. Такая встреча могла помешать веселью. И потому он поставил на его пути человека-собаку, как выставил охрану из зеленых зверей между ними и дорогой.

Но зато папа мог прийти сюда. И рано или поздно он непременно придет.

Дэнни заплакал, и слезы беззвучно потекли по его щекам. Нет, теперь слишком поздно. Они умрут. Все трое. И когда «Оверлук» вновь откроется следующей весной, будут поджидать гостей вместе с остальными призраками. Женщиной в ванне, человеком-псом, той жуткой черной нежитью, что притаилась в бетонном туннеле. Они станут...

(*Прекрати! Прекрати это немедленно!*)

Дэнни начал яростно тереть пальцами глаза, убирая из них слезы. Он сделает все, чтобы предотвратить это. С ними ничего не случится: ни с ним самим, ни с папой, ни с мамой. Уж он постарается!

Он зажмурился и, собрав всю силу сознания, послал новый высокий и мощный сигнал.

(*!!!ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЕ У НАС ВСЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО ДИК ТЫ НАМ НУЖЕН...*)

Но внезапно в темноте за закрытыми глазами возникло то, что преследовало его по коридорам «Оверлука» в кошмарных снах, вот только теперь это существо было прямо здесь, рядом — огромная бесформенная фигура в белом, с воздетой над головой доисторической дубиной.

— Я заставлю тебя подчиняться, проклятый щенок! Ты не будешь больше никого звать, потому что я — ТВОЙ ОТЕЦ!

— Нет! — Дэнни рывком вывел себя из транса в реальность спальни, его глаза расширились от страха, и он не смог сдержать крик. Мама проснулась и резко села на постели, прижимая простыню к груди.

— Нет, папа, нет нет нет...

И они оба услышали зловещий свист опускающегося невидимого молотка, рассекающего воздух где-то очень близко, который затих, когда Дэнни подбежал к маме и прижался к ней, дрожа, как попавший в силок кролик.

«Оверлук» больше не позволит ему звать Дика. Это тоже могло испортить всю прелесть забавы.

Они остались одни.

А снаружи продолжал падать густой снег, как занавес, который надежно отделял их от остального мира.

Глава 42
В ПОЛЕТЕ

Рейс Дика Холлорана отправлялся в 6.45 утра по местному времени, но сотрудник аэропорта продержал его, нервно переминавшегося с ноги на ногу, у выхода на посадку номер 31 до 6.55. Они оба ждали неожиданного появления мужчины по имени Карлтон Векер — единственного пассажира рейса 196 авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй» из Майами в Денвер, не явившегося на регистрацию.

— Ладно, ваше счастье, — сказал наконец клерк и выдал Холлорану синий посадочный талон первого класса. — Теперь можете проходить в самолет, сэр.

Холлоран чуть ли не бегом бросился по закрытой рампе в салон, где стюардесса с механической улыбкой взяла его посадочный талон и оторвала корешок.

— В полете мы подаем завтрак, — сказала она, — и если желаете сделать выбор...

— Нет, милая. Мне только кофе, — оборвал он ее и прошел к местам для курящих. Он все еще опасался, что этот злосчастный Векер выскочит в последнюю секунду как чертик из табакерки. Рядом с ним в кресле у окна сидела женщина, читавшая книгу «Как стать себе лучшим другом» с выражением абсолютного изумления и недоверия на лице. Холлоран пристегнулся, а потом еще и вцепился своими сильными черными пальцами в подлокотники кресла и мысленно пообещал Векеру, что теперь только пятеро сотрудников полиции смогут заставить его освободить занятое место. Он не сводил глаз с часов. Стрелки уже показывали семь, но самолет все еще стоял у терминала.

В 7.05 стюардесса объявила по громкой связи, что произошла небольшая задержка, связанная с дополнительной проверкой исправности замков одного из грузовых люков.

— Вот ведь мать твою за ногу! — пробормотал Холлоран.

Его соседка повернула к нему свое изумленное, недоверчивое лицо, а потом вернулась к чтению.

Ночь он провел в аэропорту, слоняясь от одной стойки к другой — «Юнайтед», «Американ», «Ти-дабл-ю-эй», «Конти-

нентал», «Бранифф», — сделавшись бельмом на глазу у всех билетных кассиров. А где-то после полуночи, допивая то ли восьмую, то ли девятую чашку кофе в буфете, неожиданно отругал себя за самонадеянность, за то, что решил взвалить это бремя исключительно на свои плечи. Существовали же власти, в конце-то концов. С одного из телефонов-автоматов, успев переговорить с тремя разными диспетчерами, он сумел дозвониться до спасательной службы управления национального парка «Скалистые горы».

К телефону подошел человек, в голосе которого слышалась смертельная усталость. Холлоран представился чужим именем и заявил, что в отеле «Оверлук», расположенном к западу от Сайдуайндера, возникли проблемы. Очень большие проблемы.

Его попросили подождать и не вешать трубку.

Рейнджер (а Холлоран предполагал, что это именно рейнджер) вновь ответил только через пять минут.

— У них же есть радиопередатчик, — сказал он.

— Да, есть, — признал Холлоран.

— Но никакого сигнала тревоги оттуда не поступало.

— Послушайте, это *не имеет значения*. Они...

— Вы можете в точности сказать, какие именно проблемы у них возникли, мистер Холл?

— Понимаете, там сейчас живет семья. Смотритель с женой и сыном. И вероятно, он немного свихнулся. Мне кажется, он способен причинить вред жене и своему маленькому мальчику.

— Могу я узнать, каким образом вы получили подобную информацию, сэр?

Холлоран закрыл глаза.

— Как вас зовут, друг мой?

— Том Стонтон, сэр.

— Понимаете, Том, я просто об этом *знаю*. И позвольте говорить с вами прямо. Там все очень плохо. Может дойти до убийства. Вы понимаете, о чем я?

— Да, мистер Холл, но мне все же необходимо выяснить, откуда вам известно...

— Поймите, я действительно *все знаю* о таких вещах, — сказал Холлоран. — Несколько лет назад там работал некто по

фамилии Грейди. Он убил свою жену, детей, а потом пустил себе пулю в лоб. Я потому и звоню, что это может повториться, если вы, ребята, не поднимете свои задницы со стульев и не отправитесь туда немедленно!

— Мистер Холл, насколько я могу судить, вы звоните даже не из Колорадо.

— Нет. Но какое это имеет...

— Если вы не в Колорадо, то никак не можете поддерживать радиосвязь с отелем «Оверлук». А это значит, что у вас нет никакого контакта с... гм... — он зашуршал бумагами, — с семьей Торрансов. Пока вы ждали, я постарался дозвониться им, но телефон не работает. К сожалению, в этом нет ничего необычного. Двадцать пять миль кабеля между отелем и телефонной станцией в Сайдуайндере проложены над землей. Мое заключение: там просто случился очередной обрыв на линии.

— Ах ты глупый... — Но его отчаяние было столь велико, что он не сразу нашелся, как продолжить фразу. Потом его озарило. — Свяжитесь с ними! — воскликнул он.

— Сэр?

— Я просто прошу вас попытаться выйти с ними на связь. У вас есть передатчик, и у них есть передатчик. Так вызовите их и поинтересуйтесь, все ли у них в порядке.

В трубке повисло молчание, нарушаемое только гудением далеких проводов.

— Вы уже попробовали, не так ли? — спросил Холлоран. — Потому-то мне и пришлось ждать так долго. Вы не дозвонились им по телефону и не смогли вызвать их в радиоэфире, но все равно считаете, что *это не повод для тревоги*... Чем вы, парни, там вообще занимаетесь? Сидите у печки и играете в картишки по маленькой?

— Ничего подобного! — гневно возразил Стонтон. Но Холлорана только обрадовала его эмоциональная реакция. Он почувствовал, что разговаривает с живым человеком, а не с холодным автоответчиком. — Я вообще здесь сейчас один, сэр. Все остальные сотрудники парка, а также егеря и даже добровольцы из числа местного населения находятся в Хасти-Нотч и рискуют жизнями, потому что трем неопытным тупицам вздумалось совершить восхождение по северному склону

Кингз-Рэм. Они застряли ровно на середине, и одному Богу известно, удастся их благополучно спустить оттуда или нет. Там задействованы два вертолета, и их пилоты очень рискуют, потому что уже темно и идет снег. Так что если вы еще не до конца поняли общую картину, сэр, то я вам охотно помогу. Первое. У меня нет никого, чтобы послать в «Оверлук». Второе. Наш приоритет — не «Оверлук», а операции на территории парка. И третье. К рассвету ни одна наша «вертушка» не сможет подняться в воздух, потому что Национальная метеорологическая служба объявила штормовое предупреждение. Идет сильный буран. Теперь ситуация прояснилась?

— Да, — с тихой безнадежностью ответил Холлоран. — Теперь все ясно.

— А если вас интересует мое мнение, почему они не отвечают на вызовы по рации, то оно совсем простое. Не знаю, который час там у вас, но здесь уже половина десятого вечера. Они вполне могли отключить передатчик и отправиться спать. Есть еще вопросы, сэр?

— Удачи вам со спасением альпинистов, — сказал Холлоран, — но мне хотелось бы, чтобы вы тоже кое-что поняли: они не единственные, кто оказался в горном плену, потому что не знал, во что ввязывается.

И он повесил трубку.

В 7.20 утра «Боинг-747» авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй» был выведен со стоянки, после чего развернулся и покатил в сторону взлетной полосы. Холлоран издал протяжный беззвучный вздох облегчения. Теперь Карлтон Векер, где бы он сейчас ни находился, мог только рвать на себе волосы.

Рейс номер 196 оторвался от земли в 7.28, а в 7.31, когда тяжелый самолет начал медленно набирать высоту, голову Дика Холлорана снова пронзил крик, подобный пистолетному выстрелу. От запаха апельсинов его плечи сначала поникли, а потом стали спазматически дергаться. Лоб покрылся густой сеткой морщин, рот свело в гримасе боли.

(!!!ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЕ У НАС ВСЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО ДИК ТЫ НАМ НУЖЕН...)

И все. Сообщение резко оборвалось, а не померкло постепенно, как это обычно случалось. Связь вдруг обрезали, точно ножом. И это пугало больше всего. Его руки, по-прежнему цеплявшиеся за подлокотники сиденья, почти побелели. Во рту пересохло. Что-то произошло с мальчиком. В этом он был уверен. Если кто-то причинил боль этому ребенку...

— Вы всегда так бурно реагируете на взлет самолета?

Он повернул голову. К нему обращалась соседка в очках в роговой оправе.

— Это не совсем то, о чем вы подумали, — ответил Холлоран. — Видите ли, у меня в голове осталась стальная пластина. Еще со времен войны в Корее. И порой она доставляет мне неудобства. Реагирует на вибрации и перепады давления.

— Неужели такое бывает?

— Да, мэм.

— Как это типично, — сказала востроглазая соседка. — За любые правительственные авантюры всегда приходится расплачиваться рядовым солдатам.

— Вы так считаете?

— Ну разумеется! Нашей стране давно пора покончить со всеми мелкими грязными войнами. В этом столетии ЦРУ и долларовая дипломатия постоянно втягивают в них Америку.

Она открыла книгу и погрузилась в чтение. Табло с надписью «НЕ КУРИТЬ» погасло. Холлоран смотрел на скрывавшуюся под облаками землю и думал, все ли в порядке с мальчишкой. К этому ребенку он успел удивительным образом привязаться, хотя его родители не вызвали столь же теплых чувств.

Оставалось молиться, что они сумеют защитить Дэнни.

Глава 43
ВЫПИВКА ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ

Джек стоял в зале ресторана рядом с низенькими дверцами «Колорадо-холла», склонив голову, вслушиваясь и чуть заметно улыбаясь.

Он мог ощущать, как вокруг постепенно оживает отель.

Трудно сказать, каким образом ему удавалось улавливать это, но он предполагал, что здесь имеет место нечто подобное вспышкам предвидения, которые время от времени случались у Дэнни... Яблоко от яблони... Кажется, так говорят?

Нет, в прямом смысле слова он ничего не видел и не слышал, хотя ему казалось, что еще лишь усилие — и он преодолеет этот тончайший барьер восприятия. Словно другой «Оверлук» лежал всего в нескольких дюймах от реального мира (*Если вообще существовала такая штука, как «реальный мир»*, подумал Джек), но постепенно это расстояние сокращалось. Так бывало, когда в юности он ходил на сеансы трехмерного кино. Если ты смотрел на экран, сняв специальные очки, изображение двоилось перед глазами. Но стоило надеть очки, как все становилось на свои места.

Все пережитые отелем эпохи сошлись сейчас вместе, за исключением одной — нынешней эпохи, которую можно назвать «эпохой Торрансов». Но и она очень скоро вольется в общий ряд. И это хорошо. Это очень хорошо.

Он действительно уже почти слышал призывные трели звонка на стойке регистрации, звавшие коридорных помочь с вещами заселявшимся в отель мужчинам, одетым по моде двадцатых годов во фланелевые брюки, которые стояли рядом с покидавшими гостиницу джентльменами в двубортных костюмах в тонкую полоску, какие носили в сороковых. На диванчике у камина три монахини дожидались, чтобы поредела очередь на выписку, а прямо рядом с ними стояли элегантно одетые Чарльз Грондин и Вито Джиенелли, с бриллиантовыми булавками на бело-голубых галстуках, и тихо обсуждали между собой прибыли и потери, жизни и смерти. На заднем дворе теснились десятки грузовиков, причем они могли странным образом накладываться друг на друга, словно снимки, сделанные на одном кадре. В бальном зале восточного крыла проходили десятки деловых конференций, отстоявших друг от друга на какие-то сантиметры и секунды. В самом разгаре был бал-маскарад. Но тут же отмечались дни рождения, праздновались свадьбы и юбилеи совместной жизни. Разговоры мужчин вертелись вокруг Невилла Чемберлена и эрцгерцога Австрии. Музыка. Смех. Опьянение. Истерики. Любви почти не было

(здесь ей не место), зато ощущалась густая аура чувственности. Джек почти слышал всех этих людей, перемещавшихся по отелю и создававших столь мелодичную какофонию. В ресторане — там, где он сейчас стоял, — все завтраки, обеды и ужины за семьдесят последних лет подавались у него за спиной одновременно. И он почти... Нет, на этот раз никаких «почти». Он *слышал* их. Пусть пока смутно, как в жаркий летний день слышатся раскаты далекой грозы. Он мог слышать их всех — этих прекрасных незнакомцев. И чувствовал их присутствие, как они, вероятно, замечали его самого.

В это утро все номера в «Оверлуке» были заняты.

Аншлаг.

А за дверцами в форме крыльев летучей мыши — приглушенные звуки разговоров, неспешных и доверительных, мягко круживших в воздухе, как клубы табачного дыма. Здесь все более утонченно, более интимно. Низкий горловой женский смех, от которого магическим образом вибрируют внутренности и гениталии. Звяканье кассового аппарата, чье окошко слегка светится в полумраке, со звоном пробивающего чеки за «джин-рикки», «манхэттены», «депрессивные бомбардировщики», шипучий терновый джин или «зомби». Из музыкального автомата льются мелодии, накладываясь друг на друга во времени.

Он толкнул воротца ногой и вошел.

— Привет, ребята, — сказал Джек Торранс. — Мне пришлось уйти, но теперь я вернулся.

— Добрый вечер, мистер Торранс, — с искренней радостью отозвался Ллойд. — Приятно видеть вас здесь снова.

— А мне приятно опять оказаться среди вас, — серьезно ответил Джек и перекинул ногу через сиденье барного стула между мужчиной в элегантном синем костюме и дамой в черном платье, затуманенным взором созерцавшей глубины стоявшего перед ней «сингапурского слинга».

— Что вам налить сегодня, мистер Торранс?

— Мартини, — сказал он, смакуя это слово. Посмотрел на полку позади барной стойки, где рядами выстроились поблескивавшие в тусклом свете бутылки с серебряными сифонами для розлива. «Джим Бим», «Уайлд терки», «Джилбиз»,

«Шарродс прайвит лейбл», «Торо», «Сиграмз». Наконец-то он дома!

— Одного большого «марсианина», пожалуйста, — попросил он. — Они ведь снова высадились где-то на нашей планете, Ллойд.

Достав бумажник, он аккуратно выложил на стойку двадцатку.

Пока Ллойд смешивал ему напиток, Джек оглянулся через плечо. Все кабинки бара оказались заняты. Причем некоторые из гостей были одеты в маскарадные костюмы... Женщина в полупрозрачных шароварах и лифе, украшенном горным хрусталем... Мужчина, над элегантным костюмом которого виднелась лукавая лисья маска. Другой мужчина, в серебристом собачьем костюме, то и дело щекотал пушистым кончиком своего хвоста нос даме в саронге, чем немало развлекал соседей.

— С вас мы денег не берем, мистер Торранс, — сообщил Ллойд, поставив бокал на двадцатку Джека. — Это распоряжение управляющего. Впрочем, ваши деньги здесь и не годятся.

— Управляющего? — переспросил он. Ему сделалось неуютно, но он все равно поднял бокал и крутанул его, наблюдая за плавным вращением оливки в прохладных глубинах.

— Разумеется, управляющего. — Улыбка Ллойда стала еще шире, хотя его глаза прятались в глубоких тенях, а кожа на лице выглядела ужасающе бледной, как у мертвеца. — Позже ему хотелось бы лично проявить заботу о благополучии вашего сына. Он очень заинтересован в вашем сыне. Дэнни — талантливый мальчик.

Можжевеловые пары джина уже успели приятно ударить в голову — и, похоже, слегка помутили его разум. Дэнни? Зачем нужно приплетать сюда Дэнни? И вообще, что он делает в баре со спиртным в руках?

Он же ДАЛ ЗАРОК. Он навсегда ЗАВЯЗАЛ. Он ПОКЛЯЛСЯ.

Что им нужно от его сына? Чем он так интересен для них? Уэнди и Дэнни были здесь ни при чем. Он попытался заглянуть в глубоко посаженные глаза Ллойда, но в баре было слишком темно, и он словно посмотрел в пустые глазницы черепа.

(*Это ведь меня они должны хотеть... Верно? Их должен интересовать я, а не Дэнни или Уэнди. Потому что только мне здесь нравится. А они хотели сбежать отсюда. Но я позаботился о снегоходе... я изучил старые записи... я сбросил давление в бойлере... лгал... практически продал свою душу... так что им нужно от Дэнни?*)

— А где ваш управляющий? — Он хотел задать этот вопрос небрежно, как бы между прочим, но слова, слетевшие с его неожиданно онемевших от алкоголя губ, казались скорее словами из кошмара, нежели из приятного сновидения.

Ллойд лишь улыбнулся в ответ.

— Зачем вам нужен мой сын? Дэнни здесь ни при чем... ведь правда?

Он услышал в собственном голосе неприкрытую мольбу.

Теперь лицо Ллойда постоянно менялось, стало текучим и окончательно болезненным. Прежде мертвенно-бледная кожа превратилась в золотушно-желтую и местами потрескалась. На ней появились красные язвы, из которых сочился смрадный гной. На лбу вместо пота капельками выступила кровь, а где-то вдалеке раздался серебряный звон часов, отбивших четверть часа.

(*Маски долой! Всем снять маски!*)

— Выпейте еще, мистер Торранс, — тихо сказал Ллойд. — Этот вопрос не должен вас волновать. По крайней мере сейчас.

Джек поднял свой бокал, поднес к губам, но замер в нерешительности. Он услышал ужасный сухой треск сломавшейся руки Дэнни. Увидел, как велосипед врезается в лобовое стекло машины Эла, покрывая его непрозрачной сеткой трещин. Увидел колесо, валяющееся посреди дороги с погнутыми спицами, нацеленными в небо, как струны рояля.

В этот момент он вдруг понял, что разговоры вокруг смолкли.

Он снова оглянулся. Они все смотрели на него молча и выжидающе. Мужчина, сидевший рядом с женщиной в саронге, снял лисью маску, и Джек узнал Хораса Дервента, чьи безжизненно светлые волосы упали ему на лоб. И все, кто сидел за стойкой бара, наблюдали за ним тоже. Расположившаяся

рядом женщина уставилась на него почти в упор, но никак не могла сфокусировать взгляд. Одна из бретелек ее платья сползла с плеча, и Джек мог видеть сморщенный сосок обвисшей груди. Присмотревшись к ее лицу, он подумал, что это вполне могла быть та дама из номера 217, которая пыталась задушить Дэнни. А мужчина в синем костюме неожиданно достал из кармана револьвер 32-го калибра с перламутровой рукоятью и принялся лениво вращать его барабан, словно собирался предложить сыграть в «русскую рулетку».

(*Я бы хотел...*)

Джек осознал, что его онемевшие голосовые связки не издают ни звука, и повторил:

— Я бы хотел встретиться с управляющим. Я... Мне кажется, что он не понимает. Мой сын никаким боком не причастен ко всему этому. Он...

— Мистер Торранс, — перебил его Ллойд, мягкий голос лился из окруженного чумными язвами рта, — вы встретитесь с управляющим, когда настанет срок. Он, между прочим, принял решение сделать вас в этом вопросе своим доверенным лицом. А теперь пейте, пейте.

— Пейте, пейте, — эхом повторили все.

Джек снова поднял бокал дрожащей рукой. Это был чистый джин. Он посмотрел внутрь, и у него возникло ощущение, что он тонет.

Сидевшая рядом с ним женщина вдруг запела монотонным мертвым голосом:

— *Катите же бочку скорей... И станет вмиг веселей...*

Песню подхватил Ллойд, потом мужчина в синем костюме. Человек в наряде собаки стал подвывать, постукивая лапой по столику.

— *Откупорить бочку нам надо...*

В общий хор влился голос Дервента. Из угла его рта залихватски торчал окурок сигареты. Правой рукой он обнимал женщину в саронге за плечи, пальцами рассеянно и небрежно лаская ее грудь. Глядя на человека-собаку с насмешливым презрением, Дервент допел куплет:

— *...в сборе вся наша банда!*

Джек поднес напиток к губам и опорожнил бокал тремя большими глотками. Джин огненным поездом промчался сквозь глотку, взорвался в желудке, и взрыв мгновенно отдался в мозгу, заставив его несколько раз конвульсивно содрогнуться.

Но как только конвульсии прекратились, он почувствовал себя превосходно.

— Повтори, пожалуйста, — сказал он, толкая пустой бокал в сторону Ллойда.

— Разумеется, сэр, — отозвался Ллойд, беря бокал. Он снова выглядел вполне нормально. Сосед Джека слева спрятал револьвер. А женщина справа, как и прежде, не могла оторвать глаз от своего «сингапурского слинга». Одна из ее грудей полностью обнажилась и легла на кожаную окантовку барной стойки. Теперь ее вялый рот исторгал лишь невнятное бормотание. Зато в баре возобновился всеобщий разговор, нити которого сплетались и расплетались в каком-то бесконечном клубке.

Перед Джеком появился полный бокал.

— Muchas gracias*, Ллойд, — сказал он, поднимая его.

— Всегда рад быть полезен вам, мистер Торранс, — улыбнулся в ответ Ллойд.

— Ты самый лучший.

— Спасибо, сэр.

На этот раз он пил медленно, растягивая удовольствие, и проглотил на счастье несколько арахисовых орешков.

Но все равно бокал опустел слишком быстро. Он заказал еще. «Мистер президент, я вступил в контакт с марсианами и счастлив доложить, что они дружески расположены к нам». Пока Ллойд снова наполнял его бокал, он принялся выискивать по карманам четвертаки для музыкального автомата. Еще раз подумал о Дэнни, но теперь лицо сына казалось приятно расплывчатым и неразличимым. Да, однажды он причинил Дэнни боль, однако это было до того, как он научился держать себя в руках. А те дни безвозвратно ушли в прошлое. Он никогда больше не поднимет на Дэнни руку. Ни за что на свете.

---

* Большое спасибо (*исп.*).

Глава 44
СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ

Он танцевал с красивой женщиной.

Он понятия не имел, который час, как долго он просидел в «Колорадо-холле» или сколько уже развлекался в бальном зале. Время утратило для него значение.

У него сохранились смутные воспоминания: он слушал, как мужчина, который когда-то был популярным комиком на радио, а потом звездой эстрады на юном еще в ту пору телевидении, очень долго и смешно рассказывал анекдот о кровосмешении у сиамских близнецов; на его глазах дама в полупрозрачных шароварах и лифе с горным хрусталем исполнила медленный и замысловатый стриптиз под грохот музыкального автомата (впрочем, оказалось, что это мелодия Дэвида Роуза из фильма «Стриптизерша»); вместе с еще двумя мужчинами он пересек вестибюль, причем оба его новых товарища были одеты по моде, предшествовавшей двадцатым годам, но это не помешало всем троим весело распевать о заплатке на трусиках Рози О'Грейди. Кажется, еще он помнил, как выглянул через двустворчатые двери наружу и увидел ряды японских фонариков, развешанных изящной дугой вдоль изгиба подъездной дорожки, — они сияли мягкими пастельными тонами, как неброские драгоценные камни. Лампочка в стеклянной сфере над входом тоже была включена. Вокруг нее порхали десятки ночных насекомых, и какая-то протестующая часть его существа, еще сохранившая, видимо, последние проблески трезвости, пыталась сказать ему, что уже шесть утра и на дворе декабрь. Но нет. Время отменили.

(*Против безумия протесты на дно ложатся / слой за слоем...*)

Чья это строка? Какого-то поэта, которого он читал студентом? Или студента, обещавшего стать большим поэтом, а теперь торгующего стиральными машинами в Восо, штат Висконсин, или работающего страховым агентом в Индианаполисе? А может, это его собственное сочинение? Впрочем, какая теперь разница?

(*Средь звездного неба до Марса с Земли / летит бутерброд и бутылка шабли...*)

Он беспомощно захихикал.

— Что тебя насмешило? Как это мило!

И он снова оказался в бальном зале. Горела люстра, и под звуки послевоенного оркестра кружились в танце пары, некоторые в маскарадных костюмах, другие в обычных вечерних нарядах... Вот только какая кончилась война? Разве теперь разберешь?

Нет, разумеется. Сейчас он был уверен только в одном: он танцевал с красивой женщиной.

Высокая, с каштановыми волосами, в облегающем платье из белого сатина, она нежно прижималась к нему грудью. Ее белая рука переплелась с его рукой. На ней была узкая, покрытая блестками полумаска кошки, а зачесанные набок волосы сверкающим каскадом ниспадали в узкое пространство между их почти соприкасавшимися плечами. Несмотря на пышную юбку, он порой чувствовал прикосновение ее бедра к своей ноге и постепенно пришел к твердому убеждению, что под платьем у нее ничего не было,

(*так я лучше чувствую твое возбуждение, дорогой*)

и у него действительно возникла эрекция. Если это смущало ее, она прекрасно умела скрывать свои чувства. Наоборот, прижималась к нему еще теснее.

— А если ничего не насмешило, разве это уже и не мило? — спросил он и снова захихикал.

— Ты мне нравишься, — прошептала она, а Джек подумал, что от нее неспроста исходит аромат лилий, цветов таинственных, прячущихся в поросших мхом расселинах, где царят тени, а солнце — редкий гость.

— Ты мне тоже нравишься.

— Мы могли бы подняться наверх, если хочешь. Предполагается, что я здесь с Харри, но он даже не заметит. Уж так ему нравится издеваться над беднягой Роджером.

Танец закончился. Раздались негромкие аплодисменты, а оркестр почти без перерыва заиграл «Настроение индиго» Дюка Эллингтона.

Джек посмотрел поверх ее обнаженного плеча и увидел Дервента, стоявшего у столика с охлажденными напитками. Девушка в саронге не отходила от него. Белое поле скатерти покрывали ведерки со льдом и бутылками шампанского, и Дервент как раз держал в руке только что откупоренную пенящуюся бутылку. Перед ним и девушкой в саронге быстро собралась группа смеющейся, развлекающейся публики. Роджер неуклюже полз на четвереньках. Он волочил за собой вялый собачий хвост и лаял.

— Голос, мальчик! Голос! — командовал Дервент.

— Гав! Тяф! — отозвался Роджер. Все захлопали в ладоши. Некоторые мужчины сопроводили его лай одобрительным свистом.

— А теперь служить! Служить, песик!

Роджер принял соответствующую позу, присев на корточки. Маска на его лице скалилась в непрерывном рыке. Под ней можно было видеть глаза Роджера, горевшие каким-то сумасшедшим усталым весельем. Он вытянул руки перед собой, болтая кистями.

— Гав! Тяф!

Дервент перевернул бутылку, и шампанское пенной ниагарой устремилось внутрь подставленной маски. Роджер, захлебываясь, пытался глотать, и все опять принялись аплодировать. Некоторые женщины просто зашлись в истеричном смехе.

— Харри — это нечто, правда? — спросила Джека партнерша, снова прижимаясь к нему. — С этим трудно не согласиться. Он ведь бисексуал. А бедный Роджер — голубой. Однажды он провел с Харри несколько дней на Кубе... с тех пор прошло уже немало месяцев. И теперь таскается за ним повсюду, как этот его собачий хвостик.

Она хихикнула, и тонкий аромат лилий усилился.

— Но Харри никогда не возвращается за добавкой... По крайней мере к мужчинам. Роджер просто *с ума сходит* по нему. Вот Харри и сказал Роджеру, что если тот явится на маскарад в костюме дворняжки, маленькой, невзрачной собачонки, то он, возможно, передумает. И Роджер оказался *настолько глуп*, что...

Оркестр смолк. Раздались аплодисменты. Музыканты стали складывать инструменты, чтобы устроить небольшой перерыв.

— Прости меня, дорогуша, — вдруг сказала она, — но я должна кое-что... Дарла! Дарла, *девочка моя сладкая!* Где же ты была все это время?

И она отошла от него, быстро скрывшись в жующей и пьющей толпе гостей. А он лишь тупо посмотрел ей вслед, гадая, как они вообще сошлись в танце. Момента знакомства он не помнил. События казались разрозненными. Сначала здесь, потом там, затем повсюду. Голова у него шла кругом. Он улавливал запах лилий и можжевельника. У стола с шампанским Дервент держал над головой Роджера маленький треугольный сандвич и, к величайшему удовольствию праздных зрителей, пытался заставить человека-пса совершить обратное сальто. Собачья маска вздернулась вверх. Серебристые бока вздувались и опадали от тяжкого дыхания. Внезапно Роджер все-таки прыгнул, откинув голову и стараясь кувыркнуться в воздухе. Но прыжку не хватило ни высоты, ни энергии; он неловко приземлился на спину, сильно ударившись головой об пол. Из-под маски донесся глухой стон.

Дервент первым захлопал в ладоши.

— Еще попытка, песик! Еще одна попытка!

Толпа зевак подхватила его слова, скандируя:

— Еще раз! Еще раз!

А Джек отошел в сторону, чувствуя легкий приступ дурноты. И почти упал, натолкнувшись на тележку с бутылками спиртного, которую толкал перед собой узколобый мужчина в белом пиджаке обслуживающего персонала. Нога Джека задела нижнюю хромированную полку тележки, заставив бутылки и сифоны наверху мелодично зазвенеть.

— Прошу прощения, — хрипло извинился Джек. У него внезапно возникло чувство, что он заперт в четырех стенах — своего рода клаустрофобия, — и ему захотелось выйти наружу. Он соскучился по прежнему «Оверлуку»... Без всех этих незваных гостей. А ведь они даже не отдали ему должное как человеку, который открыл для них путь; он оставался всего лишь

одним из десятков тысяч статистов, собачкой, исполнявшей трюки по их командам.

— Вам не за что извиняться, — отозвался человек в белом пиджаке. Вежливая, безукоризненная фраза в устах человека с лицом грубого мужлана прозвучала сюрреалистично. — Выпьете что-нибудь?

— Да, мартини.

За спиной раздался новый взрыв смеха. Теперь Роджер пытался провыть мелодию «Дома на ранчо». А кто-то даже уселся за кабинетный рояль «Стейнвей», чтобы подыграть.

— Будьте любезны, сэр, возьмите.

У него в руке оказался холодный бокал. Джек с благодарностью влил в себя его содержимое, чувствуя, как джин глушит робкие ростки трезвости.

— Как вам напиток, сэр?

— Превосходный.

— Благодарю вас, сэр. — И тележка продолжила движение.

Внезапно Джек протянул руку и тронул мужчину за плечо.

— Что вам угодно, сэр?

— Простите за излишнее любопытство, но... Как вас зовут?

Его собеседника вопрос, казалось, ничуть не удивил.

— Грейди, сэр. Меня зовут Делберт Грейди.

— Так, значит... То есть я хотел...

Бармен вежливо смотрел на него и ждал. Джек сделал новую попытку заговорить, хотя язык у него теперь заплетался и от выпитого, и от изумления, а потому каждое слово ворочалось во рту огромным кубиком льда.

— Разве вы не были здесь когда-то зимним смотрителем? Когда вы... Когда вы...

Но он никак не решался довести мысль до конца.

— Нет, сэр, здесь, вероятно, какая-то ошибка.

— Но ваша жена... Ваши дочери...

— Моя жена сейчас помогает на кухне, сэр. А девочки, конечно же, давно спят. Для них время уже слишком позднее.

— Но вы все-таки были здесь смотрителем. И вы... — *Да произнеси же это наконец!* — Вы их убили.

Лицо Грейди оставалось невозмутимо вежливым.

— Не припоминаю столь трагических событий в своей жизни, сэр.

Бокал Джека опустел. Грейди забрал его из безвольной руки и стал смешивать новый коктейль. На тележке стояло маленькое белое пластмассовое ведерко, полное оливок. Сейчас они почему-то напомнили Джеку крошечные отрубленные головы. Грейди ловко подцепил одну зубочисткой, бросил на дно бокала и протянул его Джеку.

— Но ведь...

— Зимний смотритель здесь *вы*, сэр, — сказал ему Грейди мягко. — И *всегда* им были. Мне ли не знать, сэр. Я же здесь испокон веков. А нас с вами нанял один управляющий в одно и то же время. Все в порядке, сэр?

Джек сделал большой глоток. У него кружилась голова.

— Мистер Уллман...

— Мне это имя незнакомо, сэр.

— Но ведь это он...

— Управляющий? — Грейди покачал головой. — Здесь только один управляющий, это *сам отель*, сэр. Никогда не поверю, что вы не догадались, кто на самом деле нанял вас.

— Нет, — ответил он окончательно севшим голосом. — Нет, я представления не имел...

— Я полагаю, вам следует уделить больше внимания своему сыну, мистер Торранс, сэр. Он все понял с самого начала, но не поспешил просветить вас. Довольно-таки дерзкое поведение с его стороны, если позволите, сэр. Более того, он пытался мешать вам буквально на каждом шагу. А ведь ему всего пять лет.

— Да, — ответил Джек, — так и было.

Сзади донесся новый всплеск громкого смеха.

— Это необходимо исправить, если вы простите мне излишнюю смелость. С ним нужно хорошенько потолковать, а возможно, и пойти на более строгие меры. Мои собственные дочки, сэр, поначалу невзлюбили «Оверлук». Одна из них дошла до того, что украла у меня коробок спичек и пыталась поджечь отель. Но я их наказал. Я наставил их на правильный путь самым жестким образом. А когда жена попыталась помешать мне исполнить свой долг, я и ее подверг определенным

методам воздействия. — Он одарил Джека пустой, бессмысленной улыбкой. — Я нахожу этот факт весьма прискорбным, но женщины редко понимают, какова ответственность отцов в отношении своих детей. А ведь мужья и отцы несут на себе определенный груз ответственности, не правда ли, сэр?

— Да, — сказал Джек.

— Они не любили «Оверлук», как любил его я, — продолжал Грейди, начиная смешивать очередной коктейль. Серебристые пузырьки потянулись вверх от горлышка перевернутой бутылки джина. — И точно так же его не любят ваши жена и сын... По крайней мере в данный момент. Но они научатся любить его. Вам необходимо показать им, что они заблуждаются, мистер Торранс. Вы согласны со мной?

— Да, согласен.

Джек действительно все понимал. Он слишком распустил своих домочадцев. Мужья и отцы несут особую ответственность. Отец всегда прав. А они это не признавали. Само по себе это еще не было преступлением, но они не признавали его авторитет *сознательно*. Он никогда не был жестоким. Но он верил в необходимость наказаний. И если его жена и сын намеренно шли против его желаний, *противились тому, что, как он знал, было ради их же блага*, разве не становилось его прямым долгом...

— Больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного ребенка*, — сказал Грейди, подавая ему напиток. — Я уверен, что управляющий сумеет справиться с непослушанием вашего сына. А затем настанет черед и вашей супруги. Вы согласны со мной, сэр?

Внезапно им овладела неуверенность.

— Я... То есть... Они ведь могут просто уехать... Я хочу сказать, что управляющему нужен только я сам, верно? Так и должно быть. Потому что...

Почему? Казалось бы, здесь все было ясно, но внезапно Джек начал путаться. Его несчастный мозг окончательно поплыл.

— Фу, плохая собака! — говорил Дервент в перерывах между громким смехом гостей. — Мерзкая собачонка наделала лужу на ковре!

---

* У. Шекспир. Король Лир. Акт 1, сцена 4. *Пер. Б. Пастернака.*

— Вы наверняка знаете, — сказал Грейди, доверительно склоняясь к Джеку поверх своей тележки, — что ваш сын пытается привлечь сюда постороннюю силу. Ваш сын обладает весьма выдающимися способностями, которые наш управляющий мог бы использовать для дальнейшего усовершенствования «Оверлука», если угодно, для его дальнейшего процветания. Но увы, ваш сын пытается обратить свой незаурядный талант против нас. И делает это умышленно и злонамеренно, мистер Торранс.

— Постороннюю силу? — тупо переспросил Джек.

Грейди кивнул.

— Кого же?

— Одного негра, — ответил Грейди. — Черномазого повара.

— Холлорана?

— Да, сэр, полагаю, что именно так его и зовут.

Позади них за еще одним взрывом смеха послышался жалобный, протестующий голос Роджера.

— Да! Да! Да! — начал скандировать Дервент. Остальные подхватили, но прежде чем Джек смог разобрать, чего они хотели от Роджера на этот раз, снова вступил оркестр, заиграв «Улицы смокингов» — вещь из репертуара Глена Миллера, где много медоточивого саксофона, но маловато души для соула.

(*Соул? Ведь его тогда еще не придумали. Или придумали?*)

(*Негр... черномазый повар.*)

Джек открыл рот, чтобы заговорить, сам не зная, что сейчас скажет. Получилось следующее:

— Я слышал, что вы даже не окончили среднюю школу. Но у вас речь образованного человека.

— Это правда, я распрощался с организованными формами просвещения на достаточно ранней стадии, сэр. Но наш управляющий проявляет к своим подчиненным особое внимание. Он считает, что это приносит отдачу. Ведь в конечном счете образование всегда себя оправдывает, согласны, сэр?

— Согласен, — рассеянно ответил Джек.

— Вот вы, например, проявили незаурядное рвение в изучении истории отеля «Оверлук». Очень мудро с вашей стороны, сэр. Очень благородно. И потому в подвале был оставлен некий альбом, чтобы вы легко смогли его там найти...

— Кто его оставил? — нетерпеливо спросил Джек.

— Управляющий, разумеется. Если вы пожелаете, в ваше распоряжение могут быть предоставлены некоторые другие материалы...

— Да-да! Они мне очень нужны. — Он старался не выдать своего волнения, но нисколько в этом не преуспел.

— Вы — ученый от Бога, — сказал Грейди. — Вам важно изучить вопрос досконально. Докопаться до всех источников информации.

Он склонил узколобую голову, отвернул лацкан своего белого пиджака и пальцами стер невидимое пятнышко.

— Щедрость нашего управляющего поистине не знает пределов, — продолжал Грейди. — Она безгранична. Посмотрите хотя бы на меня — недоучку, который восьми классов не закончил. И подумайте, каких высот в структуре «Оверлука» мог бы достигнуть человек вашего масштаба. Со временем... вероятно... максимальных.

— В самом деле? — прошептал Джек.

— Но это решать вашему сыну, не так ли? — спросил Грейди, чуть заметно вскинув густые, неопрятные брови. Его утонченная мимика тоже странным образом диссонировала с внешностью.

— Дэнни? — Джек хмуро посмотрел на Грейди. — Разумеется, нет. Я не позволю своему сыну влиять на решения, касающиеся моей будущей карьеры. Вот уж вздор! За кого вы меня принимаете?

— За преданного нам человека, — с большой теплотой сказал Грейди. — Вероятно, я не совсем верно выразился, сэр. Правильнее было бы поставить ваше будущее здесь в зависимость от того, насколько решительно вы сумеете справиться с несговорчивостью вашего сына.

— Все свои решения принимаю только я сам, — прошептал Джек.

— Но вам придется разобраться с ним.

— Значит, придется.

— И достаточно жестко.

— Я это сделаю.

— Человек, который не способен держать в узде членов своей семьи, едва ли может представлять интерес для нашего управляющего. Мужчина, который не в состоянии твердой рукой направить в нужное русло жизни своих близких, едва ли сумеет верно ориентировать вектор собственного существования, не говоря уже о том, чтобы занимать руководящие позиции в операции такого масштаба, как управление «Оверлуком». Ему...

— *Я же сказал, что справлюсь с ним!* — заорал вдруг Джек, вскипая от злости.

Оркестр как раз закончил предыдущий номер, но не успел начать новую мелодию. Крик в точности пришелся на эту паузу, и все разговоры за спиной внезапно смолкли. Джеку стало жарко. Возникло неуютное ощущение, что все глаза устремлены на него. Они закончили с Роджером, и теперь наступила его очередь. Прыгай! Служи! Притворись мертвым! Если будешь играть по нашим правилам, мы поможем тебе победить в этой игре. Ответственная должность. Только пожертвуй сыном — какая малость.

(*...Теперь он таскается за ним повсюду, как этот его собачий хвостик...*)

(*Служить. Притворись мертвым. Покарай своего сына.*)

— Советую пройти сюда, сэр, — услышал он голос Грейди. — Здесь вас ждет нечто интересное.

Общий разговор возобновился, делаясь то громче, то тише в соответствии со своим внутренним ритмом и отчасти подчиняясь ритму оркестра, который теперь заиграл свинговую версию «Билета на поезд» Леннона и Маккартни.

(*Я слышал более удачное исполнение в супермаркете.*)

Он глупо хихикнул. Посмотрел на свою левую руку и увидел в ней почти полный бокал, который опорожнил одним глотком.

Он стоял перед каминной полкой, причем в очаге потрескивали дрова, обдавая ноги теплом.

(*камин?.. в августе?.. да... и нет... все времена слились в одно*)

На полке между двумя резными фигурками слонов стояли часы, накрытые стеклянным колпаком. Они показывали без одной минуты двенадцать. Он смотрел на эти часы в полном

недоумении. Быть может, Грейди хотел, чтобы он полюбовался на нечто другое? Джек повернулся, но Грейди уже исчез.

Не закончив «Билет на поезд», оркестр разразился громогласными трубными звуками и дробью ударных.

— Час настал! — провозгласил Хорас Дервент. — Полночь! Время снимать маски! Маски долой!

Джек хотел повернуться, чтобы посмотреть, чьи знаменитые лица прятались под блестками и яркими красками масок, но обнаружил, что не может оторвать взгляд от часов, чьи стрелки слились в одну вертикальную линию.

— *Маски прочь! Маски долой!* — гремели вокруг голоса.

А часы между тем начали чуть слышный перезвон. По стальному рельсу под циферблатом слева и справа выехали две фигурки. Джек завороженно наблюдал за ними, совершенно забыв о том, что сейчас все снимают с себя маски. Часовой механизм застрекотал. Вращались отливающие теплой медью шестерни. Качался взад-вперед маятник.

Одна из фигурок представляла собой мужчину, приподнявшегося на цыпочки и державшего в руках нечто вроде дубинки. Второй фигуркой был маленький мальчик с дурацким колпаком на голове. Обе блестели, выполненные с фантастической точностью. Поперек колпака мальчика шли выгравированные буквы: «ДУРАЧИНА».

Фигурки встали по двум концам стального стержня. Где-то внутри зазвенели пластины, выдавая звуки известного вальса Штрауса. И в голове Джека в такт принялись звучать безумные слова рекламы: *Еда для собак, гав-гав, гав-гав, еда для собак, гав-гав, гав-гав...*

Стальной молоток в руках заводного папаши опустился на голову мальчика. Заводной сыночек упал на колени. Молоток поднимался и опускался, поднимался и опускался. Выставленные мальчиком руки не спасали от ударов. Он сначала упал на четвереньки, а потом и вовсе повалился навзничь. А молоток все вздымался и падал под легкие, тренькающие звуки мелодии Штрауса, и Джеку казалось, что он способен даже различить выражение лица мужчины, его гримасы и злобные ужимки, видеть артикуляцию рта, изрыгающего проклятия в сторону поникшей фигурки сына.

Неожиданно красное пятно расплылось на стеклянном куполе изнутри.

За ним — другое. Еще два растеклись рядом.

А потом красная жидкость полилась на внутреннюю поверхность стекла подобием жуткого кровавого ливня, скрывая все, что там происходило, и в алый цвет стали вкрапливаться крошечные фрагменты, которые могли быть только кусочками человеческой плоти, кости, мозга. Но молоток продолжал подниматься и опускаться, потому что часовой механизм не останавливался — шестеренки, колесики и пружинки этого хитроумного прибора продолжали безотказно работать.

— *Снимайте маски! Снимайте!* — кричал Дервент где-то сзади, а где-то по-человечески тоскливо завыла собака.

(*Но часы не могут кровоточить не могут кровоточить*)

Купол был весь покрыт кровью. Он мог видеть в кровавом месиве клочья волос, но ничего больше, слава Богу, он не мог видеть ничего больше и все равно ожидал, что его сейчас стошнит, потому что удары молотка продолжались, они слышались сквозь стекло, как и мелодия «Голубого Дуная». Однако молоток падал теперь не с игрушечным треском механического орудия, стучавшего по игрушечной механической головке. Это были сочные, мягкие удары настоящего молотка, сминавшего податливую, губчатую плоть. Врезавшегося в останки тела, которое когда-то было...

— *МАСКИ ПРОЧЬ!*

(*...Красная смерть властвовала повсюду!*)

С отчаянным пронзительным воплем он отвернулся от часов, вытянув перед собой руки, заплетаясь в собственных деревянных ногах, умоляя их остановиться, забрать его самого, Дэнни, Уэнди, завладеть всем миром, но только остановиться, оставить ему последнюю каплю разума, последний лучик света...

Бальный зал был абсолютно пуст.

Стулья с паучьими ножками лежали перевернутыми на столах, покрытых защитной полиэтиленовой пленкой. Красный ковер с вкраплениями золотистых нитей снова укрывал танцпол, предохраняя полированную поверхность из дорогих сортов дерева. На эстраде для оркестра не было ничего, кроме разобранной микрофонной стойки и старой пыльной гитары

без струн, небрежно прислоненной к стене. Холодный утренний свет — зимний свет — тускло пробивался через высокие окна.

У него все еще шла кругом голова, он чувствовал себя пьяным, но стоило ему взглянуть на каминную полку, как опьянение улетучилось. Там по-прежнему стояли статуэтки из слоновой кости и... часы. Через холодный полутемный холл он дошаркал до ресторана. Ступней зацепился за ножку стола и растянулся во весь рост, с шумом опрокинув стол набок. При этом больно ударился носом об пол, и началось кровотечение. Он поднялся, хлюпая кровью в носу и пытаясь утереть ее тыльной стороной ладони. Через зал ресторана прошел ко входу в «Колорадо-холл» и с такой силой распахнул дверцы в форме крыльев летучей мыши, что они с треском врезались в стены.

Здесь тоже не было ни души... однако бар полнился бутылками. Все-таки есть Бог на свете! Стекло и серебристые края этикеток мягко отсвечивали в полумраке.

Ему вспомнилось, как однажды (теперь уже очень давно) его рассердило, что за барными полками не было зеркал. А теперь он этому радовался. Была охота смотреть на очередного развязавшего алкаша! Расквашенный нос, выпростанная рубашка, растрепанные волосы, заросшие щетиной щеки.

(*Вот что бывает, когда суешь в осиное гнездо всю руку.*)

Им вдруг овладело чувство безнадежного, отчаянного одиночества. Он вскрикнул от жалости к самому себе, и ему искренне захотелось умереть. Жена и сын сидели наверху, запершись от него на замок. Остальные куда-то подевались. Веселье закончилось.

Он рванулся к барной стойке.

— Ллойд! Где тебя черти носят? — заорал он.

Ответа не последовало. В этой

(*камере*)

тесной комнате не получалось даже эха, чтобы возникла иллюзия другого голоса.

— *Грейди!*

Тишина. Только ряды бутылок по стойке «смирно».

(*Апорт. Притворись мертвым. Голос. Притворись мертвым. Сидеть. Притворись мертвым.*)

— А ну вас к дьяволу! Сам справлюсь.

Почти перебравшись через стойку бара, он потерял равновесие и упал, ударившись головой об пол. С трудом сумел ненадолго встать на четвереньки, повел округлившимися глазами, исторгая изо рта нечто нечленораздельное, а потом повалился навзничь, повернув голову набок, и заснул, дыша хрипло и тяжело.

За стенами отеля ветер стонал еще яростнее, наметая все более и более высокие сугробы. Было 8.30 утра...

Глава 45
АЭРОПОРТ СТЕЙПЛТОН, ДЕНВЕР

В 8.31 по стандартному горному времени женщина на борту рейса номер 196 авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй» ударилась в слезы, громко высказывая вслух мнение, которое, вероятно, разделяли многие пассажиры (а быть может, и члены экипажа), что их самолет непременно разобьется.

Востролицая дама, сидевшая рядом с Холлораном, оторвалась от своей книжки, чтобы дать краткую характеристику:

— Истеричка.

После чего вернулась к чтению. За время полета она выпила две порции «отвертки», но спиртное, казалось, никак на нее не подействовало.

— Мы потерпим крушение! — визгливо вещала истеричная женщина. — О, я знаю, что так и будет!

К ее креслу подбежала стюардесса и присела рядом на корточки. Холлоран же подумал про себя, что только бортпроводницы и очень молодые домохозяйки умели изящно сидеть на корточках — это был редкий и потому вдвойне изумительный талант. Пока он размышлял об этом, стюардесса вовлекла пассажирку в мягкий, успокаивающий разговор, который постепенно отвлек ее от черных мыслей.

Холлоран не мог знать, чувствовали ли то же самое и остальные люди на борту рейса 196, но сам перетрухнул изрядно. За иллюминаторами невозможно было различить ничего, кро-

ме плотной белой пелены. Лайнер постоянно рыскал носом из стороны в сторону под порывами ветра, налетавшими отовсюду. Двигатели то по левому, то по правому борту периодически начинали подвывать, выравнивая самолет, и потому пол под ногами мощно вибрировал. Из экономического класса сзади доносились громкие стоны, и одна из стюардесс поспешила туда с толстой пачкой плотных бумажных пакетов. А мужчину, сидевшего в трех рядах впереди Холлорана, внезапно вырвало прямо в свежий номер газеты «Нэшнл обсервер», и он с виноватой улыбкой смотрел на девушку, пришедшую, чтобы прибрать за ним.

— Ничего страшного, — сказала она ему с ободряющей улыбкой. — Я точно так же реагирую на «Ридерз дайджест».

Холлоран был достаточно опытным авиапассажиром, чтобы в общих чертах представлять себе ситуацию. Большую часть времени их полет проходил против сильных воздушных потоков, а погода в самом Денвере ухудшилась так внезапно, что самолет уже невозможно было увести на посадку в какое-то более спокойное место. Что ж, будем надеяться на удачу. Вывози, кривая!

(*При такой болтанке, брат, одной слепой удачи может и не хватить. Никакая кривая не вывезет.*)

Между тем стюардессе удалось справиться с истеричной женщиной и отчасти привести ее в чувство. Теперь та непрестанно хлюпала носом в кружевной платок, но по крайней мере перестала громогласно делиться своими мрачными предчувствиями по поводу судьбы их рейса с остальными пассажирами. В последний раз погладив ее по плечу, бортпроводница поднялась, и как раз в этот момент «боинг» тряхнуло особенно сильно. Девушку отбросило назад, и она приземлилась на колени к читавшему газету мужчине, продемонстрировав ту часть своих прелестных нейлоновых колготок, которая не предназначалась для всеобщего обозрения. Мужчина сначала испуганно вздрогнул, но потом вполне добродушно потрепал стюардессу по спине. Она в ответ улыбнулась, однако Холлоран видел, до какой степени все напряжены. Людям, как правило, нечасто приходится попадать в столь экстремальные условия во время обычного авиарейса.

С коротким звяканьем снова включилась надпись «НЕ КУРИТЬ».

— Говорит командир воздушного судна, — сообщил бархатистый баритон с едва заметным южным акцентом. — Мы готовы приступить к снижению в международном аэропорту Стейплтон. К сожалению, полет получился не слишком гладким, за что я приношу вам свои извинения. Посадка также может пройти в не совсем благоприятных условиях, хотя особых трудностей возникнуть не должно. Пожалуйста, обратите внимание, что предупреждения «ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ» и «НЕ КУРИТЬ» снова включены. Желаю вам приятно провести время в Денвере и его окрестностях. Надеюсь уже скоро...

Лайнер провалился в очередную воздушную яму, куда падал несколько секунд со скоростью лифта. У Холлорана в желудке творилось нечто неописуемое. Сразу несколько пассажиров — причем не только женщины — завопили от страха.

— ...уже скоро увидеть вас на борту очередного рейса авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй».

— А вот это вряд ли, — произнес кто-то за спиной Холлорана.

— Какая нелепость, — сказала вдруг сидевшая рядом с Холлораном дама, вложила в свою книжку верхнюю часть упаковки спичек вместо закладки и закрыла ее. — Для того, кто, как вы, был свидетелем грязных маленьких войн или, подобно мне, вникал в чудовищную аморальность долларовой дипломатии ЦРУ... жесткая посадка самолета представляется событием, вообще *не заслуживающим внимания*. Я права, мистер Холлоран?

— На все сто, мэм, — выдавил он из себя, глядя на снежные завихрения за иллюминатором.

— Позвольте поинтересоваться, как ваша стальная пластина реагирует на все это?

— О, как раз с головой сейчас все в полном порядке, — ответил Холлоран. — Зато желудок творит чудеса.

— Мне, право, жаль. — И она вернулась к чтению.

Их самолет снижался сквозь непроглядную белоснежную мглу, и Холлорану невольно вспомнилась катастрофа, которая несколькими годами ранее произошла в бостонском аэропор-

ту Логан. Условия были примерно такие же, только в Бостоне причиной нулевой видимости стал не снег, а густой туман. Лайнер задел выпущенными шасси подпорную стену в конце взлетно-посадочной полосы. И от восьмидесяти пяти человек, находившихся на борту, осталось лишь кровавое месиво.

Он бы не так боялся, если бы речь сейчас шла о его индивидуальной судьбе. В этом мире он остался практически один, и на его похороны явится горстка людей, с которыми он вместе работал, да старый плут Мастертон, который по крайней мере выпьет за упокой его души. Но мальчик... От него зависел мальчик. Вероятно, он был единственной помощью, на которую тот мог рассчитывать, и ему очень не понравилось, как резко оборвались слова ребенка в последний раз. Холлоран никак не мог выкинуть из головы тех странных зверей в живой изгороди, которые, казалось, обладали способностью двигаться...

Изящная белая рука легла поверх его собственной.

Узколицая востроглазая женщина сняла очки. Без них ее черты приобрели неожиданную мягкость.

— Все будет хорошо, — сказала она.

Холлоран выдавил из себя улыбку и кивнул.

Как и было обещано, посадка прошла жестко, шасси самолета врезались в полосу с такой силой, что с передней полки по всему салону разметало журналы, а из кухоньки в проход высыпались пластмассовые подносы, подобно гигантской колоде карт. Никто больше не кричал, но Холлоран услышал, как несколько челюстей щелкнули, словно цыганские кастаньеты. Затем взревели включенные на реверс двигатели, и началось торможение. Когда скорость упала, вновь раздался голос южанина-пилота, уверенный, но с нотками заметного облегчения:

— Леди и джентльмены, наш самолет произвел посадку в аэропорту Стейплтон. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки. Благодарю вас.

Соседка Холлорана закрыла книгу и глубоко вздохнула:

— Что ж, судьба дает нам шанс продолжить наши битвы и завтра, мистер Холлоран.

— Лично я пока не уверен, что справлюсь с сегодняшними битвами, мэм.

— Верно. Очень верно подмечено. Не желаете ли тогда чуть позже пропустить со мной по стаканчику в баре аэропорта?

— Я бы с удовольствием, но меня ждут дела.

— Неотложные?

— Абсолютно неотложные, — ответил Холлоран очень серьезно.

— Хочется надеяться, что вам удастся хотя бы немного улучшить общую ситуацию.

— Мне тоже хочется на это надеяться, — сказал Холлоран и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, помолодев при этом лет на десять.

Поскольку у него не было другого багажа, кроме сумки, которую он взял с собой в салон, Холлоран одним из первых успел к стойке проката автомобилей «Херц», расположенной на нижнем уровне терминала. Даже сквозь дымчатые стекла окон было видно, как густо падает снег. Порывистый ветер гонял белые хлопья туда-сюда, заставляя людей, пересекавших стоянку, постоянно бороться с ним. С головы одного мужчины сдуло шляпу, и Холлоран мог только посочувствовать бедняге, чей убор взмыл вверх по красивой широкой дуге. Мужчина рванулся в погоню, а Холлоран подумал:

(*Напрасный труд, приятель. Твоя шляпа теперь приземлится где-нибудь в Аризоне.*)

И сразу же пришла другая мысль:

(*Если все так плохо в Денвере, то каково же к западу от Боулдера?*)

Впрочем, лучше сейчас даже не задумываться об этом.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, сэр? — обратилась к нему девушка в форменной желтой куртке «Херца».

— Можете, но лишь при условии, что у вас есть для меня машина, — ответил он с широкой улыбкой.

И за более солидную плату ему удалось получить более солидный прокатный автомобиль — серебристо-черный «бьюик-электра». Холлорана волновал не столько стильный вид машины, сколько извилистые горные дороги; где-то по пути

все равно придется надеть на колеса цепи. Без них далеко не уедешь.

— Насколько все плохо? — спросил он девушку, когда та протянула ему на подпись документы.

— Говорят, это самый затяжной буран с тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, — бодро сообщила она. — А далеко ли вам ехать, сэр?

— Гораздо дальше, чем хотелось бы.

— Если пожелаете, я могу позвонить на станцию «Тексако» у перекрестка с двести семидесятым шоссе. Они поставят вам цепи.

— Это станет для меня большим подспорьем, милая.

Она сняла трубку телефона и сделала звонок.

— Вас там ждут.

— Спасибо большое.

Покинув стойку «Херца», он заметил свою востроглазую соседку из самолета, которая дожидалась багажа рядом с одной из лент, по-прежнему погруженная в чтение. Проходя мимо, Холлоран подмигнул ей, и она мгновенно вскинула голову, приветственно махнула рукой и улыбнулась.

(*сияет*)

Улыбаясь, он поднял воротник пальто и перебросил дорожную сумку из одной руки в другую. Такая малость, но он все равно почувствовал себя лучше. Зря он наврал ей про пластину в своей башке. Холлоран мысленно пожелал ей удачи, и когда он вышел на улицу, в пляску снега и пронизывающего ветра, ему почудилось, что она послала ему ответ с тем же пожеланием.

Особо больших денег за установку цепей на станции техобслуживания не брали, но Холлорану пришлось тайком сунуть работяге в гараже лишнюю десятку, чтобы тот подвинул его в очереди. И все равно только без четверти десять он наконец тронулся в путь: пощелкивали щетки стеклоочистителей, монотонно звенели цепи на крупных покрышках «бьюика».

На автострадах царил полнейший хаос. Даже с цепями он не мог ехать быстрее тридцати. По обочинам торчали под немыслимыми углами из сугробов съехавшие автомобили. На нескольких подъемах машины просто стояли на месте — их летняя резина беспомощно буксовала, не находя сцепления с покрывавшим дорожное полотно сухим крошевом.

Это был первый по-настоящему зимний снегопад в низине (если можно назвать «низиной» места, расположенные почти в миле над уровнем моря), который по непонятным причинам всегда оборачивался стихийным бедствием. Местные жители почему-то вечно оказывались к нему совершенно не готовы. Холлорану был хорошо знаком этот удивительный феномен, но он все равно не жалел слов, обгоняя их по левому ряду и поглядывая в боковое зеркало, дабы убедиться, что никакой лихач

(*Не мчится сквозь снег...*)

не вылез вслед за ним, чтобы надрать ему задницу.

Но самые крупные неприятности поджидали его у эстакады, выводившей на магистраль 36. А она ему была необходима. Магистраль 36 соединяла Денвер с Боулдером, а также шла на запад до Эстес-Парка, где вливалась в шоссе 7. В свою очередь, эта дорога, также известная как Горное шоссе, проходила через Сайдуайндер, миновала «Оверлук» и по западному склону спускалась в Юту.

Но выезд на магистраль 36 сейчас блокировал опрокинувшийся полуприцеп. Место аварии было обнесено горящими факелами, отчего напоминало утыканный свечами торт, приготовленный на день рождения какого-то кретина.

Холлоран остановился и опустил стекло. Полицейский в шапке-ушанке и перчатках махнул на поток, ползший на север по 25-й магистрали.

— Здесь вам не проехать! — заорал он Холлорану, стараясь перекричать ветер. — Проедете два съезда, выберетесь на девяносто первую и в районе Брумфилда вновь попадете на тридцать шестую.

— Но, как мне кажется, я бы мог аккуратно объехать его слева! — крикнул в ответ Холлоран. — Вы предлагаете мне крюк в двадцать миль, а я очень спешу.

— Только попробуйте! Я вам голову отвинчу, — пригрозил полисмен и решительно закончил разговор. — Здесь проезда нет.

Холлоран сдал назад, дождался момента, чтобы влиться в поток, и продолжил движение по магистрали 25. Указатель информировал его, что до Чейенна в штате Вайоминг осталось всего сто миль. Там он и окажется, если прозевает нужный съезд.

Он разогнался до двадцати пяти миль в час, но быстрее ехать уже не осмеливался. Густой снег и без того почти совсем забил щетки «дворников», а транспортный поток вел себя непредсказуемо. Двадцать миль объезда! Он еще раз выругался, и в нем снова всколыхнулось тревожное ощущение того, как стремительно утекает время, остававшееся в распоряжении мальчика. Одна лишь подобная мысль заставляла его задыхаться. И одновременно в нем росла уверенность, что живым из этой поездки ему уже не вернуться.

Он включил радио, прокрутил рождественскую рекламу и нашел станцию, передававшую прогноз погоды:

— ...достигает уже шести дюймов, хотя общая толщина снежного покрова в районе Денвера к ночи увеличится еще на фут. Местные полицейские власти и полиция штата настоятельно просят вас сегодня не выводить машины из гаражей, если в этом нет чрезвычайной необходимости, и предупреждает, что большинство дорог на горных перевалах уже закрыто. Так что лучше оставайтесь дома, подбирайте правильную мазь для своих лыж и не переключайтесь со своей любимой радиостанции...

— Спасибо за совет, мамочка, — мрачно сказал Холлоран и резким щелчком выключил радио.

Глава 46
УЭНДИ

Около полудня, когда Дэнни отправился в туалет, Уэнди достала из-под подушки завернутый в полотенце нож, переложила его в карман халата и подошла к двери ванной комнаты.

— Дэнни!

— Что?

— Я хочу спуститься вниз и приготовить нам обед. Хорошо?

— Ладно. Ты хочешь, чтобы я тоже спустился?

— Нет. Я все принесу наверх. Как насчет супа и омлета с сыром?

— Годится.

Она в нерешительности постояла еще немного рядом с дверью ванной.

— Дэнни, ты уверен, что все в порядке?

— Да, — ответил он. — Только будь осторожна.

— Где твой отец? Ты знаешь?

Он ответил странным, невыразительным голосом:

— Нет. Но это не страшно.

Она подавила в себе желание продолжить расспросы и выяснения. Угроза существовала, они знали, в чем она заключалась, и терзать Дэнни означало лишь сильнее пугать его... и себя.

Джек лишился рассудка. Сегодня утром, около восьми часов, когда буран начал набирать силу, они с Дэнни сидели на раскладушке и слушали, как Джек с шумом слоняется внизу из комнаты в комнату. Основная часть звуков доносилась, казалось, из бального зала. Джек что-то фальшиво распевал, Джек вел с кем-то односторонний спор, а в какой-то момент разразился пронзительным злобным криком, что заставило их обоих переглянуться, похолодев от страха. Под конец он прошаркал через вестибюль, раздался громкий грохот, и Уэнди подумала, что он либо упал, либо яростно хлопнул дверью. А с половины девятого — то есть уже примерно три с половиной часа — не было слышно вообще ничего.

Она быстро миновала короткий проход, свернула в главный коридор и направилась к лестнице. Встала на площадке второго этажа, оглядывая вестибюль внизу. Казалось, что там никого нет, но хмурый буранный день погрузил почти все огромное помещение в полумрак, наполненный тенями. Дэнни иногда ошибался. А потому Джек мог притаиться за любым креслом, за любым диваном... Может быть, даже за стойкой регистрации... Поджидая, чтобы она вышла...

Она облизнула губы.

— Джек!

Ей никто не ответил.

Нащупав рукоятку ножа, Уэнди начала спускаться. В прошлом она много раз представляла себе, как ее замужество заканчивается разводом, гибелью Джека в пьяной автокатастрофе (такое видение особенно часто посещало ее во время предрассветных бдений в Стовингтоне), а иной раз в грезах наяву ее жизнь менялась с появлением другого мужчины — принца на белом коне, каких показывают в «мыльных операх», который подхватит их с Дэнни в седло и умчит на своем волшебном скакуне в таинственную даль. Но никогда прежде она ни на секунду не смогла бы вообразить, что будет однажды красться по коридорам и лестницам, как нервная уголовница, держа в руке нож, готовая убить Джека.

От этой мысли на нее накатила волна безмерного отчаяния. Ей пришлось остановиться посреди лестницы и крепче вцепиться в перила.

(*Признай же! Признай, что дело не только в Джеке. Он попросту оказался единственным реальным персонажем, на которого ты можешь повесить ответственность за все остальные вещи — вещи совершенно неправдоподобные, но происходившие у тебя на глазах: эту живую изгородь, эти следы вечеринки в лифте, эту маску*)

Она пыталась остановить мысль, но было уже поздно.

(*и эти голоса.*)

Потому что время от времени той ночью ей вовсе не казалось, что внизу бродит в одиночестве умалишенный, который поет, кричит и ведет разговоры с фантомами, существующими лишь в его собственном воспаленном мозгу. Иногда, то появляясь, то исчезая, словно радиосигнал, до нее доносились (или она только думала, что доносились) другие голоса, музыка и смех. В какой-то момент она слышала, как Джек вел беседу с каким-то Грейди (фамилия казалась знакомой, но ей не удалось сразу вспомнить, кто это), причем он вроде бы говорил в пустоту, однако на повышенных тонах, словно перекрывая шум. А затем странным образом возникали те, другие звуки — мелодии танцевального оркестра, аплодисменты публики, крики

мужчины, который то ли шутя, то ли всерьез требовал от кого-то, чтобы тот подал голос. Все это она слышала не более минуты, но едва не лишалась чувств от ужаса, а потом воцарялась тишина, в которой звучал лишь одинокий голос Джека — очень уверенный в себе, однако слегка невнятный. Так он обычно говорил, когда был сильно пьян. Да, но во всем отеле нет ни капли спиртного, кроме ее кулинарного хереса. Впрочем, так ли это? Если ей мерещилось, что отель полнился голосами и музыкой, разве не мог Джек вообразить себя пьяным?

Эта мысль ей не понравилась. Очень не понравилась.

Уэнди спустилась в вестибюль и огляделась по сторонам. Бархатная лента, перегораживавшая проход в бальный зал, была снята, одна из стальных стоек, к которым она крепилась, валялась на полу, словно кто-то по пути задел ее и даже не заметил этого. Через открытую дверь на ковер вестибюля падал проникавший сквозь высокие узкие окна бального зала приглушенный белый свет. С колотящимся сердцем она подошла к двери и заглянула внутрь. Там было пусто и тихо, только гуляло странное внутреннее эхо, свойственное любым просторным помещениям, от огромных кафедральных соборов до бинго-холлов в маленьких городках.

Уэнди вернулась к стойке регистрации и задержалась в нерешительности, вслушиваясь в завывания ветра снаружи. Несомненно, это была самая сильная буря из всех пережитых ими здесь, и, казалось, она еще только набирала мощь. Где-то на западной стороне сломался запор ставен, и их створки бились друг о друга, время от времени громко хлопая, словно там располагался тир, где упражнялся сейчас всего один стрелок.

(*Тебе лучше починить замок как можно скорее, Джек. Пока ветер не наделал бед.*)

«Что делать, если он нападет прямо сейчас?» — подумала Уэнди. Если поднимется из-за темной полированной поверхности стойки с ее серебристым звоночком и кипой бланков? Если выскочит как чертик из табакерки, как этакий «Джек из коробочки»? Да, вот именно, как Джек из коробочки с топором в руке и окончательно утратившими все признаки разума глазами? Останется ли она стоять как парализованная, или ее первобытного материнского инстинкта хватит, чтобы вступить

с ним в борьбу за себя и за сына, не на жизнь, а на смерть? При одной этой мысли ей стало дурно — появилось ощущение, что до этого момента она спала и видела долгий беззаботный сон, но теперь очнулась посреди кошмара. Она всегда была мягкотелой. Когда наступали трудные времена, она, как правило, спешила закрыть на проблемы глаза. В прошлом за ней не числилось ни одного истинно храброго поступка. Ей не пришлось проходить испытания огнем. И вот теперь испытание ожидало ее. Не огнем, а леденящим душу холодом. На этот раз она уже никак не могла просто закрыть на все глаза. Наверху ждал сын.

Крепче вцепившись в рукоятку разделочного ножа, она перегнулась через стойку.

Там никого не было.

Испытав неимоверное облегчение, Уэнди прерывисто вздохнула.

Подняв крышку стойки, она прошла за нее. Осторожно заглянула в главный кабинет, прежде чем войти самой. Потом открыла следующую дверь и просунула руку, чтобы нашарить кухонные выключатели, уже вполне готовая к тому, что в любой момент поверх ее пальцев могут лечь чужие. Затем включился флюоресцентный свет, чуть загудели лампы, и она увидела перед собой кухню мистера Холлорана — сейчас ее собственную кухню, хотела она того или нет, — с зеленым кафелем, пластиковой отделкой, фарфором без единого пятнышка, блестящим хромированным металлом. Она обещала поддерживать здесь идеальный порядок и справлялась с этим. В кухне она чувствовала себя в безопасности. Здесь словно незримо витал дух Холлорана, который согревал и успокаивал. Дэнни вызвал мистера Холлорана, но, сидя наверху и вслушиваясь в безумства, которые творил этажом ниже ее муж, она восприняла это как заведомо обреченную на неудачу затею. Однако сейчас, в мире, где правил Холлоран, это вовсе не казалось столь глупым. Возможно, он уже был в пути, несмотря на непогоду. Возможно, это действительно было так.

Она подошла к кладовке и отодвинула засов. Взяла с полки банку томатного супа, вышла и снова закрыла задвижку. Дверь плотно прилегала к полу, и если держать ее закрытой, можно

было не опасаться, что найдешь в рисе, сахаре или муке помет грызунов.

Она открыла консервную банку и вывалила ее густое содержимое в кастрюльку: *плюх*! Достала из холодильника молоко и яйца для омлета. Потом ей потребовалось заглянуть в гигантскую морозилку за сыром. Все эти привычные манипуляции, которые были частью ее повседневной жизни задолго до того, как в нее вошел «Оверлук», помогли Уэнди почти полностью успокоиться.

Она растопила на сковородке масло, разбавила суп небольшим количеством молока, а потом разбила яйца, смешала белки с желтками и вылила смесь в сковороду.

И внезапно с ужасом ощутила, что кто-то стоит у нее за спиной и тянется руками к шее.

Резко развернулась, сжимая рукоятку ножа.

Никого.

(*Учись держать себя в руках, девочка!*)

Она натерла горку сыра, высыпала в омлет и перевернула его, а потом убавила огонь под сковородкой до чуть заметного голубого кольца. Суп уже разогрелся. Она поставила кастрюльку на большой поднос вместе с двумя мисками, двумя тарелками, столовыми приборами, солонкой, перечницей и салфетками. Когда омлет немного поднялся, она переложила его на одну из тарелок и накрыла.

(*А теперь возвращайся тем же путем. Выключи свет в кухне. Пройди через кабинет, потом через стойку регистрации. И получишь большую вкусную конфету в подарок.*)

Однако, уже оказавшись по другую сторону стойки, Уэнди остановилась и опустила поднос рядом с серебристым звонком. Где-то здесь заканчивалась обычная реальность и начиналась сюрреалистическая игра в прятки.

Она стояла в полутемном холле, хмурилась и размышляла.

(*В этот раз тебе никуда не деться от фактов, девочка! Ты встала перед лицом некой житейской ситуации, причем именно житейской, хотя со стороны она может показаться совершенно абсурдной. Первый из фактов состоит в том, что ты, по всей вероятности, являешься здесь единственным здравомыслящим человеком. Ты отвечаешь за сына, которому нет еще шести.*

И есть твой муж... В каком бы состоянии он ни находился и как бы опасен ни был... За него ты, вероятно, тоже в ответе. Но даже если это не так, давай рассмотрим положение с другой точки зрения: сегодня у нас только 2 декабря. Тебе, по всей видимости, торчать здесь еще четыре месяца, если только сюда случайно не решит наведаться какой-нибудь рейнджер. Даже если они там уже обнаружили, что вы не откликаетесь на вызовы по рации, никто не явится сюда сегодня или даже завтра... или хотя бы через несколько недель. Ты что же, так и собираешься месяцами тайком пробираться в кухню за едой, пряча в кармане нож и пугаясь собственной тени? Ты действительно думаешь, что тебе хотя бы месяц удастся избегать встречи с Джеком? Или ты полагаешь, что он не сумеет проникнуть в квартиру, если очень захочет? У него есть универсальный ключ, а хлипкую задвижку можно вышибить одним ударом ноги.)

Оставив поднос на стойке, она медленно подошла к дверям ресторана и заглянула внутрь. Там не было ни души. Только вокруг одного из столов были расставлены стулья — вокруг того самого, за которым какое-то время ели они, пока пустота огромного зала не начала действовать им на нервы.

— Джек? — нерешительно позвала она.

Именно в этот момент в ставни ударил порыв ветра, швырнув в них щедрую порцию свежих снежинок, но ей показалось, будто она услышала кое-что еще. Сдавленный стон.

— *Джек!*

На этот раз ответа не последовало, но ей в глаза бросился какой-то предмет, лежавший под створками дверей «Колорадо-холла». Нечто смутно отражавшее сумрачный свет. Зажигалка Джека.

Набравшись смелости, Уэнди подошла к барным дверцам и распахнула их. Запах джина ударил ей в нос с такой силой, что она задохнулась. Это даже нельзя было назвать запахом. Зловоние — вот более точное слово. Но полки были пусты. Где же, во имя всего святого, он нашел его? В бутылке, спрятанной в одном из буфетов? *Где?*

Раздался еще один стон — низкий и тихий, но на этот раз вполне различимый. Уэнди медленно приблизилась к барной стойке.

— Джек!

Нет ответа.

Она перегнулась через стойку и только тогда увидела его, распростертого на полу. Судя по запаху, он был мертвецки пьян. По всей видимости, он зачем-то полез за стойку, но потерял равновесие. Лишь каким-то чудом не сломал себе шею. Не зря говорят, что Бог любит детей и пьяниц. Аминь.

Странно, но она не могла даже разозлиться на него. Он напоминал смертельно уставшего мальчишку, который взвалил на себя непосильную работу и уснул прямо на полу в гостиной. Он бросил пить — и решение развязать принял точно не сам Джек; в отеле не было спиртного, чтобы он мог взяться за старое... Так откуда же оно вдруг появилось?

Вдоль барной стойки, имевшей форму подковы, на расстоянии пяти-шести футов друг от друга стояли оплетенные соломой винные бутылки, в горлышке каждой торчала свечка. Видимо, кому-то это показалось очень оригинальным. Уэнди взяла одну из бутылок и встряхнула ее, готовая услышать, как на дне плещется джин,

(*вино молодое в мехи ветхие**)

но там ничего не было. Она поставила бутылку на место.

Джек зашевелился. Уэнди обогнула стойку, нашла вход и приблизилась к мужу, задержавшись только для того, чтобы осмотреть хромированные пивные краны. С виду они были совершенно сухими, но стоило ей подойти, как она почувствовала запах пива, причем свежий и сильный.

Когда она оказалась рядом с Джеком, он повернулся на бок, открыл глаза и посмотрел на нее. В первое мгновение взгляд его не выражал абсолютно ничего, но потом заметно прояснился.

— Уэнди? — спросил он. — Это ты?

— Да, — ответила она. — Как думаешь, сумеешь сам добраться до второго этажа? Если обхватишь меня рукой за шею? Джек, где ты...

Его пальцы вцепились ей в щиколотку.

— Джек! Что ты де...

---

* Мф. 9:17.

— Попалась! — воскликнул он и начал расплываться в улыбке. От него разило застоявшейся смесью джина и оливок, и в Уэнди ожил старый страх, намного более ужасный, чем все страхи этого отеля. Все опять свелось к знакомой сцене: она и ее пьяный муж.

— Джек, я только хочу тебе помочь.

— О, разумеется! Вы с Дэнни всегда *только хотите мне помочь*.

Пальцы впивались в лодыжку все сильнее. Ни на секунду не отпуская ее, Джек начал неуклюже подниматься на колени.

— Ты так хотела помочь нам, что чуть не увезла отсюда. Но теперь... Ты сама... *Попалась!*

— Джек, ты делаешь больно моей ноге...

— Я сделаю больно не только твоей ноге, мерзкая *сучка*!

Его слова настолько поразили ее, что она не попыталась сдвинуться с места, даже когда он отпустил ее лодыжку, чтобы, пошатываясь, встать на ноги.

— Ты никогда меня не любила, — сказал он. — Ты хотела уехать отсюда, потому что знала: это окончательно добьет меня. Тебя когда-нибудь волновали мои прес... переспек... перспективы в жизни? Нет, ни хера они тебя не волновали! Ты только и думала, как бы утащить меня поглубже на дно. Ты — в точности твоя мамаша. Такая же *сучка* и размазня!

— Прекрати! — воскликнула она, расплакавшись. — Ты сам сейчас не знаешь, что говоришь. Ты пьян. Не пойму, как тебе удалось напиться, но ты совершенно пьян!

— О, я знаю. Я все теперь знаю про вас двоих. Про тебя и того паршивого щенка наверху. Вы все спланировали вместе. Скажешь, нет?

— Нет, нет! Мы никогда ничего не планировали. Чем ты забил себе голо...

— *Ты лжешь*! — пронзительно закричал он. — Мне прекрасно известно, как вы это делаете! Я обо всем догадался! Когда я говорю: «Мы останемся здесь, и я буду выполнять свою работу», — ты отвечаешь: «Да, дорогой», — а он тебе вторит: «Да, папочка», — а потом вы начинаете строить планы. Вы хотели воспользоваться снегоходом. Заранее все спланировали. Но я

обо всем знал. Я сообразил, что к чему. *Неужели ты думала, что я не догадаюсь? За дурака меня держишь?*

Она лишь молча смотрела на него во все глаза. Он собирался убить ее, а потом и Дэнни. Тогда, быть может, отель будет полностью удовлетворен и позволит ему покончить с собой. В точности как тому прежнему смотрителю. В точности как (*Грейди.*)

В полуобмороке от ужаса она поняла теперь, с кем так оживленно беседовал Джек в бальном зале.

— Ты настроила против меня собственного сына. И это хуже всего. — Его лицо скривилось от жалости к себе. — Моего маленького мальчика. Теперь он тоже меня ненавидит. Уж ты об этом позаботилась! В этом заключался твой план с самого начала. Ты похожа на свою мать. Ты не успокоишься, пока не отхватишь самый большой кусок пирога, верно? *Ведь верно?*

Она все еще не могла обрести дар речи.

— Ну, так я с тобой разберусь, — прошипел он и попытался схватить ее за горло.

Уэнди сделала шаг назад, потом другой, и он споткнулся об нее. Она вспомнила о ноже в кармане халата и попыталась достать его, но он обхватил ее левой рукой, прижав правую к телу. Она чувствовала острый запах джина и кислую вонь его пота.

— Придется тебя наказать, — сказал он с кривой усмешкой. — И наказать... сурово.

Правой рукой он добрался до ее горла. У нее перехватило дыхание, и Уэнди овладела безумная паника. Пальцы его левой руки тоже легли ей на горло, и она вполне могла воспользоваться ножом, но начисто забыла о нем. Вместо этого она вскинула обе руки в безуспешных попытках сбросить с себя гораздо более крупные и сильные руки Джека.

— *Мамочка!* — донесся откуда-то голос Дэнни. — *Папа, остановись! Ты делаешь маме больно!*

Он кричал тонко и пронзительно. Высокий, звонкий крик донесся до Уэнди словно издалека.

Красные вспышки света балеринами заплясали у нее перед глазами. В комнате потемнело. Она видела, как ее сын взобрался на стойку бара и кинулся сзади на плечи Джека. И тому

пришлось убрать одну из рук, сдавливавших ей горло, чтобы сбросить с себя Дэнни. Мальчик ударился спиной о пустые полки и сполз на пол, оглушенный. Джек снова принялся душить ее двумя руками. Красные вспышки начали чернеть.

Дэнни негромко плакал. В груди у нее горело, а Джек выкрикивал ей прямо в лицо:

— Я с тобой разберусь! Будь я проклят, если не покажу, кто здесь хозяин! Я научу тебя...

Но все звуки таяли где-то в конце длинного темного тунеля. Она слабела. Одна из ее рук начала медленно опускаться, кисть обвисла, словно у утопленницы.

И в этот момент она нащупала бутылку — одну из тех винных бутылок, что служили здесь декоративными подсвечниками.

Ничего не видя, собрав последние силы, она нашла горлышко бутылки, ощутив пальцами мягкую сальную поверхность растекшегося по стеклу воска.

(*Боже не дай руке соскользнуть*)

Уэнди подняла бутылку и обрушила вниз, молясь, чтобы удар пришелся в нужное место, зная, что если попадет ему по плечу или руке, то ей не жить.

Она сумела нанести Джеку Торрансу точный удар по голове. Хрустнуло хрупкое стекло под соломенным плетением. Толстое тяжелое горлышко врезалось в череп с таким звуком, какой издает медицинский мяч, упав на деревянный пол. Джек пошатнулся, его глаза закатились. Давление на горло Уэнди сначала заметно ослабло, а потом исчезло. Джек вытянул руки в стороны, словно пытаясь сохранить равновесие, но тут же повалился на спину.

Уэнди с громким стоном глубоко вдохнула. Чуть не упала сама, но вцепилась в край барной стойки и удержалась на ногах. Сознание то покидало ее, то возвращалось. Она слышала, как плакал Дэнни, но никак не могла сообразить, где он. Плач эхом доносился из нескольких мест сразу. Уэнди смутно видела, как капли величиной с монету падают на темную поверхность стойки — кровь из ее носа, поняла она. Прочистила горло и сплюнула на пол. При этом гортань пронизала острая боль, которая, впрочем, вскоре утихла и стала переносимой.

Постепенно ей удалось полностью овладеть собой.

Она отпустила стойку, повернулась и увидела Джека, растянувшегося ничком на полу, усыпанном бутылочными осколками. Он выглядел поверженным гигантом. Дэнни скрючился под кассовым аппаратом и, засунув в рот пальцы обеих рук, смотрел на бесчувственного отца.

Уэнди нетвердой походкой подошла к нему и тронула за плечо. Дэнни испуганно отпрянул.

— Дэнни, послушай меня...

— Нет, нет, — пробормотал он хриплым старческим голосом. — Папа сделал больно тебе... Ты сделала больно папе... Папа сделал больно тебе... Я хочу спать. Дэнни хочет пойти спать.

— Дэнни...

— Спать-спать. Баю-бай.

— *Нет!*

Боль снова резанула ей горло. Она поморщилась. Но ее крик заставил сына поднять опустившиеся уже веки. Его глаза смотрели на нее из окруженных глубокими тенями глазниц.

Она заставила себя говорить спокойно, не давая ему отвести взгляд в сторону. Говорила тихо и сипло, почти шепотом. Каждое слово отзывалось болью.

— Послушай меня, Дэнни. Это не твой папа пытался причинить мне боль. И я вовсе не хотела сделать плохо ему. Но им завладел отель, Дэнни, он захватил его. *«Оверлук» подчинил себе твоего папу.* Ты меня понимаешь?

Глаза Дэнни медленно наполнились пониманием.

— Скверная Жидкость, — прошептал он. — Ее ведь раньше здесь не было.

— Нет. Но отель сделал так, чтобы она появилась. Отель... — Уэнди закашлялась и снова сплюнула кровью. Горло казалось распухшим и вдвое толще обычного. — Отель заставил его пить. Ты слышал голоса тех людей, с которыми он разговаривал этим утром?

— Да... это люди из отеля...

— Так вот, я тоже могла их слышать. А это значит, что отель становится сильнее. Он хочет причинить вред всем нам. Но я думаю... То есть я надеюсь, что он способен сделать это только

руками твоего папы. Он единственный, кто угодил в ловушку. Ты меня понимаешь, Дэнни? Очень важно, чтобы ты все понял правильно.

— Отель поймал папу. — Он посмотрел на Джека и бессильно застонал.

— Я знаю, что ты любишь папу. Я тоже. И мы должны помнить, что отель старается причинить вред не только нам, но и ему.

В это она действительно верила. Более того, считала, что именно Дэнни был главной целью отеля, что ради Дэнни «Оверлук» зашел так далеко... не исключено, что сам Дэнни и *дал* ему такую возможность. Она даже не исключала вероятности, что каким-то непостижимым образом сияние Дэнни подпитывало отель энергией, как аккумулятор питает электричеством различные части автомобиля... Как заводит его. Если бы им удалось выбраться отсюда, «Оверлук» скорее всего вернулся бы в свое прежнее полусонное состояние, способный лишь иной раз напугать некоторых чересчур впечатлительных постояльцев мелкими страшилками. Без Дэнни это был всего лишь своего рода аттракцион с привидениями, где гостям порой слышались потусторонние голоса, фантомные отзвуки былых маскарадов и мерещились другие странные, но вполне безвредные вещи. Но если отелю удастся вобрать в себя Дэнни... Дэнни с его сиянием, жизненной силой или духом — называй как угодно, — что произойдет тогда?

От этой мысли она похолодела.

— Я хочу, чтобы папа поправился и снова стал прежним, — сказал Дэнни, и слезы хлынули из его глаз.

— Я тоже, — отозвалась Уэнди и крепко обняла сына. — Вот почему, милый, ты должен помочь мне спрятать папу. В такое место, где отель не сможет заставить его причинить вред нам с тобой или самому себе. А потом... если приедет твой друг Дик или нас навестит рейнджер из заповедника, мы сможем выпустить его. И тогда, думаю, с ним ничего плохого не случится. Мы все будем в полном порядке. Мне кажется, у нас все получится, но нам понадобятся сила и храбрость. Надо быть такими же смелыми, как ты, когда бросился ему на спину. Ты согласен со мной?

Она умоляюще посмотрела на него и поразилась увиденному: никогда прежде ее сын не выглядел столь похожим на Джека.

— Да, — кивнул он. — Я тоже думаю, что если мы сумеем выбраться отсюда, то все станет как прежде. Но куда нам спрятать папу?

— В кладовку. Там есть еда, а снаружи она запирается на прочный металлический засов. Внутри тепло. А мы с тобой будем брать пищу из холодильника и морозильника. Продуктов хватит до прибытия помощи.

— Нам надо сделать это сейчас?

— Да, причем немедленно. До того как он придет в себя.

Дэнни открыл проход из-за барной стойки, а она сложила руки Джека на груди, прислушиваясь к его дыханию. Оно было медленным, но регулярным. Если судить по запаху, он выпил очень много... а ведь Джек отвык от больших доз. Поэтому она рассудила, что он так легко отключился не столько из-за ее удара, сколько из-за огромного количества еще бродившего в нем спиртного.

Ухватив мужа за ноги, Уэнди поволокла его по полу. Она была его женой почти семь лет, и он лежал на ней бесчисленное число раз — наверное, несколько тысяч, — но до сих пор она не подозревала, какой он на самом деле тяжелый. Напряженное дыхание со свистом вырывалось сквозь ее поврежденное горло. И тем не менее она уже много дней не чувствовала себя так хорошо. Она была жива. А для того, кто побывал на волосок от смерти, это ощущение не сравнимо ни с чем. И Джек тоже был жив. Кажется, благодаря слепому случаю они нашли единственный способ, при котором все могло закончиться благополучно для них троих.

Окончательно запыхавшись, она остановилась, держа ступни Джека на уровне своих бедер. Окружавшая обстановка заставила ее вспомнить «Остров сокровищ» и слова старого капитана после того, как слепой Пью вручил ему черную метку: «Мы им еще покажем!»

Но потом она вспомнила, что уже очень скоро отважный морской волк скончался.

— Как ты, мамочка? Он... Он очень тяжелый?

— Ничего, я справлюсь. — И она поволокла Джека дальше. Дэнни шел рядом с отцом. Когда одна из рук свалилась с груди Джека, он бережно, с любовью водрузил ее на место.

— Ты уверена, что мы поступаем верно, мама?

— Да, это лучшее, что мы можем сделать, Дэнни.

— Но мы словно сажаем его в тюрьму.

— Лишь очень ненадолго.

— Что ж, ладно. Ты действительно с ним управишься?

— Да.

Но дело чуть не закончилось полным провалом. Дэнни приподнимал Джеку голову всякий раз, когда Уэнди перетаскивала его через очередной порог, но в дверях кухни руки Дэнни соскользнули с сальных волос отца. Тот сильно ударился затылком о кафельный пол, застонал и начал подавать признаки жизни.

— Нужен дым, — вдруг отчетливо произнес он. — Беги и принеси канистру с бензином.

Дэнни и Уэнди обменялись быстрыми испуганными взглядами.

— Помоги мне, — тихо попросила она сына.

Несколько секунд Дэнни стоял, словно загипнотизированный лицом своего отца, потом бросился к ней и стал помогать держать левую ногу. Будто в замедленном кошмарном сне, они протащили его через всю кухню, под комариное жужжание флюоресцентных ламп и собственное тяжелое дыхание.

Когда они добрались до кладовки, Уэнди опустила ноги Джека на пол и стала возиться с засовом. Дэнни сверху вниз смотрел на отца, который опять лежал совершенно неподвижно и расслабленно. Пока они его волокли, рубашка Джека вылезла из брюк, и Дэнни подумал, достаточно ли папа пьян, чтобы не ощущать холод. Казалось неправильным запирать его в кладовой, как дикое животное в клетке, но ведь Дэнни видел, что он пытался сделать с мамой. Еще находясь наверху, он знал, что произойдет. Мысленно он мог слышать их ссору.

(*Если бы только нам удалось выбраться отсюда. Жаль, что это не сон, который приснился мне в Стовингтоне. Как жаль.*)

Засов заело.

Уэнди тянула его изо всех сил, но он не двигался с места. Она не могла справиться с простецкой задвижкой! Это было вдвойне странно и несправедливо, потому что железяка открылась без малейшего сопротивления совсем недавно, когда она приходила сюда за томатным супом. А теперь засов не хотел поддаваться ни на дюйм. И что прикажете делать? Не могла же она запереть Джека в морозильнике, где он умер бы от переохлаждения, а потом превратился в глыбу льда? Но и оставлять его на свободе тоже не выход, потому что как только он очухается...

Джек снова зашевелился.

— Я обо всем позабочусь, — пробормотал он. — Я знаю, что делать.

— Он просыпается, мама, — предупредил Дэнни.

Чуть не плача, она снова вцепилась в задвижку обеими руками.

— Дэнни! — В голосе Джека, язык которого все еще немного заплетался, прозвучала едва заметная угроза.

— Засыпай, папочка, — нервно сказал Дэнни. — Всем сейчас надо спать.

Потом он посмотрел на маму, все еще безуспешно сражавшуюся с задвижкой, и сразу же понял, в чем было дело. Она забыла повернуть конец стержня, и небольшой загиб на конце не давал металлическому цилиндру свободно двигаться в петлях.

— Не так. — Он отвел ее дрожащие руки своими, которые тоже тряслись. Потом ударил ладонью по концу задвижки, она провернулась, и запор легко открылся.

— Скорее, — сказал он и посмотрел вниз. Глаза Джека распахнулись, и отец уставился на сына бездумным подозрительным взглядом.

— Ты списал, — сказал ему отец. — Я знаю, что списал. Но оно где-то здесь. И я его найду. Можешь не сомневаться, найду. Найду обяза...

И его речь снова стала бессвязной.

Уэнди коленом распахнула дверь кладовой, не обратив внимания на вырвавшийся из-за нее острый запах сухофруктов. Снова ухватила Джека за ноги и втащила внутрь. Она едва ды-

шала, а ее силы были на пределе. Когда она дернула за цепочку, включавшую свет, глаза Джека снова открылись.

— Что ты делаешь, Уэнди? Что ты такое творишь?

Она переступила через него.

Но он оказался проворен и удивительно ловок. Его рука мгновенно протянулась в ее сторону, и ей пришлось уклониться, чуть не выпав из двери. Он все же ухватил край ее халата, раздался звук рвущейся ткани. Теперь Джек стоял на четвереньках, и упавшие на глаза волосы придавали ему сходство с каким-то крупным зверем. Большой собакой... или даже львом.

— Будьте вы оба прокляты. Я знаю, что у вас на уме. Но ничего не выйдет. Этот отель... он мой. Им нужен я. Я! Я!

— Дверь, Дэнни! — крикнула она. — *Захлопни дверь!*

Он с грохотом захлопнул тяжелую деревянную дверь как раз в тот момент, когда отец прыгнул. Сработала защелка, и Джек всем телом врезался в дверь.

Маленькие пальчики Дэнни лежали на засове. Уэнди уже не успевала ему помочь; сейчас решится, будет ли Джек заперт внутри или окажется на свободе. Рука Дэнни чуть не соскользнула с задвижки, но он сумел взяться за нее как следует и полностью закрыть как раз в тот момент, когда располагавшаяся ниже ручка начала в бешеном ритме дергаться. Потом ручку оставили в покое, а Джек попытался выломать дверь плечом. Но засов — стальной стержень диаметром в четверть дюйма — не поддавался. Уэнди издала шумный вздох облегчения.

— Выпустите меня отсюда! — в ярости орал Джек. — Дайте мне выйти! Дэнни, черт тебя побери! Я твой отец и требую, чтобы меня выпустили. *Делай, что сказано, и немедленно!*

Рука Дэнни дернулась к засову. Уэнди перехватила ее и прижала к груди.

— Слушайся папу, Дэнни! Делай, что он велит! Подчинись, или я задам тебе трепку, какой ты никогда не забудешь. *Открой дверь, или я размажу по стене твои щенячьи мозги!*

Дэнни смотрел на Уэнди, белый как простыня.

Даже сквозь дубовые доски толщиной полдюйма они слышали его тяжелое дыхание.

— Уэнди, выпусти меня! Выпусти сейчас же! Сучка поганая, девка подзаборная! Выпусти меня! Предлагаю договориться в

последний раз. Выпусти, и я обо всем забуду. Не выпустишь — пеняй на себя. Я тебя измочалю до полусмерти! Серьезно! Я тебя так отделаю, что мама родная не узнает! *А теперь отопри дверь!*

Дэнни застонал. Уэнди посмотрела на него и поняла, что мальчик вот-вот лишится чувств.

— Пойдем отсюда, док, — сказала она, сама удивляясь спокойствию своего голоса. — Помни, что сейчас с тобой разговаривает не твой папа. Это все отель.

— *Вернитесь сейчас же и выпустите меня НЕМЕДЛЕННО!* — заорал Джек.

До них донесся скрип ногтей по дереву — Джек продолжал атаковать дверь всеми возможными средствами.

— Да, это отель, — сказал Дэнни. — Это отель, я помню.

Но, уходя, он оглянулся, и лицо его выражало полнейшее смятение и ужас.

Глава 47
ДЭННИ

Было три часа дня. И день казался бесконечно долгим.

Они сидели на большой постели в своей квартире. Дэнни рассеянно крутил в руках пурпурную модель «фольксвагена» с головой чудища, торчавшей из лючка в крыше.

Даже сюда доносился громкий стук Джека в дверь и его голос, хриплый, озлобленный, хотя и звучавший порой жалко. Исторгающий угрозы, исходящий грязной руганью, пророчащий, что им потом придется до конца дней сожалеть о своем предательстве человека, который ишачил на них все эти годы.

Дэнни надеялся, что наверху им ничего не будет слышно, но звуки легко проникали через шахту кухонного лифта. Лицо мамы посерело, и у нее на шее выступили жуткие коричневатые синяки в тех местах, где пальцы папы...

Он продолжал крутить в руках модель — папин подарок за успехи в обучении чтению.

(*... где пальцы папы сжались слишком сильно.*)

Мама поставила на свой портативный проигрыватель пластинку, и они слушали чуть потрескивавшую мелодию, в которой звучало много рожков и флейт. Она устало улыбнулась ему. Он попытался ответить ей улыбкой, но у него ничего не вышло. Даже при проигрывателе, включенном на полную громкость, ему все равно казалось, что он слышит, как отец кричит и бьется в дверь кладовки, словно хищный зверь, запертый в клетке зоопарка. А что, если папе захочется в туалет? Что ему делать тогда?

Дэнни заплакал.

Уэнди сразу же убавила громкость проигрывателя, посадила Дэнни на колени и принялась укачивать.

— Дэнни, солнышко, все будет хорошо. Непременно. Если мистер Холлоран не получил твое сообщение, его непременно получит кто-то еще. Как только буря уляжется. А до той поры сюда все равно никому не добраться. Ни мистеру Холлорану, ни остальным. Но как только буран стихнет, все снова станет хорошо. Мы уедем отсюда. И знаешь, что мы сделаем будущей весной? Все трое?

Дэнни покачал головой, прижатой к ее груди. Он ничего не знал. Ему казалось, что новая весна уже никогда не придет.

— Мы отправимся на рыбалку. Возьмем напрокат катер и поплывем ловить рыбу, как в прошлом году на озере Чэттертон. Ты, я и твой папа. И быть может, ты поймаешь большого окуня нам на ужин. Или не поймаешь ничего, но уж повеселимся мы на славу.

— Я люблю тебя, мамочка, — сказал он, прижимаясь к ней крепче.

— О, Дэнни, я тоже так сильно тебя люблю!

А снаружи продолжал завывать и плакать студеный ветер.

Примерно в половине пятого, когда солнце начало клониться к закату, крики снизу стихли.

Они оба забылись тревожным полусном. Уэнди, по-прежнему обнимавшая Дэнни, не проснулась. А вот Дэнни очнулся. Странным образом тишина казалась ему куда более злове-

щей, чем непрерывные вопли и удары в крепкую дверь кладовки. Наверное, папа опять уснул? А вдруг умер? Или с ним случилось что-то еще?

(*Неужели он выбрался наружу?*)

Пятнадцать минут спустя тишину нарушил громкий металлический скрежет и грохот. Что-то гудело и со скрипом вращалось. Уэнди вскрикнула и проснулась.

Лифт вновь пришел в движение.

Они прислушивались к его звукам, прижавшись друг к другу с широко распахнутыми от страха глазами. Кабина ездила с этажа на этаж, трещала решетка, большая латунная дверь с шумом открывалась и закрывалась. Доносился смех, пьяные возгласы, а временами — крики и звон разбитой посуды.

«Оверлук» опять оживал.

Глава 48
ДЖЕК

Он сидел на полу в кладовке, вытянув перед собой ноги, между которыми зажал коробку крекеров, и смотрел на дверь. Отправлял крекеры в рот один за другим, но не потому, что любил их, а просто чтобы чем-то подкрепиться. Когда он выберется отсюда, силы будут ему нужны. Ох как нужны!

В этот конкретный момент он чувствовал себя несчастным, как никогда в жизни. Его мозг и тело пронизывала мучительная, просто неописуемая боль. Голова раскалывалась и пульсировала от чудовищного похмелья. Все сопутствующие симптомы тоже были налицо: во рту словно эскадрон ночевал, в ушах стоял нескончаемый звон, сердце налилось тяжестью и билось, как большой оркестровый барабан. К тому же саднили оба плеча, которые он поранил в безуспешных попытках выломать дверь, а в глотке щипало и першило от долгих пронзительных криков, которые тоже оказались совершенно напрасными. На правой руке красовался порез о дверную ручку.

Но когда он выберется отсюда, кое-кому сильно не поздоровится.

Он продолжал запихивать в себя крекеры, отказываясь внимать протестам желудка, которому хотелось исторгнуть все наружу. Вспомнил, что в кармане лежит экседрин, но решил повременить и дождаться, чтобы желудок успокоился. Какой смысл принимать лекарство, если рискуешь тут же проблеваться? Правильно, шевели мозгами, шевели. Пускай в ход знаменитый интеллект Джека Торранса. Разве ты уже не тот парень, который совсем недавно собирался зарабатывать мозгами себе на жизнь? Джек Торранс — признанный драматург, удостоенный первого места в ежегодном рейтинге, составляемом нью-йоркскими театральными критиками. Джон Торранс — прославленный литератор, крупный мыслитель-философ, а к семидесяти годам — лауреат Пулитцеровской премии за трехтомник мемуаров «Моя жизнь в XX столетии». Чтобы сбылась хотя бы часть всего этого дерьма, нужно уметь пользоваться мозгами.

А если у тебя работают мозги, ты всегда знаешь, где можно напороться на ос.

Он сунул в рот очередной крекер и разжевал его.

Как ему сейчас казалось, в конечном счете все свелось к тому, что они в него не верили и не доверяли ему. Они не поняли, что он лучше знает, чего они хотят и как добиться этого. Жена всегда пыталась подчинить его себе. Сначала вполне допустимыми

(хотя едва ли)

методами, а потом с помощью коварства и обмана. Когда ее мелочные придирки и жалкие аргументы оказались бессильны против его сокрушительной логики и разума, она настроила против него сына, пыталась убить его ударом бутылки, а затем заперла. И где? В продуктовой, мать ее, *кладовке*!

Но едва слышный внутренний голос не умолкал.

(*Все так, но откуда же взялось спиртное? Не в этом ли заключается главный вопрос? Ты прекрасно знаешь, что с тобой происходит, когда ты пьешь. Ты все испытал на собственной шкуре. Выпив, ты теряешь способность рассуждать здраво.*)

Джек швырнул пачку крекеров через небольшое помещение. Она ударилась о полку с консервированными супами и упала на пол. Он посмотрел на коробку, вытер губы, а потом

взглянул на часы. Почти половина седьмого. Он провел здесь уже несколько часов. Его заперла жена, и он провел в заточении уже много бездарных *часов*.

Он начинал думать, что стал намного лучше понимать проблемы своего отца.

Теперь до Джека дошло, что он никогда не задавался вопросом, что послужило главной причиной превращения его папочки в горького пьяницу. А на самом-то деле... Если посмотреть в корень и принять во внимание то, что его бывшие ученики называли «бытовухой»... разве не стоило искать объяснение в личности женщины, на которой он женился? Мягкотелая, податливая... Тряпка, а не женщина, которая вечно слонялась по дому с мученическим выражением на лице. Не она ли стала ядром, прикованным к ноге отца? Нет, сравнение хромает. Мать никогда не предпринимала активных попыток лишить отца свободы, как поступила с ним самим сейчас Уэнди. Нет. Судьба отца Джека была скорее сравнима с участью дантиста Мактига в финале великолепного романа Фрэнка Норриса: живого человека, прикованного наручниками к трупу посреди пустыни. Да, вот это намного точнее. Умственный и духовный труп, его мать была прикована к отцу узами брака. И все равно отец старался справиться с непосильным бременем и тащить это разлагающееся тело по жизни вместе с собой. Он, как умел, учил своих четверых детей отличать хорошее от дурного, прививал им дисциплину, а главное, воспитывал в них уважение к собственному отцу.

А они? Они отвечали ему черной неблагодарностью. И Джек тоже. И теперь пришло время расплаты за это: у него самого вырос неблагодарный сын. Но надежда умирает последней. Он так или иначе выберется отсюда. Они оба будут наказаны, и очень сурово. Уж теперь-то он знает, какой урок преподнести Дэнни, чтобы однажды его взрослый сын не повторил отцовскую ошибку.

Он вспомнил тот воскресный ужин, когда отец тростью избил мать прямо за столом... Как они все тогда испугались! И только сейчас он начал понимать неизбежность и необходимость случившегося. Его отец, конечно же, только изображал из себя пьяного, а под этой маской прятал острый и проница-

тельный ум, улавливая малейшее проявление неуважения к себе.

Джек на четвереньках добрался до пачки крекеров и снова взялся за них, усевшись спиной к двери, которую его жена столь предательски заперла. Интересно, размышлял он, что именно заметил в тот раз отец, на чем поймал ее, играя свою нехитрую роль? Быть может, она передразнивала отца у него за спиной? Или показывала язык? Демонстрировала неприличные жесты? Или просто смотрела на него презрительно и нагло, в простоте своей думая, что он слишком пьян и ничего не видит? Впрочем, что бы она ни делала, он поймал ее и подверг жестокому наказанию. Жаль, что понять и оценить отцовскую мудрость Джек смог только сейчас — через двадцать лет.

Конечно, кто-то скажет, что отец сам свалял дурака, женившись на такой женщине, навсегда приковав себя к живому трупу... Причем к трупу, который так и не научился хотя бы уважать его. Но молодые часто женятся слишком поспешно и необдуманно. Вполне вероятно, что папин папа в свое время женился на подобного типа женщине, а потом отец Джека бессознательно нашел себе такую же избранницу, как — позже — и сам Джек. Вот только *его супругу* не удовлетворила всего лишь пассивная роль в разрушении двух карьерных путей, открывавшихся перед ее мужем, и теперь она со змеиной хитростью активно вмешалась, чтобы лишить его последнего и, быть может, наилучшего шанса в жизни: стать членом команды «Оверлука» с перспективой роста... Да, роста. Со временем, вероятно, до управляющего. Она старалась отнять у него Дэнни, хотя именно Дэнни открывал для него желанную дорогу. Что было, конечно, глупо — зачем им малолетний сын, когда в их распоряжении отец? — но у работодателей нередко возникают странные прихоти, и вот ему поставили такое нелепое условие.

Причем вправить ей мозги одними разговорами не удастся — теперь он понимал это. Он попытался ей все втолковать в «Колорадо-холле», но она отказалась даже слушать и просто ударила его бутылкой по голове. И это награда за его старания! Но ему еще представится случай — и скоро. Он непременно выберется отсюда.

Внезапно он задержал дыхание и вскинул голову. Где-то на рояле наяривали буги-вуги, а люди смеялись и хлопали в такт. Толстая дверь приглушала звуки, но он все равно их слышал. Это была мелодия песни «Горячая ночка выдалась нынче в старом городе».

Его руки невольно сжались в кулаки, и он с трудом сдержался, чтобы не начать снова молотить в дверь. Вечеринка была в разгаре. Бесплатное спиртное лилось рекой. И где-то, вероятно, танцевала сейчас с другим та девушка, сводившая с ума своей откровенной наготой под белым сатиновым платьем.

— Вы мне за это заплатите! — взвыл он. — Будьте вы прокляты, оба заплатите! Оба получите сполна — или я буду не я! Вы...

— Ну, ну, не надо так распаляться, — раздался вдруг тихий голос по ту сторону двери. — Не стоит кричать, старина. Я вас отлично слышу.

Джек мгновенно вскочил.

— Грейди? Это вы?

— Да, сэр. Ваш покорный слуга. А вас, как мне представляется, заперли.

— Выпустите меня, Грейди. Скорее.

— Как я вижу, вы едва ли успешно начали то дело, которое мы с вами обсуждали, сэр. Имеется в виду акция по исправлению вашей жены и сына.

— Это они меня здесь и заперли. Отодвиньте же засов, ради всего святого!

— И вы допустили, чтобы вас лишили свободы? — В голосе Грейди звучало по-светски сдержанное удивление. — Боже, всего лишь миниатюрная женщина с маленьким ребенком? Едва ли что-то подобное характеризует вас как человека, выкованного из качественной управленческой стали, как вы считаете?

В правом виске Джека запульсировали набрякшие сосуды.

— Выпустите меня, Грейди. Я с ними разберусь.

— Неужели, сэр? — Светское удивление сменилось не менее отточенным салонным сожалением. — Как ни прискорбно мне это вам говорить, но в ваших способностях возникли определенные сомнения. Я сам — и другие, увы, тоже — пришел

к заключению, что вы не готовы вложить в наше общее дело всю душу. Или лучше будет выразиться так: у вас на это не хватит духу.

— *Хватит!* — горячо воскликнул Джек. — *Вполне хватит! Готов поклясться!*

— Вы приведете к нам своего сына?

— Да! Да!

— Но против этого будет весьма настойчиво возражать ваша жена, мистер Торранс. А она, как выясняется... гораздо сильнее, чем мы предполагали. В известном смысле она также гораздо более изобретательна. По крайней мере *вас* она легко обвела вокруг пальца.

Грейди захихикал.

— Быть может, мистер Торранс, нам следовало сразу вступить в переговоры именно с ней?

— Я приведу его. Клянусь, — повторил Джек. Он плотно прижался щекой к двери. С него градом лил пот. — Она не будет возражать. Клянусь, не будет. Она попросту не сможет.

— Боюсь, что для этого вам придется убить ее, — холодно заметил Грейди.

— Я сделаю все, что нужно. Только *выпустите меня отсюда.*

— Вы даете слово джентльмена, сэр? — упорствовал Грейди.

— Слово джентльмена, торжественное обещание, священный обет — что угодно. Только...

Он услышал скрежет отодвигаемого засова. Дверь приоткрылась на четверть дюйма. У Джека перехватило дыхание. На мгновение ему показалось, что по ту сторону двери стоит сама Смерть.

Но это ощущение почти сразу исчезло.

— Спасибо, Грейди. Клянусь, вы не пожалеете об этом. Вот увидите.

Ответа не последовало. Джек вдруг понял, что все звуки умолкли, если не считать неизменного завывания ветра за окнами.

Он распахнул дверь кладовой; петли чуть слышно скрипнули.

В кухне никого не было. Грейди ушел. Ничто не двигалось в холодном белесом свете флюоресцентных ламп. Но Джек тут

же обратил внимание на разделочный стол, за которым они обедали.

На нем стояли бокал для мартини, бутылка джина и пластмассовое ведерко, полное оливок.

А сбоку был прислонен молоток для игры в роке из тех, что хранились в сарае.

Он долго разглядывал его.

Затем голос гораздо более низкий и властный, чем голос Грейди, заговорил с ним откуда-то... отовсюду... прямо изнутри его существа.

(*Выполняйте обещание, мистер Торранс.*)

— Выполню, — сказал он. В его собственном голосе звучала раболепная покорность. — Выполню.

Он подошел к столу и взял молоток за ручку.

Потом поднял его.

Широко, с силой размахнулся.

Молоток со зловещим шипением рассек воздух.

На лице Джека Торранса стала расцветать улыбка.

Глава 49
ХОЛЛОРАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРЫ

Было 13.45, и, если верить одометру «бьюика» и полузанесенным снегом указателям, до Эстес-Парка оставалось всего три мили, когда его машину все-таки вынесло с дороги.

На высокогорье валил самый плотный снег, какой Холлоран когда-либо видел (что, впрочем, мало о чем говорило, поскольку всю свою жизнь Холлоран стремился видеть как можно меньше снега), а ветер дул прихотливыми, своенравными порывами, то налетая с запада, то утихая, чтобы атаковать с северной стороны, застилая поле зрения все новыми тучами снежных хлопьев и каждый раз напоминая: стоит ему пропустить поворот, как он полетит на своем «бьюике» вверх тормашками в двухсотфутовую пропасть. Сказывалось и почти полное отсутствие у Холлорана опыта зимнего вождения. Его пугало, что желтая разделительная полоса полностью скрылась под

слоем снега, и приводили в панику особенно сильные порывы ветра, налетавшие из расщелин и норовившие развернуть вокруг своей оси даже тяжелый «бьюик». Его ужасало, что все дорожные знаки и указатели были густо залеплены снегом, и оставалось только гадать, налево или направо уходит шоссе на этом гигантском белом экране кинотеатра под открытым небом, сквозь который он ехал. Словом, его пугало почти все. С того самого момента, как к западу от Боулдера и Лайонза начался подъем в горы, он вел машину, покрывшись холодным потом, нажимая педали газа и тормоза с такой нежностью, с какой прикасался бы к драгоценным вазам эпохи династии Минь. По радио диск-жокей перемежал рок-н-ролл с призывами по возможности не пользоваться сегодня основными автомагистралями и в особенности воздержаться от любых поездок в горы, поскольку все дороги там представляли повышенную опасность, а многие стали совершенно непроходимыми для обычного транспорта. Передавались сообщения о десятках аварий, причем о двух очень серьезных. В первом случае разбилась группа горнолыжников на микроавтобусе «фольксваген», во втором в катастрофу попала целая семья, возвращавшаяся в Альбукерке через перевал Сангре де Кристо. Общий итог: четверо погибших и пятеро раненых. «А потому воздержитесь от поездок и лучше слушайте хорошую музыку на своей любимой радиостанции Кей-ти-эл-кей», — бодро заключил ведущий и усугубил и без того дурное настроение Холлорана, включив «Солнечные деньки».

«Были радостными мы в эти солнечные дни...» — заливался счастливый Терри Джекс, и Холлоран с проклятием выключил радио, прекрасно зная, что через пять минут включит его снова. Какую бы чушь по нему ни передавали, ехать с ним было лучше, чем в полной тишине белого безумия.

(*Пора признаться, теперь этот черный парень немного белый. Знаешь почему? Потому что волосы на его заднице стали седыми от страха!*)

Ничего смешного. И вообще он бы повернул назад еще перед Боулдером, если бы не твердая уверенность, что мальчик попал в очень большую беду. Но даже сейчас вкрадчивый внутренний голос откуда-то из глубин сознания — скорее голос

здравого смысла, чем трусости — настоятельно советовал ему найти в Эстес-Парке мотель и провести там ночь, пока снегоуборочные машины не расчистят хотя бы часть дорожной разметки. Голос напоминал ему об опасной посадке самолета в Стейплтоне и о том жутком ощущении, что лайнер падает носом вниз, торопясь скорее в ад, чем к выходу номер 39 терминала Б. Но здравый смысл пасовал перед чувством долга, а оно твердило: тебе непременно нужно попасть туда именно сегодня. Буран? Что ж, значит, ему вдвойне не везет. Значит, преодолеем еще и буран. Он боялся, что если промедлит сейчас, в будущем ему придется бороться с кошмарными снами пострашнее любой бури.

Ветер внезапно вновь сменил направление, словно решив еще больше осложнить ему задачу, и он перестал видеть не только горы, но даже сугробы, наваленные по обе стороны шоссе. Он ехал сквозь непроглядную белую пустоту.

Затем из этого молочного супа вдруг возникли мощные натриевые фары снегоочистителя, и, к своему ужасу, Холлоран понял, что его «бьюик» движется вовсе не по правой стороне шоссе, а метит капотом в точности между этих двух огней. Снегоуборщик не слишком точно придерживался своей полосы, и Холлоран увел машину в занос.

Завывание ветра перекрыл сначала рев дизельного двигателя снегоуборщика, а потом и его звуковой сигнал, долгий и почти оглушительный.

Гениталии Холлорана превратились в два крошечных шарика с ледяной стружкой внутри, а желудок словно наполнился жидким пластилином.

Из белой пелены материализовалось нечто цветное, ярко-оранжевое. Он мог видеть высокую кабину и даже жестикулирующую фигуру водителя за лобовым стеклом, которое очищал один огромный «дворник». V-образный скребок отодвигал снег на левую обочину.

БИ-И-И-И-И-И-П! — снова негодующе проревел сигнал.

Холлоран надавил на педаль газа нежнее, чем на грудь любимой женщины, и «бьюик», слегка ускорившись, взял правее. С этой стороны никакой обочины не было вообще, и снего-

уборщики, шедшие не вниз, а вверх, сбрасывали снег прямо в пропасть.

(*В пропасть? Какую пропасть? Ах да, ну конечно... в пропасть...*)

Скребок огромной машины, на четыре фута выше крыши «бьюика», прошел в считанных дюймах от него, когда Холлоран уже считал столкновение неизбежным. В его голове пронеслась молитва, большая часть которой состояла из извинений перед мальчиком, что погиб, так и не успев прийти на помощь.

Снегоуборщик благополучно прошел мимо, и Холлоран теперь видел лишь его синий проблесковый маячок в зеркале.

Он снова вывернул руль «бьюика» влево, но без малейшего эффекта. Его уже занесло и плавно тащило к обрыву. Из-под брызговиков летели комья снега.

Он крутанул руль в сторону заноса, и капот и багажник автомобиля начали меняться местами. Уже в полнейшей панике Холлоран резко нажал тормоз и почувствовал удар. Прямо перед ним дорога заканчивалась... он смотрел в бездонную пропасть, полную снежных хлопьев, а очень далеко внизу виднелись верхушки темно-зеленых сосен.

(*Все кончено, Боже мой. Господи Иисусе, я сейчас туда рухну.*)

Но именно в этот момент его машина наконец остановилась, повиснув под углом тридцать градусов, потому что левое крыло зацепилось за дорожное ограждение. Задние колеса оторвались от земли и, когда Холлоран опрометчиво попытался дать задний ход, лишь беспомощно завращались в воздухе. Его сердце исполняло виртуозное соло на ударных.

Он выбрался из салона — с величайшей осторожностью — и обошел «бьюик» сзади.

Так и стоял, беспомощно разглядывая задние колеса, когда из-за спины донесся веселый голос:

— Здорово, приятель. Должно быть, совсем умом тронулся?

Холлоран повернулся и увидел в сорока ярдах от себя снегоуборочную машину, почти полностью скрытую густым снегопадом, так что различить удавалось лишь синие мигающие огни да густо-коричневую струю выхлопных газов. Водитель стоял рядом с ним, облаченный в длинную дубленку и натяну-

тый поверх нее непромокаемый плащ. Голову шофера покрывала шапка механика в сине-белую полоску, чудом удерживавшаяся на макушке под мощными порывами ветра.

(*Клей. Он ее приклеил, не иначе.*)

— Привет, — отозвался Холлоран. — Не поможете вытащить мою машину обратно на дорогу?

— Это можно, — сказал водитель снегоуборщика. — Но какого лешего вас сюда занесло, мистер? Здесь сейчас только смерти искать.

— Срочные дела.

— Таких срочных дел не бывает, — медленно, ласково сообщил шофер, словно беседуя с умалишенным. — Проломи вы эту ограду, и вас уже никто бы оттуда не достал до Дня дурака. Я вижу, вы не из наших краев?

— Верно, и я бы ни за что здесь не оказался, если бы мои дела не были действительно совершенно неотложными.

— Вот оно как! — Шофер принял позу поудобнее, словно они мирно беседовали у него на заднем дворе, а не стояли под ураганным ветром и снегом в Богом забытой глуши, в то время как машина Холлорана балансировала на краю обрыва в трехстах футах от макушек росших внизу деревьев.

— Куда путь держите? В Эстес?

— Нет. Есть место, которое называется отель «Оверлук», — ответил Холлоран. — Это чуть выше Сайдуайндера.

Но водитель уже сокрушенно качал головой.

— Боюсь, мне это место хорошо известно, — сказал он. — Послушайте, мистер, вам сейчас никак не добраться до старого «Оверлука». Дорог между Эстес-Парком и Сайдуайндером, считайте, больше не существует. Как бы мы ни старались, их тут же заметает заново. В нескольких милях отсюда я натыкался на сугробы толщиной шесть футов, если не больше. Но даже если вам посчастливится попасть в Сайдуайндер, оттуда шоссе закрыто аж до Бакленда в Юте. Нет, даже не думайте. — Он помотал головой. — Туда не проехать. Не проехать никак.

— Но я должен попытаться, — возразил Холлоран, сдерживаясь из последних сил. — Там сейчас мальчик...

— *Мальчик?* Не может быть. «Оверлук» закрывают в конце сентября. Нет никакого смысла держать его открытым. Слишком дерьмовая погода. Вот как сегодня.

— Он сын смотрителя, и с ним случилось несчастье.

— Вам-то откуда знать?

На этом терпение Холлорана иссякло.

— Ради всего святого, вы же не собираетесь стоять здесь, сцепившись со мной языками, до конца дня? *Просто поверьте, я это знаю! Поверьте!* Так вы будете вытаскивать мою машину или нет?

— Нервы у вас ни к черту, — добродушно отозвался шофер. — Конечно, я вам помогу. У меня за сиденьем лежит цепь.

Холлоран вернулся за руль. Только сейчас его начало по-настоящему трясти. Руки почти онемели от холода, потому что перчатки он с собой, конечно же, не взял.

Снегоуборочная машина сдала назад к «бьюику», и водитель вышел из кабины со смотанной цепью в руках. Холлоран открыл дверь и прокричал:

— Что мне делать?

— Ничего, — крикнул в ответ водитель. — Просто сидите тихо. Глазом не успеете моргнуть, как все будет сделано.

Так и получилось. Цепь натянулась, корпус «бьюика» дернулся, и уже через секунду автомобиль вновь стоял на шоссе капотом приблизительно в направлении Эстес-Парка. Водитель снегоочистителя подошел со стороны водительского окна и постучал. Холлоран опустил стекло.

— Спасибо, — сказал он. — Извините, что повысил на вас голос.

— Ничего, на меня еще не так орали, — с ухмылкой отозвался тот. — Похоже, у вас выдался трудный денек. Возьмите вот это. — На колени Холлорану упала пара плотных синих варежек. — Вам они очень пригодятся, если снова слетите с шоссе. Холод собачий. Наденьте их, если не хотите потом до конца жизни ковырять в носу вязальным крючком. Но только пришлите обратно. Их связала мне жена, и они мне дороги. Имя и адрес вшиты внутрь. Между прочим, меня зовут Хоуард

Коттрел. Просто отправьте по почте. И никаких почтовых расходов за счет получателя — я эти штучки не люблю.

— Хорошо, — сказал Холлоран. — Спасибо вам огромное.

— Будьте осторожны. Я бы проводил вас, но занят, как кошка в клубках шерсти.

— Ничего, спасибо еще раз.

Он начал поднимать стекло, но Коттрел остановил его.

— Когда доберетесь до Сайдуайндера — *если* доберетесь до Сайдуайндера, — найдите фирму «Даркин коноко». Это прямо рядом с библиотекой — хороший ориентир. Обратитесь к Ларри Даркину. Скажите ему, что вас послал Хоуи Коттрел и вам нужен снегоход. Назовете мое имя, покажете эти варежки, и он даст вам приличную скидку.

— Спасибо, — повторил Холлоран.

Коттрел кивнул:

— Занятно. Вы никак не можете знать, что в «Оверлуке» проблемы. Телефон у них не работает, голову даю на отсечение. Но я вам верю. Иногда у меня самого возникают предчувствия...

— Вот и у меня тоже, — сказал Холлоран.

— Нисколько не сомневаюсь. Но будьте осторожны.

— Буду.

И Коттрел пропал в снежных тенях, сверкнув напоследок своей сине-белой шапкой, уверенно державшейся на его голове. Холлоран попробовал тронуться с места. Цепи на колесах поначалу лишь прокручивались на заснеженной дороге, но потом вгрызлись в снег, и «бьюик» сдвинулся с места. Сзади донесся громкий звук клаксона снегоуборочной машины. Коттрел напоследок пожелал ему удачи, хотя в этом не было необходимости — Холлоран попросту *чувствовал* его добрые пожелания.

«Два сияния за один день, — подумал он. — Это должно быть добрым предзнаменованием». Но он не верил в предзнаменования, ни в добрые, ни в дурные. И две встречи с сияющими людьми в один день (хотя обычно ему едва ли встречалось человек пять за целый год) могли ровным счетом ничего не значить. Ощущение приближения конца, ощущение,

(*что все уже давно предопределено*)

которое он не смог бы четко выразить словами, по-прежнему не покидало его. Это было как...

«Бьюик» снова занесло на крутом повороте, и Холлоран аккуратно выровнял машину, едва осмеливаясь дышать. Затем он включил радио. Пела Арета Франклин, и это было замечательно. Арету Холлоран впустил бы к себе в машину в любое время.

Налетел еще один мощный порыв ветра, и «бьюик» замотало из стороны в сторону. Холлоран выругался и крепче вцепился в руль. Арета закончила свой номер, и в эфире вновь зазвучал голос ведущего, без устали твердившего, что только самоубийцы выезжают сегодня из дома.

Холлоран выключил радио.

До Сайдуайндера он все же добрался, хотя чтобы преодолеть расстояние от Эстес-Парка, ему потребовалось четыре с половиной часа. Когда он выехал на Горное шоссе, уже полностью стемнело, но буран вовсе не собирался утихать. Дважды Холлорану приходилось останавливаться перед заносами, доходившими до капота его автомобиля, и дожидаться, чтобы снегоуборочная машина проделала в них брешь. Причем в одном из случаев огромный снегоуборщик неожиданно возник на его полосе, и столкновения удалось избежать лишь чудом. Шофер, в последнюю секунду успевший вывернуть руль, не остановился, но показал Холлорану два пальца — жест, знакомый каждому американцу, достигшему десятилетнего возраста. И это был вовсе не знак мира.

Чем ближе подъезжал Холлоран к «Оверлуку», тем более жгучим становилось его нетерпение. Он поймал себя на том, что слишком часто смотрит на часы. Стрелки двигались стремительно.

Через десять минут после поворота на Горное шоссе ему попались два дорожных указателя. В этом месте сильные порывы ветра смели с них снежный покров, и оба хорошо чита-

лись. «САЙДУАЙНДЕР — 10 МИЛЬ», — гласил первый. «ЧЕРЕЗ 12 МИЛЬ ДОРОГА ЗАКРЫТА НА ЗИМУ», — предупреждал второй.

— Ларри Даркин, — пробормотал Холлоран. Его темное лицо напряженно застыло в зеленоватом отсвете приборной доски. Было десять минут седьмого. — «Коноко» рядом с библиотекой. Ларри...

И в этот момент он разом получил все и на полную катушку — запах апельсинов и мощный удар в голову чего-то мерзкого, злобного, убийственного:

(УБИРАЙСЯ ОТСЮДА ГРЯЗНЫЙ НИГГЕР ТЕБЯ ЭТО НЕ КАСАЕТСЯ РАЗВОРАЧИВАЙ МАШИНУ НИГГЕР РАЗВОРАЧИВАЙ ИЛИ МЫ УБЬЕМ ТЕБЯ И ПОВЕСИМ ТВОИ ЖАЛКИЕ ЧЕРНЫЕ ЯЙЦА НА ДЕРЕВО А ПОТОМ СОЖЖЕМ ТЕЛО КАК ВСЕГДА ПОСТУПАЕМ С ЧЕРНОМАЗЫМИ ПОЭТОМУ ПОВОРАЧИВАЙ НАЗАД НЕМЕДЛЕННО)

Пронзительный крик Холлорана метнулся по салону «бьюика». Это были не слова, а вспышки образов, каждый из которых обладал чудовищной силой. Он бросил руль и схватился за голову, чтобы заблокировать видения.

Машину снесло в сторону, она ударилась о заграждение, отскочила, наполовину развернулась и встала. Задние колеса продолжали вращаться.

Холлоран перевел рукоятку коробки передач на нейтрал, а потом зарылся лицом в ладони. Нет, он не заплакал. Но из него исторгались звуки, похожие на рыдания. Грудь его вздымалась. Он понимал, что если бы удар был нанесен на одном из участков дороги с обрывом, его ждала бы неминуемая смерть. Вероятно, этого они и хотели. И новый удар мог последовать в любой момент. Ему необходимо срочно воздвигнуть вокруг себя защиту. Он стал строить ее, используя всю мощь своей памяти, полностью давая волю своим инстинктам.

Через какое-то время он убрал ладони и осторожно открыл глаза. Ничего. Если они предпринимали новые попытки напугать его, то не могли пробиться в его сознание. Он сумел закрыться.

Неужели то же самое произошло с мальчиком? Господи, неужели они это сделали с маленьким ребенком?

Из всех промелькнувших перед ним образов и ощущений больше всего ему не понравился тупой хлюпающий звук, словно кто-то бил деревянным молотком по головке сыра. Что это могло значить?

(*Боже, только не этот маленький мальчик. Молю тебя, Боже!*)

Он снова включил первую передачу и стал осторожно поддавать газу. Колеса провернулись, зацепились, снова провернулись, но потом «бьюик» тронулся. Свет фар слабо пробивался сквозь густой снегопад. Холлоран посмотрел на часы. Почти половина седьмого. И у него появилось чувство, что он действительно опаздывает.

Глава 50
РОМ

Уэнди Торранс в нерешительности стояла в спальне, глядя на крепко спавшего сына.

Полчаса назад звуки умолкли. Сразу, в один миг. Лифт, шум вечеринки, хлопанье открывавшихся и закрывавшихся дверей. Но вместо того чтобы принести облегчение, это только усилило напряженность, напоминая краткое затишье перед последним, самым мощным порывом бури. Зато Дэнни почти сразу стал клевать носом и задремал, а примерно через десять минут им овладел глубокий сон. Даже глядя на него почти в упор, она с трудом различала едва заметное движение его груди при дыхании.

Она попыталась вспомнить, давно ли сама в последний раз нормально проспала ночь без мучительных сновидений или не менее страшных часов бодрствования, когда вслушивалась в звуки веселья, которые стали для нее различимы в последние два дня, после того как «Оверлук» решил окончательно взять их всех за горло.

(*Реальный экстрасенсорный феномен или же обычный групповой гипноз?*)

Этого она не знала и не считала данный вопрос особенно важным. В любом случае им грозила смерть. Она посмотрела на Дэнни и подумала,

(*Боже, пусть лежит спокойно*)

что если его ничто не потревожит, он сможет нормально проспать всю ночь. Каким бы даром он ни обладал, Дэнни оставался маленьким мальчиком, нуждавшимся в регулярном отдыхе.

Сейчас она начала беспокоиться о Джеке.

Ее лицо исказила внезапная гримаса боли. Она отвела руку ото рта и увидела, что сломала ноготь. А ногтям Уэнди всегда уделяла особое внимание. Они не были слишком длинными и стильными, но она тщательно придавала им изящную форму и...

(*разве сейчас время думать о ногтях?*)

Она даже рассмеялась, хотя смех получился нервным и вовсе не веселым.

Сначала Джек прекратил кричать и долбить в дверь. Потом снова началась гулянка,

(*или она вообще никогда не прекращалась? быть может, она просто смещалась в какой-то другой временной сегмент, когда им не следовало ее слышать?*)

и зашумел лифт. Потом все опять затихло. И в наступившей тишине, пока Дэнни еще только засыпал, ей показалось, что из кухни прямо под ними доносятся тихие заговорщические голоса. Поначалу она списала это на ветер, обладавший удивительной способностью звучать совершенно по-человечески, передавать самые различные интонации, от почтительного похоронного шепота за дверью до оглушительного крика где-то под скатом крыши — крика, с каким в дешевых фильмах ужасов девушка убегает от маньяка-убийцы. Но пока она сидела неподвижно, присматривая за засыпавшим Дэнни, голоса становились все более реальными.

Джек обсуждал с кем-то возможность выбраться из кладовки.

Обсуждал убийство жены и сына.

Ничего нового; убийства происходили здесь и прежде.

Она подошла к решетке системы отопления и прижалась к ней ухом, но как раз в этот момент ожила топка, и все потонуло в гуле поднимавшегося вверх из подвала теплого воздуха. Когда же пять минут спустя топка отключилась, повсюду уже стояла полная тишина, нарушаемая лишь привычными порывами ветра, стуком снежной крупы по крыше да случайным скрипом доски в стене.

Она посмотрела на сломанный ноготь. Из-под него выступили мелкие капельки крови.

(*Джек выбрался.*)

(*Ты несешь чепуху.*)

(*Нет, он сумел выбраться. У него либо нож, либо тесак для рубки мяса. И сейчас он поднимается сюда, переставляя ноги вдоль края лестницы, чтобы ступени не скрипели под его тяжестью.*)

(*!Ты сошла с ума!*)

У нее дрожали губы, и на секунду ей показалось, что она произнесла эти слова вслух. Но тишину ничто не нарушило.

Тем не менее у нее было неотвязное ощущение, что за ней наблюдают.

Она резко повернулась к темному окну и увидела смотревшее на нее отвратительное бледное лицо с черными кругами под глазами, лицо чудовища, которое пряталось все это время в одной из скрипучих стен...

Но то был всего лишь узор, нарисованный морозом на внешней стороне стекла.

Она выпустила из себя долгий, шелестящий выдох ужаса, похожий на шепот, и ей послышались чьи-то сдержанные смешки, на этот раз вполне отчетливые.

(*Ты уже пугаешься собственной тени. Если так пойдет дальше, то уже к завтрашнему утру палата в психушке станет для тебя самым подходящим местом.*)

Существовал только один способ развеять все эти страхи, и она понимала, какой именно.

Ей следовало спуститься и лично проверить, что Джек все еще заперт в кладовой.

Вот так просто. Иди вниз. Посмотри сама. Потом возвращайся. Да, и не забудь захватить поднос, оставленный на стой-

ке регистрации. Омлет, конечно, уже никуда не годится, а вот суп можно разогреть на плитке, стоящей рядом с пишущей машинкой Джека.

(*Ах да, постарайся, чтобы тебя не убили, если он там, внизу, с ножом.*)

Она подошла к туалетному столику, стараясь стряхнуть с себя паутину страха, которая по-прежнему сковывала ее. На столике лежала горстка мелочи, пачка талонов на бензин, две трубки, которые Джек повсюду возил с собой, но никогда не курил... и кольцо с его ключами.

Она взяла связку, подержала в руках, а потом положила на место. Ей пришло в голову запереть дверь в спальню, но она сразу же отказалась от этой идеи. Там спал Дэнни. Молнией мелькнула мысль о пожаре, и еще что-то очень тревожное, о чем она предпочла даже не думать.

Уэнди пересекла комнату, задержалась в нерешительности перед дверью, достала из кармана халата нож и крепко взялась за его ручку.

Затем открыла дверь.

Короткий коридор, ведущий к их квартире, оказался пуст. Электрические бра, развешанные на равных расстояниях друг от друга, давали яркий ровный свет, в котором четко вырисовывался синий фон ковра и замысловатый черный узор.

(*Видишь? Никаких чудовищ здесь нет.*)

(*Разумеется, их здесь нет. Им нужно выманить тебя подальше. Они хотят дождаться, чтобы ты сделала что-то по-женски глупое, и именно это ты сейчас собираешься сделать.*)

Она опять засомневалась. С одной стороны, ей отчаянно не хотелось оставлять Дэнни одного и выбираться из безопасной спальни, с другой — она должна была убедиться, что Джек все еще сидит под надежным запором.

(*Конечно, так и есть.*)

(*Но голоса...*)

(*Не было никаких голосов. Это все плод твоего воображения. И шум ветра.*)

— Нет, это не был шум ветра.

От звука собственного голоса Уэнди вздрогнула. Но прозвучавшая в нем твердая уверенность заставила ее наконец

сдвинуться с места. Лезвие ножа ловило отблески света и разбрасывало их по шелку обоев. Ее тапочки шелестели по ворсу ковра. Нервы гудели, как высоковольтные провода.

Она дошла до поворота в главный коридор и выглянула из-за угла, готовя себя к тому, что может увидеть.

Но там тоже смотреть было не на что.

После секундного колебания она свернула в главный коридор. С каждым шагом в сторону затемненной лестницы в ней нарастали страх и осознание того, что она оставила своего спящего сына в одиночестве и без защиты. Шуршание подошв тапочек по ворсу ковра звучало в ее ушах громче и громче; дважды она оглядывалась через плечо, проверяя, не крадется ли кто-нибудь за ней вслед.

Так она добралась до лестничной площадки и положила руку на холодную стойку перил. Вниз в вестибюль вели девятнадцать широких ступеней. У нее было достаточно возможностей, чтобы сосчитать их. Девятнадцать уступов, покрытых ковровой дорожкой, и на каждом мог сейчас затаиться в ожидании Джек. Но нет. Джек, разумеется, был надежно заперт в кладовке за несокрушимой деревянной дверью и крепким металлическим засовом.

И все же вестибюль был темным и полнился тенями.

Ее пульс, сильный и частый, бился где-то в глубине горла.

Впереди и чуть левее стоял нараспашку латунный зев лифта, словно издевательски приглашая войти в него, чтобы совершить самую незабываемую поездку в жизни.

(*Нет уж, спасибо*)

Изнутри кабину украшали полосы розового и светло-кремового серпантина. Пол усыпали конфетти из двух праздничных хлопушек. В дальнем левом углу лежала пустая бутылка из-под шампанского.

Ей померещилось движение сверху, и она резко повернулась, чтобы посмотреть на другие девятнадцать ступеней, которые вели на темную лестничную площадку третьего этажа. Уэнди ничего не увидела, но у нее осталось тревожное чувство, что краем глаза она все-таки успела уловить, как нечто

(*нечто*)

поспешно скрылось во мраке, прежде чем она сумела разглядеть его.

Уэнди снова устремила взгляд вниз.

Рука, сжимавшая рукоятку ножа, сильно вспотела; она переложила оружие в левую руку, тщательно вытерла правую ладонь о махровую ткань халата и опять обхватила ею рукоятку. Почти не отдавая себе отчета в том, что мозг дал телу команду двигаться вперед, она начала спускаться — сначала левая нога, потом правая, левая, правая, а ее свободная рука легко скользила по перилам.

(*Так где же ваша вечеринка? Не дайте мне спугнуть вас — побитую молью ветошь, заплесневелые куски дерьма! Вы же не испугаетесь одинокой женщины с ножом? Включайте музыку повсюду! Давайте немного повеселимся вместе!*)

Десять ступеней вниз, дюжина, чертова дюжина.

Вестибюль сейчас подсвечивался лишь лампами холла второго этажа, и она вспомнила, что полное освещение холла сможет включить либо от ресторанных дверей, либо из кабинета управляющего.

Но свет пробивался и откуда-то еще — белый и приглушенный.

Ну конечно! Флюоресцентные лампы. В кухне.

Она задержалась на тринадцатой ступени, силясь вспомнить, выключила ли в кухне свет, когда они с Дэнни уходили оттуда. И попросту не смогла.

Чуть ниже ее в вестибюле высокие спинки кожаных кресел отбрасывали особенно густые тени. Стекло входных дверей было словно задрапировано снаружи белыми покрывалами из нанесенного ветром снега. Латунные пуговицы диванных подушек тускло поблескивали, словно кошачьи глаза. Здесь можно было найти добрую сотню мест, чтобы притаиться.

На непослушных от страха ногах она продолжила спуск.

Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать.

(*Первый этаж, мадам. Пожалуйста, будьте осторожны.*)

Двери бального зала стояли распахнутыми, но за ними царил кромешный мрак. Из помещения доносилось тиканье, словно от бомбы с часовым механизмом. Она замерла, но потом вспомнила о часах на каминной полке, тех часах, что были

накрыты стеклянным колпаком. Кто-то, Джек или Дэнни, завел их... или они завелись сами по себе, как и многое другое в «Оверлуке».

Она повернулась к стойке регистрации, чтобы пройти сквозь нее в кабинет управляющего и попасть в кухню. Легкий матовый серебристый отсвет — поднос, за которым она пришла.

Затем начали бить часы — точнее, негромко позвякивать.

Уэнди вновь застыла на месте, проведя кончиком языка по пересохшему нёбу. Но потом расслабилась. Часы отмечали наступление восьми часов, только и всего. Было восемь часов вечера.

...пять, шесть, семь...

Она считала. Ей почему-то показалось, что будет неправильно идти дальше, пока часы не умолкнут.

...восемь... девять...

(*??Девять??*)

...десять... одиннадцать...

Внезапно, слишком поздно, до нее дошел смысл происходящего. Она неуклюже развернулась в сторону лестницы, уже зная, что опоздала. Но как она могла это предвидеть?

Двенадцать.

В бальном зале вспыхнули все люстры. Грянул оглушительный и визгливый духовой аккорд. Уэнди громко закричала, но что значил ее крик на фоне мощного рева труб и тромбонов?

— *Снимайте маски!* — разнеслось эхом повсюду. — *Маски долой! Снимайте маски!*

А потом все звуки затихли, словно втянутые в длинный временной коридор, и она снова осталась одна.

Хотя нет. Не одна.

Она повернулась и увидела, как он идет прямо на нее.

Это был вроде бы Джек, но в то же время и не совсем он. Его глаза пылали потусторонним убийственным огнем; на знакомых губах играла кривая безрадостная усмешка.

В руке он держал молоток для игры в роке.

— Думала, что заперла меня? На это ты рассчитывала?

Молоток вращался и посвистывал в воздухе.

Она попятилась, споткнулась о пуф и упала на ковер вестибюля.

— Джек...

— Ты сука, — прошептал он. — Я тебя насквозь вижу.

Молоток со смертоносным свистом обрушился вниз, и его головка с хлюпаньем погрузилась в мягкие ткани ее живота. Она вскрикнула, поглощенная ощущением невероятной боли, успев смутно заметить, как отскочил молоток. И с парализующей волю ясностью поняла, что он собирается забить ее до смерти именно этим молотком, который держит сейчас в руках.

Она хотела молить о пощаде, попросить остановиться ради Дэнни, но удар оказался настолько силен, что перебил дыхание. Ей удалось выдавить из себя лишь короткое, едва различимое рыдание.

— Сейчас. Да, во имя Господне, сейчас ты получишь за все сполна, — сказал он, ухмыляясь, и ногой отбросил со своего пути пуф.

Молоток обрушился вниз. Уэнди успела откатиться влево. Полы ее халата задрались выше колен. Когда его орудие врезалось в пол, Джек от неожиданности на секунду выпустил ручку. Ему пришлось наклониться ниже, чтобы снова ухватиться за нее, а она воспользовалась моментом и бросилась к лестнице. Она снова могла дышать, хотя живот превратился в шар огнедышащей боли.

— Сучка! — ухмыляясь, повторил он и двинулся вслед. — Ты вонючая сучка. Но тебе не уйти от наказания. Нет, не уйти.

Она услышала свист молотка в воздухе, а потом весь ее правый бок буквально взорвался болью: удар пришелся чуть ниже груди, сокрушив ребра. Она повалилась на ступени, задела свежую рану, и ее окатила новая волна боли. И все же инстинкт заставлял Уэнди перекатываться из стороны в сторону, уклоняясь от новых ударов. Когда молоток вновь обрушился на нее, он просвистел лишь в дюйме от ее лица. С глухим стуком его головка оставила глубокую вмятину в ковровой дорожке лестницы. И тут она заметила нож, выпавший из ее руки при падении. Теперь он, поблескивая, лежал на четвертой ступени снизу.

— Сука! — выругался Джек. Очередной удар молотком. Уэнди подалась вперед, и он пришелся чуть ниже колена. Нижнюю часть ее ноги тоже словно охватил огонь. Показалась

кровь. А молоток уже снова падал вниз. Она успела отдернуть голову, и головка врезалась в ступеньку между ее шеей и плечом, задев ухо.

Джек опять занес и опустил молоток, однако на этот раз она перекатилась прямо к нему, врезавшись в его расставленные ноги. У нее снова вырвался крик боли, когда обломки ребер зацепились друг за друга. Но она застала его врасплох — он потерял равновесие и стал заваливаться назад с воплем, полным злобы и удивления, пытаясь удержаться на ступеньке. И все же удержаться ему не удалось. Он упал на пол, выронив молоток. Затем сел и секунду смотрел на нее ошеломленными глазами.

— За это я убью тебя, — сказал он.

Перекатившись, он вновь ухватился за молоток. Уэнди с трудом сумела подняться. Левая голень посылала волны боли вверх до самого бедра. С бледным, но решительным лицом она прыгнула ему на спину, как только он потянулся за молотком.

— *О Боже, помоги!* — выкрикнула она на весь огромный вестибюль «Оверлука» и погрузила кухонный нож в нижнюю часть его спины по самую рукоятку.

Он сначала замер под ней, а потом завизжал. Ей показалось, что никогда в жизни она не слышала столь ужасающего звука; померещилось, что вместе с Джеком пронзительно заорала каждая половая доска, каждое окно, каждая дверь отеля. И крик все длился и длился. Вместе они, должно быть, напоминали салонную шараду, коня и всадницу. Вот только на красно-черной клетчатой фланелевой рубашке «коня» быстро расплывалось кровавое пятно.

Затем он повалился лицом вперед, а она скатилась с него на изувеченный бок и громко застонала.

Какое-то время Уэнди просто лежала, тяжело дыша, не в состоянии пошевелиться. Боль буквально распяла все ее тело, на котором, казалось, не осталось живого места. При каждом вдохе ей словно вонзали в бок что-то острое, а по шее струилась кровь из разорванного уха.

В тишине звучали только ее мучительные попытки дышать, вой ветра и тиканье часов в бальном зале.

Чуть позже она смогла встать на ноги и добралась до лестницы. Оказавшись там, ухватилась за перила, опустив голову, чуть не теряя сознание. Когда это ощущение немного отступило, принялась подниматься, опираясь на здоровую ногу и подтягиваясь к перилам обеими руками. Только однажды подняла взгляд, ожидая увидеть наверху Дэнни, но лестничная клетка второго этажа была пуста.

(*слава Богу что он все это время спал слава Богу за это*)

На шестой ступени ей пришлось остановиться, чтобы отдохнуть. Она снова низко склонила голову, и ее светлые вьющиеся волосы рассыпались по перилам. Воздух болезненно ранил горло, словно внезапно оброс колючками. Весь ее правый бок напоминал распухшее кровавое месиво.

(*Давай же Уэнди давай старушка запрись понадежнее а потом будешь разглядывать свои раны осталось тринадцать ступеней не так уж и много. А в коридоре наверху ты сможешь двигаться на четвереньках. Ради такого случая так и быть разрешаю.*)

Она вдохнула столько воздуха, сколько позволяли сломанные ребра, и полуподтянулась, полуперевалилась на следующую ступеньку. И на следующую.

Уже добралась до девятой ступеньки, проделав почти половину подъема, когда снизу донесся голос Джека.

— Сука, ты убила меня, — сипло произнес он.

Ужас чернее самой темной ночи охватил все ее существо. Она оглянулась и увидела, как Джек медленно поднимается на ноги.

Он перегнулся в поясе, и она отчетливо различала рукоятку ножа, по-прежнему торчавшую из его спины. Его глаза сузились и почти потерялись среди складок обвисшей бледной кожи, собравшейся вокруг глазниц. В левой руке он опять держал молоток для роке. Головка была густо покрыта кровью, а почти в центре прилип лоскуток ее розового махрового халата.

— Ты у меня получишь, — прошептал он и, хромая, двинулся в сторону лестницы.

Подвывая от страха, Уэнди снова принялась подтягивать себя вверх. Десять ступеней, дюжина, чертова дюжина. Но площадка второго этажа все еще высилась далеко впереди, как

неприступная горная вершина. Уэнди задыхалась, ее бок кричал от боли. Волосы беспорядочно падали на лицо. Тиканье часов в бальном зале грохотом отдавалось в ушах, и ему вторило натужное, хриплое дыхание Джека, который тоже начал подниматься по лестнице.

Глава 51
ПРИБЫТИЕ ХОЛЛОРАНА

Ларри Даркин оказался высоким худощавым мужчиной с угрюмым лицом, над которым красовалась роскошная рыжая шевелюра. Холлоран едва успел перехватить его, когда тот уже закрывал станцию техобслуживания автомобилей «Коноко», глубоко погрузив мрачную физиономию в капюшон армейской парки. Ему совершенно не хотелось заниматься какими-либо делами в этот буранный вечер, откуда бы ни прибыл Холлоран, и уж тем более не хотелось сдавать в аренду один из двух своих снегоходов этому чернокожему мужчине с бешеными глазами, который настойчиво стремился добраться до старого «Оверлука». У тех, кто большую часть жизни провел в Сайдуайндере, отель пользовался дурной репутацией. Там убивали людей. Этим отелем владели и гангстеры, и убийцы. Все знали, что в «Оверлуке» творятся мерзкие дела, но только об этом не писали в газетах, потому что деньгами можно заткнуть рот кому угодно. Однако жители Сайдуайндера имели обо всем, что там происходило, очень хорошее представление. Ведь большинство тамошних горничных жили в городке, а от горничных, как известно, ничто не укроется.

Но стоило Холлорану упомянуть о Хоуарде Коттреле и показать ярлычок в одной из синих варежек, как Даркин моментально сменил тон.

— Стало быть, он послал вас прямиком по мою душу? — переспросил он, снимая замок с гаражной двери и приглашая Холлорана войти. — Что ж, по крайней мере старый дурень еще не окончательно рехнулся. Я-то думал, он уже впал в маразм.

Даркин щелкнул выключателем, и под потолком загудели две тусклые, грязные лампы дневного света.

— А теперь скажи мне, приятель, какого рожна тебе надо в том проклятом месте?

Нервы у Холлорана были на пределе. Последние несколько миль до Сайдуайндера дались ему с невероятным трудом. Однажды особенно сильный порыв ветра, скорость которого, вероятно, достигала шестидесяти миль в час, играючи развернул его «бьюик» посреди дороги на триста шестьдесят градусов. А впереди лежало еще много миль пути, и только Богу было известно, что поджидало его там. Он всерьез опасался за судьбу мальчика. И вот без десяти семь ему предлагали исполнить весь номер с песнями и плясками с самого начала.

— Там кое-кто попал в беду, — сказал он, тщательно подбирая слова. — А конкретнее — сын смотрителя.

— Кто-кто? Этот малыш Торранс? Да в какую такую беду он мог там вляпаться?

— Я в точности не знаю, — пробормотал Холлоран. Ему делалось дурно при одной мысли о том, сколько еще времени уйдет на пустые разговоры. Но он знал, что беседует с жителем глухой провинции, а все провинциалы в этом смысле похожи друг на друга. К любому делу они подходили тщательно, все обнюхав, все взвесив, рассмотрев вопрос со всех точек зрения, прежде чем на что-то решиться. Однако сейчас ничего из этого не выйдет, потому что Холлоран был всего лишь до смерти напуганным одиноким негром, готовым в любой момент сломаться и удрать.

— Послушайте, — сказал он. — Ради всего святого! Мне необходимо попасть туда, а это невозможно без снегохода. Я заплачу, сколько требуется, но только, пожалуйста, давайте не будем тянуть.

— Хорошо, как скажете. — Даркин нисколько не обиделся. — Если вас прислал Хоуард, то мне не нужно других объяснений. Берите вот эту «Снежную тигрицу». Бак полон. Но я дам вам еще канистру с пятью галлонами бензина. Этого наверняка хватит на дорогу туда и обратно.

— Спасибо, — сказал Холлоран, и язык его заплетался.

— С вас двадцать баксов, включая топливо.

Холлоран достал из бумажника двадцатку и протянул Даркину, который сунул купюру в карман, не удостоив даже взглядом.

— И, думаю, нам нужно махнуться одеждой, — сообщил хозяин станции, снимая парку. — В своем пальтишке на снегоходе вы далеко не уедете. Куртку вернете вместе со снегоходом.

— Послушайте, даже не знаю, как вас благо...

— Не благодарите, — добродушно перебил его Даркин. — Я просто не хочу обрекать вас на верную смерть на морозе. А мне самому нужно пройти лишь пару кварталов, чтобы оказаться с семьей за ужином в теплом доме. Так что снимайте пальто.

Все еще немного ошеломленный Холлоран сменил свое городское пальто на подбитую мехом куртку Даркина. Под потолком чуть слышно гудели флюоресцентные лампы, напоминая кухню в «Оверлуке».

— Маленький Торранс, — сказал Даркин и покачал головой. — Симпатичный мальчуган, верно? Они с отцом часто бывали здесь до того, как пришли большие снега. Обычно приезжали на пикапе из отеля. Мне они казались очень дружной семьей. Вот сынишка, который крепко любит своего отца, всегда думал я. Надеюсь, с ним все обойдется.

— Я тоже очень на это надеюсь. — Холлоран застегнул молнию на парке и затянул тесемки капюшона.

— Давайте я помогу выкатить его из гаража, — предложил Даркин. Вдвоем они легко подкатили снегоход по испещренному пятнами машинного масла бетонному полу к дверям. — Вы когда-нибудь управляли чем-то похожим?

— Нет.

— Здесь нет никаких сложностей. Простейшие инструкции есть прямо на панели приборов, но действительно вам понадобятся только газ и тормоз. Рукоятка акселератора — как на обычном мотоцикле. С противоположной стороны — тормоз. На поворотах отклоняйтесь вместе с машиной. На слежавшемся снегу эта малышка выдаст все семьдесят миль в час, но по нынешней каше удастся выжать максимум пятьдесят, и то придется постараться.

Они стояли на заваленном снегом дворе станции Даркина, и тому приходилось почти кричать, чтобы перекрыть вой ветра.

— Не съезжайте с дороги! — завопил он прямо в ухо Холлорану. — Не теряйте из виду дорожного ограждения, следите за указателями, и все будет в порядке. Но если собьетесь с пути, вам конец. Это вы понимаете?

Холлоран кивнул.

— Подождите еще минутку. — И Даркин вновь исчез в гараже.

Пока его не было, Холлоран повернул ключ зажигания и тронул рукоятку газа. Мотор снегохода кашлянул и ожил.

Даркин вернулся с черно-красной вязаной лыжной шапочкой-маской.

— Наденьте ее под капюшон! — прокричал он.

Холлоран подчинился. Она оказалась маловата, зато полностью защитила от колючего ветра щеки, лоб и подбородок.

Даркин пододвинулся поближе, чтобы его было слышно.

— Как я понял, вы умеете видеть скрытые от других вещи, как это иногда получается у Хоуи, — сказал он. — Но помните, что то место пользуется в здешних краях очень дурной славой. Я могу дать вам с собой ружье, если хотите.

— Не думаю, что там оно поможет, — прокричал Холлоран в ответ.

— Воля ваша. Но если сумеете вывезти оттуда мальчонку, привозите в дом шестнадцать по Пич-лейн. Жена будет держать на плите горячий суп.

— Хорошо. Спасибо вам за все.

— Будьте осторожны! — крикнул на прощание Даркин. — Держитесь дороги!

Холлоран кивнул и плавно повернул рукоятку газа. Снегоход с урчанием тронулся с места, высвечивая фарой четкий конус в густо падавшем снегу. В зеркале заднего вида Холлоран заметил, как Даркин поднял ему вслед на прощание руку, и поднял свою в ответном жесте. Затем повернул руль влево, выехал на Мейн-стрит, и снегоход плавно заскользил сквозь белое сияние уличных фонарей. Спидометр показывал тридцать миль в час. Было десять минут восьмого. В «Оверлуке» в это время Уэнди и Дэнни еще спали, а Джек Торранс обсуждал

вопросы жизни и смерти с одним из предыдущих смотрителей отеля.

Через пять кварталов уличное освещение закончилось. Потом еще с полмили тянулись ряды домиков, наглухо законопаченных от превратностей погоды, а дальше простиралась продуваемая штормовым ветром темнота. И в непроглядном мраке, нарушаемом только тонким лучом фары снегохода, на Холлорана снова навалился страх — почти детский ужас, безотчетный и безысходный. Никогда в жизни ему не было так одиноко. На несколько минут, пока последние огни Сайдуайндера исчезали в зеркале заднего вида, желание повернуть назад стало почти непереносимым. Он отметил, что при всей озабоченности Даркина судьбой сына Джека Торранса тот все же не пожелал взять второй снегоход, чтобы отправиться вместе с ним.

(*То место пользуется в здешних краях очень дурной славой.*)

Стиснув зубы, он повернул рукоятку дальше и проследил, как стрелка спидометра миновала отметку сорок миль в час и замерла напротив сорока пяти. Казалось, он мчался на захватывавшей дух скорости, но в то же время опасался, что этого мало. При таком темпе движения ему потребуется почти час, чтобы добраться до «Оверлука». Однако на более высокой скорости он мог вообще никуда не добраться.

Он не сводил глаз с металлических столбиков ограждения, обозначавших край шоссе, и красных катафотов размером с десятицентовик, сверкавших в свете фары. Многие из них полностью занесло сугробами. Дважды он замечал стрелки с указателем поворота слишком поздно и чувствовал, как снегоход задевает полозьями снежный завал, за которым пряталась пропасть, прежде чем успевал вернуть его на дорогу. Одометр с черепашьей скоростью отсчитывал мили — пять, десять, пятнадцать. Даже под плотной лыжной маской лицо Холлорана начало неметь, а ног он не чувствовал уже давно.

(*Я бы сейчас легко отдал сотню баксов за пару хороших лыжных брюк.*)

И с каждой преодоленной милей его страх возрастал — словно отель распространял ядовитые миазмы, становившиеся тем плотнее, чем ближе ты находился к нему. Испытывал ли он нечто подобное в прошлом? «Оверлук» никогда ему не нра-

вился, и очень многие разделяли его антипатию, но такого с ним прежде не случалось.

Он чувствовал, как голос, который чуть не убил его на подъезде к Сайдуайндеру, все еще пытается пробить защиту и добраться до мякоти его сознания. Голос обладал огромной мощью еще в двадцати пяти милях отсюда. Насколько же должна была возрасти его сила сейчас? Холлоран не мог избавиться от него полностью. Что-то пробивалось в мозг, оставляя в нем зловещие, хотя и смутные образы. Все чаще и чаще перед его внутренним взором мелькала израненная женщина, которая безуспешно пыталась руками защититься от града сыпавшихся на нее ударов, и постепенно ему стало ясно, что эта женщина могла быть только...

(*Господи, осторожнее!*)

Завал из снега вырос перед ним, как товарный поезд. Погруженный в свои мысли, он снова пропустил знак поворота. Резко дернул руль снегохода вправо, и тот развернулся, наклонившись. Снизу донесся скрежет гусеницы по камню. Он подумал, что снегоход сейчас перевернется, но тот секунду балансировал, как на лезвии ножа, после чего выровнялся и полусъехал, полусоскользнул на более-менее ровную поверхность дороги, скрытой снежным покровом. Свет фары выхватил из темноты обрыв и лежавшую за ним пропасть. Холлоран развернул снегоход в нужном направлении, но тошнотворный комок ужаса еще долго стоял у него в горле.

(*Постарайся больше не съезжать с дороги, старина Дики.*)

Только огромным усилием воли он сумел заставить себя повернуть рукоятку газа еще на деление. Теперь стрелка спидометра подрагивала возле отметки пятьдесят миль в час. Ветер то завывал, то оглушительно ревел в ушах. Фара с трудом пробивала тьму.

Еще через какой-то промежуток времени, продолжительность которого он сам не смог бы определить, за очередным виражом шоссе и огромным сугробом он увидел впереди мерцающий свет. Всего лишь проблеск, немедленно исчезнувший из виду за скалой. Столь краткий, что Холлоран сразу решил, что выдает желаемое за действительное, и убедил бы себя в этом, если бы вскоре мерцание не появилось вновь. Теперь оно

было ближе и не пропадало несколько секунд подряд. Сомнений в реальности увиденного больше не оставалось; он много раз видел подобное прежде и именно с этого ракурса. Это был «Оверлук». Издали казалось, что свет горит на первом и втором этажах отеля.

Часть страха, связанная с опасностью свалиться в пропасть или разбить снегоход о незаметный под снегом камень, тут же улетучилась. Машина начала уверенно взбираться по нижней части S-образного излома дороги, который Холлоран прекрасно помнил, но именно в этот момент фара выхватила на дороге

(*о боже это еще что такое*)

нечто незнакомое. Черный силуэт на белом фоне сначала показался Холлорану одним из огромных лесных волков, которых непогода иногда выгоняла из горной глуши к человеческому жилью. Но, подъехав ближе, он понял, *что* стояло перед ним, и ужас ухватил его за горло.

Это был не волк, а лев. Лев из живой изгороди.

Морда напоминала маску из глубоких теней и снежной пудры, напряженные мышцы приготовились к прыжку. И он действительно прыгнул, бесшумно взметнув из-под задних лап тучи сверкающего снега.

Холлоран вскрикнул и вывернул руль снегохода вправо, одновременно пригибаясь как можно ниже. Рвущая боль прочертила ему лицо, шею, плечи. Лыжная маска оказалась полностью рассечена на затылке. Его вышибло из сиденья. Он упал в снег, чуть отполз в сторону и перекатился на бок.

Он знал, что сейчас последует новое нападение. В ноздри ударил густой запах хвои и остролиста. Огромная зеленая лапа ударила его чуть ниже спины и, как тряпичную куклу, отшвырнула на добрых десять футов. Холлоран видел, как никем не управляемый снегоход поднялся по склону сугроба, а потом медленно сполз назад, уставив одинокую фару в темное небо. Затем машина опрокинулась, и двигатель заглох.

А лев уже снова набросился на него. Раздался треск рвущейся ткани, и что-то острое вспороло перёд куртки. Это могли быть сучки, но Холлоран знал, что это когти.

— Тебя здесь нет! — заорал он на кружащего огрызающегося льва. — *Тебя нет и быть не может!*

Он с трудом поднялся на ноги и успел проделать часть пути к опрокинутому снегоходу, когда лев настиг его и сбил с ног усеянной иглами лапой. Перед глазами Холлорана медленно поплыли круги, взрывавшиеся вспышками цвета.

— Тебя нет, — повторил он, но уже едва слышно. Колени подогнулись, и Холлоран рухнул в снег. И все же он пополз к снегоходу, хотя правая сторона его лица превратилась в кровавое месиво. Лев ударил снова, перевернул его на спину, как черепаху, и игриво рыкнул.

Холлоран изо всех сил старался добраться до снегохода. Там находилось то, в чем он отчаянно нуждался. Но лев уже навалился на него, орудуя клыками и когтями.

Глава 52
УЭНДИ И ДЖЕК

Уэнди осмелилась еще раз обернуться. Джек добрался до шестой ступеньки, подтягиваясь за перила, как это делала она сама. Ухмылка не сходила с его лица, хотя темная струйка крови сочилась из угла рта к подбородку. Он скалил на нее зубы.

— Я размозжу об стену твою голову. Размажу твои поганые мозги по первой же стенке. — Он с трудом преодолел очередную ступень.

От охватившего ее ужаса, казалось, даже утихла боль в боку. И она толкала себя вперед, не обращая внимания на сломанные ребра, конвульсивно цепляясь пальцами за перила. Достигнув площадки, Уэнди снова бросила взгляд назад.

Создавалось впечатление, что сил у него не только не убавляется, но, наоборот, прибывает. Он находился всего в четырех ступеньках от нее, правой рукой подтягиваясь за перила, а левой с молотком отсчитывая ступени.

— Я здесь, здесь. Прямо у тебя за спиной, — произнес он, задыхаясь, словно прочитав ее мысли. — Уже совсем близко, сука. С лекарством для тебя.

Спотыкаясь, она побежала по главному коридору, прижав обе ладони к боку.

Неожиданно дверь одного из номеров распахнулась, и из нее высунулась голова мужчины в зеленой маске вампира.

— *Хорошая вечеринка, верно?* — выкрикнул он ей в лицо, а потом дернул за шнурок большой хлопушки. Раздался грохот, и Уэнди внезапно опутали ленты серпантина. Мужчина хихикнул и захлопнул дверь, а Уэнди от неожиданности плашмя рухнула на ковровую дорожку. Правый бок вновь взорвался от боли, и ей с трудом удалось остаться в сознании. Она смутно слышала, как снова заработал лифт; узор ковра между ее пальцами, казалось, ожил и начал беспорядочно вращаться и раскачиваться.

Молоток врезался в пол позади нее, и она с рыданием дернулась вперед. Краем глаза она видела, как Джек, который сам нетвердо держался на ногах, вновь вскинул свое орудие, потерял равновесие, но успел нанести удар, прежде чем упал, забрызгав кровью ворс дорожки.

На этот раз головка молотка угодила ей точно между лопаток, и боль стала до такой степени невыносимой, что Уэнди могла только корчиться, сжимая и разжимая кулаки. Внутри что-то с хрустом сломалось — она отчетливо услышала этот звук, и на несколько мгновений мир стал нечетким, словно ей на глаза надели марлевую повязку.

Затем чувствительность вернулась, а вместе с ней — панический ужас и боль.

Джек пытался подняться на ноги, чтобы завершить начатое.

Уэнди тоже хотела встать, но обнаружила, что не может. При малейшем усилии ее спину словно пронизывали мощные электрические разряды. И она поползла, опираясь на один бок. Джек пополз за ней, используя молоток как подпорку или костыль.

Так она добралась до угла и заползла за него, вцепившись руками в стену. Она сама не верила, что такое возможно, но ее страх в ту же секунду усилился. Оказалось, что намного хуже не видеть его, не знать, насколько близко он уже подобрался. Вырывая пальцами пучки ворса из ковровой дорожки, она подтягивала свое тело и проползла уже почти половину короткого коридора, когда заметила, что дверь спальни открыта.

(*Дэнни! О мой Бог!*)

Ей хватило сил сначала встать на колени, а потом, цепляясь ногтями за шелковые стены, подняться на ноги, оставив на обоях длинные кровавые полосы. Не обращая внимания на боль, она ввалилась в дверной проем как раз в тот момент, когда из-за угла показался Джек и тоже устремился к двери, опираясь на свой молоток.

Уэнди ухватилась за край туалетного столика, использовала его как опору и взялась за дверь.

— Не смей закрывать ее! — визгливо заорал Джек. — *Не смей даже думать* закрывать ее!

Но она сумела не только захлопнуть дверь, но и задвинуть щеколду. Ее рука продолжала беспорядочно шарить по столику, сбросив при этом горсть монет, которые раскатились по полу. Пальцы нащупали связку ключей как раз в тот момент, когда молоток со свистом врезался в дверь и потряс ее до основания. Уэнди вставила ключ в замочную скважину и вместе со вторым ударом молотка провернула его вправо. Услышав щелчок запирающегося замка, Джек взревел. Молоток вновь обрушился на дверь с такой силой и с таким грохотом, что Уэнди вздрогнула и подалась назад. Как он мог делать все это, если у него в спине торчал огромный нож? Откуда он черпал силы? Ей хотелось завопить, обращаясь к запертой двери: *Почему ты до сих пор жив?*

Вместо этого она развернулась. Им с Дэнни придется укрыться в ванной комнате и запереться там на случай, если Джеку все же удастся проломить дверь спальни. На мгновение ей в голову пришла идея воспользоваться для побега кухонным лифтом, но она тут же отмела ее. Дэнни сможет поместиться в нем, однако сама она была не в состоянии обращаться с веревкой. Все могло закончиться сокрушительным падением вниз.

Ванная оставалась их единственной надеждой. А если Джек проломит дверь и туда...

Но сейчас она не хотела даже думать об этом.

— Дэнни, солнышко, тебе придется встать с постели и...

Постель была пуста.

Когда сын крепко заснул, она накрыла его одеялом, а сверху положила плед. Но теперь они были откинуты.

— Я до тебя доберусь! — завывал Джек. — Я до вас обоих доберусь!

Каждое второе слово сопровождал удар молотка, но Уэнди почти перестала обращать на него внимание. Сейчас все ее мысли занимала только опустевшая постель Дэнни.

— *Выходи оттуда! Отопри эту треклятую дверь!*

— Дэнни? — шепотом позвала она.

Ну конечно... Когда Джек напал на нее, Дэнни мгновенно почувствовал это, как всегда ощущал любые негативные эмоции или действия. Быть может, он даже увидел случившееся в кошмарном сне. И спрятался.

Она с трудом, неуклюже опустилась на колени, выдержав очередной мучительный приступ боли в распухшей и кровоточившей ноге, чтобы заглянуть под кровать. Но там не оказалось ничего, кроме комков пыли и домашних тапочек Джека.

Джек выкрикнул ее имя, последовал мощный удар, и длинная щепка отскочила от двери и упала на пол. Следующий удар сопровождался тошнотворным треском, с каким ломается под топором сухая растопка. Окровавленная головка молотка показалась в возникшей в двери дыре, затем исчезла и снова обрушилась на дверь. Обломки дерева шрапнелью разлетелись по всей комнате.

Подтянувшись за ножку кровати, Уэнди рывком приняла вертикальное положение и прохромала через всю комнату к стенному шкафу. Сломанные ребра жутко болели, заставляя ее стонать.

— Дэнни?

Она принялась лихорадочно передвигать в шкафу вешалки с одеждой, которая сползала с «плечиков» и неряшливой кипой падала на пол. В стенном шкафу Дэнни не было.

Она дошаркала до ванной и уже на пороге оглянулась. Молоток вновь пробил дверь, расширив дыру; вслед за ним просунулась рука, искавшая задвижку. Уэнди с ужасом поняла, что опрометчиво оставила связку ключей в замочной скважине.

Пальцы нащупали задвижку, открыли ее и при этом задели ключи. Те весело звякнули. Рука победоносно ухватилась за них.

Со сдавленным рыданием она вошла в ванную и захлопнула дверь как раз в тот момент, когда дверь спальни с шумом

распахнулась и Джек с торжествующим воплем ворвался внутрь.

Уэнди задвинула защелку, заперла пружинный замок и в отчаянии огляделась. Ванная была пуста. Ни следа Дэнни. В зеркале шкафчика для лекарств она увидела отражение своего покрытого кровью, перекошенного ужасом лица и могла только порадоваться, что сына здесь нет. Она всегда считала, что детям нельзя присутствовать при родительских размолвках. Быть может, нелюдь, крушивший сейчас все в их спальне, переворачивая мебель и разнося вдребезги вещи, упадет замертво, прежде чем сумеет начать охоту на ее сына. А может, ей удастся нанести этому существу новые повреждения... Вероятно, даже убить его.

Она быстро обшарила глазами ванную, облицованную кафелем, выискивая хоть какое-нибудь оружие. Обнаружила кусок мыла, но даже если завернуть его в полотенце, вряд ли им удастся кого-то убить. Все остальное было надежно привинчено к стенам. Боже, неужели она ничего не может предпринять?

Из-за двери продолжали доноситься звуки, словно огромное животное разрушало спальню. Это сопровождалось нескончаемыми криками, что они «получат свое лекарство» и «расплатятся за все, что сделали с ним». Он им «покажет, кто здесь хозяин». Они оба были всего лишь «дрянными щенками».

С грохотом опрокинулся на пол ее проигрыватель, разбился кинескоп дешевого телевизора, со звоном разлетелось оконное стекло, и в щель под дверью ванной потянуло сквозняком. С глухим стуком упал с кровати матрац, на котором они столько ночей спали вместе — бок о бок. А потом начался оглушительный стук — Джек принялся беспорядочно молотить по стенам комнаты.

Впрочем, в этом диком, злобном голосе, в этой бессвязной речи уже ничего не осталось от настоящего Джека. От стонов сострадания к самому себе он переходил к яростным угрозам, и это напоминало Уэнди те крики, что порой доносились из больничных палат для пожилых людей, где она подрабатывала санитаркой в летние каникулы, когда училась в старших классах. Старческое слабоумие. Джека больше не существовало.

А безумный и бессмысленный голос, который она слышала, принадлежал самому «Оверлуку».

Молоток врезался в дверь ванной, сразу же выбив огромный кусок. В образовавшуюся щель на Уэнди уставилась половина сумасшедшего, искаженного гневом лица. Рот, щеку, горло покрывали пятна крови, а единственный глаз был крошечным, блестящим, свиным.

— Что, некуда больше бежать, сучка? — произнесло существо, криво ухмыляясь.

Молоток снова обрушился на дверь, щепки посыпались в ванну, застучали по зеркальной дверце шкафчика для лекарств.

(*!!Шкафчик для лекарств!!*)

С отчаянным воем, на мгновение забыв о боли, она кинулась к нему и распахнула дверцу. Начала рыться в содержимом. Позади все тот же хриплый голос продолжал орать:

— Ну вот я до тебя и добрался! Я достал тебя, свинья!

Молоток продолжал неумолимо крушить дверь.

Лихорадочными движениями она отбрасывала бутылочки и баночки: сироп от кашля, вазелин, шампунь на экстракте трав, перекись водорода, бензокаин — все это падало в раковину, разлетаясь на мелкие осколки.

Как раз в тот момент, когда рука Джека принялась нащупывать замок, Уэнди наткнулась на упаковку опасных лезвий для бритья. Тяжело дыша, достала одно, но так неловко, что порезала себе подушечку большого пальца. Затем резко развернулась и ударила лезвием по руке, которая уже отперла замок и теперь возилась с задвижкой.

Джек вскрикнул. Рука отдернулась и пропала из виду.

Покачиваясь и с трудом втягивая в себя воздух, Уэнди зажала лезвие между большим и указательным пальцами, дожидаясь новой попытки. Он сунул руку и получил еще один порез. Джек с бешеным криком попытался ухватить ее за кисть, но она полоснула снова. При этом лезвие неудачно подвернулось, порезало ее саму и упало на пол ванной.

Уэнди мгновенно достала второе лезвие и приготовилась.

Из спальни донеслось какое-то движение...

(*??Неужели уходит??*)

Какой-то звук отчетливо доносился сквозь разбитое окно комнаты. Шум мотора. Высокое гудение, напоминавшее жужжание насекомого.

Громкий злобный вопль Джека и... да, да, теперь она была в этом уверена, он в спешке выбирался из квартиры, отбрасывая в сторону мешавшие обломки.

(*??Кто-то приехал. Рейнджер? Дик Холлоран??*)

— О Господи, — с трудом выдавила она из себя. Ее рот словно был набит древесными щепками и опилками. — О Боже, молю тебя, помоги!

Ей нужно было немедленно выбираться отсюда, нужно было найти сына, чтобы вместе встретить окончание этого кошмара. Она протянула руку к защелке. Пальцы не хотели слушаться, но в конце концов металлическая полоса сдвинулась в сторону. Открыв дверь, Уэнди, шатаясь, вышла из ванной, и вдруг ею овладело паническое предчувствие, что Джек только сделал вид, что уходит, а сам притаился где-то в засаде.

Уэнди огляделась. Спальня была пуста. Гостиная тоже. Все вокруг было усеяно сломанными вещами и мебелью.

Стенной шкаф? Но там по-прежнему было пусто.

А потом ее сознание помутилось, мягкие серые тени замелькали перед глазами, и она в полуобморочном состоянии упала на матрац, который Джек сдернул с их кровати.

Глава 53
ХОЛЛОРАН ПОВЕРЖЕННЫЙ

Холлорану удалось добраться до перевернутого снегохода как раз в тот момент, когда в полутора милях от него Уэнди, вцепившись руками в стену, втянула себя в короткий коридор, который вел к квартире.

Ему нужен был не сам снегоход, а канистра с бензином, закрепленная сзади эластичными лентами. Его руки, все еще в синих варежках Хоуарда Коттрела, дотянулись до верхней ленты и сняли ее. Сзади донесся рык льва из живой изгороди — звук, который скорее раздавался внутри его головы. Но затем

тяжелый колючий удар вывернул его левое колено под неестественным углом, и сустав завибрировал от боли. Стон прорвался сквозь стиснутые зубы Холлорана. Тварь явно устала играть и собиралась покончить с ним.

Он отчаянно пытался нащупать вторую ленту. Липкая кровь заливала глаза.

(*Рык! Удар!*)

Этот пришелся аккурат поперек ягодиц и почти отшвырнул Холлорана от снегохода. Но он удержался на месте, потому что цеплялся — в самом буквальном смысле слова — за свою жизнь, единственную и неповторимую.

Затем ему удалось высвободить вторую крепежную ленту. И он уже прижимал канистру к себе, когда лев нанес новый удар, перевернув его на спину. Холлоран различил черную тень посреди темноты и падающего снега, кошмарную тень, похожую на ожившую горгулью. Он отвинтил пробку канистры, пока эта живая тень готовилась к следующей атаке, отбрасывая задними лапами снежные комья. Зверь двинулся вперед, но пробка уже слетела, и остро запахло бензином. Холлоран успел подняться на колени и, когда лев с невероятной быстротой приблизился вплотную, облил его топливом.

Со злобным шипением животное попятилось.

— Бензин! — выкрикнул Холлоран пронзительным голосом. — Я сожгу тебя, киска! Погоди немного!

Лев бросился на него, злобно порыкивая. Холлоран снова плеснул бензином, но зверя это не остановило. Холлоран скорее почувствовал, чем увидел, что лев метит ему прямо в лицо, и успел отпрянуть, частично избежав удара, хотя голова животного угодила ему в верхнюю часть грудной клетки, которую свело от невыносимой боли. Бензин выплеснулся из канистры и попал ему на правую руку, холодный, как сама смерть.

Он лежал теперь на спине шагах в десяти справа от снегохода. Слева доносилось шипение льва, который снова приближался. Холлорану показалось, что он даже видит его раскачивающийся, задранный вверх хвост.

Он сдернул варежку Коттрела с правой руки, чувствуя под пальцами влажную от бензина шерсть. Добираясь до брючного кармана, порвал подол парки. В кармане вместе с ключами и

горстью мелочи лежала старая, потертая зажигалка «Зиппо». Он купил ее в Германии в 1954 году. Однажды у крышки сломалась петля. Он отправил зажигалку на завод, и там ее отремонтировали, совершенно бесплатно, как и обещала реклама.

За долю секунды в его голове промелькнул какой-то кошмарный поток бессвязных мыслей.

(*Дорогая фирма «Зиппо» мою зажигалку проглотил крокодил я уронил ее с самолета потерял в траншее на тихоокеанском фронте она спасла меня от немецкой пули во время Арденнской операции но дорогая фирма «Зиппо» если ваш чертов кремень даст осечку сейчас этот лев оторвет мне башку*)

Он достал зажигалку. Откинул крышку. И когда лев кинулся на него и уже раздался треск рвущейся одежды, крутанул колесико. Проскочила искра, появился язычок *пламени*,

(*моя рука*)

и его пропитанный бензином рукав внезапно вспыхнул факелом. Пламя бежало по ткани парки. Боли не было, пока не было, а лев подался назад от внезапно озарившего все вокруг огня. Уродливая скульптура, вырезанная из куста, попыталась бежать от пламени, но слишком поздно.

Скривившись от боли, Холлоран погрузил свой горящий рукав в самую глубь этого жесткого, колючего растения.

Зеленое чудовище мгновенно охватило пламя, превратив его в огромный костер на снегу. Оно взвыло от ярости и боли и стало крутиться, словно гоняясь за собственным горящим хвостом, одновременно зигзагами удаляясь от Холлорана.

Тот быстро погрузил руку глубоко в снег, чтобы сбить огонь, не в силах ни на секунду отвести взгляд от смертельной агонии льва. Потом, жадно глотая ртом воздух, поднялся на ноги. Рукав парки Даркина почернел и обуглился, но не прогорел насквозь, и это спасло Холлорану руку. А в тридцати ярдах от него лев из живой изгороди превратился в огненный шар. Искры с треском поднимались в небо, и их с жадной готовностью подхватывал и уносил прочь ветер. На мгновение Холлорану показалось, что он различает львиный скелет, но уже в следующую секунду все это обратилось в беспорядочную груду горящих веток.

(*Не теряй времени. Шевелись.*)

Он поднял канистру и направился к снегоходу. Его сознание то вспыхивало, то меркло, показывая ему фрагменты происходившего, как обрывки любительской киноленты, но не давая увидеть картину целиком. В одном из таких эпизодов он вроде бы ставил снегоход на полозья и падал на сиденье, запыхавшийся, не в состоянии пошевелиться. В другом — закреплял лентами полупустую канистру. Голова раскалывалась от бензиновых паров (и, вероятно, схватки со львом). Рядом с собой он увидел в снегу отверстие, из которого поднимался пар, и понял, что его вырвало, но совершенно не представлял, когда именно это с ним случилось.

Мотор снегохода не успел остыть, и машина завелась с полоборота. Холлоран дернул рукоятку газа, и снегоход тронулся резкими рывками, которые только усугубили мучительную головную боль. Поначалу его пьяно мотало по дороге из стороны в сторону, но потом Холлоран догадался привстать на сиденье так, чтобы лицо оказалось выше лобового стекла, и холодный жесткий ветер помог ему прийти в себя. После чего он решительно прибавил газ.

(*Где же остальные животные из изгороди?*)

Этого он не знал. Но по крайней мере теперь он не даст застигнуть себя врасплох.

Перед ним возвышался «Оверлук», освещенные окна второго этажа отбрасывали на снег желтые прямоугольники. Ворота при въезде оказались заперты на замок, и Холлоран с неохотой вылез из седла снегохода, внимательно оглядевшись и моля Бога, чтобы связка его ключей не вывалилась из кармана, когда он доставал зажигалку... но нет, она оказалась на месте. В ярком свете фары снегохода он перебрал ключи, нашел нужный и снял навесной замок, дав ему упасть в снег. Сначала ему показалось, что открыть ворота все равно не удастся; он принялся *яростно* раскапывать руками завалившийся одну из створок снег, стараясь не обращать внимания на пытку головной болью и постоянный страх, что еще один лев может незаметно подкрасться сзади. Наконец он сдвинул створку на полтора фута, что позволило упереться спиной в стойку и толкать сильнее. Когда ворота открылись еще на два фута, образовавшегося пространства оказалось достаточно, чтобы снегоход прошел внутрь.

И почти сразу в простиравшемся перед ним полумраке Холлоран различил движение. Животные из ограды — все до единого — выстроились вдоль террасы «Оверлука», загораживая как вход, так и выход из отеля. Львы расхаживали. Собака стояла, упершись передними лапами в нижнюю ступень.

Холлоран дал полный газ, и снегоход устремился вперед, оставляя за собой широкий снежный шлейф. В квартире смотрителя, услышав пронзительное жужжание мотора, Джек Торранс на секунду высунул голову в окно, а потом из последних сил поспешил выбраться в коридор. Сучка теперь не имела особого значения. Сучка могла подождать. Первым на очереди был этот грязный негритос. Этот мерзкий вонючий ниггер, который совал свой нос куда не следовало. Сначала он, потом сынок. Он им всем покажет. Он докажет им... Докажет, что выкован из *самой качественной* управленческой стали!

А снегоход мчался все быстрее и быстрее. Отель тоже словно летел ему навстречу. В лицо Холлорану валил снег. На мгновение фара высветила морду зеленой овчарки с пустыми и темными глазницами.

Собака отпрянула в сторону. В плотном строю животных образовалась брешь. Собрав оставшиеся силы, Холлоран навалился на руль снегохода и перед самой террасой описал крутой полукруг, рискуя перевернуться. Задняя лыжа задела ступень. Холлоран выскочил из седла и бросился вверх по ступеням террасы. Споткнулся, упал, успел подняться. Зарычала собака — у него в голове, — казалось, гнавшаяся за ним по пятам. Что-то вцепилось в плечо куртки, но он уже стоял на террасе в узком коридоре, прокопанном Джеком, в полной безопасности. Зеленое зверье было слишком массивным, чтобы протиснуться туда.

Он подошел к двустворчатым входным дверям и снова принялся искать нужный ключ. Но ключ не потребовался. Стоило повернуть ручку, как двери легко открылись. Он ворвался внутрь.

— *Дэнни!* — выкрикнул он хрипло. — *Дэнни, где ты?*

В ответ не донеслось ни звука.

Холлоран внимательно осмотрел вестибюль, и когда его взгляд упал на подножие широкой лестницы, у него невольно

перехватило дыхание от ужаса. Ковер перед лестницей был буквально пропитан кровью. Рядом валялся лоскут розового махрового халата. Кровавый след вел наверх. Перила были забрызганы красным.

— О Боже, — пробормотал он, а потом снова начал кричать: — *Дэнни! ДЭННИ!*

В отеле царила тишина, но в ней он мог слышать неуловимые отголоски эха, как будто издевавшегося над ним.

(*Дэнни? Кто такой Дэнни? Кто-нибудь знает этого Дэнни? Мы что, в прятки здесь играем? Какой еще Дэнни? Убирайся отсюда, черномазый! Никакого Дэнни здесь нет и никогда не было.*)

Господи Иисусе, неужели он прошел через столько испытаний лишь для того, чтобы немного опоздать? Неужели все кончено?

Перепрыгивая через две ступеньки, Холлоран взбежал по лестнице и остановился на площадке второго этажа. Кровавый след тянулся дальше к квартире смотрителя. Страх мягко заполнял ему вены, забрался в мозг, когда он двинулся в ту сторону. Звери из живой изгороди представляли опасность, но то, с чем предстояло столкнуться сейчас, было куда хуже. В глубине души он уже знал, что найдет.

И не торопился увидеть это.

Когда Холлоран поднялся по ступеням, Джек прятался в лифте. И теперь он неслышно крался за фигурой в припорошенной снегом парке — фантом, покрытый запекшейся кровью, но с ухмылкой на устах. Молоток для роке он поднял настолько высоко, насколько позволяла

(*??кажется эта сучка пырнула меня ножом не помню??*)

пронизывающая боль в спине.

— Черномазый, — прошептал он. — Я научу тебя, что не стоит совать нос в чужие дела.

Холлоран услышал шепот, начал поворачиваться, даже успел отклониться, когда молоток со свистом обрушился вниз. Капюшон куртки смягчил удар, но лишь незначительно. В голове у него словно разорвалась ракета, выпустив мириады цветных звезд... а потом все померкло.

Он покачнулся, привалился к шелковым обоям стены, и Джек ударил его еще раз, теперь сбоку. Молоток раздробил ему

левую скулу и выбил большую часть зубов. Холлоран плашмя повалился на пол.

— Вот так, — прошептал Джек. — А теперь Бог мне в помощь.

Где же Дэнни? Пришла пора разобраться с непослушным мальчишкой.

Через три минуты дверь лифта с грохотом распахнулась на погруженном в полумрак четвертом этаже. Джек Торранс был внутри один. Кабина остановилась, наполовину не доехав до уровня пола, и ему пришлось мучительно выбираться в холл, извиваясь всем телом, как калека. Покореженный молоток для роке он тащил за собой. Под скатами крыши продолжал реветь и завывать ветер. Глаза Джека безумно метались из стороны в сторону. В его спутанных волосах среди запекшейся крови застряли нарядные кружки конфетти.

Его сын был где-то здесь, нашел себе укрытие совсем рядом. Он нутром чуял это. Предоставленный самому себе, этот непутевый мальчишка мог творить что угодно: разрисовывать дорогие обои цветными карандашами, курочить мебель, бить стекла в окнах. Он был лжецом, трусливым врунишкой и заслуживал наказания... самого сурового наказания.

Джек Торранс с трудом поднялся на ноги.

— Дэнни? — выкрикнул он. — Дэнни, подойди ко мне на минутку, сделай одолжение. Ты поступил скверно, и я хочу, чтобы ты принял свое лекарство, как мужчина. Дэнни? *Дэнни!*

Глава 54
ТОНИ

(*Дэнни...*)

(*Дэнн-ни-и-и...*)

Темнота и пустые коридоры. Он бродил по этим темным коридорам, которые очень напоминали те, что протянулись по

всему отелю, но в чем-то все же отличались от них. Покрытые шелком стены уходили высоко вверх, и, даже вытянув шею, Дэнни не видел потолок. Он терялся во мраке. Все двери были заперты и тоже тянулись куда-то ввысь. А под глазками (которые в этих огромных дверях больше походили на оптические прицелы) вместо номеров комнат были привинчены миниатюрные черепа и кости.

И откуда-то его звал Тони.

(*Дэнн-ни-и-и...*)

Были еще грохочущие стуки, уже хорошо знакомые, и далекие хриплые крики. Он различал не все слова, но к этому времени уже знал их почти наизусть. Он слышал их раньше, во снах и наяву.

Он остановился, маленький мальчик, меньше трех лет назад научившийся ходить на горшок, и постарался определить, где он находится, куда он мог попасть. Ему было страшно, но подобный страх стал привычным. С таким страхом он справлялся. Он ведь испытывал его каждый день на протяжении двух месяцев, от легкой тревоги до панического, безумного ужаса. С таким страхом, как сейчас, он мог смириться. Но ему хотелось узнать, зачем пришел Тони, почему он звал его в этом коридоре, который не относился ни к реальности, ни к миру грез, где Тони прежде показывал ему разные вещи. Почему, где...

— Дэнни.

В дальнем конце бесконечного коридора стояла темная фигурка, такая же крошечная, как сам Дэнни. Тони.

— Где я? — негромко спросил он.

— Ты спишь, — ответил Тони. — Спишь в комнате своих мамы с папой.

В голосе Тони звучала печаль.

— Дэнни, — продолжал он. — Твоя мама будет очень сильно поранена. Возможно, даже убита. И мистер Холлоран тоже.

— Нет!

Его восклицание прозвучало горестно, но тоже словно издалека, как будто странное полусонное окружение поглощало часть испуга. Тем не менее ему в голову пришли образы смерти в разных ее проявлениях: лягушка, раздавленная колесом машины на шоссе, как отвратительная почтовая марка на сером

конверте; разбитые папины часы, валяющиеся поверх мусора в корзине перед тем, как отправиться на свалку; мертвая сойка рядом с телеграфным столбом; застывшие объедки, которые мама соскребала с тарелок в темную пасть бака для пищевых отходов.

Но нельзя было приравнять эти простые символы к той сложной роли, которую играла в реальной жизни мама; она полностью соответствовала его детскому представлению о вечности. Она уже была, когда его самого еще не было. И она будет, когда его не станет. Он мог принять возможность собственной смерти, он понял это, когда побывал в номере 217.

Но не ее.

Не папиной.

Никогда.

И он начал бороться, и темнота коридора поплыла. Фигурка Тони совсем побледнела, стала едва различимой.

— Не надо! — закричал Тони. — Не делай этого, Дэнни!

— Но она не умрёт! *Она не может умереть!*

— Тогда ты должен помочь ей. Дэнни... ты сейчас в самой глубине своего сознания. В том его месте, где нахожусь я. Ведь я — часть тебя самого, Дэнни.

— Нет, ты — Тони. Ты не можешь быть мной. Я хочу к своей маме... Мне нужна моя мамочка...

— Это не я привел тебя сюда, Дэнни. Ты пришел сам. Потому что ты знаешь.

— Нет, я...

— Ты всегда знал. — Тони начал подходить ближе. Впервые за все это время Тони начал приближаться к нему. — Мы сейчас находимся в самой потаенной глубине твоего существа, куда не проникает ничто другое. И какое-то время мы будем здесь одни, Дэнни. Это как «Оверлук», в который никто никогда не сможет попасть. Никакие часы здесь не идут. Ни одни ключи к ним не подходят, и их невозможно завести. Двери номеров никогда не открывались, и в них никто никогда не жил. Но и ты не можешь задерживаться здесь, потому что оно уже идет за тобой.

— Оно... — в страхе прошептал Дэнни, и как только он произнес это слово, грохочущие звуки сразу стали громче и ближе. Его ужас, еще мгновение назад не до конца им осоз-

нанный и потому терпимый, превратился во что-то гораздо более реальное. Теперь он мог различить слова. Хриплые и наглые, произнесенные грубой подделкой под голос отца, но только это был не папа. Он знал это теперь. Знал наверняка.

(*Ты пришел сам. Потому что ты знаешь.*)

— *О, Тони, это же не может быть мой папа, правда?* — закричал Дэнни. — *Неужели это мой папа идет за мной?*

Тони не отвечал. Но Дэнни уже не нуждался в ответе. Он все понял. Долгие годы здесь продолжался один нескончаемый кошмарный бал-маскарад. И постепенно он порождал таинственную силу, которая все разрасталась, как в тишине банковских сейфов растут проценты на вложенный капитал. Сила, присутствие, явление — называй как угодно, это всего лишь слова, не имевшие никакого значения. Маски были разными, однако сущность не менялась. И теперь оно шло за ним. Оно пряталось за лицом его папы, оно имитировало папин голос, оно носило папину одежду.

Но это был не его папа.

Это был не его папа.

— Я должен им помочь! — воскликнул он.

А Тони вдруг встал прямо перед ним, и смотреть на него было равносильно тому, чтобы видеть в магическом зеркале самого себя через десять лет. Широко посаженные темные глаза, жесткая линия подбородка, красивые губы. Волосы светлые и легкие, как у мамы, но черты лица все равно несли на себе отцовский отпечаток, словно Тони — словно Дэниел Энтони Торранс, каким он станет однажды, — являл собой промежуточное звено между отцом и сыном, призрачную амальгаму обоих.

— Ты должен попытаться помочь, — сказал Тони, — но только твой отец... Он теперь союзник отеля, Дэнни. Здесь он хотел бы остаться навсегда. Но отель хочет завладеть и тобой тоже, потому что алчность его не знает пределов.

Тони прошел мимо и скрылся в тени.

— Подожди! — крикнул Дэнни. — Что я могу?..

— Он уже близко, — ответил Тони, продолжая отдаляться. — Тебе нужно бежать... спрятаться... укрыться от него. Держаться от него подальше.

— Я так не могу, Тони!

— Но ведь ты уже начал, — возразил Тони. — А потом ты вспомнишь то, о чем забыл твой отец.

И он исчез.

А совсем рядом раздался голос отца, холодный и вкрадчивый:

— Дэнни? Выходи ко мне, док. Я тебя немного отшлепаю, и всего-то делов. Веди себя как мужчина, и скоро все закончится. Она не нужна нам, док. Только я и ты, верно? Когда... легкое наказание... будет позади, останемся только мы с тобой.

Дэнни побежал.

А тварь позади него показала свою истинную сущность.

— Ну-ка иди сюда, ты, маленький говнюк! Иди немедленно!

Опрометью по длинному коридору, задыхаясь и хватая ртом воздух. Потом за угол. Вверх по лестнице. И пока он бежал, стены, казавшиеся такими бесконечно высокими, приобрели нормальные размеры; ковровая дорожка, стлавшаяся под ноги чем-то неопределенным, вернула себе знакомый сине-черный узор из затейливо переплетенных линий; на комнатах вновь четко обозначились номера, и в каждой из них шла одна и та же беспредельная вечеринка, на которую собрались десятки поколений гостей отеля. Воздух словно мерцал, удары молотка в стены отдавались тысячекратным эхом. Казалось, что Дэнни прорвал тонкую оболочку сна, как новорожденный плаценту, и упал.

на ковер перед президентским люксом четвертого этажа, а рядом с ним окровавленной грудой лежали друг на друге тела двух мужчин в костюмах и узких галстуках. Когда-то они погибли от пуль, однако теперь зашевелились и начали подниматься на ноги.

Он уже набрал в легкие воздух, чтобы закричать, но сдержался.

(!!ВЫ НЕ НАСТОЯЩИЕ!! ВАС НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!)

Они поблекли у него на глазах, как старые фотографии, и исчезли.

Но прямо под ним продолжали раздаваться удары молотка в стены, проникавшие через шахту лифта и лестничный колодец. Сила, владевшая «Оверлуком», в облике его отца бродила пока по второму этажу.

Позади него с легким скрипом открылась дверь.

Полуразложившаяся женщина в сгнившем шелковом халате выскочила наружу, размахивая желтыми скелетообразными руками, в пальцы которых вросли потускневшие кольца. Тяжелые крупные осы лениво ползали по ее лицу.

— Заходи ко мне, — прошептала она, ухмыляясь черными губами. — Заходи, и мы будем та-а-анцевать с тобой бешеное та-а-анго...

— Тебя нет! — прошипел в ответ он. — Ты не настоящая!

Она в испуге попятилась от него и, пытаясь скрыться в своей комнате, растворилась в воздухе.

— Где же ты? — прокричало оно, пока лишь в его голове. Он слышал, как та нежить, что прикрывалась лицом папы, шаркает по коридору второго этажа... и вдруг донесся еще один звук.

Тонкое завывание приближающегося мотора.

У Дэнни от волнения перехватило дыхание. Еще одно ложное обличье отеля? Еще одна иллюзия? Или же это Дик? Ему хотелось — отчаянно хотелось, — чтобы это *оказался* Дик, но он не осмеливался рисковать.

Он добрался до конца главного коридора и свернул в одно из ответвлений, шурша ногами по ворсу ковра. Запертые двери мрачно смотрели на него, в точности как во снах и в видениях, но только сейчас все было предельно реально, и речь шла о жизни и смерти.

Он повернул направо и замер на месте с тяжело бьющимся в груди сердцем. Теплые волны обдавали его лодыжки. Их излучали решетки отопления. Очевидно, у папы по расписанию сегодня прогревалось западное крыло и...

(*Ты вспомнишь то, о чем забыл твой отец.*)

Что же это? Ему казалось, что он уже почти знает ответ на вопрос. Нечто, что могло спасти его и маму? Но Тони сказал, что спасение целиком зависело от него самого. О чем же речь?

Он уселся на корточки, прижавшись спиной к стене и стараясь сосредоточенно все обдумать. А это оказалось нелегко...

отель не оставлял попыток проникнуть к нему в голову... рисуя перед его мысленным взором образ той темной фигуры, которая размахивала молотком, долбила им в стены... вышибая облачка штукатурки.

— Помоги мне, — пробормотал он. — Тони, помоги мне.

И внезапно он понял, что в отеле вновь воцарилась мертвая тишина. Звука мотора больше не было слышно.

(вероятно, ему померещилось)

Умолкло и праздничное веселье, и остался лишь ветер — вечно завывающий и стонущий ветер.

Неожиданно ожил лифт.

Он двигался вверх.

И Дэнни знал, кто — *что* — в нем поднимается.

Он вскочил на ноги, озираясь по сторонам. Панический страх сдавил ему сердце. Зачем Тони послал его на четвертый этаж? Здесь он оказался в западне. Все двери были накрепко заперты.

Чердак!

Он вспомнил: был же еще чердак. И он знал где. Отец както приводил его к нему, когда расставлял крысиные ловушки. Подняться наверх он не разрешил, опасаясь, что крысы могут покусать его. Но зато показал раздвижную лестницу, прикрепленную к потолку рядом с люком в конце последнего короткого коридора западного крыла. К стене был прислонен шест. С его помощью отец толчком открыл люк, и вниз с легким шумом противовесов спустилась лесенка. Если бы только ему удалось забраться туда, а потом втащить лестницу за собой...

Где-то в конце лабиринта простиравшихся позади коридоров остановился лифт. Раздался треск открываемой гармошки внутренней двери, затем грохот наружной. А потом голос — уже не внутри его головы, а ужасающе реальный — стал звать:

— Дэнни! Дэнни! Подойди ко мне на минутку, сделай одолжение. Ты поступил скверно, и я хочу, чтобы ты принял свое лекарство, как мужчина. Дэнни? *Дэнни!*

Будучи послушным мальчиком, он уже сделал два машинальных шага на этот голос, прежде чем остановился. Его руки, опущенные вдоль тела, сжались в кулаки.

(*Ты не настоящий! Тебя не существует! Я знаю, что ты такое! Можешь снимать маску!*)

— *Дэнни!* — гремел голос. — *Иди сюда, щенок! Иди сюда и прими наказание, как мужчина!*

Потом с оглушительным грохотом молоток врезался в стену. Когда голос выкрикнул его имя в следующий раз, оно уже находилось гораздо ближе.

Охота в реальном мире началась.

Дэнни побежал. Бесшумно перебирая ногами по ковру, он миновал запертые двери, по сторонам мелькал синий шелк обоев, сверкнул красным пятном закрепленный на углу огнетушитель. Секунду поколебавшись, он бросился в тот самый дальний коридор. В конце его не было ничего, кроме прочной двери на замке. Дальше бежать было некуда.

Но шест стоял на прежнем месте, прислоненный к стене, как оставил его отец.

Дэнни схватил его. Потом вытянул шею, чтобы лучше видеть люк в потолке. На конце шеста был крючок, которым следовало попасть в специальное кольцо в крышке люка. А потом оставалось только...

Новенький йельский навесной замок болтался на люке. Джек Торранс принял эту меру предосторожности, расставив на чердаке ловушки, на случай если сыну все-таки взбредет в голову нарушить запрет и попытаться обследовать чердак.

Заперто. Ужас охватил Дэнни.

А сзади уже надвигалось оно. Спотыкаясь и пошатываясь, миновало дверь президентского люкса. Молоток со зловещим свистом рассекал воздух.

Вжавшись спиной в последнюю запертую дверь, Дэнни стал ждать.

Глава 55
ТО, О ЧЕМ ЗАБЫЛИ

Уэнди приходила в себя постепенно. Чернота перед глазами рассеялась, сменившись невыносимой болью: в спине, в ноге, в боку... Она сомневалась, что сможет когда-либо двигаться. Болели даже пальцы рук, и поначалу она никак не могла сообразить почему.

(*Из-за бритвенных лезвий, вот почему.*)

Ее светлые волосы, влажные и спутавшиеся, падали на глаза. Она откинула их в сторону, но при этом движении обломки ребер впились в тело, заставив ее издать громкий стон. Она видела сине-белую поверхность матраца, покрытую пятнами крови. Ее крови или Джека? Как бы то ни было, пятна выглядели совершенно свежими. Она пробыла без сознания не так уж долго. А это было важно, потому что...

(*?Почему?*)

Потому что...

Ей сразу вспомнилось тонкое, комариное жужжание мотора. Она какое-то время тупо крутила эту мысль, пока одним головокружительным, тошнотворным воспоминанием перед ней не ожила вся картина.

Холлоран. Это наверняка был Холлоран. Иначе почему Джек ушел в такой спешке, не закончив... *не прикончив* ее?

Потому что ему не дали на это времени. Он должен был как можно скорее найти Дэнни и... сделать это до того, как Холлоран сможет ему помешать.

Или это уже случилось?

Она слышала, как кабина лифта с завыванием поползла вверх.

(*Нет Боже нет пожалуйста кровь еще свежая не дай пролиться новой крови*)

С невероятным трудом она поднялась на ноги, прохромала через спальню, через руины бывшей гостиной, а потом сквозь разбитую дверь выбралась в коридор.

— Дэнни! — крикнула она, скривившись от боли в груди. — Мистер Холлоран! Есть здесь кто-нибудь? *Хоть кто-нибудь?*

Лифт заработал снова, потом остановился. Она слышала металлический треск раздвижных дверей, а потом чей-то голос. Но это могло быть лишь игрой ее воображения. Ветер завывал слишком громко, чтобы понять наверняка.

Опираясь о стену, она добралась до конца короткого коридора и уже собиралась повернуть за угол, когда жуткий крик, донесшийся через шахту лифта и лестничный колодец, заставил ее застыть на месте.

— Дэнни! Иди сюда, щенок! Иди сюда и прими наказание, как мужчина!

Джек. Он все еще искал Дэнни на третьем или четвертом этаже.

Она свернула за угол, споткнулась, едва не упала. У нее перехватило дыхание. Что-то

(кто-то?)

привалилось к стене в нескольких шагах от лестницы. Уэнди заторопилась, морщась каждый раз, когда приходилось ступать на раненую ногу. Она уже видела, что это мужчина, а приблизившись, поняла, что звук мотора ей не послышался.

Это был мистер Холлоран. Он все-таки сумел приехать.

Она опустилась рядом с ним на колени, бормоча неразборчивую молитву с единственной просьбой к Богу: чтобы Холлоран оказался еще жив. Кровь сочилась у него из носа, огромное ее количество вытекло из искалеченного рта. Одна сторона лица превратилась в гигантский опухший синяк. Но, хвала Всевышнему, он дышал! От каждого вдоха все его тело сотрясалось.

Уэнди присмотрелась к нему поближе, и глаза ее округлились от ужаса. Один из рукавов его парки почернел и обуглился. Бок был разорван. В волосах Холлорана запеклась кровь, вдоль шеи тянулась неглубокая, но уродливая рана.

(*Боже мой, что же с ним произошло?*)

— Дэнни! — прорычал сверху озлобленный хриплый голос. *— Выходи, засранец!*

Времени на размышления не оставалось. С перекошенным от боли лицом Уэнди начала трясти Холлорана. Ее бок казался раскаленным и распухшим.

(*Что, если один из обломков проткнет мне легкое?*)

Но с этим она уже ничего не могла поделать. Если Джек найдет Дэнни, он расправится с ним, забьет до смерти тем же молотком, который уже опробовал на ней самой.

И она трясла Холлорана, а потом стала легонько хлопать его по уцелевшей стороне лица.

— Очнитесь, — говорила она. — Мистер Холлоран, вам необходимо прийти в себя. Пожалуйста... Пожалуйста...

А сверху вновь послышался грохот молотка о стены коридора — Джек Торранс неутомимо охотился на своего сына.

Дэнни стоял, прижавшись спиной к двери и глядя вправо, в ту сторону, откуда расходились основные коридоры. Оглушительные нерегулярные удары молотка о стены звучали все ближе. Существо, шедшее за ним, издавало крики, выло, изрыгало проклятия. Кошмар и реальность слились в единую ткань без малейшего шва.

И вот оно повернуло за угол.

Поразительно, но Дэнни испытал облегчение. Это был не его отец. Маска вместо лица, изломанное и изрезанное тело, как у плохой марионетки. Оно не могло быть его папой — эта пародия на чудовищ из «Субботнего ночного шоу ужасов», с закатившимися глазами, сгорбленными плечами, в пропитанной кровью рубашке. Это никак не могло быть его отцом.

— А теперь Богом клянусь! — выдохнуло оно и вытерло губы дрожащей рукой. — Теперь ты узнаешь, кто здесь настоящий хозяин. И ты поймешь. Им нужен вовсе не ты. А я. *Я! Я!*

И оно замахнулось молотком, головка которого уже потеряла форму и треснула от бесчисленных ударов. Но молоток снова врезался в стену, оставив круглый след на шелке обоев. Облачко штукатурки пробилось наружу. Существо начало расплываться в улыбке.

— Давай посмотрим, на какие чудеса ты окажешься способен сейчас. На какие магические трюки, — пробормотало оно. — Я, знаешь ли, тоже не вчера родился. Меня на мякине не проведешь. И я выполню свой отцовский долг в отношении тебя, сынок.

— Вы не мой папа, — сказал Дэнни.

Тварь остановилась, словно в нерешительности, словно пытаясь понять, что же она такое на самом деле. Потом снова двинулась вперед. Молоток просвистел и с гулким звуком врезался в косяк двери.

— Ты — лжец, — прохрипело оно. — А кто же я тогда такой? У меня два родимых пятна, глубоко посаженный пупок и даже *хрен* на месте. Не веришь? Спроси у своей мамочки.

— Вы — всего лишь маска, — ответил Дэнни. — У вас нет настоящего лица. Вы пока не такой мертвый, как остальные,

а потому нужны отелю. Но когда все будет кончено, от вас не останется вообще ничего. Я вас даже не боюсь.

— Так я тебя сейчас напугаю! — взревело оно. Просвистел молоток, и его головка ударилась в пол между ступнями Дэнни. Однако тот даже не вздрогнул. — Ты лгал мне! Вы с ней сговорились против меня! Строили козни. *И ты смошенничал! Ты списал на выпускном экзамене!*

Глаза под сдвинутыми бровями горели сумасшедшим огнем. В них читалось лукавое безумие.

— Но я это докажу. Сочинение где-то там, в подвале. Я найду его. Мне обещали, что я смогу просмотреть все.

Оно снова воздело молоток.

— Да, обещали, — сказал Дэнни, — но обвели вас вокруг пальца.

Молоток застыл в верхней точке, не успев начать опускаться.

Холлоран начал постепенно приходить в сознание, но Уэнди перестала трепать его по щеке. Секунду назад сквозь шахту лифта донеслись слова: *И ты смошенничал! Ты списал на выпускном экзамене!* — смутные, едва различимые на фоне нескончаемого шума ветра. Откуда-то из глубин западного крыла. Она поняла, что Джек — или то, что приняло его обличье, — уже добрался до Дэнни, и произошло это на четвертом этаже. Ни она, ни Холлоран теперь ничего не могли сделать.

— О, док, — прошептала она, не в силах больше сдерживать слезы.

— Эта сволочь сломала мне челюсть, — вдруг громко, хотя и не совсем внятно произнес Холлоран. — И моя *голова*...

Он с усилием сел. Его правый глаз почти полностью заплыл, однако он различил Уэнди.

— Миссис Торранс...

— Т-с-с-с, — шикнула она.

— Где ваш мальчик, миссис Торранс?

— На четвертом этаже, — ответила она. — Со своим отцом.

— Они вас обманули, — повторил Дэнни.

Что-то промелькнуло в его сознании, подобно метеору, прочертившему темное небо: слишком ярко и слишком быстро, чтобы ухватить и удержать смысл. Остался только дымный шлейф.

(это где-то там, в подвале)

(ты вспомнишь то, о чем забыл твой отец)

— Ты... Ты не смеешь так говорить со своим отцом, — произнесло существо осипшим голосом. Молоток покачнулся и медленно опустился. — Ты только усугубляешь свое положение. И свое... Свое наказание. Оно станет еще более суровым.

Оно пьяно пошатнулось. На лице появилось выражение сентиментальной жалости к самому себе, постепенно трансформировавшееся в ненависть. Молоток вновь начал вздыматься к потолку.

— Вы не мой папа, — упрямо повторил Дэнни. — А если в вас хоть что-то от него осталось, то вы знаете, что они лгут. Все, что вам обещают, обернется обманом и насмешкой. Это как шулерский кубик для игры в кости, который папа положил мне в носок на прошлое Рождество. Как те подарочные коробки в витринах. Папа говорит, они пустые, и это сплошная показуха. Вот и вы — сплошное притворство, а не мой отец. На самом деле вы — отель, и когда добьетесь своего, ничего не дадите моему папе, потому что заботитесь только о себе. И мой папа знал это. Но вы заставили его пить Скверную Жидкость. Только так вы смогли завладеть им, превратить его в одну из своих лживых масок.

— Лжец! Лжец! — Голос существа сорвался на визг. Молоток описывал круги в воздухе.

— Давайте! Ударьте меня! Но вы никогда не получите то, что вам от меня нужно.

Лицо, маячившее перед ним, вдруг изменилось. Трудно было сказать, что с ним произошло; черты его вроде бы остались прежними. Но тело сотрясла дрожь, пальцы разжались, словно сломанные когти. Молоток вывалился из них и с глухим стуком упал на пол. И внезапно Дэнни увидел, что перед ним действи-

тельно стоит его папа и смотрит на сына глазами, полными отчаяния и такой невыразимой печали, что у самого Дэнни сердце словно перевернулось в груди. Его губы задрожали.

— Док, — произнес Джек Торранс. — Беги отсюда. Скорее. И всегда помни, как я любил тебя.

— Нет, — помотал головой Дэнни.

— Ради всего святого...

— Нет, — повторил Дэнни, а потом взял в свои пальцы одну из окровавленных рук отца и поцеловал ее. — Все почти закончилось.

Холлоран сумел подняться на ноги, упершись спиной в стену, а потом одним рывком перейдя в вертикальное положение. Они с Уэнди смотрели друг на друга, как, вероятно, смотрят друг на друга чудом выжившие пациенты разбомбленной больницы.

— Нам нужно подняться туда, — сказал он. — Мы должны ему помочь.

Но ее совершенно потерянные от страха глаза лишь тоскливо глядели на него с белого как мел лица.

— Слишком поздно, — ответила она. — Теперь помочь себе сможет только он сам.

Прошла минута, потом другая. Третья. И вдруг сверху донесся громкий крик, но в нем звучала не злоба, не торжество победителя, а смертельный, леденящий душу ужас.

— Боже милосердный, — прошептал Холлоран. — Что там происходит?

— Не знаю, — ответила она.

— Он убил его?

— Не знаю.

Внезапно лифт ожил и начал спускаться, а в его кабине с безумными криками металось какое-то существо.

Дэнни не двигался с места. Ему некуда было бежать. Не существовало уголка, где «Оверлук» не смог бы достать его. Он

понял это сразу, окончательно и безболезненно. Ему показалось, что впервые в жизни его посетила по-настоящему взрослая мысль, в которой заключалась квинтэссенция опыта, накопленного им в этом омерзительном месте:

(*Мама и папа не могут мне помочь. Я остался совсем один.*)

— Уходи, — сказал он стоявшему перед ним окровавленному незнакомцу. — Иди же. Убирайся отсюда.

Существо склонилось вперед, и стала видна рукоятка ножа, торчавшего у него из спины. Его пальцы снова взялись за молоток, но вместо того чтобы направить его на Дэнни, оно развернуло головку и нацелило ее жесткую сторону в собственное лицо.

Дэнни мгновенно понял, что сейчас должно произойти.

А потом молоток начал бить в одну точку, уничтожая последнее, что еще оставалось от Джека Торранса. Существо подпрыгивало, словно танцевало какую-то дикую, невообразимую польку, а молоток с жутким хрустом бил, бил и бил по его лицу. Кровь мгновенно забрызгала обои. Осколки кости взлетали в воздух, как выломанные клавиши рояля. Невозможно сказать, как долго это продолжалось. Но стоило существу снова повернуться к Дэнни, как он понял, что его отец покинул этот мир навсегда. Лицо превратилось в странную, плавающую кровавую композицию из множества лиц, криво наложенных друг на друга и постоянно менявшихся. Дэнни различил женщину из номера 217, человека-собаку и даже вроде бы того голодного мертвого ребенка, что притаился в трубе на игровой площадке.

— Что ж, теперь действительно обойдемся без масок, — прошептало это создание. — Теперь нам ничто не помешает.

Молоток взмыл вверх в последний раз. Тиканье часов заполнило уши Дэнни.

— Больше ничего не хочешь сказать? — спросило оно. — Уверен, что даже не попытаешься сбежать? Быть может, сыграем в салочки? Все, что у нас осталось, — это время. Много времени. *Вечность*. Или покончим разом? Пожалуй, так и поступим. А то можно пропустить самую веселую часть вечеринки.

Оно жадно улыбнулось, обнажив уцелевшие обломки зубов.

И в этот момент до Дэнни дошло. Он понял, о чем забыл отец.

Его лицо просияло; тварь увидела это и замешкалась.

— *Бойлер!* — крикнул Дэнни. — *В нем не спускали пар с самого утра! Он сейчас взорвется!*

Комичное выражение ужаса и понимания отразилось на переменчивых лицах твари. Молоток снова выпал из ее руки и, как самая безвредная на свете вещь, с легким стуком плюхнулся в ворс сине-черного ковра.

— Бойлер! — возопило оно. — О нет! Этого нельзя допустить! Никак нельзя! Нет! Будь ты проклят, щенок! Это недопустимо! Нет, о нет...

— *Да!* — с отчаянной радостью воскликнул Дэнни. Он сжал руки в кулаки и принялся размахивать ими перед изуродованным существом. — В любую минуту! Котел! Папа совершенно забыл о нем! *И ты забыл о нем тоже!*

— Нет, этого не должно произойти, ты, грязный и дерзкий мальчишка! Я заставлю тебя принять лекарство! Все, до последней капли! Нет, о нет...

Внезапно уродливое создание повернулось и захромало прочь. Какое-то время Дэнни еще мог видеть его тень на стене, слышать стоны и вопли, которые, казалось, волочились за ним, как ленты старого, выцветшего серпантина.

Минутой позже раздался грохот лифта.

А на Дэнни внезапно обрушилось сияние,

(*мама мистер холлоран дик надо спешить к ним они живы нам надо вместе выбираться отсюда пока все не взлетело на воздух*)

подобное яркому рассвету. И он побежал. Одной ногой задел покореженный окровавленный молоток для игры в роке, но даже не заметил этого.

Он с криком устремился к лестнице.

Им нужно было успеть выбраться.

Глава 56
ВЗРЫВ

Как ни силился Холлоран, потом он так и не смог точно вспомнить, в какой последовательности развивались события. Он помнил, как мимо них вниз прошла кабина лифта, в кото-

рой находилось нечто. Но он даже не пытался заглянуть через ромбовидное стекло, потому что сидевшее внутри существо по звукам ничем не напоминало человека. Секундой позже на лестнице послышались торопливые шаги. Уэнди Торранс сначала в испуге прижалась к нему, а потом заковыляла по коридору к ступеням.

— Дэнни! Дэнни! О, слава Богу! Слава Богу!

Она сжала его в объятиях и застонала от радости и боли.

(*Дэнни.*)

Мальчик посмотрел на него из-под руки матери, и Холлоран сразу заметил, насколько он изменился. Его лицо побледнело и осунулось, глаза глубоко запали и казались бездонными. Он как будто похудел. И, глядя на них двоих, Холлоран подумал, что мать выглядит младше сына, несмотря на все пережитые побои.

(*Дик... нам надо идти... нет, бежать... это место... оно вот-вот*)

И образ «Оверлука» с горящей крышей. Обломки кирпичей, разбросанные по снегу. Сирена пожарной машины... Хотя было понятно, что никакой сирены здесь не могло прозвучать по крайней мере до середины марта. Но главным в мыслях Дэнни была необходимость торопиться, чувство, что катастрофа может грянуть *в любой момент*.

— Хорошо, — сказал Холлоран и двинулся к ним. Поначалу ему показалось, что он плывет на большой глубине. Он совершенно потерял чувство ориентации в пространстве, а его правый глаз упорно отказывался сфокусироваться на чем-либо. Челюсть посылала в черепную коробку импульсы острой боли, которые отдавались в шее, а щека казалась огромным кочаном капусты. Но настоятельная необходимость, которую он ощутил в мыслях мальчика, заставляла его толкать себя вперед, и вскоре ему немного полегчало.

— Хорошо? — переспросила Уэнди, переводя взгляд с сына на Холлорана. — Что значит хорошо? Чего тут хорошего?

— *Нам надо уходить,* — ответил Холлоран.

— Но я же не одета. Мои вещи...

Дэнни вырвался из ее объятий и побежал по коридору. Уэнди смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом. Потом обратилась к Холлорану:

— А если он вернется?

— Ваш муж?

— Нет, это уже не Джек, — пробормотала она. — Джек мертв. Этот отель убил его. *Это проклятое место.*

Она со злостью ударила кулаком в стену и взвыла от боли в порезанных пальцах.

— Дело ведь в бойлере, верно?

— Да, мэм. Дэнни утверждает, что он сейчас взорвется.

— Хорошо. — Она произнесла этот приговор холодно и бесстрастно. — Но только не знаю, смогу ли спуститься. У меня ребра... Он переломал мне ребра. И что-то с позвоночником. Там тоже болит.

— Вы справитесь, — сказал Холлоран. — Мы все выберемся отсюда.

Но внезапно он вспомнил о зверях в живой изгороди и невольно задумался, как быть, если им преградят путь к бегству.

Потом вернулся Дэнни. Он принес для Уэнди ботинки, куртку и перчатки, захватив также куртку и перчатки для себя.

— А твоя обувь, Дэнни? — встревоженно спросила она.

— Слишком поздно, — отозвался он. В его глазах плясало отчаянное безумие.

Он бросил взгляд на Холлорана, и перед мысленным взором того внезапно возникли часы под стеклянным колпаком — часы из бального зала, подаренные отелю каким-то швейцарским дипломатом в 1949 году. Стрелки показывали без одной минуты полночь.

— О Господи! — воскликнул Холлоран. — Боже, сжалься над нами!

Он обхватил одной рукой Уэнди и оторвал ее от пола. Вторая рука обвилась вокруг Дэнни. Он метнулся к лестнице.

Уэнди завизжала от страшной боли, когда он стиснул ее сломанные ребра, и что-то хрустнуло у нее в позвонках, но Холлоран не остановился. Он несся вниз по ступеням, прижимая к себе обоих. Один его глаз широко распахнулся и округлился от ужаса, второй заплыл до состояния микроскопической щелки. Он походил на одноглазого пирата, похищавшего хозяев дома, чтобы потом потребовать за них солидный выкуп.

Его сознание внезапно озарила вспышка сияния, и он понял, что имел в виду Дэнни, когда сказал: слишком поздно. Он мог чувствовать, как взрыв уже рвется из котла наружу, чтобы легко смести пол подвала, а потом вышибить мозги из этого жуткого места.

И он побежал еще быстрее, по диагонали пересекая вестибюль, направляясь к двустворчатым дверям.

Оно спешило по подвалу, миновало помещение, освещенное единственным желтым язычком пламени в топке. Его гнал не ведомый ему прежде тошнотворный страх. Ему ведь удалось... Почти удалось завладеть мальчиком и его невероятным сверхъестественным даром. Оно не могло потерпеть поражение сейчас. Этого не должно случиться. Срочно снизить давление в котле, а потом снова взяться за мальчишку.

— Этого не должно случиться! — выкрикивало оно. — О нет, не должно!

Теперь существо проковыляло в бойлерную, и перед ним предстал котел, чей цилиндрический корпус успел в нижней части раскалиться до тускло-красного цвета. Он пыхал жаром, гремел и шипел, выпуская плюмажи пара в разные стороны, как чудовищных размеров каллиопа. Стрелка манометра уперлась в правый угол шкалы.

— *Этого нельзя допустить!* — воскликнуло то, что можно было теперь считать управляющим и смотрителем в одном лице.

Оно положило руки Джека Торранса на клапан, не обращая внимания на моментально распространившийся отвратительный паленый запах, когда докрасна раскаленный металл погрузился в плоть, словно в масло.

Колесо легко поддалось, и с торжествующим криком тварь принялась вращать его. Пар вырвался из котла с оглушительным ревом, словно десятки драконов слились в шипящем хоре. Прежде чем пар полностью скрыл циферблат, стрелка прибора заметно качнулась влево.

— *Я ПОБЕДИЛ!* — радостно заорало окутанное горячим паром существо и пустилось в пляс, выделывая отвратительные

коленца, размахивая над головой обожженными до кости руками. — *ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО! Я ПОБЕДИЛ! ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО! ЕЩЕ НЕ...*

Крик перешел в пронзительный вопль, который утонул в оглушительном грохоте. Бойлер «Оверлука» все-таки взорвался.

Холлоран со своей двойной ношей вывалился в двери и промчался сквозь узкий проход в огромном сугробе, полностью завалившем террасу. Животных он увидел ясно — гораздо четче, чем когда-либо прежде, — но едва успел понять, что сбываются его худшие опасения, как отель взорвался. Ему показалось, что это произошло мгновенно, хотя позже он понял, что так не могло быть.

Сначала раздался оглушительный, всепроникающий грохот, прозвучавший на одной долгой ноте,

(БУ-У-У-У-У-М-М-М...)

и их словно обдало сзади мягкой волной теплого воздуха. От этого обманчиво мягкого удара они вылетели с террасы, причем, совершая этот безумный полет, Холлоран поймал себя на идиотской мысли, что

(*так вот какое чувство испытывает супермен*)

он не сумел удержать Уэнди и Дэнни и приземлился в сугроб на лужайке. Снег забился за воротник, заполнил ноздри, приятно охладил израненное лицо.

Потом он выбрался на макушку сугроба, не думая в тот момент ни о зеленых хищниках, ни об Уэнди Торранс, ни даже о мальчике. Холлоран перекатился на спину и стал смотреть, как умирает отель.

Окна «Оверлука» разлетелись. В бальном зале купол над каминными часами раскололся пополам, и обе его части упали на пол. Часы остановились: пружинки, шестеренки, маятник замерли, перестав отсчитывать время. Повсюду раздавались щепоты, вздохи, поднялось густое облако пыли. Ванна в но-

мере 217 вдруг треснула, выпустив на пол лужицу зловонной зеленоватой жидкости. В президентском люксе загорелись обои. Дверцы при входе в «Колорадо-холл» сорвались с петель и упали на пол. За аркой подвала огромное хранилище архивных бумаг вспыхнуло и мгновенно превратилось в огромный пылающий факел. Вырвавшийся из котла поток кипятка зашипел в бумажном пламени, но нисколько не притушил его. Словно осенние листья под осиным гнездом, бумаги сворачивались и чернели. Потом взлетела на воздух топка, сокрушив балки подвального потолка, раскрошив их на мелкие части, как гнилые кости динозавра. Маленький язычок пламени, больше ничем не сдерживаемый, превратился в огненный газовый столб, вырвавшийся в вестибюль отеля. Ковровая дорожка лестницы подхватила пламя и понесла его дальше, на второй этаж, с поспешностью доброго вестника. Потом началась канонада мелких взрывов. Главная люстра ресторана — двухсотфунтовая хрустальная бомба — рухнула вниз, разметав столы во всех мыслимых направлениях. Из пяти каминных труб «Оверлука» вырвалось пламя.

(*Нет! Этого не может быть! НЕ МОЖЕТ! НЕ МОЖЕТ!*)

Отель корчился и кричал, однако теперь он лишился голоса, и панические звуки, предвещавшие гибель, были слышны только ему самому — рассыпавшемуся на части, терявшему сознание и волю, пытавшемуся удержать рушившиеся стены, но уже ни на что не способному, уходившему в небытие, в пустоту, навсегда.

Вечеринка закончилась.

Глава 57
ИСХОД

Страшный грохот сотряс фасад отеля. Мелкие осколки стекла разлетелись по снегу, сверкая, как необработанные алмазы. Собака из живой изгороди, пытавшаяся напасть на Дэнни и его маму, вдруг попятилась, поджав хвост и опустив уши, ее прежде мощные ноги явно обессилели. Холлоран мог

мысленно слышать ее жалобный вой, к которому присоединились испуганные, почти плачущие повизгивания сбитых с толку огромных кошек. Он поднялся на ноги, чтобы подойти к матери с сыном и помочь им, но его взгляд уперся в зрелище куда более страшное, чем происходившее с собакой и львами. Зеленый кролик отчаянно бился всем телом в сетчатую изгородь у дальнего конца игровой площадки, вышибая из переплетенных металлических проволочек кошмарную мелодию, какую могла бы, наверное, издавать призрачная адская цитра. Даже сюда доносился треск веток и сучьев, ломавшихся, как кости.

— Дик! Дик! — окликнул его Дэнни. Он пытался помочь маме подняться на ноги, чтобы она смогла добраться до снегохода. Одежду, которую он успел взять из квартиры, при падении разметало в стороны, и она лежала рядом. Холлоран, словно очнувшись, заметил, что на женщине был только рваный халат, и Дэнни тоже не надел куртку, а на улице стоял мороз.

(*боже мой да она же на снегу босиком*)

И он рванулся через высокий сугроб, на ходу подбирая ее куртку, ботинки, куртку Дэнни и пару перчаток. А потом вернулся, порой проваливаясь в снег по пояс и прикладывая неимоверные усилия, чтобы двигаться быстрее.

Лицо Уэнди казалось мертвенно-бледным, шея с одной стороны была покрыта кровью, которая не столько запекалась, сколько замерзала.

— Я не могу... — выдавила она из себя, явно теряя сознание. — Нет, я... Я никак не могу... Простите...

Дэнни с мольбой посмотрел на Холлорана.

— С ней все будет хорошо, — сказал тот и снова поднял ее на руки. — Пойдем.

Они дошли до того места, где снегоход завершил свой вираж и заглох. Холлоран усадил женщину на сиденье и натянул на нее куртку. Потом он поднял ее ступни — ледяные, но не обмороженные — и энергично растер курткой Дэнни, прежде чем обуть в ботинки. Лицо Уэнди сохраняло алебастровый оттенок, полузакрытые глаза, казалось, ничего не видели, но она начала дрожать. Холлоран счел это добрым признаком.

Позади них серия из трех взрывов сотрясла отель. Отсветы оранжевого пламени окрасили снег.

Дэнни приблизил губы к самому уху Холлорана и что-то прокричал.

— Повтори, не понял!

— Я спросил, нужно ли нам вот это?

Мальчик указывал на красную канистру, которая, слегка завалившись на бок, стояла на снегу.

— Думаю, что нужно.

Он поднял канистру и встряхнул ее. В ней еще оставался бензин, хотя он не мог определить, сколько именно. Холлоран прикрепил канистру на прежнее место, справившись с задачей только с третьей попытки, потому что пальцы у него совершенно онемели и не хотели слушаться. Только сейчас он понял, что потерял варежки Хоуарда Коттрела.

(*если выберусь отсюда, заставлю сестру связать тебе дюжину пар, хоуи*)

— Поехали! — крикнул Холлоран мальчику.

Дэнни поежился.

— Но мы же так замерзнем!

— Нужно заглянуть в сарай. Там много чего есть... Может, найдем одеяло. Устраивайся позади мамы!

Дэнни сел, а Холлоран повернулся, чтобы видеть лицо Уэнди.

— Миссис Торранс! Держитесь за меня! Понимаете? Вам необходимо *держаться за меня*!

Она обвила его сзади руками и прижалась щекой к его спине. Холлоран завел мотор снегохода, а потом очень осторожно повернул рукоятку газа, чтобы машина тронулась без рывка. Он чувствовал, насколько слабы руки обнявшей его женщины, и понимал, что от малейшего толчка она может завалиться назад и упасть вместе с сыном.

Они двинулись. Холлоран описал полукруг и повел снегоход вдоль развалин отеля в сторону сарая для инструментов.

Перед ними ненадолго открылся вид на бывший вестибюль «Оверлука». Фонтан огня, все еще бивший из подвала, напоминал гигантскую свечу с праздничного торта, ярко-желтую в центре и мерцающую разными оттенками синего и голубого

по краям. Сейчас казалось, что это лишь безобидное украшение. Уцелели стойка регистрации с серебристым звонком, старомодный кассовый аппарат с рекламой устаревших систем оплаты, небольшие декоративные коврики, кресла с высокими спинками и пуфы, набитые конским волосом. Дэнни отчетливо разглядел небольшой диванчик у камина, на котором сидели три монахини в тот день, когда они приехали сюда, — в день закрытия. Хотя подлинный день закрытия был сегодня.

А потом высокий сугроб на террасе закрыл вестибюль. Минутой позже они обогнули западную сторону отеля. Света уже хватало, чтобы не включать фару снегохода. Оба верхних этажа были охвачены пожаром, и языки пламени то и дело вырывались из окон. Глянцевая белая краска стен начала чернеть и облезать. Ставни окна президентского люкса с потрясающим видом на горы — те самые ставни, которые, следуя полученным инструкциям, Джек с такой тщательностью закрыл еще в середине октября, — почти полностью сгорели, и за ними виднелась лишь чернота, напоминавшая беззубый рот, разинутый в отвратительной, смрадной зевоте.

Уэнди уперлась лицом в спину Холлорана, а Дэнни точно так же уткнулся носом в куртку матери, и потому только Холлоран стал свидетелем, как ему показалось, последнего дыхания отеля, о котором он впоследствии никогда и никому не рассказывал. Он вдруг увидел, как из окна президентских апартаментов выбралось нечто темное и бесформенное, слегка напоминавшее огромного морского ската. Впрочем, ветер почти сразу подхватил это создание, унес и разорвал в клочья, как полотнище старой бумаги. Мелкие фрагменты взвились в вихре дыма, а еще мгновение спустя исчезли, словно их никогда и не было. Но в несколько секунд, что Холлоран видел темное колышущееся создание, ему вдруг припомнилось нечто из далекого детства... С тех пор прошло пятьдесят лет, а может, и больше. Тогда они с братом наткнулись к северу от семейной фермы на огромное гнездо земляных ос. Оно укрылось между корнями старого сухого дерева, в которое когда-то ударила молния. У брата за лентой шляпы хранилась сбереженная после Четвертого июля петарда. Он подпалил ее и сунул в гнездо. Петарда взорвалась с гулким грохотом, а потом из поврежден-

ного гнезда начал доноситься злобный нарастающий гул, постепенно переходивший в подобие крика. Они с братом кинулись прочь с такой прытью, словно за ними гнались демоны. И в каком-то смысле, подумал Холлоран, так оно и было. В тот день он тоже видел у себя за спиной поднявшееся в теплый воздух темное облако, постоянно менявшее форму, высматривавшее тех, кто посмел сотворить такое с его домом, чтобы зажалить негодяев до смерти.

А потом, как и сейчас, облако рассеялось без следа. И Холлоран подумал, возможно, это был лишь столб дыма или унесенный ветром большой обрывок обугленных обоев, а вовсе не дух «Оверлука», покидавший насиженное место, которое теперь превратилось в огромный костер на фоне темного неба.

На связке был ключ от сарая, но Холлоран сразу увидел, что он не понадобится. Одна из створок дверей стояла приоткрытой, а навесной замок свисал с петли.

— Я не могу войти туда, — прошептал Дэнни.

— Ничего. Оставайся с мамой. Помню, там хранилась целая кипа старых лошадиных попон. Их, вероятно, сильно побило молью, но все лучше, чем замерзать без них. Миссис Торранс, как вы? Пришли немного в себя?

— Даже не знаю, — ответила она чуть слышно. — Похоже на то.

— Хорошо. Я вернусь буквально через минуту.

— Возвращайтесь поскорее, — прошептал Дэнни. — Очень вас прошу.

Холлоран кивнул. Он направил свет фары на двери и пошел к ним, отбрасывая на снегу длинную тень. Распахнул обе створки и исчез внутри. Попоны по-прежнему были свалены в углу рядом со снаряжением для игры в роке. Он выбрал четыре — они действительно пахли плесенью, а моль не раз устраивала в них бесплатные пиры, — а потом вдруг замер.

Одного из молотков для роке не было на месте.

(*Уж не им ли он ударил меня?*)

Впрочем, разве это имело теперь хоть какое-то значение? Тем не менее Холлоран осторожно ощупал поврежденную и сильно распухшую часть лица. Шестьсот долларов, заплаченные дантисту, пошли псу под хвост с одного удара. Но все равно

(*быть может, он ударил меня вовсе не им. Вероятно, молоток просто потерялся. Или его украли. Или кто-то решил, что это неплохой сувенир. Все равно*)

это не имело значения. Никто уже не сыграет здесь в роке будущим летом. И вообще в обозримом будущем.

Да, все это не имело значения, но почему-то вид молотков для роке, один из которых отсутствовал, манил Холлорана. Он вдруг поймал себя на том, что вспоминает тот звук — *клонк!* — с которым жесткая деревянная головка молотка ударяла по круглой поверхности деревянного шара. Какой прекрасный, какой чисто летний звук! А шар потом катился по

(*кости, кровь*)

гравию корта. Это вызвало в памяти образы

(*костей, крови*)

ледяного чая, качелей на террасе, дам в соломенных шляпках, звона москитов и

(*дрянных маленьких мальчиков, которые играли не по правилам*)

всего такого прочего. Да, конечно. Прекрасная игра. Ныне почти забытая, но... прекрасная.

— Дик? — Окликнувший его снаружи голос прозвучал тонко, взволнованно и, как ему показалось, неприятно. — С вами все в порядке, Дик? Выходите скорее, *пожалуйста*!

(*Давай же, ниггер, шевелись. Не слышишь, хозяин зовет?*)

Он взялся за ручку одного из оставшихся молотков и ощутил его приятную тяжесть.

(*Пожалеешь розги — испортишь ребенка.*)

Взгляд его помутился во тьме, куда проникали только отдаленные отсветы пожара и отблески фары снегохода. А ведь если подумать, он может сделать одолжение им обоим. Она все равно изуродована... страдает от невыносимой боли... а большая часть вины

(*вся вина целиком*)

лежит на этом чертовом мальчишке. Оставить собственного отца погибать в бушующем пламени. Да это почти равносильно убийству. Отцеубийство, вот что это. Пасть ниже просто невозможно.

— Мистер Холлоран? — Ее голос был слабым, тихим, сварливым. Он ему тоже не понравился.

— *Дик!* — Теперь мальчишка чуть не плакал от страха.

Холлоран вынул молоток из ячейки и направился к двери, сквозь которую проникал свет. Его ноги шаркали по доскам пола, как ноги механической игрушки, которую завели ключом и привели в движение.

Внезапно он остановился и с удивлением посмотрел на молоток, который держал в руке. *Что это ты задумал?* — спросил он себя с нарастающим ужасом. Убийство? *Неужели он мог только что планировать убийство людей?*

И на мгновение его сознание заполнил злобный науськивающий голос:

(*Сделай это! Сделай это, трусливая черномазая шлюха! Убей их! УБЕЙ ИХ ОБОИХ!*)

Издав едва слышный вопль ужаса, он отбросил молоток. Тот упал на кипу оставшихся в сарае попон и словно уставился на Холлорана, призывая действовать.

Холлоран обратился в бегство.

Дэнни сидел за рулем снегохода, мать слабо обнимала сына. Лицо мальчика блестело от слез, его трясло от пережитого страха. Стуча зубами, он спросил:

— Где же вы были так долго? Мы очень за вас испугались!

— В таком месте вполне можно испугаться, — медленно отозвался Холлоран. — Пусть отель выгорит до основания, никто больше не заставит меня приблизиться к его пепелищу даже на сотню миль. Вот, миссис Торранс, завернитесь как можно тщательнее. Вам станет теплее. И ты, Дэнни. Обмотайся этими тряпками, как араб.

Он закутал Уэнди в две попоны, соорудив из края одной импровизированный капюшон, защищавший голову и лицо. Потом помог Дэнни завязать две другие попоны покрепче, чтобы не сваливались.

— Теперь держитесь изо всех сил, — сказал он. — Нам предстоит неблизкий путь, но худшее уже позади.

Он обогнул сарай и направил снегоход обратно по их собственному следу. «Оверлук» к этому времени превратился в огромный, устремленный в небо факел. В стенах образовались внушительные бреши, и внутри полыхало поистине адское пламя. По уцелевшим водостокам бежали горячие грязные потоки растаявшего снега.

Снегоход выкатил на переднюю лужайку, освещенную как днем. Огромные сугробы окрасились в алый цвет.

— Посмотрите! — воскликнул Дэнни, когда Холлоран притормозил у главных ворот. Он указывал в сторону игровой площадки.

Все создания из живой изгороди находились на своих местах, но превратились в почерневшие остовы. Покрытые сажей переплетения веток походили на обгоревшие скелеты, жалкие кучки опавших листьев валялись на снегу.

— Они мертвы! — вскричал Дэнни с истеричным триумфом. — *Мертвы! Они мертвы!*

— Тсс, — чуть охладила его пыл Уэнди. — Не надо кричать, милый. Так и должно быть.

— Эй, док, — подал голос Холлоран. — Не пора ли нам отправиться в места потеплее этих? Ты готов?

— Да, — прошептал Дэнни. — Давно готов.

Холлоран аккуратно провел снегоход между столбом и приоткрытой створкой ворот. Минутой позже они уже выехали на дорогу, ведущую вниз к Сайдуайндеру. Скоро звук мотора затих, заглушенный непрестанным завыванием ветра, который выбивал ритм, постукивая обнажившимися ветками живой изгороди. Огонь бушевал с неукротимой злобой. Через некоторое время после того, как пропал звук снегохода, обрушилась крыша «Оверлука» — сначала западная сторона, потом восточная, а последней осела кровля фасада. Огромные снопы искр и мелких горящих обломков, из которых ветер скручивал затейливые спирали, взлетели в стонущее ночное небо.

Один из порывов ветра отнес куски горящей дранки с крыши отеля к двери сарая для инвентаря и закинул внутрь.

Совсем скоро сарай тоже занялся.

Им оставалось до Сайдуайндера не меньше двадцати миль, когда Холлоран сделал остановку, чтобы залить в бак остатки бензина из канистры. Его очень волновало состояние Уэнди Торранс, которой становилось все хуже. А дороге не было видно конца.

— *Дик!* — вдруг закричал Дэнни, который встал ногами на сиденье и указывал куда-то рукой. — *Посмотрите, Дик! Посмотрите туда!*

Снегопад к этому времени полностью прекратился, и в разрывах облаков огромным серебряным долларом поблескивала луна. Все еще очень далеко внизу, но явно направляясь в их сторону, по изгибам горной дороги двигалась цепочка огней. Ветер тоже затих, и Холлоран отчетливо расслышал треск моторов снегоходов.

Пятнадцать минут спустя Холлоран, Уэнди и Дэнни встретились с группой спасателей. Они привезли с собой горы теплой одежды, запас бренди и доктора Эдмондса.

Затянувшаяся тьма окончательно развеялась.

Глава 58
ЭПИЛОГ. ЛЕТО

Проверив салаты и перепоручив помощнику наблюдение за кастрюлей с фасолью по-домашнему, которую на этой неделе они подавали в качестве гарнира, Холлоран развязал тесемки фартука, повесил его на крючок и выскользнул через черный ход. У него оставалось около сорока пяти минут, после чего придется взяться за ужин всерьез.

Отель назывался «Красная стрела» и располагался среди холмов на западе штата Мэн, в тридцати милях от городка под названием Рэнгли. Ему подвернулась отличная работенка, как считал сам Холлоран. Постояльцев было не слишком много, но зато они не скупились на чаевые, и еще ни разу ни одна капризная сволочь не отправила поданное блюдо обратно на

кухню. Совсем неплохо, учитывая, что сезон постепенно близился к концу.

Холлоран прошел мимо бара, открытого бассейна (он никак не мог взять в толк, зачем людям бассейн, когда в двух шагах чистейшее озеро с отличным пляжем), пересек длинную лужайку, где группа гостей со смехом играла в крокет, и поднялся на небольшую возвышенность. Здесь росли сосны, и легкий ветер шумел в кронах, разнося по округе ароматы сладкой хвои и свежей смолы.

На противоположном склоне холма среди деревьев расположились несколько бунгало с видом на озеро. Лучшее из них стояло с самого края, и Холлоран позаботился заказать его для двоих постояльцев еще в апреле, когда договорился, что будет здесь работать.

На крыльце в кресле-качалке сидела женщина с книгой в руках. Холлоран уже в который раз не мог не поразиться произошедшей в ней перемене. Отчасти это, конечно же, объяснялось несколько неестественной, прямой позой, слишком формальной посреди столь располагающего к расслабленности пейзажа. Но причиной тому был спинной бандаж. Помимо сломанных ребер и целого набора внутренних повреждений, у нее нашли перелом позвоночника, который заживал очень медленно, и ей приходилось носить бандаж... отсюда и строгая поза. Но перемена заключалась не только в этом. Она выглядела намного старше и намного реже улыбалась. Однако сейчас, когда она сидела в одиночестве и читала, Холлорану бросилась в глаза серьезная красота этой леди, которой не было в день их первой встречи, имевшей место почти девять месяцев назад. Если разобраться, тогда Уэнди была еще девчонкой. А сейчас превратилась в женщину — в человека, побывавшего на обратной стороне луны и сумевшего выжить, вновь собрать вместе осколки своей жизни. Вот только осколки эти, как прекрасно понимал Холлоран, уже невозможно было соединить. Только не в этом мире.

Услышав его шаги, Уэнди подняла взгляд и закрыла книгу.

— Дик! Привет! — Она начала вставать ему навстречу, и ее лицо исказила едва заметная гримаса боли.

— Нет, не вставайте, — сказал он. — Я люблю церемонии, но тогда мне нужно сбегать за смокингом и галстуком.

Она улыбнулась, а он поднялся на крыльцо и уселся на ступеньках.

— Как идут дела?

— Неплохо, — ответил он. — Сегодня вечером вам предстоит отведать давно обещанных креветок по-креольски. Пальчики оближете, обещаю.

— Не сомневаюсь.

— А где Дэнни?

— Там, — показала она, и Холлоран увидел маленькую фигурку, сидевшую на самом краю причала. На мальчике были закатанные до колен джинсы и рубашка в красную полоску. Чуть дальше из безмятежной поверхности воды торчал поплавок. Время от времени Дэнни подтягивал его к себе, проверял наживку и снова забрасывал удочку.

— Он загорел, — заметил Холлоран.

— Да, — кивнула она, любовно глядя на сына.

Холлоран достал сигарету, размял ее и прикурил. Дымок лениво потянулся вверх.

— А что со снами? Он продолжает их видеть?

— Да, но стало намного лучше, — ответила Уэнди. — Теперь это случается не чаще раза в неделю. А ведь совсем недавно кошмары посещали его каждую ночь, причем неоднократно. Взрывы. Живые зеленые хищники. А хуже всего... Впрочем, вы сами знаете.

— Знаю. Но все постепенно образуется, Уэнди.

— Вы так думаете? — Она пристально посмотрела на него. — А я порой начинаю в этом сомневаться.

Холлоран кивнул:

— Вы с ним приходите в норму. Да, вы стали другими и никогда уже не будете такими, как раньше. Но кто сказал, что это плохо?

Они помолчали. Уэнди чуть покачивалась в кресле, а Холлоран забросил ступни на поручни крыльца и курил. Налетел легкий ветерок, прокладывая свой никому не ведомый маршрут среди деревьев, чуть взъерошил коротко остриженные волосы Уэнди.

— Я решила поймать Эла — то есть мистера Шокли — на слове и принять его предложение, — сказала она.

Холлоран согласился:

— Мне кажется, работа вам подходит. Быть может, вы даже увлечетесь. Когда нужно приступать?

— Уже после Дня труда. Когда мы с Дэнни уедем отсюда, сразу отправимся в Мэриленд, чтобы подыскать жилье. Знаете, последним аргументом, убедившим меня, стала брошюра торговой палаты. Мне понравился город. Он кажется вполне подходящим, чтобы растить сына. И мне очень хочется поскорее начать зарабатывать, чтобы не растрачивать страховку, полученную за Джека. Там осталось больше сорока тысяч долларов. Этого хватит, чтобы оплатить учебу Дэнни в колледже, а если правильно вложить деньги, он сможет потом какое-то время просто жить на них.

Холлоран спросил:

— А что ваша матушка?

Она посмотрела на него с усмешкой:

— Надеюсь, Мэриленд от нее достаточно далеко.

— Но вы же *не забудете о своем друге, правда?*

— Дэнни мне не позволит. Спускайтесь и поговорите с ним. Он ждал встречи с вами с самого утра.

— Я тоже.

Холлоран поднялся и расправил свой белый поварской наряд.

— У вас все будет хорошо, — повторил он. — Мне кажется, вы должны уже и сами это понимать.

Она посмотрела на него, и на этот раз ее улыбка была намного теплее.

— Да, — ответила она, взяла его руку и поцеловала. — Порой я действительно начинаю в это верить.

— Сегодня у нас креветки по-креольски, — повторил он. — Не забудьте.

— Не забуду.

Он спустился по крутой гравийной тропе, которая вела к причалу, а потом прошел по старым скрипучим доскам до конца, где расположился Дэнни, опустивший босые ступни в прозрачную воду. За причалом раскинулось озеро, и в нем отража-

лись росшие вдоль берега сосны. Здешнюю местность тоже можно было назвать гористой, но только горы тут были очень старые, сглаженные временем в пологие холмы. Холлоран ничего не имел против.

— Как улов? — спросил он, усаживаясь рядом с Дэнни. Снял один ботинок, потом другой и с легким вздохом погрузил уставшие ноги в прохладную воду.

— Пока ничего не поймал. Но недавно у меня клевало.

— Ничего. Завтра с утра возьмем катер. Настоящая рыба, которая годится в пищу, ловится только на глубине, мой мальчик. Там притаились настоящие громадины.

— Они действительно большие?

Холлоран пожал плечами:

— Акулы, марлины, киты... Достаточно крупные для тебя?

— Здесь не могут водиться киты!

— Я же говорю не о настоящих голубых китах. Конечно, таких нет. Здешние всего-то футов восемьдесят длиной. Розовые киты.

— Как же они попадают сюда из океана?

Холлоран положил ладонь на золотистые волосы мальчика и чуть растрепал их.

— Они плывут по рекам против течения, дорогой мой. Вот так и добираются до озер.

— Неужели это правда?

— Честное слово.

Они немного помолчали, любуясь совершенно гладкой поверхностью воды. Холлоран задумался о своем, а когда снова бросил взгляд на Дэнни, увидел, что у того в глазах стоят слезы.

Обняв мальчика за плечи, он спросил:

— О чем ты тоскуешь сейчас?

— Так, ни о чем, — прошептал Дэнни.

— Скучаешь по папе, верно?

Дэнни кивнул:

— От вас ничего не скроешь.

Слезинка выкатилась из уголка его глаза и медленно стекла вниз по щеке.

— Между нами не может быть секретов, — согласился с ним Холлоран. — Так уж мы с тобой устроены.

Глядя на удочку, Дэнни сказал:

— Иногда я думаю, что это должен был быть я. Ведь это была моя вина. Только моя — и ничья больше.

— Надеюсь, ты не заводишь подобных разговоров с мамой, а? — спросил Холлоран.

— Нет, конечно. Она хочет как можно скорее обо всем забыть. Я тоже, но только...

— Никак не можешь?

— Не могу.

— Тебе нужно выплакаться?

Мальчик хотел ответить, но слова утонули во всхлипе. Он прислонился головой к плечу Холлорана и безудержно разрыдался. Холлоран лишь молча обнимал его. Дэнни будет плакать еще не один раз, и с этим ничего не поделаешь. И вообще парню повезло — он еще малыш, может себе это позволить. Целительные слезы всегда причиняют боль.

Когда Дэнни немного успокоился, Холлоран сказал:

— Ты с этим справишься. Сейчас тебе трудно в это поверить, но ты справишься. Ведь у тебя есть сия...

— Как бы мне хотелось, чтобы его не было! — все еще задыхаясь от слез, воскликнул Дэнни. — Как бы я хотел никогда не обладать этим даром!

— Но он у тебя есть, — тихо возразил Холлоран. — Хорошо это или плохо, но есть. И с этим ты, мой мальчик, ничего не можешь поделать. Однако худшее уже позади. Ты можешь использовать свой талант, чтобы общаться со мной, если станет тяжело на душе. А если сделается вообще невмоготу, позови, и я приеду к тебе.

— Даже в Мэриленд?

— Куда угодно.

Оба снова затихли, наблюдая за поплавком, который плавал в тридцати футах от края причала. Потом Дэнни спросил так тихо, что его едва можно было расслышать:

— И вы действительно останетесь моим другом?

— Пока ты сам будешь хотеть этого.

Дэнни крепко вцепился в него, и Холлоран обнял мальчика в ответ.

— А теперь послушай меня, Дэнни. И послушай внимательно, потому что я скажу тебе это только один раз. Есть вещи, о которых ни одному шестилетнему мальчику знать не положено, но мир устроен так, что реальность не всегда соответствует нашим ожиданиям. Наш мир очень жесток, Дэнни. И я принимаю это как должное. Нельзя сказать, что этот мир ненавидит нас с тобой, но он нас и не любит. Происходят жуткие события, и никто не может объяснить почему. Хорошие люди умирают порой мучительной смертью, оставляя в одиночестве тех, кто любил их. Иногда действительно создается впечатление, что только плохие люди живут и здравствуют. Мир не любит тебя, Дэнни, но тебя любит мама, и я тоже. Ты славный мальчик. Ты горюешь по отцу, но когда тебе делается невыносимо при мысли о том, что с ним случилось, и тебе хочется плакать — запрись в стенном шкафу, спрячься под одеялом и уж тогда выплачь свое горе. Только так должен поступать хороший сын. И постарайся продолжать жить нормальной жизнью. Это твоя миссия в нашем злом мире. Сохранить в себе чувство любви и держаться, что бы с тобой ни происходило. Взять себя в руки и продолжать идти по жизни.

— Хорошо, — прошептал Дэнни. — Но следующим летом я снова приеду к вам, если вы не против... Следующим летом мне уже исполнится семь.

— А мне — шестьдесят два. Но все равно я обниму тебя так крепко, что у тебя мозги из ушей полезут. Однако давай дадим закончиться одному лету, прежде чем думать о следующем.

— Хорошо. — Он посмотрел на Холлорана. — Дик...

— Что?

— Вы ведь еще не скоро умрете, правда?

— Я стараюсь не задумываться об этом. И тебе не советую.

— Но я только...

— У тебя клюет, дружище. — Холлоран ткнул пальцем в поплавок. Красно-белый стержень ушел под воду, на мгновение снова всплыл, потом нырнул еще глубже.

— Ого! — воскликнул Дэнни в возбуждении.

Незаметно к ним спустилась Уэнди и встала за спиной у сына.

— Что это может быть? — спросила она. — Щуренок?

— Нет, мэм, — ответил Холлоран. — Я лично уверен, что это розовый кит.

Удилище согнулось. Дэнни подсек, и длинная радужная рыбина показалась над водой, блеснув чешуей на солнце. Дэнни яростно крутил катушку, тяжело дыша от волнения.

— Помогите мне, Дик! Я поймал ее. Помогите же!

Но Холлоран лишь рассмеялся.

— Вы прекрасно справитесь без моей помощи, юноша. Быть может, на крючок попал все-таки не кит, а радужная форель, но, как мне кажется, и это неплохо. Совсем неплохо.

Он обнял Дэнни за плечи. Мальчик постепенно подтягивал рыбу к себе. Уэнди пристроилась рядом, и какое-то время все трое так и сидели на краю причала в лучах послеполуденного солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 7

Часть первая. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1. Собеседование 11
Глава 2. Боулдер 21
Глава 3. Уотсон 27
Глава 4. На теневой стороне 39
Глава 5. Телефонная будка 51
Глава 6. Ночные размышления 62
Глава 7. В другой спальне 76

Часть вторая. ОКОНЧАНИЕ СЕЗОНА

Глава 8. Вид на «Оверлук» 78
Глава 9. Большой отъезд 83
Глава 10. Холлоран 90
Глава 11. Сияние 101
Глава 12. Большая экскурсия 114
Глава 13. На террасе 126

Часть третья. ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Глава 14. На крыше 129
Глава 15. Во дворе перед отелем 145
Глава 16. Дэнни 150
Глава 17. На приеме у доктора 171
Глава 18. Альбом с вырезками 191
Глава 19. Перед номером 217 210
Глава 20. Разговор с мистером Уллманом 220
Глава 21. Ночные размышления 234
Глава 22. В пикапе 250
Глава 23. Игровая площадка 256

Глава 24. Снег 264
Глава 25. В номере 217 265

Часть четвертая. В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ
Глава 26. Территория сновидений 275
Глава 27. Кататония 284
Глава 28. «Это была она!» 292
Глава 29. Разговор на кухне 302
Глава 30. Снова в номере 217 310
Глава 31. Вердикт 316
Глава 32. В спальне 317
Глава 33. Снегоход 339
Глава 34. Живая изгородь 351
Глава 35. В вестибюле 361
Глава 36. Лифт 366
Глава 37. Бальный зал 372

Часть пятая. ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ
Глава 38. Флорида 380
Глава 39. На лестнице 397
Глава 40. В подвале 401
Глава 41. Средь бела дня 407
Глава 42. В полете 412
Глава 43. Выпивка за счет заведения 416
Глава 44. Светские беседы 423
Глава 45. Аэропорт Стейплтон, Денвер 436
Глава 46. Уэнди 443
Глава 47. Дэнни 460
Глава 48. Джек 462
Глава 49. Холлоран отправляется в горы 468
Глава 50. Ром 477
Глава 51. Прибытие Холлорана 487
Глава 52. Уэнди и Джек 494
Глава 53. Холлоран поверженный 500
Глава 54. Тони 506
Глава 55. То, о чем забыли 513
Глава 56. Взрыв 521
Глава 57. Исход 526
Глава 58. Эпилог. Лето 534

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

Сияние

Роман

Редакторы К. Егорова, С. Тихоненко
Ответственный корректор И. Мокина
Компьютерная верстка Р. Рыдалин
Технический редактор О. Панкрашина

Подписано в печать 06.02.18. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 28,56. Доп. тираж 15 000 экз. Заказ № 1353.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Культовый роман Стивена Кинга.
Роман, который и сейчас, спустя тридцать с лишним лет после триумфального выхода в свет, читается так, словно был написан вчера. Книга, вновь и вновь издающаяся едва ли не на всех языках мира. Перед вами — одно из лучших произведений Мастера в новом переводе!

...Проходят годы, десятилетия, но потрясающая история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

Какое же бесстрашное воображение должно быть у писателя, создавшего подобную книгу!
«The Observer»

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-080493-1
9 785170 804931 >